

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2 0 1 5

№ 3
(53)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антоян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Европейский институт JUSTO;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the European Institution JUSTO;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasian Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Подшибякин А.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Стариллов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Podshibiyakin A.S., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Суверенитет национального государства в условиях глобализационных процессов

Палазян А.С., Городенцев Г.А. Девиантное поведение молодежи и распространение экстремизма как социально-правовая проблема

Рябченко А.Г. Правовой статус должностных лиц полиции, уполномоченных осуществлять дознавательно-следственную деятельность в Российской империи (конец XVIII – середина XIX века)

Городенцев Г.А., Шеуджен Н.А. Молодежный экстремизм в условиях современного российского общества: факторы генезиса и особенности проявления

Савенко Т.Н. Теоретико-правовые вопросы финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления

Архиреева А.С. Теоретико-правовые основы института государственной службы

Подерега С.В. Принятие Конституции СССР 1936 года и особенности регулирования в ней института местных Советов депутатов трудящихся

Рассказов В.Л. Деятельность сыскной полиции Петербурга в начале XX века

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Кортиаев Т.Ю. Влияние политических факторов на основы конституционного функционирования институтов государственной власти и гражданского общества

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Бутенко А.А. Проблемы правового статуса добросовестного приобретателя при осуществлении его охраны и защиты

Ростовцева А.М. Унификация членства участников корпоративных организаций и их закрепление в современном гражданском законодательстве

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кадников Н.Г., Дайшутов М.М. К вопросу о категоризации преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации

10 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

10 **Karnaushenko L.V.** The sovereignty of the national state in the conditions of globalization

14 **Palazyan A.S., Gorodentsev H.A.** Deviant behaviour of young people and the spread of extremism as a socio-legal problem

18 **Ryabchenko A.G.** The legal status of police officers authorized to carry out inquiry and investigative activities in the Russian Empire (the end of XVIII – the middle of XIX century)

22 **Gorodentsev H.A., Sheudzhen N.A.** Youth extremism in the modern Russian society: genesis factors and manifestation peculiarities

26 **Savenko T.N.** Questions of financial and economic independence of local government

31 **Arkhireeva A.S.** Legal bases of institute of public service

36 **Poderega S.V.** Adoption of the Constitution of the USSR of 1936 and features of the regulation of institutions of local Soviets

40 **Rasskazov V.L.** The activities of the detective police of St. Petersburg in the early twentieth century

44 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

44 **Kortiaev T.Yu.** The influence of political factors on the basis of the constitutional functioning of the institutions of government and civil society

48 CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS

48 **Butenko A.A.** Legal status of bona fide purchaser in exercising its protection

51 **Rostovtseva A.M.** Unification membership of the members of the corporate organizations and their fixation in modern civil law

56 CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE

56 **Kadnikov N.G., Dayshutov M.M.** To the issue of categorization of crimes in the Criminal code of the Russian Federation

- Кадников Н.Г., Кадников Б.Н., Коробец Б.Н.** К вопросу о новеллах уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации **60** *Kadnikov N.G., Kadnikov B.N., Korobets B.N.* To the question about the novels of the criminal law in the light of a theory of criminalization and decriminalization
- Чечель Г.И., Третьяк М.И.** Мошенничество: вопросы квалификации **63** *Chechel G.I., Tretyak M.I.* Fraud: issues of qualification
- Журавленко Н.И., Шведова Л.Е.** Проблемы борьбы с киберпреступностью и перспективные направления международного сотрудничества в этой сфере **66** *Zhuravlevko N.I., Shvedova L.E.* Problems of fight against cybercrime and future directions of international cooperation in this field
- Кашкаров А.А.** Экзистенциальные и морально-нравственные аспекты психолого-правовой характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами органов публичной власти **71** *Kashkarov A.A.* Existential and moral-ethical aspects of physiological-legal characteristics of the crimes, committed by the officials of the public power organs
- Максимов П.В., Забавко Р.А.** Частноправовые и публично-правовые предпосылки уголовно-правовой охраны окружающей природной среды **76** *Maksimov P.V., Zabavko R.A.* Private law and public law bases of criminal law protection of the environment
- Абрамов А.Л.** О пределах правомерности крайней необходимости в деятельности медицинских работников **81** *Abramov A.L.* On the limits of legality extreme necessity in activities of medical workers
- Алверцяи Ж.А.** История становления и развития ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения в уголовном законодательстве России **84** *Alvrtsyan Zh.A.* The history of formation and development of liability for the illegal occupation of automobile or other vehicle without theft in Russian criminal law
- Алдохина В.В.** Компенсация вреда, причиненного преступлениями экстремистской направленности **90** *Aldokhina V.V.* Compensation of the harm caused with crimes of extremist orientation
- Асланян Р.Г.** Взаимосвязь признаков субъективной стороны состава преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности **93** *Aslanyan R.G.* Relationship of signs of the subjective side of corpus delicti and information as subject of crimes in the sphere of economic activity
- Иванов А.Ю.** Объективная сторона реабилитации нацизма (части 1, 2 статьи 354¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) **98** *Ivanov A.Yu.* Actus reus of Nazism's rehabilitation (parts 1, 2 of article 354¹ of the Criminal code of the Russian Federation)
- Климаков Л.Л.** Ретроспективный анализ возникновения и развития ответственности за организованную преступную деятельность (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты) **101** *Klimakov L.L.* A retrospective analysis of the emergence and development of responsibility for organized criminal activity (criminal and penal aspects)
- Москвичев А.А.** К вопросу о криминализации специальных видов пособничества в преступлении **105** *Moskvichev A.A.* To the issue of criminalization of specific types of complicity in a crime
- Таракина К.Э.** Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве **109** *Tarakina K.E.* Private-public prosecution for fraud
- Тарасенко Г.В.** Понятие и критерии добровольности в российском уголовном праве **113** *Tarassenko G.V.* The concept and criteria of voluntariness in the Russian Criminal law
- Хуаде А.Х.** Уголовно-правовая охрана частной жизни в некоторых странах Западной Европы **118** *Khuade A.Kh.* Criminal law protection of private life in some Western Europe countries

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Иванцов С.В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности

Игнатов А.Н. Криминологический анализ социально-демографических характеристик жертв насильственных преступлений

Клюковская И.Н., Клюковская И.В. «Коррупциология»: становление и перспективы развития в российской криминологии

Рубачева Е.Л., Добровольская А.В. О проблеме семейного насилия над несовершеннолетними

Рябова Л.В., Иониди Л.В. Анализ преступности в Ставропольском крае (2009–2013 годы)

Садило А.Н. К вопросу о профилактике религиозного экстремизма

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Ульянов В.Г. Появится ли новое процессуальное лицо в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации?

Адаменко И.Е. К вопросу о месте реального, абстрактного и идеализированного типов знания в разрешении проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона

Башинская И.Г. Процессуальные проблемы изъятия предметов и документов в ходе доследственной проверки

Дмитриева А.А. Законодательные предпосылки и тенденции повышения эффективности процесса государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства

Машовец А.О., Босов А.Е. О путях расширения применения института присяжных заседателей в уголовном процессе

Рудич В.В., Ураков Д.И. О понятии и сущности публичного уголовного преследования в российском судопроизводстве

Топчиева Т.В., Титова К.А. К вопросу о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве

Гусейнов Н.А. Дознание в сокращенной форме: новый вид предварительного расследования

Кабанцов Ю.Н. Основные правила производства дознания в общем порядке

Хазиков А.А. О некоторых проблемах совершенствования процессуального положения руководителя следственного органа

122 THE PREVENTION OF CRIMINALITY

122 Ivantsov S.V. Criminological forecasting and planning of crime prevention

128 Ignatov A.N. Criminological analysis of the socio-demographic characteristics of victims of violent crimes

133 Klyukovskaya I.N., Klyukovskaya I.V. «Corruptiology»: formations and perspectives of development in Russian criminology

136 Rubacheva E.L., Dobrovolskaya A.V. On the problems of family violence to minors

139 Ryabova L.V., Ionidi L.V. Analysis of criminality in Stavropol region (2009–2013)

146 Sadilo A.N. On the issue of prevention of religious extremism

150 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

150 Ulyanov V.G. Will there be a new procedural entity in the Criminal procedure code of the Russian Federation?

155 Adamenko I.E. On the problem of the place of the real, abstract and idealized types of knowledge in solving the problem of increasing the quality of implementation of criminal procedure law

159 Bashinskaya I.G. Procedural issues of seizure of objects and document during the pre-investigation inspection

163 Dmitrieva A.A. Legislative prerequisites and tendencies of increase of efficiency of process of the state protection and safety of participants of criminal legal proceedings

169 Mashovets A.O., Bosov A.E. Ways of enhancing the application the institute of jurors in criminal procedure

172 Rudich V.V., Urakov D.I. On the concept and scope of public prosecution in Russian proceedings

176 Topchieva T.V., Titova K.A. To the issue of the legal origin of pre-trial cooperation agreement

179 Guseinov N.A. Inquiry in abbreviated form: new type of preliminary investigation

184 Kabantsov Yu.N. Basic rules of production inquiry in general order

189 Chasikov A.A. About some problems of improvement procedural status of the head of the investigative body

**РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Садыков А.У. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при подготовке и проведении допросов

Куемжиева С.А., Зеленский В.Д. О принципах криминалистической методики

Важенин В.В., Имаков Т.З. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности

Кольчурин А.Г. Использование в доказывании по уголовному делу информации, полученной из иных источников

Перякина М.П., Щуров Е.А., Еремченко В.И. Тактические особенности производства очной ставки между тремя и более допрашиваемыми лицами

Самоделькин А.С. Современное состояние правового регулирования координации оперативно-розыскной деятельности

Федорович Д.Ю. Вопросы организации оперативно-розыскного обеспечения расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности

Подшивалов А.П. Проблемные вопросы взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел в раскрытии и расследовании краж чужого имущества

Табакова Н.А. Особенности выявления и расследования налоговых преступлений в Германии

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Занина Т.М., Крицкая М.С. Проблемы и перспективы реализации концепции общественной оценки деятельности полиции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Дмитриев С.Н. Система транспортной безопасности нуждается в оптимизации

Занина Т.М., Нехорошеева С.С. Регулирование ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение своих обязанностей по российскому административному законодательству

Затолокин А.А. Обязательное страхование автогражданской ответственности как государственная услуга

**193 DISCLOSURE AND INVESTIGATION
OF CRIMES**

193 Sadykov A.U. Use of results of operational search activity during preparation and carrying out interrogations

197 Kuemzhieva S.A., Zelensky V.D. On the principles of forensic techniques

205 Vazhenin V.V., Imakov T.Z. Issues of operational-search software detection and investigation of crimes of an extremist

210 Kolchurin A.G. Use in proof on criminal case of information received from other sources

213 Peryakina M.P., Schurov E.A., Eremchenko V.I. Tactical features of production of a confrontation between three and more interrogated persons

218 Samodelkin A.S. The current state of legal regulation of the coordination of operational search activity

224 Fedorovich D.Yu. Issues of the organization of operational-search support investigation of conventional crimes against personal freedom

228 Podshivalov A.P. Problematic issues of interaction between departments of the internal affairs agencies in the detection and investigation of theft of another's property

232 Tabakova N.A. Features detection and investigation tax crimes in Germany

**236 LAW-ENFORCEMENT
ACTIVITY: HISTORY
AND PRESENT**

236 Zanina T.M., Kritskaya M.S. Problems and prospects of public evaluation concept implementing in the sphere of public order and public safety protection by police

**242 ADMINISTRATIVE LAW
AND ADMINISTRATIVE PROCESS**

242 Dmitriev S.N. Transport security system needs to be optimized

249 Zanina T.M., Nekhorosheva S.S. Regulation of the responsibility of parents or other legal representatives of minors for failure to perform their duties under the Russian administrative legislation

254 Zatolokin A.A. Insurance of civil liability of vehicle drivers as a public service

<i>Подгайный А.М.</i> Проблемы правовой оценки действий сотрудников полиции в условиях крайней необходимости	259	<i>Podgainyi A.M.</i> Problems of legal evaluation of the actions of the police in situations of urgency
<i>Шиенкова А.С.</i> Деятельность сотрудников полиции при выявлении административных правонарушений на объектах транспортной инфраструктуры	263	<i>Shienkova A.S.</i> The activities of the police when detecting administrative offences on the transport infrastructure
<i>Сенченко В.В.</i> Проблемные вопросы миграционных процессов в России	267	<i>Senchenko V.V.</i> Issues of migration processes in Russia
<i>Техов Д.Н.</i> О некоторых проблемах допустимости протокола осмотра места совершения административного правонарушения как источника доказательств	272	<i>Tekhov D.N.</i> On some problems of admissibility protocol inspection of the administrative offense as a source of evidence
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	277	FINANCIAL LAW
<i>Бит-Шабо И.В.</i> К вопросу о правовом регулировании ответственности государственных социальных внебюджетных фондов: проблемы научной дифференциации	277	<i>Bit-Shabo I.V.</i> To the question of legal regulations of state non-budgetary funds liability: the aspects of academic differentiation
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	284	ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
<i>Клейберг Ю.А.</i> Социально-психологические предпосылки формирования девиантного имиджа личности подростка	284	<i>Klayberg Yu.A.</i> Socio-psychological prerequisites for the formation of deviant image adolescent's personality
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	289	QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE
<i>Самойлов С.Ф.</i> Ценностные ориентиры как фактор формирования мировоззрения сотрудников правоохранительных органов	289	<i>Samoilov S.F.</i> Value orientation as a factor of formation of worldview of law enforcement officials
<i>Тагиров Ф.В.</i> Шизосубъект и паралогическое постижение Другого в неинструментальной коммуникации	295	<i>Tagirov Ph.V.</i> Schizo-subject and paralogical knowing of the Other in non-instrumental communication
<i>Тимченко А.А.</i> Негативные эффекты трансформации процесса преемственности и смены поколений в России	302	<i>Timchenko A.A.</i> The negative effects of the transformation process of succession and generational change in Russia
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	306	ECONOMY QUESTIONS
<i>Спирина С.Г.</i> Сценарный подход к финансовой устойчивости предприятий и корпораций	306	<i>Spirina S.G.</i> The scenario approach to financial sustainability of enterprises and corporations
ОБЩЕСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	311	SOCIETY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW
<i>Костюченко Н.И.</i> Проблемы теории и практики управления социальными системами на современном этапе	311	<i>Kostychenko N.I.</i> Problems of theory and practice of management of social systems at the present stage
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ	316	TOPICAL QUESTIONS OF SCIENCE AND PRACTICE
<i>Белоусов С.А.</i> Дисбаланс в системе российского законодательства: необходимость и основные направления общетеоретического исследования	316	<i>Belousov S.A.</i> The disbalance in the system of the Russian legislation: the necessity and basic directions of theoretical research

Бондарев С.П. Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства: признаки объективной стороны	320	Bondarev S.P. Fictitious registration of citizen of the Russian Federation at the place of stay or residence: the signs of the objective side
Ветер Н.С. Обход закона и злоупотребление правом при защите гражданских прав	324	Veter N.S. Circumvention of the law and abuse of rights in the protection of civil rights
Гаджиев М.О. Причины и условия преступного поведения условно осужденных	327	Hajiyev M.O. The causes and conditions of criminal behavior conditionally sentenced
Горбачев М.А. О месте сексуальных преступлений в системе законодательства современных зарубежных стран: сравнительный анализ	331	Gorbachev M.A. The place of sexual offenses in the laws of modern foreign countries: a comparative analysis
Дудченко А.В. Особенности гражданско-правовой ответственности по договору перевозки грузов и пассажиров	335	Dudchenko A.V. Features of civil liability under the contract of carriage of goods and passengers
ОТЗЫВЫ	338	REVIEWS
Брылев В.И. Отзыв официального оппонента на диссертацию Карновича Сергея Анатольевича на тему «Совершенствование методики расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность	338	Brylev V.I. Response of the official opponent on the thesis of Karnovich Sergey Anatolyevich on the subject «Improvement of a technique of investigation of illegal transportation of drugs and psychotropic substances with railway and air transport» presented on competition of an academic degree of the Master of Law in the specialty 12.00.12 – criminalistics; judicial and expert activity; operational search activity
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	341	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS
ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК	342	REGISTRATION OF BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Суверенитет национального государства в условиях глобализационных процессов

Происходящие в конце XX – начале XXI в. масштабные трансформационные процессы привели к генезису глобального информационного общества, в котором оказываются в значительной мере девальвированными пространственно-временные и национальные границы. В новых условиях ускоряющихся глобализационных процессов в центре внимания ученых оказывается, в том числе, проблема суверенитета национального государства.

Ключевые слова: глобализация, национальное государство, суверенитет, социально-политические отношения, информационное общество, информационно-компьютерные технологии.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

The sovereignty of the national state in the conditions of globalization

Happening at the end of XX – beginning of XXI century large-scale transformation processes led to the genesis of the global information society, which are largely devalued spatio-temporal and national boundaries. In the new conditions of accelerating globalization processes in the focus of scientists including the issue of sovereignty of the national state.

Key words: globalization, nation state, sovereignty, socio-political relations, information society, information and computer technologies.

Уже во второй половине XX в. в мире стали отчетливо проявляться признаки, свидетельствующие о формировании принципиально нового общества. Для его характеристики часть ученых предпочитали использовать термин «постиндустриальное», часть – «информационное» общество. Новая форма социальной организации опирается на компьютерные, телекоммуникационные и инновационные коммуникативные технологии, позволяющие значительно интенсифицировать социальные действия и взаимодействия в социуме. Помимо этого, общество столкнулось с эффектами виртуализации социального пространства, постепенной замены электронными коммуникационными элементами реальных, физических структур. В сложившейся ситуации закономерно возникает вопрос о том, насколько сильны позиции в социуме XXI в. традиционных социальных феноменов, явлений и процессов. Вместе с тем, остается неясным, какое место занимают в новом обществе инновационные структуры и институты, связанные с виртуализацией социального пространства, развитием информационных, компьютерных и телекоммуникационных технологий.

В частности, одним из проблемных аспектов нового общества является трансформация со-

циальных институтов и подсистем в контексте происходящих глобализационных и информатизационных процессов.

Стоит отметить, что общество начала XXI в. характеризуется ускорением процесса глобализации на основе развития информационно-коммуникационных технологий. Согласно одному из определений глобализация представляет собой «...процесс все возрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах» [1, с. 95].

Новое общество характеризуется наличием ряда социальных индикаторов, придающих ему неповторимый облик. Так, под воздействием «коммуникативной революции» наблюдается виртуальное и реальное сокращение расстояний и возрастание скорости передачи информации, что оказывает весьма существенное влияние на характер властных отношений как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. У современного человека расширились возможности обращаться к событиям в режиме реального времени, становиться их соучастником (особенно по мере роста социальной значимости глобальной компьютерной

сети Интернет). В целом прогресс информационно-коммуникационных технологий «сжимает» время и пространство, уменьшает значение национальных границ, дает индивидам ощущение приобщения к некоторой глобальной общности [2, с. 20–21].

Согласно концепции «глобальной деревни» канадского социолога М. Маклюэна сверхскоростные электронные СМК способствуют созданию новой социальной реальности. Происходит стирание пространственно-временных и национальных границ. Информационно-компьютерные и телекоммуникационные технологии позволяют создавать и поддерживать контуры глобального информационного общества с доминированием культурных и экономических форм. Таким образом «земной шар, связанный электричеством, – отмечал М. Маклюэн, – не больше деревни» [3].

Необходимо принимать во внимание вариативность и гибкость новой формы социальной организации. Глобальная мировая система, призванная способствовать торговле, коммуникациям, инновациям, оказалась легко переориентируемой и на решение задач деструктивного плана, например осуществление пропагандистских, манипулятивных мероприятий [4].

В условиях новой социальной реальности как никогда актуальными становятся проблемы государственной власти – основного регулятора социальных действий и взаимодействий, а также спектра инструментов обеспечения стабильности, недопущения различного рода социальных отклонений.

Э. Тоффлер обращает внимание на систему власти в глобальном информационном обществе и ее трансформацию, масштабы которой позволяют утверждать, что человечество вступило в «эру смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые» [5].

Процесс разрушения прежних властных структур и генезиса новых неразрывно связан, в том числе, с обостряющейся проблемой государственного суверенитета, его нового облика в условиях трансформирующегося общества.

Как справедливо отмечает С.В. Каламанова, «в настоящее время суверенитет является качественным признаком государства, сохраняя такие характеристики, которые выражают его сущность и ценность, как верховенство и независимость государства. Суверенитет ограничивается, а точнее государство само ограничивает свое верховенство внутри государства действующим правом. Кроме того, государство

обязано подчиняться условиям и правилам, закрепленным в международных договорах и нормах международного права, несоблюдение которых может привести к самоизоляции, отстранению государства и, как следствие, обществу от мирового сообщества и самоограничению, лишению возможности полноценного развития» [6].

А.Л. Бредихин рассматривает суверенитет как «необходимый признак государства, определяемый в единстве политического содержания, состоящего в возможности носителя верховной государственной власти независимо, самостоятельно формировать, а также осуществлять свою волю, и юридической формы, означающей закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти» [7, с. 108].

Л.Ю. Черняк указывает, что в XX в. проблема ограничения и отрицания государственного суверенитета вышла на новый уровень, чему способствовали как внешние, так и внутренние обстоятельства. Внешними причинами являются глобализация, увеличение общего числа международных организаций и международных союзов и т.д. К внутренним причинам необходимо отнести развитие институтов гражданского общества, увеличение числа сложных государств (федераций) и т.п. В первом случае речь идет о противопоставлении теории суверенитета и международного права, а во втором – о размывании понятия суверенитета изнутри [8, с. 4–12].

Стоит отметить, что внешние и внутренние причины ограничения и отрицания государственного суверенитета серьезным образом взаимосвязаны. Это вытекает из особенностей социальной архитектуры глобального информационного общества. Развитие демократии, гражданского общества становятся неотъемлемой частью не только (и не столько) национального государства, сколько наднациональной социальной реальности принципиально нового плана. Рассуждая об информационном или постиндустриальном обществе, исследователи часто обращают внимание именно на данную направленность происходящих в нем трансформаций. Идеи демократии и гражданского общества принимают характер объединяющих социокультурных, мировоззренческих установок. С учетом развития межгосударственных объединений, транснациональных корпораций контуры угроз государственному суверенитету прослеживаются достаточно четко.

Как отмечает С.В. Каламанова, «требования глобализации усиливают взаимозависимость государств, ведут к расширению полномочий международных, неправительственных и других организаций, а также интеграционных объединений, что способствует сотрудничеству, защите и воплощению их национальных интересов и достижению общих целей, содействует реализации государствами их суверенных прав» [6].

Однако государственный суверенитет отличается ярко выраженными институциональными характеристиками, позволяющими не «растворяться» в структурах глобального информационного общества, а адаптироваться и приспособливаться к условиям новой социальной, социокоммуникативной и социокультурной среды.

А.С. Кустарев отмечает, что государственный суверенитет в новых условиях меняет свое содержание и операциональность, будучи переосмыслен как ресурс, которым можно манипулировать. Глобализация не сужает, а, наоборот, расширяет возможности такого манипулирования. То, что происходит в мире сейчас, – это не кризис принципа юридического государственного суверенитета, а кризис материальной конфигурации глобального экономического пространства [9].

При этом ряд исследователей справедливо обращают внимание на то обстоятельство, что процесс глобализации, первоначально охватывавший преимущественно экономическую и культурную подсистемы общества, значительно расширил свое влияние на все основные подсистемы.

По мнению И.В. Вовк, в эпоху глобализации фундаментальные изменения захватывают всю сферу социально-политических отношений, которая вынуждена подстраиваться под новые реалии. Все большее значение и актуальность приобретает вопрос об эволюции роли государств и их взаимоотношений в стремительно меняющемся мире [10].

Интеграционные процессы, набирающие силу в глобальном мировом пространстве, приводят к возникновению ряда социальных эффектов. Разрушаются прежние и набирают силу новые контуры глобального геополитического пространства, происходит переопределение политического, экономического, культурного «веса» тех или иных государств.

Изучение процесса глобализации, анализ его эффектов позволил исследователям прийти к выводу о том, что суверенитет государства в современном мире, несмотря на ряд деструктивных тенденций, не утрачивает свое-

го социального влияния. Как отмечает С.В. Каламанова, «реальность и жизнеспособность государственного суверенитета определяется не субъективными пожеланиями или произвольными построениями, а существующими в действительности объективными условиями развития современного общества. Важность суверенитета государства объясняется тем, что историческая роль суверенных государств не закончена» [6].

Таким образом, мы можем отметить, что в условиях генезиса глобального информационного общества суверенитет государства испытывает влияние ряда факторов, носящих разнонаправленный характер. Часть данных факторов обладает потенциальной способностью оказать деструктивное воздействие на суверенитет государства. Речь идет о набирающих силу процессах экономической глобализации с доминированием транснациональных корпораций и крупного капитала; также находят свое отражение процессы культурной глобализации (с одной стороны, развитие транснациональной индустрии массовой культуры, определяющей облик национальных культур; с другой стороны, социокультурным содержанием перемен становится переход к западному образцу демократии, развитию институтов гражданского общества, формированию культуры и практики толерантности и пр., что представляет собой признак определенной экспансии либерально-демократической модели политического развития). Необходимо также принимать во внимание геополитические тенденции последних десятилетий, содержанием которых стало формирование общеевропейской интегративной системы (Европейский союз объединил 28 государств) и придание нового облика военно-политическим структурам, сменившим стратегию и тактику действий (как в случае с НАТО).

В новых условиях достаточно неустойчивого баланса экономических и культурных аспектов глобализации, с одной стороны, и геополитических, с другой, суверенитет национального государства испытал на себе влияние деструктивных факторов, но продемонстрировал свою устойчивость и жизнеспособность в новых условиях. Стоит отметить, что в настоящее время не оправдываются в полной мере прогнозы известных футурологов XX в. (М. Маклюэна, Э. Тоффлера, И. Масуды, З. Бжезинского и др.) о том, что в глобальном информационном обществе не будет места конфликтам уровня «холодной войны», угроза которых должна быть снята посредством стирания национальных

границ и объединения человечества в рамках новой надгосударственной реальности.

Стоит также подчеркнуть, что в настоящее время наличествуют признаки имплицитной угрозы суверенитету национального государства. Например, в аспекте молодежной политики, формировании национальной и культурной идентичности подрастающего поколения. Однако коммуникационные структуры глобального общества представляют собой альтернативный (и весьма эффективный, как показывает практика) институт воздействия на сознание и поведение молодого поколения (наряду с аналогичными структурами национального государства). В данном случае взаимодействие национального государства и глобального мира носит диалектический характер: государство стремится консолидировать население, осуществить патриотическое воспитание молодежи, поддерживать национальную, этническую и культурную идентичность. Глобальный мир, в свою очередь, демонстрирует направленность к всеобъемлющему культурному и экономическому воздействию, формированию «человека мира» в противовес «государственному человеку».

Постепенное размывание государственной идентичности также представляет собой угрозу суверенитету национального государства в

условиях стремительно набирающих скорость процессов «всемирной централизации». Особое внимание при анализе данной проблемы стоит обратить на значительно возросшие возможности информационно-коммуникационных технологий (прежде всего Интернета, спутникового телевидения). Используя эффекты аудиовизуальных коммуникаций, данные технологии наращивают значительный потенциал воздействия на сознание и поведение людей.

Прогнозируя развитие событий в среднесрочной перспективе (15–20 лет), стоит отметить, что анализ развития информационно-коммуникационных технологий и учет динамики социальной значимости Интернета и телекоммуникаций позволяют предположить весьма вероятную возможность создания виртуальной симуляционной надгосударственной глобальной структуры. Данная структура представляет собой потенциальную угрозу суверенитету государства, но окончательное развитие событий зависит от действия ряда факторов внешней и внутренней среды. При этом национальное государство обладает всеми необходимыми ресурсами для сохранения суверенитета, т.к. уровень и характер угроз, а также скорость развертывания деструктивных факторов не являются терминальными.

1. *Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.*

2. Иванов В.Н., Назаров М.М. *Массовая коммуникация в условиях глобализации // Социс. 2003. №10.*

3. McLuhan M., Fiore Q. *War and Peace in the Global Village. N.Y., 1968.*

4. *Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части X специализированного форума, 28–29 мая 2014 г. / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск, 2014.*

5. Тоффлер Э. *Третья волна. М., 2010.*

6. Каламанова С.В. *Суверенитет государства в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.*

7. Бредихин А.Л. *Суверенитет как политико-правовой феномен. М., 2012.*

8. Черняк Л.Ю. *Теория отрицания государственного суверенитета: основные подходы // Академический юридический журнал. 2008. № 1.*

9. Кустарев А.С. *Государственный суверенитет в условиях глобализации // Pro et Contra. 2006. № 4.*

10. Вовк И.Ю. *Суверенитет государств в условиях глобализации. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit5.html> (дата обращения: 12.01.2015).*

1. *The Russian sociological encyclopedia / gen. ed. by G.V. Osipov. Moscow, 1998.*

2. Ivanov V.N., Nazarov M.M. *Mass communication in the context of globalization // Socis. 2003. № 10.*

3. McLuhan M., Fiore Q. *War and Peace in the Global Village. N.Y., 1968.*

4. *Modern security systems – Antiterror: proc. of the Congress part X of the specialized forum, May 28–29, 2014) / resp. ed. A.V. Bugarin. Krasnoyarsk, 2014.*

5. Toffler E. *The third wave. Moscow, 2010.*

6. Kalamanova S.V. *State sovereignty in the context of globalization: diss. ... Master of Law. Moscow, 2011.*

7. Bredikhin A.L. *Sovereignty as a political and legal phenomenon. Moscow, 2012.*

8. Chernyak L.Yu. *Theory of denial of state sovereignty: the main approaches // Academic law journal. 2008. № 1.*

9. Kustarev A.S. *State sovereignty in the context of globalization // Pro et Contra. 2006. № 4.*

10. Vovk I.Yu. *The sovereignty of states in the context of globalization. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit5.html> (date of access: 12.01.2015).*

Палазян Арутюн Сергеевич

доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор

Городенцев Герман Александровичкандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583414)

Девиантное поведение молодежи и распространение экстремизма как социально-правовая проблема

Авторы отмечают, что в ситуации масштабных трансформаций социума возрастает угроза распространения девиаций в среде молодежи – особой социально-демографической группы, подверженной рискам вследствие неустойчивого социального и социокультурного статуса. Перед государством возникает ряд социально-правовых проблем, успешное решение которых позволит преодолеть дезорганизацию процесса преемственности и смены поколений.

Ключевые слова: молодежь, девиация, экстремизм, право, социокультурный статус, маргинальное положение.

A.S. Palazyan, Doctor of Law, Master of Philosophy, Professor;

H.A. Gorodentsev, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Deviant behaviour of young people and the spread of extremism as a socio-legal problem

The authors note that in the situation of large-scale transformations of society increases the risk of spread of deviations in the youth environment – specific socio-demographic group is exposed to risks due to the unstable social and socio-cultural status. In this regard, the state faces a number of socio-legal problems, the successful solution of which will allow to overcome the disruption of the process of succession and generational change.

Key words: youth, deviation, extremism, law, socio-cultural status, marginal position.

Молодежь – сложный объект научного анализа и социального управления. Ряд социально-демографических, социально-психологических и социокультурных особенностей молодежи позволяет констатировать уникальность ее положения в социально-демографический и социально-статусной структуре российского общества. А.В. Петров указывает на то, что типичной характеристикой молодежи является переходность как процесс овладения статусно-ролевыми позициями, эффективно помогающими интегрироваться в жизнедеятельность общества. Содержательная сторона переходности весьма неоднородна и подчеркивает уже сложившиеся социально-дифференцирующие основы статуса молодежи в обществе [1, с. 22–23].

По мнению И.М. Ильинского, проблема социального положения молодежи состоит в том, что она зависима и живет как бы «в кредит»,

ее самостоятельность в принятии важных решений ограничена, и в то же время перед ней всегда стоит проблема выбора работы, профессии, нравственного и социального самоопределения [2, с. 108–120]. В исследованиях Н.В. Нарыкова мы находим еще один осложняющий фактор – проблему национального самосознания, которая не нашла адекватного решения в современном российском обществе [3].

Между тем, роль молодежи в процессе преемственности и смены поколений трудно переоценить. Ю.А. Зубок в этой связи обращает внимание на способность молодого поколения унаследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества [4, с. 11].

Однако молодежь в процессе социального взросления подвергается действию ряда риско-

генных факторов, в числе которых выделяется и риск распространения девиаций (поведения, отклоняющегося от господствующих в социуме норм). Такое поведение молодежи угрожает нарушить процесс преемственности и смены поколений в обществе, лишает его перспектив и в целом служит дезорганизационно-деструктивным целям. Значительное распространение девиации в молодежной среде может привести к непредсказуемым последствиям негативного плана [5, с. 15].

В качестве факторов генезиса и развития девиантного поведения в условиях трансформирующегося российского общества исследователями выделяются разрушение основ прежней советской государственной системы с ее идеологией, критика и пересмотр структуры комплексного воспитания личности на протяжении всех этапов ее развития, отрицание прежних ценностей и, самое главное, без утверждения новых – путь к мировоззренческому вакууму, при котором возникает опасность порождения «маргиналов» – человекоподобных существ с неразвитыми духовными потребностями, безыдейных инфантильных потребителей, для которых нет святынь [6]. Также в качестве генетического основания современного экстремизма принято выделять дисфункцию и деструкцию основных социальных институтов [7].

В связи с этим необходимо обратить внимание на ошибочность представления о девиации молодежи как проблеме, решаемой исключительно правовыми методами. Как отмечает И.В. Староверова, не оправдались надежды на то, что проблемы девиации в поведении молодежи могут быть решены юридическими и правоохранительными мерами. К тому же сказываются тяжкие последствия для воспитания российского юношества и не изжитые ошибки радикально-либерального развала страны [8, с. 107–117].

В силу ряда причин в российском обществе возник классический духовно-нравственный, ценностный вакуум, соответствующий дюркгеймовскому пониманию девиации. Ситуация предельно осложнилась вследствие непродуманного реформирования отечественной системы образования и воспитания 1990-х гг. Реформаторы немало сделали, чтобы подменить базировавшуюся на единстве обучения и воспитания российскую классическую зарубежной системой калькулированного, оторванного от воспитания утилитарного образования. К сожалению, эта политика продолжается до сих пор [8, с. 107–117]. Концепция девиантного поведения существенным образом может быть

дополнена концепцией экстремпарантности Е.О. Кубякина, который выделяет особое состояние готовности к экстремальной деятельности, детерминированное социологической ситуацией [9].

Институциональные изменения 1990-х – 2000-х гг. привели к тому, что состояние правосознания и правоповедения российской молодежи не только не улучшалось, а последовательно ухудшалось. Главная причина – несостоявшиеся надежды на кардинальное улучшение уровня, качества и образа жизни в стране в целом, в том числе и молодежи. Немаловажной причиной является и то, что в социальной политике в целом, в молодежном ее сегменте господствуют сиюмоментные пиаровские установки и популизм, отсутствует системность, которая проистекала бы из научно обоснованных потребностей формирования правовой культуры населения страны, молодежи в первую очередь [9, с. 107–117].

Распространение девиантного поведения в молодежной среде, нарастающие тенденции деформации ее правосознания и правовой культуры создали условия для генезиса опасных социальных отклонений, в частности экстремизма.

Как полагает В.В. Ревина, экстремизм является спутником существенных деформаций условий и образа жизни граждан, образующегося вакуума социальных ценностей, ухудшения материальных условий жизни и неясностей будущих жизненных перспектив населения. Как сложный социально-правовой феномен, экстремизм базируется на политических, идеологических, национальных и религиозных различиях, но в любых формах своего проявления он угрожает безопасности граждан, оказывая негативное влияние на их жизнь и здоровье, оказывая серьезное психологическое воздействие на ни в чем не повинных людей, влечет за собой весьма существенные политические, экономические и моральные потери общества [10, с. 3].

Вследствие дисфункционально-дезорганизационных эффектов трансформаций 1990-х – начала 2000-х гг., нарастающего кризиса институтов образования, семьи наметилась тенденция к увеличению показателей преступлений экстремистской направленности. По данным МВД России, в 2004 г. в Российской Федерации было совершено 130 актов экстремизма, в 2005 г. их зарегистрировано 152, в 2006 г. – 263, в 2007 г. – 356, в 2008 г. – уже 460, а в 2009 г. количество экстремистских преступлений возросло до 548 [10, с. 4].

Актуализация проблем проявлений экстремизма в обществе побудило законодателя принять в 2002 г. Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». На основании этого закона была введена ст. 282 УК РФ, где приводился перечень преступлений экстремистской направленности. Данный подход не удовлетворил правоприменительную практику, и в 2007 г. законодатель отказался от конкретного перечня деяний и взамен этого в приложении к ст. 282¹ УК РФ привел понятие преступления экстремистской направленности. Однако ни в первом, ни во втором случае имевшие место законодательные решения нельзя признать удачными. В.В. Ревина считает возможным совершенствование системы преступлений экстремистской направленности с учетом ее сложного и многогранного характера [10, с. 4].

Стоит отметить, что проблемы антиэкстремистского законодательства связаны не только с собственно правовыми, криминологическими аспектами, но и с принципиально сложной постановкой общественной задачи – противодействия такому комплексному антисоциальному явлению, как экстремизм (виды и формы проявления которого весьма вариативны).

Преступления, отнесенные к экстремистской деятельности, потенциально или реально могут включать следующие общественно опасные деяния: ст. 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина); ст. 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий); ст. 205 УК РФ (террористический акт); ст. 205¹ УК РФ (содействие террористической деятельности); ст. 205² УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма); ст. 206 УК РФ (захват заложника); ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем); ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки); ст. 278 УК РФ (насильственный захват власти или насильственное удержание власти); ст. 279 УК РФ (вооруженный мятеж); ст. 319 УК РФ (оскорбление представителя власти); ст. 360 УК РФ (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой), если они совершены по мотивам, закрепленным п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); ст. 282¹

УК РФ (организация экстремистского сообщества) [10, с. 4].

Несмотря на предпринятые меры законодательного реагирования на проблему экстремизма, стоит отметить, что ситуация в нашей стране продолжает оставаться весьма сложной. При этом исследователи нередко упускают из виду еще одну проблему: учета и регистрации преступлений экстремистской направленности.

С.Н. Фридинский отмечает, что статистические данные не отражают объективную картину распространения экстремистских проявлений в стране, поскольку преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической; национальной, расовой, религиозной, социальной ненависти и вражды, характеризуются достаточно высокой степенью латентности. С одной стороны, сотрудники правоохранительных органов не хотят регистрировать совершаемые преступления в качестве экстремистских, тем самым ухудшая показатели собственной работы, а с другой – потерпевшие от таких преступлений тоже не обращаются с соответствующими заявлениями в правоохранительные органы, поскольку зачастую нелегально находятся в стране, плохо знают русский язык, запуганы и боятся совершения более тяжких преступлений против себя [11].

Таким образом, проблема экстремизма связана с одновременным действием ряда факторов, симбиоз которых исключает успешное ее решение только в рамках институтов государства и права. В частности, проблема распространения девиаций в молодежной среде современной России оказывает непосредственное влияние на рост показателей преступного поведения, в том числе и экстремистского.

В настоящее время наблюдается перегрузка нормативно-правовой системы российского общества. Это происходит потому, что система культуры и продуцируемые ей смыслы, ценности, идеи теряют в силу ряда причин свой «социальный вес» и не оказывают должного влияния на поведение молодежи. Выйдя из сферы культурного и, соответственно, социального контроля, экстремистские действия уже не рассматриваются частью молодежи как аморальные, постыдные, безнравственные. Наоборот, они «героизируются» и распространяются. В такой ситуации юридические нормы уже не являются достаточными для удержания ситуации в стабильном состоянии и недопущения

ния распространения угрозы экстремизма, особенно так называемого «латентного». Как показали события последних лет, произошедшие в Москве и ряде других городов, в молодежной среде наличествует немалая по численности группа сочувствующих экстремистским идеям, которая в случае провоцирующих событий спо-

собна вливаться в ряды активных участников экстремистского движения. В связи с чем становится очевидной необходимость как оптимизации социокультурной работы с подрастающим поколением, так и осуществления ряда действий по преодолению проблем антиэкстремистского законодательства.

1. Петров А.В. Социальные практики молодежи. Краснодар, 2005.

2. Ильинский И.М. и др. Молодежь и молодежная политика. М., 2001.

3. Нарыков Н.В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. 2014. № 1(47). С. 247–251.

4. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007.

5. Стригуnenко И.К. Предупреждение девиантного поведения курсантов и слушателей учебных заведений МВД России: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2013.

6. Коновалова Г.А. Организационно-педагогические условия патриотического воспитания учащихся в современной общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2003.

7. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38–41.

8. Староверова И.В. Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи // Социс. 2009. № 11.

9. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.

10. Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

11. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

1. Petrov A.V. Social practices of young people. Krasnodar, 2005.

2. Ilinsky I.M. et al. Young people and youth policy. Moscow, 2001.

3. Narykov N.V. Sociocultural approach to national idea, fatherland, patriotism // Society and law. 2014. № 1(47). P. 247–251.

4. Zubok Yu.A. The phenomenon of risk in sociology: the Experience of youth studies. Moscow, 2007.

5. Strigunenko I.K. Prevention of deviant behavior of students of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia: diss. ... Master of Sociology. Krasnodar, 2013.

6. Konovalova G.A. Organizational-pedagogical conditions of Patriotic education of students in the modern secondary school: diss. ... Master of Pedagogics. Tomsk, 2003.

7. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2014. № 4. P. 38–41.

8. Staroverova I.V. Factors deviation of the consciousness and behavior of the Russian youth // Socis. 2009. № 11.

9. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. Extremparantivity. Krasnodar, 2014.

10. Revina V.V. Extremism in the Russian criminal law: diss. ... Master of Law. Moscow, 2010.

11. Fridinsky S.N. Countering extremist activity (extremism) in Russia (socio-legal and criminological research): diss. ... Dr of Law. Moscow, 2011.

Рябченко Александр Григорьевич

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор,
 профессор кафедры теории и истории права и государства
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612583414)

Правовой статус должностных лиц полиции, уполномоченных осуществлять дознавательно-следственную деятельность в Российской империи (конец XVIII – середина XIX века)

В статье анализируется нормативно-правовая основа деятельности полиции на досудебной стадии уголовного судопроизводства в России конца XVIII – середины XIX в. Дается оценка основных этапов в организационном развитии института дознания и предварительного следствия.

Ключевые слова: следственные функции, судебный пристав, земская полиция, судебный следователь.

A.G. Ryabchenko, Doctor of History, Master of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

The legal status of police officers authorized to carry out inquiry and investigative activities in the Russian Empire (the end of XVIII – the middle of XIX century)

The article examines the legal framework of police activity at the pre-trial stage of criminal proceedings in Russia from the end of XVIII to middle of XIX century. The estimation of the main stages in organizational development of inquiry and preliminary investigation institute is given.

Key words: investigative functions, bailiff, rural police, coroner.

Правовой статус должностных лиц полиции, уполномоченных выполнять дознавательные и следственные функции на досудебной стадии, стал определяться на системном уровне лишь к концу XVIII в., причем это делалось одновременно с упорядочением структурной организации полиции. Так, в Уставе благочиния, или полицейском [1] в самом начале документа определена структура полиции: «1. В каждом городе благочиние поручается единому месту, которое в каждом городе учреждается под названием: управа благочиния или полицейская. 2. В управе благочиния заседает городничий и заседает пристав уголовных дел, пристав гражданских дел и два ратмана. 3. В столице определяется полицмейстер, которому под обер-полицмейстером и выше приставов в уголовных и гражданских дел заседать в управе благочиния... 5. Дабы благочиние в городе порядочно могло быть отправляемо, полагается, смотря на местоположение или обширность город разделить на две или более части... 7. В каждой части города определяется частный пристав... 11. В каж-

дый квартал определяется квартальный надзиратель. 12. В каждый квартал определяется в помощь квартальному надзирателю по одному квартальному поручику». Как видно, законодатель определил иерархию полицейских должностей, которые по своей компетенции могли принимать и исполнять производство предварительного следствия.

При этом в качестве субъекта производства предварительного следствия выделяется частный пристав. Так, согласно ст. 103 Устава благочиния «частный пристав словесно изследует учиненныя проступки, злоупотреблении и преступления, что словесно изследует, то записать; то же и о чем наведываться придет ради объяснения либо ради связи дела, дабы истинна содеяннаго обнаружилась». Как видно, предписывается производить допросы и протоколировать их. Данные следственные действия пока еще не выделяются как самостоятельные процессуальные институты – это произойдет позже [2, с. 31]. В начале XIX в. указанные нормы продолжали действовать (и будут действовать в своей основе вплоть до

создания института судебных следователей). Вместе с тем, законодатель уточнял некоторые аспекты, связанные, в том числе, с наделением органов полиции полномочиями проводить предварительное следствие.

Так, 1 декабря 1806 г. был принят Указ Московскому военному губернатору «О градской и земской полиции, разделении последней на станы и станowych приставов» [3, с. 140–141]. Этим Указом ввиду «необходимости соединить действие московской градской полиции с земской полицией Московского уезда и находя причины» предписывалось Московский уезд в отношении земской полиции разделить на шесть станов «по расписанию, от вас представленному». В каждом стане полагалось определить одного станowego пристава. При этом «места сии наполнять из квартальных надзирателей московской полиции. Приставы имеют быть подчинены земскому исправнику. Действие московской градской полиции в случае поисков и преследования виновных не пресекать городской чертою, но продолжать до первого стана земской полиции, коего пристав обязан принимать деятельнейшие меры и удовлетворять требованиям градской полиции, не ожидая предписания земского начальника. К обязанности станowego пристава относится наблюдение и полицейский надзор по всем предметам, по Учреждению о губерниях к земской полиции принадлежащим». Этим указом в качестве должностного лица, производящего предварительное расследование на указанной территории, определялся становой пристав.

Такие же должности вводились и в других губерниях. Но уже 29 августа 1808 г. был утвержден Указ «О следственных приставах, определяемых при полиции» [4, с. 221], которым впервые законодатель достаточно четко выделил должностное лицо полиции, которое целенаправленно должно было заниматься именно предварительным следствием по «уголовным преступлениям». Вместе с тем, нужно заметить, что тогда этот Указ был обращен «Господину Санкт-Петербургскому Военному губернатору». Из его содержания видно, что столичный губернатор, вероятно, не без инициативы полицейского руководства, озаботился проблемой организационного усовершенствования реализации предварительного следствия как одной из функций полиции. Очевидно, что это рано или поздно должно было случиться, поскольку частные приставы физически не могли справиться с объемом следственной работы. Кроме того, и это не менее, а скорее всего более важно, следственная работа была специ-

фической, она предполагала наличие необходимых профессиональных знаний и навыков, а также жизненного опыта, и поручать ее любому полицейскому становилось уже невозможным [5, с. 52]. Выделение судебных приставов как отдельной категории полицейских служащих следует расценивать как важнейший этап в организационном развитии института дознания и предварительного следствия в России.

Вместе с тем, если в столицах ситуация с выделением из полицейского штата приставов-следователей стала как-то решаться, то в провинциях организационный вопрос о том, кому проводить следствие, решался с большим трудом. В частности, в ряде губерний долго не мог решиться вопрос о том, кому заниматься предварительным следствием по «старым и запущенным» делам, и в результате его пришлось рассматривать по распоряжению императора в Сенате. В соответствующем указе, принятом в июле 1812 г. [6, с. 256–257], в частности, отмечается: «Правительствующий Сенат слушали рапорт Волынского Губернского Правления, в коем изъясняло, что по окончании в июле месяце 1811 года по тамошней Губернии дворянских выборов установлены оным Правлением, на основании Высочайше утвержденного 14-й день Ноября 1809 года донесения Тверского, Новгородского и Ярославского Генерал-Губернатора, в десяти Нижних земских Судах для окончания старых и запущенных дел временные Суды, кои и велено таковые дела отослать; но что когда Заславский и Бобруйский Нижние Земские, да Луцкий, Овручский, Дубенский и Староконстантиновский временные Суды испрашивали разрешения: должны ли временные Суды заниматься в повете по старым делам производством следствий? Губернское Правление, основываясь, с одной стороны, на 5-м пункте Высочайше утвержденного донесения Новгородского, Тверского и Ярославского Генерал-Губернатора, в коем сказано: что временные Нижние земские Суды не должны производить сами никаких следствий и не иметь никакого дела до Земской Полиции, но ограничатся окончанием только старых дел; а с другой, видя, что ежели уклонить временные Нижние Земские Суды от производства следствий по старым неоконченным делам и возложить сие на настоящие Земские Суды, то не только временные Суды не будут споспешествовать окончанию старых и запущенных дел, но еще настоящим судам перепискою с временными Судами встретится лишнее затруднение». Как видно, речь идет о бюрократической волоките, затруднявшей производство уголовных дел.

В дальнейшем принимались акты, которые уточняли некоторые позиции в полицейском ведомстве. Так, 1 июля 1837 г. было утверждено Положение о земской полиции [7]. Здесь, в частности, указывалось, что «всеми делами и распоряжениями, до земской полиции относящимися, заведывает учрежденный в каждом уезде земский суд и подчиненные ему, действующие по его предписаниям и постановленным правилам, лица ... Земский суд составляется из председательствующего в оном земского исправника и нескольких заседателей, из коих один именуется старшим неперменным заседателем ... Заседатели земского суда имеют каждый в своем непосредственном ведении один из участков или станов, на кои разделяется уезд; они именуются становыми приставами ... Для исполнения приказаний станового пристава и непосредственного надзора за благочинием находятся в селениях сотские и подведомственные им десятские». Указывалось далее, что «земские исправники и старшие неперменные заседатели земских судов избираются в сии должности дворянством во всех местах, где, на основании законов, существуют дворянские выборы; в прочих они назначаются от короны по установленному порядку. Участковые заседатели или становые приставы определяются от короны губернским правлением, преимущественно из местных, имеющих в той губернии недвижимую собственность, дворян. Губернское дворянское собрание, при общих выборах, составляет список дворянам и чиновникам, кои, по мнению оногo, могут с пользою занять места становых приставов, и представляет сей список начальнику губернии для надлежащих в нужном случае соображений. Сельские заседатели избираются казенными поселянами и вольными хлебопашцами по правилам, для сего предписанным, из дворян, чиновников, разночинцев, однодворцев или поселян беспорочного поведения; они утверждаются в должности губернским правлением». Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что выборность должностных лиц земской полиции, учитывая, что далеко не все дворяне желали служить в этой области, отнюдь не всегда означала профессиональный подход в формировании корпуса следственного аппарата, и данное обстоятельство также обостряло проблему качества следственной деятельности органов полиции в рассматриваемый период.

Указанное положение дел в своей основе сохранялось вплоть до полицейской реформы на рубеже 1860-х гг., которая осуществлялась в рамках более широкой реформы правоохра-

нительных органов. Так, 8 июня 1860 г. Александр II подписал указ, утверждая следующие основные акты: «Учреждение судебных следователей» [8], «Наказ судебным следователям» [9], «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» [10]. В преамбуле указа были сформулированы мотивы и цели предпринятой реформы: «Желая дать полиции больше средств к успешному отправлению ее обязанностей столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний и определить точное свойство и круг ее действий, мы признали за благо отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест. Предположение по сему предмету, равно полезные и необходимые для правильного течения судных дел, были по воле Нашей тщательно и подробно обсуждены Государственным Советом, согласно с мнением коего Мы повелеваем: 1) Отделить следственную часть от полиции во всех управляемых по Общему Учреждению сорока четырех губерниях Империи и назначить в сии губернии особых, подведомственных Министру Юстиции, чиновников для производства следствий о всех преступлениях и проступках, подлежащих ведению судебных мест, наименовав сих чиновников судебными следователями. 2) На обязанности полиции оставить только исследование по преступлениям и проступкам маловажным, которые предоставлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и дознание о происшествии, кои могут, по связи с преступлением более важным, подлежать рассмотрению мест судебных» [8].

В средствах массовой информации того времени отмечалось, что «Учреждение судебных следователей – это решительная попытка выйти из смешения властей. Уголовное следствие признано частью судебного производства, поставлено в органическую с судебным делом, изъято из-под влияния чужой власти» [11, с. 374]. В этом полицейско-следственном решении многие видели предвестие глубоких реформ всего правосудия, в частности, одна из газет писала о том, что «что русское уголовное судопроизводство переносится на плечах судебных следователей в новую эпоху развития, где ожидает его, как кажется, блестящая будущность» [12]. В развитие этого направления 25 декабря 1862 г. были подписаны Временные правила о полиции, в которых окончательно были уточнены функции полиции на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

1. Устав благочиния, или полицейский от 8 апреля 1782 г. // ПСЗ. Собр. первое. № 15379.

2. Жидких А.А., Статкус В.Ф. Органы предварительного следствия в системе МВД Российской Федерации. История, современное состояние и перспективы М., 2000.

3. Указ Московскому военному губернатору «О градской и земской полиции, разделениях последней на станы и станových приставов» от 1 декабря 1806 г. // Собрание законов о полицейском управлении или указы губернаторские и устав Управы благочиния с включением законов, им предшествовавших и последовавших, с 1708 по апрель месяц 1823. Составил редактор Комиссии составления законов П. Хавский. СПб., 1823.

4. Указ Правительствующего Сената «О временных Нижних Земских судах, как они поступают в производстве дел» (июль 1812 г.) // Там же.

5. Хоконова М.Р. Институт предварительного расследования по уголовным делам в российском законодательстве дореформенного периода XIX в. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

6. Указ «О следственных приставах, определяемых при полиции» от 29 августа 1808 г. // Собрание законов о полицейском управлении или указы губернаторские и устав Управы благочиния.

7. Положение о земской полиции от 1 июля 1837 г. // ПСЗ. Собр. второе. № 10306.

8. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // Там же. № 35890.

9. Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. // Там же. № 35891.

10. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок от 8 июня 1860 г. // Там же. № 35892.

11. Русский вестн. 1860. Т. 37.

12. Московские ведомости. 1860. 11 окт.

1. Charter of decorum, or police of April 8, 1782 // Complete collection of laws. First coll. № 15379.

2. Zhidkih A.A., Statkus V.F. Preliminary investigation bodies in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. History, current state and prospects. Moscow, 2000.

3. Decree to the Moscow military governor «On grad and rural police, the division of the latter on the mills and become bailiffs» of December 1, 1806 // Collection of laws on the police department or the governor and the statute mandates Justices deanery with the inclusion of the laws, they were preceded and followed, from 1708 to April 1823. Compiled by the editor of the Commission to formulate laws P. Havsky. St. Petersburg, 1823.

4. Decree «On Bailiffs investigation determined when the police» of August 29, 1808 // Ibid.

5. Hokonova M.R. Institute of preliminary investigation of criminal cases in the Russian legislation of the pre-reform period of the XIX century (historical and legal research): diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2010.

6. Decree of the Government Senate «About the time of the Lower Zemsky ships as they come in the production of works» (July 1812) // Collection of laws on the police department or the governor and the statute mandates Justices deanery.

7. Regulation on rural police of July 1, 1837 // Complete collection of laws. Second coll. № 10306.

8. Establishment of forensic investigators of June 8, 1860 // Ibid. № 35890.

9. Mandate to forensic investigators of June 8, 1860 // Ibid. № 35891.

10. Mandate to police on the inquiry of the incidents which may attach to a crime or offense of June 8, 1860 // Ibid. № 35892.

11. Russian gazette. 1860. Vol. 37.

12. Moscow news. 1860. Oct. 11.

Городенцев Герман Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Шеуджен Нурдин Асланович

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583414)

Молодежный экстремизм в условиях современного российского общества: факторы генезиса и особенности проявления

В статье рассматривается молодежный экстремизм как системная социально-правовая проблема современного российского общества. Исследуется сложный комплекс факторов, лежащих в основе возникновения и развития проблемы молодежного экстремизма.

Ключевые слова: молодежь, молодежный экстремизм, субъективные и объективные факторы, экстремистские преступления, антиэкстремистское законодательство.

H.A. Gorodentsev, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

N.A. Sheudzhen, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Youth extremism in the modern Russian society: genesis factors and manifestation peculiarities

The article deals with youth extremism as a system of socio-legal problems of modern Russian society. We study the complex set of factors that underlie the emergence and development of the problem of youth extremism.

Key words: youth, youth extremism, subjective and objective factors, extremist crimes, anti-extremist legislation.

Экстремизм в современной России является одним из факторов дезорганизации государства и общества. В качестве наиболее опасных последствий экстремизма в молодежной среде выступает нарушение процессов социализации и преемственности, смены поколений. Кроме того, по мнению А.В. Серикова, молодежный экстремизм не только отражает определенный тип деятельности политических субъектов, но и сугубо негативно его оценивает, подчеркивает деструктивность и зачастую отождествляет со злом в его социально-политическом измерении [1].

Молодежный экстремизм в современном обществе обусловлен действием ряда субъективных и объективных факторов. К объективным факторам молодежного экстремизма относятся условия глобализации информационно-коммуникационной среды обществен-

ной жизни, в которых происходит социальное взросление молодежи (глобализация и информатизация социума, стремительное развитие Интернета, экспансия массовой культуры, духовно-нравственный кризис, информационное неравенство и виртуализация повседневных взаимодействий); а к субъективным – экстремальность молодежного сознания, его аффективность, эмоциональность, несформировавшаяся система социокультурных координат молодого человека на фоне устойчивой потребности в самовыражении и поиске своего «Я» [2, с.14].

Становится очевидным, что в нашей стране сложился комплекс факторов, оказывающих воздействие на развитие экстремистских угроз. Свою негативную роль играет и дисфункциональность коммуникационной системы общества. В последние годы все чаще приходится сталкиваться с распространением в средствах

массовой информации экстремистских материалов (например, националистических выступлений в прессе, по телевидению, экстремистских публикаций, фото- и видеоматериалов в Интернете и т.п.). Свою роль играют и проявляющиеся негативные тенденции в сфере правоохранительного противодействия экстремистской преступности в Российской Федерации, а также отсутствие необходимой профилактики в сфере экстремистской преступности [4, с. 18–27]. С позиции В.В. Плотникова, причиной негативных тенденций в стране является социальная дисфункция и деструкция, в результате влияния которой ослабляется институт государства [4].

Исследователи выделяют ряд общих (универсальных) причин экстремистского поведения молодежи, среди которых: ослабление и отсутствие воспитательной работы в школах, училищах, институтах и на предприятиях; упразднение массовых детских и молодежных общественных организаций; смена подлинных общечеловеческих ценностей ценностями мнимыми, суррогатными; отсутствие высоких идеалов у молодежи и взрослого населения; массовое распространение и доступность для детей и подростков алкоголя и наркотиков; уничтожение доступной, демократичной культурно-досуговой сферы, коммерциализация центров досуга, спортзалов, работы музыкальных школ, школ эстетического воспитания, различных кружков и студий; массовая миграция населения; политическая нестабильность; ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения; снижение политической активности молодежи, отказ от участия в политических партиях и движениях умеренной направленности [5].

Стоит отметить, что в настоящее время в России некоторые из перечисленных причин экстремистского поведения молодежи проявляются достаточно зримо. Помимо кризиса системы духовной культуры вследствие ее коммерциализации и массовизации, дисфункциональности институтов семьи, образования и массовой коммуникации, отвечающих за передачу культурного опыта и наследия, проявляется ряд политических, экономических, социальных проблем, которые создают определенный негативный кумулятивный эффект. С позиции Е.О. Кубякина, достаточного внимания заслуживает феномен экстремпарантности – готовности к участию в экстремальной деятельности [6].

В условиях набирающих скорость процессов глобализации и информатизации возникают такие условия, в которых молодежный экстремизм получил стимулы роста, новый потенциал, а также возможности для своего дальнейшего развития. Это, прежде всего, информационное неравенство, виртуализация социальных практик, доминирование Интернета в молодежной среде, развитие социальных сетей. Расширяется потенциальная аудитория молодых людей, попадающих посредством глобальной компьютерной сети в сферу влияния экстремистских движений и групп. Указанные условия значительно изменяют социальную среду, в которой существует экстремизм. В итоге молодежный экстремизм «виртуализируется», получает ресурсы для коммуникативного воздействия на молодежь. Именно поэтому осложняется профилактика этого антисоциального явления [2, с. 16]. По мнению Н.В. Нарыкова, негативные тенденции в государстве возможны также по причине несформированной идеологической базы, которая подменяется иллюзорными ценностями культуры потребления [7].

В этой связи отнюдь не случайным выглядит тот факт, что с каждым годом увеличивается численность преступлений экстремистской направленности. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, только в 2010 г. было совершено 581 преступление террористического характера и 656 преступлений экстремистской направленности, только за первое полугодие 2011 г. было совершено 370 преступлений террористического характера и 346 преступлений экстремистской направленности, что в целом свидетельствует о росте числа таких преступлений в России [8].

Стоит отметить, что экстремистские преступления представляют собой совокупность деяний из числа альтернативно указанных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», за осуществление которых предусмотрена уголовная ответственность. К такого рода преступлениям относятся преступления, предусмотренные ст. 136, ч. 4 ст. 150, 205–205², 275–282², 353, 355–358 УК РФ, а также всеми другими статьями УК РФ, совершенные по экстремистским мотивам. Экстремистские преступления имеют общую сущность, что позволяет в теоретическом плане говорить о наличии общего для них так называемого надродового объекта, каким является общественная безопасность. С учетом теории

социальной идентичности следует выделить следующие родовые объекты экстремистских преступлений: личность, общество, государство, человечество [9].

Б.А. Мыльников предлагает систематизацию преступлений экстремистской направленности, которая включает в себя несколько групп и может быть представлена в следующем виде:

преступления, в которых экстремизм проявляется в наиболее концентрированном виде (ст. 280, 282, 282¹, 282² УК РФ);

преступления, посредством совершения которых осуществляется или может осуществляться экстремистская деятельность (указанные в ст. 282¹ УК РФ и др.);

преступления террористического характера (ст. 205, 205¹ УК РФ);

преступления, которые сопутствуют осуществлению экстремистской деятельности и направлены на облегчение совершения других преступлений (ст. 208, 211, 222, 327 УК РФ и др.);

преступления, в которых мотив национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды предусмотрен в качестве квалифицирующего признака (ч. 2 п. «л» ст. 105, ч. 2 п. «е» ст. 111, ч. 2 п. «е» ст. 112, ч. 2 п. «з» ст. 117 УК РФ);

преступления, в которых идеология экстремизма выступает в качестве субъективных причин и условий их совершения (преступления, совершенные во время обрядов религиозных сект или ввиду приверженности к предрасудкам);

преступления, которые могут быть представлены в качестве последствий экстремизма (преступления, совершенные беженцами, оставшимися без работы или жилья) [10].

Одним из негативных проявлений экстремизма в молодежной среде выступает экстремистское сообщество, которое стремится уничтожить прежнюю идентичность, радикально изменить общество, его члены внутренне находятся за пределами регулярного общества. Оно действует нелегитимными методами, подвергает своих членов вполне реальной угрозе гибели или изоляции [11, с. 26–31].

Проблема экстремизма в молодежной среде осложняется политизированностью оценок, в ряде случаев объективная научно-правовая оценка тех или иных событий, деяний приобретает широкий общественный резонанс, используется радикальными политическими силами для достижения своих целей.

Как отмечает П.А. Данилов, экстремистская деятельность в том понимании, какое ей придается действующим законодательством России, нередко становится орудием и средством борьбы субъектов политической деятельности в процессе достижения ими своих целей. Политическим организациям, движениям и отдельным общественно-политическим деятелям оказалось выгодно использовать экстремизм. Многочисленные случаи такого «легкого», безответственного отношения к проявлениям экстремизма привели к тому, что в настоящее время он стал широкомасштабным и всеобъемлющим, внутригосударственные конфликты приобрели насильственный характер. Всесторонняя направленность экстремизма, проникновение его во все сферы общественных отношений, необычайно острый характер используемых форм и методов превращают его в угрозу жизненно важным интересам личности, здоровью, жизни граждан, правам отдельной личности и целых народов, конституционному строю [8].

Таким образом, в основе возникновения и развития проблемы молодежного экстремизма лежит сложный комплекс факторов, которые не только обуславливают характер и направленность экстремистских преступлений (а, соответственно, широкий спектр угроз государству), но и значительно осложняют противодействие – как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны государственных управленческих структур в целом. Ситуация осложняется также политизированностью и идеологизированностью проблемы в современной России. И, наконец, «ореол» преступлений экстремистской направленности весьма широк и демонстрирует тенденции к разрастанию. Меняющийся облик социума, тенденции глобализации и информатизации, развитие Интернета с каждым годом усложняют противодействие экстремизму в молодежной среде и диктуют необходимость безотлагательного пересмотра и модернизации имеющихся методов и методик. В настоящее время скорость разрастания проблемы молодежного экстремизма опережает действия научных и управленческих структур по организации мероприятий по профилактике и противодействию данному антисоциальному явлению.

1. Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2005.
 2. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.
 3. Мусаелян М.Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Журнал рос. права. 2009. № 3.
 4. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38–41.
 5. Попов О.В., Попова О.О. Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2008. № 3.
 6. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.
 7. Нарыков Н.В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. 2014. № 1(47). С. 247–251.
 8. Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.
 9. Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
 10. Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
 11. Федоров В.В., Бааль Н.Б. Экстремизм благодетельный // Вестн. ТвГУ. Сер.: Философия. 2011. № 91.
1. Serikov A.V. Youth extremism in modern Russia: dynamics and reflected in the public opinion of students: diss. ... Master of Sociology. Rostov-on-Don, 2005.
 2. Kubyakin E.O. Youth extremism in the context of globalization, information and communication environment of public life: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2012.
 3. Musaelyan M.F. Extremism as a threat to national security of the Russian Federation // Journal of Russian law. 2009. № 3.
 4. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2014. № 4. P. 38–41.
 5. Popov O.V., Popova O.O. Causes and features of extremism among youth. Countermeasures youth extremism // Sci. bull. of the Belgorod state university. Ser.: Philosophy. Sociology. Law. 2008. № 3.
 6. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. Extremparan-tivity. Krasnodar, 2014.
 7. Narykov N.V. Sociocultural approach to national idea, fatherland, patriotism // Society and law. 2014. № 1(47). P. 247–251.
 8. Danilov P.A. Protection of rights, freedoms and legitimate interests of a person when combating extremism: diss. ... Master of Law. St. Petersburg, 2011.
 9. Skudin A.C. Legal action against extremism: diss. ... Master of Law. Moscow, 2011.
 10. Mylnikov B.A. Counteraction to extremist crime: criminological and criminal law aspects: diss. ... Master of Law. Moscow, 2005.
 11. Fedorov V.V., Baal N.B. Extremism blagodetyaniy // Bull. of the TSU. Ser. Philosophy. 2011. № 91.

Савенко Татьяна Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +79282515247)

Теоретико-правовые вопросы финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления

Финансово-экономическая самостоятельность входит в число принципов местного самоуправления и является специализированным принципом, без обеспечения и реализации которого невозможно современное местное самоуправление. В теории муниципального права России указанному принципу уделяется большое внимание, и этот принцип трактуется как одна из основ местного самоуправления. Организация самоуправления в России, основанная на сочетании муниципальной самостоятельности и государственных начал, говорит об ограниченном характере финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, финансово-экономическая самостоятельность, принципы местного самоуправления, «солидаристский» подход.

T.N. Savenko, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Federal University; tel.: +79282515247.

Questions of financial and economic independence of local government

Financial and economic independence is among the principles of local government and is the specialized principle, without providing and which realization it is impossible modern local self-government. In the theory of the municipal law of Russia much attention is paid to the specified principle, and this principle is treated as one of bases of local government. The organization of self-government in Russia founded on a combination of municipal independence and the state beginnings speaks about limited nature of financial and economic independence of local government.

Key words: local government, financial and economic independence, principles of local government, «solidarity» approach.

В соответствии с ч. 1 ст. 130 Конституции России местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает решение населением самостоятельно вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. В соответствии с ч. 1 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет. Из этих конституционных положений традиционно выводится принцип финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления.

Местное самоуправление в Российской Федерации – важнейший институт гражданского общества. Эффективность решения вопросов местного значения в значительной степени зависит от его устойчивости в условиях современного государства. В современной юриди-

ческой науке существует большое количество взглядов на систему принципов местного самоуправления. Теоретиками права выделяются общие (общетеоретические) принципы организации местного самоуправления, учеными-муниципалистами разработаны специальные (отраслевые) принципы организации и осуществления местного самоуправления. Большое внимание уделяется вопросам исследования и разработки принципов организации местного самоуправления.

Так, в одном из современных изданий по вопросам муниципального права под общими принципами организации местного самоуправления понимаются «основополагающие начала, обусловленные природой местного самоуправления, нашедшие закрепление в позитивном праве, лежащие в основе организации населения, деятельности населения по формированию органов местного самоуправления, функционирования органов местного само-

управления, взаимоотношений государства и местного самоуправления» [1].

В систему принципов местного самоуправления традиционно включаются:

- 1) верховенство Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов Российской Федерации;
- 2) самостоятельность местного самоуправления;
- 3) невключение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти;
- 4) законность в организации и осуществлении местного самоуправления;
- 5) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- 6) гласность деятельности по осуществлению местного самоуправления;
- 7) обязательность наличия выборных органов в системе органов местного самоуправления;
- 8) ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц перед населением, государством, юридическими и физическими лицами;
- 9) неподчиненность одного муниципального образования другому;
- 10) обеспечение государством минимальной наполняемости местных бюджетов;
- 11) государственная поддержка местного самоуправления;
- 12) взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти по обеспечению жизнедеятельности населения муниципального образования [2].

Таким образом, самостоятельность местного самоуправления здесь выделяется как общий принцип местного самоуправления. Представляется, что в современных условиях финансово-экономическая самостоятельность местного самоуправления имеет и вполне автономное значение (наряду с правовой, территориальной и организационной самостоятельностью) и заслуживает выделения в качестве самостоятельного принципа.

Исходя из системы принципов местного самоуправления, можно выделить систему основ местного самоуправления в Российской Федерации. Эта основа условно состоит из четырех частей, каждая из которых является необходимой и незаменимой в контексте нормального функционирования местного самоуправления.

1. Правовая основа местного самоуправления. Под правовой основой следует понимать совокупность правовых норм, регулирующих

общественные отношения, возникающие по поводу создания, принятия и отмены нормативных правовых актов в сфере местного самоуправления.

2. Территориальная основа местного самоуправления. Под территориальной основой местного самоуправления следует понимать совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу определения границ муниципальных образований, закрепления территории муниципальных образований, преобразования муниципальных образований.

3. Организационная основа местного самоуправления. Под организационной основой местного самоуправления необходимо понимать совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу создания и деятельности органов местного самоуправления и их должностных лиц.

4. Финансово-экономическая основа местного самоуправления. Под финансово-экономической основой местного самоуправления необходимо понимать совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу формирования и исполнения бюджета муниципального образования, формирования муниципальной собственности и др.

Необходимо также сказать, что в теории муниципального права финансово-экономическая основа местного самоуправления понимается в двух смыслах – материальном и формальном.

В материальном смысле финансово-экономическая основа местного самоуправления представляет собой совокупность фактически существующих у муниципального образования финансовых средств, муниципального имущества и различных имущественных прав, позволяющих органам местного самоуправления решать вопросы местного значения и осуществлять отдельные полномочия, переданные органами государственной власти.

В формальном смысле финансово-экономическая основа местного самоуправления представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, связанные с формированием и использованием муниципальной собственности, местных бюджетов и иных местных финансов в интересах населения муниципального образования [3, с. 230].

Отсутствие какой-либо из указанных основ местного самоуправления приводит к неизбеж-

ному исчезновению местного самоуправления как самостоятельного уровня публичной власти. Исходя из принципа самостоятельности местного самоуправления, нужно говорить о том, что каждая основа местного самоуправления как бы подчеркивает самостоятельность местного самоуправления в России в целом.

В законодательстве специально оговариваются случаи вмешательства государства в дела местного самоуправления, во всех остальных случаях местное самоуправление самостоятельно в силу ст. 12 Конституции России.

Таким образом, финансово-экономическая основа местного самоуправления, по сути, является синонимом финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления. Сколь разработана будет первая – столь эффективна будет вторая. Однако самостоятельность местного самоуправления нельзя понимать в абсолютном смысле, т.к. такая самостоятельность была бы равна суверенитету, т.е. местное самоуправление не смогло бы существовать в рамках государства.

С.А. Авакьян вообще назвал принцип самостоятельности местного самоуправления заведомым, изначальным дефектом конституционного права, рожденным «на почве заблуждений, романтизма или... отчаяния». По этому поводу С.А. Авакьян пишет следующее: «Примером можно назвать идею местного самоуправления как отделенной от государства формы управления местными делами, т.е. общественного самоуправления в рамках соответствующей территории. Идея родилась как сочетание романтизма и отчаянной попытки оградить интересы местного населения от государственной бюрократии, а также из преувеличенного представления о местной специфике, которую никак нельзя увидеть из центра и которая должна стать предпосылкой деятельности местного населения либо создаваемых им органов. Два века конструирования и воплощения этой идеи хорошо показали, что не может быть в государстве помимо государственной власти иной формы публичной власти, отделенной от государственной власти и независимой от нее, но при этом питающейся из государственной финансово-бюджетной кормушки» [4].

Особая точка зрения у К.Ф. Шеремета, по мнению которого ст. 12 Конституции «не делает органы местного самоуправления элементами государственности второго сорта и не выводит их за рамки государственности. Это такой же по качеству элемент государственности. С точки зрения юридической оценки – это орга-

ны власти, как и вся вышестоящая структура. Не надо представлять, что здесь совершенно иная природа. Это публично-правовые учреждения» [5, с. 38].

По мнению Р.Г. Абдулатипова, «местное самоуправление не является государственным только в том смысле, что основой его установления является не государство, а местное сообщество. Вместе с тем, поскольку эти органы санкционированы государством и функционируют на базе его законов, они включены в систему государственного управления» [6, с. 101].

Однако практическая реализация предложений, связанных с включением органов местного самоуправления в систему государственного управления (в том числе систему органов государственной власти), возможна только в случае внесения изменений в упомянутую ст. 12 Конституции РФ.

Поэтому и в России, и в Европе преобладающей является иная точка зрения – о принципиально самостоятельном характере местного самоуправления. Показательным в этом смысле является определение местного самоуправления в Европейской Хартии местного самоуправления, формулируемого как «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения». Таким образом, в данном определении сложное и многогранное явление местного самоуправления предстает все же, прежде всего, как управленческая деятельность, хотя и специфического характера.

Как мы отмечали выше, местное самоуправление невозможно без самостоятельности в финансовой сфере. В этом контексте важно, что в Европейской Хартии содержится объемная ст. 9 «Финансовые ресурсы органов местного самоуправления», в соответствии с которой, в частности, органы местного самоуправления имеют право в рамках национальной экономической политики на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий.

Причем данное правило является обязательным для выполнения всеми государствами, ратифицировавшими Хартию. Также к обязательным относятся положения о том, что финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полно-

мочиям, предоставленным им Конституцией или законом, а также о том, что, по меньшей мере, часть финансовых ресурсов органов местного самоуправления должна пополняться за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе определять в пределах, установленных законом (ч. 2–3 ст. 9 Хартии).

Вполне обоснованно создатели Хартии исходили из того, что даже относительно самостоятельное существование института местного самоуправления немислимо без финансово-экономической основы точно так же, как и территориальной, и организационной.

Положения Европейской хартии местного самоуправления учтены и воспроизведены в российском законодательстве.

Принцип финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления – это один из общих (основных) принципов местного самоуправления, основополагающая идея организации местного самоуправления в Российской Федерации, состоящая в том, что для решения вопросов местного значения органы местного самоуправления должны обладать соразмерными собственными финансовыми ресурсами.

Данный правовой принцип основан на идее финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления – концепции, согласно которой полноценное осуществление местного самоуправления возможно только при наличии собственных финансово-экономических ресурсов. Данный принцип необходимо рассматривать и в качестве элемента гарантирования местного самоуправления [7, с. 32–35].

На основании приведенных теоретических конструкций мы пришли к выводу, что финансово-экономическая самостоятельность местного самоуправления – это установленная и гарантированная законодательством Российской Федерации в рамках общей государственной финансовой и имущественной политики, основанная на принципе разграничения полномочий между уровнями публичной власти степень автономной от органов государственной власти деятельности органов местного самоуправления в области местных финансов и муниципального имущества [8, с. 14].

Исходя из существующих теорий происхождения местного самоуправления и его соотношения с государством, условно можно выделить три подхода к идее финансово-

экономической самостоятельности местного самоуправления:

1. «Общинный» – основывается на теории «свободной общины». Финансово-экономическая база местного самоуправления полностью отделяется от государственной. Вопросы местного значения решаются исключительно за счет местных доходов. В настоящее время имеет мало сторонников.

2. «Солидаристский» – местное самоуправление имеет собственные доходы и в соответствии с ними решает вопросы местного значения. В случае недостаточности этих доходов социальное государство компенсирует (по мере возможности) возникающую разницу.

3. «Этатистский» – вопросы, решаемые местным самоуправлением, носят, по сути, государственный характер. Их решение, в свою очередь, основано на использовании средств государственного бюджета, которые государство на временной или постоянной основе передает муниципалитетам и может контролировать их использование. В случае недостаточности этих средств государство также, по мере возможности, компенсирует разницу. Наиболее последовательные сторонники этого подхода отрицают самостоятельность местного самоуправления вообще, в том числе в финансово-экономической сфере.

Современная организация местного самоуправления и российское законодательство исходят из «солидаристского» подхода к идее финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления, который наиболее адекватен задачам, стоящим перед государством по организации управления на местах, обеспечения высокого уровня жизни населения.

Таким образом, анализ процесса становления идей о месте местного самоуправления в системе государства, современного нормативно-правового регулирования местного самоуправления и практики его организации убедительно доказывает, что финансово-экономическая самостоятельность является важнейшим элементом организации самоуправления в России и зарубежных странах. Финансово-экономическая самостоятельность выступает в качестве принципа, гарантии и основы местного самоуправления. Без самостоятельности в вопросах местных финансов и имущества невозможно доподлинно самостоятельное местное самоуправление.

1. Муниципальное право России / под ред. А.С. Прудникова, И.А. Алексеева. М., 2009.
 2. Муниципальное право Российской Федерации / под ред. И.А. Алексеева, Д.С. Белявского, М.С. Трофимова. Ставрополь, 2013.
 3. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 1997.
 4. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
 5. Актуальные проблемы формирования местного самоуправления в Российской Федерации («круглый стол») // Государство и право. 1997. № 5.
 6. Абдулатипов Р.Г. Местное самоуправление в Российской Федерации // Вестн. Межпарламентской Ассамблеи. 1994. № 6.
 7. Трофимов М.С. Основания классификации правовых гарантий местного самоуправления в России // Закон и право. 2009. № 6.
 8. Савенко Т.Н. Конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления в финансово-экономической сфере (на примере субъектов, находящихся в пределах Южного и Северо-Кавказского округов Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010.
1. *Municipal law of Russia* / ed. by A.S. Prudnikov, I.A. Alekseev. Moscow, 2009.
 2. *Municipal law of Russian Federation* / ed. by I.A. Alekseev, D.S. Belyavsky, M.S. Trofimov. Stavropol, 2013.
 3. Kutaphin O.E., Fadeyev V.I. *Municipal law of the Russian Federation*. Moscow, 1997.
 4. Avakyan S.A. *Gaps and defects in a constitutional right and a way of their elimination // Constitutional and municipal law*. 2007. № 8. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
 5. *Actual problems of formation of local government in the Russian Federation («round table»)* // *State and law*. 1997. № 5.
 6. Abdulatipov R.G. *Local government in the Russian Federation* // *Bull. of Inter-parliamentary Assembly*. 1994. № 6.
 7. Trofimov M.S. *The bases of classification of legal guarantees of local government in Russia* // *Statute and law*. 2009. № 6.
 8. Savenko T.N. *The constitutional principle of independence of local government in the financial and economic sphere (on the example of the subjects which are in borders of the Southern and North Caucasian districts of the Russian Federation): diss. ... Master of Law*. Stavropol, 2010.

Архиреева Анастасия Сергеевна
 преподаватель кафедры теории и истории государства и права
 Кубанского государственного аграрного университета
 (тел.: +79181293444)

Теоретико-правовые основы института государственной службы

В статье рассмотрены некоторые особенности правового регулирования института государственной службы. Проведен анализ норм служебного права, устанавливающих особый административно-правовой статус государственных служащих. Автором исследован значительный перечень дореволюционной, советской и современной юридической литературы, посвященной актуальным вопросам института государственной службы. Институт государственной службы рассмотрен с позиции системности.

Ключевые слова: правовой статус, государственный служащий, права государственных служащих.

A.S. Arkhireeva, Lecturer of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79181293444.

Legal bases of institute of public service

In the article some features of legal regulation of institute of public service are considered. The analysis of the norms of the office right establishing special administrative legal status of public servants is carried out. The author investigated the considerable list of the pre-revolutionary, soviet and modern legal literature devoted to topical issues of institute of public service. The institute of public service is considered from a systemacity position.

Key words: legal status, civil servant, rights of civil servants.

В системе государственно-правовых институтов особое место занимает институт государственной службы. В ходе трансформации отечественной системы права шла эволюция законодательного регулирования государственно-служебных отношений, формировался комплексный институт права, включающий в себя весь комплекс норм и правил, определяющих правовую сущность, генезис государственной службы.

Институт государственной службы – достаточно сложное, комплексно-многоаспектное правовое явление. В связи с этим представляется актуальным исследовать его правовую природу в рамках нашей научной статьи.

Следует отметить, что первоначально необходимо определить значение такой правовой дефиниции, как «государственная служба». Само понятие «государственная служба» привлекает внимание ученых-юристов уже на протяжении нескольких веков. Это связано с тем, что на разных этапах становления и развития института государственной службы менялось содержание рассматриваемого нами института права.

В толковом словаре ученого-лингвиста В.И. Даля под термином «служба» понимается «служить кому, чему, к чему, либо на что, годиться, пригожаться, быть пригодным, по-

лезным; быть орудием, средством для цели, идти в дело, на дело, быть нужным, надобным, по воле своей оказывать услуги, подавать помощь, услуживать, прислуживаться» [1].

С.И. Ожегов, российский языковед, лексиколог, лексикограф, исследователь норм русского литературного языка, объясняет лексическое значение термина «служба» через слово «служить» – «делать что-нибудь, для кого-чего-нибудь, выполняя чью-нибудь волю, приказания, направлять свою деятельность на пользу чего-нибудь» [2].

В Российской империи также предпринимались попытки дать определение правовым категориям «служба» и «государственная служба». Например, известный правовед Н.М. Коркунов полагал, что государственная служба – «право распоряжения в определенном отношении властью» [3, с. 400–401].

Государственная служба – юридическое отношение, возникающее для лица вследствие принятия им государственной должности, – подобное определение использовал в своих работах А.Д. Градовский [4, с. 27].

Содержательное исследование генезиса государственной службы провел В.В. Ивановский [5, с. 561]. По его мнению, зарождение института государственной службы происхо-

дит, когда верховная власть не имеет реальной возможности осуществлять свою власть лично, вследствие чего представляется необходимым осуществить поиск лиц, которые смогут претворять волю верховной власти.

Заслуживает внимания и мнение А.Н. Филиппова, считающего, что понятие «государственная служба» находится в процессе постоянных изменений и находится под влиянием политических условий, поскольку приход на престол новой власти выдвигал и иные требования к служащим [6, с. 412].

С точки зрения Н.И. Лазаревского, государственная служба включает в себя следующие обязательные критерии:

в основе определения лежит термин «должность»; необходимо, чтобы занимаемая должность относилась к должностям государственной службы;

лицо, претендующее на должность государственной службы, должно обладать правомочием на поступление на государственную службу [7, с. 79].

Следуя научной концепции Н.И. Лазаревского, отметим, что с начала XIX в. в нормативном регулировании института государственной службы произошли изменения, что повлекло за собой трансформацию подходов к определению сущности государственной службы. В центре внимания института государственной службы стали образовательный ценз, основной целью которого стало повышение профессионализма государственных служащих, а также направление на качественное изменение института государственной службы благодаря ротации и более тщательному отбору кандидатов, претендующих на должности государственной службы.

Иначе обстояла ситуация при определении термина «государственная служба» в соответствии с нормами советского законодательства. Как отмечает Т.И. Метушевская, отделить государственную службу от службы вообще практически не представляется возможным [8, с. 20]. Некоторые ученые полагают, что детерминантами подобной ситуации являются, во-первых, отсутствие обособленного служебного законодательства, во-вторых, особая политическая ситуация, происходящая в границах советской России [9, с. 4].

В современной юридической литературе внимание в достаточной степени уделено исследованию правовой природы института государственной службы, в том числе ключевого, центрального понятия «государственная служба». Например, в работах Д.Н. Бахраха, Ю.Н. Ста-

рилова, В.Д. Граждан, Г.В. Атаманчука, А.Ф. Ноздрачева и других уделено специальное внимание определению понятия «государственная служба».

Один из ведущих административистов профессор Ю.Н. Стариков полагает, что институт юридической ответственности – вид трудовой деятельности, осуществляемый на профессиональной основе служащими государственных органов с целью исполнения задач и функций государства [10]. Мы полагаем, что подобный подход наиболее емко определяет сущность и характерные особенности института государственной службы, а именно: служение государству, его интересам; механизм претворения в жизнь его целей, задач и функций; специальную правовую природу и особую значимость как самостоятельного государственно-правового института.

Д.Н. Бахрах предлагает рассматривать определение «государственная служба» через призму особой разновидности общественно полезной деятельности на основе платности, направленной на управление различными сферами государственной жизни [11, с. 20].

Государственная служба – «вид общественно полезной профессиональной служебной деятельности», основная цель которой сводится к содействию по реализации задач и функций конкретного государственного органа, службы, организации, в которой служащий проходит службу. Подобной точки зрения придерживается Д.М. Овсянко [12, с. 41].

С учетом исторических и иных временных факторов предлагаем определить понятие «государственная служба» как сложный, комплексно-правовой институт, регулирующий общественные отношения в особой сфере общественной жизни – сфере государственного управления, основываясь на профессионализме служебной деятельности государственных служащих, направленной на обеспечение реализации полномочий государственных органов.

Определив понятие «государственная служба», рассмотрим сущностные характеристики исследуемой категории права.

Первоначально отметим, что отечественная научная доктрина исследует природу государственной службы полярно, используя в основе политический и правовой аспекты.

Сущность политической концепции государственной службы сводится к ее содержательной характеристике как профессиональной деятельности по обеспечению реализации полномочий государственных органов [13, с. 26]. Очевидно, что по своей природе государственная служба

есть профессиональная деятельность, в ходе осуществления которой обеспечивается реализация механизма государственно-властных полномочий. С помощью использования кадровых, финансовых, организационно-правовых инструментов и достигается формирование политического курса страны. Именно эта задача и ложится на государственных служащих – ключевых субъектов административного права, обладающих особым административно-правовым статусом. При этом государственные служащие занимают второстепенную позицию, превалирующее значение здесь играет политическая воля руководителей согласно политической концепции государственной службы.

Правовой аспект государственной службы основывается на концептуальной идее правового государства. Сторонником данного подхода является профессор Г.В. Атаманчук, который в своей работе «В поисках истины» [14, с. 39] отмечает, что институт государственной службы:

- особый правовой институт, определяющий порядок осуществления целей и функций государства;

- обладает признаком публичности;

- имеет систему правовых норм, регламентирующих его деятельность;

- центральным компонентом института государственной службы являются государственные служащие, т.е. граждане Российской Федерации, обладающие специальными знаниями и др. [8, с. 23].

Наиболее убедительным является именно последний аспект (правовой), поскольку внешней оболочкой института государственной службы является система правовых норм, состоящая как из материальных, так и из процессуальных норм, призванных обеспечить механизм реализации функций государства.

Следует обратить внимание на то, что внедрение идей правовой концепции было начато с принятием Табели о рангах 1722 г. Окончательное оформление государственной службы как обособленного института права и особого правового явления достигло своей кульминации при реформировании министерств в XIX в. (например, Б.В. Лытов полагает, что возникновение института государственной службы не происходило ни при Николае I, ни при его приемниках [15, с. 34]).

Как отмечает М.Е. Волочкова, понятие государственной службы тесно связано с понятием чиновничества и бюрократии [16, с. 13].

Бюрократия (от французского *bureaucratia*) – это господство канцелярии. Само слово бюро-

кратия происходит от французского *bureau* – бюро, канцелярия и греческого слова – *kratos*, что означает власть, подчинение, господство.

Современные концепции бюрократии восходят к фундаментальным исследованиям в этой сфере таких ученых, как М. Вебер, О. Конт и др. Так, с точки зрения М. Вебера, бюрократия – это рационально построенная организация, отвечающая определенным формальным критериям и обладающая следующими признаками:

- разделение трудовых функций между членами бюрократической организации, системы;

- иерархия власти от нижестоящих к вышестоящим должностным лицам;

- наличие установленной системы правил поведения и др. [17].

При исследовании правовой природы института государственной службы необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Мы разделяем позицию Н.В. Гуцовой [18, с. 50] в той части, что для уяснения смыслового значения понятия «государственная служба» будет более правильным исследовать понятие государственной должности.

Исторически сложилось, что в Российской империи на нормативном уровне отсутствовало законодательное определение дефиниции «государственная должность». К сожалению, это свидетельствует о достаточно низком уровне законодательной техники. Более того, недостаточное внимание нормодателей дефинитивному обеспечению указанной выше правовой категории вносило дополнительную возможность для двоякого толкования. Например, это могло проявляться при ситуации, когда государственный служащий работал по совместительству. Подобная практика была распространена в XVIII–XIX вв. и крайне негативно сказывалась на состоянии законности на государственной службе. Отметим, что существовал законодательный запрет на совмещение должностей государственной службы с должностями в коммерческих организациях.

Б.Н. Чичерин предлагал следующее определение понятия «должность»: «постоянные, законом определенные учреждения, которые служат органами государственной власти» [19, с. 354].

Исследовав концептуальные положения, касающиеся правовой категории «должность», предлагаем определить следующие признаки должности по законодательству Российской империи:

- 1) это созданный на постоянной основе орган, учреждение;

2) через полномочия, которыми наделялось должностное лицо, служащий реализовывал задачи, возлагаемые на государственно-правовую машину;

3) наличие компетенции, регламентированной нормативными правовыми актами (общегосударственными, ведомственными, локальными);

4) правовой статус как неотъемлемая часть правового статуса государственных служащих и, соответственно, должности.

Детальному изучению признаков государственной должности были посвящены работы дореволюционных ученых-юристов Н. Нелидова [20], А.Д. Градовского [4].

В конце XIX – начале XX в. превалировала точка зрения, в соответствии с которой понятия «государственный служащий» и «должностное лицо» признавались тождественными [21, с. 84–85, 20, с. 278–281]. Законодательная база также не проводила четкого различия между указанными понятиями и, более того, давала трактовку одного понятия, используя при этом другое понятие. Например, норма ст. 636 Уголовного Уложения 1903 г. устанавливала, что служащим является любое лицо, которое наделено обязанностями или исполняет временное поручение на государственной службе в качестве должностного лица.

Следует отметить, что численность чиновничьего состава из года в год увеличивалась. Например, в XVII в. (1693 г.) общее число чи-

новников составляло в центральных государственных учреждениях 2739 человек и по сравнению с 1682 г. увеличилось на 954 человека [22, с. 43].

При этом динамика колоссального роста сохранилась и в XVIII в., когда общее число государственных чиновников составило более 15 тыс. человек. В 1851 г. их число составило 74330 человек, к 1903 г. чиновничий аппарат насчитывал порядка 385 тыс. человек [23, с. 124], т.е. на 1 чиновника приходилось 335 человек населения страны.

Таким образом, в XIX в. нормодателями уделялось особое внимание формированию аппарата государственных служащих. Лейтмотивом законодательных преобразований являлось привлечение на службу лучших, образованных лиц, способных поднять уровень и качество государственной службы, повысить авторитет государственной службы, что, к большому сожалению, не было достигнуто в тех рамках, которые предполагались.

Мы полагаем, что под государственной должностью следует понимать должности в органах государственной власти, аппарате государственного управления, регламентируемые нормативными правовыми актами и устанавливающие круг прав, обязанностей, запретов, ограничений, юридическую ответственность за исполнение должностных обязанностей.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1999.

3. Коркунов Н.М. Русское государственное право: в 2 т. 6-е изд. СПб., 1908. Т. 1.

4. Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Собр. соч. СПб., 1908. Т. 8.

5. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1: Верховная власть и ее виды. Казань, 1895.

6. Филиппов А.Н. Учебник русского права. Юрьев, 1907.

7. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910.

8. Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2007.

1. Dal V. Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 vol. St. Petersburg, 1863–1866.

2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of Russian: 80000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences; Institute of Russian of V.V. Vinogradov. 4th ed., add. Moscow, 1999.

3. Korkunov N.M. Russian state law: in 2 vol. 6th ed. St. Petersburg, 1908. Vol. 1.

4. Gradovsky A.D. Beginnings of the Russian state law // Coll. works. St. Petersburg, 1908. Vol. 8.

5. Ivanovsky V.V. Russian state law. Vol. 1: Supreme power and its types. Kazan, 1895.

6. Filippov A.N. Textbook of the Russian law. Yuryev, 1907.

7. Lazarevsky N.I. Lectures on the Russian state law. St. Petersburg, 1910.

8. Metushevskaya T.I. Legal status of the public servant in Russia in XVIII – the first half of the XIX centuries: diss. ... Master of Law. Moscow, 2007.

9. Лазарев Б.М. Государственная служба. М., 1993.
10. Стариков Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: Теоретико-правовое регулирование. М., 1997.
11. Бахрах Д.Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие // Государство и право. 1996. № 5.
12. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
13. Граждан В.Д. Предмет и функции государственной службы // Государственная служба. 2003. № 3.
14. Государственная служба. 2000. № 3.
15. Лытов Б.В. Институт государственной службы: «упразднить» или «совершенствовать»? // Государственная служба. 2000. № 4.
16. Волочкова М.Е. Институт государственной гражданской службы Российской Империи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
17. Вебер М. Хозяйство и общество, гл. 2, ч. III // Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
18. Гуцева Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
19. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: в 3 ч. М., 1894.
20. Нелидов Н. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874.
21. Елистратов А.И. Должностное лицо и гражданин // Вопросы административного права. М., 1916. Ч. 1.
22. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
23. Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897.
9. Lazarev B.M. *Public service*. Moscow, 1993.
10. Starikov Yu.N. *Public service in the Russian Federation: Theoretical and legal regulation*. Moscow, 1997.
11. Bakhrakh D.N. *Public service: the basic concepts, it making* // *State and law*. 1996. № 5.
12. Ovsyanko D.M. *Public service of the Russian Federation: study aid*. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2005.
13. Grazhdan V.D. *Subject and functions of public service* // *Public service*. 2003. № 3.
14. *Public service*. 2000. № 3.
15. Lytov B.V. *Institute of public service: to «abolish» or «improve»?* // *Public service*. 2000. № 4.
16. Volochkova M.E. *Institute of the public civil service of the Russian Empire: diss. ... Master of Law*. Moscow, 2010.
17. Weber M. *Economy and society*, chap. 2, pt. III // Aron R. *Stages of development of sociological thought*. Moscow, 1993.
18. Gushcheva N.V. *Responsibility of officials for official offenses and crimes by the Russian pre-revolutionary legislation in XIX – the beginning of the XX century: diss. ... Master of Law*. Nizhny Novgorod, 2006.
19. Chicherin B.N. *Course of the state science: in 3 pt*. Moscow, 1894.
20. Nelidov N. *Legislative and political bases of public service*. Yaroslavl, 1874.
21. Elistratov A.I. *Official and citizens* // *Questions of administrative law*. Pt. 1. Moscow, 1916.
22. Demidova N.F. *Servitor bureaucracy in Russia and its role in formation of an absolutism*. Moscow, 1987.
23. Karnovich E.P. *The Russian officials in the past and the present*. St. Petersburg, 1897.

Подерега Сергей Владимирович

адъюнкт кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Принятие Конституции СССР 1936 года и особенности регулирования в ней института местных Советов депутатов трудящихся

В статье дается характеристика «сталинской» Конституции (1936 г.), раскрываются особенности регулирования на ее основе института местных Советов депутатов трудящихся. Отмечается, что Конституция Союза ССР 1936 г. в целом была более демократичной, чем предшествующие. Это касается и принципов формирования и деятельности местных Советов депутатов трудящихся как нижнего звена государственной власти. Вместе с тем, конституционно утверждалась жесткая вертикаль власти, в рамках которой самостоятельность местных Советов депутатов трудящихся сильно ограничивалась, что отражало наличие в стране административно-командной системы управления.

Ключевые слова: Конституция, Советы депутатов трудящихся, органы государственной власти, избирательное право, наказания избирателей.

S.V. Poderega, Adjunct of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Adoption of the Constitution of the USSR of 1936 and features of the regulation of institutions of local Soviets

This article deals with the characterization of «Stalinist» Constitution (1936) and especially its regulation on the basis of the institute of local Soviets. It is noted that the Constitution of the USSR of 1936 as a whole was more democratic than the previous. This also applies to the principles of the formation and activity of local Soviets as a lower level of state power. However, constitutionally affirmed rigid vertical of power, in which the autonomy of local Soviets strongly limited, reflecting the presence of the country's administrative-command system.

Key words: Constitution, Soviets, public authorities, the right to vote, electors.

Конституция СССР 1936 г. [1] была уже третьей по счету в Советском государстве (далее, если нет специальных указаний, после образования СССР в 1922 г. мы имеем в виду союзные конституции), но первой, проект которой был предварительно обнародован и обсужден в довольно широких масштабах. В частности, в обсуждении участвовали 75 миллионов советских граждан, которые в общей сложности внесли более двух с половиной миллионов разного рода предложений, поправок, дополнений [2, с. 29]. Этот Основной закон страны в обиходе получил название «конституции победившего социализма», другое распространенное наименование – «сталинская конституция» (следует заметить, что последний термин достаточно активно используется также в историко-правовой литературе [3; 4]). Конституция Союза ССР 1936 г. провозгласила, что социализм в Советском государстве победил и в основном построен. В реальности это означало, что в стране была установлена диктатура пролета-

риата, ликвидирована частная собственность, а вместе с ней и эксплуататорские классы, и в целом победили новые социалистические производственные отношения. Соответственно, в качестве экономической основы утверждалась плановая социалистическая система хозяйствования, которая опиралась на социалистическую (всенародную) собственность в двух ее основных формах – государственной и колхозно-кооперативной. Важно заметить, что впервые Конституция Союза ССР 1936 г. всем гражданам предоставляла равные права (ранее имелись некоторые ограничения по классовому признаку).

Экономическим основам в соответствии с советской политико-идеологической доктриной соответствовала и система властеотношений, основанная на Советах депутатов трудящихся всех уровней снизу доверху. Так, высшей законодательной властью в СССР являлся Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат, а в перерывах между его сессиями функции высшего органа власти осуществлял Президиум

Верховного Совета, который в те годы возглавлял М.И. Калинин.

Институт местных Советов депутатов трудящихся был регламентирован в отдельной гл. VIII «Местные органы государственной власти». Рассмотрим подробнее конституционно-правовое регулирование местных Советов депутатов трудящихся – нижнего уровня государственной власти. В целом по сравнению с Конституцией СССР 1924 г. (Конституцией РСФСР 1925 г.) институт местных Советов в Конституции Союза ССР 1936 г. претерпел ряд существенных изменений организационного характера. Данное обстоятельство мы подчеркиваем особо, учитывая, что в части полномочий, прежде всего на уровне районов, городов и сельсоветов, местные Советы в основном сохранили свои позиции.

Помимо указанных выше положений, выделим еще несколько, отражающих общий статус местных Советов. Так, в литературе справедливо отмечается, что в новой Конституции Союза ССР 1936 г. с точки зрения государственно-правовой методологии выделяется такой конституционный принцип, определивший строение и взаимоотношения органов Советского государства, как демократический централизм [5]. Суть его довольно подробно раскрывалась еще в советской юридической литературе, где указывалось, что данный принцип выражался в выборности государственных органов, в отчетности депутатов перед своими избирателями, в отзыве депутатов, не оправдавших доверие избирателей, а также в руководстве и контроле за деятельностью нижестоящих органов государственной власти со стороны вышестоящих [6, с. 34; 7]. При этом данный принцип преподносился исключительно в позитивном ключе – вопрос о степени самостоятельности местных Советов в условиях административной соподчиненности даже не ставился.

Говоря о конкретике, прежде всего отметим, что уже в самом названии гл. VIII Конституции Союза ССР четко определена концепция местных Советов – это низовое звено единой государственно-властной системы. Такой подход законодателя вполне отражал государственное устройство страны, которое сложилось к тому времени в СССР, а именно: в стране уже функционировала административно-командная система управления, суть которой заключалась в том, что Советы депутатов трудящихся всех уровней представляли собой соподчиненную административно вертикаль законодательной и исполнительной власти. Соответственно, и депутаты Советов всех уровней работали строго в русле правящей идеологии, что предопределило окончательное огосударствление мест-

ной власти (ранее в империи часть властных полномочий, пусть и небольшая, была у земств и городского самоуправления, и в первые годы советской власти также речь шла об определенном самоуправлении).

По Конституции Союза ССР 1936 г. местные органы власти (местные Советы депутатов трудящихся) формировались на следующих территориях: в областях, автономных областях, краях, округах, городах, районах, селах (деревнях, станицах, хуторах, аулах, кишлаках). Согласно ст. 95 Конституции областные, автономных областей, краевые, окружные, городские, районные, сельские (в деревнях, станицах, хуторах, аулах, кишлаках) Советы депутатов трудящихся должны были избираться трудящимися соответствующих территорий в областях, автономных областях, краях, округах, городах, районах, селах сроком на два года. Нормы представительства депутатов от населения в Советах депутатов трудящихся устанавливались конституциями союзных республик.

Довольно четко Конституция Союза ССР 1936 г. определяла назначение Советов депутатов трудящихся. В частности, указывалось, что Советы депутатов трудящихся руководят местным хозяйственно-культурным строительством, деятельностью подчиненных органов государственного управления, обеспечивают охрану социалистического порядка, соблюдение законов, прав граждан, утверждают местный бюджет. Согласно ст. 99 Конституции исполнительными органами областных, автономных областей, краевых, окружных, городских, районных и сельских Советов депутатов трудящихся определялись исполнительные комитеты, избираемые депутатами соответствующих Советов в следующем составе: председателя исполкома, его заместителей (их могло быть несколько), секретаря и членов исполкомов. В небольших поселениях, согласно конституциям союзных республик, исполнительными органами Советов депутатов трудящихся были также избираемые Советами председатель, его заместитель и секретарь. Исполкомы были непосредственно подотчетны по двум направлениям: как избравшему их Совету депутатов трудящихся, так и исполкому вышестоящего Совета депутатов трудящихся (ст. 100–101). В этом выражалась вертикаль власти сверху донизу.

Как отмечалось выше, Советы депутатов трудящихся избирались населением, что давало основания говорить о них как о власти народа. В Конституции Союза 1936 г. избирательному праву придавалось существенное значение. Это право провозглашалось все-

общим, равным и прямым. Устанавливалось, что не обладали избирательным правом только умалишенные, а также лица, осужденные судом к наказанию, связанному с лишением избирательных прав (ст. 134, 135). Женщины пользовались избирательным правом наравне с мужчинами, что вытекало из более общего принципа равенства прав мужчин и женщин. Выборы депутатов Советов депутатов трудящихся всех уровней производились избирателями непосредственно.

В части регулирования статуса депутата Советов интерес представляет новелла, закрепленная в ст. 52 Конституции Союза ССР 1936 г., согласно которой депутат Верховного Совета СССР не мог быть привлечен к уголовной ответственности или задержан без согласия самого Верховного Совета СССР (в период между сессиями согласие должен был давать Президиум Верховного Совета СССР). Тем самым стал формироваться институт неприкосновенности депутата, т.е. депутатский иммунитет. Однако тогда в этой Конституции речь шла только о депутате Верховного Совета СССР, т.е. высшего представительного органа власти Советского государства. Неприкосновенность депутатов всех уровней Советов депутатов трудящихся стала закрепляться на законодательном уровне позже.

Следует заметить, что изменения, которым подверглась система Советов после принятия Конституции Союза ССР 1936 г. (и соответственно по конституциям союзных республикам), вызвали довольно резкую критику и в нелегальной политической литературе. В частности, ставший в оппозицию к политической властной элите того времени М.Н. Рютин при изложении программы «Союза марксистов-ленинцев» отдельный раздел посвятил вопросу, связанному с «кризисом Советов депутатов». Он отмечал, например, что «выборность Советов в подавляющей степени заменена назначением. В Советах сидят теперь люди, которые прислушивающиеся не к голосу масс, как должно быть, а только к голосу начальства; они смотрят не вниз, а вверх; это люди, которые по требованию начальства могут учинить какой угодно произвол, прикрываясь именем и волей масс» [8, с. 430]. Этот автор подытожил свои рассуждения тем, что «советы из органов, где выражалась воля и подлинные желания широчайших рабочих масс и бедняцко-среднеяцкой части деревни, фактически превратились в органы подавления воли этих широчайших масс» [8, с. 430–431].

Тем не менее в реальности «широчайшие массы» не отвергали Советы депутатов трудящихся, а участвовали в них, поскольку

формально депутаты отражали принцип народовластия, а указанная выше точка зрения представляется явно политизированной. Соответственно, после принятия Конституции Союза ССР 1936 г. и несколько позже конституций союзных республик все звенья представительной власти избирались на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Мы расцениваем это как принципиальный рубеж, учитывая, что впервые все население Советского государства стало непосредственно участвовать в формировании представительной власти (до этого в Российской империи действовал сословный признак, а в Советском государстве начального периода – классовый признак). Система съездов Советов, в том числе на местном уровне, была упразднена как громоздкая и слабоуправляемая. Местные Советы были самыми многочисленными органами госвласти.

Следует заметить при этом, что депутаты местных Советов депутатов трудящихся осуществляли свои полномочия на общественных началах, т.е. без отрыва от основной деятельности. Избиратели давали наказы избранным депутатам, которые должны были отчитываться о проделанной работе перед трудовыми коллективами. Однако часто такие отчеты выливались в пустую формальность, поскольку наказы, как правило, подгонялись под планы социально-экономической деятельности, доводимые сверху, а от избирателей принимались лишь те наказы, которые не нуждались в больших материальных затратах.

Как мы отмечали, после принятия Конституции Союза ССР 1936 г. в союзных республиках были приняты соответствующие конституции, которые во многом дублировали союзную конституцию. Например, в Конституции РСФСР 1937 г. [9] также подчеркивается вертикаль госвласти снизу доверху (ст. 77). В ст. 79 дублируется предназначение Советов депутатов трудящихся и т.д. Вместе с тем, нужно заметить, что централизация местного управления отнюдь не означала, что местные Советы депутатов трудящихся все вопросы решали по указке сверху, т.к. решать все местные вопросы только с разрешения вышестоящих органов просто невозможно, ибо их слишком много. В этом контексте в литературе отмечается «беспочвенность» утверждения о том, что местные Советы депутатов трудящихся были бесправны, все время находились в подчинении ВКП(б)-КПСС и никакой существенной роли в жизни страны не играли. Между тем практика деятельности местных Советов депутатов трудящихся показывает, что на самом деле, хотя партийные органы давали директивы, но многочисленные

вопросы местной жизни Советы депутатов трудящихся выполняли и решали самостоятельно [10, с. 517].

Вместе с тем, следует признать, что местные Советы того времени нельзя относить к самостоятельным органам власти – это было невозможно в условиях функционирования в СССР административно-командной системы при уже сложившемся в те годы культе личности Сталина. Кроме того, Советы всех уровней, и местные Советы не были исключением, находились под жесткой опекой партийных структур начиная с момента выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов – таковым мог стать только гражданин, абсолютно преданный советской

власти, а значит, Советы всех уровней выполняли волю политического руководства. Таким образом, институт местных Советов депутатов трудящихся в результате принятия Конституции Союза ССР 1936 г., с одной стороны, получил определенное прогрессивное развитие (принцип равенства и выборности депутатов всех уровней непосредственно населением, а не через выборщиков, как было ранее при системе Съездов Советов), а с другой стороны, местные Советы, несмотря на провозглашение их самостоятельной компетенции, оставались своеобразным придаточным механизмом, посредством которого руководящая ВКП(б) осуществляла свою политику на местах.

1. Конституция (Основной Закон) Союза ССР: утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 дек. 1936 г. // Изв. Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1936. № 283.

2. Макартцев А.А. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 года как этап легитимации сталинского законодательства // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. вып. «Право». 2006. Т. 2. Вып. 2.

3. Шуберт Т.Э. Этапы развития советской государственности 1917–1940 гг. и их оценка в трудах советских государствоведов // Журнал рос. права. 2014. № 7. С. 117–126.

4. Киричек Е.В. Этапы конституционного развития прав и свобод человека и гражданина и механизма их обеспечения в России: историографический очерк // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 7. С. 44–47.

5. Есиева Ф.К. Конституционно-правовые основы взаимодействия законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти: советский и российский постсоветский опыт // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 45–48.

6. Васильев В.И. О коллективности в работе местных Советов. М., 1957.

7. Лукьянов А.И. Законодательство о Советах депутатов трудящихся и его развитие. М., 1972.

8. Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991.

9. Конституция РСФСР 1937 г. // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

10. Алешенко Н.М. Особенности деятельности местных Советов в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.

1. Constitution (Fundamental Law) of the USSR: appr. with resolution of Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR of Dec. 5, 1936 // Proceedings of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1936. № 283.

2. Makartsev A.A. Public discussion of the draft Constitution of the USSR of 1936 as a stage legitimation of Stalinist legislation // Bull. of the Novosibirsk state university. Ser. iss. «Law». 2006. Vol. 2. Vol. 2.

3. Schubert T.E. Stages of development of the Soviet state in 1917–1940 and their evaluation in the works of Soviet scientists in state government // Journal of Russian law. 2014. № 7. P. 117–126.

4. Kirichek E.V. Stages of development of the constitutional rights and freedoms of man and citizen, and the mechanism of their software in Russia: a historiographical essay // State government and local government. 2013. № 7. P. 44–47.

5. Esieva F.K. Constitutional and legal basis for cooperation of legislative (representative) and executive bodies of state power: Soviet and Russian post-Soviet experience // State governmental and local government. 2011. № 3. P. 45–48.

6. Vasilyev V.I. About the collective in the local Soviets. Moscow, 1957.

7. Lukyanov A.I. Legislation on the Soviets and its development. Moscow, 1972.

8. Rehabilitation: Political processes of 30–50 / ed. by A.N. Yakovlev. Moscow, 1991.

9. The Constitution of the RSFSR of 1937 // Coll. of statutes of the RSFSR. 1937. № 2. Art. 11.

10. Aleshchenko N.M. Features of the activity of local Soviets during the Great Patriotic War // Russia in the XX century: Historians of the world argue. Moscow, 1994.

Рассказов Вячеслав Леонидович

аспирант Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: mail@kubsau.ru)

Деятельность сыскной полиции Петербурга в начале XX века

В статье освещается процесс совершенствования сыскной полиции Петербурга в начале XX в., приведший к созданию полицейской службы уголовного сыска, ставшей своеобразным эталоном для учреждения аналогичных служб в других крупных городах Российской империи.

Ключевые слова: сыскная полиция, уголовная преступность, сыщик, проект, штат, Летучий отряд, эталон.

V.L. Rasskazov, Post-graduate of the Kuban State Agrarian University; e-mail: mail@kubsau.ru

The activities of the detective police of St. Petersburg in the early twentieth century

The article highlights the process of improving police detective Petersburg in the early twentieth century that led to the establishment of the police service, criminal-investigation, which became a kind of benchmark for the establishment of similar services in other major cities of the Russian Empire.

Key words: detective police, criminality, detective, project, staff, the Sweeney, standard.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи на первый план выдвигались социальные противоречия, усиливался радикализм политических сил, имевший и без того глубокие корни в отечественной истории [1, с. 132]. Междоусобица среди демократических сил мешала найти выход из экономического кризиса, углубляла социальный разлад, успешно подготавливала почву для прихода к власти самых радикальных сил [2, с. 47]. МВД Российской империи, образованное в 1802 г. [3, с. 64], явно не справлялось со своей обязанностью.

К этому следует добавить, что уголовная преступность в стране также возрастала. В силу этого деятельность Петербургской сыскной полиции, специализированного подразделения по борьбе с уголовной преступностью, учрежденного 31 декабря 1866 г. приказом № 266 по столичной полиции [4, с. 406], со штатом 23 человека [5], продолжала совершенствоваться: устанавливались «постоянные сношения с Сыскными отделениями других городов Империи, а также с полицией иностранных государств» для взаимодействия в сфере борьбы с преступниками-«гастролерами» как на общероссийском уровне, так и межгосударственном. Такие меры значительно снизили уголовную преступность в столице. Так, в 1901 г. сыскная полиция провела 2943 дознания и розыска, задержано 22 убийцы и 25648 других преступников. «Фотографией» при сыскной полиции изготовле-

но 729 снимков; по лицам, представляющим оперативный интерес, составлено и влито в картотеку 15860 «алфавитных листков». В антропометрическом отделении к рассматриваемому времени было оформлено 47437 «измерительных листков» по столичным жителям и 10453 – по провинциальным [6, с. 25–26]. В следующем, 1902 г. в производстве сыскной полиции было 3094 дознания и розыска; антропометрическое отделение измерило 4083 лица и обнаружило 117 рецидивистов, к 1 января 1903 г. в его картотеке содержалось 51520 «измерительных листков» [7, с. 31]. При этом необходимо иметь в виду регулярный рост населения Петербурга, которое к концу XIX в. составляло около 1 млн 300 тыс. человек [8, с. 8].

В октябре 1902 г. при сыскной полиции был учрежден «Стол о дворниках и швейцарах», в котором сосредоточилась информация о благонадежности, помимо лиц указанных профессий, также о служащих в питейных заведениях и извозчиках. К началу 1904 г. в алфавитную картотеку было влито около 30 тыс. листков с подробными сведениями о каждом из названной категории лиц [9, с. 13]. Полагаем, подобные меры были предприняты в целях более эффективного привлечения к конфиденциальному сотрудничеству с сыщиками лиц из этих слоев петербургского общества, могущих систематически предоставлять оперативно значимую информацию для использования при раскрытии преступлений.

И без того хорошо отлаженный механизм функционирования столичной сыскной полиции начинает набирать обороты с приходом в феврале 1903 г. на должность начальника Петербургской сыскной полиции (1903–1915) Владимира Григорьевича Филиппова, который перестроил и интенсифицировал работу сыщиков. Главными инновационными формами деятельности сыскной полиции, которые он привнес, являлись: организация систематического контроля за деятельностью каждого чина уголовного сыска; ведение широкомасштабных оперативно-розыскных мероприятий по профилактике преступлений; учреждение в своем ведомстве дежурной части для максимально оперативного реагирования на совершенные преступления; широкое внедрение научных методов уголовного сыска (регистрация преступников, оперативная фотография, фотоэкспертиза) [10, с. 50]. По словам Г. Зуева, главный столичный сыщик «особое внимание уделял внедрению в работу уголовного розыска новейших достижений криминалистики. При нем российская сыскная полиция одна из первых в мире стала широко применять дактилоскопию и фотографирование преступников... По его инициативе и при содействии его ближайшего помощника Л.К. Петровского в практику работы полиции были впервые внедрены “летучие отряды”» [11, с. 247].

С 1903 г. активизируется и деятельность городских властей по формированию нового штата столичной сыскной полиции. По проекту градоначальника Н.В. Клейгельса предусматривалось увеличить вдвое полицейских надзирателей – с 50 до 100 (из 120 надзирателей по штату, утвержденному 12 мая 1887 г., 70 было прикомандировано к Охранному отделению). Помимо этого, предлагалось учредить еще одну должность чиновника сыскной полиции, который бы заведовал арестантской частью. Дело в том, что в течение года через столичную сыскную полицию проходило порядка 30 тыс. арестантов, а все дела по ним находились в ведении помощника начальника сыскной полиции, на которого, помимо этого, возлагались и другие функции: производство дознаний по важнейшим делам, надзор и контроль за деятельностью личного состава сыскной полиции, замещение начальника в его отсутствие и проч. Кроме этого предлагалось ввести штатные должности фотографа и фельдшера, а также увеличить на одну единицу состав канцелярии, разделив обязанности журналиста и

архивариуса. Планировалось поднять расходы на розыск с 15 до 30 тыс. руб., а на канцелярские надобности – с 7 до 12 тыс. руб. Увеличение на розыск аргументировалось выездами сыщиков в другие губернии России и за границу по делам, в том числе и общегосударственного значения, а также созданием разветвленной сети секретной агентуры во всех слоях столичного общества, в первую очередь среди прислуги увеселительных заведений, трактиров, ресторанов, гостиниц, постоянных дворов, общественных и частных учреждений и т.п. В число канцелярских расходов предполагалось включить деятельность антропометрического бюро, издержки на фотографию и наем писцов [10, с. 52–53].

2 февраля 1904 г. император Николай II утвердил мнение Государственного Совета «Об усилении штата сыскной полиции города С.-Петербурга»: к штату, утвержденному 12 мая 1887 г., были добавлены должности чиновника сыскной полиции, фельдшера и 25 полицейских надзирателей 3-го разряда. Практически всем чинам были повышены оклады содержания, на разъезды полицейским надзирателям ежегодно отпускалось 7000 руб., канцелярские расходы увеличились на 3000 руб. и на наем фотографа – 100 руб. ежегодно [12]. Как видим, не все важные аспекты реализованного проекта нашли свое окончательное утверждение. По всей видимости, это было связано с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг., потребовавшей больших финансовых вливаний из государственной казны на военные нужды.

Увеличение штата сыскной полиции, как следует из ежегодного отчета столичного градоначальника, «дало возможность некоторым образом реорганизовать деятельность сыскной полиции и уже к 1-му июля отчетного года был сформирован в целях принятия более энергичных мер к охранению общественной безопасности и предупреждению преступлений так называемый “Летучий отряд” сыскной полиции из одного чиновника для поручений и 12 постоянных полицейских надзирателей...» [13, с. 40]. В задачи вновь образованной структуры входило: 1) «принимать все зависящие меры к удалению из Петербурга порочного элемента и предупреждению и пресечению преступлений...»; 2) наблюдать: за злочными местами и «накрывать азартные игры»; «за правильной пропиской и ведением книг в домах, меблированных комнатах и гостиницах»; 3) пресекать хулиганские проявления; 4) «вести фотографи-

ческие альбомы преступников»; 5) «исполнять поручения по расследованию преступлений». Результатом деятельности Летучего отряда в период с 1 июля по 31 декабря 1904 г. стало задержание 1652 лиц, представлявших оперативных интерес [13, с. 40]. Говоря современным языком, Летучий отряд Петербургской сыскальной полиции стал своеобразным отрядом быстрого реагирования по предотвращению и раскрытию преступлений.

7 мая 1907 г. градоначальник Петербурга генерал-майор Д.В. Драчевский вошел с ходатайством к министру внутренних дел П.А. Столыпину о переименовании столичной сыскальной полиции, подобно аналогичным западноевропейским службам, в «уголовную полицию». В качестве аргумента он ссылаясь на то, что термин «сыск» ассоциировался у обывателей и даже у государственных чиновников с политическим сыском (розыском) – «охранкой». (В скобках заметим, что американский историк Чарльз Рууд и его российский коллега С.А. Степанов, занимавшиеся исследованием органов политического розыска России, отмечают, что под охранкой в то время подразумевалась вся политическая полиция, и предполагают, что слово «охранка» лучше всего характеризовало главную задачу тайной полиции – «охранять, защищать государственный строй» [14, с. 5]. Градоначальник обращал внимание министра на два фактора: 1) в годы революционных волнений 1905–1907 гг. общество относилось к охранке достаточно настороженно, если не сказать враждебно, и смена названия должна была способствовать укреплению авторитета учреждения уголовного розыска; 2) в столичную сыскальную полицию по ошибке

направлялось значительное количество материалов (заявлений, документов и т.п.), касавшихся государственных преступлений и отнесенных законом к компетенции Петербургского охранного отделения, что обременяло сыщиков излишней перепиской. Однако директор Департамента полиции МВД М.И. Трусевич в удовлетворении ходатайства отказал, сославшись на то, что наименование «сыскальная полиция» установлено в законодательной форме и «изменение названия не избавит от указанных в ходатайстве затруднений» [10, с. 55].

Отдельно отметим, что 1907 г. стал последним годом накануне образования общероссийской структуры уголовно-сыскальной полиции в соответствии с законом «Об организации сыскальной части» от 6 июля 1908 г., и Петербургская сыскальная полиция эффективно закончила 1907 г., осуществив 8726 дознаний, причем «все выдающиеся преступления были открыты и преступники задержаны». Неплохо сработал и Летучий отряд, задержавший 2114 человек. Антропометрическое бюро зафиксировало 19418 лиц, сфотографировав 2138 [15, с. 20–22].

Таким образом, за сорок лет своей деятельности столичная сыскальная полиция трансформировалась из небольшого по штату подразделения в эффективную специальную полицейскую службу уголовного сыска, оснащенную последними научными разработками и методиками, располагавшую действенной внутриведомственной организацией и достаточным финансированием. Петербургская сыскальная полиция стала своеобразным эталоном для учреждения аналогичных служб в других крупных городах Российской империи.

1. Рассказов Л.П. *Теория государства и права: углубленный курс*. М., 2015.

2. Рассказов Л.П. *ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917–1941 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук*. СПб., 1994.

3. Упоров И.В., Старков О.В., Рассказов Л.П. *Теория государства и права: курс лекций*. М., 2005.

4. *Приказ № 266 от 31 декабря 1866 года // Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции / сост. К. Бахмутов*. СПб., 1870.

1. Rasskazov L.P. *Theory of state and law: advanced course*. Moscow, 2015.

2. Rasskazov L.P. *All-Russian Extraordinary Commission – State Political Administration – United State Political Administration – People's Commissariat of Internal Affairs in the mechanism of formation and functioning of the political system of Soviet society (1917–1941): diss. ... Dr of Law*. St. Petersburg, 1994.

3. Uporov I.V., Starkov O.V., Rasskazov L.P. *Theory of state and law: course of lectures*. Moscow, 2005.

4. *Order № 266 of December 31, 1866 // Index to the orders of the St. Petersburg police / comp. K. Bakhmutov*. St. Petersburg, 1870.

5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 42. Отд. 2. Штаты и таблицы, к № 44772.

6. Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1901 год. СПб., 1902.

7. Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1902 год. СПб., 1903.

8. Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 года / сост. Центр. стат. ком. на основании подсчетов местных особых комиссий. СПб., 1898.

9. Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1903 год. СПб., 1904.

10. Шаламов А.Ю. Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / под ред. В.Л. Телицына. М., 2013.

11. Зуев Г. Съезжий дом второй Адмиралтейской части // Нева. 2003. № 11.

12. ПСЗ. Собр. 3. Т. 24. № 23974.

13. Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1904 год. СПб., 1905.

14. Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

15. Приложение к Всеподданнейшему отчету по С.-Петербургскому градоначальству за 1907 год. СПб., 1908.

5. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 42. Dep. 2. States and report cards, to the № 44772.

6. Application to humbly report by the St. Petersburg city government for 1901. St. Petersburg, 1902.

7. Application to humbly report by the St. Petersburg city government for 1902. St. Petersburg, 1903.

8. The population of the city of St. Petersburg, Moscow, Warsaw and Odessa on census of January 28, 1897 / comp. Centre. stat. com. by counting the local special commissions. St. Petersburg, 1898.

9. Application to humbly report by the St. Petersburg city government for 1903. St. Petersburg, 1904.

10. Shalamov A.Yu. Russian «Pharaoh»: secret police of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century / ed. by V.L. Telitsyn. Moscow, 2013.

11. Zuyev G. Meeting home of the second part of the Admiralty // Neva. 2003. № 11.

12. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 24. № 23974.

13. Application to humbly report by the St. Petersburg city government for 1904. St. Petersburg, 1905.

14. Ruud Ch., Stepanov S.A. Fontanka, 16: Political investigation under the tsars. Moscow, 1993.

15. Application to humbly report by the St. Petersburg city government for 1907. St. Petersburg, 1908.

Кортиаев Тимур Юрьевич

кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры «Менеджмент»
Северо-Осетинского государственного педагогического института
(e-mail: timur-nosu@mail.ru)

Влияние политических факторов на основы конституционного функционирования институтов государственной власти и гражданского общества

В статье описываются политические факторы, оказывающие влияние на функционирование институтов государственной власти и гражданского общества. Рассматриваются основные мероприятия, в которых могли бы участвовать институты гражданского общества. Подчеркивается роль гражданского общества в стабилизации политической ситуации.

Ключевые слова: политическая стабильность, гражданское общество, социальный менеджмент, право, законодательство, политическое регулирование.

T.Yu. Kortiaev, Master of Economics, Senior Lecturer of the Chair «Management» of the North Ossetian State Pedagogical Institute; e-mail: timur-nosu@mail.ru

The influence of political factors on the basis of the constitutional functioning of the institutions of government and civil society

The article describes the political factors influencing on the functioning of government institutions and civil society. The basic activities that could participate institutions of civil society are considered. The role of civil society in the stabilization of the political situation is shown.

Key words: political stability, civil society, social management, law, legislation, political regulation.

В процессе формирования права как системы нормативного регулирования в различных его формах политический фактор играет главную роль. Государственная власть, методы ее реализации обуславливают процесс формирования государственной организации общества. Политические факторы гарантируют возможность успешного управления делами общества. В сложных ситуациях они обеспечивают возможность выживания общества как самостоятельной структуры.

Законодательный процесс представляет собой часть политического процесса. В проектах законодательных актов, предлагаемых субъектами законодательной инициативы, непосредственно воплощается государственный интерес. Законы, разрабатываемые самой Государственной Думой РФ, также выражают общий политический курс развития страны, политическую идеологию, политические интересы [1, с. 77–78].

Анализируя законодательные акты, можно прийти к выводу, что часть из них имеет ярко выраженный политический характер.

Конституция РФ, закрепляя основы государственного управления, представляет собой не только правовой документ, но и политический, исходя из того, что политика есть искусство управления. В Основном законе государства право и политика имеют наиболее концентрированное содержание.

Следует признать, что не всегда в соотношении политики и права приоритет отдается последнему. По справедливому мнению Н.В. Бутусовой, гарантом политической стабильности в обществе выступает Конституция. Опасность возникновения политической нестабильности возникает в случае превращения Конституции в инструмент и средство политики. Конституция является безусловной ценностью только тогда, когда политика государства во всех сферах жизни подчинена ей, а политическая конъюнктура и целесообразность никогда не могут быть поставлены выше требований конституционной законности и конституционной стабильности. В результате приспособления Основного Закона к политической конъюнктуре Конституция дискредитируется, утрачивает ценность документа, содержащего важные

доктринальные положения, являющиеся правовой и идеологической основой развития общества и государства [2].

В литературе отмечается, что право имеет ограниченное воздействие на регулирование политики [1, с. 78]. Действительно, с помощью юридических норм стандартизовать все многообразие политических отношений в обществе невозможно. С другой стороны, в политической жизни страны большое место занимают усмотренческие положения, их также невозможно детально «закрепить» в букве закона. Поэтому велико значение правовой культуры, которая служит маяком в соотношении политико-правового и политического регулирования общественных отношений.

Правовая стабильность – основа политической стабильности. Для того чтобы реализация федеральной политики была успешной, чтобы государство могло обеспечить управляемость делами общества и государства, необходимо в качестве основы иметь единое непротиворечивое общефедеральное правовое пространство. Политическая стабильность обеспечивается при условии единства Конституции и законов Российской Федерации, основ законодательства субъектов Российской Федерации и одновременно – при четком разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации.

По мнению главы Российского государства В.В. Путина, политические коллизии нужно решать правовыми способами и в правовой форме на основе верховенства закона [3].

На наш взгляд, политические факторы оказывают решающее воздействие на действие всей правовой системы, на деятельность всех государственных органов. Как часто приходится убеждаться, что именно от политической воли зависит принятие, изменение тех или иных законодательных актов.

Так, государство десятилетиями «закрывало глаза» на вред курения, ограничиваясь паллиативными мерами. Федеральным законом от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [4] был в одночасье отдан приоритет охране здоровья граждан перед интересами табачных организаций.

Упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ [5] – яркий пример реализации сильной политической воли.

Принятие Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» тоже ярко окрашено политическими красками.

Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [6] был закреплен запрет на усыновление российских детей гражданами Соединенных Штатов Америки. В юридической литературе отмечается, что данный Закон, именуемый за рубежом «Закон Димы Яковлева», и денонсация Российско-американского соглашения об усыновлении детей отчасти решают проблему усиления защиты их прав и законных интересов, предупреждают о недопустимости негативных явлений со стороны приемных семей, взявших на воспитание российских детей, и в других государствах. Одновременно данный Закон показал всему миру, что Россия, которую длительное время по поводу и без повода критиковали за положение дел в стране с правами человека, стала страной, предъявляющей законодательно требования к защите прав россиян за рубежом, а также вводящей санкции по отношению к официальным лицам других государств, допускающим нарушение прав и свобод человека и гражданина [7, с. 6–9].

Чередой нормативных правовых актов, последовательно регулирующих вопросы противодействия коррупции (Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции», Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы», постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и др.), свидетельствуют о реализации политической воли руководства государства бороться с этим «злым недугом».

Влияние политических факторов усматривается в деятельности Конституционного Суда РФ. К числу «политизированных» решений Конституционного Суда РФ, на наш взгляд, можно отнести постановление от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений

в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».

Проводником политических факторов выступает само государство в лице его органов и должностных лиц.

Рассматривая регулирующее воздействие политического фактора, следует учитывать и наличие той или иной политической конъюнктуры. Политическая конъюнктура, как внутриполитическая, так и международная, во многом обуславливает направленность политической стратегии и тактики. Пример тому – политическая ситуация в стране в связи с событиями на Украине (с 2013 г. по настоящее время).

Политическая конъюнктура оказывает воздействие и на финансовую сферу Российской Федерации. Пример тому – громкая череда отзывов Центральным банком России лицензий у российских банков (в обоснование принятия соответствующих решений указываются неисполнение кредитными организациями федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, а также нормативных актов Банка России, установление фактов существенной недостоверности отчетных данных и др.).

На сегодняшний момент большое влияние на функционирование институтов власти Российской Федерации оказывает геополитический фактор.

В частности, следует отметить события, происходящие в связи с односторонними ограничительными политическими и экономическими мерами, которые были введены в отношении Российской Федерации, причастной к подрыву политической ситуации на Украине, в том числе и за присоединение Крыма. Инициаторами введения санкций стали страны Запада. В свою очередь, Россия также ответила санкциями.

В подобных, постоянно усложняющихся политических и экономических условиях особое значение для сохранения самостоятельности, самобытности и целостности государства приобретают структуры и институты, защищающие права и интересы граждан, позволяющие обществу противостоять указанным выше процессам. Одной из таких структур является гражданское общество. При этом гражданское общество может оказывать влияние на экономические процессы в целом, в частности с помощью специфических организаций, непосредственно связанных с экономической жизнью общества (профсоюзы, профессио-

нальные ассоциации и т.п.). Взаимодействие институтов гражданского общества и органов власти стало традиционной практикой на всех уровнях социального менеджмента.

При этом следует отметить, что институты гражданского общества могли бы участвовать в следующих мероприятиях.

1. Оказывать дополнительную поддержку малым и средним компаниям путем привлечения внимания административных органов на местах к организационно-финансовым проблемам этих компаний, разработки планов их реорганизации, оказания специального правового консалтинга.

2. Участвовать в разработке комплексного пакета по вопросам либерализации условий для предпринимательской деятельности мелкого и среднего бизнеса, увеличения их кредитования и других практических мер в целях облегчения финансовых основ их функционирования в условиях нынешнего финансового и экономического кризиса.

3. Необходимо расширить представительство организаций гражданского общества на локальном уровне государственной власти. Это тем более важно из-за кредитного кризиса, снижения темпов жилищного строительства и серьезного скачка тарифов на коммунальные услуги, цен на продовольствие и другие товары первой необходимости и услуги. В результате следует ожидать сокращение производства в сфере мелкого и среднего бизнеса, не связанного с падением добычи в добывающей промышленности, стагнацию розничного товарооборота, неисполнение плана сбора налогов в секторе местного предпринимательства, падение реальных доходов населения, что скажется на доходах этого сектора, а также неблагоприятную динамику социальной обстановки в целом.

4. В этом аспекте гражданское общество способно предложить сократить неэффективные расходы в рамках структуры бюджета, чтобы найти средства для инъекций в сферу инвестиционного спроса. Возможна и такая мера, как увеличение резервных требований для коммерческих банков, с тем чтобы банки могли обеспечить кредитование экономики мелкого и среднего бизнеса. При этом следует учитывать, что увеличение резервных требований признано международными аналитиками позитивным финансовым инструментом, который может обеспечить стабильность и предсказуемость банковского сектора.

5. В качестве важной меры можно считать взятие государством на себя бюджетных расходов на социальное обеспечение и выплат

той группе населения, которая располагает низким уровнем доходов. Это, в том числе, позволит сократить расходы компаний, которым не придется прибегать к массовым увольнениям. Облегченный доступ к кредитам для здоровых компаний также позволил бы сократить число увольнений.

6. Необходимо менять критерии поддержки и финансирования операций частных компаний. Быстрое списание части инвестиционных затрат является еще одной важной мерой. Это будет стимулировать компании вкладывать больше средств в производство. Субсидии будут также способствовать тому, чтобы стимулировать инвесторов для покрытия части расходов. В то же время не являются антикризисной мерой предложения о поддержке частного потребления, поскольку значительная часть потребляемых товаров импортируется. В результате затрат национального бюджета потребитель будет поддерживать компании иностранных экономик. Такая мера была бы неэффективной и безответственной. Наряду с поддержкой кредитов и занятости, необходима важная в интересах гражданского общества поддержка инфраструктуры и региональных проектов, в том числе экологических, а также поддержка образования и научных исследований. Эти меры могут иметь постоянный или временный характер [8, с.113].

Таким образом, активизация влияния гражданского общества на современное мировое развитие, безусловно, связана с процессами глобализации. Однако не следует забывать, что институты гражданского общества могут оказывать как положительное влияние на международную обстановку, на состояние внутренней политики государства, так и отрицательное. Так, институты гражданского общества, финансируемые за счет иностранных государств, зачастую враждебно настроенных к Российской Федерации, могут сыграть большую роль в процессе дестабилизации политической обстановки в России. Используя лозунги защиты прав человека, эти институты способствуют дискредитации различных уровней власти, усиливают обострение противоречий на национальной и религиозной почве. Именно такие отношения будут определяющими для будущего развития страны. В литературе отмечается, что в целях усиления влияния на внешнюю и внутреннюю политику России и других стран бывшего СССР США создали глубоко эшелонированную, многомерную структуру разного рода неправительственных организаций и институтов сетевого и иерархического типа, управляемых из одного центра, на верхнем уровне которого расположены собственно американские институты, в задачи которых входит прямо или косвенно влиять на ситуацию в России и вокруг нее.

1. Казаков Д.В. *Политический фактор в законотворчестве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.*

2. Бутусова Н.В. *О модернизации российской Конституции (цели, задачи, пути осуществления) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1.*

3. *Рос. газ. 2001. 25 окт.*

4. *Там же. 2013. 26 февр.*

5. *Там же. 2014. 7 февр.*

6. *Там же. 2012. 29 дек.*

7. Миронов М.А., Червинская А.В. *Нормативно-правовые аспекты усыновления детей граждан Российской Федерации иностранными гражданами и изменения их гражданства // Семейное и жилищное право. 2013. № 6.*

8. Кортиаев Т.Ю. *Антикризисный потенциал экономики гражданского общества: дис. ... канд. экон. наук. Владикавказ, 2009.*

1. Kazakov D.V. *Political factor in lawmaking: diss. ... Master of Law. Moscow, 2010.*

2. Butusova N.V. *On the modernization of the Russian Constitution (goals, objectives, implementation) // Constitutional and municipal law. 2013. № 1.*

3. *Rus. newsp. 2001. Oct. 25.*

4. *Ibid. 2013. Febr. 26.*

5. *Ibid. 2014. Febr. 7.*

6. *Ibid. 2012. Dec. 29.*

7. Mironov M.A., Czervinskaya A.V. *Legal aspects of the adoption of children by citizens of the Russian Federation for foreign citizens and change their nationality // Family and housing law. 2013. № 6.*

8. Kortiaev T.Yu. *Anti-crisis economic potential of civil society: diss. ... Master of Economy. Vladikavkaz, 2009.*

Бутенко Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: Aleksbut21@mail.ru)

Проблемы правового статуса добросовестного приобретателя при осуществлении его охраны и защиты

В статье предлагается конкретный механизм по совершенствованию правового регулирования способов защиты добросовестного приобретателя (титального владельца) от всех противостоящих ему лиц в процессе приобретения и владения имуществом. На основании действующего гражданского законодательства автором выявлен ряд проблем гражданско-правового регулирования общественных отношений по осуществлению защиты имущественных интересов добросовестного приобретателя.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, недобросовестный приобретатель, способы защиты субъективных прав, собственник, субъекты гражданского оборота.

A.A. Butenko, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Aleksbut21@mail.ru

Legal status of bona fide purchaser in exercising its protection

The article is devoted to specific mechanisms for the improvement of legal regulation of the ways to protect a bona fide purchaser (title holder) from all persons opposed him in the process of acquisition and ownership of property. On the basis of current civil legislation of the author identified a number of problems of civil-legal regulation of public relations in the implementation of the protection of property interests of bona fide purchaser.

Key words: bona fide purchaser, no bona fide purchaser, methods of protection of subjective rights, owner, subjects of civil turnover.

Среди ученых в области гражданского права нет однозначного подхода к проблеме оптимизации урегулирования общественных отношений с участием добросовестных и недобросовестных приобретателей. Как следствие, защита и восстановление своих субъективных прав и охраняемых законом интересов добросовестными приобретателями обусловлена противоречиями в судебной практике. С подобными противоречиями систематично соприкасаются субъекты гражданского оборота.

Если законодатель, принимая соответствующие нормы права, не в состоянии дать объективное определение «добросовестному владельцу», чего можно ожидать слабой стороне в процессе разрешения подобных споров? Это проявляется и будет проявляться в самых разнообразных мотивировочных судебных решениях не в пользу добросовестных приобретателей своего «сомнительного» имущества.

Если в ближайшее время не будут приняты поправки, которые на законодательном уровне поставят в более справедливое положение добросовестных приобретателей, это может

негативно отразиться на общественных отношениях, где недобросовестные приобретатели будут иметь побуждающую причину для совершения новых противоправных действий в своих интересах.

В судебной практике существуют определенные способы защиты права собственности, но не все из них гармонично вписываются в правовое поле, регулирующее гражданские правоотношения.

Судебная практика неоднократно сталкивалась с неразрешенными противоречиями двух вещно-правовых способов защиты субъективных прав, а именно: истребование имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ) и применение последствий недействительной сделки (ст. 167 ГК РФ). У первоначального собственника, который желал вернуть свое имущество, возникала проблема: какой способ защиты наиболее приемлем в том случае, если покупатель (добросовестный приобретатель) купил чужую вещь у продавца (добросовестного приобретателя), являющегося не собственником и не первоначальным владельцем.

Возникают вопросы, что является наиболее приемлемым для собственника: истребовать имущество у последнего владельца или признавать недействительной сделку по отчуждению имущества? Суды в подобных случаях, как правило, рассматривали иски о признании существующих заключенных сделок «недействительными». Частичную ясность внес Конституционный Суд РФ, указав на порядок разрешения подобных споров между субъектами [1]. С возникновением новых правоотношений между субъектами гражданского оборота с участием «добросовестных и недобросовестных приобретателей» стали также выноситься самые разнообразные судебные решения в арбитражных судах и судах общей юрисдикции [2].

Споры возникают по самым разным обстоятельствам, как правило, в них фигурирует определенное количество лиц. Это может быть собственник своего имущества, который по тем или иным причинам утратил «триаду» правомочий над имуществом по владению, пользованию и распоряжению; недобросовестный приобретатель, завладевший неправомерным путем данным имуществом (движимым или недвижимым) в своих интересах; добросовестный приобретатель в надежде приобрести вещь без «криминального» прошлого, который в определенной ситуации становится слабой стороной в подобных правоотношениях.

При заключении договора купли-продажи движимого или недвижимого имущества с пороком в содержании или субъекте собственник или добросовестный приобретатель на определенном этапе данной сделки лишается своей вещи, а недобросовестный приобретатель на период разбирательства обладает презумпцией невиновности. Собственник, узнав о выбытии своего имущества без его волеизъявления, захочет защитить правомерный интерес и вернуть имущество в первоначальное положение. Добросовестный же приобретатель, узнав о своей «добросовестности», начнет в суде доказывать не только свое титульное владение, но и право собственности на «спорную» вещь [3].

Что предпочтительнее в данной ситуации для «слабой стороны» в качестве способа защиты? Но слабой стороной может быть как собственник своего имущества, так и добросовестный приобретатель на него.

Добросовестный приобретатель при наступлении случая по поводу спорного имущества между заинтересованными лицами может защитить свое правомочие владения, используя возможность по ограничению права собственника на виндикацию своего имущества, т.е. истребование имущества, принадлежащего собственнику, из незаконного владения.

Если собственник на основании судебного решения получает отказ в иске об истребовании недвижимого имущества на законных основаниях, то, в свою очередь, у добросовестного приобретателя может возникнуть право собственности на имущество.

Это исключение из правил распространяется только относительно недвижимого имущества. Так, исключена возможность у добросовестного приобретателя стать собственником недвижимого имущества в силу приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), а значит, такое право может распространяться по отношению только к движимым вещам.

Согласно п. 1 ст. 302 ГК РФ если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

При исследовании существенных признаков данной нормы (ст. 302 ГК РФ) нельзя однозначно утверждать, на кого и в какой мере в процессе судебного разбирательства по искам собственника об истребовании имущества ложится бремя доказывания.

Собственник не обязан доказывать «недобросовестность» титульного владельца, а на добросовестного приобретателя не ложится бремя доказывания своей «добросовестности» при защите владения приобретенного имущества.

В п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», указываются некоторые рекомендации по распределению бремени доказывания между сторонами спора. Так, приобретатель вещи должен доказать, что он завладел имуществом в возмездном порядке и что он не знал и не должен был знать о том, что имущество приобреталось у лица, не имевшего права на его отчуждение [4, с. 81].

Сформировавшаяся судебная практика как арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции по данному вопросу с учетом п. 3 ст. 10 ГК РФ однозначно придерживается правил по возложению на добросовестного приобретателя определенных обязанностей. Речь идет не о доказывании разумности и добросовестности действий самого приобретателя при реализации им своих прав, а об обязанности доказать

невозможность получения им информации от недобросовестного отчуждателя по противоправному обороту чужого имущества.

Для возникновения права собственности у приобретателя по фактическому овладению своим имуществом недостаточно самого факта «добросовестности». В определенных законом случаях необходимы действия по совершению юридических фактов. Собственник не вправе вернуть свое недвижимое имущество от добросовестного приобретателя, если последний своевременно осуществил государственную регистрацию в своем интересе. Так как право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

Судьба имущества, которое принадлежит собственнику, во многом может зависеть от факта передачи имущества неуправомоченному правообладателю. Добровольное отчуждение имущества правообладателем по недействительной сделке лишает его возможности при необходимости вернуть обратно свое имущество, используя для этого виндикационный иск.

Все, что утрачено и принадлежало собственнику без его воли, однозначно может быть возвращено через виндикацию (см.: п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; п. 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 1997 г. «Обзор практики разрешения споров, возникающих по договорам купли-продажи недвижи-

мости»; определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 октября 2008 г. № 11404/08, от 18 сентября 2008 г. № 8447/08; постановления ФАС ВВО от 31 июля 2006 г. № А43-33340/2005-2-944, ФАС ВСО от 28 июня 2006 г. № А58-8408/05-Ф02-3109/06-С2 и др.).

Наличие таких ситуаций в судебной практике свидетельствует о необходимости проработки правового механизма признания прав добросовестного приобретателя, возможно, схожего с механизмом приобретения имущества в силу приобретательной давности, при этом следует отталкиваться от того, что добросовестность приобретения имущества является основанием возникновения вещных прав на него как самостоятельный юридический факт, влекущий возникновение гражданских прав и обязанностей в силу ст. 8 ГК РФ. С сожалением следует констатировать, что начатая законодателем работа над решением проблем юридического оформления прав добросовестного приобретателя недвижимости с нововведений в ст. 223 ГК РФ не обеспечила фундаментальной правовой защиты этого субъекта гражданского оборота.

Осуществляя в соответствии со ст. 71 (пп. «в» и «о») и 76 Конституции РФ регулирование оснований возникновения и прекращения права собственности и других вещных прав, договорных и иных обязательств, оснований и последствий недействительности сделок, федеральный законодатель должен предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям как участникам гражданского оборота.

1. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева: постановление Конституционного Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П.

2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения: информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 нояб. 2008 г. № 126.

3. Анисимов А.П., Гончаров А.И., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Отрицание правосубъективности сущностью юридического лица // Бизнес. Образование. Право: Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2011. № 3(13). С. 160–165.

4. Обзор судебной практики // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 10.

1. In the case on the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of article 167 of the Civil code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Sklyanova and V.M. Shiryayeva: resolution of the Constitutional court of the Russian Federation of Apr. 21 2003 № 6-P.

2. Review of judicial practice on certain issues relating to the recovery of property from unlawful possession: information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of Nov. 13, 2008 № 126.

3. Anisimov A.P., Goncharov A.I., Ryzhenkov A.Ya., Chernomoretz A.E. The denial of legal personality proprietary entity legal entity // Business. Education. Law: Bull. of the Volgograd institute of business. 2011. № 3(13). P. 160–165.

4. Review of judicial practice // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1998. № 10.

Ростовцева Анна Михайловна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: blond-rost@yandex.ru)

Унификация членства участников корпоративных организаций и их закрепление в современном гражданском законодательстве

В статье рассматриваются основные понятия, которые позволяют обособить корпоративные правоотношения от других отношений в корпорации, – «участие» и «членство». Обосновывается необходимость законодательной разработки законопроекта, обеспечивающего предоставление более прозрачной информации о деятельности корпораций в целях защиты интересов различных участников корпоративных отношений (кредиторов, работников, участников корпораций) от злоупотребления должностных лиц корпораций своими правами.

Ключевые слова: корпоративные отношения, участие, членство, коммерческая корпорация, учреждение.

A.M. Rostovtseva, Lecturer of the Chair of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: blond-rost@yandex.ru

Unification membership of the members of the corporate organizations and their fixation in modern civil law

The author considers the basic concepts that allow to isolate the corporate relationship and other relationships of the corporation – «participation» and «membership». Substantiates the necessary legislative development of the bill providing more transparent information on the activities of corporations in order to protect the interests various participants of corporate relations (creditors, employees, members of corporations) abuse of officials of corporations of their rights.

Key words: corporate relations, participation, membership, commercial corporation, institution.

Существование участников или членов в корпорации свидетельствует о наличии между ними особых правовых связей, проявляющихся в рамках правоотношения, которое можно именовать членским правоотношением или правоотношением участия.

Такая классификация имеет важное значение для гражданского права. Это обоснованно признается отечественными цивилистами, но, к сожалению, «разделение юридических лиц по критерию членства не получило легального закрепления в отечественном законодательстве» [1, с. 146].

Статья 50 ГК РФ рассматривает понятие «членство» как особый статус участников юридического лица и предполагает, во-первых, строго фиксированный состав участников, во-вторых, наличие у участников коммерческих корпораций «корпоративных» прав.

По мнению М.А. Рожковой, в «качестве причины, по которой такое деление юридических лиц не прижилось на российской почве, ука-

зывают обычно на то, что в современном российском праве учреждение и корпорация являются конкретными организационно-правовыми формами некоммерческих организаций» [2].

По мнению И.В. Елисеева, «весьма удобным «внешним» критерием разграничения корпораций и учреждений (или иначе – некорпоративных организаций) в традиционной классификации может выступать наличие или отсутствие соответственно членства в организации» [3, с. 126].

Характеристика определения «членство» содержится в ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», норма которой, на наш взгляд, может быть применена по аналогии и к корпорациям: «членами общественного объединения являются физические лица и юридические лица – общественные объединения, чья заинтересованность в совместном решении задач данного объединения в соответствии с нормами его устава оформляется соответствующими индивидуальными заявлениями или документами,

позволяющими учитывать количество членов общественного объединения в целях обеспечения их равноправия как членов данного объединения».

Там же участники характеризуются как лица, выразившие поддержку целям объединения и (или) его конкретным акциям, принимающие участие в его деятельности без обязательного оформления условий своего участия, если иное не предусмотрено уставом. Такое противопоставление представляется формальным, нечетким («если иное...») и, следовательно, неэффективным для применения к другим юридическим лицам.

В советской правовой литературе участие и членство были понятиями, применимыми в основном по отношению к кооперативам.

Кооперативы наделены общими признаками с хозяйственными обществами, в связи с чем отсутствуют основания для исключения их из организаций корпоративного характера. Но в то же время трудовой характер участия лиц в деятельности производственного кооператива отличает членство от участия в хозяйственных обществах, для которых личность их участников не имеет принципиального значения. Хозяйственные общества являются объединением капиталов, а хозяйственные товарищества и производственные кооперативы – объединением лиц. Но описанные объединения лиц также обязаны создавать имущественную базу кооператива путем внесения вступительных и паевых взносов.

Ранее было показано, что в юридических лицах, где имеются участники, последние обязаны своими вкладами создавать имущественную базу организации.

Анализ норм английского законодательства о компаниях также говорит и о прямой связи участников и членов при соответствующем их документальном оформлении. Участие (членство) в компании понимается как определенная законодательная связь непосредственно юридического лица и лиц, являющихся участниками. Соответственно, членами корпорации являются лица: а) подписавшие учредительные документы компании и имеющие, соответственно, определенное количество ее акций; б) ставшие акционерами после того, как организация стала осуществлять свою деятельность в качестве юридического лица, но в любом случае зарегистрированные в реестре, который ведется акционерным обществом или независимым регистратором.

Если организация относится к юридическим лицам, основанным на участии (членстве), то в российском законодательстве прямо предусматривается наличие в составе данных субъектов участников (членов). Часто в законе прямо указывается, что та или иная организация не основана на членстве (п. 1 ст. 118 ГК, п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях»). Таким образом, юридические лица делятся на две группы по наличию/отсутствию признака участия (членства).

В связи с вышеизложенным мы полностью разделяем точку зрения Н.Г. Фроловского, который писал: «Под участием следует понимать правовую связь, возникающую и существующую между корпоративной организацией и ее участниками по поводу приобретения участниками благ в результате деятельности корпоративной организации. Как и всякая правовая связь, участие выражается в наличии взаимных прав и обязанностей. Применительно к обязанностям участников можно говорить об имущественном, личном и смешанном участии: имущественное участие означает обязанность по внесению имущественных взносов, личное – обязанность лично участвовать в деятельности корпоративной организации, смешанное участие предполагает как личное, так и имущественное участие» [4, с. 32].

Можно предложить более глубокие дефиниции. Корпорации – это организации, основанные на участии, а не только на членстве, поскольку не всякое корпоративное юридическое лицо основано на членстве. Поэтому мы предлагаем использовать термин «членство» в качестве одной из разновидностей «участия».

Деление по критерию членства основано на признании за корпорацией членства, которое характеризует ее как объединение участников, преследующих общую цель, а состав имущества корпорации независим от смены участников.

Корпорация характеризуется фиксированным числом ее участников (членов), обладающих известными корпоративными правами и обязанностями. Членами корпорации могут быть как юридические, так и физические лица.

В российском законодательстве юридическое лицо, определение которого дано в п. 1 ст. 48 ГК РФ, так же как и физическое лицо (гражданин), по своим обязательствам отвечает всем своим имуществом.

Если любое физическое лицо является реальной личностью, которая может сама изъ-

являть волю, совершать какие-либо действия, самостоятельно вступая в имущественный оборот, то юридическое лицо, как известно, является формально опосредованным лицом, правовой фикцией – «постулирование несуществующего как бы существующим при помощи приемов аналогичного истолкования права» [5, с. 477], за которым только юридически закреплена возможность формировать волю и вступать в имущественный оборот. Фактически за юридическое лицо выступают реальные физические лица, которые фактически реализуют названные права и обязанности юридического лица.

Согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. То есть юридическое лицо, являясь формально опосредованным лицом – правовой конструкцией, не способно к вступлению в правоотношение собственными действиями: это допустимо только посредством осуществления действий физическими лицами.

Д.И. Мейер по этому поводу пишет: «...юридическое лицо само по себе – только отвлеченное понятие: нет у него ни рук, ни воли; и вот, признавая существование юридического лица, законодательство определяет известные органы, через которые действует юридическое лицо, так что действие, совершенное органом, считается действием самого юридического лица. Поэтому и те действия, которые непосредственно совершены физическим лицом, для юридического лица возможны через его орган» [6, с. 144–145].

Действия юридического лица расцениваются как действия органа юридического лица – физических лиц, которые являются представителями юридического лица. Вопрос о соотношении органов юридического лица и представителей юридического лица длительное время вызывал бурные дискуссии правоведов. Д.И. Мейер, отмечая, что орган юридического лица называют иногда его представителем, подчеркивает, что «его можно назвать представителем только в том смысле, что он составляет физическую сторону, тело юридического лица, с которым орган совершенно сливается» [7, с. 145].

Но представлять лицо не означает быть им. Так, если представитель юридического лица совершает действия, в результате которых наступает ответственность, то зачастую «наказанию»

подвергается непосредственно юридическое лицо, а не его представитель. Особенно интересен этот вопрос при рассмотрении юридического лица с одним участником, где по приведенной логике получается, что участник (представитель) юридического лица одновременно становится юридическим и физическим лицом.

Мы считаем одним из пробелов корпоративной теории вопрос о статусе органов юридического лица. Конструкция органа как основы деятельности юридического лица в законодательстве урегулирована настолько формально, что порой не вписывается в теоретические понятия.

Общее понятие органа, его разделение непосредственно с юридическим лицом, цели формирования, пределы компетенции, общие вопросы реализации дееспособности юридического лица его органами и некоторые иные системообразующие вопросы теории органа юридического лица лишь намечены в научных исследованиях.

На наш взгляд, юридическое лицо все-таки несколько эфемерно и представляет собой лишь объединение целей участников и имущества множества лиц (одного лица). Цель определена в ГК РФ – это получение прибыли, т.е. фактически увеличение уже вложенного имущества. Следовательно, юридическое лицо представляет собой имущественный вклад его участников, а любые действия юридического лица можно рассматривать как действия, осуществляемые через институт представительства. По этому вопросу Е.В. Богданов пишет об органе юридического лица как «действующем через институт представительства» [7, с. 97–101], Г.Ф. Шершеневич указывает: «Для того, чтобы третьи лица могли вступать в отношения с юридическими лицами, необходимы представители... действия только представителей обязывают юридическое лицо» [8, с. 102–107].

На сегодняшний день закон подразделяет субъектов, управляющих организацией и действующих от имени таковой, не только на членов и участников юридического лица, но и на другие две категории: органы и участники юридического лица.

Представляется, что подобное деление неоправданно, т.к. данные понятия характеризуют различные процессы, связанные с деятельностью организации. Статус участника (в том числе учредителя), как было описано выше, характеризует комплекс прав и обязанностей, касающихся создания предпосылок для деятельности организации в качестве самостоя-

тельного субъекта и распределения результатов ее деятельности. Статус органа означает наделение лиц (а) определенными управленческими полномочиями внутри организации, а также полномочиями на совершение юридически значимых действий во внешних отношениях.

Ряд авторов отмечает, что участие заключается главным образом в возможности одних лиц определять или влиять на предпринимательскую и иную деятельность других лиц посредством: 1) участия (владения) одних лиц в уставном капитале других лиц; 2) заключения договоров между лицами группы; 3) получения права принятия решений (право голоса в исполнительных органах управления юридических лиц).

Причем соблюдение одновременно трех данных условий не обязательно. В юридической литературе два пункта из указанных выпадают под понятие «система участия».

В законодательствах зарубежных стран и России также присутствуют понятия «контроль», «участие», но в совершенно различных редакционных трактованиях, которые создают дополнительную путаницу и затрудняют понимание. В ст. 20 НК РФ раскрыто понятие «косвенное участие», вместе с тем, в ст. 4, 17, 18 Закона о конкуренции используются понятия «прямой, косвенный контроль». В п. 1 Временного положения о холдингах введено понятие «контрольный пакет акций». В приведенных выше нормативных актах смысл всех данных понятий практически сходен – объединение активов, дающее право принимать решения, однако их редакционные трактовки различны. Основная задача в данной связи решается, прежде всего, в принятии критериев количественной оценки понятия «участия».

«Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 105.2 Налогового кодекса прямым участием одной организации в другой признается такое участие, при котором одна организация владеет определенной долей уставного капитала другой организации. Для признания таких лиц взаимозависимыми доля должна превышать 25 процентов» [9].

Максим Ровинский, адвокат МКА «Юридическая фирма «ЮСТ», руководитель практики налогового и таможенного права сообщает: «Правила определения долей участия одной организации в другой (или физического лица в организации) установлены в ст. 105.2 НК РФ. На основании п. 1 ст. 105.2 НК РФ доля участия одной организации в другой определяется в виде суммы выраженных в процентах долей

прямого и косвенного участия одной компании в другой.

При этом долей прямого участия одной организации в другой признается непосредственно принадлежащая одной организации доля голосующих акций другой организации или непосредственно принадлежащая одной организации доля в уставном (складочном) капитале (фонде) другой организации, а в случае невозможности определения таких долей – непосредственно принадлежащая одной организации доля, определяемая пропорционально количеству участников в другой организации (п. 2 ст. 105.2 НК РФ)» [10, с. 24].

В законодательстве Российской Федерации также предусмотрена возможность косвенного участия в делах корпорации. Определение косвенного участия, как правило, применяется для целей налогообложения. До недавнего времени налоговому кодексу ставилась в упрек довольно расплывчатая трактовка косвенного участия и взаимозависимых лиц.

Приведенный выше перечень случаев взаимозависимости является закрытым. Но законодатель разъяснил, что в данном перечне существуют исключения. Были названы отдельно две ситуации, в которых компании не признаются взаимозависимыми организациями.

Ситуация первая, когда в компании принимает прямое или косвенное участие государство, т.е. ее субъекты и муниципальные образования. Поэтому не признаются взаимозависимыми организации, часть доли участия в которых принадлежат государственным структурам. Вторая ситуация: взаимозависимыми не могут быть признаны организации, которые оказывают влияние друг на друга из-за своих лидирующих положений на рынке. Поэтому преимущественное влияние в данном случае также не является основанием признавать взаимозависимость.

Однако косвенное участие в делах организации еще более многообразно. На деятельность корпорации есть пути влияния при помощи различных договоров, путем сговора участников, с помощью использования монопольного положения на рынке.

На наш взгляд, весь перечень лиц, влияющих на деятельность организации, но не являющихся участниками, описать невозможно, поэтому в данной работе предлагается упразднить термин взаимозависимости и косвенного участия и осуществлять контроль за деятельностью корпораций путем контроля договорных отношений, цен, иных действий участни-

ков организации. Причем ответственность за совершаемые действия должна лежать полностью на участниках или представителях, поскольку, как мы писали выше, корпорация не обладает свободой волеизъявления и свободой действия.

Наличие в законодательстве множества определений и понятий, различных по содержанию, но в принципе сходных по экономической сути, способно привести и приводит к дополнительной путанице, осложняющей практическое применение корпоративного законодательства Российской Федерации, и без того находящегося на стадии формирования и бесконечного реформирования.

Единственным выходом из сложившейся ситуации могут стать: во-первых, окончательное приведение в соответствие терминологии всех правовых актов; во-вторых, произошедшее устранение лишних понятий, терминов, характеризующих одни и те же категории, в частности установление единства терминов «аффилированные лица» и «взаимозависимые лица»; в-третьих, установление единообразия

в терминологии и трактовке базовых понятий и определений в нормативных правовых актах Российской Федерации.

В итоге можно сделать следующие выводы. Во-первых, корпоративные правоотношения могут возникать с участием лиц, не являющихся участниками (членами) корпорации, которые в силу данного факта не могут обладать правами участия (членства). Во-вторых, права участия (членства) принадлежат лицу лишь в силу существования правоотношения участия (членства). Однако у участников (членов) корпорации могут быть иные права, хотя и обусловленные наличием правоотношения участия (членства), но для возникновения которых необходимы дополнительные юридические факты. Так, право требования выплаты конкретной суммы дивидендов не входит в содержание правоотношения участия (членства), но поскольку его возникновение изначально предопределено данным правоотношением, постольку оно может быть названо корпоративным, как и правоотношение, в содержание которого оно входит.

1. *Гражданское право* / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2001. Т. 1.

2. Рожкова М.А. *Корпоративные отношения и возникающие из них споры*. URL: <http://www.lawmix.ru/>

3. Елисеев И.В. *Гражданское право*. Ч. 1: учеб. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 1996.

4. Фроловский Н.Г. *Понятие корпоративного спора. Законы России: опыт, анализ, практика*, М., 2010.

5. Тихомиров М.Ю., Тихомирова Л.В. *Юридическая энциклопедия* / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997.

6. Мейер Д.И. *Русское гражданское право: в 2 ч.* М., 2003.

7. Богданов Е.В. *Сущность и ответственность юридического лица* // *Государство и право*. 1997. № 10.

8. Шерешевский И.В. *Представительство. Поручение и доверенность*. М., 1965.

9. *Бюджетный учет*. 2011. № 11.

10. *Налоговые споры*. 2012. № 9.

1. *Civil law* / ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow, 2001. Vol. 1.

2. Rozhkova M.A. *Corporate relations and disputes arising from their*. URL: <http://www.lawmix.ru/>

3. Eliseev I.V. *Civil law. Pt. 1: textbook* / ed. by Yu.K. Tolstoy, A.P. Sergeev. Moscow, 1996.

4. Frolovsky N.G. *The concept of corporate dispute. The laws of Russia: experience, analysis, and practice*. Moscow, 2010.

5. Tikhomirov M.Yu., Tikhomirova L.V. *Legal encyclopedia* / ed. by M.Yu. Tikhomirov. Moscow, 1997.

6. Meyer D.I. *Russian civil law: in 2 pt.* Moscow, 2003.

7. Bogdanov E.V. *Entity and the liability of legal persons* // *State and law*. 1997. № 10.

8. Shereshevsky I.V. *Representation. Commissioned and warrant*. Moscow, 1965.

9. *Budget accounting*. 2011. № 11.

10. *Tax disputes*. 2012. № 9.

Кадников Николай Григорьевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Дайшутов Михаил Михайлович

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

(e-mail: krim-pravo@yandex.ru)

К вопросу о категоризации преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации

В статье раскрываются некоторые проблемы категоризации преступлений в зависимости от их тяжести (ст. 15 УК РФ). Анализируются законодательные изменения в содержании категорий преступлений, вопросы дополнительной дифференциации ответственности, индексации тяжких и особо тяжких преступлений. Уделяется внимание наделению суда правом изменения категории тяжести совершенного преступления. Предлагаются решения по совершенствованию данного уголовно-правового института.

Ключевые слова: категоризация преступлений в зависимости от их тяжести, дифференциация ответственности, индексация тяжких и особо тяжких преступлений.

N.G. Kadnikov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot;

M.M. Dayshutov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot; e-mail: krim-pravo@yandex.ru

To the issue of categorization of crimes in the Criminal code of the Russian Federation

The article describes some of the problems of categorization of crimes according to their severity (art. 15 of the Criminal code of the Russian Federation). Analyzed legislative changes in the content categories of crimes, questions more differentiation of responsibility, indexing grave and especially serious crimes. Attention is given to empower the court measurable to change category of severity of the offense. Available solutions for improving the criminal law institute.

Key words: categorization of offenses according to their severity, differentiation of responsibilities and indexing of grave and especially grave crimes.

Разграничение преступлений на группы, категории с целью более тщательной дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне является весьма важным направлением совершенствования уголовного закона. Основная, ведущая категоризация преступлений, которая имеет значение практически для всех институтов уголовного права, закреплена в ст. 15 УК РФ «Категории преступлений».

Следует признать, что такая классификация была необходима для уголовного закона. Вся история развития уголовного законодательства и уголовно-правовой науки подтверждают это. Вместе с тем, следует констатировать, что категоризация преступлений, закрепленная в ст. 15 УК, является фундаментом, на котором строится жесткая структура других важнейших

институтов уголовного права и система уголовно-правовых последствий, применяемых в соответствии с законом к лицам, совершившим преступление той или иной тяжести. В конечном счете подобное разграничение преступлений оказывает существенное значение для дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания.

Данная категоризация, на первый взгляд, содержит несколько оснований: характер и степень общественной опасности, тяжесть преступления, форму вины, типовую санкцию в виде лишения свободы. Следует признать, что законодательная формулировка содержит некоторые отступления от логических правил классификации. Для такой классификации должно было быть выбрано собирательное понятие, характеризующее и социальную приро-

ду преступления, и символическое различие, которое будет понятно всем участникам уголовно-правовых отношений. Как представляется, законодатель дважды назвал критерий, который характеризует социальную природу преступления. Характер и степень общественной опасности составляет, на наш взгляд, содержание понятия «тяжесть преступления». Вместе с тем, правила классификации предусматривают возможность выделения в тех или иных классификационных разрядах, категориях дополнительных признаков, позволяющих более четко представлять опасность преступления и его место в данной системе. По мнению законодателя, таким признаком является форма вины, с которой совершается преступление той или иной категории.

В УК РФ 1996 г. категории преступлений выделены таким образом, чтобы размер типовых санкций определенной категории был конечным пределом для вида наказания за конкретные преступления. Об этом великий итальянский просветитель Чезаре Беккариа, говоря о предложенной им «точной и всеобщей лестнице преступлений и наказаний», писал, что главным является сохранение соразмерности между тяжестью совершенного преступления и жесткостью установленного за его совершение наказания [1].

Размеры типовых санкций, по нашему мнению, выбраны оптимально с учетом предложений ученых и практических работников. Однако законодатель не поддержал идею выделения уголовного проступка. По мнению большинства специалистов, это один из главных недостатков представленной классификации.

Нельзя не сказать о том, что законодатель пытается усовершенствовать категоризацию преступлений. Так, в соответствии с Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ реформированы категории преступлений средней тяжести (установлена различная типовая санкция за умышленные и неосторожные преступления) и тяжких преступлений (их ограничили только кругом умышленных преступлений). Важно при отнесении преступлений к той или иной категории правильно установить форму вины, с которой возможно совершение таких деяний. Каждая категория преступлений, выделенная в ст. 15 УК, представляет собой элемент жесткой системы, но в то же время имеет и некоторую структурную самостоятельность.

Исходя из смысла ст. 15 УК, можно сделать вывод о том, что право определения места преступления в системе названных категорий принадлежит исключительно законодате-

лю. То есть преступление будет относиться к законодательно названной категории и в том случае, если суд с учетом исключительных обстоятельств в соответствии со ст. 64 УК может назначить наказание ниже пределов, установленных для данной категории. Ряд авторов высказывал мнение, в соответствии с которым при наличии нескольких смягчающих обстоятельств, особых признаков личности виновного, предотвращения тяжких последствий, добровольной явки с повинной суду надо дать право своим решением изменять категорию тяжести в сторону улучшения положения виновного [2, с. 51]. На первый взгляд, это предложение соответствовало движению к гуманизации уголовного законодательства. Однако существует опасность необоснованного субъективного подхода со стороны суда, что нарушит строгую систему построения других уголовно-правовых институтов Общей части УК и в итоге затруднит практику применения закона. С самого начала многие ученые выступали против того, чтобы суду было представлено право изменять подсудимому категорию преступления, т.к. только закон определяет дифференциацию ответственности на законодательном уровне. Есть другие способы улучшить положение подсудимого (например, назначение наказания ниже низшего предела). Но законодатель решил иначе: с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ суду предоставлено право с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую. Такое изменение категории преступления возможно не более чем на одну категорию преступления при условии назначения указанного в законе наказания в виде лишения свободы (за преступление средней тяжести – не свыше трех лет лишения свободы, тяжкое преступление – не свыше пяти лет и особо тяжкое преступление – не свыше семи лет лишения свободы) или иного более мягкого наказания. Полагаем, что такое решение не отвечает в полной мере требованиям системности уголовного права и без дополнительного судебного толкования может затруднить деятельность судей при принятии решений по уголовным делам. Не совсем ясно, как применять нормы уголовного закона, зависящие от категории преступлений. Учитывать правовые последствия по тяжести совершенного преступления или по категории преступлений, измененной по приговору суда?

Вопрос этот очень актуальный, касается таких важнейших институтов, как множественность преступлений, освобождение от уголовной ответственности и от наказания и др. Принятие таких изменений должно было бы проходить после существенных научных исследований с учетом антикоррупционной составляющей. Наиболее спорным является решение в части особо тяжких преступлений.

Изучение содержания категорий преступлений позволяет сделать вывод о том, что законодатель испытывал объективную потребность в дополнительной классификации преступлений внутри выбранных категорий. Предложение полностью отвечает требованиям дифференциации уголовной ответственности и правилам классифицирования. Эти правила предполагают, чтобы «подразделение на классы было непрерывным» [3, с. 28] и при этом «каждый класс занимал бы в получившей системе определенное постоянное место и в свою очередь, делился бы на подклассы» [4, с. 214].

В ст. 15 УК такая дополнительная классификация (индексация) позволила бы более четко разграничить деяния по тяжести, сузить сферу судейского усмотрения при назначении размера наказания. Начало в этом направлении положено. Так, первичное определение преступлений небольшой тяжести содержало типовую санкцию, в которой было указано о максимальном наказании в виде лишения свободы не свыше двух лет. В соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ были внесены значительные изменения, меняющие границы выделенных категорий преступных деяний. В настоящее время преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы. Полагаем, что в целом такое законодательное решение является своевременным, позволяющим не считать многие деяния серьезными преступлениями. Перевод немалого количества преступлений средней тяжести в категорию преступлений небольшой тяжести в большей степени работает на идею гуманизации уголовного права.

Изменения коснулись и категории преступлений средней тяжести. Тем же Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ типовая санкция в виде лишения свободы по данной категории была также изменена. В настоящее время преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превыша-

ет пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает три года лишения свободы. В целом такая дополнительная классификация соответствует теории и будет способствовать эффективному применению уголовного закона. Особенно важным такое решение следует признать для неосторожных преступлений средней тяжести, максимальный размер которых может быть весьма существенным за так называемые резонансные преступления (причинение смерти нескольким лицам при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспорта).

Индексировать необходимо тяжкие и особо тяжкие преступления [5].

Особого внимания заслуживает категория тяжких преступлений. В настоящее время в этой категории оказались уравниваемыми преступления с различной степенью тяжести: например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК), кража, совершенная организованной группой (ч. 4 ст. 158 УК), и террористический акт (ч. 1 ст. 205 УК). Тяжкие преступления нуждаются в более существенном критерии, который бы наиболее точно отражал опасный характер таких деяний. Таким критерием следует признать насильственный способ совершения преступления. Индексация устранил существующий пробел, и общество будет более полно информировано по видам и группам таких преступлений. Тяжкие преступления под индексом А предусматривали бы деяния, совершенные с насилием, опасным для жизни или здоровья человека, индекс Б указывает на тяжкие преступления, совершенные с насилием, не опасным для жизни и здоровья, под индексом В следовало бы выделить иные преступления, имеющие квалифицирующие признаки, усиливающие их тяжесть. Например, разбой (ч. 1 ст. 162 УК) следует отнести к тяжким преступлениям под индексом А, а насильственный грабеж, при котором насилие менее опасно (ч. 2 ст. 161 УК), необходимо признавать тяжким преступлением под индексом Б. И наконец, кража с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 и 3 ст. 158 УК) и подобные преступления можно отнести к тяжким преступлениям под индексом В. Соответствующим образом дифференцировались бы и пределы наказания в рамках общей типовой санкции.

Особо тяжкие преступления, на наш взгляд, следовало бы разграничить на два подвида: особо тяжкие А, посягающие на жизнь человека (наказание – от 15 до 20 лет лишения сво-

боды или пожизненно); особо тяжкие Б – все иные, которые посягают на наиболее значимые объекты, охраняемые уголовным законом (наказание – до 15 лет лишения свободы). Например, убийство без смягчающих обстоятельств (ч. 1 и 2 ст. 105 УК), посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК), лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК), сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК), геноцид (ст. 357 УК) следует отнести к особо тяжким преступлениям А, все остальные – к особо тяжким Б.

Важно начать такую работу, а норма о категориях преступлений в Общей части позволяет это. Вот здесь уже могут пригодиться предложения, содержащиеся в Модельном уголовном кодексе для государств – участников СНГ. Речь идет о том, чтобы в статьях Особенной части УК вместо санкций указывать категорию тяже-

сти преступления. Например, ст. 105 УК выглядела бы следующим образом: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку – преступление особо тяжкое индекса А» и т.д.

Подобная индексация позволила бы более четко сформулировать нормы о правовых последствиях, наступающих для лиц, совершивших преступления той или иной категории тяжести.

С сожалением можно констатировать, что современные изменения ряда важных уголовно-правовых норм не в полной мере учитывают теоретические основы категоризации преступлений, предусматривают использование других критериев (длинные перечни преступлений, видовые объекты преступлений, возраст потерпевшего). Такие решения нарушают системность уголовного права, не способствуют его эффективному применению.

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004.

2. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М., 1987.

3. Жеребкин В.Е. Логика. Харьков, 1968.

4. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

5. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. М., 2000.

1. Beccaria C. On crimes and punishments / comp. and forew. by V.S. Ovchinsky. Moscow, 2004.

2. Criminal law: experience of theoretical modeling. Moscow, 1987.

3. Zherebkin V.E. Logic. Kharkov, 1968.

4. Kondakov N.I. Logical dictionary. Moscow, 1971.

5. Kadnikov N.G. Classification of crimes in criminal law of Russia. Moscow, 2000.

Кадников Николай Григорьевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Кадников Борис Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Юриспруденция,
интеллектуальная собственность и судебная экспертиза»
Московского государственного университета им. Н.Э. Баумана

Коробец Борис Николаевич

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой «Юриспруденция,
интеллектуальная собственность и судебная экспертиза»
Московского государственного университета им. Н.Э. Баумана

(e-mail: kadnikovbn@yandex.ru)

К вопросу о новеллах уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации

В статье рассматриваются некоторые новеллы уголовного закона с точки зрения оснований криминализации и декриминализации. Исследуются статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за клевету и оскорбление, специальные виды мошенничества, в том числе и в сфере предпринимательства.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, ответственность, клевета, оскорбление верующих, специальные виды мошенничества, освобождение от уголовной ответственности.

N.G. Kadnikov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot;

B.N. Kadnikov, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of «Jurisprudence, Intellectual Property and Forensic Examination» of the Bauman Moscow State Technical University;

B.N. Korobets, Master of Law, Head of the Chair of «Jurisprudence, Intellectual Property and Forensic Examination» of the Bauman Moscow State Technical University; e-mail: kadnikovbn@yandex.ru

To the question about the novels of the criminal law in the light of a theory of criminalization and decriminalization

The article deals with the novel of the criminal law from the point of view of the foundations of criminalization and decriminalization. Discussion of articles of the Criminal code of the Russian Federation, envisaging responsibility for libel and insult, special types of fraud, including in the field of entrepreneurship.

Key words: criminalization, decriminalization, liability, defamation, insult believers, special types of fraud, exemption from criminal responsibility.

Криминализация и декриминализация – это понятия, неразрывно связанные с уголовной политикой. Тенденции уголовной политики в полной мере отражаются в процессе криминализации и декриминализации деяний. Криминализация – это процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказу-

емых. Соответственно, декриминализацию можно определить как процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовной наказуемости. При этом декриминализация может осуществляться путем исключения уголовной наказуемости деяния и признания его не общественно опасным или правомерным либо перевода его в разряд административного, дисциплинарного или гражданско-правового деликта.

Недостатки уголовно-правового законодательства, издержки криминализации могут привести к нежелательным последствиям: появлению пробелов в уголовно-правовом регулировании, избыточной репрессивности, отсутствию необходимого толкования. Чрезмерная криминализация подрывает сразу два принципа уголовно-правовой политики: принцип экономии уголовной репрессии, поскольку к ответственности привлекается неоправданно большое число граждан, и принцип неотвратимости ответственности, поскольку еще чаще такой закон на практике применяться перестает.

Одним из наиболее распространенных способов криминализации является отнесение определенных общественно опасных деяний к числу преступных путем закрепления признаков составов соответствующих преступлений в нормах Особенной части уголовного законодательства. Именно по такому пути идет процесс криминализации в последнее время. Однако и этот, казалось бы простой, способ криминализации требует научного подхода и соблюдения определенных правил. Важно четко определить, в чем состоит опасность деяния, какова его распространенность, не будет ли противоречить криминализация деяния нормам Конституции РФ, есть ли возможность противостояния данному деянию с помощью норм иных отраслей законодательства, возможно ли объективно осуществлять доказывание этого деяния. Увы, но все чаще законодатель не в полной мере соблюдает соответствующие правила, что влияет на качество вновь принимаемых норм и отражается на практике их применения.

Для примера можно рассмотреть несколько новелл уголовного закона и сделать вывод об обоснованности криминализации соответствующих деяний.

Яркий пример спорной криминализации – декриминализация и через год вновь криминализация клеветы (ст. 128¹ УК). Что изменилось в опасности этого деяния, какие аргументы убедили законодателя, осталось невыясненным.

Декриминализировали оскорбление гражданина, но оставили оскорбление участников судопроизводства в рамках неуважения к суду (ст. 297 УК) представителя власти (ст. 319 УК) и ввели новый самостоятельный состав в ст. 148 УК – оскорбление чувств верующих. В этом случае есть отступление от приоритетов, установленных Конституцией РФ. В соответствии со ст. 28 Конституции РФ «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Согласно ст. 3 Феде-

рального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в редакции от 2 июля 2013 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями): «1. В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними... 3. Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается». По мнению законодателя, оскорблять чувства верующих запрещено уголовным законом. Однако вне уголовно-правовой охраны остались чувства всех других граждан, в том числе и неверующих.

Не в полной мере соответствует правилам криминализации включение в УК специальных норм о мошенничестве в различных сферах. Кто определил приоритетные сферы, как определялось наказание в общей и специальных нормах – споры о целесообразности таких норм идут до сих пор.

Важные вопросы состоят в следующем.

1. Было ли обоснованным решение о выделении специальных норм УК РФ об ответственности за мошенничество в отдельных сферах?

Такие предложения в науке уголовного права имеют давнюю историю. Одни ученые выступали за включение в УК РФ общей нормы и специальных норм, которые более точно определяли пределы уголовно-правового запрета в соответствии со сферой деятельности либо предметом преступления и т.п. Другие криминалисты были против, полагая, что таким образом мы производим излишнюю репрессию и затрудняем механизм уголовно-правового регулирования. Верховный Суд РФ явился инициатором включения в УК РФ специальных норм об ответственности за специальные виды мошенничества в отдельных сферах. Однако наряду с отдельными позитивными моментами, которые привели к смягчению уголовной ответственности для предпринимателей (в два раза был повышен порог крупного и особо крупного ущерба, в два раза – до пяти лет – снижен максимальный порог наказания, исключен квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц по предварительномуговору и организованной группой), выявлены спорные или негативные моменты (например, нарушение принципа справедливости и законности, выразившееся в том, что в ходе проведения амнистии за экономические преступления в 2013 г. обвиняемые и осужденные по специальному составу попали под амнистию, а обвиняемых и осужденных по общей норме о мошенничестве амнистия не коснулась). Кроме того, наметилась дополнительная конкуренция норм.

Например, мошенничество в кредитной сфере необходимо отграничивать от незаконного получения кредита либо злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Мошенничество в сфере предпринимательства необходимо отличать от преднамеренного и фиктивного банкротства и др. Более того, в Особенной части УК РФ можно найти еще с десяток статей, где завуалировано мошенничество. Поэтому ответ на поставленный вопрос в большей степени негативный.

2. Правильно ли были сконструированы санкции специальных норм об ответственности за мошенничество в отдельных сферах, особенно в виде лишения свободы? Как показала практика, не очень. Общая норма о мошенничестве позволяла говорить о признании законодателем этого преступления более опасным. Размер похищенного, как признак для построения квалифицированных видов в специальных нормах, был установлен больше, чем в общей норме. Однако решение Конституционного Суда РФ в этом смысле – показательный пример не совсем продуманной криминализации. Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П ст. 159⁴ признана частично не соответствующей Конституции РФ и утрачивает силу по истечении шести месяцев со дня провозглашения Постановления в случае, если федеральный законодатель не внесет в указанный срок надлежащие изменения. Сейчас вопрос стоит об отмене ст. 159⁴ УК РФ либо приведении санкции в виде лишения свободы в соответствие с общей нормой.

3. Правильно ли были определены сферы действия специальных норм? Выделение мошенничества в предпринимательской сфере дублировалось статьей о страховом мошенничестве, мошенничестве в кредитной сфере. Включение преступления в сфере экономической деятельности в главу о преступлениях против собственности явилось нарушением системности уголовного права и фактически свело на нет все усилия законодателя, направленные на то, чтобы облегчить участь предпринимателей и смягчить суровость закона к таким субъектам. Сама ст. 159⁴ УК РФ содержала условия, явно не укладывающиеся в общее понятие хищения. В статье предусмотрена ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Таким образом, в основе ответственности лежат нарушения в сфере гражданского права. Но на практике возникают споры, что относится к данной сфере, какова особенность бланкетной диспозиции. Конструкция нормы не позволяет вести речь об ответственности за приготовление или покушение, т.к. необходимо доказать наличие признака

преднамеренности неисполнения договора уже в момент его заключения. Норма по конструкции является весьма простой, не содержащей квалифицирующих признаков (кроме размера хищения), что также не совсем понятно. Мошенничества в предпринимательской сфере, совершаемые преступными группами, остались без внимания законодателя. Таким образом, и на этот вопрос нет положительного ответа.

Отношение к специальным видам мошенничества, на наш взгляд, имеет и ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», хотя и конкурирует с другими статьями и фактически является конфискацией имущества. Более того, применение данной статьи предусмотрено только для преступлений в сфере экономической деятельности, но в этот перечень не включена статья об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Наряду с этим, хищения не включены в перечень статей о преступлениях, за совершение которых возможна конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера (ст. 104¹ УК).

Верховный Суд РФ явился инициатором выделения специальных составов мошенничества, но до настоящего времени нет судебного толкования по вопросам применения уголовного закона в этой части. Судебное толкование по ответственности за общее мошенничество (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате») не в полной мере соответствует проблемам применения статей о мошенничестве в других сферах, в том числе и в сфере предпринимательства. Это касается разъяснений по возникновению умысла на хищение в форме мошенничества, моменту окончания преступления, отграничению от смежных преступлений.

Таким образом, поставленные цели не реализованы, криминализация оказалась поспешной, не отвечающей основным критериям.

На наш взгляд, более перспективно было бы выделить мошенничество в жилищной сфере. В главе о преступлениях в сфере экономической деятельности можно было бы выделить статью об ответственности за злостное неисполнение договорных обязательств с использованием административной преюдиции (привлечение два и более раз за данное правонарушение к административной ответственности). Статью об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности следует включить в перечень, указанный в ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

Чечель Григорий Иванович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Третьяк Мария Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: +78652354446)

Мошенничество: вопросы квалификации

В статье с учетом изменений, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, и материалов судебной практики проводится анализ способов мошенничества. Делается вывод о том, что, несмотря на существующее противоречие в понимании способа мошенничества в законе и судебной практике, во всех случаях имеется законодательное основание применения к новым видам мошенничества положения об обратной силе уголовного закона (ч. 1 ст. 10 УК РФ).

Ключевые слова: мошенничество, вмешательство в информационную систему, обратная сила закона.

G.I. Chechel, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University;

M.I. Tretyak, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

Fraud: issues of qualification

In the article with the changes to the Criminal code of the Russian Federation made by Federal law (of November 29, 2012 № 207-FL) and materials of judgment practice, the analysis of methods of fraud is carried out. It is concluded that despite the existing contradiction in the understanding of the method of fraud in the law and so-interfering with practice, in all cases, there is the legislative basis of the application to new types of fraud provisions on retroactivity of the criminal law (pt. 1 of art. 10 of the Criminal code of the Russian Federation).

Key words: fraud, interference into information system, retroactive action of statute.

В структуре преступлений мошенничество занимает особое место. По официальным статистическим данным, за январь – декабрь 2013 г. в России всего зарегистрировано 2206249 преступлений, среди них 141229 составили преступления экономической направленности. Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159⁶ УК РФ), в 2013 г. составило 164629, т.е. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество мошенничеств увеличилось на 1,6%. Число предварительно расследованных преступлений данного вида увеличилось на 0,6% и составило 76348 преступлений, из них по 66374 преступлениям уголовные дела направлены в суд. Наибольший рост регистрируемых преступлений данного вида наблюдается в Сахалинской области (на 784; +70,4%), республиках Ингушетия (на 353;

+52,8%), Калмыкия (на 297; +50,8%), Кабардино-Балкарской Республике (на 952; +50,2%), Курганской области (на 2332; +47,6%). Приведенная статистика свидетельствует о значительном удельном весе преступлений, связанных с мошенничеством, в общем количестве выявляемых экономических преступлений.

Эффективность правового противодействия мошенничеству в немалой степени зависит от правильной юридической квалификации подобно деяния. После принятия Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207 прошло незначительное время – всего лишь более двух лет. Но именно в это время осуществлялась основная работа судов по перекалфикации уголовных дел о мошенничестве, совершенных до принятия нового закона.

Казалось бы, никаких вопросов на этом этапе применения закона не должно возникать:

если новый уголовный закон вводит в УК РФ дополнительные виды преступления, по которым значительно смягчает наказание, то по общему правилу квалифицировать ранее совершенные преступления необходимо в редакции нового закона.

Однако при тщательном изучении изменений мы убеждаемся в следующем. Среди новых видов мошенничества, которые ранее являлись частными способами основного мошенничества, имеются совершенно новые составы преступления, которые ранее в УК РФ не предусматривались. В силу ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет, поэтому деяния, совершенные до издания нового закона, не могут быть квалифицированы в редакции этого закона.

Какие же это виды мошенничества? Для выяснения данного вопроса обратимся к диспозиции общей нормы и новым нормам о мошенничестве.

Наряду с общей нормой, диспозиция которой оставлена без изменения, законодатель предусмотрел новые нормы о мошенничестве, в частности: в сфере кредитования (ст. 159¹); при получении выплат (ст. 159²); с использованием платежных карт (ст. 159³); в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159⁴); в сфере страхования (ст. 159⁵); в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶). В диспозициях этих статей с различной степенью точности конкретизируется способ совершения преступления. В соответствии с ним определяются и другие специфические признаки составов преступления. Способами выделенных составов мошенничества выступают различные виды обмана:

представление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (ст. 159¹ и 159² УК РФ);

использование поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации (ст. 159³ УК РФ);

обман относительно наступления страхового случая, размера страхового возмещения (ст. 159⁵ УК РФ);

вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159⁶ УК РФ).

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ППВС от

27 декабря 2007 г. № 51) дается определение обмана как способа мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Он может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Из сопоставления перечисленных способов обмана, закрепленных в законодательных положениях (ст. 159¹–159⁶ УК РФ), и судебного его определения можно сделать вывод о том, что с изменениями, внесенными вышеуказанным Федеральным законом, понятие мошенничества и, соответственно, обмана совершенно по-иному формулируется в соответствующих новеллах. Способы обмана, состоящие в представлении заведомо ложных и недостоверных сведений или только недостоверных сведений, вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, не охватываются понятием обмана, содержащего в судебном определении. В нем идет речь только о сообщении ложных сведений.

Однако «ложные» и «недостоверные» сведения – это отличающиеся понятия. В авторитетных словарях русского языка термин «ложный» традиционно понимается как «содержащий ложь», а «ложь» – как «намеренное искажение истины, неправда, обман». В пп. 2, 11 ППВС от 27 декабря 2007 г. № 51 упоминаются «ложные» сведения, понимаемые как «не соответствующие действительности». Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во времени, к которому относятся оспариваемые сведения.

Термин «недостоверные сведения» в судебной практике не раскрывается. В русском языке «недостоверный» – это неверный, вызывающий сомнения. В теории уголовного права к недостоверным сведениям относят информацию частично ложную, например, завышение размера собственных доходов, искажение сведений о количестве иждивенцев и т.п. Сочетание одновременно ложных и недостоверных сведений при совершении мошенничества выражается, например, в сообщении сведений о размере собственных доходов, которых лицо вообще не имеет, и сведений о количестве иждивенцев (в действительности имеется три иждивенца, а в банк предоставляются сведе-

ния только об одном). При таком понимании способа мошенничества объем содержания обмана становится более широким, чем в п. 2 ППВС от 27 декабря 2007 г. № 51.

Вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей как способ преступления существенным образом отличается от обмана, присущего «основному» мошенничеству. В частности, для него не характерно введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Кроме того, в п. 1 ППВС от 27 декабря 2007 г. № 51 указан обязательный признак «общеуголовного» мошенничества (ст. 159 УК РФ), состоящий в том, что чужое имущество или право на него передается потерпевшим или иным лицом, а равно уполномоченным органом власти либо эти лица не препятствуют изъятию имущества или приобретению права на него виновным лицом. Такое не может иметь места при совершении мошенничества, выделенного в ст. 159⁶ УК РФ.

В общем, специфика способа компьютерного мошенничества заключается в следующем: воздействие осуществляется непосредственно на компьютерную информацию, а не на сознание потерпевшего;

отсутствует обман, обязательным признаком которого является введение другого лица в заблуждение путем воздействия на сознание (психику) другого человека;

отсутствует передача имущества или приобретение права на имущество с помощью потерпевшего;

орудием преступления признаются информация, средства хранения, передачи и обработки компьютерной информации, а не ложные сведения, передаваемые человеком.

Следовательно, исходя из судебного понимания обмана, рассмотренные способы специальных видов мошенничеств (ст. 159¹, 159², 159⁶ УК РФ) нельзя признать частными случаями, охватываемыми общей нормой о мошенничестве. Они являются новым уголовным законом, устанавливающим преступность деяния, а не смягчающим наказание за преступле-

ние, которое выступало одним из способов мошенничества, закрепленного в общей норме. В этом случае новый уголовный закон не может иметь обратной силы, поскольку ухудшает положение виновного.

Однако в названии новых норм используется термин «мошенничество», например, мошенничество в сфере компьютерной информации и т.д. Это позволяет утверждать, что законодатель признает все выделенные его виды частными способами мошенничества, содержащимися в ст. 159 УК РФ. В данном случае, на наш взгляд, законодатель идет по пути существовавшей практики, которая квалифицировала, например, компьютерное мошенничество по ст. 159 УК РФ, несмотря на особенности его способа. Поэтому в процессе перекалфикации необходимо исходить из буквального содержания новых норм о мошенничестве (названия, содержания диспозиции и санкции), а не из судебного толкования обмана, т.е. применять к ним положения об обратной силе уголовного закона (ч. 1 ст. 10 УК РФ).

Важно отметить, что при всех указанных противоречиях в законе и судебной практике правоприменитель правильно, в соответствии с законом осуществляет перекалфикацию уголовных дел о мошенничестве.

В качестве примера рассмотрим уголовное дело № 44у-224/13, по которому вынесено постановление Президиума Алтайского краевого суда от 3 сентября 2013 г.

В данном деле рассматривалось вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, которое до появления в УК РФ статьи о компьютерном мошенничестве квалифицировалось по ст. 159 УК РФ. Затем оно было перекалфицировано на норму, закрепленную в ст. 159⁶ УК РФ. Так как преступление, предусмотренное ст. 159⁶ УК РФ, согласно положениям закона, признается разновидностью традиционного мошенничества и поэтому является новым уголовным законом, смягчающим наказание за преступление, которое ранее квалифицировалось в судебной практике по общей норме о мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

Журавленко Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры информационных технологий в деятельности ОВД
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zhuravlenkoni@rambler.ru)

Шведова Лариса Евгеньевна

кандидат технических наук,
доцент кафедры информационных технологий в деятельности ОВД
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: larisashvedova@yandex.ru)

Проблемы борьбы с киберпреступностью и перспективные направления международного сотрудничества в этой сфере

Преступность в киберпространстве является одной из самых сложных проблем, с которыми международное сообщество сталкивается в последние годы в связи с развитием информационных и коммуникационных технологий. В статье анализируются феноменологические аспекты преступности в глобальных информационных сетях, обсуждаются вопросы определения понятия киберпреступности, рассматриваются современные тенденции ее развития, исследуется опыт международного сотрудничества в борьбе с компьютерными преступлениями, определены перспективные направления международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

Ключевые слова: компьютерная преступность, киберпреступность, кибертерроризм, кибербандитизм, киберфереры, хакинг.

N.I. Zhuravlevko, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zhuravlenkoni@rambler.ru;

L.E. Shvedova, Master of Technics, Assistant Professor of the Chair of Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: larisashvedova@yandex.ru

Problems of fight against cybercrime and future directions of international cooperation in this field

Cybercrime is one of the most difficult problems with which the international community has faced in recent years in connection with the development of information and communication technologies. The article analyzes the phenomenological aspects of crime in the global information networks, discusses the definition of cybercrime, examines the current trends of its development, explores the experience of international cooperation in the fight against computer crime, identify promising areas for international cooperation in the fight against cybercrime.

Key words: computer crime, cybercrime, cyberterrorism, cyberbanditry, cyberfraud, hacking.

В современных условиях роста научно-технического прогресса четко проявляются тенденции компьютеризации, создания разветвленных систем обработки данных, включающих в себя электронно-вычислительные машины, информационные системы и компьютерные сети. Информатизация затрагивает практически все стороны государственной и общественной жизни, в связи с чем информационные ресурсы, системы обработки данных и информационно-телекоммуникационные сети становятся самым уязвимым звеном национальной инфраструктуры каждого государства.

Возможности современных информационных технологий активно пытаются использовать организованные преступные сообщества и преступники-одиночки, что приводит к появлению новых видов преступных деяний – киберпреступлений. Представители криминалитета осуществляют незаконное вмешательство в работу электронно-вычислительных машин, систем и компьютерных сетей, осуществляют хищение, присвоение, вымогательство компьютерной информации, организуют удаленные атаки на информационные ресурсы, разрабатывают и распространяют компьютерные

вирусы и т.д. По своему механизму, способам совершения и сокрытия эти виды преступлений имеют определенную специфику, они характеризуются высоким уровнем латентности и низкой раскрываемостью.

Особое место в этом плане занимает Интернет, правовой статус которого до сих пор четко не определен, а отлаженных механизмов государственного регулирования этого нового для юриспруденции феномена пока не существует. Подобное положение дел играет на руку преступному миру, оно способствует быстрой криминализации Интернета. Например, наркоторговцы и их клиенты все чаще заключают сделки в «закрытых» чат-каналах, защищенных от внимания посторонних программно-аппаратными средствами. Наркодилеры используют для отмывания доходов интернет-банки. Увеличивается число сайтов, принадлежащих организованному преступным группировкам, через которые они интенсивно обмениваются информацией [1, с. 116–117].

В отечественных и зарубежных изданиях и средствах массовой информации в последнее время появились различные термины, обозначающие те или иные проявления криминального характера в информационной области. Встречаются термины «компьютерная преступность», «кибербандитизм», «киберпреступность» и т.п. Термин «киберпреступность» часто употребляется наряду с термином «компьютерная преступность», причем нередко эти понятия используются как синонимы. Действительно, эти термины очень близки друг другу, но все-таки, на наш взгляд, не синонимичны. Понятие «киберпреступность» (в англоязычном варианте – *cybercrime*) шире, чем «компьютерная преступность» (*computer crime*), и более точно отражает природу такого явления, как преступность в информационном пространстве. Так, Оксфордский толковый словарь определяет приставку «*cyber-*» как компонент сложного слова. Ее значение – «относящийся к информационным технологиям, сети Интернет, виртуальной реальности». Практически такое же определение дает Кембриджский словарь. Таким образом, «*cybercrime*» – это преступность, связанная как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных сетей. В то же время термин «*computer crime*» в основном относится к преступлениям, совершаемым против компьютеров или компьютерных данных.

В связи с вышеизложенным многие авторы придерживаются точки зрения о том, что понятие киберпреступности как совокупности

преступлений распространяется на все виды преступлений, совершенных в информационно-телекоммуникационной сфере, где информация, информационные ресурсы, информационная техника могут выступать (являться) предметом (целью) преступных посягательств, средой, в которой совершаются правонарушения, и средством или орудием преступления [2, с. 148–160]. Таким образом, киберпреступность может быть определена как совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных.

В настоящее время все чаще отмечаются факты освоения информационных технологий и компьютерных сетей транснациональными террористическими и экстремистскими организациями, что обусловило появление наиболее опасной разновидности компьютерной преступности – кибертерроризма. По заявлениям западных спецслужб и правоохранительных органов, такие террористические организации, как «Аль-Каида», «Хезболла», «Абу Нидаль» и др., активно используют возможности Интернета. С применением его возможностей ими осуществляются информационные кибератаки, пропаганда экстремистских идей, расовой, религиозной и других форм нетерпимости, а также вовлечение в свои ряды новых членов, осуществление незаконных финансовых операций и т.д.

Серьезная угроза подобных действий со стороны международных террористов стоит в настоящее время перед США, Великобританией, Германией и рядом других стран Запада. По данным экспертов, в настоящее время в них резко возросло количество кибератак на государственные информационные системы, последствия которых не менее опасны, чем традиционные террористические акты с использованием смертников, взрывчатки и т.д. Такие преступные деяния могут выводить из строя системы управления и функционирования атомных и других важных объектов, нефте- и газопроводов, электростанций, железных дорог, аэропортов, объектов водоснабжения. Поэтому кибертерроризм порою сравнивают по эффекту применения с воздействием ядерного, бактериологического и химического оружия. Например, в 2000 г. в России неизвестные злоумышленники взломали компьютерную сеть РАО «Газпром» и на некоторое время получили полный контроль над центральным

пунктом распределения газовых потоков. События 11 сентября 2001 г. в США сопровождались кибератаками на навигационные системы Нью-Йоркского аэропорта, а позже последовали атаки на систему энергообеспечения нескольких штатов.

В мае и июне 2002 г. действовавшие индивидуально британский и австрийский хакеры взломали коды системы управления стратегическими ядерными силами и Центра космической разведки вооруженных сил США. Трудно представить последствия этих акций, если бы они были осуществлены в террористических целях.

В недавнем прошлом Ирландская республиканская армия в Великобритании создавала специальные группы хакеров, в задачи которых входили взлом банковских счетов и похищение денег для финансирования этой террористической организации, а также сбор информации в Сети для будущих терактов.

Многие хакерские группы, такие как югославская «Черная рука», пакистанская «G-Force» или палестинская «Unix Security Guard», не сделав ни единого выстрела, своими кибератаками наносили столь серьезный ущерб институтам государственной власти ряда стран, что заняли «достойное» место в списках террористических организаций.

Не меньше проблем для законопослушных граждан создают и киберпреступления общеправового характера, совершаемые, например, по мотивам причинения материального или морального вреда, добывания тех или иных сведений ограниченного доступа (в том числе составляющих тайну частной жизни) из познавательных, а зачастую и из хулиганских побуждений.

По данным Федерального бюро расследований и Американского Национального института компьютерной безопасности, проводивших исследование, направленное на определение распространенности компьютерных преступлений и мер, принимаемых для их предотвращения, 42% респондентов в течение года обязательно фиксируют вторжение в свои компьютерные системы. Наиболее распространенной формой нападения является несанкционированное изменение данных, которое практикуется, прежде всего, в отношении медицинских (37%) и финансовых (21%) учреждений.

Этот же опрос показал, что свыше 50% респондентов не имеют плана действий на случай сетевого вторжения; свыше 60% не имеют навыков закрепления доказательств для дальнейшего судебного рассмотрения уголовных

или гражданских дел; более 70% респондентов не имеют устройств, предупреждающих о вторжении в их коммуникационные и информационные системы; менее 17% указали, что они уведомят правоохранные органы в случаях нападения на информационные системы; свыше 70% назвали в качестве основной причины отказа обращений в правоохранные органы возможность наступления негативного резонанса [3].

В целом, по оценкам международных экспертов, за год в Интернете совершается свыше 3 млн правонарушений (из них 850 тыс. – преступления сексуального характера, 144,5 тыс. – со взломом компьютеров, 207 тыс. связаны с финансовыми махинациями) [4, с. 6].

Киберпреступность – явление по своей природе трансграничное. Поэтому анализ киберпреступности или ее разновидности – компьютерной преступности – в рамках одной страны или группы стран, безусловно, ценен, но вряд ли способен дать представление об истинных масштабах и о размахе этого явления. Глобальность и трансграничность компьютерных и телекоммуникационных сетей, возможность манипуляций преступника с идентичностью (т.е. использования чужих имен, адресов, паролей и т.п.) создает ситуации, когда преступник находится на одном континенте, преступление непосредственно совершается на другом, а последствия преступления наступают на третьем. Более того, в последние несколько лет в связи с появлением и распространением ботнетов (сетей инфицированных компьютеров, осуществляющих атаки независимо от пользователей) ситуация усложнилась еще больше: преступник, сотни атакуемых компьютеров и потерпевший от преступления могут находиться на территории разных государств.

Для большинства преступлений, совершаемых в глобальных компьютерных сетях, характерны следующие особенности: повышенная скрытность совершения преступления, обеспечиваемая спецификой сетевого информационного пространства (развитые механизмы анонимности, сложность инфраструктуры и т.п.); трансграничный характер сетевых преступлений; особая подготовленность преступников и интеллектуальный характер преступной деятельности; нестандартность, сложность, многообразие и частое обновление способов совершения преступлений и применяемых специальных средств; возможность совершения преступления в автоматизированном режиме в нескольких местах одновременно, возможность объединять относительно сла-

бые ресурсы многих отдельных компьютеров в мощное орудие совершения преступления; многоэпизодный характер преступных действий при множественности потерпевших; неосведомленность потерпевших о том, что они подверглись преступному воздействию; дистанционный характер преступных действий в условиях отсутствия физического контакта преступника и потерпевшего; невозможность предотвращения и пресечения преступлений данного вида традиционными средствами [4, с. 109–110].

В настоящее время не существует ни релевантной статистики, отражающей реальную картину состояния киберпреступности, ни надежных методов сбора таких данных. И дело не только в отсутствии единообразия национального уголовного законодательства стран в сфере борьбы с киберпреступностью и разной практике его применения, различиях в формировании уголовной статистики и особенностях правоохранительной системы. До сих пор неясно, до какой степени достоверна статистика об экономических потерях от киберпреступности.

Есть мнение, например, что доход от киберпреступлений значительно превышает доход от других преступлений, включая торговлю наркотиками. Согласно данным, приведенным в 2013 г. в совместном анализе американского Центра стратегических и международных исследований и компании McAfee, ежегодные потери мировой экономики от киберпреступлений уже достигли 500 млрд долларов [5].

Чтобы представить себе масштабы и обороты этого криминального бизнеса, достаточно привести некоторые примеры. Виртуальные мошенники, завладев через Сеть номерами более чем миллиона банковских карт граждан США, одновременно совершили хищения в 130 банкоматах в 49 городах Америки. При этом вся операция заняла не более 30 минут, а размер прибыли преступников составил около 9 млн долларов, которые затем были переведены на счета в различные государства, в основном на постсоветском пространстве. В 2010 г. ФБР выдвинуло обвинения против 37 жителей России, Украины и других восточноевропейских стран, подозреваемых в использовании компьютерного вируса для взлома американских банковских счетов [6].

В феврале 2015 г. «Лаборатория Касперского» раскрыла одну из крупнейших кибератак в истории. При проверке в Киеве «взбесившегося» банкомата, который «выплывал» купюры под ноги прохожим, специалисты выяснили, что в компьютерную сеть банка проникла программа-червь, с помощью которой злоумышленники

отслеживали каждый шаг сотрудников. Это позволило им имитировать их действия и незаметно переводить со счетов деньги малыми суммами, чтобы не вызвать подозрение. За несколько месяцев они перевели более 300 млн (а по некоторым данным – около миллиарда) долларов из десятков банков в России, США, Японии и стран ЕС [7].

Наибольшая часть киберпреступлений остается за рамками статистики – можно с уверенностью утверждать, что в официальные отчеты попадает лишь 10, в лучшем случае 20% совершенных преступных деяний. Это объясняется тем, что «потерпевшие» коммерческие предприятия и банки предпочитают не сообщать в правоохранительные органы о совершенных в отношении их преступлениях, чтобы не потерять своих клиентов. Другие жертвы киберпреступлений не сообщают о них, понимая, что найти виновных и компенсировать нанесенный ущерб будет очень сложно.

Структура киберпреступности заметно различается в разных странах в зависимости от характера и степени развития в них информационных технологий, распространения сети Интернет, использования электронных сервисов и электронной коммерции и т.п. Например, по данным одного из исследований, в США 44% составили кражи денег с электронных счетов, 16% – повреждения программного обеспечения, столько же – похищение секретной информации, 12% – фальсификация информации, 10% – заказ услуг за чужой счет [8, с. 38].

Эффективно противодействовать киберпреступности, как известно, можно, только объединив усилия. Именно по этому пути пошли крупнейшие мировые провайдеры Интернет-услуг, которые в 2005 г. объявили о заключении глобального антихакерского альянса, в рамках которого была создана система раннего оповещения о хакерских атаках в Интернете [9, с. 218]. Кроме этого, в 2011 г. в Лондоне был создан Международный альянс обеспечения кибербезопасности (The International Cyber Security Protection Alliance – ICSPA). По данным телекомпании BBC, новая структура, «объединившая правительства, международный бизнес и правоохранительные органы, включая Европол», предназначена для борьбы с киберпреступностью в глобальных масштабах. Следует отметить, что новая организация является некоммерческой. Ее финансирование осуществляется ЕС и рядом правительств других стран (в их числе Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США), а также компаниями частного сектора [10].

В настоящее время информационная безопасность рассматривается государствами как одна из приоритетных задач в сфере национальной безопасности и международной политики, при этом концепция информационной безопасности включает как защиту пользователей сетей, так и защиту государства и его критических инфраструктур. Однако, поскольку ни одно государство не может защитить себя, принимая меры только на национальном уровне, для комплексного противодействия киберпреступности необходимы:

гармонизация уголовного законодательства о киберпреступлениях на международном уровне;
разработка на международном уровне и имплементация в национальное законодательство процессуальных стандартов, позволяющих эффективно расследовать преступления в глобальных информационных сетях, получать,

исследовать и представлять электронные доказательства с учетом трансграничности этих преступлений;

отлаженное сотрудничество правоохранительных органов при расследовании киберпреступлений на оперативном уровне;

механизм решения юрисдикционных вопросов в киберпространстве.

Таким образом, международное сотрудничество является ключевым моментом в ликвидации правового вакуума, существующего между развитием информационных технологий и реагированием на них законодательства. Процесс выработки мер на международном уровне, как показывает опыт, сам по себе является комплексной проблемой. Однако это единственный путь надежной защиты от электронных посягательств и эффективной борьбы с киберпреступлениями.

1. Белов О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 2009.

2. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // Библиотека криминалиста. 2013. № 5(10).

3. Мелик Э. Информация и информационные отношения как новый криминалистический объект. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=5949:2014-04-24-06-01-32&catid=170:2010-10-13-06-25-29&Itemid=196 (дата обращения: 10.02.2015).

4. Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы. Омск, 2009.

5. The Economic impact of cybercrime and cyberspionage. Center for Strategic and International Studies July 2013 Report.

6. 10 наиболее тяжких преступлений в Интернете по версии Cnet. URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=62874 (дата обращения: 12.02.2015).

7. Взбесившийся банкомат вскрыл одну из крупнейших киберафер в истории. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2015/02/16/123671> (дата обращения: 16.02.2015).

8. Селико Ю., Прохоров А. Internet – отмычка для компьютера // Компьютер-пресс. 2002. № 3.

9. Акопов Г.Л. Правовая информатика: современность и перспективы: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2005.

10. В Лондоне создан Международный альянс обеспечения кибербезопасности. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=499251> (дата обращения: 12.10.2014).

1. Belov O.A. Information support of disclosure and investigation of crimes. Moscow, 2009.

2. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime: forecasts and problems of struggle // Library criminologist. 2013. № 5(10).

3. Melik E. Information and information relations as a new forensic object // URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=5949:2014-04-24-06-01-32&catid=170:2010-10-13-06-25-29&Itemid=196 (date of access: 10.02.2015).

4. Osipenko A.L. Network computer crime. Theory and practice of struggle. Omsk, 2009.

5. The Economic impact of cybercrime and cyberspionage. Center for Strategic and International Studies July 2013 Report.

6. 10 most serious crimes on the Internet according to Cnet. URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=62874 (date of access: 12.02.2015).

7. Frenzy ATM opened one of the largest in the history of kiberafer. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2015/02/16/123671> (date of access: 16.02.2015).

8. Selicko Yu., Prokhorov A. Internet – jimmy computer // Computer Press. 2002. № 3.

9. Akopov G.L. Legal informatics: present and prospects: study aid. Rostov-on-Don, 2005.

10. In London created the International Alliance of cybersecurity. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=499251> (date of access: 10.12.2014).

Кашкаров Алексей Александрович

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kashkarov79@ya.ru)

Экзистенциальные и морально-нравственные аспекты психолого-правовой характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами органов публичной власти

В статье рассмотрены вопросы, связанные с установлением экзистенциальной и морально-нравственной природы преступного поведения должностных лиц органов публичной власти. Изучены мотивы преступного поведения должностных лиц органов публичной власти, что позволило установить морально-нравственные механизмы преступного поведения. Автор считает, что преступную деятельность следует рассматривать как симбиоз объективных и субъективных признаков, которые характеризуют как саму личность непосредственно так и ее жизнедеятельность.

Ключевые слова: преступление, прямой умысел, должностное лицо, орган публичной власти, мотив, морально-нравственная характеристика.

A.A. Kashkarov, Master of Law, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kashkarov79@ya.ru

Existential and moral-ethical aspects of physiological-legal characteristics of the crimes, committed by the officials of the public power organs

The article deals with the questions connected with identification of existential and the moral-ethical nature of the offensive behavior of the officials of the public power organs. The main attention has been paid to investigation of the offensive behavior motives of the officials of the public power organs. It gave an opportunity to establish moral-ethical tools of the offensive behavior of the afore-said persons. The article concludes that criminal activity should be considered as symbiosis of objective and subjective signs. They characterize directly the person himself, and his activity.

Key words: crime, direct intention, official, public power organ, motive, moral-ethical characteristics.

Признание корыстного мотива основным мотивом преступной деятельности должностных лиц органов публичной власти является общеизвестным фактом. Корыстный мотив преступной деятельности должностных лиц органов публичной власти может наполняться разным содержанием: карьеризмом, эгоизмом и прочими устремлениями личности.

Психологически деяние либо бездействие (поступок, поведение, преступление) есть единство объективного и субъективного. В криминологическом, а соответственно, и в психологическом понимании без мотива не может быть преступления. Это общепризнанное положение юридической психологии имеет определяющее значение для расследования преступлений. Формирование мотива преступления и определение его цели осуществляется при помощи определенного процесса, алгоритма принятия

решения и обеспечивается соответствующими психологическими и социально-психологическими механизмами его совершения.

И если цели, задачи, мотивы, условия, действия и операции зачастую явно выражены в процессе преступной деятельности, то психологические механизмы не всегда отчетливо представлены в целостной структуре преступного деяния. В особенности в структуре сознания субъекта. Однако и те и другие в системной общенаучной парадигме являются структурными элементами деятельности и рассматриваются, в частности, в преступной деятельности. Таким образом, они относятся к числу дефиниций общепсихологического категориального аппарата, который и будет являться для нас методологическим фундаментом при описании данной проблематики.

Наиболее часто применяемый при описании различных видов деятельности указанный по-

нятийный аппарат описывает скрытую, имплицитную (существующую в свернутом (скрытом виде) структуру мотивационно-потребностной сферы субъекта преступления, процессов волевой регуляции, участвующих в реализации преступного действия, установок и стереотипов его участника(ов). Все это так или иначе относится к индивидуально-психологическим особенностям личности. В связи с этим автор одного из наиболее известных учебников по юридической психологии отмечает: «В системе «человек – право» в первую очередь реализуются личностные аспекты человека как общественного существа, включенного в социальные отношения, как носителя сознания, и в частности правосознания» [1, с. 7]. Уголовно-правовые и юридические процедуры, соответственно, требуют амплификации (прояснения) и структурирования особенностей личности и жизнедеятельности преступника. Однако следует подчеркнуть, что преступлениям с прямым умыслом в соответствии с методологическими постулатами криминологии и криминальной психологии в особенности присущи такие критерии, как мотив, цель, задача, потребность, операция, условия, действия. Это обусловлено тем, что данный тип преступлений, характеризующийся прямым умыслом, совершаемый представителями органов публичной власти, отличается по объективным критериям наличием достаточно большого количества времени для подготовки к их осуществлению.

В данной проблеме наименее изученной и потому наиболее актуальной предметной сферой, эвристически углубляющей перспективу исследования субъективных признаков совершения преступлений представителями публичной власти, мы считаем индивидуально-психологические особенности личности субъекта, интегрированного в ситуацию преступления. Социально-психологические аспекты таких не очень фундаментально и широко, но уже достаточно традиционно представлены в публикациях по криминальной психологии и криминологии. По нашему мнению, это яркий признак методологического преодоления современными науками уголовно-правовой направленности, однобокости материалистической диалектики (фактически не науки, а идеологии) и социального редукционизма, а также идеологической рецепции постулатов идеологов советского режима.

Таким образом, нравственные и экзистенциально-психологические способы измерения субъективных признаков совершения пре-

ступлений, имеющих прямой умысел, – наша основная задача. Постановка последней обусловлена тем, что именно эти составляющие личности в течение длительного времени были игнорированы, и до сих пор редко принимаются во внимание отечественными учеными, работающими в профессиях «человек – человек». Между тем, Л.В. Кондратюк отмечает: «Применительно к рассматриваемой нами проблеме криминальной деструктивности экзистенциальный подход продуктивен в том смысле, что позволяет, не идеализируя человека, выстроить элементы, сигнализирующие о его несовершенстве, в систему характеров человеческой личности и проследить в каждом из нормотипов те структуры страстей, архетипов, установок, которые и составляют психо-духовную цепь, выполняющую этиологическую роль в криминальном деянии» [2, с. 72].

Экзистенциальные и морально-нравственные аспекты личности и жизнедеятельности субъекта имеют особую значимость, т.к. ценностно-ориентационная сфера выходит на первый план в ситуациях принятия решения, осложненных необходимостью совершения выбора, в том числе выбора морально-нравственного. Не в изменчивости условий и фактов возникает для человека проблема экзистенции, но она порождается самой духовной природой человека. Человек способен не срастаться с ситуацией, он находится над ней и способен проявить свою волю, выдать импульс нового, самостоятельного направления причинности [3, с. 56]. Это подтверждается многолетней классической (см. работы философов и психологов Н. Аббаньяно, Л. Бинсвангера, М. Босса, С. Кьеркегора, Г. Марсея, Э. Мунье, Ж.-П. Сартра, Э. Ноймана, Э. Фромма, К.Г. Юнга и др.) и современной (Б.С. Братусь, А.Ф. Бондаренко, Д.А. Леонтьев, А.Ф. Копьев, В.А. Татенко, и др.) традицией экзистенциально-гуманистических и глубинно-психологических направлений в науках о человеке. Осуществляя анализ проблемы мотивации совершения преступлений с прямым умыслом, подчеркнем наиболее значимые особенности этого базового понятия.

Во-первых, умысел (намерение, замысел, преступная идея) – его наличие по определению связывает цель и мотив злодеяния. В преступлениях с прямым умыслом, тем более совершенных представителями государственной власти, злодеяние редко совершается под влиянием одних лишь потребностей (эмоций, психических состояний и т.д.), т.к. их субъекты,

как правило, имеют развитое сознание и другие сформированные психические функции. Осознанная же потребность, согласно классической трактовке отечественных психологов [4; 5], перерастает в мотив (мотив – это предмет потребности). Отсутствие же осознания, например при включении интенсивной психологической защиты «Я», (процессы вытеснения и т.д.) однозначно указывает, по нашему мнению, на несоответствие субъекта (его психологического, культурного, ментального уровня) занимаемой должности в структурах публичной власти.

Таким образом, подход к проблеме требует целостного анализа потребностно-мотивационной сферы личности, совершающей преступление. Этому анализу посвящено множество работ целой плеяды отечественных [6; 7; 4] и зарубежных [8; 9] авторов, занимающихся раскрытием специфики преступной мотивации.

Во-вторых, проблема раскрытия мотива усложняется законом двойственной детерминации, т.е. наличием множества как внешних, так и внутренних психофизиологических и экзистенциальных тенденций, влияющих на поступки человека. Это переменные, относящиеся к личностным, социальным, ситуативным и другим детерминантам. В зависимости от конкретной концепции и смыслового авторского акцента ее функций и роли в структуре названия мотивов различны. Перечислим лишь те из них, которые, по нашему мнению, пригодны для методологически адекватного прояснения специфики преступной мотивации. Это «двигатели преступного поведения» (В.А. Познышев), «влечения» (З. Фрейд), «архетипические побуждения» (К.Г. Юнг), «стремление к власти» (А. Адлер), «принуждения судьбы» (Л. Сонди), потребность в преступной самоактуализации (наша трактовка результатов исследования Ю.М. Антоняна и М.И. Еникеева), страсти как основы мотивационных тенденций и форм проявления преступной мотивации в частности (Л.В. Кондратюк, А.Н. Игнатов [10, с. 63–68]). Обобщая сложности проблематики мотивации совершения преступления и одновременно подчеркивая мощную социальную детерминацию коррупционных преступлений в настоящее время, большинство авторов однозначно и прямо указывают на их доминирующую роль. «При таком весьма подвижном и эластичном состоянии архетипно-мотивационной диспозиции субъектов поведения, характеризующейся определенной степенью готовности к деструк-

тивному поведению, изменения в социальной сфере в состоянии актуализировать указанную готовность, усилить, придать ей определенный смысл. Так, стимулирование рыночных отношений, рост массы богатства в частных руках, явное указание на обогащение как на положительную социальную ценность не только увеличили пропорционально диапазон возможностей проявления деструктивных оснований человеческого поведения, проявления деструктивных архетипов, но также увеличили «массу» деструктивной мотивации» [2, с. 167].

Еще одной характерной особенностью проблематики мотивации является зависимость этого многосоставного психофизиолого-духовного образования от целостного контекста взаимосвязи других объективно-субъективных составляющих умышленного преступления. Так, целый ряд как отечественных, так и зарубежных классиков и современных специалистов психологов идентифицируют мотивацию с волей и волевой регуляцией. В фундаментальной монографии по психологии воли прямо указывается на то, что это «...идея, позднее развитая А.Н. Леонтьевым в понятии о «смыслообразующих мотивах»» и В.А. Иванниковым во взгляде на волю как «произвольную мотивацию» [6, с. 20]. Основателем психологической теории установки [11; 12] она понимается следующим образом: «Механизмы воли таковы, что источником деятельности и поведения является не импульс актуальной потребности, а нечто совершенно иное, иногда даже противоречащее потребности. Побуждение к любому действию грузинский ученый связывает с наличием установки на действие (намерение)» [6, с. 21]. Если учитывать, что мы анализируем преступное намерение, то нельзя в данном случае не отметить, что оно будет характеризоваться таким образом:

отличаться способностью переноситься на другие объекты (например, привычка создавать условия для получения незаконного вознаграждения должностными лицами органов публичной власти при любой встрече с предпринимателями);

существовать в скрытом виде, «активизируясь при возникновении соответствующей потребности и ситуации ее удовлетворения, при встрече с соответствующим объектом» [1, с. 61]; это хорошо известный всем феномен постоянной нацеленности на «невинное вознаграждение», характеризующий большинство чиновников, которые обязаны строго выпол-

нять свои обязанности только за государственную зарплату;

отличаться избирательной ориентированностью (умением мгновенно «вычислить нужного человека» и предвосхищать ситуации, в которых есть малейший шанс незаконного обогащения).

Далее, перечисляя и другие характеристики психологической установки (добавим – преступной установки), т.е. готовности личности к противоправному поведению, А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова [1, с. 83] усматривают в ней основу формирования так называемой преступной (противоправной) культуры. Выделяя в данном феномене ее глубинную основу – систему ценностей, укажем, что именно перечисленные особенности поступать определенным (противоправным) образом как нельзя лучше характеризуют субъектов преступления в органах публичной власти.

В этих коррупционных преступлениях подчеркивается также значимость внешних факторов, влияющих на актуализацию и спецификацию мотивов, детерминированных влиянием преступного окружения. Необходимо учитывать полимотивированность, идущую от преступного лидера(ов), влияние его (их) харизмы. Целостную обусловленность всей ситуации социально – психологическими механизмами влияния, заражения, давления и воздействия.

В завершение анализа компонента мотивации как одной из субъективных составляющих преступления процитируем ученых-криминологов, основная смысловая квинтэссенция значения корыстного мотива которых заключается в том, что «понятие корыстного мотива не может быть ни узким ни широким. Оно должно быть адекватным, то есть отвечать своему содержанию – эгоистичному интересу, который реализуется противоправно и аморально» [13, с. 66].

В подтверждение сказанного приведем отдельные примеры как ученых-классиков, так и современных исследователей, которые подчеркивали значимость и доминирующую роль указанных выше функций, делая акцент на их экзистенциальных характеристиках. Так еще И.М. Сеченов писал, что воля – это деятельная сторона разума и морального чувства. Следовательно, проявление волевых качеств зависит от нравственных черт характера [6, с. 91]. Е.И. Ильин в фундаментальной монографии «Психология воли» отмечает, что А.В. Иващенко говорит о зависимости нравственного воспитания от уровня развития воли [6, с. 91], а такие К.К. Платонов и Г.Г. Голубев пишут, что выбор высших социальных мотивов и решений свидетельствует о проявлении воли, а выбор низших, биологических и особенно противоречащих основной цели деятельности – о безволии [6, с. 99]. Таким образом, нравственная сущность воли и волевой регуляции проявляется в способности осуществить волевое усилие, «встать» над своими актуальными потребностями и желаниями, преодолеть эмоциональное состояние (страсть) и отдать предпочтение тому, что «надо», а не тому что «не хочется».

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что экзистенциальные и морально-нравственные аспекты должны учитываться криминальной психологией и криминологией при исследовании мотивов и мотивации, целей и целеопределения, харизмы, стереотипов поведения, волевых моментов преступной деятельности, характеристики личности преступника.

Положения этой статьи могут быть использованы для дальнейшей научной деятельности в рамках изучения социально-психологических аспектов преступности в целом и коррупционной преступности в частности.

1. Юридическая психология / сост. и общ. ред. Т.Н. Курбатовой. СПб., 2001.

2. Кондратюк Л.В. Антропология преступления. М., 2001.

3. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998.

4. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / под ред. В.В. Давыдова, А.А. Леонтьева, В.П. Зинченко. М., 1983. Т. 2.

1. Legal psychology / comp. ed. and gen. by T.N. Kurbatova. St. Petersburg, 2001.

2. Kondratyuk L.V. Crime antropology. Moscow, 2001.

3. Kudryavtsev V.N. Genesis of a crime. Experience of criminological modeling. Mosco, 1998.

4. Leontyev A.N. The selected psychological works: in 2 vol. / ed. by V.V. Davydov, A.A. Leontyev, V.P. Zinchenko. Moscow, 1983. Vol. 2.

5. Leontyev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow, 1975.

5. Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. М., 1975.
6. Ильин Е.П. *Психология воли*. СПб, 2000.
7. Иванников В.А. *Психологические механизмы волевой регуляции*. М., 1991.
8. Маслоу А.Г. *Мотивация и личность*: пер. с англ. СПб., 1999.
9. Сонди Л. *Учебник экспериментальной диагностики влечений: Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосоматике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакологии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии*: [пер. с нем В.И. Николаев]. М., 2005.
10. Игнатов А.Н. *Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения* // *Общество и право*. 2015. № 1(51). С. 63–68.
11. Надирашвили Ш.А. *Особенности закономерностей действия установки на различных уровнях психической активности человека* // *Психологические исследования, посвященные 85-летию Д.Н. Узнадзе* / под. ред. А.С. Прангшвили. Тбилиси, 1973. С. 266–273.
12. Узнадзе Д.Н. *Экспериментальные основы психологии установки*. Тбилиси, 1961.
13. Зелінський А.Ф., Коржанський М.Й. *Корислива злочинна діяльність*. Киев, 1998.
6. Ilyin E.P. *Psychology of will*. St. Petersburg, 2000.
7. Ivannikov V.A. *Psychological mechanisms of strong-willed regulation*. M., 1991.
8. Maslou A.G. *Motivation and personality*: transl. from English. St. Petersburg, 1999.
9. Sondhi L. *Textbook of experimental diagnostics of inclinations: Deep psychological diagnostics and its application in psychopathology, a psychosomatics, forensic psychiatry, criminology, psychopharmacology, professional, family and teenage consultation, a characterology and ethnology*: [transl. from German by V.I. Nikolaev]. Moscow, 2005.
10. Ignatov A.N. *Passion as a fundamental component of the motive of the criminal conduct* // *Society and law*. 2015. № 1(51). P. 63–68.
11. Nadirashvili Sh.A. *Features of regularities of action of installation at various levels of mental activity of the person* // *Psychological researches devoted to the 85 anniversary of D.N. Uznadze* / ed. by A.S. Prangishvili. Tbilisi, 1973. P. 266–273.
12. Uznadze D.N. *Experimental fundamentals of psychology of installation*. Tbilisi, 1961.
13. Zelinsky A.F., Korzhansky M.I. *Selfish criminal activity*. Kiev, 1998.

Максимов Павел Викторович

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Забавко Роман Алексеевич

преподаватель кафедры уголовного права
Восточно-Сибирского института МВД России
(тел.: +789027676272)

Частноправовые и публично-правовые предпосылки уголовно-правовой охраны окружающей природной среды

В статье исследуется правовая природа права собственности на объекты окружающей среды, их соотношение с экологическими интересами общества. Указывается на несоответствие существующего подхода к охране права собственности на объекты окружающей среды Конституции РФ.

Ключевые слова: неправомерное завладение природными ресурсами, право собственности на землю, воды, недра, лесные насаждения, объекты животного мира.

P.V. Maksimov, Master of Law, Deputy Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563;

R.A. Zabavko, Lecturer of the Chair of Criminal Law of the East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +789027676272.

Private law and public law bases of criminal law protection of the environment

The article investigates the legal basis of ownership of the objects of the natural environment, their relationship with environmental interests of society. Indicates a mismatch between the established method of protection of property rights on the environment and the Constitution of the Russian Federation.

Key words: unlawful occupancy of natural resources, ownership of land, water, minerals, forest plantations, wildlife objects.

Объекты окружающей природной среды имеют двойственную правовую и социальную природу. Воздух, воды, почвы, полезные ископаемые и другие природные ресурсы не могут восприниматься как простое имущество. В то же время понимание данных объектов как чего-то общего и не принадлежащего государству или вообще никому устарело и способно создать существенные препятствия в развитии всего общества и экономики в частности.

До 1991 г. дискуссия относительно соотношения публичного и частного начал в праве собственности на природные ресурсы фактически отсутствовала – государство являлось единственным полноправным собственником всех объектов живой и неживой природы, находящихся в естественном состоянии. Произошедшие в стране социально-политические изменения, ознаменовавшиеся принятием Конституции 1993 г., провозгласившей многообразие форм собственности на землю и иные

природные ресурсы, привело к широкому обсуждению правовой природы рассматриваемых объектов.

Конституция РФ не устанавливает точного перечня природных ресурсов, подлежащих правовому регулированию: многократно упоминается земля, остальные названы «другими» (фактически лишь единожды используется неполное перечисление «земля, недра, водные и иные природные ресурсы»). Мы предполагаем, что в Конституции следовало бы перечислить природные ресурсы, подлежащие правовому регулированию, указав, что под ними подразумеваются земля, лес, недра, воды, воздух, континентальный шельф, живые организмы в состоянии естественной свободы. Это позволило бы создать основание для уже сформировавшейся системы природоресурсного законодательства, а также системы норм таких источников, как Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ.

Ведущие цивилисты, в частности Е.А. Суханов, говорят о невозможности оборота земель (а также вод, леса, воздуха, недр), индивидуально не определенных, т.к. это создает препятствия обращения тесно связанных с ними элементов (например, находящихся на земле строений) [1]. Это полностью отражает позицию законодателя: специальное отраслевое законодательство, регулирующее правовой статус и порядок обращения указанных объектов, оперирует в основном иными категориями. Фактически гражданско-правовыми единицами воспринимаются земельные участки, лесные участки, участки недр и водные объекты, и только атмосферный воздух воспринимается как целостный объект и единая правовая категория. Это соответствует положениям римского права, согласно которым в собственности могут быть только индивидуально определенные предметы. Таким образом, возникает ситуация, в которой декларированное Конституцией РФ право собственности на природные ресурсы подменяется правом собственности на их обособленные части – участки, объекты.

Думается, что суть проблемы заключается в том, что авторы Основного закона хотели особо отметить важность публичных интересов, связанных с названными ресурсами. Однако, возможно, примененная юридическая техника – законодательная «привычка» советского времени, когда не было нужды обособления конкретных ресурсов в «участки с кадастровым номером», а сами ресурсы воспринимались целостно ввиду наличия одного собственника – государства. Третье объяснение конструкции конституционных норм – попытка применения иного уровня индивидуализации природных ресурсов, о которой пишет Т.Н. Малая [2, с. 46–48], – здесь изначально сочетаются публичное и частное начала, а правовой режим указанных объектов регламентирован одновременно разными отраслями права. Третье объяснение предполагает существование специального отраслевого (по видам природных ресурсов) законодательства, ориентированного на защиту публичных интересов и применение универсальных гражданско-правовых норм, воспринимающих природные ресурсы как отдельные объекты или даже как имущество. Данный подход частично реализован в Федеральном законе «Об охране атмосферного воздуха» (вероятно из-за затруднений реализации права собственности на воздух и невозможности разделения его на индивидуально определенные объекты). Земельный, Лесной кодексы, законодательство о недрах и континентальном

шельфе, о животном мире содержат лишь декларации публичных интересов и весьма эффективные механизмы реализации права собственности. Вероятно, поэтому и разработаны действующие механизмы индивидуализации природных ресурсов.

В итоге сложившаяся ситуация указывает либо на несоответствие отраслевого природоохранного законодательства Конституции РФ, либо на очень широкое трактование конституционно-правовых норм о природных ресурсах.

Между тем, Конституция РФ декларирует безусловность правовой охраны природы, указывая также, что природные ресурсы могут находиться в собственности различных участников правоотношений. Сама по себе собственность также подлежит защите со стороны государства. Возникает ситуация, когда требуется реализация и охрана двух различных групп прав: частных и публичных, часто противоречащих (приоритет при этом остается за вторыми, хотя на практике гораздо более разработаны механизмы осуществления и гражданско-правовой защиты первых). При этом в гражданско-правовой защите и регулировании нуждаются отношения, связанные с индивидуально-определенными предметами, а в публичной охране (в том числе и посредством уголовного законодательства) – гораздо более широкие, связанные с природой вообще либо с ее элементами.

Правовая природа частных и публичных правовых интересов в отношении природных ресурсов различна. Центром правового регулирования, как публичного, так и частного, является интерес, который, как справедливо отмечает Д.А. Керимов, является основой целеполагания, лежит в основе системы «интерес – цель – система» [3, с. 229]. Интерес как правовая категория формирует не только конечный результат регулирования, но и его методы, позволяет установить систему ценностей и, соответственно, приоритетов.

Интерес в социальной системе предопределяет направление деятельности, ее методы, максимально допустимые затраты на такую деятельность, формирует в итоге волю субъекта.

Вообще публичный интерес может быть интерпретирован в различном смысле. В широком понимании «интерес» обуславливает существование всего права, даже и частного, как определение правового статуса неограниченного круга лиц.

В философии интерес понимается как значимая причина волевого поведения, конечный результат деятельности лица. Интересы могут

быть различными: по степени общности – индивидуальные, групповые и общественные; по направленности – политические, экономические и др.; по характеру субъекта – классовые, национальные и др.; по степени осознанности – действующие стихийно и на основе разработанной программы; по возможности их осуществления – реальные и мнимые; по отношению к объективным процессам – прогрессивные, консервативные и т.д. [4, с. 53]. Праву свойственно учитывать интерес только широкого круга лиц, даже классовое право учитывает интерес класса, право же, обеспечивающее интересы только одного лица или ограниченной группы лиц, незаконно (его признает только теория насильственного происхождения права и государства). Учет интереса большой группы лиц, его сочетание с интересами иных масс в обществе реализуется посредством политической организации общества.

В правовом государстве осознанный правовой интерес является целью деятельности, а его воля обусловлена юридическими мотивами и требованиями, обусловленными все тем же общественным интересом [4, с. 55].

Неучтенный и нереализованный общественный интерес может привести к необратимым социальным последствиям, повлечь появление правового нигилизма, нелегальных средств реализации своих потребностей. При различии интересов двух или более больших социальных групп должны быть разработаны механизмы их учета и взаимного существования.

Публичный интерес разделяется на публично-правовой и частноправовой. Первый учитывает интересы неопределенного круга лиц, второй – определенного, конечного. Экологические интересы являются ярким примером первой группы, право собственности – второй. По общему правилу все конфликты реализуются в пользу публично-правовых интересов как более существенных и фундаментальных.

Еще римские юристы пытались разработать действенные правовые механизмы, которые могли бы обеспечить реализацию частноправовых интересов с учетом публичных.

Один из способов реализации публичного интереса в отношении природных ресурсов – сервитуты, т.е. ограниченное вещное право не собственника в отношении определенных вещей, обусловленное публичным интересом, который, в свою очередь, является признанными государством общественными интересами, выраженными в нормах права и обеспеченными принудительной силой государства [5, с. 82–83]. Сервитуты, зародившиеся в римском праве,

получили широкое распространение во всем мире и успешно применяются в России.

Один из наиболее распространенных сервитутов – право прохода через земельный участок, принадлежащий другому лицу, право прогона через него скота. Государство предоставляло такую возможность лицам даже и без согласия собственника.

В настоящее время сервитуты используются для:

- 1) прохода или проезда через земельный участок;
- 2) использования земельного участка в целях ремонта коммунальных, инженерных, электрических и других линий и сетей, а также объектов транспортной инфраструктуры;
- 3) размещения на земельном участке межевых и геодезических знаков и подъездов к ним;
- 4) проведения дренажных работ на земельном участке;
- 5) забора (изъятия) водных ресурсов из водных объектов и водопоя;
- 6) прогона сельскохозяйственных животных через земельный участок;
- 7) сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных в установленном порядке на земельных участках в сроки, продолжительность которых соответствует местным условиям и обычаям;
- 8) использования земельного участка в целях охоты и рыболовства;
- 9) временного пользования земельным участком в целях проведения изыскательских, исследовательских и других работ;
- 10) свободного доступа к прибрежной полосе (ст. 23 Земельного кодекса РФ).

Однако мы считаем, что данное вещное право к защите публичного интереса в отношении природных ресурсов не применимо. В нашем случае речь идет об интересе иного, более высокого уровня, когда сохранность и рациональное использование окружающей природной среды существует не в отношении интереса широкого круга лиц, а в отношении интереса всех лиц, а также мирового сообщества и последующих поколений. Сервитут не в состоянии их обеспечить. Сервитут служит целям реализации публичного интереса в тех случаях, когда частное право ему противоречит либо существенно ограничивает. Тем самым сервитут – это исключение из права собственности.

Еще один способ реализации публичного интереса – «суперфиций», или право застройки, достаточно успешно действовавший в Российской империи [6], применяемый в некоторых иностранных государствах и реанимируемый

сейчас [7, с. 13], даже распространенный на все природные ресурсы, также не сможет обеспечить соотношение публичного и частного начал. Он более применим для разграничения частно-правовых интересов двух или более собственников (одним из которых может являться государство как участник гражданско-правовых отношений).

Часть 3. ст. 129 ГК РФ, как верно отмечает С.А. Боголюбов, является универсальной, «чеканной», от которой законодателю не следует отходить. Она фактически определяет, что все природные ресурсы могут быть оборачиваемыми в гражданско-правовых отношениях настолько, насколько это допускается природоресурсным правом. «Обоснованно можно считать гражданское законодательство, устанавливающее общие правила осуществления имущественных отношений, более общим законом по отношению к законам о природных ресурсах и объектах, имущественный оборот которых должен осуществляться по общим правилам ГК с изъятиями, установленными специальными законами об этих природных ресурсах и объектах» [8, с. 4–7].

Установленный разрешительный порядок оборота природных ресурсов полностью отвечает запросам экономики, для которой требуется максимальная вовлеченность в нее ресурсов.

Большинство исследователей на фоне развернувшейся в законодательной среде полемики о необходимости формирования иного подхода к правовому регулированию оборота природных ресурсов, согласно которому необходимо установление безусловного приоритета публичной составляющей над частноправовой, едины во мнении, что описанная выше система реализации сочетания публичной и частной составляющей действенна. Необходимо не коренной пересмотр этой системы, а ее «стабилизация», конкретизация специальных по отношению к ст. 129 ГК РФ норм. Эта система выработана не одномоментно, и даже не на основе Конституции РФ 1993 г. Она обобщила западный, дореволюционный и даже советский опыт природопользования и природоохраны, а Конституция лишь закрепила данный порядок правоотношений.

Дисбаланс частноправовых и публично-правовых сфер в области природопользования хорошо заметен на примере ответственности юридических лиц: исследователи неоднократно рассматривали возможность уголовной ответственности за экологические преступления [9, с. 107; 10, с. 7–10 и др.], в том числе и вви-

ду широких прав данных субъектов в области воздействия на окружающую природную среду при отсутствии механизмов их публично-правовой ответственности. Кроме того, несколько странным выглядит тот факт, что основной способ защиты экологических прав – возмещение убытков [11, с. 35] – на практике применим только в случае нарушения экологических прав юридических лиц, активно реализующих право собственности на природные ресурсы.

Между тем, доводы сторонников реформы такого подхода, указывающие на существенные проблемы природоохраны ввиду приоритета «хозяйственного» подхода, следует признать и принять к сведению как сигнал к неадекватности многих специальных правоограничений.

При приоритете хозяйственного использования природных ресурсов и низкого качества норм, обеспечивающих уголовно-правовую защиту окружающей природной среды, запускается механизм бесконтрольного использования природных ресурсов.

Подводя итог изложенному, сделаем ряд выводов.

1. Право собственности на природные ресурсы достаточно развито. Это обусловлено и предписаниями Конституции РФ, и положениями ГК РФ, который считает природные ресурсом обычным имуществом настолько, насколько это позволяет специальное отраслевое законодательство.

2. Природоресурсное право ориентировано в основном на установление порядка и пределов природопользования, описывает права и обязанности пользователей. Положения большинства норм законодательства об охране окружающей среды не более чем декларативно. В таких условиях, когда созданы реальные механизмы потребления и не созданы механизмы защиты окружающей среды, ответственности за правонарушения, вполне естественной выглядит ситуация неограниченного природопользования.

3. Несмотря на наличие явного, развитого права собственности на природные ресурсы, находящиеся в естественном состоянии, не созданы уголовно-правовые механизмы его охраны. Такие механизмы, направленные на защиту «материальной» части окружающей среды, способны обеспечить защиту и всех иных его составляющих.

4. Возникает потребность в разработке уголовно-правовых норм, которые бы описывали общественно опасное поведение лиц, направленное на нарушение права собственности на

природные ресурсы всех собственников таких ресурсов. Это было бы вполне естественным на фоне наличия заинтересованного собственника, получающего реальную экономическую прибыль с экологического имущества, который не разрывает частноправовую и публичную составляющую принадлежащих ему природных ресурсов.

5. Это, в свою очередь, определяет атрофию части норм современного УК РФ, предусмотренных гл. 26, которые устанавливают уголовную ответственность за неправомерное посягательство на природные ресурсы и необходимость формирования иных, ориентированных на охрану права владения такими ресурсами норм.

1. *Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии: интернет-интервью с Е.А. Сухановым, заведующим кафедрой гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителем председателя Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, доктором юридических наук, профессором.* URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov.html> (дата обращения: 23.01.2014).

2. *Малая Т.Н. Природные ресурсы как объекты права собственности: о соотношении природоресурсного и гражданского законодательства в определении их режима // Экологическое право. 2009. № 5/6.*

3. *Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003.*

4. *Тихомиров Ю.А. Публичное право: учеб. М., 1995.*

5. *Горшунов Д.Н. Интерес в частном праве: вопросы теории. Казань, 2005.*

6. *Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2006.*

7. *Оськина И., Лупу А. Суперфиций как альтернатива сервитуту // ЭЖ-Юрист. 2012. № 10.*

8. *Боголюбов С.А. Земля – природный ресурс и объект права собственности // Экологическое право. 2009. № 5/6.*

9. *Демин С.Г. О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России // Общество и право. 2014. № 2(48).*

10. *Фаткулин С.Т. Уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления // Законность. 2012. № 11.*

11. *Фоменко В.Л. Способы защиты экологических прав граждан // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4(26).*

1. *Prospects for the development of civil legislation in Russia: plans and current realities: Internet interview with E.A. Sukhanov, Head of the Department of Civil Law of the Lomonosov Moscow State University, Deputy Chairman of the Presidential Council for Codification and Enhancement of Civil Legislation, Doctor of Law, Professor.* URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov.html>, (date of access: 23.01.2014).

2. *Malaya T.N. Natural resources as objects of property rights: the relationship between natural resource and civil law in the determination of their regime // Environmental law. 2009. № 5/6.*

3. *Kerimov D.A. Methodology of law: the subject, functions, problems of legal philosophy. Moscow, 2003.*

4. *Tikhomirov Yu.A. Public law: textbook. Moscow, 1995.*

5. *Gorshunov D.N. Interest in private law: theory issues. Kazan, 2005.*

6. *Shershenevich G.F. Textbook of the Russian civil law. Moscow, 2006.*

7. *Oskina I., Lupu A. Superficies as an alternative to servitude // Electronic lawyer. 2012. № 10.*

8. *Bogolyubov S.A. Earth – a natural resource and an object of property // Environmental law. 2009. № 5/6.*

9. *Demin S.G. On the necessity of corporative criminal responsibility in Russian criminal law // Society and law. 2014. № 2(48).*

10. *Fatkulin S.T. Criminal liability of legal persons for environmental crimes // Legality. 2012. № 11.*

11. *Fomenko V.L. Methods of protection citizens environmental rights // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 4(26).*

Абрамов Ашот Левоновичаспирант кафедры уголовного права
Московского государственного машиностроительного университета
(e-mail: abramov_ashot@mail.ru)

О пределах правомерности крайней необходимости в деятельности медицинских работников

В статье анализируются пределы правомерности крайней необходимости в медицинской деятельности. Работа выполнена на основе действующего законодательства и научных работ по уголовному праву.

Ключевые слова: уголовный закон, крайняя необходимость, пределы правомерности, медицинская деятельность.

A.L. Abramov, Post-graduate of the Chair of Criminal Law of the Moscow State University of Mechanical Engineering; e-mail: abramov_ashot@mail.ru

On the limits of legality extreme necessity in activities of medical workers

The article is devoted to limits of legality extreme necessity in medical activities. This work is based on current legislation and scientific works in criminal law.

Key words: criminal law, extreme necessity, limits of legality, medical activities.

Правовая регламентация крайней необходимости выражает издавна утвердившиеся в обществе представления о естественном и социально допустимом поведении индивида в условиях столкновения двух правоохраняемых интересов, когда предотвратить наступление вреда одному из них можно лишь посредством причинения меньшего вреда другому. В самом обобщенном виде смысл и логику крайней необходимости сформулировал еще Аристотель в своем общеизвестном нравоучительном изречении: «Меньшее из зол надо выбирать».

В исследованиях по медицине авторы довольно часто ссылаются на возможность применения того или иного препарата или метода оказания врачебной помощи только в состоянии крайней необходимости. Так, Ф.В. Исаев отмечает, что «...результаты проведенных исследований выявили прямую корреляционную связь между применением кетамина и частотой когнитивных расстройств в ранние и отдаленные сроки после выполнения даже краткосрочных и малотравматичных оперативных вмешательств... Использование кетамина в плановой и даже экстренной анестезиологии допустимо только в случаях крайней необходимости» [1, с. 10].

И.М. Белоус пишет: «...Декомпенсированное состояние пострадавших ...является противопоказанием к выполнению отсроченных и

плановых оперативных вмешательств; фиксация переломов в этих ситуациях выполняется в случаях крайней необходимости по жизненным и срочным показаниям» [2, с. 129].

С.В. Сотникова в своей работе обосновывает, что «...пункция боковых и срединных кист шеи с диагностической целью может привести к воспалительному процессу, что впоследствии затрудняет хирургическое вмешательство. Поэтому пункцию кисты можно проводить только в случае крайней необходимости» [3, с. 118].

Право на причинение вреда в состоянии крайней необходимости, как известно, имеет определенные законом пределы. В самом обобщенном виде они сводятся к тому, что лицо может причинить только меньший вред в сравнении с тем, который мог бы наступить. Действительно, причинение лицом равного или даже большего вреда нивелирует всю социальную ценность и противоречит самому предназначению правила о крайней необходимости – минимизировать негативные последствия для охраняемых законом интересов личности, общества и государства. Таким образом, критерий социальной пользы (социально-полезного результата) здесь имеет определяющее значение.

Однако такая, казалось бы, ясная и неопровержимая логика правомерности крайней необходимости в сфере медицины рождает ряд непростых вопросов. При этом вопросы, как правило, связаны с возможностью причи-

нения вынужденного вреда не самому пациенту, а третьим лицам. Так, М.Д. Шаргородский писал, что «разобравши» донора на части, можно спасти жизнь не одному, а нескольким лицам, а с точки зрения существующего решения вопроса о крайней необходимости это следует признать правомерным, так как ценой жизни одного лица спасается жизнь нескольких человек» [4, с. 397].

А.Г. Кибальник и Я.В. Старостина делают противоположный вывод: «...поскольку основной целью медицинской деятельности является сохранение жизни и здоровья человека, то... не может быть оправдано крайней необходимостью причинение медицинским работником смерти одному лицу в целях спасения жизни другого лица» [5, с. 153]. Г.Р. Рустимова отмечает, что, по свидетельству медицинской науки, один человек, отдав все свои органы и ткани, может спасти жизнь около 400 человек [6, с. 138]. Поскольку в России ежедневно трансплантации ожидают тысячи больных, означает ли это, что врачи могут правомерно проводить изъятие органов и (или) тканей человека, ссылаясь на состояние крайней необходимости?

По мнению А.Н. Красикова, при соблюдении всех условий правомерности крайней необходимости насильственные действия, направленные на приневоливание человека к тому, чтобы он поступился своими правами и свободами, не могут образовывать состав принуждения к изъятию органов и (или) тканей [7, с. 92].

Здесь важнейшее значение имеет правильная оговорка автора о том, что преступления не будет лишь «при соблюдении всех условий правомерности». Как представляется, чтобы добиться ясности в этой дискуссии, необходимо признать, что вопрос о трансплантации органов не имеет отношения к пределам правомерности крайней необходимости (можно ли поступиться жизнью одного человека для спасения нескольких человек?), а связан с самим ее основанием (может ли лишение жизни или причинение вреда здоровью одному человеку при трансплантации выступать единственным средством устранения опасности для нескольких человек?). На наш взгляд, применительно к трансплантации никогда нельзя будет признать, что забор органов именно у конкретного донора (живого или мертвого) является единственным средством устранения опасности для жизни сотен реципиентов. Это объясняется как наличием института добровольного донорства, так и самим процессом смертности

населения, которые всегда будут исключать признак крайности таких мер.

Однако другая проблема заключается в том, может ли медицинский работник в экстренных условиях насильственно изъять регенеративную ткань человека (кровь, костный мозг и др.). Такая ситуация, например, может возникнуть при оказании корабельным врачом помощи пострадавшему от острой кровопотери с редкой (четвертой отрицательной) группой крови.

Статья 20 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. определяет, что в исключительных случаях и в соответствии с требованиями, предусмотренными законом, изъятие регенеративных тканей у человека, который не способен дать на это согласие, может быть разрешено при следующих условиях: 1) отсутствует совместимый донор, способный дать соответствующее согласие; 2) реципиент является братом или сестрой донора; 3) трансплантация призвана сохранить жизнь реципиента. Указанные положения описывают ситуацию с донором, который не способен дать соответствующее согласие. Однако, на наш взгляд, подобный подход следует распространить и на случаи, когда лицо возражает против проведения соответствующей операции.

Как представляется, медицинский работник в состоянии крайней необходимости может причинить вред здоровью человека и изъять регенеративную ткань при соблюдении следующих условий: 1) наличие реальной опасности для жизни реципиента; 2) наличие цели устранения такой опасности; 3) отсутствует совместимый донор, способный дать добровольное информированное согласие; 4) другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного; 5) изъятие регенеративной ткани не повлечет причинение значительного вреда здоровью донора.

Причинение смерти самому пациенту при проведении медицинского вмешательства в условиях крайней необходимости не может однозначно свидетельствовать о том, что пределы правомерности были нарушены. Как известно, современная редакция ст. 39 УК РФ указывает не только на характер причиненного вреда (равный или больший), но и на явное несоответствие умышленных действий лица характеру и степени угрожавшей опасности, а также обстоятельствам, при которых эта опасность устранялась. Так, например, при

проведении коникотомии, ошибка врача всего на один миллиметр может стоить пострадавшему жизни, поскольку высока вероятность повреждения щитовидной железы (скорость потери крови при ее ранении, как при ранении сонной артерии). У детей, особенно у младенцев и детей первого года жизни, хирургическая коникотомия связана со значительным риском повреждения сонной артерии или

яремной вены. Если смерть пациента от такого ранения и массивной кровопотери все-таки наступит, нельзя утверждать, что медицинский работник предпринял действия, явно не соответствующие характеру и степени угрожавшей опасности, а также обстоятельствам, при которых эта опасность устранялась, т.е. допустил превышение пределов крайней необходимости.

1. Исаев Ф.В. Влияние периоперационных факторов и метода анестезии на частоту когнитивных расстройств в послеоперационном периоде: дис. ... канд. мед. наук. М., 2004.

2. Белоус И.М. Биометрические аспекты хирургической тактики комплексного лечения сочетанной травмы челюстно-лицевой области: дис. ... канд. мед. наук. Великий Новгород, 2005.

3. Сотникова С.В. Кисты ЛОР-органов. Клиника, диагностика и лечение: дис. ... канд. мед. наук. М., 2003.

4. Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб., 2003.

5. Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. М., 2006.

6. Рустемова Г.Р. Проблемы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере медицинского обслуживания населения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2003.

7. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996.

1. Isaev F.V. Effect of perioperative factors and method of anesthesia on the incidence of cognitive disorders in the postoperative period: diss. ... Master of Medical Sciences. Moscow, 2004.

2. Belous I.M. Biometric aspects of surgical treatment of complex treatment of associated injuries of the maxillofacial area: diss. ... Master of Medical Sciences. Veliky Novgorod, 2005.

3. Sotnikova S.V. Cysts otolaryngology. The clinic, diagnosis and treatment: diss. ... Master of Medical Sciences. Moscow, 2003.

4. Shargorodsky M.D. Selected works on criminal law. St. Petersburg, 2003.

5. Kibalnik A.G., Starostina Ya.V. Actual problems of the criminal liability of medical workers. Moscow, 2006.

6. Rustemova G.R. Problems of improving the fight against crimes in the sphere of medical care: auth. abstr. ... Dr of Law. Bishkek, 2003.

7. Krasikov A.N. Criminal legal protection of human rights and freedoms in Russia. Saratov, 1996.

Алвртцян Женья Арзумановна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: GeniaKesht@mail.ru)

История становления и развития ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения в уголовном законодательстве России

В статье анализируется история становления и развития российского уголовного законодательства об ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

Ключевые слова: угон, неправомерное завладение, автомобиль, транспортное средство, уголовное законодательство.

Zh.A. Alvrtsyan, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: GeniaKesht@mail.ru

The history of formation and development of liability for the illegal occupation of automobile or other vehicle without theft in Russian criminal law

The paper analyzes the history of formation and development of the Russian criminal legislation on liability for wrongful seizure of a car or other vehicle without theft.

Key words: carjacking, illegal occupation, automobile, vehicles, criminal law.

Угон как самостоятельная уголовно-правовая норма, соответствующая современному представлению о сущности рассматриваемого преступления, впервые появилась в отечественном уголовном законодательстве в 1965 г. после внесения Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1965 г. изменений и дополнений в УК РСФСР 1960 г. До этого отечественное уголовное законодательство позволяло квалифицировать действия виновных по аналогии, как хулиганство, самоуправство или как хищение государственного или общественного имущества [1, с. 4].

Включенная в УК РСФСР 1960 г. ст. 212.1 предусматривала ответственность за «угон автотранспортных средств или других самоходных машин без цели хищения» и состояла из двух частей – основного и квалифицированного (по признаку повторности) составов угона.

Необходимо отметить, что данное преступление относилось к категории менее тяжких [2]. При этом максимальный размер наиболее строгого наказания по ч. 1 ст. 212.1 УК РСФСР не превышал одного года лишения свободы, а по ч. 2 ст. 212.1 УК РСФСР – трех лет. Таким образом, законодатель четко разграничивал хищение и угон автотранспортного средства,

определяя разницу в общественной опасности данных преступлений посредством существенно различающихся санкций: ст. 144 УК РСФСР «Кража» уже в основном составе предусматривала ответственность в виде лишения свободы на срок до трех лет, в то время как угон (ч. 1 ст. 212.1 УК РСФСР) – до одного года лишения свободы.

В первоначальной редакции рассматриваемая уголовно-правовая норма об ответственности за угон была закреплена в главе десятой УК РСФСР 1960 г. «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Данный подход обосновывался господствовавшими в рассматриваемый период в доктрине уголовного права взглядами относительно характера общественной опасности угона. Совершая угон, по мнению законодателя, виновный создавал реальные предпосылки для нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, т.е. нарушал установленный порядок пользования транспортными средствами и, как следствие, причинял вред или создавал реальную угрозу причинения существенного вреда общественной безопасности.

Представляется, что подобный подход исследуемый период был вполне обоснован, поскольку рассматриваемая норма вплоть до 1973 г. не конкретизировала предмета преступления в зависимости от вида угнанного транспортного средства. Предмет угона составляли любые виды транспорта: автомобильный, железнодорожный, водный, воздушный [3, с. 16–17]. Только в 1973 г. УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 213.2 «Угон воздушного судна» [4], в связи с чем воздушные транспортные средства перестали входить в предмет угона по ст. 212.1 УК РСФСР. Таким образом, в рассматриваемый период основным непосредственным объектом угона по ст. 212.1 УК РСФСР выступает безопасность движения железнодорожного, водного и автотранспорта. Право собственности в рассматриваемый период не рассматривалось в качестве непосредственного объекта угона, в связи с чем соответствующая норма продолжала сохранять свое место в системе норм об ответственности за посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и здоровье населения. С нашей точки зрения, подобный законодательный подход обосновывался малозначительностью причинения вреда в результате угона праву собственности: угнанное транспортное средство в большинстве случаев возвращалось владельцу, в связи с чем куда большую общественную опасность представлял сам процесс его неправомерного использования, сопровождающийся нарушением правил его безопасной эксплуатации.

Необходимо отметить, что дифференциация ответственности за угон в рассматриваемый период только на основании признака повторности вызвала определенные сложности в процессе квалификации насильственных угонов. Такие действия квалифицировались как разбой [5, с. 72], что не вполне соответствовало характеру их общественной опасности и, как следствие, справедливости квалификации. Основным непосредственным объектом разбоя является право собственности, а непосредственным объектом угона признавалась безопасность движения транспорта. Представляется, что причинение вреда личной неприкосновенности потерпевшего в процессе угона не должно влиять на оценку основного непосредственного объекта данного преступления. В связи с этим, с нашей точки зрения, квалификация угона как преступления против общественной безопасности или как преступления против собственности не может и не должна зависеть от факта причинения вреда личности – жизни или здоровью, как объектам уголовно-правовой охраны.

Данные рассуждения, на наш взгляд, отражают позицию законодателя, в соответствии с которой признак насилия, примененного в процессе угона к потерпевшему, в 1982 г. находит свое законодательное закрепление в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признаков в ч. 2 и ч. 3 новой редакции ст. 212.1 УК РСФСР, предусмотренной Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР».

В связи с обозначенными изменениями ст. 212.1 УК РСФСР получает новую редакцию, состоящую из трех частей, квалифицированным и особо квалифицированным видами которой выступают [2]:

Часть 2 ст. 212.1 УК РСФСР: «Угон автотранспортных средств и иных самоходных машин, соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия».

Часть 3 ст. 212.1 УК РСФСР: «Угон автотранспортных средств и иных самоходных машин, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия».

Необходимо отметить, что даже в модернизированном виде рассматриваемая норма сохраняла свое место в системе преступлений против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения вплоть до середины 1994 г.

В соответствии с п. 39 Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [6] ст. 212.1 УК РСФСР 1960 г. была исключена и одновременно в соответствии с п. 27 названного Федерального закона УК РСФСР был дополнен ст. 148.1 в следующей редакции:

«Статья 148.1. Неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом без цели хищения

1. Неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом без цели хищения –

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда.

2. Те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц либо соединенные с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, а равно причинившие собственнику значительный ущерб, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом от пятнадцати до ста минимальных размеров оплаты труда».

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

4. Действия, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо повлекшие уничтожение или утрату транспортного средства, лошади или иного ценного имущества, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Необходимо отметить, что появление новой нормы об ответственности за угон в УК РСФСР, отличной по содержанию от норм УК об ответственности за хищения, позволяло судить о требовании законодателя разграничивать хищения и временное заимствование предмета собственности. Подтверждением сказанному, на наш взгляд, является дополнение УК РСФСР обозначенным Федеральным законом статьей 148.2 об ответственности за неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом с корыстной целью при отсутствии признаков хищения.

Анализ содержания санкций за рассматриваемые преступления позволяет судить о существенной разнице в оценке законодателем степени общественной опасности угона и хищения транспортного средства.

Так, с одной стороны, одинаковое максимально строгое наказание в виде трех лет лишения свободы предусматривалось и за некавалифицированную кражу и за некавалифицированный угон.

Вместе с тем, с другой стороны, едва ли тайное, ненасильственное завладение транспортным средством, преследующее цель хищения, могло бы быть квалифицировано по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР как кража, поскольку ч. 2 и ч. 3 ст. 144 УК РСФСР предусматривали ответственность за кражу, причинившую значительный ущерб гражданину (ч. 2), и за кражу в крупном размере (ч. 3), что с учетом стоимости транспортного средства и его значимости для потерпевшего, было наиболее вероятными вариантами квалификации кражи автомобиля. При этом названные квалифицирован-

ный и особо квалифицированный виды кражи предусматривали в качестве наиболее строгих наказаний, соответственно, семь и десять лет лишения свободы (причем в обоих случаях – с конфискацией имущества).

Такое же различие в наказаниях прослеживается при сравнении санкций за разбой и грабеж с санкциями за соответствующие им по способам насильственные виды угона.

Так, к примеру, наиболее строгое наказание за угон, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 148.1 УК РСФСР), – лишение свободы сроком до семи лет, а за насильственный грабеж (ч. 2 ст. 145 УК РСФСР) – до десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Наиболее строгое наказание за угон, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 148.1 УК РСФСР), – лишение свободы сроком до восьми лет, а за разбой, даже некавалифицированный, (ч. 1 ст. 146 УК РСФСР), – до десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Таким образом, законодатель, включив в главу пятую Особенной части УК РСФСР об ответственности за преступления против собственности специальную норму об ответственности за угон, определил существенную разницу в наказании за угон и соответствующие ему по способам виды хищений чужого имущества. С нашей точки зрения, подобный подход в полной мере согласуется с представлениями о справедливости уголовно-правового воздействия и, в частности, соответствии уголовно-правовых мер, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени опасности преступления, а также обстоятельствам его совершения. Являясь менее опасным по сравнению с хищениями преступлением, угон, соответственно, предусматривал менее суровые санкции.

Необходимо отметить, что, помимо квалифицирующих признаков применения в процессе угона той или иной степени насилия, в ст. 148.1 УК РСФСР были включены еще два особо квалифицирующих признака (ч. 4 ст. 148.1 УК РСФСР): совершение преступления организованной группой и угон, повлекший уничтожение или утрату предмета преступления. При этом максимально суровое наказание в виде десяти лет лишения свободы все равно, как минимум, не превышало (например, при краже), а в большинстве случаев было меньше (например при грабеже и разбое), чем наказание за совершенные организованной группой хищения.

С нашей точки зрения, представляется вполне обоснованным и справедливым обозначенный подход законодателя к определению верхних пределов наказаний за угон и хищения в системе преступлений против собственности в УК РСФСР в редакции Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ. Наказание за угон, на наш взгляд, как за преступление, не преследующее цели хищения, должно быть всегда ниже наказания за соответствующие угону по способам виды хищений.

Следующим этапом в развитии отечественного законодательства об уголовной ответственности за угон является принятие в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации, в гл. 21 которого («Преступления против собственности») была включена ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения».

В процессе создания УК РФ 1996 г. в ст. 166 законодателем была использована описательная диспозиция, в связи с чем угон как преступление получил свое законодательное определение: «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)».

Считаем необходимым отметить, что в процессе определения санкций за угон в УК РФ 1996 г. законодатель не сохранил имевшее место в предыдущем уголовном законе их соотношение с санкциями за соответствующие по способам виды хищений.

Так, наказание за угон без отягчающих обстоятельств в первоначальной редакции УК РФ не превышало трех лет лишения свободы; за групповой, неоднократный или насильственный угон – семи лет лишения свободы; за угон, совершенный организованной группой или причинивший крупный ущерб, – десяти лет лишения свободы; за угон, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – двенадцати лет лишения свободы.

Сравнивая наказание за угон с наказаниями за хищения в рассматриваемой редакции УК РФ, можно отметить, что в УК РФ угон далеко не всегда предусматривал менее суровые санкции по сравнению с санкциями за соответствующие по способам и иным отягчающим обстоятельствам виды хищений.

Такое соотношение, к примеру, прослеживается только при сравнении наказаний по ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража» и ч. 1 ст. 166 УК РФ «Угон». Данные нормы предусматривали одинаковое максимально возможное наказание в

виде трех лет лишения свободы. Вместе с тем, с учетом стоимости транспортного средства и его значимости для потерпевшего абсолютное большинство краж транспортных средств квалифицировалось, как минимум, по ч. 2 ст. 158 УК РФ (с причинением значительного ущерба гражданину), что предусматривало куда более суровое наказание, чем «простой» угон, – до пяти лет лишения свободы вместо трех лет лишения свободы за угон.

Сравнивая максимальные наказания за квалифицированные виды угона и наказания за соответствующие им по способам и иным отягчающим обстоятельствам виды хищений в УК РФ 1996 г., необходимо отметить, что законодатель фактически уравнил наказания за данные преступления.

Так, насильственный угон (при применении не опасного для жизни или здоровья насилия) (ч. 2 ст. 166 УК РФ в редакции 1996 г.) предусматривал наказание до семи лет лишения свободы, равно как и насильственный грабёж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Более того, наказание за угон с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 4 ст. 166 УК РФ), – до двенадцати лет лишения свободы – превышало наказание за простой разбой – до восьми лет лишения свободы.

Представляется, что подобный подход не вполне соответствует принципу справедливости, закреплённому в УК РФ 1996 г., в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

С нашей точки зрения, оценивая степень опасности угона в сравнении со степенью опасности хищения, необходимо отметить, что угон, по своим признакам объективно совпадающий с соответствующими по способам совершения хищениями, всегда субъективно менее опасен именно в связи с тем, что не преследует цели хищения. На наш взгляд, данная позиция должна обязательно учитываться не только в процессе назначения наказания, но и в процессе государственно-правовой регламентации наказаний за рассматриваемые преступления в тексте УК. Необходимо отметить, что данный подход не нашел должного отражения в последующих изменениях ст. 166 УК РФ. Так, в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из ст. 166 УК РФ было исключено

такоеотягчающее обстоятельство, как неоднократность угона. Кроме того, изменения коснулись санкций за угон, причем как в сторону их смягчения, так и ужесточения.

Несмотря на то, что санкции за угон в ч. 1 и ч. 2 ст. 166 УК РФ были существенно расширены и дополнены наказаниями в виде штрафа, что свидетельствует о возможности смягчения наказания, тем не менее, был существенно увеличен верхний предел наказания за угон, предусмотренный ч. 1 ст. 166 УК РФ, – с трех до пяти лет лишения свободы.

Подобный подход законодателя в определении максимального наказания за угон, с нашей точки зрения, представляется не вполне обоснованным, поскольку фактически равняется наказанию за кражу транспортного средства в случае причинения значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 158 УК РФ).

Установление столь сурового наказания, на наш взгляд, фактически стирает грань между хищением и угоном автомобиля, что, как представляется, не может иметь места в УК в соответствии с принципом справедливости.

Представляется, что законодательное решение об ужесточении наказания за угон вызвано стремлением побороть преступность посредством регламентации более жесткого наказания, что, как показывают многие криминологические исследования, не оказывает существенного влияния на уровень преступности. Данный вывод подтверждается, в том числе, и динамикой угонов, соответственно, до и после рассматриваемого ужесточения наказания.

Так, по данным МВД России, в период с января по ноябрь 2003 г. в России было зарегистрировано 48085 угонов [7]. После ужесточения наказания за угон с января по ноябрь 2004 г. по данным МВД России, в России было зарегистрировано 50405 угонов [8], что характеризует рост числа угонов на 4,82%.

Картина роста угонов наблюдается и в соответствующие периоды (январь–ноябрь) последующих лет: 2005 г. – 52870 (прирост – 4,9%) [9], 2006 г. – 54205 (прирост – 2,5%) [10]. В 2007 г. даже при снижении числа угонов по сравнению с январем–ноябрем 2006 г. на 5,3%, их число все равно превышает показатели числа угонов в январе – ноябре 2003 г., т.е. до обозначенного ужесточения наказания.

Таким образом, с нашей точки зрения, ужесточение наказания за угон в декабре 2003 г. не способствовало снижению числа рассматриваемых преступлений, что в очередной раз подтверждает выводы об отсутствии взаимо-

связи между ужесточением наказания и снижением уровня преступности.

Следующие изменения, внесенные в положения УК РФ об ответственности за угон, были приняты известным законом об исключении нижних пределов наказаний.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из санкции ч. 1 ст. 166 УК РФ был исключен нижний предел наказания в виде ареста «от трех месяцев», в санкциях ч. 3 и ч. 4 ст. 166 УК РФ – нижние пределы наказаний в виде, соответственно, пяти и шести лет лишения свободы.

С нашей точки зрения, сокращение нижних пределов наказаний есть большой шаг в процессе гуманизации уголовного законодательства. Вместе с тем, в процессе исключения нижних пределов наказаний за особо квалифицированные виды угона возникла ситуация, при которой возможно, с нашей точки зрения, излишне широкое судебное усмотрение.

Так, в соответствии с положениями ст. 166 УК РФ в редакции Федерального закона Российской Федерации от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ наказание за угон, совершенный организованной группой или причинивший крупный ущерб, может варьироваться в пределах от двух месяцев до десяти лет лишения свободы, а за угон, совершенный с применением опасного для жизни или здоровья насилия (или его угрозы), – от двух месяцев до двенадцати лет.

Представляется, что возможность столь широкого судебного усмотрения в процессе принятия решения о назначении наказания не вполне соответствует принципу справедливости, вносит неопределенность в наказуемость угона и оценку степени его общественной опасности в сравнении с иными преступлениями.

В соответствии со следующими (и на сегодняшний день последними) изменениями, внесенными в рассматриваемую норму [11], санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 166 УК РФ были дополнены альтернативным наказанием, назначаемым в качестве основного, – принудительными работами на срок до пяти лет.

С учетом вышеизложенного представляется возможным сделать следующие обобщающие выводы.

Появление в отечественном уголовном законодательстве специальной нормы, регламентирующей уголовную ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, свидетельствовало о стремлении законо-

дателя разграничить ответственность за данные преступления.

Такое разграничение выразилось в существенной разнице в наказаниях, изначально регламентируемых уголовным законодательством за угон и соответствующие ему по способам иотячающим обстоятельствам виды хищения. При этом наказание за угон было намного ниже наказания за соответствующий вид хищения, что представляется в точности соответствующим положениям принципа справедливости.

Рост числа угонов и хищений автотранспорта в конце 1990-х – начале 2000-х гг. заставил

законодателя прибегнуть к ужесточению наказания за угон, фактически сравнив его с наказанием за соответствующие виды хищения, что, однако, как показало время, не принесло успехов в борьбе с угонами, а лишь внесло бессистемность в уголовно-правовую регламентацию ответственности за рассматриваемые преступления.

Все это негативно сказалось на справедливости уголовно-правовой регламентации ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения в современном отечественном законодательстве.

1. Пантелеев В.П. Угон автотранспортных средств (уголовно-правовые и криминологические: вопросы): учеб. пособие. Караганда, 1982.

2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 49. Ст. 1821.

3. Панова Ю.А. Уголовно-правовые меры борьбы с неправомерными завладениями автотранспортными средствами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 апр. 1973 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1973. № 16. Ст. 352.

5. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

6. Собр. законодательства РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

7. <http://mvd.ru/upload/site1/import/739fe8f5ef.pdf>

8. <http://mvd.ru/upload/site1/import/f384680024.pdf>

9. <http://mvd.ru/upload/site1/import/0315b52943.pdf>

10. <http://mvd.ru/upload/site1/import/a79609a72f.pdf>

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

1. Panteleev V.P. Theft of motor vehicles (criminal law and criminology: issues): study aid. Karaganda, 1982.

2. Bull. of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1982. № 49. Art. 1821.

3. Panova Yu.A. Criminal law measures against unlawful taking of motor vehicles: diss. ... Master of Law. Moscow, 1997.

4. On amendments and additions to the criminal code of the RSFSR: the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of Apr. 17, 1973 // Bull. of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1973. № 16. Art. 352.

5. Gurov A.I. Professional crime: past and present. Moscow, 1990.

6. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 10. Art. 1109.

7. <http://mvd.ru/upload/site1/import/739fe8f5ef.pdf>

8. <http://mvd.ru/upload/site1/import/f384680024.pdf>

9. <http://mvd.ru/upload/site1/import/0315b52943.pdf>

10. <http://mvd.ru/upload/site1/import/a79609a72f.pdf>

11. On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of Dec. 7, 2011 № 420-FL // Rus. newsp. 2011. 9 Dec.

Алдохина Виктория Викторовна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aldkhinavika@rambler.ru)

Компенсация вреда, причиненного преступлениями экстремистской направленности

В статье рассмотрена проблема компенсации вреда, причиненного преступлениями экстремистской направленности. Автором предложено несколько вариантов решения данной проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, вред, компенсация, возмещение, международное законодательство.

V.V. Aldokhina, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aldkhinavika@rambler.ru

Compensation of the harm caused with crimes of extremist orientation

In the article the problem of compensation of the harm caused by crimes of an extremist orientation is discussed. The author suggests a few solutions to this problem.

Key words: extremism, damage, compensation, atonement, international law.

В Российской Федерации институт компенсации вреда, причиненного преступлениями, является достаточно новым, но его значение велико, т.к. благодаря ему осуществляется восстановление социальной справедливости и возмещение вреда от преступления. Но не за каждое преступление, предусмотренное Уголовным кодексом РФ законодатель закрепил порядок и способы компенсации вреда. К одним из таких относятся преступления экстремистской направленности, число которых постоянно растет.

В результате совершения преступлений экстремистской направленности причиняется моральный, имущественный, физический и другой вред. Уголовный кодекс РФ не содержит в себе понятия вреда. Для его определения необходимо обратиться к толковому словарю Д.Н. Ушакова, в котором под вредом понимается «порча», «ущерб», «убыток» [1]. В Гражданском РФ кодексе под вредом понимается материальный ущерб, выразившийся в уменьшении имущества, и (или) умаление нематериального блага, моральный вред (ст. 12, 151 ГК РФ); к нематериальным благам (ч. 1 ст. 150 ГК РФ) законодатель относит: «жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства,

иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и не передаваемые иным способом». Объем возмещения вреда должен быть полным и включать как реальный ущерб, так и неполученные доходы, упущенную выгоду (ч. 2 ст. 15 ГК РФ).

Цель компенсации причиненного преступлением вреда состоит в восполнении физических и нравственных страданий человека. Выражается эта компенсация в денежном или ином эквиваленте. Конечно, никакие денежные компенсации не возместят утрату человеческой жизни, не восстановят психическое и душевное состояние человека, репутацию, но хотя бы в малой степени восполнят причиненные экстремистским преступлением страдания, позволят хоть как-то загладить вред, смягчить остроту страданий и переживаний.

Многие страны обратили самое пристальное внимание на проблему борьбы с экстремизмом и его проявлениями, вопросы их предупреждения и в срочном порядке приняли специальные законы: Великобритания – «О предупреждении терроризма» 1974 г. (с дополнениями уголовной ответственности за финансирование, недонесение, укрывательство лиц, обвиняемых в терроризме) 1976 г.; Германия – «О борьбе с терроризмом» 1986; Франция – «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» 1986 г., США – «О

борьбе с терроризмом и применении смертной казни» 1996 г.

Первые выплаты государством за ущерб от преступлений в независимости от работы правоохранительной системы были произведены в Новой Зеландии (1963), в Великобритании (1964) в дальнейшем к этому процессу присоединилась вся Европа и Северная Америка [2].

Положительный опыт, механизмы защиты прав потерпевших, в частности защиты жертв террористических актов в развитых странах крайне важны в настоящее время для России. Однако Закон «О противодействии экстремистской деятельности» не содержит положений о возмещении вреда пострадавшим. Законодатель предусмотрел, что в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчиненного ему соответствующего прокурора. При этом в случае принятия судом по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, решения о ликвидации общественного или религиозного объединения их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации. Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество общественного или религиозного объединения либо иной организации, ликвидируемых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Решение об обращении указанного имущества в собственность Российской Федерации выносится судом одновременно с решением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации (ст. 9 Закона №114-ФЗ).

О возмещении вреда лицам, которым причинен вред, нет ни одного слова. Каким же образом возможно возмещение вреда, причиненного экстремистскими преступлениями? Статья 1101 ГК РФ гласит о том, что размер компенсации вреда решается судом, а каким образом будет осуществляться процедура установления размера материального ущерба, нигде не установлено. В Законе говорится лишь о том, что возмещение должно быть осуществлено с учетом требований справедливости и разумности. Кроме того, законодатель выявил ряд критериев, на которые необходимо ссылаться при установлении размера причиненного вреда. В Законе указывается, что характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Но конкретики относительно этого в действующем законодательстве пока нет, а специальное предписание по поводу разумности и справедливости при установлении ущерба, по нашему мнению, показывает, что в Российской Федерации отсутствуют инструмент для точного измерения глубины страданий человека и основания для оценки их в денежном выражении. Бесспорно, к каждому конкретному случаю, касающемуся возмещения морального вреда от преступления, нужно подходить индивидуально, но необходимо установить обобщенные критерии, с помощью которых будет устанавливаться размер ущерба, а не только ссылаться на справедливость и разумность. В данном случае это очень абстрактные понятия. Необходимо установить конкретные обстоятельства, на основании которых будет устанавливаться сумма компенсации, которые должны будут быть закреплены на законодательном уровне, такие как степень вреда, причиненного здоровью человека, и это должно касаться не только физического состояния человека, но и психологического и духовного.

Еще одним из вопросов компенсации вреда является то, за счет кого будет осуществляться компенсация вреда. За счет лица, совершившего преступление экстремистской направленности или членов его семьи? А если лицо, совершившее преступление, неизвестно, а вред причинен, а если лицо, совершившее преступление, известно, но оно не имеет материальной возможности возместить ущерб? Как в данном случае может решиться вопрос о компенсации? В Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных престу-

плений ETS № 116 (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) говорится о том, что государство должно взять на себя возмещение ущерба для тех лиц, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный урон физическому состоянию или здоровью, и для лиц, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления. В ст. 1064 ГК РФ «Общие основания ответственности за причинение вреда» говорится, что законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда; законом может быть предусмотрено возмещение при отсутствии вины причинителя. В таких случаях государство должно брать на себя компенсацию причиненного преступлением вреда. И это справедливо. Кроме того, было бы уместно создание государством специального фонда поддержки жертв преступлений экстремистской направленности.

В завершение следует отметить, что противодействие экстремизму не может вестись без адекватной компенсации вреда жертвам данной категории преступлений. Современный экстремизм представляет реальную угрозу как для государства в целом, так и для каждого гражданина в отдельности, поэтому неспешные действия и промедления, которыми характеризуются бюрократические государства, суды и правительственные структуры, в данном случае не уместны. Необходимо понимать, что все промедления могут сыграть на руку экстремистам, и это должно консолидировать усилия всего общества, объединив все силы и средства. Отсюда следует, что для того, чтобы ускорить процесс возмещения вреда, размер, способ и его порядок должны регламентироваться непосредственно в самом Законе «О противодействии экстремизму», что, в свою очередь, будет отвечать международно-правовым стандартам.

1. URL: <http://enc-dic.com/ushakov/Vred-7092.html>

2. Трунов И.Л., Айвар Л.К. Правовые основы возмещения вреда, причиненного экстремистской деятельностью // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. URL: <http://enc-dic.com/ushakov/Vred-7092.html>

2. Trunov I.L., Ayvar L.K. Legal bases of compensation of harm caused with extremist activity. Access from legal reference system «Consultant-Plus».

Асланян Руслан Георгиевичаспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(e-mail: rao_ofprom@mail.ru)

Взаимосвязь признаков субъективной стороны состава преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности

В статье анализируется взаимосвязь признаков субъективной стороны состава преступления и информации как предмета преступлений в сфере экономической деятельности. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что информация в качестве предмета указанных преступлений влияет на интеллектуальный момент умышленной формы вины всех этих деяний таким образом, что, помимо осознания общественной опасности самого деяния, от субъекта требуется осознание противоправности своих действий или бездействия.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, информация, предмет преступления, экономическая деятельность.

R.G. Aslanyan, Post-graduate student of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: rao_ofprom@mail.ru

Relationship of signs of the subjective side of corpus delicti and information as subject of crimes in the sphere of economic activity

The article analyzes the relationship of signs of the subjective side of corpus delicti and information as subject of crimes in the sphere of economic activity. According to the results of the research, the author concludes that the information as the subject of these crimes affect the intellectual point of intentional form of guilt of all these acts in such a way that in addition to public awareness of the dangers of the act itself, the subject requires awareness of the wrongfulness of his actions or inaction.

Key words: subjective side of crime, information, subject of crime, economic activity.

В теории уголовного права под субъективной стороной преступления традиционно понимается психическое отношение лица к совершенному им преступлению [1]. Содержанием субъективной стороны являются вина в форме умысла или неосторожности, а также мотив и цель совершения преступления. Согласно ст. 25 УК РФ преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно

допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Согласно ст. 26 УК РФ преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

В доктрине уголовного права не раз исследовались вопросы соотношения признаков субъективной стороны преступления и объекта преступления. В частности, Б.С. Никифоров

отмечал, что «человеческое сознание при всем его значении для определения процесса и результата взаимодействия человека с окружающей действительностью не имеет и не может иметь содержания, независимо от этой действительности... следовательно, объект преступления имеет весьма важное значение для уяснения содержания субъективной стороны преступления» [2, с. 190].

В.В. Мальцев, в свою очередь, обращает внимание, что опосредованная содержательная связь между объектом охраны и субъективной стороной отмечается, в том числе, при обращении к предмету преступления [3, с. 62].

Взаимосвязь предмета преступления и признаков субъективной стороны преступления проявляется, прежде всего, в том, что особые свойства предмета должны в обязательном порядке найти отражение в психике виновного, в содержании интеллектуальных и волевых характеристик умысла и легкомыслия. Рассмотрим такую взаимосвязь относительно отдельных составов преступлений в сфере экономической деятельности.

Диспозиция ч. 1 ст. 183 УК РФ не указывает на признаки субъективной стороны состава преступления. Тем не менее, исходя из того, что деяние в форме собирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, связано с незаконным доступом к информации, вполне уместно будет утверждать об умышленном характере этого преступления. По конструкции состав указанного преступления является формальным, из чего также следует, что вид умысла в данном случае возможен только прямой.

В целях изучения особенностей формы вины в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 183 УК РФ, исследуем ее интеллектуальный и волевой моменты. Интеллектуальный момент прямого умысла в данном случае характеризуется осознанием общественной опасности совершенного деяния. Но следует заметить, что общественная опасность не может быть в полной мере осознана лицом, если у него нет осознания факта неправомерности получения доступа к сведениям, которые содержат коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Следовательно, интеллектуальный момент подразумевает осознание не только общественной опасности совершенного деяния, но и противоправности доступа к охраняемой информации. Волевой момент прямого умысла в данном составе преступления характеризует-

ся желанием совершения деяния, связанного с собиранием сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

В ч. 2 ст. 183 УК РФ законодатель также не упоминает о форме вины. В теории уголовного права большинство исследователей считают, что вина в анализируемом случае может выражаться только в форме прямого умысла [4, с. 459; 5, с. 149]. Представляется, что нет причин не соглашаться с такой позицией ввиду того, что повышенную общественную опасность, характерную для преступного деяния, представляет лишь такое разглашение сведений, которое совершено умышленно. Неосторожное использование информации невозможно, исходя из сущности самого деяния.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 183 УК РФ, как формального подразумевает только прямой умысел. Рассмотрим особенности интеллектуального и волевого момента такого умысла. Его интеллектуальный момент характеризуется осознанием общественной опасности совершенного деяния. При этом характер информации как предмета рассматриваемого преступления подразумевает понимание лицом того обстоятельства, что оно использует или распространяет информацию с ограниченным доступом, являющуюся собственностью иного лица. Как для распространения, так и для использования коммерческой, налоговой или банковской тайны осознание противоправности обращения с ней отграничивает умышленное деяние от неосторожного. В случае отсутствия осознания противоправности нельзя говорить и об осознании общественной опасности. Если лицо не понимает, что оно использует или распространяет ограниченную к распространению или использованию информацию, то оно не понимает и потенциального ущерба, который может нанести.

В ч. 3 ст. 183 УК РФ законодатель указал на квалифицирующий признак, характеризующий субъективную сторону преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 183 УК РФ: корыстную заинтересованность субъекта. Заметим, что законодатель не упомянул о содержании мотива и цели деяний, предусмотренных основным составом преступления, вероятно, по причине того, что это деяние само по себе продиктовано корыстью. Сущность экономически значимой информации как предмета незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую

или банковскую тайну, предполагает, что лицо в результате совершения преступления, как правило, получает какую-либо выгоду экономического характера, например повышение по службе, устранение конкурента, получение непосредственной материальной выгоды и др. Теоретически возможны, конечно, мотивы, не связанные с экономической составляющей (например, чувство товарищества), но они, как показывают исследования, не встречаются на практике [6, с. 472]. В этой связи с этим считаем, что не следует говорить о повышенной общественной опасности совершения исследуемого преступления из корыстных побуждений, поскольку сама сущность данного деяния предполагает в большинстве случаев направленность на получение выгоды экономического характера.

Следует отметить, что информация выступает также предметом преступления, предусмотренного ст. 189 УК РФ. Диспозиция последней не содержит указания на форму вины, но характер деяния, подразумевающий незаконный экспорт либо передачу научно-технической информации, однозначно свидетельствует об умысле. В свою очередь, конструкция состава данного преступления как формального также указывает на прямой умысел. Такое понимание вины нашло отражение и в большинстве научных работ, посвященных этому составу преступления [см., например: 6, с. 581; 4, с. 540].

Интеллектуальный момент прямого умысла в этом случае связан, прежде всего, с осознанием общественной опасности действий, сопряженных с экспортом или передачей научно-технической информации. При этом виновное лицо должно также осознавать, что передает научно-техническую информацию незаконно. В ином случае, если лицо хотя и сознательно передает представителю иностранного государства научно-техническую информацию, но добросовестно заблуждается относительно незаконности своих действий, уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 189 УК РФ в части экспорта или передачи научно-технической информации, наступать не может ввиду отсутствия интеллектуального момента прямого умысла. Таким образом, интеллектуальный момент прямого умысла для данного состава преступления характеризуется осознанием общественной опасности действий, связанных с экспортом или передачей научно-технической информации, и противоправности (незаконности) передачи или

экспорта научно-технической информации. Что касается волевого момента, то он связан с желанием передачи либо экспорта научно-технической информации иностранной организации или ее представителю.

Следующий состав преступления, который нужно рассмотреть, – это злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185¹ УК РФ). В диспозиции названной статьи не содержится указания на форму вины. В науке же уголовного права не сложилось единого подхода к ее пониманию. Большинство ученых-юристов указывают на умышленный характер деяния [см., например: 4, с. 491; 5, с. 179]. Но есть и иная точка зрения. В частности, по мнению И.А. Клепицкого, данное преступление может быть совершено и с неосторожной формой вины, ибо «необычное сочетание обмана, заведомости и неосторожности объясняется тем, что последствия преступления не совпадают с результатом целенаправленной деятельности преступника и не сопутствуют ему с неизбежностью» [7, с. 211–212].

Думается, что указание на злостность как признак уклонения от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, свидетельствует все же исключительно об умышленном характере совершенного деяния. По сути, лицо, злостно уклоняясь от предоставления информации, не может не предвидеть либо неизбежности, либо возможности наступления общественно опасных последствий. Следовательно, и само преступное деяние может быть совершено только умышленно.

Рассмотрим теперь особенности интеллектуального и волевого моментов прямого и косвенного умысла применительно к анализируемой ситуации. Интеллектуальный момент умысла в данном преступлении характеризуется осознанием субъектом общественной опасности своих действий по уклонению от предоставления информации, а также предвидением возможности или неизбежности наступления преступных последствий в виде причинения крупного ущерба государству, гражданам и организациям. При этом следует заметить, что об умышленной форме вины можно говорить только в том случае, если виновное лицо осознавало, что оно обязано предоставить такую информацию. Если же информация не была

предоставлена по ошибке, то нельзя говорить об умышленном характере совершенного деяния. Таким образом, для наступления уголовной ответственности за злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, виновное лицо должно осознавать противоправность сокрытия информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах.

Следовательно, интеллектуальный момент умышленной формы вины для рассматриваемого состава преступления характеризуется осознанием не только общественной опасности, но и противоправности действий, а также предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба государству, гражданам и организациям. Волевой момент умышленной формы вины характеризуется желанием либо нежеланием, но сознательным допущением преступных последствий.

Следующий состав преступления, который входит в предмет нашего анализа, – неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185⁶ УК РФ). Диспозиция названной статьи прямо указывает на умышленный характер совершенного деяния. Конструкция же состава преступления свидетельствует о его формально-материальном характере, поскольку предусматривает либо извлечение дохода в крупном размере, либо причинение крупного ущерба. Соответственно, в случае извлечения дохода в крупном размере субъективная сторона характеризуется лишь прямым умыслом, тогда как в случае причинения крупного ущерба – прямым или косвенным умыслом.

Рассмотрим содержание интеллектуального и волевого моментов умысла, характерного именно для данного состава преступления. Интеллектуальный момент прямого умысла (в ситуации извлечения дохода в крупном размере) характеризуется осознанием общественной опасности неправомерного использования инсайдерской информации. При этом умышленный характер использования инсайдерской информации возможен только в том случае, если виновное лицо понимает, что информация относится к инсайдерской, и оно использует ее неправомерно. Таким образом, помимо осознания общественной опасности совершенного деяния, характеристикой интеллектуального момента прямого умысла неправомерного использования инсайдерской информации обя-

зательно охватывается осознание противоправности ее использования.

В случае причинения крупного ущерба в результате неправомерного использования инсайдерской информации субъективная сторона характеризуется прямым или косвенным умыслом. Интеллектуальный момент прямого умысла в таком случае выражается в осознании общественной опасности совершенного деяния и предвидении возможности либо неизбежности наступления преступных последствий в виде крупного ущерба. Опять же осознание общественной опасности совершенного деяния, исходя из специфики предмета рассматриваемого преступления, невозможно без осознания противоправности совершаемых действий, т.е. понимания того, что используемая лицом информация относится к инсайдерской и используется неправомерно. Волевой момент умышленной формы вины в зависимости от конструкции анализируемого состава характеризуется либо желанием совершения действия, связанного с незаконным использованием инсайдерской информации, либо желанием или безразличным отношением к наступившим последствиям.

В свете изложенного интерес представляет также состав неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ). Диспозиция последней статьи не содержит каких-либо указаний на форму вины для данного состава преступления. В юридической литературе вопрос о форме вины остается в определенной степени дискуссионным. Большинство специалистов склоняются к точке зрения о том, что это деяние может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом [6, с. 388]. Но есть противоположная позиция, согласно которой данное деяние совершается исключительно с прямым умыслом [7]. Считаем, что прав в этом отношении Б.В. Волженкин, который обращал внимание на то, что «в данном случае речь идет о неправомерных действиях лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Сознательно совершая эти действия, они предвидят возможность, а то и неизбежность причинения ущерба и, как правило, желают этого. В то же время вполне возможна ситуация, когда субъекту неправомерных действий при банкротстве, как и других банкротских преступлений, абсолютно безразличны факт причинения вреда и его размер» [6, 389].

Рассмотрим особенности интеллектуального и волевого моментов умышленной формы

вины в соотношении со сведениями об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе как предмете данного преступления.

Его интеллектуальный момент всегда характеризуется осознанием общественной опасности совершенного деяния. Думается, что и для данного состава преступления, учитывая специфику информации, обязательным признаком интеллектуального момента умысла (прямого или косвенного) становится осознание противоправности совершенного деяния. Только таким образом в ряде случаев возможно отграничение неосторожного непредставления информации от умышленного бездействия. Например, в случаях когда лицо просто забывает упомянуть о каком-либо имуществе или не осведомлено об обязанности предоставить сведения об имуществе, ошибается в его размерах и т.д.

Исходя из сказанного, интеллектуальный момент умышленной формы неправомερных

действий при банкротстве также включает в себя, помимо осознания общественной опасности действий, осознание их противоправности, а также предвидение возможности либо неизбежности наступления преступных последствий. Волевой момент умышленной формы вины для данного состава не имеет особенностей и характеризуется либо желанием наступления преступных последствий, либо безразличным отношением к ним.

Подводя итог исследованию вопроса о взаимозависимости признаков субъективной стороны составов преступлений в сфере экономической деятельности и информации как их предмета, можно сформулировать общий вывод: информация в качестве предмета указанных преступлений влияет на интеллектуальный момент умышленной формы вины всех этих деяний таким образом, что, помимо осознания общественной опасности самого деяния, от субъекта требуется осознание противоправности своих действий либо бездействия.

1. Дагель П.С. *Субъективная сторона преступления*. М., 1974.

2. Никифоров Б.С. *Объект преступления по советскому уголовному праву*. М., 1960.

3. Мальцев В.В. *Учение об объекте преступления*. Волгоград, 2010. Т. II.

4. Лопашенко Н.А. *Преступления в сфере экономики*. М., 2006.

5. Русанов Г.А. *Преступления в сфере экономической деятельности*. М., 2011.

6. Волженкин Б.В. *Преступления в сфере экономической деятельности (Экономические преступления)*. СПб., 2002.

7. Клепицкий И.А. *Система хозяйственных преступлений*. М., 2005.

1. Dagal P.S. *The Subjective side of the crime*. Moscow, 1974.

2. Nikiforov B.S. *The object of the crime on the Soviet criminal law*. Moscow, 1960.

3. Maltsev V.V. *The doctrine of the object of the crime*. Volgograd, 2010. Vol. II.

4. Lopashenko N.A. *Crimes in the sphere of economy*. Moscow, 2006.

5. Rusanov G.A. *Crimes in the sphere of economic activity*. Moscow, 2011.

6. Volzhenkin B.V. *Crimes in the sphere of economic activity (Economic crimes)*. St. Petersburg, 2002.

7. Klepitsky I.A. *System of economic crimes*. Moscow, 2005.

Иванов Алексей Юрьевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Объективная сторона реабилитации нацизма (части 1, 2 статьи 354¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)

В статье анализируется объективная сторона нового преступления – реабилитации нацизма. Рассматриваются деяния, образующие объективную сторону реабилитации нацизма как преступления против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, преступления против мира и безопасности человечества, реабилитация нацизма, объективная сторона.

A. Yu. Ivanov, Post-graduate of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

Actus reus of Nazism's rehabilitation (parts 1, 2 of article 354¹ of the Criminal code of the Russian Federation)

This article is devoted to analysis of actus reus of new crime in Criminal Code of the Russian Federation which named as «Nazism's rehabilitation». Actions which make the actus reus of Nazism's rehabilitation as a crime against peace and security of mankind are shown in this article.

Key words: Criminal code of the Russian Federation, crimes against peace and security of mankind, Nazism's rehabilitation, actus reus.

Норма об ответственности за реабилитацию нацизма (ст. 354¹ УК РФ) введена в УК РФ Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 354¹ УК РФ, носит формальный характер и состоит в публичном совершении виновным любого из следующих действий: а) отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала; б) одобрение преступлений, установленных приговором указанного Трибунала; в) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Полагаем, что признак публичности при совершении перечисленных действий имеет место, если они производятся в отношении (в присутствии) двух и более лиц. Конечно, как правило, аудитория слушателей или зрителей гораздо больше, нежели два человека, но, с формальной точки зрения, для окончания преступления достаточно, чтобы такое деяние восприняли (услышали, увидели, прочитали) минимум два человека. При этом использование СМИ сразу же переводит рассматриваемое преступление в разряд его квалифицированных видов (ч. 2 ст. 354¹ УК РФ).

Отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала. В приговоре

Нюрнбергского трибунала от 1 октября 1946 г. нацизм был осужден и как преступная идеология, и как преступная государственная система. В резолютивной части Приговора перечислены конкретные преступления, инкриминированные каждому из обвиняемых и государственным структурам Третьего Рейха. 12 главных военных преступников были приговорены к смертной казни, 3 – к пожизненному заключению, 4 – к длительным срокам тюремного заключения; преступными были признаны такие организации, как СС, СД и гестапо, а также руководящий состав национал-социалистической партии; трое обвиняемых были оправданы.

Поэтому действие в виде «отрицания фактов» представляет собой однозначно выраженное несогласие с любой из перечисленных позиций, отраженных в названном Приговоре. «Отрицание фактов» нельзя смешивать с частным мнением, высказанным, например, во время научной дискуссии: сомнение подразумевает иную трактовку того или иного факта, но не его отрицание.

Одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского Трибунала, представляет собой выраженное в любой форме оправдание совершения любого из преступлений, непосредственно перечисленных

в названном Приговоре. Глубинный смысл криминализации этого деяния состоит в том, чтобы лишить «приверженцев» возможности юридически легализовать совершенные режимом нацистской Германии преступления под каким-либо благовидным предлогом (борьбы за независимость, восстановления «исторической справедливости», признания «особых» прав и пр.).

Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны представляет собой, пожалуй, наиболее сложный альтернативный признак объективной стороны реабилитации нацизма. Какие именно сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны надо считать «заведомо ложными»? Например, до сих пор не известны подробности многих военных операций, проведенных Красной армией в годы Второй мировой войны, а соответствующие документы засекречены и поныне.

Полагаем, что, во избежание возможности необоснованного применения ст. 354¹ УК РФ речь должна идти о деятельности СССР, официально зафиксированной в приговоре Нюрнбергского трибунала. В этом документе, например, однозначно определен факт развязывания нацистской Германией агрессивной войны против Советского Союза, поэтому искажение этого факта подпадает под признаки рассматриваемого деяния. В любом случае виновный должен осознавать заведомо ложный характер сведений о деятельности СССР в период Второй мировой войны, т.е. понимать не соответствующий истине характер информации, прямо противоречащий приговору Нюрнбергского трибунала.

Квалифицированные виды реабилитации нацизма (ч. 2 ст. 354¹ УК) – это совершение любого из действий, образующих объективную сторону: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) с использованием средств массовой информации; в) с искусственным созданием доказательств обвинения.

Использование своего служебного положения означает, что виновный использует при совершении акта реабилитации нацизма свои полномочия как должностного лица либо как лица, выполняющего организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой и иной организации (признаки этих лиц определены в примечаниях к ст. 201, 285 УК).

При вменении признака использования средств массовой информации следует исходить из того, что под ними понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, теле-, видеопрограммы, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Соответственно, само средство массовой информации – это любое периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации (периодичность распространения всех указанных средств массовой информации – не реже одного раза в год).

В литературе признак использования средств массовой информации применительно к другим преступлениям вызывает споры в вопросе о том, можно ли считать таким средством Интернет. Согласно ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2421-1 «О средствах массовой информации» к СМИ относятся сетевые издания, т.е. сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированные в качестве таковых. Таким образом, содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 354¹ УК РФ, когда любое из действий по реабилитации нацизма совершено посредством любого из указанных средств массовой информации [1, с. 253].

Однако здесь возникает серьезная проблема: подлежат ли уголовной ответственности сотрудники средств массовой информации, пускающие или разрешающие в эфир (печать) сообщения о реабилитации нацизма?

Полагаем, что это невозможно: если в действиях этих сотрудников отсутствует субъективная сторона рассматриваемого преступления в форме умысла, то вменение состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 354¹ УК РФ, будет объективным, что запрещено ч. 2 ст. 5 УК РФ. Другое дело, что ракурс освещения случаев реабилитации нацизма должен контролироваться требованиями журналистской этики, однако не УК РФ.

Однако на практике могут возникнуть ситуации, когда СМИ «предоставляют трибуну» лицам, реабилитирующим нацизм, или главный (выпускающий) редактор СМИ разрешает выпуск издания (передачи), содержащей такие сведения.

Полагаем, что в перечисленных случаях речь должна идти о пособничестве в реабилитации нацизма, совершенном перечисленными лицами. По существу, они содействуют исполнителю, предоставляя СМИ в качестве свое-

образного «средства» публичной реабилитации нацизма. Естественно, что главный (выпускающий) редактор должен осознавать характер информации до момента ее выхода из печати (в эфире).

С другой стороны, уголовная ответственность главного (выпускающего) редактора исключается, если виновный реабилитирует нацизм без предварительного согласования, например во время теледебатов в прямом эфире.

Искусственное создание доказательств обвинения может выражаться в совершении

следующих действий: 1) подделка заведомо недостоверного доказательства, т.е. его изготовление любым способом; 2) внесение в имеющееся доказательство изменений, искажающих достоверность сведений, содержащихся в нем. Согласно доминирующей в доктрине позиции данное деяние считается оконченным с момента приобщения сфальсифицированных доказательств к уголовному делу, поскольку «только при этом условии таковые приобретают доказательственное значение» [2, с. 221].

1. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. *Практический курс уголовного права России*. Ставрополь, 2001.

2. Горелик А.С., Лобанова Л.В. *Преступления против правосудия*. СПб., 2005.

1. Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. *Practical course of Russian Criminal law*. Stavropol, 2001.

2. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. St. Petersburg, 2005.

Климаков Леонид Леонидович

соискатель Научно-исследовательского института ФСИН России

(e-mail: klimakov455@mail.ru)

Ретроспективный анализ возникновения и развития ответственности за организованную преступную деятельность (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты)

В статье рассматривается становление ответственности за организованную преступную деятельность. Автор обращается к уголовно-правовым и уголовно-исполнительным аспектам такой ответственности, анализируя развитие законодательства, предусматривающего ответственность за организованные формы преступной деятельности.

Ключевые слова: организованная преступная деятельность, развитие законодательства, совершенствование правовых норм, профессиональная преступность.

L.L. Klimakov, Competitor of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; e-mail: klimakov455@mail.ru

A retrospective analysis of the emergence and development of responsibility for organized criminal activity (criminal and penal aspects)

The article considers the formation of responsibility for organized criminal activity. The author refers to criminal law and penal aspects of such responsibility, analyzing the development of legislation criminalizing organized forms of criminal activity.

Key words: organized criminal activity, development of legislation, improvement of legal norms, professional crime.

Организованная преступная деятельность представляет серьезную реальную угрозу безопасности граждан, государственному строю, экономическому благополучию. Неслучайно этот вид уголовно наказуемой деятельности находится в поле зрения Президента РФ, российских органов законодательной и исполнительной власти. Особое внимание на него обращается в нормативно-правовых актах правоохранительных министерств, служб и их подразделений. Различные проявления такой деятельности встречаются и в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России, где сосредоточено большое количество лиц, имеющих преступный опыт. Используя специфические условия мест лишения свободы, лидеры преступной среды формируют в исправительных учреждениях преступные группы, которые дезорганизуют деятельность учреждений, препятствуют исправлению осужденных [1, с. 3].

Между тем совершение преступлений группой, тем более организованной, всегда считалось тяжким преступлением. Как видно из первых отечественных правовых актов, уже в те далекие времена были определены особенности ответственности за совершения такого рода преступлений. Начиная с Русской Правды (X в.) преступления, совершенные несколькими лицами, наказывались строже,

чем преступления, совершенные одним лицом. Так, например, в статьях Русской Правды устанавливалась ответственность за совершение преступления группой лиц: «ежели воров было много», то к ответственности привлекался «каждый из воров» [2, с. 67].

Примечательно, что ряд последующих законодательных актов, таких как Псковская судная грамота (конец XV в.), Судебники 1497 и 1550 гг., не развивали положения, содержащиеся в Русской Правде, относительно ответственности за групповую преступную деятельность. Более того, в Судебниках даже не оговаривались случаи совершения преступлений совместно несколькими лицами [3].

Закрепление норм об ответственности за групповую преступную деятельность было осуществлено лишь в Соборном уложении 1649 г., возникшем под непосредственным влиянием городских восстаний середины XVII в. К этому периоду следует отнести и возникновение отдельных элементов противодействия групповой (организованной) преступной деятельности в местах лишения свободы. Именно к этому времени относится издание именного Указа «О невзимании тюремщиками с приводимых в тюрьму влазного», которым государство преследовало цель оградить арестантов от поборов со стороны закоренелых преступников: «...впредь тюремным сидельцам влазного с

новоприводных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку, иметь не велено, чтоб в том бедным людям тяготства и мучительства не было» [4, с. 61]. Это была одна из первых попыток государства воспрепятствовать деятельности организованных объединений в местах тюремного содержания.

Дальнейшее развитие законодательства и совершенствование правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений группой лиц, связано с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором впервые была установлена уголовная ответственность за организацию шаек. Точного определения шайки в Уложении не содержалось, но было указание на то, что под ней понималось преступное сообщество, составленное несколькими лицами для совершения исключительно какого-либо рода преступлений вообще (ст. 924, 1633, 1639 Уложения) или для совершения какого-либо конкретного преступления (ч. 2 ст. 1613 Уложения), заранее определенных с большей или меньшей подробностью соглашением участников или же намеченных только в общих чертах. Сколько человек должно быть в шайке, закон не указывал, но в общепринятом понятии о шайке обычно применялось требование, чтобы в ней было не менее трех человек [5].

Уложение 1845 г. устанавливало два вида шаек: шайки, созданные для совершения нескольких разнородных преступлений, отличительной чертой которых был уговор на совершение нескольких преступлений, и шайки, совершающие одно или несколько однородных преступлений. Шайки второго вида характеризовались назначением «начальников», распределением деятельности между сообщниками, раздачей добычи по известным правилам и т.д. [3]. Тем самым в Уложении 1845 г. впервые говорится о шайке как о преступном сообществе с характерными для него признаками, которые впоследствии лягут в основу современных понятий «организованная группа» и «преступное сообщество» (преступная организация).

Впервые же законодательное определение такого понятия было закреплено в Уложении 1903 г. В соответствии с ним под шайкой понималось сообщество, созданное для учинения нескольких преступлений или проступков безотносительно к их определенности или неопределенности. Шайка в соответствии с Уложением противопоставлялась преступному сообществу, которое создавалось для учинения отдельного тяжкого преступления или проступка (ст. 52) [3, с. 54–59].

Уложение 1903 г. в Общей части (ст. 52) содержит указание на то, что участие в сообществе или в шайке наказуемо в случаях, особо указанных в законе. Так, по отношению к шайкам законода-

тель указал: составление их или участие в них (ст. 276), если, конечно, виновный не подлежит за преступное деяние, шайкой учиненное, более строгому наказанию, считается преступным, если они образовались для подделки монет, кредитных билетов или бумаг, общеопасных повреждений имущества, воровства, разбоев, вымогательства или мошенничества, сбыта добытого преступным деянием имущества и контрабанды.

Таким образом, с принятием Уголовного уложения 1903 г. изменился подход к пониманию шайки: новое Уложение шайкой признавало только группу лиц, организованную для совершения нескольких преступлений. Следует указать, что к концу XIX в. преступный мир приобрел черты стройной организации, которая могла противопоставить себя общественному порядку и закону. Его традиции, обычаи, «законы» укрепились в сознании целых поколений правонарушителей. В начале XX в. из преступных традиций и обычаев возник единый «воровской закон», по которому наиболее авторитетных преступников стали именовать «ворами в законе» [6, с. 128–132].

Наряду с этим, как описывает развитие концепции противодействия криминальной оппозиции С.А. Кутякин, созданное в 1879 г. в составе Министерства внутренних дел Главное тюремное управление никаких инициатив по законодательному решению раздельного содержания осужденных не проводило, не был урегулирован и режим отбывания наказания в тюрьме, а противодействие организованным преступным проявлениям в местах лишения свободы в XIX в. сводилось, как правило, к функции охраны и надзора за поведением осужденных. Единственные усилия, к которым прибегало государство при организации исполнения наказания в виде лишения свободы, – это обеспечение мер по предотвращению побегов. В связи с этим согласно п. «б» ст. 217 Устава о содержащихся под стражей 1886 г. на «бродяг» с момента обращения вынесения им приговоров и в течение всего времени заключения до отправления в ссылку налагались кандалы. Устав о содержащихся под стражей 1890 г. в качестве мер по предупреждению побегов также предусматривал положение о том, что арестант, учинивший побег, а равно избалованный в покушении или приготовлении к побегу, мог быть заключен в отдельную камеру и, сверх того, закован в кандалы. Беглым строжайше запрещалось давать пристанище и укрывать их. Устав о паспортах 1903 г. обязывал каждого в случае, если такой беглый к нему явится, преследовать его, ловить и немедленно передавать полиции. При этом государство поощряло такую деятельность денежными выплатами [7, с. 36].

Следующий этап в развитии уголовного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за организованные

формы преступной деятельности, связан с советским периодом развития нашего государства. В условиях отсутствия кодифицированного уголовного законодательства уголовная ответственность предусматривалась декретами. Так, Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», говоря о бандитизме, определил его как «...участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство таковых» [8, с. 7–11].

Судебная практика того времени исходила из того, что под бандой, шайкой понималась устойчивая группа из двух или более лиц, объединившихся для занятия преступной деятельностью. По этому признаку организация и участие в бандах (ст. 76 УК РСФСР 1922 г.) отграничивались от разбоя, совершенного группой (ч. 2 ст. 184 УК РСФСР 1922 г.). Совершение преступления шайкой или бандой в некоторых случаях, являясь квалифицирующим обстоятельством, влекло усиление уголовной ответственности. Например, ч. 2 ст. 183 УК РСФСР устанавливала уголовную ответственность за грабеж, совершенный группой лиц (шайкой), ч. 2 ст. 184 УК РСФСР – за разбой, совершенный группой лиц (бандитизм).

Помимо шаек и банд, УК РСФСР 1922 г. содержал и ряд статей о преступном сообществе. Одновременно принятое в 1928 г. постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» прямо закрепило, что наиболее строгие меры наказания должны применяться к «классовым врагам» и «деклассированным преступникам», т.е. к преступникам – профессионалам и рецидивистам. В уголовном и исправительно-трудовом законодательстве уже в 20-е гг. XX в. предусматривался ряд специально-предупредительных мер по нейтрализации их влияния на других осужденных. Прежде всего, для определения меры наказания и вида ИТУ принимали во внимание следующее: «совершено ли преступление рецидивистом, бандитом или совершено впервые вследствие случайного стечения обстоятельств». Кроме того, было предписано «применение различных видов тюремного заключения и мест лишения свободы со строгой изоляцией к профессиональным преступникам». В свою очередь, в указанный период под руководством так называемых «воров» начинает формироваться оппозиционное движение по отношению к государству и его институтам [7, с. 39–40].

Значительное влияние на развитие предупреждения в отношении организованной преступной деятельности в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. оказали нормы Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик об особо опасном рецидиве. А введен-

ный в действие с 1 января 1961 г. УК РСФСР предусматривал установление уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу ИТУ (ст. 771). УК РСФСР 1960 г. предусматривал следующие формы групповой преступной деятельности:

банда (ст. 77), под которой понималась вооруженная устойчивая группа лиц, объединившихся для совершения одного или ряда нападений на учреждения, предприятия или на отдельных лиц;

организованная группа (ст. 39), которая изначально рассматривалась лишь в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность.

Учитывая возрождение и распространение к началу 80-х гг. в криминальной среде «воровских» традиций и обычаев, 13 сентября 1983 г. законодатель дополнил УК РСФСР ст. 183 «Злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительно-трудовых учреждений».

Важным шагом, направленным на совершенствование уголовного законодательства, стало включение 1 июля 1994 г. в УК РСФСР 1960 г. ст. 171 «Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». Этой новеллой закрепились понятия соответствующих форм соучастия и критерии их разграничения.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс РФ развил и дополнил эти положения. Законодатель, учитывая сложившуюся криминогенную обстановку, наряду с понятием организованной группы (п. 3 ст. 35 УК РФ) впервые закрепил понятие преступного сообщества (п. 4 ст. 35, ст. 210) как наиболее опасной формы организованной преступной деятельности. Кроме того, были закреплены также понятия банды (ст. 209), незаконного вооруженного формирования (ст. 208), экстремистской организации (ст. 2821) и другие виды организованных преступных групп. 3 ноября 2009 г. появилась новая редакция ст. 210 УК РФ. В ч. 4 ст. 210 УК РФ появилась новая формулировка – «...лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Законодатель ужесточил наказание участникам преступных сообществ. Ответственность за действия по ч. 4 ст. 210 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати лет до пожизненного лишения свободы. Под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, законодатель подразумевает «воров в законе».

Таким образом, можно выделить дореволюционный, советский и современный периоды возникновения и развития ответственности за организованную преступную деятельность. В дореволюционный период совершение преступлений организованной группой считалось тяжким преступлением. Устанавливалась уго-

ловная ответственность за организацию шаек, были регламентированы их виды и признаки. В это время возникают элементы противодействия организованной преступной деятельности в местах лишения свободы. Формируется осознание одиночного заключения преступников как наиболее эффективного средства противодействия криминальным объединениям в местах лишения свободы. Наряду с этим основным средством противодействия криминальной идеологии тюремной общины было религиозно-нравственное воспитание арестантов через духовников и Попечительное о тюрьмах общество, а главным средством их нравственного исправления – надзор за исполнением ими «священных обязанностей веры». И только с середины 80-х гг. XIX в. тюремная администрация начинает предпринимать активные попытки противодействия лидерам криминальной среды, во многих тюрьмах им запрещается занимать какие-либо артельные должности, прежде всего тюремных старост, и они устраняются от формального руководства арестантской общиной [7, с. 39–40].

При советской власти совершение преступления шайкой или бандой (квалифицированный признак) влекло ужесточение уголовной ответственности. Помимо шаек и банд, УК РСФСР 1922 г. содержал и ряд статей о пре-

ступном сообществе. Однако государство не уделяло достаточного внимания организованной преступной деятельности именно в местах лишения свободы, которые фактически перестали оказывать существенное влияние на такую деятельность, кроме физической изоляции ее от общества. В исправительно-трудовом праве разрабатывается теория идеологического перевоспитания «организованных» преступников и рецидивистов.

Справедливости ради следует отметить, что принятый в 1996 г. Уголовный кодекс РФ развил и дополнил положения о формах и видах соучастия. Законодатель, учитывая сложившуюся криминогенную обстановку, наряду с понятием организованной группы впервые закрепил понятие преступного сообщества как наиболее опасной формы организованной преступной деятельности. Кроме того, были закреплены также понятия банды, незаконного вооруженного формирования, экстремистской организации и других видов организованных преступных структур. Тем не менее, на сегодняшний день предупредительная деятельность в этой сфере (в местах лишения свободы) принципиально не изменилась и по-прежнему включает в себя уголовное преследование лидеров криминалитета, их изоляцию от общества и компрометацию как среди осужденных, так и среди других лиц.

1. Ларин С.Б. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп (ОПГ) в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

2. Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1.

3. Черепанова Е.В. Становление и развитие уголовного законодательства в части регламентации ответственности за организованные формы преступной деятельности в экономической сфере // Законодательство и экономика. 2009. № 2.

4. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история и документы: в 6 т. М., 2003. Т. 2.

5. Иванцов С.В. Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

6. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. М., 2012.

7. Кутякин С.А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2012.

8. Краснова К.А., Волкова М.А. Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // История государства и права. 2011. № 20.

1. Larin S.B. Peculiarities of the initial stage of investigation of crimes committed by leaders and members of organized criminal groups (ocgs) in places of deprivation of liberty: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2014.

2. Russkaya Pravda // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Moscow, 1984. Vol. 1.

3. Cherepanova E.V. Formation and development of criminal law in terms of regulating liability for organized forms of criminal activity in the economic sphere // Legislation and economy. 2009. № 2.

4. Kutaphin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Judicial power in Russia: history and documents: in 6 vol. Moscow, 2003. Vol. 2.

5. Ivantsov S.V. Organized crime: systemic properties and relations (criminological evaluation): diss. ... Dr of Law. Moscow, 2009.

6. Ivantsov S.V. Provision of internal affairs bodies of the system approach in the study and prevention of organised crime. Moscow, 2012.

7. Kutyakin S.A. Organization of counteraction to criminal opposition in the criminal executive system of Russia. Ryazan, 2012.

8. Krasnova K.A., Volkova M.A. The historical aspect of the development of domestic legislation on criminal liability for banditry // History of state and law. 2011. № 20.

Москвичев Алексей Александрович

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79649324815)

К вопросу о криминализации специальных видов пособничества в преступлении

В статье рассматриваются вопросы, связанные с разграничением уголовной ответственности пособника и других соучастников преступления. Выдвигаются предложения по криминализации специальных видов пособничества в преступлении.

Ключевые слова: криминализация, разграничение, уголовная ответственность, пособничество в преступлении, соучастник.

A.A. Moskvichev, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79649324815.

To the issue of criminalization of specific types of complicity in a crime

The article is devoted to issues relating to the delimitation of criminal liability with respect to accomplice liability of other participants in the offense. There are proposals to criminalize specific types of complicity in a crime.

Key words: criminalization, discrimination, criminal responsibility, complicity in crime, accessory.

Проблемы соучастия в преступлении в разные периоды развития отечественной уголовно-правовой науки являлись предметом пристального внимания многих ученых-криминалистов и находились в эпицентре научных исследований. Вопросы разграничения уголовной ответственности соучастников преимущественно рассматривались в рамках работ, посвященных общему учению о соучастии.

Так, в начале XX столетия видный русский ученый Н.С. Таганцев писал, что учение о соучастии находится в хаотическом порядке и является одним из наиболее запутанных учений в теории преступления [1, с. 324, 326]. Г.Е. Колоколов высказывал мнение о том, что теория соучастия составляет венец общего учения о преступлении и справедливо считается труднейшим разделом уголовного права [2, с. 244]. В советский период данную мысль развил и изложил в своих трудах М.И. Ковалев.

Кроме М.И. Ковалева, вопросам разграничения уголовной ответственности соучастников в уголовно-правовой науке советского периода посвящены труды А.Н. Трайнина, Г.А. Кригера, П.Ф. Тельнова, О.С. Жиряева, Р.Р. Галиакбарова, А.П. Козлова и др. Вместе с тем, появились и специальные труды, которые были посвящены отдельным видам соучастников преступления. Среди них можно отметить работы А.В. Пушкина, Ф.Г. Бурчака, которые занима-

лись спорными вопросами уголовной ответственности подстрекателя, а также А.В. Покаместова и А.М. Царегородцева, изучавших вопросы уголовной ответственности организатора преступления.

В начале XXI столетия проблемы уголовной ответственности пособника в преступлении, а также криминологические аспекты его деятельности были изложены в трудах С.С. Аветисяна, А.А. Арутюнова, В.П. Коняхина,

А.И. Парога, Р.С. Рыжова, А.В. Серебрякова, Т.Г. Макарова и др., а также в диссертационных исследованиях В.Ю. Шубиной и Т.И. Косаревой. Вместе с тем, в большинстве работ вопросы о пособничестве подвергались изучению поверхностно, как часть более существенных проблем, интересующих исследователей.

До сих пор отдельные положения законодательства о разграничении уголовной ответственности соучастников преступления внутренне противоречивы либо вовсе не соответствуют сложившейся социальной действительности, а потому нуждаются в доработках. Среди таких положений выделяют вопросы, связанные с разграничением уголовной ответственности пособника и других соучастников преступления.

Для понимания юридической природы соучастия в преступлении в теории уголовного права устоялись две основные концепции, одна из которых исходит из принципа самостоятельно-

сти (или самодостаточности) правовой оценки деяния каждого из соучастников преступления, другая, напротив, из принципа акцессорности (от лат. *accessorium* – «добавочный», «придаточный», «дополнительный»).

Анализ ч. 1, 2 и 4 ст. 34 действующего УК РФ позволяет сделать вывод об ориентире законодателя на первую из названных позиций, в то время как в ч. 3 и 5 той же статьи законодатель обратил внимание именно на акцессорную природу ответственности соучастников преступления.

По мнению М.И. Ковалева, смысл акцессорности заключается в признании того очевидного факта, что без исполнителя нет и соучастия в преступлении. При акцессорности необходимо наличие следующих взаимосвязанных условий:

а) все соучастники должны действовать совместно;

б) действия каждого соучастника должны находиться в причинной связи с действиями исполнителя, а через них и с преступным результатом;

в) все соучастники должны действовать умышленно [3, с. 98].

В этой связи следует отметить, что автор указанной позиции предлагает рассматривать деятельность соучастников как придаточную по отношению к деятельности исполнителя и, по сути, прямо настаивает на идее акцессорности соучастия как единственно верной.

Несмотря на это, на протяжении длительного периода времени в отечественной уголовно-правовой науке ведутся дискуссии относительно достоинств и недостатков акцессорной природы ответственности соучастников преступления. К их числу относят как досоветских авторов (И.Я. Фойницкого [4, с. 23], И.Я. Хейфеца [5, с. 5], Л.С. Белогриц-Котляревского [6, с. 214]), так и советских (П.И. Гришаева и Г.А. Кригера [7, с. 172–173], А.Ф. Зелинского [8, с. 31], Ф.Г. Бурчака [9, с. 126] и др). Их аргументация заключается в признании принципа самостоятельной ответственности подстрекательства и пособничества в преступлении, но не исключающей определенной зависимости в части предела ответственности соучастников от действий, совершенных исполнителем преступления. Именно в этом срезе признание акцессорной природы соучастия чуждо применению норм уголовного закона. Напротив, признание самостоятельной ответственности соучастников преступления позволяет решать

многие вопросы, возникающие при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных усилиями двух и более лиц. Так, в соответствии с указанным принципом освобождение от уголовной ответственности исполнителя независимо от его основания (добровольный отказ, деятельное раскаяние, амнистия и др.) не влияет на ответственность других соучастников.

По нашему мнению, понятие ответственности организатора, подстрекателя и пособника преступления как производной от ответственности исполнителя не только существенно ограничивает прикладное значение института соучастия, но и в некоторых случаях входит в прямое разногласие с нормами, закрепленными в УК РФ. Так, например, ч. 1 ст. 212 УК РФ предусматривает самостоятельную ответственность лица за организацию массовых беспорядков, а также его подготовку для организации таких массовых беспорядков или участия в них, деятельность которого сопряжена с иными формами другой преступной деятельности. Часть 3 ст. 212 УК РФ предусматривает ответственность за призывы к массовым беспорядкам, перечисленным в ч. 1 названной статьи, или участие в них, а также призывы к насилию над гражданами. Часть 1 ст. 354 УК РФ запрещает под угрозой наказания разного рода публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Часть 2 ст. 354 УК РФ предусматривает ответственность за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации. Аналогичную конструкцию имеет и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». В этом же ряду следует указать и ст. 208, 209, 210, 239 УК РФ и т.д. Де-факто речь идет о самостоятельной уголовной ответственности подстрекателей и организаторов вне связи с уголовно-правовой оценкой преступных действий исполнителей, т.е. вне связи с теорией акцессорного соучастия.

Сложившаяся криминальная ситуация в России обусловлена влиянием множества криминогенных факторов, связанных с социально-демографической, экономической, социально-психологической, культурной и иными сферами общественной жизни. Механизм влияния этих факторов на преступность достаточно сложен и неоднозначен, в связи с чем институт соучастия приобретает новое содержание посредством усложнения и профессионализации преступной деятельности. В связи с этим отдельного исследования заслуживают такие

уголовно-правовые средства предупреждения преступности, как нормы двойной превенции, в том числе криминализующие деяния организатора, подстрекателя и пособника. В отношении первых двух видов соучастников преступления Особенная часть УК РФ содержит значительное количество норм, что подтверждает предупредительный потенциал уголовного законодательства, однако в отношении пособника их определено недостаточно. В качестве примера можно привести лишь часть 3 статьи 205¹ УК РФ.

Помимо названной статьи, в качестве самостоятельного преступления следует выделить пособничество во взяточничестве с установлением санкции, аналогичной той, которая предусмотрена за получение взятки. Нуждается в самостоятельной криминализации также пособничество в незаконных организации и проведении азартных игр, в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также в уклонении от уплаты налогов и (или) сборов с организаций и т.д. Это позволит на ранних этапах противостоять процессам детерминации преступности, а также предотвратить совершение новых преступлений в указанных сферах. На наш взгляд, очевидно, что преступная деятельность нередко выступает в качестве определяющей в механизме преступного поведения в целом (например, наркодиллера и взяткополучателя). К тому же в России уже сложилась устойчивая судебная практика по квалификации действий посредника незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и посредника взяточничества как соучастника соответствующих преступлений в виде пособника, а не как исполнителя. Представляется, что подобная судебная практика полностью соответствует требованиям уголовного закона, поскольку действия посредников взяточничества и незаконного оборота наркотических средств не охватываются объективной стороной соответствующих преступлений, описанных в Особенной части УК РФ.

В свете сказанного уместно рассмотреть следующий пример из судебной практики. Так, Елизовским районным судом Камчатского края осуждены трое сотрудников полиции К., Н. и П. по ч. 1 ст. 290 УК РФ (превышение должностных полномочий) и ч. 5 ст. 33, ст. 171² УК РФ (пособничество в незаконных организации и проведении азартных игр с извлечением дохода в особо крупном размере), а также два инди-

видуальных предпринимателя Д. и У. по ст. 171² УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр), одному из них также вменялось обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291 УК РФ (дача взятки). По данным следствия, с ноября 2012 г. по май 2013 г. трое сотрудников полиции, один из которых занимал должность начальника УЭБ и ПК УМВД России по Камчатскому краю, осуществляли пособничество незаконной организации и проведению азартных игр на территории краевого центра и города Елизово, организованным двумя индивидуальными предпринимателями. Однако такая квалификация стала возможной лишь потому, что к уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр были привлечены два предпринимателя. Правовая оценка содеянного К., Н. и П. изменилась бы, если бы вина Д. и У. не была доказана. В этом случае К., Н. и П. избежали бы уголовной ответственности за пособничество в незаконных организации и проведении азартных игр, отвечая лишь за превышение должностных полномочий. Между тем, как известно, именно преступления в сфере экономической деятельности, в том числе незаконная организация и проведение азартных игр, наиболее латентны. По нашему мнению, сложность установления вины непосредственных организаторов данного преступления не должна препятствовать наступлению уголовной ответственности в отношении иных соучастников, вина которых в предписанном законом порядке полностью доказана.

Соучастие формирует такое основание уголовной ответственности, при котором соучастники отвечают за единое преступление, являющееся результатом их общих действий, связанных и часто заранее согласованных между собой, направленных на достижение общего преступного результата. По образному выражению А.Ф. Кони, каждое преступление, совершенное несколькими лицами по предварительному соглашению, представляет целый живой организм, имеющий и руки, и сердце, и голову [10, с. 307]. Соучастие в преступлении должно быть понято как система взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта преступления является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов преступления.

Не имеет единственного решения также вопрос о времени совершения преступления со-

участниками: организатором, подстрекателем, пособником. Согласно одной точке зрения, момент совершения преступления исполнителем и соответствующими соучастниками совпадает. Согласно другой – в расчет надлежит принимать только действия самого соучастника, а момент совершения преступления исполнителем роли не играет. Тем самым законодатель попытался создать своего рода компромисс между акцессорной и солидарной концепциями ответственности соучастников преступления. И применительно к общим случаям

уголовной ответственности организатора, подстрекателя и пособника он, скорее всего, необходим. Сказанное выступает дополнительным аргументом в пользу криминализации специальных видов пособничества в преступлении. В этом случае ответственность должна наступать по статье Особенной части УК РФ без дополнительной ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ, что в сущности будет способствовать реализации принципа неотвратимости и соразмерности уголовной ответственности за совершенное преступление.

1. Таганцев Н.С. *Русское уголовное право: лекции. Часть общая.* М., 1994. Т. 1.

2. *Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова.* СПб., 2005.

3. Ковалев М.И. *Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия.* Свердловск, 1960.

4. Фойницкий И.Я. *Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юрид. вестн. 1891. Т. 1.*

5. Хейфец И.Я. *Подстрекательство к преступлению.* М., 1914.

6. Белогриц-Котляревский Л.С. *Учебник русского уголовного права.* Киев, 1904.

7. Гришаев П.И., Кригер Г.А. *Соучастие по уголовному праву.* М., 1959.

8. Зелинский А.Ф. *Соучастие в преступлении.* Волгоград., 1971.

9. Бурчак Ф.Г. *Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы.* Киев, 1986.

10. Кони А.Ф. *Собр. соч. Т. 3: Судебные речи.* М., 1967.

1. Tagantsev N.S. *Russian criminal law: lectures. General part.* Moscow, 1994. Vol. 1.

2. *Russian criminal law. General part / ed. by V.S. Komissarov.* St. Petersburg, 2005.

3. Kovalev M.I. *Complicity in the crime. Pt. 1: The concept of complicity.* Sverdlovsk, 1960.

4. Foinitsky I.Ya. *Criminal law doctrine of complicity // Legal gazette. 1891. Vol. 1.*

5. Heifetz I.Ya. *Incitement to crime.* Moscow, 1914.

6. Belogrits-Kotlyarevsky L.S. *Textbook of the Russian criminal law.* Kiev, 1904.

7. Grishaev P.I., Krieger G.A. *Complicity in criminal law.* Moscow, 1959.

8. Zelinsky A.F. *Complicity in the crime.* Volgograd, 1971.

9. Burchak F.G. *Complicity: social, criminological and legal problems.* Kiev, 1986.

10. Koni A.F. *Coll. works. Vol. 3: Judicial speech.* Moscow, 1967.

Таракина Кристина Эдуардовна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве

В статье рассматриваются изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, в части перевода мошенничества в категорию дел частного-публичного обвинения.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, виды уголовного преследования, частного-публичное уголовное преследование.

K.E. Tarakina, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Private-public prosecution for fraud

The article discusses the changes made to the Criminal code and the Criminal procedure code of the Russian Federation with the Federal law of November 29, 2012 in the part of translation of the fraud to the category of private-public prosecution.

Key words: fraud, deception, abuse of trust, types of criminal prosecution, private-public prosecution.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает три порядка уголовного преследования – публичный, частно-публичный и частный.

В науке частно-публичное уголовное преследование считается исключением из принципа публичности и публично-правового порядка осуществления уголовного преследования лиц, совершивших общественно опасное деяние. Категории дел частного и частно-публичного обвинения являются проявлением частного начала уголовного процесса, которое, в свою очередь, есть способ реализации свободы личности, средство обеспечения ее прав и законных интересов в уголовном процессе. По уголовным делам данной категории позиция потерпевшего является главенствующей, он сам определяет степень и характер нанесенного общественно опасным деянием ущерба. Только потерпевший дает оценку совершенному деянию, и только он решает, стоит ли обращаться по этому поводу в правоохранительные органы для того, чтобы привлечь к ответственности виновного.

И.С. Дикарев отмечает, что истоками диспозитивности на стадии возбуждения уголовных дел частного-публичного обвинения являются две причины: 1) преступность некоторых деяний невозможно установить без помощи потерпевшего; 2) огласка события преступления

в случае возбуждения дела может причинить ему не меньше вреда, нежели само преступление [1, с. 13; 2, с. 296–297]. Таким образом, вполне возможны случаи, когда расследованием уголовного дела может быть причинен материальный или моральный вред потерпевшему путем огласки частных сторон жизни, тайны переписки или какими-то другими фактами, имеющими конфиденциальное значение для потерпевшего. Именно в этих случаях лицо, в отношении которого совершено противоправное деяние, должно само решать, обращаться ли с заявлением в полицию. По нашему мнению, применение диспозитивности к определению порядка уголовного преследования должно выступать в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевшего от совершенных в отношении его преступлений.

До принятия 29 ноября 2012 г. Федерального закона № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к категории частного-публичного обвинения относились уголовные дела о следующих преступлениях: ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ст. 145, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ. По нашему мнению, данные составы полностью обладают особенностями, которым должны отвечать дела частного-публичного обвинения.

Новая редакция ч. 3 ст. 20 УПК РФ [3] предусматривает частно-публичный порядок возбуждения уголовного дела в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 159–159^б, 160, 165 УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

То есть в указанной конструкции обязанность учитывать волеизъявление потерпевшего находится в прямой зависимости от характеристики лица, привлекаемого к уголовному преследованию. Порядок обвинения отличается прежде всего тем, что необходимо устанавливать, является ли лицо, совершившее общественно опасное деяние, попадающее под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159–159^б, 160, 165 УК РФ, субъектом, обладающим указанными в ч. 3 ст. 20 УПК РФ специальными признаками, или нет. И лишь при наличии этого обязательного условия требуется учитывать мнение пострадавшего по вопросу о целесообразности уголовного преследования.

Уголовные дела по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 159–159^б, 160, 165 УК РФ, возбуждаются в публично-правовом порядке (т.е. при отсутствии заявления от потерпевшего) в следующих случаях: 1) если преступлением причинен вред интересам государственного унитарного предприятия; 2) если преступлением причинен вред интересам муниципального унитарного предприятия; 3) если преступлением причинен вред государственной корпорации, государственной компании; 4) если преступлением причинен вред коммерческой организации с прямым участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства; 5) если преступлением причинен вред коммерческой организации с прямым участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) муниципального образования; 6) если предметом преступления явилось государственное имущество; 7) если предметом преступления явилось муниципальное имуще-

ство; 8) если предприниматель предположительно совершил помимо преступлений, перечисленных в ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ, еще и иное преступление, преследуемое в публично-правовом порядке; 9) при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ [4].

Отсюда можно сделать вывод о том, что данный законопроект имел своей целью создание системы правовых гарантий для «предпринимателей» от уголовного преследования за совершение экономических преступлений.

Не секрет, что аргументами для принятия такой законодательной новеллы явились мнения членов бизнес-сообщества. В докладе центра «Бизнес против коррупции», который был представлен Президенту РФ Владимиру Путину бизнес-омбудсменом Борисом Титовым, делается вывод: ст. 159 УК «недобросовестные работники следственных органов используют как своеобразную дубинку для предпринимателей». А председатель общественной организации «Бизнес-солидарность» Яна Яковлева утверждает, что использование данной статьи «пошло уже таким образом, что получение прибыли толкуется правоохранительными органами как извлечение корыстного интереса» [5].

Однако правовые последствия введения нового правового режима осуществления уголовного преследования по делам о мошенничестве распространяются не только на круг предпринимателей, но касаются каждого гражданина России. Теперь только от воли самого потерпевшего зависит вмешательство правоохранительных органов в его отношения с предпринимателем в связи с возможным преступным нарушением его прав и законных интересов.

Таким образом, получается, что правоприменители вопреки конституционному требованию о приоритетной защите государством прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ, ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О полиции», ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») более не обязаны этого делать в сфере предпринимательской, хозяйственной деятельности, когда жертвами мошенничества и других преступлений, перечисленных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, являются граждане. Теперь обязанность осуществлять публичное уголовное преследование в экономической сфере в целях выявления, предупреждения, пресечения

и раскрытия преступлений распространяется только для защиты государственной и муниципальной собственности. Соответственно, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сфере экономической деятельности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), не входит теперь в число задач оперативных аппаратов ОВД, других правоохранительных органов [6].

При этом проведение полицией в сфере предпринимательской (экономической) деятельности оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) с целью выявления преступлений, предусмотренных ст. 159–159^б, 160, 165 УК, и изобличения лиц, их совершивших (п. 10 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»), невозможно до тех пор, пока потерпевший от преступных действий не обратится с официальным заявлением в полицию с требованием о возбуждении уголовного дела и следовательно не возбудит уголовное дело. Если сторонами в хозяйственном споре являются частные лица, проведение ОРМ для выявления и раскрытия преступлений, относящихся к делам частного-публичного обвинения, недопустимо [7]. Выход за пределы, очерченные уголовно-процессуальным правом, чреват угрозой привлечения к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 303 УК РФ или другой ответственности (ч. 2 ст. 6 Федерального закона «О полиции»).

Примером могут являться обстоятельства, сложившиеся в городе N, ведущий специалист сельскохозяйственного потребительского кооператива, осуществляющего выдачу займов физическим и юридическим лицам, путем подделки подписей и использования персональных данных бывших заемщиков оформлял на их имя денежные займы, которые впоследствии присваивал себе. Ущерб от действий ведущего специалиста указанному кооперативу составил более 18 млн рублей. Сотрудники подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, проведя проверку по указанному факту и установив признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, вынесли постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием заявления потерпевшего, а именно директора сельскохозяйственного потребительского кооператива. Причиной отказа обращения с заявлением в правоохранительные органы послужило

желание потерпевшей стороны решить вопрос в гражданско-правовом порядке. Однако по истечении нескольких месяцев, когда взыскать указанную сумму в судебном порядке не представилось возможным, директор кооператива обратился в полицию с заявлением, что явилось поводом для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, по нашему мнению, обязательное условие наличия заявления со стороны потерпевшего для осуществления уголовного преследования по преступлениям, предусмотренным ст. 159–159^б, 160, 165 УК РФ, ограничивает возможность правоохранительных органов выполнять свои прямые обязанности по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений экономической направленности. Тогда как лицо, попадающее под признаки субъекта преступления, формально уходит от уголовной ответственности за совершенное им общественно опасное деяние. Помимо этого в данном случае наносится имущественный ущерб третьим лицам, что говорит о большей общественной опасности совершенного деяния.

Считаем, что возбуждение уголовного дела частного или частного-публичного обвинения незаменимо в случаях, когда невозможно дать оценку характеру и тяжести причиненного вреда без субъективной оценки потерпевшего. Тем более и выявить эти преступления практически невозможно без заявления потерпевшего. Справедливо мнение А.Н. Алексева, который, говоря о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отмечает, что «следует считаться с тем, что потерпевший, стремясь избежать огласки происшедшего, вызовов к следователю, в суд, может предпочесть не подавать заявления о совершенном преступлении, без чего нельзя возбудить уголовное дело и провести расследование» [8].

По нашему мнению, к уголовным делам частного-публичного обвинения должны относиться дела по преступлениям, несущим наименьшую опасность для общества в целом. Деяния, содержащие признаки состава таких преступлений, должны быть направлены в первую очередь против личности потерпевшего и именно ему приносить какой-либо вред.

Преступления, предусмотренные ст. 159–159^б, 160, 165 УК РФ, отличаются от других случаев частного-публичного обвинения и затрагивают не только отношения между потерпев-

шим и субъектом преступления, но и интересы третьих лиц, тем самым причиняя большую общественную опасность.

Помимо этого, вступившие в законную силу изменения в части осуществления уголовного преследования по делам о мошенничестве подрывают весь механизм борьбы с экономической преступностью, обуславливают без-

действие полиции в части защиты граждан от нарушения их прав в экономической сфере. Гарантии безопасности ведения бизнеса в России не могут входить в противоречие с эффективностью уголовной полиции и юстиции. Данные шаги, в которых явно видна идея словесного покровительства, ведут к деградации правоохранительной системы.

1. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

2. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Волгоград, 2011.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 49.

4. Горюнов В.Ю. Новая процессуальная политика уголовного преследования по делам частного-публичного обвинения // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2014. № 1(27). С. 73–79.

5. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20121128/265560068.html#ixzz3TR4zZcvH

6. Александров А.С., Александрова И.А. Новое – буржуазное уголовное и уголовно-процессуальное право России // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. тр. Минск, 2013. С. 100–118.

7. Александров А.С., Александрова И.А. Частно-публичное преследование по делам о мошенничестве // Рос. следователь. 2013 № 2. С. 77–83.

8. Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.Н. Алексеева. М., 1995.

1. Dikarev I.S. Optionality in criminal trial of Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2004.

2. Essence and challenges stage of criminal proceedings. Volgograd, 2011.

3. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: fed. law of Nov. 29, 2012 № 207-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 49.

4. Gorunov V.Yu. New procedural policies prosecution for private-public prosecution // Jurisprudence and law enforcement practice. 2014 № 1(27). P. 73–79.

5. The Russian Agency of legal and judicial information. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20121128/265560068.html#ixzz3TR4zZcvH

6. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. New – bourgeois criminal and criminal procedural law of Russia // Classical and post-classical methodology for the development of legal science: coll. of sci. papers. Minsk, 2013. P. 100–118.

7. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Private-public prosecution in cases of fraud // Russian investigator. 2013. № 2. P. 77–83.

8. Criminal proceedings: textbook / ed. by A.N. Alekseev. Moscow, 1995.

Тарасенко Галина Владимировна

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru)

Понятие и критерии добровольности в российском уголовном праве

В статье рассматривается понятие «добровольность» как обязательный признак освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ. Исследуются дискуссионные вопросы добровольной сдачи предметов, указанных в этих статьях при производстве следственных действий.

Ключевые слова: добровольность, обязательный признак, освобождение от уголовной ответственности, оружие, боеприпасы, наркотические средства, психотропные вещества.

G.V. Tarasenko, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru

The concept and criteria of voluntariness in the Russian Criminal law

The article is devoted the concept of «voluntariness» as a mandatory feature of exemption from criminal responsibility of perpetrators committed crimes under art. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ of the Criminal code of the Russian Federation The author considers discussion questions of the voluntary surrender of the subjects referred in those articles during investigative activities.

Key words: voluntariness, mandatory sign, exemption from criminal liability, arms, ammunition, narcotics, psychotropic substances.

Одной из проблем применения норм российского уголовного законодательства, гарантирующих освобождение от ответственности в случаях добровольной сдачи предметов преступления (ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ), является отсутствие законодательной регламентации понятия и критериев добровольности.

При решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности этот признак является обязательным, но при определенных условиях. Так, примечания к ст. 222, 222¹, 223, 223¹ УК РФ регламентируют освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, а также основные части оружия, взрывные устройства, незаконно изготовленные предметы вооружения, при условии что их сдача не сопряжена с задержанием этих лиц или производством следственных действий по их обнаружению и изъятию.

К сожалению, в правоприменительной практике суды иногда допускают явные ошибки, игнорируя положения примечаний к указанным нормам права. Так, Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного Н., пришел к выводу о том, что приговор Нижегородского областного суда и кассационное определение Судебной коллегии

по уголовным делам Верховного Суда РФ подлежат отмене. Из материалов уголовного дела следовало, что Н. пришел в РУВД и рассказал о совершенном им убийстве В. с применением обреза. При этом в протоколе явки с повинной было указано, что обрез он спрятал за батареей отопления по месту своего жительства. Протоколом обыска подтверждено, что в квартире Н. в указанном осужденным месте обнаружен обрез. Президиум Верховного Суда РФ постановил освободить Н. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, на основании примечания к названной статье [1].

Освобождение от уголовной ответственности допускается и в отношении лица, добровольно сдавшего наркотические средства, а также психотропные вещества, о чем указано в примеч. 1 к ст. 228 и 228³ УК РФ. В качестве дополнительного условия освобождения названо способствование раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем. При этом не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов изъятие указанных средств, веществ

или их аналогов при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ предпринимались попытки раскрыть понятие добровольности как обязательного признака освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений. Так, в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 23 декабря 2010 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [2] указывается, что добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, означает выдачу лицом подобных средств, веществ, их аналогов либо растений представителям власти при наличии у этого лица реальной возможности распорядиться ими иным способом (абз. 3 п. 19).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (в редакции от 3 декабря 2013 г. № 34) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств» [3] под добровольной сдачей огнестрельного оружия, его основных частей либо комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, предусмотренной примечаниями к ст. 222, 223 УК РФ, понимается выдача лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения названных предметов (абз. 1 п. 19). В редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 декабря 2013 г. № 34 это положение дополнено правилом о том, что не может признаваться добровольной сдачей предметов их изъятие при задержании лица, равно как и при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. Вместе с тем, делается оговорка, что выдача лицом по своей воле не изъятых при задержании или при производстве следственных действий других предметов, указанных в ст. 222, 223 УК РФ, а также сообщение органам власти о месте их нахождения, если им об этом известно не было, в отношении этих предметов должна признаваться добровольной.

Так, Л. был осужден за убийство М., заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также за незаконное хранение оружия и боеприпасов. В апелляционной жалобе Л. ссылался на то, что суд не учел добровольную сдачу оружия. Вместе с тем, суд апелляционной инстанции пришел к выводу: оснований для утверждения о том, что оружие и боеприпасы были добровольно выданы Л., не имеется. Ружье и пять патронов были изъяты в ходе осмотра места происшествия (убийства М.), в ходе которого Л. участия не принимал. Из показаний свидетеля С. установлено, что, узнав от Л. о том, что он застрелил М., свидетель пришел к нему в дом, где увидел труп потерпевшей и лежащее на полу ружье, которое он, опасаясь, что Л. снова может им воспользоваться, вынес из дома и спрятал на улице [4].

Как видим, добровольная сдача соответствующих предметов названа как их «выдача представителям власти». Следует согласиться с точкой зрения И.Г. Башинской о недопущении подмены данных понятий [5]. В словаре Т.Ф. Ефремовой термин «выдавать» толкуется как «давать в соответствии с установленным порядком, отпускать из места хранения, запаса» [6].

Таким образом, под выдачей предметов, указанных в ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ, следует понимать совершение действий виновным лицом по непосредственной передаче указанных предметов представителям власти. Данный способ является наиболее распространенным в деятельности правоохранительных органов, но не единственным. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 названы и действия виновного по сообщению органам власти о месте нахождения предметов, если им об этом известно не было. Поэтому в случаях задержания лица по подозрению в совершении преступления, избрании в отношении его меры пресечения заключения под стражу виновный может сообщить правоохранительным органам о наличии и месте нахождении предметов, указанных в ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ.

Сообщение органам власти о месте нахождения названных предметов может рассматриваться как обязательный признак освобождения от уголовной ответственности лишь при наличии определенных условий. Во-первых, необходим конкретный результат, т.е. должно произойти изъятие соответствующих предметов.

Во-вторых, исходя из содержания разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда

РФ, добровольность в действиях виновного лица проявляется в наличии у него реальной возможности дальнейшего хранения или распоряжения этими предметами иным способом. Наличие этой возможности означает, что органам власти не было известно о месте нахождения данных предметов до получения сообщения от лица, совершившего преступление.

Примечания к ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ не устанавливают четких критериев, позволяющих отграничить добровольную сдачу указанных в них предметов от вынужденной. В частности, возникает вопрос: признает ли законодатель добровольной сдачей действия виновного в том случае, когда они осуществляются по предложению следователя до начала производства следственных действий по обнаружению и изъятию соответствующих предметов?

Обратимся к нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В ч. 5 ст. 182 УПК РФ, регламентирующей основания и порядок производства обыска, сказано, что следователь до начала проведения этого следственного действия предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы, ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если такие предметы выданы добровольно и нет оснований их сокрытия, то следователь вправе не производить обыск. В протоколе обыска не только должно быть указано место и обстоятельства обнаружения предметов, документов, ценностей, но и фиксируется, добровольно они были выданы либо изъяты принудительно (ч. 13 ст. 182 УПК РФ).

Аналогичные правила закреплены и для производства выемки (ч. 5 ст. 183 УПК РФ).

В научной литературе даются неоднозначные ответы на поставленный вопрос. С точки зрения одних ученых, добровольная выдача предметов в порядке, установленном ст. 182 и 183 УПК РФ, тождественна добровольной выдаче предметов, о которых идет речь в примечаниях к ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ, т.е. имеет уголовно-правовое значение для освобождения лица от уголовной ответственности [7, с. 171].

В юридической литературе высказано и другое мнение, согласно которому добровольная выдача предметов в порядке, определяемом ст. 182, 183 УПК РФ, имеет собственное процессуальное значение, не связанное с обязательным освобождением от уголовной ответственности. В указанном случае присутствует уголовно-процессуальная помощь следствию,

и признак добровольности имеет уголовно-процессуальный характер. Указанные следственные действия по своей сути носят принудительный характер [8, с. 37].

По мнению ученых-процессуалистов, при определенных условиях добровольная выдача обыскиваемым подозреваемым, обвиняемым подлежащих изъятию предметов, документов, ценностей может быть расценена как обстоятельство, смягчающее наказание, но не может служить основанием для освобождения виновного лица от уголовной ответственности за хранение определенных предметов или вещей, указанных в ст. 222, 228 УК РФ, поскольку в примечаниях к этим статьям оговаривается, что не может признаваться добровольной сдачей оружия его изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по его обнаружению и изъятию. Выдачу оружия, боеприпасов или наркотиков обыскиваемым по требованию следователя, предъявленному до начала их поиска, следует расценивать как выдачу в ходе уже начавшегося следственного действия. В контексте названных статей УК РФ под добровольной сдачей следует понимать инициативные заявления и действия сдающего [9].

Вместе с тем, уголовный закон не содержит прямого запрета на то, чтобы квалифицировать в качестве добровольной сдачи предметов их выдачу виновным до начала обыска или выемки, в том числе после предложения следователя о выдаче предметов, документов, ценностей, которые могут иметь значение по делу, что подтверждается и примерами из судебной практики.

В юридической литературе также высказана мысль, что нельзя исключать возможность добровольности сдачи предметов, находящихся в незаконном владении лица, при производстве следственного действия. В частности, такая ситуация может сложиться, если правоохранительные органы при производстве выемки и обыска располагают ошибочными данными о месте нахождения запрещенных в обороте предметов, а лицо, в незаконном владении которого находятся соответствующие предметы, при производстве следственного действия сообщает, что они располагаются в другом месте [10, с. 45].

Выдача обвиняемым оружия после объявления постановления суда о производстве осмотра жилища, но до начала осмотра места происшествия свидетельствует о доброволь-

ной сдаче оружия и влечет освобождение от уголовной ответственности за незаконное хранение оружия.

Добровольность в сдаче предметов, указанных в ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ, должна проявляться в том, что виновное лицо принимает решение в тех условиях, когда правоохранительным органам не было известно о месте нахождения данных предметов.

Из всего сказанного можно сделать важный вывод: для установления признака добровольности необходим и субъективный критерий, т.е. виновный должен по собственному желанию, без принуждения выдать указанные предметы, и хотя виновный осознает наличие у него возможности дальнейшего беспрепятственного владения соответствующими предметами, но, несмотря на это, осуществляет их сдачу уполномоченным на то органам. На это указывает этимологическое значение термина «добровольный» – совершаемый по собственному желанию, без принуждения.

Следует отметить, что еще до возбуждения уголовного дела по ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно сдало предметы, указанные в данных статьях добровольно. И в этих случаях уголовное дело не должно возбуждаться. Здесь уместно упомянуть так называемую «оружейную амнистию», когда лицо освобождается от уголовной от-

ветственности за добровольную сдачу находящихся в его незаконном владении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за денежное вознаграждение. Порядок и условия реализации данных мер устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Так, в Краснодарском крае действует Положение о порядке выплаты денежного вознаграждения гражданам за добровольную сдачу незаконно хранящихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, утвержденное постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 8 мая 2014 г. № 446 (в редакции от 8 октября 2014 г. № 1087) [11].

Резюмируя сказанное, сформулируем основные выводы.

Добровольная сдача лицом, совершившим преступления, предусмотренные ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 228³ УК РФ, предметов, указанных в этих статьях, осуществляется путем их непосредственной передачи органам власти либо путем сообщения об их месте нахождения, если подобной информацией правоохранительные органы не располагали. Результатом таких действий виновного является изъятие соответствующих предметов при осознании им реальной возможности дальнейшего хранения этих предметов либо возможности распорядиться ими иным способом.

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2014 г. № 46-П14. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 23 дек. 2010 г. № 31) // Рос. газ. 2006. 28 июня; 2010. № 296. 30 дек.

3. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (в ред. от 3 дек. 2013 г. № 34) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2002. № 5; 2014. № 2.

4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2013 г. № 52-АПУ13-2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of Apr. 23, 2014 № 46-A14. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic psychotropic, virulent and poisonous substances: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 (in ed. of Dec. 23, 2010 № 31) // Rus. newsp. 2006. June 28; 2010. Dec. 30.

3. On judicial practice in cases of embezzlement, extortion and trafficking of arms, ammunition, explosives, explosive devices: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2002 № 5 (in ed. of Dec. 3, 2013 № 34) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2002. № 5; 2014. № 2.

4. Appeal determination of the Supreme Court of the Russian Federation of Oct. 29, 2013 № 52-APU13-2. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

5. Башинская И.Г. Уголовно-процессуальный аспект добровольной сдачи наркотиков // Уголовное судопроизводство России: историческое наследие и современные проблемы теории и практики реализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (посвящается 150-летию принятия Судебных уставов 1864 года) / Северо-Кавказ. филиал Рос. гос. ун-та правосудия. Краснодар, 2014.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2001. Т. 1.
7. Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов, 2007.
8. Антонов А.Г. Категория «добровольность» в уголовном праве России // Сибир. Юрид. вестн. 2002. № 2.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Б.Т. Безлепкина. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».
10. Суркова О.Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.
11. Положение о порядке выплаты денежного вознаграждения гражданам за добровольную сдачу незаконно хранящихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: утв. постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 8 мая 2014 г. № 446 (в ред. от 8 окт. 2014 г. № 1087) // Кубанские новости. 2014. 29 мая; 22 окт.
5. Bashinskay I.G. Criminal procedure aspect of the voluntary surrender of drugs // criminal trial of Russia: historical heritage and modern problems of the theory and practice of implementation: proc. sci. and pract. conf. (dedicated to the 150th anniversary of the adoption of legal regulations 1864) / North Caucasus. branch of the Russian state. university of justice. Krasnodar, 2014.
6. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Sensibly-derivation. Moscow, 2001. Vol. 1.
7. Kornukov V.M., Valiev R.Sh. Personal search and its role in criminal procedure proving. Saratov, 2007.
8. Antonov A.G. Category «voluntariness» in the criminal law of Russia // Siberian Law Gazette. 2002. № 2.
9. Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized) / ed. by B.T. Bezlepkin. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
10. Surkova O.G. Voluntary surrender of objects in the illegal possession of the offender and its criminal-legal importance: diss. ... Master of Law. Volgograd, 2014.
11. Regulation on the payment of monetary compensation to citizens for the voluntary surrender of illegally held weapons, ammunition, explosives and explosive devices: appr. with the resolution of the Head of Administration (Governor) of Krasnodar Region of May 8, 2014 № 446 (in ed. of Oct. 8, 2014 № 1087) // Kuban news. 2014. May, 29; Oct. 22.

Хуаде Адам Хазретович

ассистент кафедры уголовного права и криминологии
Адыгейского государственного университета,
помощник судьи Верховного суда Республики Адыгея
(e-mail: adam-huade@rambler.ru)

Уголовно-правовая охрана частной жизни в некоторых странах Западной Европы

В статье анализируется зарубежный опыт закрепления права на неприкосновенность частной жизни, его содержание и значение. Исследуется законодательный опыт Германии, Испании, Швейцарии, Польши, Дании.

Ключевые слова: право, неприкосновенность, собственное изображение, частная жизнь, уголовная ответственность.

A.Kh. Khuade, Assistant of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Agyghe State University, Judge Assistant of the Supreme Court of Adyghe Republic; e-mail: adam-huade@rambler.ru

Criminal law protection of private life in some Western Europe countries

This article considers the international experience of the law insurance for private life inviolability, its content and importance. The author studies legislative experience of Germany, Spain, Switzerland, Poland and Denmark.

Key words: law, inviolability, own representation, private life, criminal liability.

В странах Западной Европы право на неприкосновенность частной жизни не только гарантируется конституцией, но и защищается путем установления ответственности за его нарушение в уголовном законодательстве. Так, согласно уголовному законодательству Испании такие гарантии закреплены в разд. X «Преступления против неприкосновенности частной жизни, права на собственное изображение и неприкосновенности жилища», куда входят две главы: гл. I «Раскрытие и распространение тайных сведений» и гл. II «Преступления против права на неприкосновенность собственного образа». В гл. I частную жизнь охраняют ст. 197, 198, 199, а в гл. II – ст. 202 [1, с. 66–67].

Статья 197 говорит о нарушениях неприкосновенности частной жизни другого лица без ведома этого лица путем завладения сведениями личного или семейного характера, их перехвата, использования, преобразования с применением технических средств, распространения или выдачи третьим лицам. В качестве квалифицирующих обстоятельств выделяются специальные субъекты (лица, управляющие или ответственные за информационные, электронные или телевизионные картотеки, архивы или регистры); сведения личного характера, обнаруживающие идеологию, религию, верования, состояние здоровья, происхождение или сексуальную жизнь; корыстная цель. Статья 198 предусматривает уголовную ответствен-

ность должностного лица, вышедшего за разрешенные пределы и использовавшего свое положение в совершении какого-либо деяния, предусмотренного ст. 198. Статья 199 выделяет лиц, раскрывших чужие тайные сведения, о которых они узнали в силу своего должностного положения или трудовых отношений [1].

Анализ уголовного законодательства Испании позволяет отметить, что неприкосновенность частной жизни по существу означает охрану любых тайных сведений, касающихся конкретного лица. К информации личного характера испанский законодатель отнес сведения, обнаруживающие идеологию, религию, верования, состояние здоровья, происхождение или сексуальную жизнь лица. Статья 202 говорит о посягательстве на неприкосновенность частной жизни лица посредством использования образа лица без его согласия. В качестве квалифицирующего признака выделяются деяния, совершаемые против лица, являющегося несовершеннолетним или недееспособным [1].

Такой элемент, как неприкосновенность права на собственное изображение, в российском уголовном законодательстве не выделен в самостоятельную уголовно-правовую норму. Неприкосновенность собственного образа совершенно справедливо является элементом охраняемого права на неприкосновенность частной жизни лица, поэтому необходимости в его самостоятельной охране в России нет. Неприкосновенность собственного образа ох-

раняется в рамках ст. 137 УК РФ. Интересно отметить, что в ч. 3 ст. 137 УК РФ отечественный законодатель особо охраняет образ несовершеннолетнего потерпевшего. Считаем, что логичным завершением данной идеи отечественного законодателя было бы упоминание в этой части не только несовершеннолетних, но и недееспособных лиц. Именно на них указывает в качестве потерпевших от незаконного посягательства на неприкосновенность частной жизни лица испанский законодатель.

Объективная сторона анализируемых нами преступлений, предусмотренных испанским уголовным законодательством, представлена такими деяниями, как завладение, использование, преобразование сведений без ведома лица, их распространение или выдача. Российский же законодатель ограничивается незаконным сбором или распространением сведений о частной жизни лица без его согласия. Субъект данного преступления в основном общий, в квалифицированных составах обладает специальными признаками: должностные лица; лица, уполномоченные в силу трудового договора; лица, управляющие или ответственные за информационные, электронные или телевизионные картотеки, архивы или регистры. Интересно отметить, что большему наказанию подвергаются должностные лица, вышедшие за разрешенные пределы, т.е. по существу превысившие свои полномочия. Субъективная сторона предполагает наличие умышленной вины, а в квалифицированных составах имеет место корыстная цель.

Согласно уголовному законодательству Дании право на неприкосновенность частной жизни гарантируется § 264d, расположенным в гл. 27 «Преступления против личной чести и определенных личных прав» [2, с. 194].

Объектом преступления в Дании признаются общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни. Предметом преступного посягательства являются информация или изображения, касающиеся частной жизни другого лица и очевидно скрываемые от общества. Почему законодатель в один ряд поставил видовую (информацию) и подвидовую категорию (изображение, которое является частной информацией), не понятно. Кроме того, очевидность скрываемой от общества информации является оценочным признаком, что затрудняет задачу правоприменителя. Уголовный кодекс Дании предусматривает уголовную ответственность за передачу, перехват, фиксацию, наблюдение, прослушивание и записывание сведений о частной жизни. Приме-

чательно, что УК Дании, отмечая в качестве потерпевших обычных лиц, указывает еще и на умерших. В российском законодательстве эта категория никак легально не отражена. Субъектом преступления, предусмотренного § 264d, может являться любое лицо. В качестве квалифицирующих признаков законодатель Дании указал на использование технических средств [2].

В Уголовном кодексе Франции в гл. VI «О посягательствах на личность» входит отд. I «О посягательствах на частную жизнь». В этот отдел включена ст. 226-1, в которой говорится об умышленном посягательстве на интимность частной жизни другого путем: перехвата, записи или передачи без согласия на то автора слов, высказанных частным или конфиденциальным способом; фиксации, записи или передачи изображения лица, находящегося в частном месте, без его на то согласия [3, с. 245].

Если действия, указанные в настоящей статье, были совершены на глазах и с ведома заинтересованных лиц, не противодействовавших указанным действиям, в то время как они были в состоянии это сделать, согласие этих лиц презюмируется.

Во французском уголовном законодательстве ответственность несет любое лицо, владеющее конфиденциальной информацией, доверенной ему в связи с выполнением профессиональных функций, и разгласившее ее. Анализ ст. 226-1 УК Франции показывает, что в качестве объекта преступления законодатель Франции четко называет охраняемые общественные отношения в сфере частной жизни. Предметом данного посягательства являются словесная информация, высказанная частным или конфиденциальным способом, и изображение лица, находящегося в частном месте. Объективная сторона преступления проявляется в перехвате записи, передаче информации без согласия лица. Интересно, что согласием считается и бездействие заинтересованных лиц в случае, если преступление совершается на их глазах. Субъект данного преступления общий.

Согласно уголовному законодательству Швейцарии в третьем разделе «Преступные деяния против чести и в области тайной и частной сферы» располагается гл. 2 «Преступные деяния в области тайной и частной сферы», которая включает в себя ст. 179 quater «Нарушение тайной и частной сферы путем использования звукозаписывающей и съемочной аппаратуры». Действующая редакция ст. 179 quater УК Швейцарии имеет следующее содержание: кто наблюдает при помощи звукозаписывающей и съемочной аппаратуры

или снимает при помощи съемочного аппарата факты из тайной сферы другого или без его согласия факты из частной сферы, которые не должны быть доступны каждому, кто записывает или делает известным третьему лицу факт, о котором он знает или должен полагать, что он поступил в распоряжение лица в результате совершения преступного деяния, указанного в абз. 1, кто хранит или делает доступным третьему лицу запись, о которой он знает или должен полагать, что она произведена в результате совершения преступного деяния, указанного в абз. 1 [4, с. 68].

В диспозиции абз. 1 ст. 179 quater устанавливается уголовная ответственность за наблюдение при помощи звукозаписывающей и съемочной аппаратуры или съемку при помощи съемочного аппарата фактов из тайной сферы другого или без его согласия фактов из частной сферы, которые не должны быть доступны каждому. В диспозиции абз. 2 ст. 179 quater устанавливается уголовная ответственность за то, что лицо записывает или делает известным третьему лицу факт, о котором он знает или должен полагать, что он поступил в распоряжение лица в результате совершения преступного деяния, указанного в абз. 1. В диспозиции абз. 3 ст. 179 quater говорится о лице, хранящем или делающем доступным третьему лицу запись, о которой он знает или должен полагать, что она произведена в результате совершения преступного деяния, указанного в абз. 1 [4].

В уголовном законодательстве Германии в пятнадцатом разделе Уголовного кодекса ФРГ «Нарушение неприкосновенности тайны частной жизни» указывается, что тайну частной жизни составляют сведения, относящиеся к личной жизни, производственная или коммерческая тайна. Именно они являются предметом преступления «Нарушения тайны частной жизни», предусмотренного § 203 УК ФРГ. В соответствии с ч. 1 § 203 УК ФРГ предусматривается наказание тем лицам, «кто незаконно разглашает чужую тайну, относящуюся к личной жизни, производственную или коммерческую тайну, доверенную ему или ставшую ему известной».

Части 1, 2 § 203 УК ФРГ упоминают лиц и вид деятельности, когда субъект получает информацию, являющуюся чужой тайной, из первых рук: 1) при осуществлении профессиональной деятельности врача, стоматолога, или ветеринара, или фармацевта, или другого медицинского работника, что требует реализации соответствующего образования, если дан-

ное требование регулируется государством, 2) в порядке осуществления профессиональной деятельности психолога, если он был признан государством после научной аттестации, 3) в порядке осуществления адвокатской, нотариальной, защитной деятельности в судебном процессе, в качестве налогового инспектора, приведенного к присяге бухгалтера-ревизора, консультанта по налоговым вопросам, уполномоченного по сбору налогов или органа или члена такого органа общества налоговых инспекторов, бухгалтеров-ревизоров, консультантов и уполномоченных по налоговым вопросам, 4) при осуществлении деятельности советника по вопросам брака и семьи, образования и делам молодежи, советника наркологической службы в консультации, которая признана органом или корпорацией, учреждением или Фондом публичного права, 5) при осуществлении деятельности социального работника или социального педагога, в которой статус признан государством, или 6) при осуществлении деятельности представителя организаций частного сектора страховых агентств в связи со страхованием жизни от несчастных случаев и болезней.

В соответствии с ч. 2 ст. 203 подлежит наказанию лицо, разглашающее чужую тайну, связанную с личной жизнью или профессиональной или коммерческой деятельностью, доверенную ему в любой форме в ходе осуществления деятельности: должностного лица; лица, специально уполномоченного на выполнение публичных обязанностей; осуществляющего представительство рабочих и служащих в государственных учреждениях; членов Комиссии по расследованию деятельности законодательного органа Федерации или земли, другого Комитета или Совета, который сам не является членом законодательного органа или обслуживающего персонала такого Комитета или совета; публичного эксперта [5, с. 125–128].

Нарушение тайны частной жизни в Уголовном кодексе ФРГ является формальным составом.

Уголовный кодекс Польши 1997 г. отличается нетрадиционным подходом к построению Особенной части. В частности, в нем сформирована специальная гл. XXXIII «Преступления против охраны информации» [6, с. 201]. Критерием такого разграничения послужил предмет преступного воздействия, а не объект преступления. В данной главе польский законодатель разместил статьи об ответственности за нарушения неприкосновенности частной жизни, разглашении и незаконном использовании сведений, составляющих государственную,

служебную, профессиональную тайну, а также сведений, находящихся в государственных информационных ресурсах. Такой законодательный прием может быть использован и российским законодателем, тем более что некоторые ученые, учитывая польский опыт, полагают, что в Особенной части Уголовного кодекса РФ целесообразно выделить самостоятельный раздел «Преступления в сфере оборота информации» [7, с. 265].

Проведя сравнительный анализ уголовного законодательства ряда зарубежных стран с аналогичной нормой, закрепленной в Уголовном кодексе РФ, можно выделить следующее.

Во-первых, в уголовном законодательстве зарубежных стран нарушение права на неприкосновенность частной жизни подразумевает разный родовой объект.

В уголовном законодательстве Дании право на неприкосновенность частной жизни связывается с личной честью и определенными личными правами. Согласно уголовному законодательству Швейцарии охраняемым объектом является честь в области тайной и частной сферы, в Польше – общественные отношения в сфере охраны информации.

Во-вторых, содержание объективной стороны анализируемых преступлений в разных странах понимается по-разному. В Уголовном кодексе Дании устанавливается уголовная ответственность за передачу, перехват, фиксацию, наблюдение, прослушивание и записывание сведений о частной жизни. В Уголовном кодексе Испании – за завладение, использование или распространение сведений о частной жизни. Статья 179 quater Швейцарии говорит о хранении сведений о частной жизни. В УК

Швейцарии, Германии, Италии и Дании при совершении преступления предусмотрено применение специальных технических средств. Составы анализируемых нами преступлений различаются по законодательной конструкции. В уголовном законодательстве Дании и Франции его относят к материальным составам, а в таких странах, как Испания, Швейцария, это формальные составы.

В-третьих, зарубежное законодательство демонстрирует различное отношение к таким признакам, как «согласие лица» и «незаконность». Во французском, бельгийском, швейцарском признак «согласие лица» используется не наряду, как в российском законодательстве, а вместо признака «незаконность».

В-четвертых, субъективная сторона преступлений, посягающих на неприкосновенность частной жизни, по зарубежному законодательству заключается в умышленной вине. Что касается наличия в анализируемой норме уголовного права факультативных признаков мотива и цели, то в настоящее время мотив преступления выделяется в качестве обязательного признака состава из изученных нами лишь в УК Испании.

В-пятых, неоднозначна позиция зарубежного законодателя в отношении субъекта преступления. В одних случаях этот субъект общий, в других специальный.

Проведенный анализ конкретных статей уголовного законодательства Западной Европы позволил выявить различные легальные позиции, касающиеся вопросов уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни, которые могут послужить основой для научной дискуссии по совершенствованию ст. 137 УК РФ.

1. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецова, Ф.М. Решетникова. М., 1998.

2. Уголовный кодекс Дании / под ред. С.С. Беляева. М., 2001.

3. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.

4. Уголовный кодекс Швейцарии: пер. с нем. / под ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 2000.

5. Уголовный кодекс ФРГ / под ред. Н.Ф. Кузнецова, Ф.М. Решетникова. М., 1996.

6. Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001.

7. Милуков С.Ф. Средства массовой информации и преступность (криминология СМИ) // Правоведение. 2000. № 5.

1. Criminal code of Spain / ed. by N.F. Kuznetsov, F.M. Reshetnikov. Moscow, 1998.

2. Criminal code of Denmark / ed. by S.S. Belyaev. Moscow, 2001.

3. Criminal code of France. St. Petersburg, 2002.

4. Criminal code of Switzerland: transl. from German / ed. by N.F. Kuznetsov. Moscow, 2000.

5. Criminal code of the Federal Republic of Germany / ed. by N.F. Kuznetsov, F.M. Reshetnikov. Moscow, 1996.

6. Criminal code of the Republic of Poland. St. Petersburg, 2001.

7. Milyukov S.F. Media and crime (criminology of mass media) // Jurisprudence. 2000. № 5.

Иванцов Сергей Вячеславович

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры криминологии
 Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
 (e-mail: isv1970@mail.ru)

Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией криминологического прогнозирования. Раскрывается и обосновывается определяющая роль криминологического прогнозирования в планировании деятельности органов внутренних дел, их служб и подразделений. Анализируется практика прогнозирования преступности, раскрываются основные методы такой деятельности. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на вероятностный характер криминологического прогнозирования.

Ключевые слова: прогнозирование, планирование, предупреждение преступности, эффективность правоохранительной деятельности, криминологический прогноз.

S.V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot; e-mail: isv1970@mail.ru

Criminological forecasting and planning of crime prevention

The article considers the questions connected with the organization of criminological forecasting. Reveals and substantiates the crucial role of criminological forecasting in planning the activities of internal affairs agencies, services and departments. The practice of predicting crime, describes the basic methods of such activities. Special attention is paid to factors influencing the probabilistic nature of criminological forecasting.

Key words: forecasting, planning, prevention of crime, effectiveness of law enforcement activity, criminological prognosis.

Познание сущности любого социального явления, в том числе и криминального, закономерностей его возникновения и развития дает возможность прогнозировать его возможные изменения и, соответственно, каким-либо образом влиять на него. Эффективность такого воздействия зависит от надежности прогноза, который, в свою очередь, связан с «глубиной» познания исследуемого явления. Это в полной мере относится и к деятельности органов внутренних дел, перед которыми стоят достаточно сложные задачи по противодействию преступности и минимизации ее последствий.

Необходимость решения таких задач и определяет проведение дальнейшего реформирования органов внутренних дел, направленного на реализацию потребности российского общества в повышении доверия к ним и качественном «совершенствовании» их деятельности. При этом правовое и научно-методическое обеспечение такой правоохранительной деятельности должно в полной мере отвечать потребностям не только государства, но и общества. В этой связи вполне уместно

говорить о системности правового регулирования правоохранительной деятельности [1] как о насущной необходимости для органов внутренних дел.

Это объясняется необходимостью формирования особого системного подхода к обеспечению правового контроля над преступностью и ее различными формами. В деятельности правоохранительных органов такая системность должна обеспечить разработку и реализацию комплексных мер эффективного предупреждения преступности, обеспечиваемых системной научно обоснованной информацией о ее состоянии и правоохранительных приоритетах, реализация которых способна нейтрализовать внешние и внутренние факторы эскалации этого явления, минимизировать его криминальные последствия [2]. Такая система, без всякого сомнения, должна основываться на прогнозировании, суть которого заключается в научном предвидении тенденций, закономерностей и вариантов изменений преступности в ближайшем будущем.

Важность прогнозирования обусловлена тем, что именно прогнозы (прежде всего кра-

ткосрочные) «обслуживают» текущее планирование предупредительных мер и других направлений противодействия преступности. Значение планирования, в свою очередь, заключается не только в том, что оно придает повседневной работе системы предупреждения преступности целенаправленный характер и позволяет решить наиболее актуальные проблемы такой деятельности. Планирование – основа эффективной организации профилактической, оперативно-розыскной, следственной и иных направлений правоохранительной деятельности. Сама же процедура планирования основывается на последовательных этапах по осуществлению аналитических и прогностических действий, что предопределяет системную разработку основных мероприятий плана.

Очевидно, что предупреждение преступности, как и многие другие направления государственной деятельности, организуется в плановом порядке. Все планы предупредительных мероприятий должны составляться с учетом криминологических прогнозов, формируемых исходя из анализа криминологической обстановки.

Между тем, как показывает анализ практики прогнозирования, в территориальных подразделениях органов внутренних дел изучение криминологической обстановки зачастую ограничивается лишь статистическим анализом основных показателей преступности. Данный анализ нередко носит поверхностный характер и не позволяет создать в конечном итоге план профилактических мероприятий, адекватно отвечающий сложившейся криминогенной ситуации. В итоге сами планы не являются действенной программой, связанной с региональными особенностями в сфере защиты от противоправных посягательств. Нередко в таких планах отсутствуют не только конкретность и комплексность, но и системность, а также обоснованность планируемых мероприятий. Все это приводит к неэффективности выполнения управленческих решений, а «подгонка» под желаемый результат не позволяет в конечном счете эффективно осуществить комплекс запланированных мероприятий. Для недопущения таких ошибок должна проводиться глубокая аналитическая работа, учитывающая всю совокупность криминологически значимой информации на определенной территории. Выявленные при анализе различных материалов и проведении всех необходимых мероприятий закономерности и будут лежать в основе прогнозирования преступности [3].

Следует отметить, что криминологическое прогнозирование является процессом познания будущего состояния преступности и влияющих на ее изменения факторов. Криминологический прогноз – научно обоснованное вероятностное суждение о будущем состоянии явления (уровень, структура преступности, ее детерминанты и возможности противодействия ей), включающее качественную и количественную оценку предполагаемых изменений. Прогнозы преступности и других социальных явлений разрабатываются в виде качественных характеристик их развития (общее описание тенденций и ожидаемого характера изменений, начиная с утверждения о возможности или невозможности наступления определенных событий), количественных характеристик оценок прогнозируемых показателей и величины вероятностей достижения этих значений [4]. При этом основными задачами криминологического прогнозирования являются:

- выявление общих показателей, характеризующих изменение преступности в перспективе, выявление тенденций и закономерностей, а также способов воздействия на них;

- принятие соответствующих управленческих решений;

- разработка и выбор оптимальных путей совершенствования деятельности субъектов предупреждения преступности;

- определение эффективности и возможных последствий мер противодействия преступности;

- определение возможностей появления «новых» видов преступлений;

- установление возможного появления «новых» категорий преступников и установление возможности совершения преступления конкретным лицом.

При этом, как отмечают Г.А. Аванесов и С.Е. Вицин, неотъемлемыми составляющими частями криминологического прогноза являются описание и анализ прошлой, действующей и будущей «картины» преступности. Анализ изменения преступности во временных параметрах позволяет установить ее общие закономерности и возможные тенденции, которые служат «связующим звеном» описания действующей и прошлой ситуаций и установлением вероятных характеристик преступности в будущем. Важнейшей предпосылкой реального криминологического прогнозирования является обоснованная оценка состояния преступности в данный момент, которая берется за основу прогноза [5; 6] (включая латентную часть, определение которой представляет определенные трудности).

Как и любой прогноз, криминологический прогноз должен основываться на достоверной информации. Для этого, прежде всего, необходимо достаточное информационное обеспечение криминологического прогноза (как правило, не менее чем за 5 предыдущих лет), которое достигается путем использования следующей информации при проведении прогностического криминологического исследования:

статистических данных и результатов выборочных исследований, характеризующих состояние и тенденции социальных процессов, которые влияют на преступность (политических, экономических, управленческих, идеологических, социальных, демографических и др.);

данных о предполагаемых изменениях состояния и тенденций социальных процессов на прогнозируемый период;

статистических данных и результатов выборочных исследований, характеризующих состояние и тенденции «фоновых явлений» преступности;

статистических данных и результатов выборочных исследований, характеризующих состояние и динамику преступности;

статистических данных и результатов выборочных исследований, характеризующих практику применения мер противодействия преступности;

данных о запланированных на прогнозируемый период изменениях в правовом регулировании, организации и ресурсном обеспечении противодействия преступности;

данных о состоянии и тенденциях общественного мнения на момент подготовки прогноза по сравнению с данными за предыдущий период;

данных об относительно «новых» видах преступлений, новых формах и способах их совершения;

данных о преступлениях, имеющих межрегиональный, межгосударственный (транснациональный) характер;

данных о зарубежном опыте противодействия и прогнозах преступности [4].

Следует учитывать, что степень вероятности криминологического прогноза зависит от учета комплекса факторов, которые используют при прогнозировании. В процессе прогнозирования необходимо учитывать не только статистические данные о преступности, но и данные, характеризующие развитие и изменения других социальных явлений и процессов, которые имеют любое детерминистическое значение для преступности.

Прогноз преступности как основного элемента криминологического прогнозирования основывается на учете общих факторов детерминации преступности, факторов, детерминирующих преступность в регионе, причин, обуславливающих отдельные виды преступлений. Следует учитывать как негативные, так и позитивные общественные явления, способные влиять на преступность, которые могут вызвать рост преступности или привести к сокращению и изменению ее состояния и структуры (минимизация преступности). Создать систему, включающую экономические, правовые, политические, социально-демографические, социально-психологические, организационно-управленческие и другие факторы, влияющие на динамику и структуру преступности (криминогенные и антикриминогенные), – непростая задача. Объясняется это тем, что все перечисленные факторы тесно взаимосвязаны между собой и действуют одновременно (исключая или дополняя друг друга).

Криминологическая наука выделяет, как правило, три метода прогнозирования: экстраполяцию, моделирование и экспертизу. Сущность метода экстраполяции состоит в условном продолжении в будущее выявленных закономерностей прошлого и настоящего. Данный метод дает удовлетворительные результаты только лишь относительно ближайшего будущего, а по мере увеличения прогнозируемого временного интервала быстро прогрессируют ошибки в оценках, вследствие чего прогноз теряет свое значение. Стоит также отметить, что использование данного метода дает возможность правильно оценивать динамику определенных показателей преступности на перспективу лишь при условии стабильности действия криминогенных и антикриминогенных факторов.

Основной гипотезой, которой следует руководствоваться при применении метода экстраполяции, является то, что обнаруженные в процессе анализа тенденции сохраняются в течение ограниченного промежутка времени. Для этого формируют динамические ряды (на основании абсолютных показателей и коэффициентов) по годам определенного периода, непосредственно предшествующего прогнозируемому, которые отражают направленность и характер соответствующих изменений.

Важно отметить, что ряды показателей преступности должны формироваться из числа системообразующих (относительно преступности) факторов. То есть экстраполировать необходимо лишь те показатели преступности, кото-

рые могут быть детерминированы какими-либо факторами. При простой экстраполяции продлению на будущее подлежит динамический ряд количественных показателей преступности в целом (ее уровня, коэффициентов интенсивности, относительных показателей динамики).

Составляющая экстраполяция проводится по структурным частям преступности (отдельным видам, частям), выделенным по определенным основаниям: объекту, субъекту, способу совершения, мотиву, месту, времени и т.п. Составляющая экстраполяция часто проводится параллельно с простой для получения дополнительной информации относительно общего прогноза преступности (например, выявление видов преступности, которые имеют наибольшую динамику изменений и влияют на общую динамику).

Сложная экстраполяция позволяет не только выявить дополнительные показатели отдельных видов преступности (как по составляющей экстраполяции), но и определить их зависимости, возможное будущее влияние на прогнозируемые показатели преступности в целом, благодаря чему они могут определенным образом корректироваться, уточняться.

Метод экстраполяции чаще всего применяется при прогнозировании количественных показателей, когда известна предыстория их изменений. Недостаток этого метода заключается в том, что он дает удовлетворительные результаты только в отношении ближайшего времени (чем меньше период, тем точнее прогноз). При этом прогнозы преступности, основанные на методе экстраполяции, имеют значение лишь как первоочередной параметр, который позволяет выявить развитие тенденций и продолжить изучение и анализ с помощью других методов.

Сущность метода моделирования состоит в создании модели какого-либо криминологического объекта на основе уже установленных характеристик, связей и закономерностей. Множественная корреляция позволяет в определенной степени учитывать как роль стихийных влияний, так и воздействий, которые сознательно регулируются системой противодействия преступности. Модель является искусственным воспроизведением определенного явления (или процесса), которое существовало, существует или может существовать в действительности, воплощением логических представлений (предположений) субъекта прогнозирования о том или ином объекте в форме мысленных образов.

Для прогностического моделирования особое значение имеет математическая модель множественной корреляции (статистически вероятной связи между множественностью социальных факторов и преступностью). Чем больше коэффициент корреляции, тем выше зависимость между явлениями. Это определяет вероятность того, что с изменением криминального или социального фактора изменится и сама преступность.

Преимуществом этого метода является то, что он позволяет абстрагироваться от несущественных свойств прогнозируемого явления и обратиться к важнейшим его сторонам. Математическое моделирование преступности эффективно для прогноза показателей состояния преступности, ее интенсивности, динамики, структуры, ее общественной опасности, а также связи с другими социальными явлениями. Его сложность заключается в недостаточном познании факторов преступности и механизма их действия, степени связи этих факторов с преступностью. Самым эффективным этот метод является для краткосрочных прогнозов.

Эффективное применение метода моделирования с целью построения математической модели множественной корреляции (статистически вероятной связи между множественностью социальных факторов и преступностью) на сегодня, к сожалению, проблематично в силу отсутствия соответствующего ресурсного обеспечения, прежде всего информационного (особенности системы учета преступлений). Но криминологическое моделирование может быть представлено и графическим отображением определенных тенденций и закономерностей в виде таблиц, графиков, схем, диаграмм, матриц и т.д.

В прогнозировании преступности определенную пользу приносят экспертные методы. Они являются наиболее подходящими для решения прогностических задач, когда исходная информация либо недостаточна, либо отсутствует, либо не поддается формализации, а также когда есть основания предполагать скачкообразные изменения или разрывы в развитии. Для успеха использования данного метода необходимо, чтобы в качестве экспертов привлекались наиболее квалифицированные специалисты (эксперты), хорошо знающие объект экспертизы, а также важно, чтобы количество экспертов было достаточным для последующей статистической обработки их мнений с целью выявления ведущего мнения [7].

При применении указанного метода учитываются мнения, основанные на обобщении опыта исследований или разработок в прогнозируемой области. Такой метод, как правило, используется при прогнозировании в определенной сфере (например, в отношении отдельных видов преступлений). В основе применения метода экспертной оценки лежит предположение о наличии у специалиста определенного уровня практических знаний в какой-либо области или практической деятельности. Ценность данного метода заключается в том, что специалист, высказывая свое мнение о прогнозируемом явлении или событии, использует свой опыт, интуицию и профессиональные навыки. Указанный метод является наиболее эффективным для среднесрочного прогнозирования.

Следует учитывать, что построение прогнозных выводов в некоторых случаях требует осуществления комплексных прогнозов, которые, в свою очередь, требуют применения нескольких методов прогнозирования в различных вариациях. Чем больше методов используется при криминологическом прогнозировании, тем объективнее будет полученная информация, которая является основой планирования и организации деятельности субъектов противодействия преступности.

Не стоит забывать, что прогнозы преступности по своей природе имеют вероятностный характер. Криминологический прогноз – научно обоснованное, но вероятное суждение о будущем состоянии явления, включающее качественную и количественную оценку предполагаемых изменений. Получение реальной информации путем обработки статистических данных невозможно без исчерпывающей правовой статистики. Постоянная смена формы и содержания статистической отчетности, неполнота регистрации соответствующей информации (через естественную и искусственную латентность), несовершенство уголовно-процессуального законодательства и ошибки в уголовно-правовой квалификации практических работников не позволяют с определенностью составить криминологический прогноз. Суждения и оценки экспертов в определенной степени также ограничены их субъективным характером.

Иными словами, на основе криминологического прогноза можно лишь предполагать (с большей или меньшей вероятностью), что в будущем преступность претерпит те или иные изменения, но не утверждать это в качестве абсолютно бесспорного факта. Очевидно, что

вероятность значительных отклонений реальных изменений состояния преступности существует. Это обусловлено как объективными (например, возможность резких изменений в экономике), так и субъективными факторами (например, изменения статистических показателей преступности, обусловленные несовершенством существующей системы критериев оценки деятельности ОВД).

Однако данный вероятностный характер не стоит рассматривать как недостаток, поскольку в планировании мероприятий по предупреждению преступлений закладывается цель недопущения негативных выводов прогноза. Основная же цель прогнозирования состоит не в предсказании развития преступности, а в значительном повышении научного уровня планирования предупредительной деятельности. Будучи итогом прогнозирования, криминологический прогноз является исходной базой для планирования и практической реализации мер по противодействию преступности (ее отдельных видов) или предупреждению отдельных преступлений.

То есть результаты криминологического прогнозирования лежат в основе всей системы организации противодействия преступности (принятия соответствующих законодательных решений, проведения криминологических экспертиз законопроектов и других нормативно-правовых актов, разработки специальных программ и конкретных мероприятий, материально-технического обеспечения правоохранительной деятельности, криминологического информирования населения и т.д.). Конечной (главной) целью криминологического прогнозирования является повышение степени научной обоснованности планов, программ и других решений в сфере противодействия преступности. Именно в планах с учетом криминологических прогнозов дается оценка оперативной обстановки и определяются мероприятия по наиболее оптимальной расстановке сил и средств, по подготовке и проведению различного рода мероприятий, их организационно-техническому и иному обеспечению.

Важно отметить, что при использовании в планировании мер борьбы с преступностью криминологических прогнозов соответствующие планы должны не только ориентироваться на наиболее неблагоприятный вариант прогноза, но и предусматривать определенные резервы на тот случай, если в действительности, вопреки прогнозу, возникнут непредвиденные обстоятельства. Другими

словами, на этапе планирования целесообразней готовиться к худшему варианту прогноза с тем, чтобы в действительности при всех условиях добиться лучшего конечного результата. Между тем в настоящее время перед органами внутренних дел стоит задача по разработке и реализации комплексных мер эффективного предупреждения преступности, что предполагает не только значимость, но и качество прогнозирования,

направленного на достижение соответствия планируемых мероприятий складывающейся оперативной обстановке. При этом цели и задачи, стоящие перед органами внутренних дел, должны соотноситься в вопросах планируемых мероприятий с решением ключевых проблем и обеспечением реагирования на развитие тенденций (прежде всего негативных) в криминогенной обстановке как в стране, так и в отдельном регионе.

1. Вицин С.Е. *Системный подход и преступность*. М., 1980.

2. Иванцов С.В. *Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности* // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. 2014. № 11.

3. Иванцов С.В. *Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности* // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. 2015. № 7.

4. Аванесов Г.А., Вицин С.Е. *Прогнозирование и организация борьбы с преступностью*. М., 1972.

5. Аванесов Г.А. *Теория и методология криминологического прогнозирования*. М., 1972.

6. Вицин С.Е. *Методика краткосрочного прогнозирования оперативной обстановки в регионе*. М., 1995.

7. Суслова Г.Н. *Региональные комплексные программы по усилению борьбы с преступностью: теоретические аспекты разработки и механизм реализации (по материалам Центрального федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2004.

1. Vitsin S.E. *Systematic approach and crime*. Moscow, 1980.

2. Ivantsov S.V. *Theoretical background for the development of a systematic approach in criminological studies of crime* // *Bull. of Moscow university of the MIA of Russia*. 2014. № 11.

3. Ivantsov S.V. *Planning of activity of internal affairs bodies in the system of legal regulation of prevention* // *Bull. of Moscow university of the MIA of Russia*. 2015. № 7.

4. Avanesov G.A., Vitsin S.E. *Prediction and organization of the fight against crime*. Moscow, 1972.

5. Avanesov G.A. *Theory and methodology of criminological forecasting*. Moscow, 1972.

6. Vitsin S.E. *Method for short-term forecasting of the operational situation in the region*. Moscow, 1995.

7. Suslova G.N. *Regional integrated programme for strengthening of fight against crime: theoretical aspects of the design and the implementation mechanism (Central federal district materials): auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2004.

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

Криминологический анализ социально-демографических характеристик жертв насильственных преступлений

В статье изложены результаты исследования виктимологической характеристики насильственных преступлений на массовом уровне их воспроизводства. На основании изучения материалов рассмотренных судами архивных уголовных дел по 860 эпизодам совершения насильственных преступлений установлен социально-демографический портрет жертвы насильственных преступлений.

Ключевые слова: насилие, преступление, жертва, поведение, виктимность.

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Senior Researcher, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Criminological analysis of the socio-demographic characteristics of victims of violent crimes

The article presents results of the research of victimological characteristic of violent crimes at massive scale of their reproduction. Bases on the examination of the materials of considered in courts archival criminal cases of 860 episodes of violent offences, the article ascertains socio-demographic portrait of the victim of violent crimes.

Key words: violence, crime, victim, behaviour, victimological characteristic.

Исследование насильственных преступлений и эффективное противодействие им невозможны без виктимологического анализа, т.е. без исследования жертвы преступления, взаимосвязи жертвы преступления с преступником и другого влияния жертвы на совершение преступления [1; 2, с. 174–176]. Как справедливо отмечает А.Н. Ильяшенко, становится все более очевидным, что только комплексное и всестороннее изучение личности преступника и его жертвы, их взаимоотношений, объективной роли, которую каждый из них сыграл в противоправном акте, позволяет сделать точный и правильный вывод об ответственности виновного в преступлении, а также установить обстоятельства, способствующие его совершению. С другой стороны, знание личностных особенностей жертвы, ее роли в зарождении и развитии преступления, анализ и характеристика отношений между преступником и потерпевшим с позиций свойств жертвы и ее поведения значительно расширяют возможности профилактики и борьбы с преступностью [3, с. 158]. Виктимность – это социальное, психологическое и моральное отклонение от норм безопасного поведения, которое предопределяет потенциальную и реальную способность

лица стать жертвой преступления [4, с. 8]. Соответствующие свойства жертвы привлекают внимание преступника, формируют у него намерение совершить преступление [5; 6, с. 154–157]. Таким образом, лишь виктимологический анализ насильственных преступлений делает возможным более глубокое и всестороннее изучение личности преступника, самого деяния и механизма его совершения.

Разным аспектам виктимологических исследований посвящены работы А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, А.Ю. Арефьева, А.В. Астрашарова, Б.А. Блиндера, К.В. Вишневецкого, Л.Л. Гоголевой, В.А. Глушкова, П.С. Дагеля, И.Н. Даньшина, А.И. Долговой, А.Н. Джужи, А.П. Закалюка, А.Н. Ильяшенко, В.Г. Коноваловой, М.И. Коржанского, А.Н. Костенко, Н.Ф. Кузнецовой, И.И. Лановенко, С.Я. Лебедева, В.Г. Лихолоба, А.И. Михайлова, А.Е. Михайлова, Г.М. Миньковского, В.И. Полубинского, Д.В. Ривмана, В.Я. Рыболовецкой, С.В. Соболевой, А.Д. Тартаковского, В.О. Тулякова, И.К. Туркевич, В.С. Устинова, Т.Д. Цибуленко, Н.В. Яницкой и др. Однако, несмотря на разработанность данной темы, в криминологической науке существует ряд проблемных вопросов, связанных как со сложностью фе-

номена криминального насилия, динамичностью развития социума и преступности как его составляющей и, как следствие, интенсивной эскалацией насилия во все сферы жизнедеятельности общества, так и с отсутствием современных объективных данных о состоянии преступности и отдельных ее видов. В полной мере указанное выше касается и виктимологической составляющей современной насильственной преступности.

В целях установления виктимологической характеристики насильственных преступлений нами были изучены материалы архивных уголовных дел по 860 эпизодам совершения насильственных преступлений: умышленное убийство – 107 эпизодов/119 жертв; умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения – 48 эпизодов/48 жертв; умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка – 26 эпизодов/26 жертв; умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания преступника – 89 эпизодов/89 жертв; доведение до самоубийства – 14 эпизодов/14 жертв; умышленное тяжкое телесное повреждение – 61 эпизод/63 жертвы; умышленное средней тяжести телесное повреждение – 33 эпизода/33 жертвы; умышленное тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения – 14 эпизодов/14 жертв; умышленное причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника – 42 эпизода/42 жертвы; умышленное легкое телесное повреждение – 19 эпизодов/19 жертв; побои и истязание – 4 эпизода/4 жертвы; пытки – 17 эпизодов/17 жертв; угроза убийством – 7 эпизодов/7 жертв; незаконное лишение свободы или похищение человека – 34 эпизода/36 жертв; изнасилование – 81 эпизод/84 жертвы; насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом – 51 эпизод/53 жертвы; грабеж – 72 эпизода/75 жертв; разбой – 68 эпизодов/73 жертвы; вымогательство – 28 эпизодов/30 жертв; хулиганство – 45 эпизодов/40 жертв. Таким образом, проведенное нами исследование материалов уголовных дел позволило выявить особенности виктимологической характеристики современной насильственной преступности на основе изучения соответствующих характеристик 886 жертв преступлений данного вида. При этом мы исходили из того, что, учитывая специфику преступного насильственного поведения, по сути являющегося общественным отношением

по типу «субъект – субъект», методологически верным, на наш взгляд, является анализ особенностей личности и поведения жертвы насильственного преступления на той же основе, на которой исследуется личность преступника.

Демографические и социально-ролевые признаки потерпевших имеют определенное криминологическое значение в качестве условий, делающих лицо восприимчивым к насилию и ставящих его в позицию жертвы [7, с. 70]. Поэтому социально-демографические характеристики жертв насильственных преступлений имеют важное криминологическое значение.

Пол. Жертва насильственных преступлений – преимущественно лицо мужского пола (63,7 % против 36,3 % лиц женского пола). Данное распределение подтверждается результатами других отечественных и зарубежных исследований, согласно которым подавляющее большинство потерпевших от насильственных преступлений – мужчины, а потерпевшие-женщины составляли около 20% [8, с. 229–231; 9, с. 64–70; 10, с. 36]. При этом следует учитывать, что для отдельных видов насильственных преступлений характерна именно виктимность лиц женского пола. Так, например, повышенной степенью виктимности обладают члены семьи женского пола, удельный вес которых среди жертв внутрисемейных насильственных преступлений составляет 75,8% [11, с. 255; 12, с. 33–34].

Анализируя такую ситуацию сквозь призму результатов виктимологических исследований, мы пришли к заключению, что она обусловлена совокупностью виктимных признаков, присущих именно мужчинам. В частности, это касается социально-психологических особенностей. Во-первых, у мужчины больше шансов быть воспринятым преступником в качестве угрозы. Во-вторых, для мужчины более характерны особенности, являющиеся социально-психологическими факторами виктимизации: неспособность признать свою вину в своих неудачах и собственную неправоту; ориентация на обогащение любой ценой; практически полное отсутствие или ограниченность моральных принципов; склонность к риску и острым ощущениям; ощущение ошибочно принятой безопасности; групповая аутичность; эгоизм; демонстративность; детерминация смысла жизни потребностью к риску, принятию участия в разного рода операциях, контактах, испытанию острых ощущений, включению в эмоционально возбудимые ситуации и т.п. [13, с. 18–27]. К этому также следует добавить такие характерные именно для мужчин факторы,

как злоупотребление спиртными напитками, выполнение общественного долга, положительное поведение, невыгодное другому лицу, особая профессиональная принадлежность или род занятий [14, с. 180].

Возраст. Среди жертв насильственных преступлений преобладают лица возрастной категории 31–40 лет (20,8%). Вторая и третья наиболее многочисленные группы – лица возрастом 41–60 лет (19,5%) и 26–30 лет (18,1%). На остальные возрастные категории приходится следующее распределение процента жертв: 18–25 лет – 15,3%, старше 60 лет – 5,7%, 15–17 лет – 4,1%, 12–14 лет – 2,1%.

Значительная часть насильственных преступлений совершается в отношении лиц младше трех лет – 12,4%. Это объясняется не только стопроцентным показателем по убийствам матерью своего новорожденного ребенка, но и значительными показателями по преступлениям, от которых грудные дети наименее защищены: умышленный легкий или средней тяжести вред здоровью, побои и истязания, похищение человека.

Обращает на себя внимание тот факт, что более 60% жертв насильственных преступлений составляют лица в возрасте старше 26 лет. Причина этого, на наш взгляд, кроется в том, что приблизительно с этого возраста лицо достигает зрелости, становится максимально активным самостоятельным человеком, полностью выходит из-под опеки родителей, воспитателей, опекунов и других лиц, принимает подавляющее большинство решений самостоятельно, в том числе те, которые связаны с виктимным поведением. Это приводит к двум несколько противоположным, но не исключаящим друг друга выводам: первый – вероятность человека стать жертвой преступления снижается благодаря наличию рядом с ним близких, которые могут уберечь его от опасного решения или поведения; второй – характер отношений с родителями и лицами, их заменяющими, прямо влияет на вероятность последующего виктимного поведения лица: ситуация тотального сдерживания и контроля, слишком строгое воспитание или, наоборот, слишком мягкое отношение, гиперопека и другие отрицательные характеристики этих отношений после выхода в зрелую жизнь с большой вероятностью приведут к опасному желанию ощутить свободу или к неготовности преодолевать опасности реальной самостоятельной жизни.

Семейное положение. Установлено, что в большинстве случаев (46,6%) жертвами насильственных преступлений становятся неженатые лица, 6,3% – разведенные, 4,8% – вдов-

цы или вдовы. Соответственно, на долю лиц, находящихся в официальном браке, приходится 27,3%, в гражданском – 15% насильственных преступлений.

Считается, что отсутствие семьи и детей предоставляет широкую свободу действий, понижает чувство ответственности за свое поведение, что является предпосылкой не только для совершения насильственного преступления, но и виктимизации [15]. Собственно, наличие детей и стабильных семейных отношений является сдерживающим фактором как для криминогенных, так и для виктимных проявлений [16, с. 83–92].

На первый взгляд, результаты наших исследований совпадают с указанной зависимостью. Тем не менее, если не учитывать 18,6% лиц в возрасте до 17 лет, вероятность пребывания в браке которых ничтожно мала, то в 42,3% случаев против 39,1% жертвой является лицо, имеющее спутника жизни. Такой результат исследования показывает, что в отличие от родителей и других лиц, которые их заменяют, жена, муж, дети в большинстве случаев не являются теми лицами, которые могут уберечь от виктимного поведения.

Кроме того, обращает внимание, что большую часть среди находящихся в браке составляют лица, против которых совершены умышленные преступления против жизни и здоровья (убийства и умышленный вред здоровью), а среди неженатых – насильственные преступления корыстной направленности (разбой, грабеж). Эти данные коррелируют с полученными данными относительно отношений преступника с жертвой – большинство преступлений против состоящих в браке лиц совершаются их знакомыми и родственниками, с которыми у преступника были стойкие неприязненные или конфликтные отношения, а против неженатых – случайными лицами, с которыми отношения не поддерживались, были случайными, в том числе неприязненными, бесконфликтными (нормальными) или даже дружескими. Это, на наш взгляд, свидетельствует о повышенном риске для лиц, состоящих в браке, стать жертвами ситуативного насильственного преступления. Так, установлено, что в сфере семейных отношений провокации жертвы чаще всего имеют продолжительный характер и протекают в рамках конфликтных ситуаций. А долговременное негативное влияние на психику члена семьи «аккумулирует» в нем ненависть и, в конечном итоге, может привести к тому, что какой-нибудь незначительный инцидент породит бурную агрессивную-насильственную реакцию [17, с. 89–99].

Образование. Анализ образовательного уровня жертвы насильственных преступлений показал, что наибольший удельный вес приходится на группу лиц, имеющих среднее образование – 48,8%. Далее идут лица со средним специальным образованием – 29,3%, неполным средним образованием – 8,8%. Лица с высшим образованием становились жертвой насильственного преступления в 8% случаев, 3% – с незаконченным высшим, 2,2% – с начальным средним образованием.

Следует отметить, что соотношение жертв насильственных преступлений по образованию практически совпадает с общегосударственным уровнем образования населения в целом. Несмотря на подавляющее большинство жертв со средним образованием, часть лиц среди жертв с высшим образованием на фоне их доли в населении страны в целом довольно значительна.

Таким образом, закономерность связи высокого уровня виктимности с низким и средним уровнем образования [15, с. 115] сохраняется, но высокий показатель виктимности лиц с высшим образованием указывает на то, что высшее образование перестало быть однозначным фактором снижения проявления отрицательных человеческих черт, способствующих виктимизации лица и более присущих малообразованным лицам: эгоистические инстинкты, отсутствие критической оценки собственного поведения, узкий кругозор, примитивные потребности и интересы, культ грубой физической силы, пренебрежение к нравственно-культурным нормам, несдержанность эмоций, беспринципность, грубость, наглость, склонность к созданию конфликтных ситуаций, в ходе которых лицо не может правильно оценить характер своего поведения и предусмотреть дальнейшие действия преступника [16, с. 93–104].

Социальное положение. Исследование показало, что в 44,1% случаев жертвами насильственных преступлений становятся работники, занимающиеся неквалифицированным и низко квалифицированным трудом. Далее идут лица, которые не работают, не учатся – 25,5%. Значительная часть приходится на наименее защищенные слои населения: пенсионеров – 10,6% и учеников (учениц) СОШ (СПТУ) – 8,4%.

Такое распределение в первую очередь связано с невысоким образовательным (а значит, и интеллектуальным) уровнем жертв преступлений, что во многом определяет род занятий и образ жизни потерпевшего. Кроме того, следует обратить внимание на значительную

часть жертв, которые не работают и не учатся. Эта категория явно охватывает и лиц, которые, хоть и получили высшее, среднее специальное образование, тем не менее, не нашли себя в этой жизни, что обычно связано с низким качеством получаемого в наше время образования, а также с несоответствием реального уровня профессионализма лица с указанным в документе об образовании, а значит, с несовпадением ожиданий от повышения уровня образования и реального состояния вещей. Все это приводит к маргинальности и низкому уровню дохода этих лиц, что, как справедливо отмечает В.А. Туляков, является спутником виктимизации [4, с. 247].

Таким образом, проведенный анализ социально-демографических характеристик жертв насильственных преступлений показал, что наибольшую виктимность проявляют мужчины в возрасте 31–40 лет. В целом более половины жертв насильственных преступлений составляют лица в возрасте старше 26 лет, т.е. в возрасте, по достижении которого лицо достигает зрелости, становится максимально активным, самостоятельным членом общества. Значительная часть насильственных преступлений совершается в отношении лиц младше трех лет. Преобладание среди жертв насильственных преступлений лиц мужского пола обусловлено совокупностью виктимных признаков, присущих именно мужчинам. В то же время для отдельных видов насильственных преступлений характерна именно виктимность лиц женского пола. В большинстве случаев жертвами насильственных преступлений становятся неженатые лица. Однако в отличие от родителей и других лиц, которые их заменяют, жена, муж, дети в большинстве случаев не являются теми лицами, которые могут уберечь от виктимного поведения. Несмотря на подавляющее большинство жертв со средним (общим или специальным) образованием, среди жертв часть лиц с высшим образованием на фоне их доли в населении страны в целом довольно значительна. Это указывает и на то, что высшее образование перестало быть однозначным фактором снижения проявления отрицательных характеристик, способствующих виктимизации лица. Большинство жертв насильственных преступлений занято неквалифицированным и малоквалифицированным трудом (рабочие) или безработные и не учащиеся, что в первую очередь связано с образовательным (а значит, и интеллектуальным) уровнем жертв преступлений, который во многом определяет род занятий и образ жизни человека.

1. Вишневецкий К.В., Лебедев С.Я. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе. М., 2012.
2. Вишневецкий К.В., Палазян А.С. Девиктимизация и виктимологическое предупреждение преступности как условия обеспечения виктимологической безопасности // Общество и право. 2012. № 1.
3. Ильяшенко А.Н. Типология жертв насильственных преступлений, совершаемых в семье // Общество и право. 2012. № 4(41).
4. Туляков В.А. Виктимология (социальные и криминологические проблемы). Одесса, 2000.
5. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация и десоциализация личности: опыт виктимологических исследований в России и зарубежных странах. Краснодар, 2012.
6. Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10.
7. Сазонова Н.И. Психические аномалии и их криминогенность // Преступное поведение (новые исследования): сб. науч. тр. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М., 2002.
8. Вишневецкий К.В. Виктимологическая характеристика насильственной преступности // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2013.
9. Вишневецкий К.В. К вопросу виктимности женщин в современном обществе // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2012.
10. Юрченко О.Ю. Роль виктимного поведения потерпевших при совершении тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья человека в Украине. Харьков, 2004.
11. Ильяшенко А.Н. Потерпевший в механизме совершения насильственных преступлений в семье // Общество и право. 2012. № 3(40).
12. Ильяшенко А.Н., Шмарин П.В. Криминологическая характеристика жертв насилия в семье // Рос. следователь. 2005. № 5.
13. Литвинов А.Н. Виктимизация: факторы, анализ, меры противодействия: учеб. пособие. Харьков, 2009.
14. Шинкевич Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
15. Иванова Л.М. Корыстно-насильственные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение / науч. ред. А.Л. Репецкая. Иркутск, 2008.
16. Гумин А.М. Особенности криминологического анализа жертв насильственных преступлений // Вестн. Луганск. гос. ун-та внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. 2010. № 1.
17. Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье // Право и политика. 2003. № 1.
1. Vishnevetsky K.V., Lebedev S.Ya. Criminological victimization of social groups in contemporary society. Moscow, 2012.
2. Vishnevetsky K.V., Palazyan A.S. Devictimization and victimological crime prevention as conditions of victimological security // Society and law. 2012. № 1.
3. Ilyashenko A.N. Typology of victims of violent crimes committed in the family // Society and law. 2012. № 4(41).
4. Tulyakov V.A. Victimology (social and criminological problems). Odessa, 2000.
5. Vishnevetsky K.V. Criminogenic victimization and desocialization of an individual: experience of victimological research in Russia and foreign countries. Krasnodar, 2012.
6. Vishnevetsky K.V. Mechanism of victimological determination // Theory and practice of social development. 2014. № 10.
7. Sazonova N.I. Psychological anomalies and their criminogenic characteristics // Criminal behaviour (new research): coll. of sci. papers / ed. by Yu.M. Antonyan. Moscow, 2013.
8. Vishnevetsky K.V. Victimological characteristic of violent crime // Contemporary problems of criminal politics : proc. of the IV Intern. sci.-pract. conf. / gen. ed. by A.N. Ilyashenko. Krasnodar, 2013.
9. Vishnevetsky K.V. To the question of women' victimology in contemporary society // Urgent problems of law and law enforcement activity on contemporary stage: proc. of Intern. sci.-pract. conf. Krasnodar, 2012.
10. Yurchenko O.Yu. Role of victimous behaviour of the victims of grievous violent crimes against life and health of individual in Ukraine: diss. ... Master of Law. Kharkov, 2004.
11. Ilyashenko A.N. Victim in the Mechanism of violent crimes committed in the family // Society and law. 2012. № 3(40).
12. Ilyashenko A.N., Shmarion P.V. Criminological characteristic of the victims of violence in the family // Russian investigator. 2005. № 5.
13. Litvinov A.N. Victimization: factors, analysis, preventive measures: study aid. Kharkov, 2009.
14. Shynkevich N.E. Urgent problems of criminalistic victimology: diss. ... Master of Law. Moscow, 2005.
15. Ivanova L.M. Mercenary-violent crimes against juveniles: criminological characteristic and prevention / ed. by A.L. Repetskaya. Irkutsk, 2008.
16. Gumin A.M. Peculiarities of criminological analysis of the victims of violent crimes // Bull. of E.O. Didorenko Lugansk State University of Internal Affairs. 2010. № 1.
17. Ilyashenko A.N. Victimological problems of violent crime in the family // Law and politics. 2003. № 1.

Клюковская Ирина Николаевна
 доктор юридических наук, профессор,
 заведующая кафедрой теории и истории государства и права
 Северо-Кавказского федерального университета

Клюковская Илона Владимировна
 кандидат юридических наук,
 доцент кафедры теории и истории государства и права
 Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: +78652354446)

«Коррупциология»: становление и перспективы развития в российской криминологии

В статье рассмотрены тенденции развития науки криминологии. Представлены основные аргументы возникновения, становления и развития криминологических теорий, влияющих на совершенствование науки криминологии, в частности формирования коррупциологии как частного научного направления криминологии, которое позволит придать системность научным знаниям предмета исследования и в случае объективной потребности провести обособление научного направления в пределах отраслевой юридической науки; сформировать целеполагающую направленность научной деятельности по противодействию коррупции; обеспечить профессиональную подготовку тех, кому надлежит реализовать программу антикоррупционной политики.

Ключевые слова: криминология, структура криминологии, частные направления криминологии, коррупция, коррупциология.

I.N. Klyukovskaya, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Federal University;

I.V. Klyukovskaya, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

«Corruptiology»: formations and perspectives of development in Russian criminology

In the article tendencies of development of science of criminology are considered. The main arguments of emergence, formation and development of the criminological theories influencing improvement of science of criminology, in particular formations of a corruptiology as the private scientific direction of criminology are presented. Corruptiology will allow to give system character to scientific knowledge of an object of research and in case of objective requirement to carry out isolation of the scientific direction within branch jurisprudence; to create a target-main orientation of scientific activities for corruption counteraction; to provide vocational training of those who should realize the program of anti-corruption policy.

Key words: criminology, structure of criminology, particular directions of criminology, corruption, corruptiology.

Среди общественных наук, в частности юридических, наука криминология сравнительно молода. Впервые термин «криминология» появился в конце XIX столетия. Название науки образовано из двух слов: латинского «преступление» и греческого «учение». Дословный перевод: криминология – наука о преступности. Хотя следует признать, что рассуждения о причинах и условиях преступности и способах противодействия ей встречаются еще в трудах римских и греческих мыслителей.

Сегодня перед наукой встанут новые проблемы и задачи, возникает потребность анализа ее основ, оценки их с методологической точки зрения. В современных условиях логическая структура теории науки криминологии должна отразить более высокую зрелость ее предмета и показать в системе научных понятий изменение характера социального содержания и степени развития общества в целом. Постоянное увеличение объема знаний и углубление их содержания составляют суть процесса движения познания, переход к более высокой ступени криминологической теории.

Аргументами, определяющими перспективу дальнейшего развития предмета криминологии, следует признать тенденцию интеграции и дифференциации знаний о преступности, объективных и субъективных факторах, ее порождающих, мерах борьбы с ней и т.п. В этой связи примечательны, во-первых, критическое переосмысление ранее используемых методов познания предмета исследования с целью обогащения методами, теориями ряда других наук и, во-вторых, дифференциация предмета познания с целью сужения сферы конкретного научного поиска, дающего возможность углубленного проникновения в сущность предмета, формирование подхода к новым аспектам исследуемого явления.

Накопление нового фактического материала в криминологии является эмпирической базой и способствует количественному и качественному росту знаний. К этому следует добавить накопление знаний на стыке криминологии с другими науками: философией, политологией, социологией, психологией и иными науками, позволяющими раскрыть новые аспекты и характеристики явлений.

Естественно, накопление криминологического эмпирического материала требует теоретического осмысления. Только теоретико-методологическая основа, поднимаясь над эмпирическим материалом криминологии, выделяет из множества конкретных явлений устойчивое, необходимое и всеобщее, соединяет его с помощью своего понятийного аппарата, определяющего структуру теории, в систему научных знаний.

В связи с этим немаловажным представляется вопрос о структуре криминологии и ее значении как для развития и углубления юридических знаний, так и для их систематизации. В отечественной криминологии принято выделять Общую и Особенную части. В Общей части криминологические явления и понятия анализируются в целом, на более абстрактном (обобщенном) уровне, без выделения особенностей отдельных видов преступлений. Особенная часть посвящена криминологическому анализу отдельных видов преступлений и их профилактике. Представляется, что такое деление является следствием генетических – уголовно-правовых – корней отечественной криминологии. Следует отметить, что ни зарубежная криминология, ни отечественные работы последних лет не знают разделения на общую и особенную части.

Зато все большую распространенность приобретает выделение частных криминологиче-

ских теорий (дисциплин), сформировавшихся в процессе исторического развития криминологии: виктимологии, пенитенциарной криминологии, географии преступности, семейной криминологии, криминология политической преступности и др.

Обратимся к традиционной в отечественной криминологии корыстной преступности, сформировавшейся в самостоятельный вид по мотивации преступного поведения – корысти. При всей очевидности данного мотива проблема выделения преступлений в группу корыстных достаточно сложна. Объективно по корыстным побуждениям могут совершаться преступления, посягающие на самые разные объекты: против собственности, личности, государства, правосудия, здоровья населения, управления и т.д. [1, с. 232–242].

Коррупционная преступность, выступая сегментом корыстной преступности, проявляется непосредственно в коррупционных связях и отношениях как в России, так и за рубежом. При этом коррупционные правонарушения во многих странах мира выделены в относительно самостоятельную научную отрасль знаний. И вероятно, этому имеются соответствующие обоснования: экономические, социальные, криминологические и даже политические.

Сегодня обеспечение противодействия коррупционной преступности, по всей видимости, и для российской правовой науки объективно требует оформления междисциплинарного учения, дающего возможность, прежде всего, придать системность научным знаниям предмета исследования; в случае объективной потребности провести обособление научного направления в пределах отраслевых юридических наук; далее, сформировать целеполагающую направленность научной деятельности по противодействию коррупции; и, наконец, обеспечить профессиональную подготовку тех, кому надлежит реализовать программу антикоррупционной политики.

Принцип научности включает аксиому – систематизация предмета научных знаний предопределена объектом познания.

Системный характер коррупции определил сегодня постановку вопроса о «криминологии» (понятие относительно условное), имеющей межотраслевой характер, т.е. системе научных знаний, вычлененных из определенного круга юридических наук, прежде всего криминологии [2, с. 117–118; 3, с. 11; 4, с. 7–10]. В.Н. Кудрявцев совершенно справедливо отмечал, что в процессе познания государственно-правовых явлений и процессов необходимо

исходить из того, что эти явления и процессы выступают лишь составными компонентами существующей системы, которая определяет ее свойства, особенности, социальное назначение и характер функционирования [5, с. 55].

Следуя логике объективных процессов интеграции и дифференциации научного знания, можно вспомнить весьма противоречивую историю формирования криминологии, достаточно сложно обретающей собственный предмет и статус самостоятельной науки: «Основной вопрос той или иной науки состоит в том, насколько выявлен ее предмет и, следовательно, насколько в процессе научного исследования его возможно определить и точно описать» [6, с. 20].

Неправовой характер коррупционных действий, исключительное многообразие сфер, подвергающихся коррупции, многоотраслевое правовое регулирование антикоррупционных отношений, к тому же политологические, этические, социально-психологические аспекты данных явлений и процессов – все это определяет постановку вопроса, разумеется, весьма дискуссионного, о пределах компетентности криминологии в изучении коррупции и противодействии ее проявлениям.

Понятно, что речь не идет о самостоятельной науке «коррупциология». Вопрос стоит лишь о формировании самостоятельного научного направления, представляющего междисциплинарный (по предмету регулирования) характер в границах криминологии. В связи с этим, прежде всего, необходимо ответить на основополагающий вопрос: обогатится ли наука новыми

теоретическими знаниями и насколько данные знания могут быть востребованы в практической деятельности. Под системой новых знаний авторы понимают следующее:

сформировать новые закономерности (и случайности) функционирования коррупции, учитывая ее гибкость, способность приспосабливаться к любым временным условиям социальной действительности;

взяв во внимание многовековое существование коррупции и механизмы, средства и способы воздействия на нее, расширить поиск аспектов природы коррупции посредством, например, социальной философии, социальной психологии, политической экономики и др.;

опираясь на систему накопленных знаний о причинно-следственных связях проявления коррупции, механизме и мерах противодействия ей, усилить глубину и расширить закономерности научных знаний о государственно-правовых явлениях прямо или опосредованно связанных с коррупцией;

определить неординарные средства выявления и воздействия на коррупционные проявления;

выявить качественно новые координирующие, субординирующие функциональные связи и отношения субъектов реализации антикоррупционной политики;

опираясь на нормативную базу, закрепляющую правовую природу коррупции и систему противодействия ей, провести систематизацию данных нормативных актов и поставить вопрос о закреплении их в качестве источников коррупциологии.

1. Лунеев В.В. *Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции*. М., 1997.

2. Кибальник А. Будет ли борьба с коррупцией более эффективна? // *Уголовное право*. 2009. № 4.

3. Клюковская И.Н. *Вопросы теории антикоррупционной политики*. М., 2003.

4. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.И. *Современная социология права*. М., 1995.

5. Кудрявцев В.Н., Кулишов Д.А. *Право и государство: опыт философско-правового анализа*. М., 1993.

6. Аванесов Г.А. *Криминология и социальная профилактика*. М., 1980.

1. Luneev V.V. *Criminality of the XX century: world, regional, and Russian tendencies*. Moscow, 1997.

2. Kibalnik A. *Will the struggle against corruption be more effective?* // *Criminal Law*. 2009. № 4.

3. Klyukovskaya I.N. *Questions of theory of anti-corruption policy*. Moscow, 2003.

4. Kudryavtsev V.N., Kazimirchuk V.I. *Modern sociology of law*. Moscow, 1995.

5. Kudryavtsev V.N., Kulishov D.A. *Law and state: experience of philosophic-law analysis*. Moscow, 1993.

6. Avanesov G.A. *Criminology and social prevention*. Moscow, 1980.

Рубачева Елена Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Добровольская Алеся Вячеславовна

магистр Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: +78652354446)

О проблеме семейного насилия над несовершеннолетними

В статье анализируется проблема насилия над несовершеннолетними в семье. Рассматриваются типологические классификации видов насилия и детерминанты насильственных преступлений над несовершеннолетними в семье.

Ключевые слова: несовершеннолетний, семейное насилие, физическое насилие, психическое насилие, сексуальное насилие, экономическое насилие.

E.L. Rubacheva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University;

A.V. Dobrovolskaya, Magister of the Law Institute of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446.

On the problems of family violence to minors

The problem of family violence to minors is analyzed in this article. The typological kinds of family violence to minors and reasons of violence crimes against minors are shown.

Key words: minor, family violence, physical violence, psychological violence, sexual violence, economical violence.

Изменения, произошедшие в России за последние 10–15 лет, обострили множество проблем, в числе которых и рост насильственных преступлений, совершенных в семье над несовершеннолетними. Такие преступления дисгармонируют отношения в существующем обществе. Тот факт, что социум с терпеливостью относится к разным видам проявления насилия, является показателем отказа от создания цивилизованного общества.

При изучении проблематики семейного насилия в семье мы пришли к выводу, что однообразного понимания насилия над детьми в семье нет. Ученые рассматривают несколько видов семейного насилия над детьми: физическое насилие над детьми, психическое насилие над детьми, сексуальное насилие над детьми и экономическое насилие над детьми.

Под физическим насилием понимается преднамеренное манипулирование взрослыми членами семьи организмом несовершеннолетнего как объектом, приводящее к нанесению ребенку физических повреждений различной

степени тяжести (побои, вовлечение детей к употреблению наркотиков, алкоголя, ограничение детей в сне, еде и т.д.). В свою очередь, под психологическим насилием понимаются преднамеренное манипулирование взрослыми членами семьи несовершеннолетним как объектом, игнорирование его субъективных характеристик, либо разрушающие отношения привязанности между взрослыми и ребенком, либо, напротив, фиксирующие эти отношения и приводящие к различным деформациям и нарушениям психического развития. К формам психического насилия относится: изолирование, терроризирование, безразличие, деградация, эксплуатация [1, с. 182–184].

Под сексуальным насилием понимается преднамеренное манипулирование взрослыми членами семьи ребенком как сексуальным объектом, приводящее к сексуальному акту или к сексуальному поведению, навязываемому ребенку, с согласия либо без согласия несовершеннолетнего.

Под экономическим насилием понимается преднамеренное манипулирование взрослыми

членами семьи несовершеннолетним как объектом путем создания ситуаций, при которых ребенок вынужден выпрашивать деньги, либо принуждения несовершеннолетних работать для пропитания или для достойного проживания.

Проблема семейного насилия над детьми получила распространение по всему миру. Она независима от национальности, расы, менталитета, уровня образования, материального достатка и т.д. Основной чертой данного вида преступлений является установление контроля над несовершеннолетним с помощью психических, физических действий (бездействия), манипуляций, которые приводят несовершеннолетнего к страху, унижению, к тому или иному виду стресса либо к психическим расстройствам (порой необратимым), к телесным повреждениям разной степени тяжести.

Увы, в настоящее время нет точных статистических данных о семейном насилии над детьми. С одной стороны, это связано с боязнью, с болью несовершеннолетней жертвы говорить о том, что с ней произошло, некоторым стыдно. Некоторым легче делать вид, что этого не существует. В некоторых случаях дети даже не знают, что над ними осуществляется акт насилия, считая, что данное поведение членов семьи (папы, мамы, совершеннолетних братьев, сестер) является нормой для семьи. Многие не верят, что кто-то способен им помочь изменить ситуацию в семье. Недостаток информации у ребенка, неведение, куда он может обратиться в таких ситуациях, и незнание законов также являются причиной неточности показателей. С другой стороны, нет единой базы сбора показателей как на региональном уровне, так и во всей стране.

Семейное насилие имеет характерную «хроническую» черту. Необходимо помнить, что, раз начавшись, само по себе насилие не прекратится никогда. Семейные насилия «циклически», т.е. отношения в семье, где имеет место домашнее насилие, развиваются по кругу. Дети-жертвы повторяют тот же самый сценарий, который пережили сами.

Определяя причины совершения преступления в отношении несовершеннолетнего преступной личностью любого типа, можно предположить, что они заключаются в социально-психологических свойствах и качествах преступника. Как правило, причина почти всегда в самом преступнике, в его сознании, в нравственных качествах, в мировоззрении, культуре, возможно, в психических аномалиях.

Для установления причины доминирования такого лица либо негативных качеств его характера требуется изучение условий его развития и воспитания с момента рождения.

Озлобленность, жестокость, зависть, алкоголизация и наркотизация, а также половая распущенность личности будущего преступника; специфические взгляды, обычаи, традиции, привычки, диктующие насилие как норму при разрешении конфликтов; неправильное отношение к детям, признание допустимости применения к ним «ради их пользы» взрослыми членами семьи физической силы и психического насилия; стандарты поведения криминализированных сотрудников и подразделений правоохранительных, других государственных и негосударственных структур – все эти факторы выступают детерминантами высокого уровня насильственной преступности, которая, как отмечается в литературе, реализуется только в определенных социальных условиях [2, с. 584].

К причинам совершения таких видов преступлений также можно отнести и совершение насилия в целях педагогического воспитания. Например, многие родители не представляют воспитание ребенка без шлепка, раздраженного крика, ругани, угроз, рукоприкладства. Хотя не так давно все вышеперечисленное являлось нормой. Родители исходили из библейских указаний в необходимости держать детей в страхе не только перед богом, но и перед родителями. Страх во все времена был самым действенным средством решения почти всех воспитательных проблем семьи, школы и социума в целом. Но в наше время, когда наши дети закалены телевизионными «страшилками», одним криком их не напугать и простой шлепок не помогает, вот родители и применяют более строгие меры, не понимая, что это не выход из ситуации.

Инвалидность ребенка сама по себе может также являться причиной совершения насилия ввиду того, что не каждый выдерживает такую нагрузку. Такие дети особенные, и с ними очень тяжело, они требуют большого внимания, времени и финансов. В таких случаях родители часто видят в детях источник всех их проблем.

Если говорить о последствиях семейного, домашнего насилия над детьми, необходимо отметить высокий уровень смертности. К этим случаям можно отнести как убийства взрослыми несовершеннолетних, так и суицид. Каждый ребенок по-разному справляется с последствиями травмы, и чем чаще она повторяется, тем

больше будет длиться болезненная реакция. Систематическое совершение насилия над несовершеннолетними приводит к психофизиологическим проблемам у детей. И в связи с тем, что с ними чаще всего никто не работает: ни психологи, ни служба опеки ввиду незнания, а может, и нежелания, – это приводит к инвалидности либо смерти ребенка.

Мы согласны с мнением о том, что одним из немаловажных факторов, способствующих совершению преступления несовершеннолетними, является жестокое обращение в семье либо же криминальная атмосфера и иные аномальные явления в семье. В большинстве случаев, вырастая, дети повторяют поведение своих родителей. Это объясняется как наследственностью, так и незнанием иного. То есть если в семье насилие – это норма, то и у ребенка будет склонность к насилию. Кроме того, насилие в семье приводит к беспризорности,

т.к. очень часто дети не выдерживают подобного обращения с ними. Роль удерживающего фактора развития криминального поведения у несовершеннолетних играют: участие матери и отца в воспитании ребенка, доброжелательная атмосфера в семье (или хотя бы нейтральная), наличие у отца и матери работы, а также правильно используемый отпуск по уходу за грудным ребенком у матери, наличие всех коммунальных услуг и т.п. [3, с. 126–128].

Анализируя вышеизложенное, необходимо отметить, что понимание всей серьезности данной проблематики может позволить разработать меры предупреждения преступлений, связанных с семейным насилием над детьми. Кроме того, на ранних стадиях проявления проблемы можно провести социальную профилактику насилия в семье. В свою очередь, это позволит создать цивилизованное общество.

1. Орлов А.Б. *Психологическое насилие в семье // Психолог в детском саду. 2000. № 2–3.*

2. *Криминология / под ред. А.И. Долговой. 3-е изд. М., 2008.*

3. Рубачева Е.Л., Мартиросян М.В. *Причины и условия, детерминирующие делинквентность и преступность несовершеннолетних // Общество и право. 2014. № 1.*

1. Orlov A.B. *Psychological violence in family // Psychologist in kindergarten. 2000. № 2–3.*

2. *Criminology / ed. by A.I. Dolgova. 3rd ed. Moscow, 2008.*

3. Rubacheva E.L., Martirosyan M.V. *Reasons and conditions which determinate delinquency and criminality of minors // Society and law. 2014. № 1.*

Рябова Лилия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Иониди Лариса Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
декан факультета среднего профессионального образования
Ставропольского филиала Белгородского университета кооперации, экономики и права
(тел.: +78652940463)

Анализ преступности в Ставропольском крае (2009–2013 годы)

В статье с помощью описательной и объяснительной функций проведен анализ наиболее часто совершаемых на территории края преступлений. Определены факторы, оказывающие влияние на преступное поведение лиц, совершающих противоправные деяния.

Ключевые слова: преступность, детерминанты преступности, статистический анализ, Ставропольский край.

L.V. Ryabova, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; tel.: +78652354446;

L.V. Ionidi, Master of Economics, Assistant Professor, Dean of Middle-Professional Education Faculty of the Stavropol branch of the Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law; tel.: +78652940463.

Analysis of criminality in Stavropol region (2009–2013)

In this article with the help of descriptive and explanatory functions the analysis of the most frequently committed on the territory of the crimes on the basis of which the factors that influence criminal behavior of individuals who commit wrongful acts.

Key words: criminality, determinants of criminality, statistical analysis, Stavropol region.

В криминологии статистический анализ прежде всего ориентирован на исследование преступности и всего, что с ней связано. Он призван дифференцировать преступность на отдельные составляющие с целью установления закономерностей проявления фактов преступности и связанных с ней социальных реалий. По результатам статистического анализа можно определить наиболее часто совершаемые категории преступлений, а также факторы, оказывающие непосредственное влияние на криминологические показатели преступного поведения.

Преступность в современном мире характеризуется как уголовно-правовое негативное явление и включает в себя ряд преступлений, которые были совершены на определенной территории в определенный промежуток времени.

Временной промежуток исследования преступности в Ставропольском крае составляет 5 лет: с 2009 по 2013 г. Общее количество преступлений, совершенных на территории края, составило 182064. По отношению к дан-

ному временному промежутку в целом по Российской Федерации этот показатель составил 12536843 преступления. Таким образом, составная часть всех совершенных за 5 лет преступлений на территории края по отношению к масштабам страны составила 1,4%.

При анализе преступности и, как следствие, преступного поведения на территории Ставропольского края можно сделать вывод о том, что виды составов преступлений на современном этапе значительно отличаются от тех, что складывались еще в недавнем прошлом. Это обусловлено следующими факторами.

1. Изменилось геополитическое положение Ставропольского края. Так, в 2010 г. Ставрополье вошло в состав Северо-Кавказского федерального округа с центром в городе Пятигорске. В этот округ вошли 7 субъектов Российской Федерации: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика. Следует

отметить, что Северо-Кавказский федеральный округ – единственный на территории Российской Федерации, в котором этнические русские не имеют абсолютного большинства населения округа.

2. Изменилась социально-экономическая ситуация, увеличился разрыв уровня материального достатка ставропольчан. Согласно аналитической справке по делам, поступившим на рассмотрение мировым судьям Ставропольского края в I полугодии 2013 г., уровень бедности в Ставропольском крае составил 35–50%. В то же время сильно возрос процент обеспеченных граждан. Вместе с тем, прослойка среднего класса практически исчезла.

3. Изменилась демографическая ситуация, повысилась степень «стрессовой миграции» населения, что привело к росту безработицы и риску потерять работу среди местного населения.

4. Расширилось информационное поле. Огромный поток информации, часто ложной и противоречивой, получаемой молодежью в большинстве случаев через Интернет, вносит определенное смятение в умы молодого поколения, что часто приводит к дезориентации в обществе и взглядах.

5. Увеличилось конфессиональное многообразие. Ввиду этого увеличилось количество сект, которые также вносят изменения во взгляды населения как со стороны ислама, в виде экстремистских и террористических организаций, так и сект христианского вероисповедания.

При этом в исследуемый период наибольшее количество преступлений на территории Ставропольского края было зарегистрировано в 2009 г., после чего наблюдался спад и резкий скачок преступности в 2012 г. 2013 г. характеризуется снижением количества совершенных преступлений. Так, в 2009 г. общий количественный показатель преступности в Ставропольском крае составил 41809, в 2010 г. – 36126, в 2011 г. – 34706, в 2012 г. – 35584, в 2013 г. – 33839 [1].

Анализ количества зарегистрированных на территории Ставропольского края тяжких и особо тяжких преступлений за истекшие 5 лет показывает устойчивый спад данной категории преступлений. Так, в 2009 г. зарегистрировано 11449 таких преступлений, в 2010 г. – 9716 (снижение на 1733 преступления по отношению к 2009 г.), в 2011 г. – 9331 (снижение на 385 преступлений по отношению к 2010 г.), в 2012 г. – 8679 (снижение на 652 преступления по отношению к 2011 г.), в 2013 г. – 7873 (снижение на 806 преступлений по отношению к 2012 г.).

Такая положительная динамика связана со своевременным пресечением правонаруше-

ний, связанных с бытовыми конфликтами, способными привести к убийствам, обеспечением эффективной охраны общественного порядка, усилением борьбы с разжиганием расовой и межнациональной розни и т.д., что напрямую связано с изменениями в правоохранительной сфере (вступлением в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), а также в соответствии с законом Ставропольского края от 26 июля 2013 г. № 69-кз «О привлечении членов казачьих обществ к государственной или иной службе в Ставропольском крае».

Преступления, совершаемые в рамках категории тяжких и особо тяжких, в пределах типологии по степени общественной опасности совершаются, как правило, представителями злостного и особо злостного типа, т.е. лицами, ранее совершавшими подобного рода преступления. Намного реже данные категории преступлений совершаются представителями ситуационного и неустойчивого типов преступников, в зависимости от внешних условий, подталкивающих личность на совершение противоправного деяния, либо лицами, неоднократно совершавшими разного рода правонарушения.

Опираясь на доминирующую мотивацию, в рамках категории тяжких и особо тяжких преступлений на территории края преступления совершаются, как правило, корыстным и насильственным (включая лиц, совершивших корыстно-насильственные преступления и оказывающих сопротивление представителю власти) типами преступников.

Следует отметить, что примерно 2/3 преступлений на территории края совершаются в городах и поселках городского типа. Так, в 2009 г. было зарегистрировано 28774 таких преступления, в 2010 г. – 24544, в 2011 г. – 23965, в 2012 г. – 24083, в 2013 г. – 22825.

В сельской местности уровень преступности значительно ниже: в 2009 г. зарегистрировано 13035 преступлений, в 2010 г. – 11582, в 2011 г. – 10741, в 2012 г. – 11501, в 2013 г. – 11024.

Количество преступлений, совершаемых в городах, в два раза превышает показатель преступности в сельской местности, что обусловлено высокой плотностью населения по отношению к сельским населенным пунктам (по данным Госкомстата России, городское население Ставропольского края составляет 58,13%), а также значительно большим количеством социальных ролей, ежедневно примеряемых человеком (работник, автоводитель, клиент, зритель в кино и т.д.). Соответственно,

и количество контактов в день у городского жителя значительно выше, чем у жителя села, но при этом присутствует некоторая обезличенность, повышенная толерантность по отношению к поведению других. Люди воспринимают друг друга лишь в качестве исполнителя определенной социальной роли. Ввиду этого определенная контролирующая функция со стороны окружения имеет более размытые границы по сравнению с взаимоотношениями, проявляемыми в межличностных контактах жителей сел.

Подобная «обезличенность» контактов имеет двоякое значение. С одной стороны, она дает личности возможность для самоопределения и дальнейшей самореализации, с другой – понижает способность к стрессоустойчивости в силу возрастающего чувства одиночества. На стрессоустойчивость также оказывает влияние и информационная перенасыщенность жизни в городе. Данный процесс и формирует в личности мотивы агрессии, которые в одних случаях ведут к суициду, в других – к вымещению этой отрицательной энергии на других. Что также может привести к увеличению числа насильственных преступлений, в данном случае совершаемых как случайным типом преступников, так и криминогенным, а именно, согласно классификации, предложенной А.И. Долговой, ситуативно-криминогенным и ситуативным подтипами.

На территории Ставропольского края за анализируемый 5-летний период больше всего было расследовано преступлений с участием лиц, ранее совершавших преступления, т.е. злостным и особо злостным типами преступников. Согласно статистическим данным в 2009 г. количество таких преступлений составило 12067, в 2010 г. – 10502, в 2011 г. – 8693, в 2012 г. – 9818, в 2013 г. – 9027.

Отметим, что, несмотря на рост преступности в 2012 г., 2013 г. отмечен положительной динамикой в области рецидивной преступности, что отражает повышенное внимание правоохранительных органов к постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание. При этом ряд недостатков в сфере ресоциализации после освобождения все же имеется. Так, в Ставропольском крае до марта 2015 г. не действовал закон о социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, в связи с чем возникали трудности с трудоустройством ранее осужденных граждан, получением необходимой бесплатной медицинской помощи, социальных услуг лицам, нуждающимся в социальном обслуживании, и т.д. Рецидивной преступности

также способствуют такие явления, как наркомания и алкоголизм.

Количество расследованных преступлений, совершенных группой лиц, в 2009 г. составило 2715, в 2010 г. – 2508, в 2011 г. – 2014, в 2012 г. – 2454, в 2013 г. – 2431.

Большое влияние на формирование групповой преступности в Ставрополье оказывает этническое разнообразие населения. Так, на территории края проживает более 100 национальностей. Данный факт по определению не может носить криминогенную направленность, однако тенденция объединяться по территориальному или национальному признаку для групповой преступности имеет большое значение.

На территории края также зарегистрированы факты преступности мигрантов. Часто она связана с отсутствием стабильности их материального положения, частой сменой места жительства. На высокий уровень групповой преступности совместно с личностными характеристиками преступника и общностью мотивов группы влияет и экономическая обстановка в стране, а также слабый правовой механизм регулирования предпринимательской деятельности как в крае, так и в целом по стране.

Групповая преступность, как правило, включает в себя личности различных типов преступного поведения – в зависимости от мотивации данных лиц. Так, в соответствии с мотивами преступного поведения (согласно классификации, предложенной Ю.М. Антоняном) данная группа может включать корыстолюбивый, престижный, нередко игровой, а также насильственный подтипы. Нередко данные типы личности преступников заключают в себе ряд таких характеристик и мотивов, которые в совокупности образуют смешанный тип.

Зарегистрированное количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, в 2009 г. составило 1327, в 2010 г. – 1243, в 2011 г. – 1327, в 2012 г. – 1226, в 2013 г. – 1259.

Детерминантами роста преступности несовершеннолетних в Ставропольском крае явились: ухудшение общей социально-экономической ситуации малообеспеченных слоев населения, негативные процессы в семье, недостатки в школьном образовании. Недостаточное внимание со стороны правоохранительных структур совместно с образовательными и привели к ухудшению обстановки в преступной среде среди несовершеннолетних. По мнению С.Л. Алексеева, именно высокий уровень преступности несовершеннолетних активно питает рецидивную преступность в дальнейшем,

несмотря на то, что на начальном этапе юных преступников можно отнести, как правило, лишь к корыстному или игровому типам [2, с. 61–62].

Анализ количества зарегистрированных преступлений против личности на территории Ставропольского края носит несколько «хаотичный» характер: в 2009 г. совершено 1663 таких преступления, в 2010 г. – 1572, в 2011 г. – 1418, в 2012 г. – 1537, в 2013 г. – 1440. Пиком совершения преступлений против личности явился 2009 г., затем наблюдался спад. В 2012 г. происходит рост зарегистрированных преступлений против личности на 119, далее – вновь снижение на 97 преступлений в 2013 г. по сравнению с 2012 г.

Первопричиной всех детерминант в области преступлений против личности, по нашему мнению, выступает процесс деформации духовно-нравственной сферы населения. Он является основой для таких причин, как повышенный уровень терпимости к различным видам преступных проявлений, пропаганда культа насилия, малоэффективное предупреждение пьянства, наркомании, токсикомании, низкий уровень профилактики бытовых конфликтов и т.д.

Подобная тенденция наблюдается и в отношении количества зарегистрированных преступлений против собственности. Так, в 2009 г. зарегистрировано 40766 таких преступлений, в 2010 г. – 36889, в 2011 г. – 34195, в 2012 г. – 35266, в 2013 г. – 33241.

2009–2011 гг. отражают спад данной категории преступлений, 2012 г. характеризуется ростом преступности на 1071 преступление по отношению к 2011 г., и в 2013 г. происходит резкий спад количества зарегистрированных преступлений против собственности на 2025 преступлений.

Таким образом, несмотря на спад преступности в 2013 г., основной причиной совершения преступлений против собственности, на наш взгляд, является социальное неравенство населения, «относительная» неудовлетворенность имеющимися благами по отношению к представителям своего класса и других социальных групп, что оказывает непосредственное влияние на формирование корыстного типа личности преступника.

По проведенным исследованиям на территории Ставропольского края наиболее часто совершаются следующие виды преступлений:

- против жизни и здоровья;
- против половой неприкосновенности;
- против собственности;

- против общественной безопасности;
- против здоровья населения.

В рамках гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», несмотря на то, что в 2011 г. по отношению к 2012 г. удалось добиться снижения количественного показателя зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 67, в 2012–2013 гг. на территории края наблюдался рост количества зарегистрированных преступлений данной категории. Так, в 2009 г. совершено таких 211 преступлений, в 2010 г. – 221, в 2011 г. – 154, в 2012 г. – 155, в 2013 г. – 180.

Такой рост данной категории преступлений обусловлен, как нами ранее было отмечено, процессом деформации духовно-нравственной сферы населения. Данный процесс может происходить под влиянием негативного ближайшего окружения личности, в результате вовлечения ее в преступную среду, под влиянием СМИ, в результате распространенного увлечения компьютерными играми насильственной направленности, которые оказывают серьезное влияние на формирование агрессивной личности, создают стереотипы насильственного поведения. Для личности с деформированным духовно-нравственным внутренним миром провокацией на преступное поведение может послужить любой межличностный конфликт.

Со стороны правоохранительных органов росту совершения преступлений против личности может также способствовать несвоевременное выявление криминогенных семейно-бытовых ситуаций, недостаточно эффективная профилактика незаконного оборота оружия, недостатки в охране общественного порядка. Данный причинный комплекс характерен и для преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, совершаемых как представителями злостного и особо злостного типа, так и – значительно реже – ситуационного и неустойчивого типов преступников (в рамках типологии по степени общественной опасности). На основании типологии по доминирующей мотивации данная категория преступлений совершается лицами с корыстной и насильственной направленностью.

Фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в Ставропольском крае в 2009 г. было зарегистрировано 505, в 2010 г. – 520, в 2011 г. – 463, в 2012 г. – 469, в 2013 г. – 389.

В рамках гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» на территории края преобладало количество преступлений, связанных с изнаси-

лованием или покушением на изнасилование. В 2009 г. в крае зарегистрировано 72 таких факта, в 2010 г. – 77, в 2011 г. – 105, в 2012 г. – 95, в 2013 г. – 74. Наибольший пик преступности наблюдался в 2011 г., после чего динамика данного вида преступности пошла на убыль.

Такого рода преступления характеризуются низкой нравственной оценкой преступника, личность преступника до совершения преступления, как правило, характеризовалась антисоциальной направленностью, была склонна к злоупотреблению спиртными напитками, к употреблению наркотических веществ. Предупреждение и своевременное пресечение половых преступлений во многом зависят от умения родителей и педагогов устанавливать душевные и доверительные отношения с детьми, от уровня содержания полового воспитания, осуществляемого в семье и дома. Лица, совершающие данного рода преступления, с точки зрения доминирующей мотивации, как правило, характеризуются насильственным типом преступного поведения, а с точки зрения типологии по мотивам преступного поведения – насильственным и сексуальным типами.

В рамках гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» на территории края наиболее распространены такие виды преступлений, как кража, разбой, грабеж, присвоение и растрата.

Количество краж на территории Ставропольского края в 2009 г. составило 13849, в 2010 г. – 13201, в 2011 г. – 12938, в 2012 г. – 13035, в 2013 г. – 11573.

Зарегистрированное количество грабежей в Ставропольском крае в 2009 г. составило 1596, в 2010 г. – 1567, в 2011 г. – 1355, в 2012 г. – 1306, в 2013 г. – 932.

Разбоев в крае в 2009 г. было зарегистрировано 416, в 2010 г. – 417, в 2011 г. – 299, в 2012 г. – 297, в 2013 г. – 222.

Фактов присвоения и растраты в 2009 г. было зарегистрировано 888, в 2010 г. – 739, в 2011 г. – 421, в 2012 г. – 429, в 2013 г. – 471.

Данные категории преступлений имеют корыстную направленность. Несмотря на спад количества совершенных преступлений против собственности в 2013 г., следует отметить высокий процент латентности данного вида преступлений по отношению к насильственной преступности. Так, по официальным данным, раскрываемость одних только краж на территории Российской Федерации составляет 45–50%. Корыстная направленность совершаемых преступлений главным образом характеризуется неудовлетворенностью имеющимися благами, причем данная неудовлетворенность

носит «относительный» характер. «Относительный» ввиду того, что потребности в определенных благах не являются основными, как правило, они надуманы или навязаны со стороны как микро-, так и макросреды. Они строятся на сравнении того, что имеет личность, с тем, что есть у других. Главными факторами преступлений против собственности в Ставропольском крае выступают: безработица, относительно высокий уровень бедности, практически полное отсутствие прослойки среднего класса, информационная перенасыщенность, недостатки в работе правоохранительных органов.

В рамках гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» на территории края больше всего зарегистрировано преступлений, связанных с хулиганством: в 2009 г. – 159 таких преступлений, в 2010 г. – 175, в 2011 г. – 128, в 2012 г. – 147, в 2013 г. – 146.

Причины совершения данной категории преступлений схожи с причинами преступлений против личности. Однако имеется и ряд отличительных моментов. Общеизвестно, что подавляющее большинство «хулиганских» преступлений совершается лицами от 14 до 17 лет, т.е. в подростковом возрасте. Причинами хулиганства являются бесконтрольность подростков, низкий морально-этический уровень, размытое представление о жизненных ориентирах, негативное влияние со стороны (сверстники, антиобщественная направленность семьи), навязывание агрессивного поведения со стороны СМИ, компьютерных игр, недостатки в воспитательной деятельности как со стороны семьи, так и учебного заведения, отсутствие внешкольного образовательного процесса, незанятость подростков и др. Типология преступников, совершающих преступления против общественной безопасности, в соответствии с типологией Ю.М. Антоняна включает лиц корыстного, престижного, игрового и насильственного типов, которые, в свою очередь, также редко встречаются в «чистом» виде.

В рамках гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» в Ставропольском крае преобладают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Так, в 2009 г. зарегистрировано 5434 таких преступления, в 2010 г. – 4641, в 2011 г. – 4267, в 2012 г. – 4087, в 2013 г. – 3635. При этом начиная с 2010 г. наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений: в 2011 г. – на 374 преступления, в 2012 г. по отношению к 2011 г. – на 180 преступлений, в 2013 г. по отношению к 2012 г. – на 452.

Несмотря на снижение количества зарегистрированных преступлений, наркоситуация в Ставропольском крае отличается преобладанием на всей его территории каннабисной наркомании, которая представляет собой серьезную проблему, обладающую высочайшей степенью латентности, что осложняет определение масштабов распространения наркомании в регионе.

Основная причина заключается в том, что употребляющие марихуану, считая данный наркотик «легким», не относят себя к категории наркоманов и не обращаются за медицинской помощью. Для Ставропольского края наиболее характерными причинами распространения наркомании являются активные миграционные процессы, географические и климатические особенности региона, ряд социально-экономических трудностей, связанных с последствиями мирового экономического кризиса, и т.д. Мотивация лиц, совершающих преступления против здоровья населения и общественной нравственности, носит корыстную направленность.

Географические и климатические условия способствуют тому, что на территории края существует абсолютное преобладание наркотиков растительного происхождения – 90% ввиду как незаконно культивируемых посевов, так и распространения дикорастущей наркотикосодержащей конопли. Также из стран ближнего и дальнего зарубежья в край идут поставки тяжелых наркотических веществ. В последние годы приобрела особую актуальность ситуация с миграционными процессами. Для транспортировки наркотиков через территорию Ставропольского края зачастую используются беженцы, вынужденные переселенцы и другие лица, имеющие родственные связи на территории республик Северного Кавказа. В результате миграционных процессов наблюдается рост численности населения. Представители этнических групп легко организуются в преступные группировки, а с учетом их обширных связей в соседних регионах России и иностранных государствах образуют межрегиональные и международные организованные преступные группировки. Многие из них действуют в сфере незаконного оборота наркотиков. При этом основным видом их преступной деятельности являются контрабанда и транспортировка наркотических средств как на территорию Ставропольского края, так и транзитом в центральные регионы России. Социально-экономические трудности в крае также способствуют росту

количества наркозависимых. Данный рост связан, как правило, с нестабильным социальным положением и психическим состоянием личности, депрессией, отсутствием работы и т.д.

В рамках гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» на территории края наиболее часто совершались преступления, связанные с взяточничеством. Так, в 2009 г. совершено 154 таких преступления, в 2010 г. – 130, в 2011 г. – 128, в 2012 г. – 177, в 2013 г. – 207. Причем с 2009 по 2011 г. было зарегистрировано незначительное, но стабильное снижение количества фактов взяточничества в каждом последующем году по отношению к предыдущему. Так, в 2010 г. снижение было на 24 преступления, в 2011 г. – на 2. В 2012 г. количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 49, в 2013 г. – еще на 30.

«Процветание» взяточничества, как и коррупции в целом, на территории Северо-Кавказского округа, в том числе и Ставропольского края, обусловлено народной ментальностью «я не взятку даю, а подарок – в благодарность». Из данного высказывания следует и вторая причина взяточничества: проще «отблагодарить» и решить вопрос значительно быстрее, чем пройти «семь кругов ада», потратить уйму времени и получить тот же результат. Вторая причина – несовершенство работы органов исполнительной власти и местного управления ввиду большой степени свободы в принятии ими решений. Взяточничеству на территории края также способствует низкий уровень заработной платы чиновников, низкий уровень нравственности и понимания морали: «одно дело украсть у бедняка, обычного “трудяги”, а государство обмануть не страшно». Взяточничество выгодно как для стороны взяткодателя, так и взятополучателя, и не важно, что страдают интересы государства.

В связи с этим уровень латентности данной категории преступлений до сих пор остается довольно высоким. Эти причины способствуют как моральной, так и профессиональной деградации общества, наносят значительный ущерб государству, и основная задача правоохранительных органов – не только полное искоренение данной категории преступлений, но и постоянная их профилактика на территории края.

Подводя анализ вышесказанному, отметим, что наиболее часто совершаемыми преступлениями на территории края за 2009–2013 гг. явились преступления: против жизни и здоровья,

против половой неприкосновенности, против собственности, против общественной безопасности, а также против здоровья населения. Данные категории преступлений совершались, как правило, в соответствии с мотивами преступного поведения корыстным, престижным, игровым, насильственным, в некоторых категориях преступлений сексуальным типами преступников, нередко личность преступника включала смешанный тип. Корыстная и насильственная мотивации являлись преобладающими в преступном поведении на территории Ставропольского края в исследуемом промежутке времени.

В соответствии с анализом детерминант преступного поведения, основными факторами, влияющими на преступную направленность личности в исследуемом промежутке времени, следует выделить:

ухудшение общей социально-экономической ситуации как в стране, так и на территории края;

безработицу;

высокий уровень бедности (от 35 до 50%);

социальное неравенство, отсутствие прослойки среднего класса;

этническое разнообразие как один из факторов, не носящий прямой криминогенной направленности, однако оказывающий влияние на тенденцию к объединению по территориальному или национальному признаку, что характерно для групповой преступности;

миграционные процессы, которые также способствуют росту уровня безработицы, влекут совершение ряда преступлений как «по

незнанию», так и из корыстных побуждений, ввиду бедствующего положения в первые годы смены места жительства;

народную ментальность;

информационную перенасыщенность, навязывание агрессивного поведения со стороны СМИ, ряда компьютерных игр, повлекшие за собой низкий уровень стрессоустойчивости и повышенный уровень конфликтности;

процесс деформации духовно-нравственной сферы населения;

недостатки в работе как правоохранительных органов, так и органов государственной власти:

а) не оказание должного внимания в пост-пенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание (возникающие трудности в трудоустройстве лиц, ранее осужденных, отсутствие бесплатной медицинской помощи, социальных услуг лицам, нуждающимся в социальном обслуживании, и т.д.);

б) низкий уровень профилактической работы по предупреждению преступного поведения со стороны правоохранительных органов;

в) несовершенство работы органов исполнительной власти и местного управления ввиду большой степени свободы в принятии ими решений.

Следует отметить, что ни экономические, ни политические процессы не оказывают прямого влияния на формирование у личности преступной направленности. Преступное поведение формируется лишь в момент наступления отрицательных последствий от тех или иных преобразований социума.

1. Преступность и правонарушения в Ставропольском крае (2009–2013): статист. сб. Ставрополь, 2014.

2. Криминология / под ред. А.Ю. Епихина. Казань, 2013.

1. *Criminality and offences in Stavropol region (2009–2013): statistical bull. Stavropol, 2014.*

2. *Criminology / ed. by A.Yu. Epihin. Kazan, 2013.*

Садило Александр Николаевичадъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612555481)

К вопросу о профилактике религиозного экстремизма

В статье рассматриваются проблемы предупреждения религиозного экстремизма. Автором исследуются вопросы нормативного обеспечения деятельности, по профилактике религиозного экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, религия, радикализм, агрессия, профилактика преступлений.

A.N. Sadilo, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612555481.

On the issue of prevention of religious extremism

The article deals with the problems of preventing religious extremism. The author considers issues of regulatory support of activity of religious extremism of prevention.

Key words: extremism, religion, radicalism, aggression, crime prevention.

В современном обществе деятельность религиозных организаций и их представителей (священнослужителей различных конфессий) моделируется как формулирование ответов на вопросы, связанные с проблемами и ограничениями, существующими в социуме. Реализация религиозных продуктов (проведение обрядов, ритуалов, торговля предметами культа и т.д.) существует вследствие спроса на данные услуги и товары при устойчивой материальной поддержке верующих. Предпочтения населения того или иного территориального образования определяют содержание предоставляемых религиозных товаров. Особенностью религиозной практики экстремистской направленности преимущественно является распространение идей среди некоторых слоев населения, находящихся в трудной жизненной ситуации, стремящихся к более комфортной и полноценной жизни. На этом фоне религия выступает как альтернативная технология, удовлетворяющая спрос на веру в сверхъестественное, утоляющая эмоциональный дефицит и дающая надежду на повышение индивидуального и коллективного благосостояния.

К сожалению, в религии людей объединяет потребность как в милосердии и нравственности, так и в жестокости и аморализме. Любые проблемы по мере возрастания их значимости становятся сакральными. Для фанатично настроенных сторонников религиозных течений совершение преступлений экстремистской направленности является проявлением величия и милосердия высших

сил. Таким образом, религиозный экстремизм есть совокупность радикальных форм поведения в достижении сакральных для индивида или группы целей. При восприятии религиозного экстремизма самим его носителем происходит психологическая рационализация, обоснование его самыми возвышенными, духовными мотивами.

Агрессия индивида обуславливается неудовлетворенностью потребностей. Так, для необразованной и несамоактуализированной личности характерна авторитарная религиозность, определяемая стремлением человека к самоуничижению, подчинению высшей власти, потребностью избежать мучительных сомнений, обрести простые ответы на сложные вопросы. Авторитарная личность отличается повышенным уровнем агрессии в отношении «чужих», «инородцев», представляющих иные традиции. Представители иных конфессий наделяются отрицательными чертами собственной психики, рассматриваются как пребывающие вне человеческой нравственности, божественной любви и милосердия, как угроза спасению собственной души. У данной личности любовь к Богу «изгоняет из нее всякую человеческую любовь, все человеческие интересы» [1, с. 327]. Ее характеризует невосприимчивость к чувствам окружающих. Чрезмерный морализм их поведения – реактивное формирование, скрывающее деструктивные импульсы. Свойственный авторитарной личности страх перед «чужими», отмечает Г.В. Оллпорт, есть проекция их собственных

враждебных побуждений. Вне сострадания, по мысли З. Фрейда, оказываются индивиды, не принадлежащие верующей общине. «Религия любви» проявляет жестокость к тем, кто к ней не принадлежит» [2, с. 127]. Принизание в обществе уровня образования и культуры, деградация личности неизбежно проявляются в усилении религиозной агрессии.

Для недопущения радикальных течений существующим религиозным институтам необходимо дистанцироваться от сакрализации сословного неравенства, т.к. в периоды нестабильной социальной обстановки различные политические силы, используя вероисповедания, пытаются влиять на общественные процессы. Стремление представителей разных религий изменить несправедливый, по их мнению, общественный порядок, добиться перераспределения материальных ресурсов, власти выливается в открытое противостояние. В этих случаях религиозные движения придают особую остроту социальным противоречиям и конфликтам, религиозные лозунги и знамена «заряжают» участников верой в «священную» правоту своих действий [3, с. 180].

Б.К. Мартыненко и Р. Тамаев выделяют религиозный экстремизм как одну из трех основных форм экстремизма (помимо политического и национального) [4, с. 66–74; 5, с. 57]. Л.С. Рубан отмечает, что «наиболее тревожной тенденцией является процесс сращивания национального и религиозного экстремизма» [6, с. 10–11]. Ю.М. Антонян и М.Д. Давитадзе обращают внимание на то, что этнорелигиозные конфликты всегда раскрываются как действия лиц – представителей одного или нескольких народов или религиозной группы, направленные на возбуждение национальной или религиозной вражды, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности лиц, народов по признаку их национальной или религиозной принадлежности, повлекшие причинение участникам конфликта физического, морального или (и) материального ущерба, в том числе массовые убийства, уничтожение имущества, религиозных святынь и т.д. [7, с. 12, 13].

Действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды по отношению либо принадлежности к религии, могут проявляться в самых разнообразных формах: выступлениях на митингах, собраниях, подготовке и демонстрации рисунков и иных изображений, опубликовании статей, брошюр, исполнении

песен, стихов перед аудиторией и т.п. Все эти и подобные действия объединяет «их способность воздействовать на сознание людей по формированию негативного нелестного образа представителя или группы людей не в зависимости от их личных качеств, а из-за принадлежности к какой-то определенной вышеназванной группе. Воздействие на сознание людей может происходить прямым или завуалированным способом» [8, с. 855].

Вместе с тем, необходимо различать информацию, возбуждающую ненависть и вражду, и констатацию фактов, которая не направлена на формирование негативного эмоционального отношения к какой-либо группе людей или отдельному ее представителю. Также нельзя относить к информации, выступающей своеобразным средством данного преступления, сведения научных исследований [9, с. 51].

А.И. Муминов отмечает, что в каждой религии имеется целый ряд течений, которые часто жестко противостоят друг другу. При этом движение, отколовшееся от «центральной» линии, нередко прибегает к экстремистской риторике и соответствующим действиям [10, с. 75]. Так, христианство за свою более чем двухтысячелетнюю историю разделилось на 4 крупные ветви, на сегодняшний день в общей сложности насчитывается около 132 религиозных течений [11]; ислам разделился на 3 основные ветви [12, с. 204–207], внутри каждой из них по разным данным, существуют от 9 до 10 мазхабов [13]; в иудаизме сформировалось 8 направлений [14, с. 17, 22, 36, 49, 56, 75, 228], состоящих из около 1000 различных религиозных течений и сект [15].

Считаем справедливым мнение о том, что на сегодняшний день в России назрела острая необходимость формирования государственной вероисповедальной политики [16, с. 99].

Деятельность по предупреждению религиозного экстремизма осложняется недоработками законодательства. В Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» отсутствуют конкретные различия между содержащимися в законе институтами ликвидации религиозного объединения и запрета на деятельность такого объединения. Данный нормативный акт не в полной мере воздействует на проявления религиозного экстремизма, которые существуют в реальной жизни. В связи с этим заслуживает внимания законотворческий и правоприменительный опыт северокавказских республик.

Так, Закон Кабардино-Балкарской Республики «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» содержит ряд составов правонарушений, отсутствующих в ст. 14 вышеназванного федерального закона, перечисляющей основания для ликвидации или запрета религиозного объединения, таких как пропаганда неповиновения органам государственной власти и ее представителям (ст. 5); религиозная пропаганда, направленная на разрушение семьи и (или) разрыв родственных связей (ст. 6); воспрепятствование получению обязательного основного общего образования по религиозным мотивам (ст. 10); физическое или психическое понуждение верующих к отчуждению принадлежащего им или их семьям имущества в пользу религиозного объединения (ст. 11); воспрепятствование выходу из религиозного объединения (ст. 12); незаконное занятие религиозной образовательной деятельностью (ст. 13); приставание к гражданам с целью приобщения к религиозному вероучению (ст. 14); пропаганда религиозного вероучения, представляющего угрозу общественной безопасности, правам и законным интересам граждан (ст. 15); собрание граждан по религиозному мотиву (ст. 16); склонение малолетних к исповеданию либо отказу от исповедания религии (ст. 17); приобщение несовершеннолетних к религии (ст. 18); вовлечение малолетних в религиозную деятельность (ст. 19); понуждение к определению своего отношения к религии (ст. 20); понуждение к религиозной деятельно-

сти (ст. 21); пропаганда превосходства одного вероучения над другим (ст. 22).

Особый интерес представляет Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», регламентирующий наиболее острую проблему по противодействию экстремизму на современном этапе. Однако недоработки данного нормативного правового акта вызывают некоторые сомнения в последствиях его реализации. Так, ст. 2 рассматриваемого закона определяет, что «обучение граждан Республики Дагестан в религиозных учебных заведениях за пределами Республики Дагестан и Российской Федерации допускается только по направлению органа управления республиканской религиозной организации, согласованному с государственным органом по делам религий Республики Дагестан». Данная норма противоречит ст. 5 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», согласно которой «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими». Подобное противоречие не только ущемляет права и свободы граждан, но в современных условиях может спровоцировать усиление религиозного экстремизма.

Предупреждение религиозного экстремизма должно представлять выявление ключевых детерминирующих факторов, формирование механизма актуальных превентивных мероприятий, комплекс мер правового, информационно-просветительского характера, общественного и духовного воздействия на федеральном уровне.

1. Оллпорт Г.В. *Личность в психологии*. М.; СПб., 1998.

2. Фрейд З. *Психология масс и анализ человеческого «Я»* // *Преступная толпа*. М., 1998.

3. Кильмашкина Т.Н. *Конфликтология. Социальные конфликты*. М., 2004.

4. Мартыненко Б.К. *Политический терроризм: понятие, признаки, классификация* // *Северокавказ. юрид. вестн.* 1999. № 7. С. 66–74.

5. Тамаев Р. *Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество* // *Законность*. 2006. № 6.

6. Рубан Л.С. *Как разрешать конфликты и формировать толерантность*. М., 2007. С. 10–11.

1. Allport G.V. *Personality in psychology*. Moscow; St. Petersburg, 1998.

2. Freud Z. *Mass Psychology and the analysis of the «Ego»* // *Criminal crowd*. Moscow, 1998.

3. Kilmashkina T.N. *Conflictology. Social conflicts*. Moscow, 2004.

4. Martynenko B.K. *Political terrorism: concept, features, classification* // *North Caucasus law gazette*. 1999. № 7. P. 66–74.

5. Tamaev R. *Fight against extremism: international cooperation is necessary* // *Legality*. 2006. № 6.

6. Ruban L.S. *How to resolve conflicts and build tolerance*. Moscow, 2007. P. 10–11.

7. Antonyan Yu.M., Davitadze M.D. *Ethno-religious conflicts: solving problems*, Moscow, 2004.

7. Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. *Этнорелигиозные конфликты: проблемы решения*. М., 2004.
8. *Уголовный закон в практике районного суда* / под ред. А.В. Галаховой. М., 2007.
9. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. *Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика* / под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005.
10. Муминов А.И. *Религиозный экстремизм как угроза современному обществу: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук*. М., 2007.
11. *Major Religions of the World Ranked by Number of Adherents*. URL: http://www.adherents.com/Religions_by_Adherents.html.
12. Павловский В.П. *Религиоведение*. М., 2010. С. 204–207.
13. Иваненко А. *Исламские стили жизни*. URL: <http://archive.muslim.com/rus/rusnews/2004/02/analit23022004.html>
14. Савинов А.А. *Иудаизм от А до Я*. М., 2007.
15. *Течения и секты иудаизма // Электронная еврейская библиотека*. URL: <http://www.eleven.co.il/categ/1400>
16. Мазуренко П.Н., Лыков М.Н. *Особенности профилактики религиозных преступлений в современной России*, Казань, 2007.
8. *Criminal law in the practice of the district court* / ed. by A.V. Galakhova. Moscow, 2007.
9. Ratinov A.R., Croz M.V., Ratinova N.A. *The responsibility for inciting hatred and enmity. Psycho-legal characteristic* / ed. by A.R. Ratinov. Moscow, 2005.
10. Muminov A.I. *Religious extremism as a threat to modern society: socio-philosophical analysis: diss. ... Master of Philosophy*. Moscow, 2007.
11. *Major Religions of the World Ranked by Number of Adherents*. URL: http://www.adherents.com/Religions_by_Adherents.html.
12. Pavlovsky V.P. *Religious Studies*. Moscow, 2010. P. 204–207.
13. Ivanenko A. *Islamic lifestyles*. URL: <http://archive.muslim.com/rus/rusnews/2004/02/analit23022004.html>
14. Savinov A.A. *Judaism from A to Z*. Moscow, 2007.
15. *Flows and sects of Judaism // Electronic Jewish library*. URL: <http://www.eleven.co.il/categ/1400>
16. Mazurenko P.N., Lykov M.N. *Features of the prevention of religious crimes in modern Russia*, Kazan, 2007.

Ульянов Владимир Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: v.g.ulyanov@gmail.com)

Появится ли новое процессуальное лицо в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации?

Статья посвящена совершенствованию института судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования при принятии ими процессуального решения об аресте имущества лиц, не отнесенных к числу подозреваемых, обвиняемых, гражданских ответчиков. Автор анализирует постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. по делу о проверке конституционности ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ. Высказывает мнение о необходимости введения в число участников уголовного судопроизводства нового лица – имущественного ответчика с полномочиями, тождественными правам и обязанностям гражданского ответчика.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, защита права собственности, гражданский ответчик, наложение ареста на имущество, имущественный ответчик.

V.G. Ulyanov, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: v.g.ulyanov@gmail.com

Will there be a new procedural entity in the Criminal procedure code of the Russian Federation?

The article is devoted to the improvement of the Institute of judicial control over activity of bodies of preliminary investigation for the adoption of the procedural decision on arrest of property of persons not related to the number of suspects, defendants, civil defendants. Analyzes the resolution of the constitutional court of the Russian Federation of October 21, 2014 on the case about the verification of constitutionality pt. 3 and 9 of article 115 of the Code. It has been suggested the need to introduce in the number of participants in criminal proceedings a new person and property of the defendant with powers identical to the rights and obligations of a civil defendant.

Key words: the Constitutional Court of the Russian Federation, protection of property rights, civil defendant, seizure of the property, property defendant.

Конституционный Суд РФ 24 октября 2014 г. принял постановление № 25-П по делу о проверке конституционности положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена [1].

Вывод Конституционного Суда РФ сформулирован понятно, с прекрасной юридической аргументацией и не менее великолепной логикой. В тексте постановления по существу дается поручение законодателю привести в соответствие с Конституцией РФ и нормами международного права положения ст. 115 УПК РФ и другие взаимосвязанные нормы уголовно-процессуального законодательства России, признанные не соответствующими Основному закону страны.

При этом необходимо отметить, что столь важный и давно назревший вопрос был «поднят» не законодательной ветвью власти и не юридической наукой, а правоприменительной практикой и поставлен «в повестку дня Консти-

туционного Суда». Теперь, как говорится, слово за наукой, юридической общественностью и Государственной Думой РФ, которые в ближайшее время должны в тесном взаимодействии со всеми заинтересованными лицами сформулировать дополнения и изменения в УПК РФ.

Предметом проверки Конституционного Суда РФ стали нормы УПК РФ, регулирующие порядок наложения ареста на имущество, находящееся у других лиц. Речь идет о лицах, которые не являются подозреваемыми, обвиняемыми или теми, кто по ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением. Такой арест допускается, если есть достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступления. Конституционный Суд РФ счел эти нормы неконституционными. Они являются таковыми в той мере, в какой не предусматривают надлежащий правовой механизм, применение которого позволяло бы защитить в судебном порядке права и интересы упомянутых лиц.

Куда (к какой стороне участников уголовного процесса) надлежит отнести таких лиц, чье

имущество подвергается аресту на неопределенный срок, зачастую, без достаточных доказательств того, что это имущество было добыто преступным путем? К числу «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ) или к стороне защиты путем расширения понятия гражданский ответчик?

На первый взгляд, концепция действующего УПК РФ не позволяет отнести этих лиц ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. Такова уж юридическая конструкция закона, основывающаяся на функциональном разделении лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. В то же время, как «предписывает» постановление Конституционного Суда РФ, лица, не являющиеся по делу ни подозреваемыми, ни обвиняемыми, ни гражданскими ответчиками, не обязанные нести материальную ответственность по ГК РФ, должны быть наделены определенными правами, которые позволили бы им отстаивать свои интересы и защищать свои незыблемые конституционные права на свою собственность.

Полагаем, что законодателю необходимо будет отнести указанных лиц в гл. 8 УПК «Иные участники уголовного судопроизводства». На это, как представляется, есть ряд веских оснований, предусмотренных действующим УПК РФ.

Согласно ст. 119 УПК РФ правом заявлять ходатайства наделены и иные лица, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства. Они вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 123 УПК РФ иные лица, чьи интересы затрагиваются произведенными следственными действиями и принимаемыми процессуальными решениями, вправе обжаловать такие действия и решения наряду с другими участниками уголовного судопроизводства.

Более того, в ч. 2 ст. 123 УПК РФ предусмотрено, что при нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства по уголовному делу участники уголовного судопроизводства, а также иные лица, интересы которых затрагиваются, могут обратиться к прокурору или руководителю следственного органа с жалобой, которая должна быть рассмотрена в порядке и в сроки, установленные ст. 124 УПК РФ.

Более важным вопросом, подлежащим разрешению, служит объем и характер прав и обязанностей, которыми планируется наделить этих самых «иных лиц», чье имущество подверглось аресту. Другой не менее важный

вопрос – необходимо определиться с понятием и точным наименованием «иных лиц», чье имущество подвергается аресту, чтобы оно (наименование) точно отражало бы их функциональную принадлежность к той или иной группе участников процесса и характер затрагиваемых уголовным процессом их прав и законных интересов.

В пользу невозможности отнесения указанной категории лиц к стороне защиты (в частности, к гражданскому ответчику) указывает то, что институт гражданского ответчика является процессуальной категорией, уже давно и достаточно полно разработанной наукой и практикой применения закона [2]. Излишнее нагромождение понятия «гражданский ответчик» путем отнесения к ним еще и иных лиц, чье имущество подвергается аресту по причине подозрения в том, что оно добыто преступным путем, является нецелесообразным и ошибочным.

Лиц, упомянутых в гл. 8 УПК РФ, объединяет их нейтральность и незаинтересованность в исходе состязания сторон в уголовном судопроизводстве. Следуя принципам презумпции невиновности, полагаем, что сам факт наложения ареста в ходе досудебного производства на имущество «иных лиц» не порождает автоматически последствий в виде отнесения их к стороне защиты. В большинстве случаев арест имущества отменяется по инициативе лиц, производящих предварительное расследование. «Подозрение» о «преступном характере» происхождения этого имущества может не подтвердиться и в результате судебного разбирательства уголовных дел.

Стремление органов предварительного расследования не допустить отчуждения и сокрытие имущества как подозреваемых (обвиняемых), так и «иных лиц» объясняется обязанностью обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества виновных лиц.

Для понимания этого вопроса следует обратиться к типичной следственной ситуации, которая складывается по большинству дел, в ходе расследования которых следователь или дознаватель обращаются с ходатайством в суд о наложении ареста на имущество лиц, которые не являются подозреваемыми, обвиняемыми, владельцами источника повышенной опасности и не обязаны возмещать вред, причиненный преступлением, в соответствии с ГК РФ.

Как правило, о наличии у подозреваемых, обвиняемых так называемых «доверенных» лиц, на которых может быть оформлено то или иное имущество или у которых могут храниться деньги и ценности, следователь или дознаватель узнает из материалов оперативно-розыскной деятельности. Круг этих доверенных лиц может

быть весьма обширным – друзья, армейские сослуживцы, одноклассники, однокурсники, родственники, любовницы, водители и др.

Для пресечения попыток скрыть имущество, которое, по мнению органов предварительного расследования, добыто преступным путем, как правило, проводятся неотложные следственные действия – осмотры помещений, жилища, выемки и обыски. В условиях, не терпящих отлагательства, действуя на опережение, следователи или дознаватели приобщают в качестве вещественных доказательств довольно обширный круг предметов и имущества (в том числе и объекты движимого и недвижимого имущества).

Неслучайно перечень имущества «иных лиц», об аресте которого ходатайствует следствие или дознание, как добытого преступным путем, как правило, совпадает с перечнем имущества, которое уже приобщено к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств после произведенных обысков, выемок и осмотров помещений и местности.

Степень достоверности и достаточности доказательств, которыми оперируют следователи (дознаватели) на первоначальном этапе расследования в отношении действительной принадлежности арестованного имущества, невелика. Здесь надо признать, что в данном случае «работает» шаблон превалирования публичных интересов над частно-публичными, т.к. преследуется благая цель обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества.

Действительно, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Одновременно п. 2 ч. 1 названной нормы гласит о необходимости защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод.

В силу фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в отношения собственности, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ (постановления от 16 июля 2008 г. № 9-П и от 31 января 2011 г. № 1-П), не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность используемых средств и преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению.

Вернемся еще раз к тексту закона (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) – «арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если

есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

Данная уголовно-процессуальная мера имеет принудительный характер и вторгается помимо воли собственника в его правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а потому должна применяться – как того требуют выражающие принцип неприкосновенности собственности конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, а также конституционные гарантии судебной защиты – при эффективном, а не формальном контроле суда. При этом не должна допускаться подмена частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, направленными на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства.

Ключевой фразой в тексте ч. 3 ст. 115 УПК РФ являются слова «...если имеются достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий...». Здесь имеет место субъективное оценочное усмотрение, поскольку для одних лиц всегда оснований что-то полагать недостаточно, а для других (исходя, конечно же, из процессуального интереса) этих же оснований достаточно.

Какими же процессуальными доказательствами для вынесения постановления о наложении ареста на имущество иных лиц располагает следствие на первоначальном этапе расследования? Здесь их можно пересчитать по пальцам – протокол обыска, протокол осмотра помещений или жилища, протокол выемки, протоколы допроса в качестве свидетелей «иных лиц», чье имущество следствие намеревается арестовать. Конечно же, имеются официальные документы, свидетельствующие о принадлежности «иным лицам» права собственности на указанное имущество.

В большинстве случаев рабочая версия следователя (дознавателя) основывается на первоначальном этапе расследования на материалах оперативно-розыскных мероприятий, которые еще не получили своего подтверждения средствами уголовно-процессуального характера.

В постановлении о возбуждении ходатайства перед судом о наложении ареста на имущество должны быть отражены: место и дата (число, месяц, год) его вынесения; должность, наиме-

нование органа предварительного следствия или дознания, классный чин или специальное звание, фамилия, имя, отчество составившего постановление; указание на уголовное дело, по которому принимается данное решение (регистрационный номер, фамилия, имя, отчество лица, в отношении которого возбуждено и по какой статье (части статьи) УК); содержащиеся в материалах уголовного дела доказательства, подтверждающие необходимость и обоснованность проведения этого процессуального действия, а также указывается цель (цели) наложения ареста на имущество.

Постановление должно также содержать указание: какое конкретно имущество подлежит аресту, кому это имущество принадлежит, место нахождения имущества либо наименование банка или иной кредитной организации и номер счета.

В какой мере представляемые следователями доказательства являются достаточными для суда, чтобы полагать, что имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)?

На этот вопрос ответит сама за себя судебная статистика, т.к. «удовлетворимость» ходатайств о наложении ареста на имущество «иных лиц» близка к 100% [3]. Это вывод основывается, к сожалению, только на материалах частных исследований студентов и аспирантов, поскольку официальной статистикой судебного департамента при Верховном Суде РФ учет работы судов в этой части вообще не предусмотрен.

Цель настоящей статьи не является подвергать сомнению судебную практику по исследуемому вопросу. Однако часто складывается впечатление, что удовлетворение заявленных ходатайств следствия (дознания) о наложении ареста на имущество «иных лиц» нередко производится «авансом». То есть существует устойчивое мнение, что если «иные лица» являются обладателями арестованного имущества на законных основаниях и оно никак не связано с преступной деятельностью обвиняемых, то арест имущества будет, разумеется, отменен.

Об этом гласит и ч. 9 ст. 115 УПК РФ – «наложение ареста на имущество отменяется на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении этой меры

отпадает необходимость». То есть в данном случае вновь имеет место «усмотрение» лиц, производящих расследование. Напомню, что ч. 9 ст. 115 УПК РФ признана частично не соответствующей Конституции РФ постановлением Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г.

Здесь будет уместным напомнить, что в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в предмет доказывания входит установление обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 1041 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). В связи с чем на практике, как правило, статус арестованного имущества остается таковым до принятия окончательного процессуального решения по уголовному делу. Налицо конфликт интересов следствия (дознания) и собственников имущества, которое подверглось аресту.

Конституция РФ и Конвенция о защите прав человека и основных свобод [4] обязывают государство обеспечить эффективную защиту, включая судебную, права собственности лицам, чье имущество длительное время находится под арестом, в том числе изначально наложенным в не терпящих отлагательства случаях.

Соответственно, устанавливаемые во исполнение судебного решения о наложении ареста на имущество ограничения правомочий владения, пользования и распоряжения могут быть оспорены в судебном порядке, с тем чтобы, как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П [5], по прошествии времени суд проверил соразмерность ограничения прав собственника и рассмотрел возможность (при наличии к тому оснований) возвращения ему имущества во владение и пользование или возможность полной отмены данной меры процессуального принуждения.

Предлагаем при подготовке законопроекта о внесении изменений и дополнений в УПК РФ в отношении вышеупомянутых «иных лиц» ввести новый термин – «имущественный ответчик». В общем и целом, основным «родовым» критерием отнесения лиц к категории «гражданский ответчик» являлись нормы гражданского законодательства, в соответствии с которыми у лиц, не совершавших преступлений, возникала обязанность возместить вред, причиненный преступлением.

В случае же с «иными лицами» производным понятием является именно само имущество, в отношении которого имеется предположение, что оно получено в результате преступных действий обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной преступной группы, вооруженного формирования, преступного сообщества.

В настоящий момент на практике по большинству уголовных дел лица, чье имущество подверглось аресту в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ, допрашиваются в качестве свидетелей об обстоятельствах происхождения интересующего следствие имущества. В таком статусе эти «иные лица» пребывают, как правило, до разрешения вопроса о судьбе их имущества по существу.

Считаем, что с момента вынесения постановления суда об удовлетворении ходатайства органов предварительного расследования о наложении ареста на имущество «иных лиц» следует признавать их «имущественными ответчиками» на основании постановления лица, производящего расследование. В указанном постановлении необходимо разъяснить права и обязанности «имущественного ответчика». При этом предлагается наделить «имущественных ответчиков» аналогичным объемом прав и обязанностей, тождественным объему прав и обязанностей «гражданского ответчика» (ст. 54 УПК РФ).

Тождественность прав и обязанностей «гражданского ответчика» и «имущественного ответчика» вытекает из самой природы затрагиваемых их прав и интересов процессом вовлечения в сферу уголовно-процессуальных отношений. И в том, и в другом случае лица несут имущественную ответственность за причиненный преступлением вред, который они не совершали.

Анализ ст. 54 УПК РФ показывает, что имеющийся арсенал прав позволит «имущественному ответчику» в полной мере защитить в уголовном судопроизводстве свои законные права и интересы.

Кроме того, необходимо внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на ограничение срока (продолжительности) применения наложения ареста на имущество, разумность и необходимость которого должны определяться судом.

В связи с этим предлагается предусмотреть, что первоначальный срок ареста имущества не должен превышать двухмесячный срок расследования (ст. 162 УПК РФ) и, соответственно, месячный срок при производстве дознания (ст. 223 УПК РФ); что в каждом случае продления процессуальных сроков расследования следует рассматривать вопрос о необходимости дальнейшего ареста имущества в рамках судебного контроля. В связи с этим следует дополнить ст. 115 УПК РФ, предусмотрев обязанность следователя (дознателя) направлять соответствующее ходатайство в суд о продлении срока наложения ареста на имущество.

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 окт. 2014 г. № 25-П. URL: <http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/PILOT/main.htm>

2. Масленникова Л.В. Гражданский ответчик в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.

3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012, 2013 и 2014 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2588>

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.); Протоколом № 4 (подписан в г. Страсбурге 16 сент. 1963 г.); Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 нояб. 1984 г.) // *Собр. законодательства РФ*. 2001. № 2. Ст. 163.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 янв. 2011 г. № 1-П. URL: <http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/PILOT/main.htm>

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Oct. 21, 2014 № 25-P. URL: <http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/PILOT/main.htm>

2. Maslennikova L. V. Civil defendant in the Russian criminal dimensional process: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2001.

3. Aggregated statistical information about the activities of Federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2012, 2013 and 2014. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2588>

4. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms 1950 (as amended of May 13, 2004) together with the Protocol № 1 (signed at Paris on March 20, 1952); Protocol № 4 (signed at Strasbourg on Sept. 16, 1963); Protocol № 7 (signed at Strasbourg on Nov. 22, 1984) // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2001. № 2. Art. 163.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Jan. 31, 2011 № 1-P. URL: <http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/PILOT/main.htm>

Адаменко Игорь Евгеньевичкандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

К вопросу о месте реального, абстрактного и идеализированного типов знания в разрешении проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона

Статья посвящена осмыслению места реального, абстрактного и идеализированного типов знания в разрешении проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона. Показана негативная роль либерализма в проведении судебных реформ. Произведено осмысление потенциала научного метода в разрешении проблемы повышения качества уголовно-процессуального закона. Продемонстрирована возможность исследования духа уголовно-процессуального закона посредством идеализации.

Ключевые слова: тип знания, проблема, либерализм, реформа, дух уголовно-процессуального закона.

I.E. Adamenko, Master of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

On the problem of the place of the real, abstract and idealized types of knowledge in solving the problem of increasing the quality of implementation of criminal procedure law

The paper considers comprehension of the place of real, abstract and idealized types of knowledge in solving the problem of improving the quality of implementation of the criminal procedural law. Displaying the negative role of liberalism in judicial reform. Produced comprehension potential of the scientific method in solving problems improving the quality of criminal procedural law. Demonstrated the possibility of research of the spirit of the law of criminal procedure through idealization.

Key words: type of knowledge, problem, liberalism, reform, spirit of criminal procedural law.

В свое время один из основателей евразийской философии права Н.Н. Алексеев писал: «Ни в одной стране Западной Европы мы не встречаемся с явлением, которое до последнего времени можно было наблюдать в России: именно, с резким разрывом между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс. Со времени Петра Великого высшие классы жили духовными интересами западноевропейского культурного мира, не только слепо подражали Западу, но и своеобразно претворяя западные начала в русской стихии... Русские же народные массы в это время жили своей собственной, во многих отношениях еще и теперь неопознанной жизнью, чуждой западным влияниям и питающейся единственно силами русской национальной души. ...Русский народ во многих отношениях жил своей собственной духовной жизнью, по-своему верил в Бога, имел собственную уст-

ную поэзию, даже свою собственную писаную литературу, свои собственные нравственные представления, даже свое обычное право» [1, с. 68].

В наше время имеются все основания утверждать, что Уставы уголовного судопроизводства 1864 г. явились следствием господствующего в то время либерального мировоззрения и восприняли собой логическую (гносеологическую) научную парадигму мышления. По этому поводу А.В. Агутин пишет: «...вектор судебной реформы середины XIX века в уголовно-процессуальной сфере был направлен на проведение в законодательство теории улик, в основе которой лежал рассудок и подменный логикой разум. Иными словами, сказанное можно выразить следующим образом – стержнем уголовно-процессуальной реформы была модель доказывания, основанная на рациональном познании. Вне этой модели оставались иррациональные формы познания, например интуиция» [2, с. 90].

Процессуалисты нашего времени также усматривают разрыв, с одной стороны, между мировоззрением, воплощенным в УПК РФ, а с другой – мировоззрением правоприменителя и широких народных масс. В частности, на него указывает В.Т. Томин, исследуя в наши дни актуальные вопросы теории и практики российского уголовного судопроизводства. Он пишет: «...противостояние “высших классов” и “широких народных масс” получило весьма своеобразную модификацию в широко распространяемых взглядах на уголовное судопроизводство в наши дни. В качестве первых нынче выступают политизированные или даже просто ангажированные юристы и законодатели, в качестве вторых – большинство профессиональных работников правоохранительной системы, те, кому на своих плечах приходится тащить изыски западных заимствований. Во всех обсуждениях проекта нового УПК РФ указанное противостояние наблюдалось невооруженным глазом» [3, с. 115].

УПК РФ, как и Уставы уголовного судопроизводства 1864 г., воспринял дух либерального мировоззрения. На эту ипостась судебной реформы указывает А.В. Агутин. Он отмечает: «...в ходе судебной реформы акцент был сделан не столько на создание механизма охраны условий функционирования и развития современного российского общества, сколько на законодательное закрепление ряда не слишком всеобщих положений доказывания, характерных для индивидуалистической философии одного из сегментов человеческого общества (западноевропейского). В результате подобного закрепления оказались проигнорированными философия и государствоведение, свойственные не только мировоззренческим системам не западноевропейских сегментов (буддизм, ислам, индуизм, иудаизм), но и собственно российское мировоззрение» [4, с. 4].

Неучет иррациональных форм познания при производстве по уголовному делу является признаком того, что уголовно-процессуальный закон проигнорировал мировоззрение широких народных масс нашей страны. Использование потенциала творческого подхода к определению мировоззренческой составляющей уголовно-процессуального закона позволяет нам высказать следующую идею: в основе проблемы реализации уголовно-процессуального закона лежит противоречие между постулатами материального мировоззрения, нашедшего свое проявление в нормативных актах как истори-

ческого прошлого (Уставы уголовного судопроизводства 1864 г.), так и настоящего времени (УПК РФ).

Ситуация, сложившаяся с реализацией уголовно-процессуального закона, свидетельствует о том, что налицо противоречие между необходимостью реализации уголовно-процессуального закона и возможностью качественной его реализации. Сразу же следует отметить, что любое противоречие, включая и отмеченное, является свойством мышления, а не бытия (жизни). Для бытия несвойственны противоречия. Методологически отталкиваясь от данной установки, мы полагаем, что действенным способом разрешения анализируемого противоречия может послужить научная парадигма мышления.

Научная парадигма мышления определяет способ (научный метод) решения проблемы реализации уголовно-процессуального закона. Научный метод решения проблемы реализации уголовно-процессуального закона представляет собой способ ее решения. В свою очередь, под словом «способ» в настоящем исследовании понимается направление, схема или структура действий исследователя. Информацию (знание) о научном методе, примененном для решения проблемы уголовно-процессуального закона, мы будем получать из имеющихся в нашем распоряжении научных источников: монографий, статей, учебных и учебно-практических пособий. Такой подход позволит нам получить знание о научном методе разрешения проблемы реализации уголовно-процессуального закона.

В результатах исследований знание о примененном научном методе тесно связано с самими исследованиями, оно не отделено от научного творчества, а вплетено в него. В этом смысле посредством научного метода решения проблемы реализации уголовно-процессуального закона получаем предметное знание об этой проблеме. Структурно оно неоднородно и включает в себя три типа знания, соотносясь с которыми и определяются объекты знаний в контексте анализируемой нами проблемы: реальные, абстрактные и идеализированные.

Реальный объект знания в постановке и разрешении проблемы реализации уголовно-процессуального закона представляет собой единичное, отдельное наблюдаемое в определенном месте и в определенное время событие (явление). Так, в наши дни мы наблюдаем с позиции уголовно-процессуальной

науки одно весьма любопытное явление, возможность непосредственной реализации норм Конституции РФ в уголовно-процессуальной сфере требует своеобразной протекции. В одном случае такую протекцию конституционным нормам оказывают процессуалисты, которые убеждают, как правило, правоприменителей в юридических свойствах конституционных норм. Например, В.П. Божьев, несмотря на то, что Конституция РФ является одним из источников уголовно-процессуального закона, вынужден приводить дополнительные аргументы в пользу возможности использования ее положений в непосредственном регулировании уголовно-процессуальных отношений. Наиболее весомыми из них являются два нижеследующих аргумента. Во-первых, В.П. Божьев верно полагает, что имеется возможность непосредственного применения норм Конституции РФ при производстве по уголовному делу. Во-вторых, нормы Конституции РФ имеют возможность прямого применения при разрешении коллизий между уголовно-процессуальным законом и другими отраслевыми нормативными актами [5].

Возможность непосредственного применения норм Конституции РФ в качестве источника уголовно-процессуального закона как прямо указывается в ней самой, так и неоднократно дублировалась Конституционным Судом РФ и Пленумом Верховного Суда РФ. Так, согласно Конституции РФ она занимает высшую ступень в иерархии действующих нормативных актов, обладает высшей юридической силой и применяется на всей территории Российской Федерации непосредственно (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» разъяснил указанное конституционное положение. В соответствии с ним судам при рассмотрении уголовных дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия [6, с. 3].

Потребность в дополнительных усилиях как со стороны процессуальной общественности, так и со стороны высших судебных инстанций нашей страны, направленных на разъяснение

юридической силы конституционных норм, позволяет нам говорить о том, что в данной ситуации мы имеем дело с реальными знаниями об объекте проблемы реализации уголовно-процессуального закона. К слову, знания о реальном объекте проблемы реализации уголовно-процессуального закона были бы неполными, если бы мы не указали на один любопытный факт: бездействия законодателя в ситуациях, когда Конституционный Суд РФ признает неконституционными конкретные нормы УПК РФ [7, с. 145–152].

Второй тип знания об объекте реализации уголовно-процессуального закона – это знание об абстрактном объекте. Данный тип знания проблемы реализации уголовно-процессуального закона определяет общие и доступные черты (признаки) этой проблемы. Например, как исследователи мы имеем дело с абстрактным типом знания об объекте проблемы реализации уголовно-процессуального закона тогда, когда уясняем его формальные положения, абстрагируясь от содержательных (сущностных) свойств. В такой ситуации исследуется буква закона, его дух же остается вне нашего поля исследования.

Дух уголовно-процессуального закона можно осмыслить не в рамках абстрактного объекта, а в контексте идеализированных объектов. Эти идеализированные объекты иногда называют идеальными объектами, теоретическими конструктами, мысленными или теоретическими моделями. Все эти перечисленные объекты существуют только в мысли. Отсюда имеются все основания вести речь о том, что в интересующем нами историческом аспекте идеализированный объект проблемы реализации уголовно-процессуального закона представляет собой идеализированное знание о нем. Скажем так, идеализированное знание о проблеме реализации уголовно-процессуального закона представляет собой результат идеализации. «Идеализация, – пишет А.С. Кармин, – это способ, с помощью которого исследователь устраняет факторы, затемняет сущность изучаемых явлений. Благодаря ей он получает возможность сделать в своей мысли то, что нельзя осуществить в реальной действительности» [8, с. 425–426]. Идеализация предполагает не просто выделение того или иного ключевого свойства (признака), но и мысленное его конструирование.

1. Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство*. М., 1998.

2. Агутин А.В. *Основы уголовно-процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве* / под ред. В.Н. Григорьева. М., 2010.

3. Томин В.Т. *Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики*. М., 2009.

4. Агутин А.В. *Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Н. Новгород, 2005.

5. Божьев В.П. *Пятилетие Уголовно-процессуального кодекса* // *Законность*. 2007. № 1.

6. *О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8* // *Бюл. Верховного Суда РФ*. 1996. № 1.

7. Бахта А.С. *Решения Конституционного Суда РФ в системе источников уголовно-процессуального права* // *Современный человек и общество: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Т 2: Право*. М., 2010.

8. Кармин А.С. *Методы и формы научного познания* // *Философия и методология познания: учеб. для магистров и аспирантов*. СПб., 2003.

1. Alekseev N.N. *Russian people and the state*. Moscow, 1998.

2. Agutin A.V. *Basics of criminal procedure evidence in Russian criminal trial* / ed. by V.N. Grigoriev. Moscow, 2010.

3. Tomlin V.T. *Criminal procedure: actual problems of theory and practice*. Moscow, 2009.

4. Agutin A.V. *Worldview ideas in criminal procedure proving: auth. abstr. ... Dr of Law*. Nizhny Novgorod, 2005.

5. Bozhyev V.P. *The fifth anniversary of the Criminal procedure code* // *Legality*. 2007. № 1.

6. *On some issues of application of the Constitution of the Russian Federation courts in administering justice: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Oct. 31, 1995 № 8* // *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 1996. № 1.

7. Bakhta A.S. *Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of criminal procedural law sources* // *Modern man and society: coll. of papers of the Intern. sci.-pract. conf. Vol. 2: Law*. Moscow, 2010.

8. Karmin A.S. *Methods and forms of scientific knowledge* // *Philosophy and methodology of knowledge: textbook for graduate and postgraduate students*. St. Petersburg, 2003.

Башинская Инна Геннадьевнакандидат юридических наук,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru)

Процессуальные проблемы изъятия предметов и документов в ходе следственной проверки

В статье проведен анализ проблемных вопросов регламентации и правоприменения одного из способов проверки сообщения о преступлении – истребования и изъятия предметов и документов.

Ключевые слова: доказательства, истребование, изъятие предметов и документов, проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела.

I.G. Bashinskaya, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

Procedural issues of seizure of objects and document during the pre-investigation inspection

The article analyzes the problematic issues of regulation and enforcement of a way of checking crime report – reclamation and seizure of objects and documents.

Key words: evidence, reclamation, seizure of objects and documents, inspection of reports of the crime, stage of initiating criminal case.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) внесены существенные изменения, связанные с регламентацией проверки сообщений о преступлениях. В настоящее время перечень способов такой проверки значительно расширен. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Из числа следственных действий они вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов, трупов, а также освидетельствование (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Подобные новеллы породили ряд вопросов и дискуссий среди ученых и практических работников. Все это в полной мере касается одного из способов проверки сообщения о преступлении – истребования и изъятия пред-

метов и документов. Несмотря на закрепление данного способа в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, по сути, процедура истребования (изъятия) предметов и документов, а также порядок фиксации результатов ее проведения остались не урегулированными.

В первую очередь возникает вопрос: является ли изъятие предметов и документов самостоятельным процессуальным действием, непосредственной целью отдельных следственных действий или же их составным элементом?

По мнению В.В. Артемовой, данная процедура заключается в действиях следователя (дознателя) по направлению предписания гражданину или юридическому лицу представить определенные материалы, передаче истребуемого объекта и процессуальном оформлении данных фактов. При этом форма такого запроса может быть как устной, так и письменной. Запрос в устной форме предпочтителен в случаях истребования предметов и документов у физического лица. Письменная форма целесообразна при обращении к юридическому лицу. В этих ситуациях следует обосновывать необходимость изъятия соответствующих предметов и документов, указывать на конкретный предмет (документ) и сроки их предоставления. Копия запроса в материалах проверки будет являться подтверждением проверочного действия и позволит объяснить происхождение объекта [2, с. 3].

Введение нормы о возможности истребования (изъятия) предметов и документов в ходе проверки сообщений о преступлении связывают с возвратом к правилам, которые существовали в ранее действовавшем законодательстве. В ст. 109 УПК РСФСР 1960 г. предусматривалось истребование необходимых материалов, которое проводилось до возбуждения уголовного дела и оформлялось различным образом: протоколом изъятия и осмотра, протоколом обнаружения и изъятия, протоколом добровольной выдачи, актом изъятия и некоторыми другими документами [2, с. 4].

Аналогичную точку зрения высказывают и другие авторы, т.е. по сложившейся практике, если необходимо истребовать материалы от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц, составляется письменный запрос со ссылкой на ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Хотя в самой норме о порядке такого запроса ничего не сказано. Не определен также и срок, в течение которого должны быть высланы запрошенные материалы. При этом законодатель не устанавливает каких-либо форм и условий отражения результатов истребования в процессуальных документах. Ввиду отсутствия законодательной регламентации данного процессуального действия на практике оно осуществляется по-разному: составляются различные документы, проводятся действия, не установленные в законе [3, с. 22].

Существует и другая трактовка положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Многие процессуалисты и практические работники расценили эти положения как возможность производства выемки и обыска до возбуждения уголовного дела [4, с. 30]. Подобный вывод напрашивается из формулировки ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой сказано, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе «... истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом...». Помимо этого нормы ч. 1 ст. 182 и ч. 1 ст. 183 УПК РФ в качестве оснований производства обыска и выемки предусматривают наличие достаточных данных, свидетельствующих о необходимости изъятия определенных предметов и документов, которые имеют значение для уголовного дела.

Следует заметить, что мнения ученых по поводу расширения перечня следственных действий до возбуждения уголовного дела разделились, зачастую они кардинально противоположны. Есть опасения, что расширение

количества способов проверки сообщений о преступлении путем включения дополнительных следственных действий может устранить какую-либо грань между этапом возбуждения уголовного дела и предварительным расследованием.

Представляется, что отождествлять обыск, выемку и истребование (изъятие) предметов и документов нельзя.

Во-первых, обыск и выемка четко поименованы в качестве следственных действий в УПК РФ, поэтому законодатель в ч. 1 ст. 144 УПК РФ мог сделать ссылку на их производство.

Во-вторых, следует учитывать, что в ряде случаев для производства обыска и выемки требуется решение суда, к таким случаям относятся: обыск в жилище, выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард.

В-третьих, в ч. 1 ст. 182 и ч. 1 ст. 183 УПК РФ предусмотрено изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. На стадии проверки сообщения о преступлении уголовного дела еще нет. Соответственно такие следственные действия, как обыск и выемка, не могут производиться до возбуждения уголовного дела.

Здесь уместно обратиться к историческому опыту. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве дореволюционного периода при выяснении оснований для начала предварительного следствия не допускалось применение действий, связанных с принуждением, а именно обысков и выемок (ст. 254 УУС) [5, с. 722]. Данный тезис сохраняет свое значение и в настоящие дни.

Таким образом, законодатель не установил, в рамках каких следственных действий допустимо осуществлять изъятие документов и предметов. По логике речь может идти об изъятии предметов и документов в ходе следственных действий, которые допустимо производить до возбуждения уголовного дела: осмотр места происшествия, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования.

В юридической литературе обращено внимание на то, что законодательно не решен вопрос о судьбе предметов и документов, которые были изъяты в ходе доследственной проверки, в случаях отказа в возбуждении уголовного дела. В связи с этим предлагается ст. 148

УПК РФ дополнить частью 2.1 следующего содержания: «В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела должен быть решен вопрос о возвращении изъятых (полученных) в ходе проверки предметов, документов и образцов. При наличии спора о том, кому должны быть возвращены изъятые предметы, документы и образцы, он решается в порядке гражданского судопроизводства, а изъятое хранится до вступления в силу решения суда» [6, с. 42].

Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения. Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ [7] внесены изменения в ч. 4 ст. 81 УПК РФ, в которой и раньше было закреплено, что делать с «предметами», изъятыми в ходе досудебного производства, но не признанными вещественными доказательствами, но лишь с предметами. Названный федеральный закон распространил этот же порядок и на электронные носители и документы. При этом законодателем уточнено, что возврат таковых должен быть осуществлен с учетом требований ст. 6.1 УПК РФ.

Любой предмет, документ, не признанный вещественным доказательством, подлежит возврату лицу, у которого он был изъят либо от кого он был получен, если данное лицо ходатайствует об этом. Он должен быть предложен этому лицу для возврата и при отсутствии соответствующего ходатайства. Здесь следует отметить некоторую неточность в законе. В частности, предметы, документы могут быть изъяты у одного лица, а их собственником (иным законным владельцем) может быть другое лицо. Поэтому ч. 4 ст. 81 УПК РФ следует дополнить правилом о том, что предметы и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты и (или) которые являются их собственниками, иными законными владельцами. Поэтому лишь в случае, когда собственник (владелец) в письменной форме отказывается от изъятых предмета, документа, можно применять правила, предусмотренные п. 3 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, т.е. данные предметы, документы могут быть уничтожены. В случае ходатайства заинтересованных лиц или учреждений такие предметы, документы могут быть переданы им.

Следует отметить, что предметы, документы, обладающие признаками доказательства, следователем (дознавателем) должны быть на стадии предварительного расследования осмотрены, признаны вещественными доказательствами. Соответственно, предметы, документы, изъятые в ходе предварительной проверки до возбуждения уголовного дела, являются непри-

знанными вещественными доказательствами. Если и на стадии предварительного расследования в распоряжении следователя (дознавателя) имеются предметы и документы, которые позволили бы вынести постановление о признании их вещественными доказательствами, то их судьба должна определяться по уже названным правилам ч. 4 ст. 81 УПК РФ.

Далее необходимо обратить внимание на термины «истребование» и «изъятие». Отдельные авторы предлагают в редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ оставить один из альтернативных вариантов: «истребование предметов и документов» либо «изъятие предметов и документов», что представляется разумным. Слово «истребование» означает получение чего-либо на основании требования [8], а термин «изъять» – исключить, устранить, вообще удалить (из оборота, из употребления) [9].

Если рассматривать истребование (изъятие) предметов документов как отдельное процессуальное действие, обращенное к физическому либо юридическому лицу, то более соответствует этому действию термин «истребование». Придерживаясь точки зрения о том, что истребование (изъятие) предметов и документов осуществляется в ходе следственных действий, которые допустимо производить до возбуждения уголовного дела, считаем уместным использовать слово «изъятие». Данный термин следует толковать как лишение лица возможности реализации им своего права владеть, а зачастую также пользоваться и распоряжаться предметом (документом).

В юридической литературе приводится анализ следственной практики территориальных органов МВД России в Москве, Астрахани, Волгограде, Нижнем Новгороде, Самаре, Твери, Тольятти, Хабаровске с целью изучения вопроса, насколько востребованы новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении. Выяснилось, что такие формы, как истребование документов и предметов, изъятие их в установленном порядке, назначение и производство судебной экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования, практически не используются. При этом приводились такие аргументы: «прокурор не давал указаний», «не было распоряжения начальника», «рекомендовано не торопиться», «пока отсутствует наработанная практика», «сначала нужно изучить опыт других регионов» и т.п. [3, с. 23].

Подводя итог проведенному исследованию, следует сказать, что нормы уголовно-процес-

суального закона должны быть максимально четкими и конкретными, что обеспечит их единообразное и правильное применение. Целесообразно в ч. 1 ст. 144 УПК РФ фразу «...искребовать документы и предметы, изымать их

в порядке, установленном настоящим Кодексом...» заменить следующим положением: «...изымать документы и предметы в ходе следственных действий, предусмотренных настоящей статьей».

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875; 2013. № 52. ч. 1. Ст. 6997.

2. Артемова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Рос. следователь. 2014. № 3.

3. Цховребова И.А. Новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении: что изменилось? // Рос. следователь. 2013. № 21.

4. Зажицкий В.И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Рос. юстиция. 2013. № 11.

5. Шадрин В.С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 4.

6. Махмутов М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 7.

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

8. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/5497> (дата обращения: 20.05.2015).

9. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/lzjat-10780.html> (дата обращения: 20.05.2015).

1. On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL (in ed. of Dec. 28, 2013 № 432-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875; 2013. № 52, pt. 1. Art. 6997.

2. Artemova V.V. Problematic aspects of the implementation of reclamation and seizure of objects and documents at the stage of a criminal case // Russian investigator. 2014. № 3.

3. Tskhovrebova I.A. New procedural means of verification reports of crime: what has changed? // Russian investigator. 2013. № 21.

4. Zazhitsky V.I. Additions to the article 144 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: the pros and cons // Russian justice. 2013. № 11.

5. Shadrin V.S. The initial phase of the criminal process, from the Charter of criminal proceedings to the existing criminal procedure law // Actual problems of Russian law. 2014. № 4.

6. Makhmutov M.V. The Law on the inquest in summary form and reform stage of excitation of criminal case // Legality. 2013. № 7.

7. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of July 28, 2012 № 143-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 31. Art. 4332.

8. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/5497> (date of access: 20.05.2015).

9. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/lzjat-10780.html> (date of access: 20.05.2015).

Дмитриева Анна Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Южно-Уральского государственного университета
(Национального исследовательского университета)
(e-mail: annadm@bk.ru)

Законодательные предпосылки и тенденции повышения эффективности процесса государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства

Рассмотрена хронология принятия правовых актов, направленных на государственную защиту участников уголовного судопроизводства. Дана их классификация, определены основные современные тенденции развития российского законодательства, регулирующего безопасность личности в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: защита свидетелей, координация, борьба с преступностью, уголовное дело, защита личности, участники уголовного процесса, уголовное судопроизводство, безопасность потерпевших.

A.A. Dmitrieva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the South Ural State University (National Research University); e-mail: annadm@bk.ru

Legislative prerequisites and tendencies of increase of efficiency of process of the state protection and safety of participants of criminal legal proceedings

The chronology of adoption of the legal acts directed on the state protection of participants of criminal legal proceedings is considered. Their classification is given and the main current trends of development of the Russian legislation regulating safety of the personality in the sphere of criminal legal proceedings are defined.

Key words: protection of witnesses, coordination, fight against crime, criminal case, protection of personality, participants of criminal trial, criminal legal proceedings, safety of victims.

Основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства были заложены в Концепции судебной реформы 1991 г. [1]. Так, например, в ст. 10 Концепции указано, что при организации судебных процессов необходимо «гарантирование безопасности присутствующих в зале судебного заседания силами подразделений судебной милиции (на первом этапе – прикомандирование к судам сотрудников местного УВД)». Имелась в виду служба судебных приставов-охранников, которые в настоящее время осуществляют функцию поддержания правопорядка в судебных помещениях на основании ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в редакции от 8 марта 2015 г.) «О судебных приставах» [2].

В настоящее время в Российской Федерации принят достаточный перечень законов и подзаконных правовых актов, регулирующих применение мер государственной защиты и обеспечение безопасности личности в сфере

уголовного судопроизводства. В связи с их значительным количеством позволим провести их классификацию в целях уяснения имеющихся тенденций.

Прежде всего, отметим действие двух законов, специально направленных на государственную защиту участников уголовного судопроизводства.

Одним из них был Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (в редакции от 3 февраля 2014 г.) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [3]. Проблемы его внедрения, несвоевременности принятия подзаконных актов, направленных на реализацию основных положений были подвергнуты справедливой критике в работах отечественных юристов [см., например: 4, с. 18–23; 5, с. 97–102].

Обеспечение безопасного производства по уголовному делу на тот период, как и в насто-

ящее время, являлось актуальным. Так, например, по данным А.Ю. Епихина, абсолютно спокойны за свою личную безопасность и не подвергались давлению только четверть опрошенных судей и 36% следователей прокуратуры. Однако большая часть судейского корпуса (64,2%) и следователей прокуратуры (64%) имеют серьезные основания опасаться за свою личную безопасность. Неоднократно с воздействием на потерпевших и свидетелей по уголовным делам сталкивалось 50,9% судей и 80% следователей прокуратуры. Факты воздействия на экспертов, включая единичные случаи, отмечают около 10% судей и 12% следователей прокуратуры, в отношении иных участников процесса – соответственно 30% и 28% [6].

Впоследствии 20 августа 2004 г. был принят другой специальный закон – Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [7]. Применение его положений также вызвало немало критических замечаний по поводу длительности принятия соответствующих подзаконных правовых актов [см., например: 8, с. 77–81; 9, с. 69–70].

Во исполнение вышеуказанных законов были приняты иные правовые акты, и особое место в этой иерархии занимают три Государственные программы, направленные на обеспечение действия положений Федерального закона № 119-ФЗ: постановление Правительства РФ от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы”» [10]; постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 (в редакции от 16 декабря 2013 г.) «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы”» [11]; постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 (в редакции от 5 сентября 2014 г.) «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» [12]. Они предусматривают финансирование мер государственной защиты, обеспечения безопасности и социальной поддержки защищаемых лиц и являются важной гарантией реализации защитных мер.

Отдельные положения уже действующих законов и подзаконных актов, регулирующих применение мер государственной защиты, впоследствии подвергаются необходимым из-

менениям и дополнениям, о чем свидетельствует принятие соответствующих законов, таких как Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 145-ФЗ (в редакции от 20 апреля 2015 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» [13]; Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [14]; Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в статьи 219 и 241 Бюджетного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”» [15]; Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 45-ФЗ «О внесении изменения в статью 10 Федерального закона “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”» [16] и др.

В ряде постановлений Правительства РФ регулируются вопросы применения отдельных мер государственной защиты. Среди них: постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 (в редакции от 19 марта 2015 г.) «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [17]; постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 (в редакции от 25 марта 2013 г.) «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты» [18]; постановление Правительства РФ от 3 марта 2007 г. № 134 (в редакции от 19 ноября 2008 г.) «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [19]; постановление Правительства РФ от 21 сентября 2012 г. № 953 (в редакции от 19 марта 2015 г.) «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [20].

Кроме того, вопросы государственной защиты являются предметом правового регулиро-

вания в актах Президента РФ. Здесь, в частности, можно отметить Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (в редакции от 23 сентября 2005 г.) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [21].

Механизм реализации мер государственной защиты, возложенный на правоохранительные органы, установлен в соответствующих ведомственных приказах в виде Административных регламентов. При этом обратим внимание, что функция государственной защиты всех участников уголовного судопроизводства, как ведущая производство по делу, так и иных лиц, возложена на систему органов внутренних дел. На это указывают, в том числе: приказ МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 «Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (зарегистрирован в Минюсте РФ 17 октября 2007 г. № 10337) [22]; приказ ФСБ РФ от 3 февраля 2009 г. № 39 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких» (зарегистрирован в Минюсте РФ 17 марта 2009 г. № 13519) [23] – документ утратил силу; приказ ФСБ РФ от 5 марта 2015 г. № 152 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля за обеспечением защиты государственной тайны» (зарегистрирован в Минюсте РФ 3 апреля 2015 г. № 36720) [24].

В целях дальнейшей конкретизации и совершенствования принятых правовых актов в настоящее время разработано и подготовлено пять проектов законов, Указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, направленных на совершенствование процесса государственной защиты участников уголовного судопроизводства: проект постановления Правительства РФ «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты и осуществления меры безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» (по состоянию на 8 мая 2014 г.) – подготовлен МВД России; проект постановления Прави-

тельства РФ «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты и предоставления таких сведений» (по состоянию на 27 января 2014 г.) – подготовлен МВД России; проект Указа Президента РФ «О внесении изменения в Перечень сведений конфиденциального характера, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188» (по состоянию на 27 января 2014 г.) – подготовлен МВД России; проект постановления Правительства РФ «Об обеспечении мер защиты, предусмотренных Соглашением о защите участников уголовного судопроизводства от 28 ноября 2006 года» (по состоянию на 24 января 2014 г.) – подготовлен МВД России; проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты» – подготовлен МВД России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 1 августа 2014 г.). Они требуют правового анализа и изучения причин длительности непринятия.

Применение уголовно-процессуальных норм, обеспечивающих реализацию мер безопасности при производстве по уголовному делу, находит свое отражение в ряде постановлений высшей судебной инстанции. Так, например, в ст. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» отмечено, что «к информации ограниченного доступа относятся сведения, составляющие государственную тайну (ст. 5 Закона Российской Федерации “О государственной тайне”), иную охраняемую законом тайну (например, тайну усыновления (удочерения) <...>, а также иные сведения, доступ к которым ограничен на основании федерального закона (например, сведения о лицах, подлежащих государственной защите в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”))» [25].

Также в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» отмечено, что «если в ходе исследования судом степени угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной об-

винения, его близкие родственники, родственники и близкие лица (п. 4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ), установлено наличие оснований, предусмотренных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, суд вправе применить к ним любые меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные законодательством Российской Федерации, если такое решение не было принято органами предварительного расследования или прокурором. В соответствии с пп. 4, 5 ст. 18 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» орган, осуществляющий меры безопасности, сам избирает необходимые меры, определяет способы их применения и информирует об этом суд» [26].

В связи с этим, по нашему мнению, для повышения эффективности применения норм законодательства, регулирующих государственную защиту и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, необходимым условием является принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ. Кроме того, уже имеется несколько решений Конституционного Суда РФ, в которых прямо или опосредованно обсуждались, разъяснялись проблемы применения норм, регулирующих применение государственной защиты или обеспечение безопасности личности в производстве по делу, содействующей уголовному правосудию. В этой связи не исключаем продолжение единообразной практики конституционного правосудия.

Применение государственной защиты, на наш взгляд, прямо связано с координацией борьбы с преступностью, т.к. для их реализации и обеспечения безопасности защищаемых лиц необходимы совместные усилия различных правоохранительных и иных государственных органов.

Отметим, что вопросам координации мероприятий, направленных на противодействие преступности, в последние десятилетия отводится особое значение. Обратим внимание на принятие самостоятельного правового акта, направленного на правовое регулирование борьбы с преступностью, – Указа Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 (в редакции от 25 июля 2014 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [27]. В частности, в ст. 1 Указа отмечено, что «координация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы, органов по

контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению».

Кроме того, осуществление координации борьбы с преступностью возложено на систему органов прокуратуры Российской Федерации на основании ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в редакции от 22 декабря 2014 г., с изменениями от 17 февраля 2015 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» [28]. Сам же координационный процесс является предметом отдельного внимания ученых [см., например: 29, с. 21–26; 30, с. 7–10].

По утверждению Ф.М. Кобзарева, в настоящее время становится общепринятым, что эффективность координационной деятельности прокуратуры необходимо в первую очередь рассматривать с позиции отражения степени достижения цели этой деятельности и ее результата. Соответственно, уровень эффективности в этом случае и определяется результатом достижения поставленной цели [31]. На наш взгляд, обеспечение государственной защиты содействующих производству по уголовному делу участников процесса и осуществление действенного прокурорского надзора за этим процессом следует считать предпосылками ее надлежащего исполнения и формой координации со стороны прокуратуры такого способа противодействия преступности.

При этом, по нашему мнению, координация усилий правоохранительных органов по борьбе с преступностью может выражаться, в том числе, и в процессе обеспечения мер государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства.

Представляется, что координационный процесс обеспечения безопасности является вторичным по отношению к основному – процессу борьбы с преступностью, он носит как бы опосредованный, косвенный характер и может выражаться в различных формах при производстве по уголовному делу: в процессе сопровождения расследования оперативно-розыскной деятельностью [см., например: 32, с. 950–954] или при прокурорском надзоре о координации правоохранительных усилий пред-

варительного расследования [см., например: 33, с. 53–58], в форме международного сотрудничества [см., например: 34, с. 237–244] и пр.

Таким образом, можно констатировать, что законодательный процесс реализации мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства – явление сложное, оно подвержено объективным изменениям и сопровождается следующими основными тенденциями изменения действующего и принятия нового в российском законодательстве:

1) влияние норм международного права, направленных на обеспечение государственной защиты личности в уголовном процессе и их конвергенция в российское правовое поле;

2) влияние позитивного правового опыта и правоприменительной практики отдельных зарубежных стран на совершенствование российского законодательства о безопасности участников производства по уголовному делу;

3) ратификация Российской Федерацией международных соглашений и необходимость приведения в соответствие с принятыми соглашениями норм национального законодательства;

4) дробление проблемы реализации мер государственной защиты на более мелкие, путем принятия нормативных актов, регламентирующих детали процесса применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства;

5) внесение изменений и дополнений в действующие правовые акты в связи с принятием новых законов, изменяющих отдельные положения специальных законов;

6) повышение эффективности координации борьбы с преступностью, в том числе в сфере обеспечения прав и законных интересов защищаемых лиц, содействующих уголовному правосудию.

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

2. Собр. законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

3. Там же. 1995. № 17. Ст. 1455.

4. Зайцев О.А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2014. № 2(4).

5. Епихин А.Ю. К вопросу об истории становления понятия «безопасность личности» в уголовном судопроизводстве // Социальный порядок, толерантность и право: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 29–31 мая 2003 г.: в 2 ч. Краснодар, 2003. Ч. 2.

6. Епихин А. Правовое регулирование мер безопасности участников процесса // Законность. 2003. № 5.

7. Собр. законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

8. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 3(53).

9. Епихин А.Ю. Общие условия эффективности функционирования безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2003. № 4.

10. Собр. законодательства РФ. 2006. № 16. Ст. 1739.

1. About Concept of judicial reform in the RSFSR: resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of Oct. 24, 1991 № 1801-1 // Bull. of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 44. Art. 1435.

2. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3590.

3. Ibid. 1995. № 17. Art. 1455.

4. Zaitsev O.A. The degree of scientific elaboration of problems of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation // Criminal justice. 2014. № 2(4).

5. Epikhin A.Yu. To a question about the history of the concept of «human security» in the criminal proceedings // The social order, tolerance and law: proc. of the Intern. sci. and pract. conf., May 29–31, 2003: in 2 pt. Krasnodar, 2003. Pt. 2.

6. Epikhin A. Legal regulation of security measures of the process participants // Legality. 2003. № 5.

7. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 34. Art. 3534.

8. Zaitsev O.A. The concept of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation // Bull. of Orenburg state university. 2006. № 3(53).

9. Epikhin A.Yu. General conditions of effectiveness of the security of the individual in criminal proceedings // Criminal law. 2003. № 4.

10. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 16. Art. 1739.

11. Ibid. 2009. № 41. Art. 4778.

12. Ibid. 2013. № 29. Art. 3965.

13. Ibid. 2014. № 23. Art. 2930.

11. Там же. 2009. № 41. Ст. 4778.
12. Там же. 2013. № 29. Ст. 3965.
13. Там же. 2014. № 23. Ст. 2930.
14. Там же. 2013. № 52, ч. I. Ст. 6997.
15. Там же. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7030.
16. Там же. 2010. № 15. Ст. 1741.
17. Там же. 2006. № 45. Ст. 4708.
18. Там же. № 47. Ст. 4895.
19. Там же. 2007. № 11. Ст. 1325.
20. Там же. 2012. № 39. Ст. 5290.
21. Там же. 1997. № 10. Ст. 1127.
22. Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 47.
23. Там же. 2009. № 17 (прил. 2 к Регламенту не приводится). Документ утратил силу.
24. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.04.2015.
25. Рос. газ. 2012. 19 дек.
26. Там же. 11 июля.
27. Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.
28. Там же. 1995. № 47. Ст. 4472.
29. Зарубин В.И. Нормативное регулирование координационной деятельности по борьбе с преступностью на постсоветском пространстве // Законность. 2013. № 9.
30. Егоров Ю.В. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией – самостоятельная функция прокуратуры // Законность. 2015. № 2.
31. Кобзарев Ф.М. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Законность. 2014. № 11.
32. Мануков М.М. Координация прокурором борьбы с преступностью в ходе надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности // Административное и муниципальное право. 2014. № 9.
33. Ткачев И.В. О необходимости расширения полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью Следственного комитета // Рос. юстиция. 2014. № 9.
34. Галузо В.Н. Международное сотрудничество в системе функций прокуратуры Российской Федерации // Международное право и международные организации. 2014. № 2.
14. Ibid. 2013. № 52, pt. I. Art. 6997.
15. Ibid. 2011. № 49, pt. 1. Art. 7030.
16. Ibid. 2010. № 15. Art. 1741.
17. Ibid. 2006. № 45. Art. 4708.
18. Ibid. № 47. Art. 4895.
19. Ibid. 2007. № 11. Art. 1325.
20. Ibid. 2012. № 39. Art. 5290.
21. Ibid. 1997. № 10. Art. 1127.
22. Bull. of normative acts of the federal bodies of executive power. 2007. № 47.
23. Ibid. 2009. № 17 (App. 2 of the Regulations does not provide). The document is no longer valid.
24. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.04.2015.
25. Rus. newsp. 2012. Dec. 19.
26. Ibid. July 11.
27. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 17. Art. 1958.
28. Ibid. 1995. № 47. Art. 4472.
29. Zarubin V.I. Normative regulation of the coordination of activities to combat crime in the former Soviet Union // Legality. 2013. № 9.
30. Egorov Yu.V. Coordination among law enforcement agencies in the fight against corruption – an independent function of the Prosecutor's Office // Legality. 2015. № 2.
31. Kobzarev F.M. Evaluating the effectiveness of coordination among prosecutors to fight crime // Legality. 2014. № 11.
32. Manukov M.M. Coordination of the fight against crime by prosecutor in supervision of the legality of operatively-search activity // Administrative and municipal law. 2014. № 9.
33. Tkachev I.V. On the need to empower the prosecutor to oversee the procedural activities of the Investigative Committee // Russian justice. 2014. № 9.
34. Galuzo V.N. International cooperation in the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation // International law and international organizations. 2014. № 2.

Машовец Асия Океановна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета
(e-mail: okeanovna@me.com)

Босов Артем Евгеньевич

кандидат филологических наук,
помощник председателя Арбитражного суда Волго-Вятского округа,
доцент кафедры судебной экспертизы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
(e-mail: abossov@mail.ru)

О путях расширения применения института присяжных заседателей в уголовном процессе

В статье рассматриваются возможные пути развития законодательства о суде присяжных, отмечается противоречивость устремлений авторов различных законопроектов относительно данного института уголовно-процессуального права. Авторы статьи делают вывод о необходимости сохранения существующей модели суда с участием присяжных заседателей и расширения его подсудности.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовный процесс, народный суд, реформа.

A.O. Mashovets, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Ural State University of Law; e-mail: okeanovna@me.com;

A.E. Bosov, Master of Philology, Assistant to the Chairman of the Arbitration Court of the Volga-Vyatsky District, Assistant Professor of the Chair of Forensic Examination of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: abossov@mail.ru

Ways of enhancing the application the institute of jurors in criminal procedure

The authors discuss the possible ways of development of the law on jury trials. They note the contradictory aspirations of the various authors of the bill on this institution of criminal procedural law. The authors conclude on the need to preserve the existing model of the court jury and the expansion of its jurisdiction.

Key words: jury trial, criminal procedure, people's court, reform.

В начале 2015 г. по итогам встречи с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека, уполномоченными по правам человека, по правам ребенка и по защите прав предпринимателей Президент РФ подписал перечень поручений. В число этих поручений вошла и данная Верховному Суду России (далее – ВС РФ) рекомендация в срок до 30 марта 2015 г. «подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей» [1]. Такая постановка задачи вызвала немало забытых эмоций у юридической общественности и породила новые споры о перспективах российского суда присяжных.

С того момента, когда федеральный законодатель поддержал инициативу Пленума ВС РФ [2] и существенным образом пересмотрел предметную подсудность уголовных дел, суд

присяжных оказался фактически нейтрализованным в рамках отечественной уголовной юстиции. Что касается районных судов, то для них время разделилось на два периода: до того, как дела о бандитизме и преступных сообществах рассматривали областные и равные им суды (УПК РФ в редакции от 2 июля 2013 г.), и после. Именно поэтому сам факт возвращения к плотно закрытой теме, да еще на столь высоком уровне, следует признать событием экстраординарным.

Дискуссии, порожденные поручением главы государства и нацеленные на поиски путей исполнения поставленной задачи, особым многообразием не отличались, ибо с самого начала участники всевозможных семинаров, круглых столов и общественных трибун были поставлены в жесткие рамки, которые в общем виде можно выразить словами «Суд присяжных

нужен современной России». Сформулированный таким образом категорический императив, казалось бы, сразу должен был исключить рассуждения на тему актуальности суда присяжных. На деле, к сожалению, дальше красивых и многогранных доказательств самоочевидного тезиса продвинуться все же не очень удалось (см., например, заметку о круглом столе «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации», проведенном 19 февраля 2015 г. в Российском государственном университете правосудия [3]).

Какие бы подходы ни предлагали к решению обозначенной проблемы, расширить применение института присяжных заседателей можно лишь двумя полярными способами: пересмотрев существующую родовую подсудность уголовных дел либо не пересматривая ее.

В первом случае, если законодатель признает, что при существующих правилах подсудности нормы о суде присяжных фактически оказались мертвыми и что районные суды работают с неоправданно запредельной нагрузкой, он должен сделать шаг назад. Видимо, именно об этом ведет речь и Председатель ВС РФ, когда говорит о «дополнении существующего перечня преступлений, уголовные дела по которым могут быть рассмотрены судом присяжных, целым рядом других составов. Это, в частности, и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, и разбой, и вымогательство, и взяточничество» [4].

Второй случай еще проще: здесь мы будем иметь дело с чем угодно (с судом шёффенов, а равно народных, судебных или каких-либо иных заседателей), но только не с классическим судом присяжных. Вполне в духе этой «неоклассики» предложения: (а) отнести вопросы факта и права к совместной компетенции присяжных заседателей и профессионального судьи; (б) оптимизировать количество присяжных заседателей в зависимости от категории преступления [4].

Аргументация у таких предложений самая разная. Например, свидетельствуя в пользу изменения полномочий судьи и присяжных заседателей (ст. 334 УПК РФ в действующей редакции), одни вспоминают положительное в советском опыте работы с народными заседателями, как профессор А.А. Клишас, другие полагают необходимым присутствие председательствующего судьи в совещательной комнате вместе с присяжными для разъяснения им сложных правовых вопросов, возникающих в

ходе принятия вердикта, например судья ВС РФ А.А. Дзыбан (точки зрения поименованных юристов приведены в указанной заметке на официальном сайте Российского государственного университета правосудия). Не ставя под сомнение доводы уважаемых юристов, все же заметим, что судебная практика корректирует теорию: если профессиональный судья, работающий в англо-саксонской парадигме, не исполнил свою обязанность в зале судебных заседаний (не произнес грамотного напутственного слова или не дал удовлетворительных дополнительных разъяснений после возвращения коллегии присяжных), то его присутствие в совещательной комнате может иметь целью лишь давление на судей факта.

Оптимизация количества присяжных заседателей, разумеется, возможна лишь в сторону сокращения. Это количество может быть поставлено в зависимость как от категории преступлений, так и от того, суду какого звена (районного или областного) подсудно конкретное дело. Идея оптимизации представляется довольно перспективной: во-первых, она достаточно логична с точки зрения правовой доктрины, во-вторых, выработана с учетом реального положения дел в судах (нагрузка, материально-техническое и кадровое обеспечение, а также ничтожная вероятность расширения занимаемых площадей), в-третьих, нацелена на развитие института присяжных не только «по вертикали», но и «по горизонтали». Последний фактор наиболее интересен, поскольку известно, что, например, в США коллегии из шести присяжных заседателей давно и успешно рассматривают гражданские дела. Едва ли следует доказывать, что факты, устанавливаемые судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел, или анализ обстоятельств экономического спора в рамках арбитражного процесса совсем не проще тех, которые исследуют присяжные в уголовном судопроизводстве. При условии искреннего участия законодателя в участии суда присяжных есть надежда на самое широкое распространение этого института в российской юстиции.

Таким образом, идея оптимизации (б) намного продуктивнее идеи (а), если, конечно, мы имеем в виду цель сохранения классического суда присяжных. Отдадим должное суду обладающих одинаковыми правами с профессиональным судьей «постоянных представителей от народа»: взятая в отвлечении, в чистом виде (т.е. при таком условии, когда

действующая процедура неизменно позволяет обеспечить формирование непредвзятого жюри, например, когда кандидаты отбираются случайно, из необходимо большого предварительных списков (ср. с процедурой отбора народных заседателей, которая осуществлялась самим судьей путем жеребьевки)), такая форма участия народа в отправлении правосудия может достойно конкурировать с англосаксонской моделью суда.

Нельзя не отметить в связи с этим еще один плюс в поручении Президента страны. Все те, кто до этого поручения последовательно отказывали присяжным в стандартных мыслительных способностях, теперь автоматически лишаются права с той же академической пронзительностью поддерживать идею совместной компетенции (а). В противном случае выйдет, что заседателям от народа, которые до недавнего времени были не в состоянии оценить вопросы факта, теперь поручено решать еще и вопросы квалификации (пусть даже с помощью одного юриста на двенадцать (9, 8, 6) человек жюри).

Споры о взаимозависимости действующей предметной подсудности уголовных дел и суда присяжных несколько примиряет третий, усредненный способ расширить применение

названного института, а именно ввести его в районных судах. К примеру, в судах областного уровня может быть оставлена классическая двенадцатичленная скамья присяжных, а в судах районного звена – предложена коллегия присяжных с оптимизированным числом членов (менее травматичной для самой идеи, хотя одновременно и менее желанной видится цифра в шесть человек). Сомнительный плюс такого подхода в том, что федеральный законодатель сможет, так сказать, сохранить лицо и не делать шага назад по пересмотру родовой подсудности, несомненный минус – в дестабилизации работы районных судов, где профессиональные юристы знают о суде присяжных в лучшем случае из книг, а в худшем – по художественным фильмам и развлекательным передачам. Таким плюсом вполне можно поступить.

Введение суда присяжных на уровне районных судов – даже с уменьшением объема подсудных им уголовных дел – потребует серьезного обучения судей, аппарата суда, адвокатов и государственных обвинителей. Отказ от внесения принципиальных изменений в ст. 31 УПК РФ превратит попытку актуализировать суд присяжных и укрепить принцип состязательности в горькую пиррову победу.

1. URL: http://kremlin.ru/assignments/47500#assignment_2 (date of access: 16.05.2015).

2. URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?id=8215 (date of access: 16.05.2015).

3. URL: <http://www.raj.ru/?mod=news&id=1823> (date of access: 16.05.2015).

4. URL: <http://kommersant.ru/doc/2663932> (date of access: 16.05.2015).

Рудич Валерий Владимирович

кандидат юридических наук,
адвокат Уральской коллегии адвокатов Свердловской области
(e-mail: ruvv66@mail.ru)

Ураков Дмитрий Игоревич

адъюнкт Нижегородской академии МВД России
(e-mail: uradis543@mail.ru)

О понятии и сущности публичного уголовного преследования в российском судопроизводстве

В статье анализируется сложившаяся в российском уголовно-процессуальном праве система видов уголовного преследования. Авторы предлагают отказаться от частно-публичного уголовного преследования, исследуют предложения по введению различных разновидностей общественно-народного обвинения в уголовный процесс. Предметом анализа стали украинский законопроект о введении общественного обвинения и проект субсидиарного общественного обвинения, предложенный авторами «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России».

Ключевые слова: уголовный процесс, общественное обвинение, частно-публичное уголовное преследование.

V.V. Rudich, Master of Law, Lawyer of the Ural Sverdlovsk Region Bar Association; e-mail: ruvv66@mail.ru;

D.I. Urakov, Adjunct of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: uradis543@mail.ru

On the concept and scope of public prosecution in Russian proceedings

The article analyzes the current in the Russian criminal procedural law system types of prosecution. The authors propose to give up private-public prosecution, analyze the proposals for the introduction of different types of public (people's) accusations in the criminal trial. The subject of the analysis was the Ukrainian law on the introduction of public prosecution and public prosecution subsidiary project proposed by the authors of «Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of Russia».

Key words: criminal procedure, public prosecution, private-public prosecution.

Понятие и сущность уголовного преследования после нормативного закрепления понятия «уголовное преследование» в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 5 УПК РФ) стали темой многочисленных научных исследований, в том числе монографического характера.

На наш взгляд, основание для очередного обращения к этой теме дает новое уголовно-процессуальное законодательство некоторых стран ближнего зарубежья (Украины, Грузии, Казахстана), где это понятие трактуется несколько по-иному, чем у нас. В частности, нельзя не указать на то, что в Украине сейчас обсуждается законопроект о введении общественного обвинения (уголовного преследования) по делам о коррупционных преступлениях [1]. Так, ст. 479-1 данного законопроекта «Понятие уголовного производства в форме общественного обвинения» гласит: «1. Уголов-

ным производством в форме общественного обвинения является производство, которое начинается следователем, прокурором на основании заявления лица по уголовным правонарушениям, предусмотренным: статьей 368 (принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом), статьей 370 (провокация подкупа) Уголовного кодекса Украины, и соответствующего заявления указанного лица о проведении уголовного производства в форме общественного обвинения. 2. Уголовное производство в форме общественного обвинения характеризуется: участием в нем специального субъекта, иницирующего его начало, – общественного обвинителя как самостоятельного участника и стороны уголовного производства; особым порядком начала уголовного производства; особым порядком доказывания обстоятельств, свидетельствующих о признаках уголовных

правонарушений, по которым допускается общественное обвинение; открытостью уголовного производства и публичным разглашением обстоятельств и доказательств, послуживших основанием начала уголовного производства и представляющих общественный интерес; особенностью возмещения общественным обвинителем вреда лицу, в отношении которого им было инициировано начало уголовного производства. 3. Уголовное производство в отношении уголовных преступлений, предусмотренных в части первой настоящей статьи, которое начинается по заявлениям, сообщениям других участников уголовного производства, кроме общественного обвинителя, осуществляется в общем порядке без особенностей, установленных настоящей главой Кодекса. В таком уголовном производстве общественный обвинитель не участвует. 4. Лицо, которое инициировало начало уголовного производства в отношении уголовных преступлений, предусмотренных частью первой настоящей статьи, в порядке, предусмотренном главой 361 настоящего Кодекса, является стороной уголовного производства с момента подачи заявления о проведении уголовного производства в форме общественного обвинения и сохраняет этот процессуальный статус на всех стадиях уголовного производства. Общественный обвинитель, который инициировал начало уголовного производства, не может быть отстранен от участия в таком уголовном производстве или лишен процессуального статуса общественного обвинителя без собственного волеизъявления. 5. Общественный обвинитель может поддерживать обвинение в суде совместно с прокурором независимо от согласия потерпевшего. 6. Участие общественного обвинителя в уголовном производстве одновременно в процессуальном статусе свидетеля, потерпевшего или его представителя или иного участника уголовного производства не лишает его процессуального статуса общественного обвинителя».

Несмотря на то, что Президент Украины наложил вето на данный закон (Президент Украины Петр Порошенко предлагает Раде отклонить принятый 22 мая 2015 г. закон, которым вводится в Уголовное процессуальное законодательство институт общественного обвинения в сфере служебных преступлений с признаками коррупционных деяний [2]), достойна обсуждения сама попытка создания качественно нового вида общественного, даже народного обвинения, о котором отечественные теоретики говорили только, как о совершенно абстрактном понятии, немыслимом у нас при нормаль-

ном ходе правового развития [3]. Раз в Украине дело дошло до принятия закона о народном обвинении как средстве борьбе с коррупцией, значит, правовая система действительно переживает кардинальное переустройство.

Впрочем, для нас основным поводом для обсуждения проекта модернизации института обвинения стала «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [4] (далее – Модель), которая, очевидно, делалась с оглядкой на новейшее зарубежное законодательство, а с другой стороны, стала продолжением учения об обвинительной власти в ее устройстве и деятельности, созданного профессором А.С. Александровым и его последователями. В статье мы остановимся на некоторых из самых интересных положений Модели в данной части и прокомментируем их.

Прежде всего, остановимся на трактовке уголовного преследования, даваемой нижегородскими учеными. В опубликованном на сайте МАСП виде это определение звучит в следующем виде: «Уголовное преследование» – любые действия стороны обвинения, направленные на изобличение лица в совершении преступления и привлечение его к уголовной ответственности. «Публичное (официальное) уголовное преследование» – совокупность действий, осуществляемых компетентным государственным органом уголовного преследования в порядке, установленном настоящим Кодексом, для привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление. «Частное уголовное преследование» – совокупность действий, производимых частным обвинителем самостоятельно или совместно с прокурором в порядке, установленном настоящим Кодексом, с целью привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, и защиты своих прав» [4].

Однако с учетом критических замечаний, высказанных И.С. Дикаревым, А.Е. Босовым и некоторыми другими учеными-процессуалистами, в окончательном виде понятие уголовного преследования можно сформулировать следующим образом: «Уголовное преследование – действия стороны обвинения, направленные на изобличение лица в совершении преступления и привлечение его к уголовной ответственности или иным уголовно-правовым мерам за действительно совершенное преступление или на обоснование необходимости применения уголовного закона к лицу, совершившему общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. Началом уголовного пре-

следования считается всякое действие агента обвинительной власти, направленное на изобличение обвиняемого в преступлении или на установление причастности иного лица к совершению общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом Российской Федерации».

В свою очередь, под «публичным (официальным) уголовным преследованием» можно понимать «совокупность действий, осуществляемых компетентным государственным органом обвинительной власти для привлечения к уголовной ответственности преступника, реализации иных уголовно-правовых мер, предусмотренных законом, или для применения уголовного закона к лицу, совершившему общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом», а под «частным уголовным преследованием» – совокупность действий, производимых частным обвинителем самостоятельно или совместно с прокурором с целью привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, применения к нему иных уголовно-правовых мер, а также защиты своих прав.

Мы присоединяемся к мнению авторов Модели о том, что следует отказаться от частно-публичного вида уголовного преследования. Вместе этого следует расширить понятие частного уголовного преследования, включив в него не только собственно частное уголовное преследование потерпевшего по узкому кругу дел, но и, во-первых, так называемое субсидиарное частное уголовное преследование потерпевшего от преступления, а во-вторых, субсидиарное «частное» уголовное преследование, осуществляемое «общественным обвинителем». Таким образом, частное лицо, физическое или юридическое, наделяется судом (следственным судьей) полномочием на ведение уголовного преследования совместно с прокуратурой в публичном интересе.

В Модели имеется соответствующая классификация видов уголовного преследования такого рода. С учетом результатов дискуссии, состоявшейся на конференции по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что в зависимости от характера и тяжести преступления, фактических обстоятельств его совершения, а также позиции прокуратуры уголовное преследование, включая обвинение в суде, может осуществляться в публичном и частном порядке.

Как указывают авторы Модели, по решению суда в качестве общественного сообвинителя, наделенного всеми правами стороны, может вступить в процесс любое лицо, в том числе

представитель юридического лица, общественной организации, ассоциации лиц (ч. 4 ст. 3.1). Вступление в процесс в качестве сообвинителя осуществляется по ходатайству лица и на основании постановления суда (следственного судьи) (ч. 5 ст. 3.1).

Таким образом, частное уголовное преследование может осуществляться потерпевшим самостоятельно или совместно с прокурором (ч. 1 ст. 3.4), в последнем случае будет субсидиарное частное уголовное преследование по делам публичного обвинения. Далее, по мнению авторов Модели, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, уголовные дела частного обвинения возбуждаются и самостоятельно ведутся юридическими лицами и частными лицами в отношении физических, юридических лиц, предположительно совершивших в отношении их преступления (ч. 2 ст. 3.4).

Мы разделяем основную идею авторов о том, что прокуратура является главным субъектом публичного уголовного преследования. Прокурору принадлежит исключительное полномочие по распоряжению полномочием на уголовное преследование преступников. Суть доктрины прокурорской организации обвинительной власти выражена в принципе целесообразности уголовного преследования и дискреционных полномочий прокурора (ст. 2.6), и, соответственно, публичное обвинение входит исключительно в полномочия прокурора, которые реализуются в виде публичного уголовного преследования в порядке, установленном УПК РФ (ч. 2 ст. 2.6). Так что прокурор, принимая решение о начале или прекращении публичного уголовного преследования, пользуется дискреционными полномочиями, руководствуясь при этом законом, публичными интересами и официально принятой концепцией уголовной политики (ч. 4 ст. 2.6).

Наибольший интерес представляет ст. 3.5 Модели «Общественное (народное) субсидиарное уголовное обвинение», которая в окончательном виде была сформулирована с нашим участием в следующем виде: «1. По уголовному делу, находящемуся в его производстве, суд вправе допустить в качестве общественного обвинителя любое физическое лицо, представителя юридического лица или ассоциации граждан, объединившихся для осуществления уголовного преследования, и наделить его правами стороны для содействия прокурору в поддержании обвинения и доведения до суда мнения об общественной опасности расследуемого преступления и преступника. 2. Претен-

довать на статус общественного обвинителя может любое физическое или юридическое лицо, которое непосредственно является потерпевшим от преступления или которому стало известно о совершении преступления, причинившего вред значительному числу лиц и поставившего под угрозу экономическую, информационную, национальную безопасность России, ее конституционно-правовой строй.

3. Требование о признании общественным обвинителем может заявить общественное объединение, но только по профилю своей основной деятельности.

4. Общественным обвинителем не может выступать лицо, которое по роду своей деятельности обязано обнаруживать и расследовать криминальные и другие правонарушения, а также вести борьбу с преступностью.

5. Заявление о наделении статусом субсидиарного общественного обвинителя и о проведении общественного уголовного расследования может быть подано следственному судье в случае прекращения досудебного уголовного производства прокурором.

6. Следственный судья вправе предоставить полномочия следователя общественному обвинителю для проведения уголовного расследования и направления уголовного дела в суд.

7. В случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения общественный обвинитель вправе поддержать государственное обвинение в той

части, в которой посчитает нужным для защиты общественных интересов.

8. Суд не вправе отказать в проверке фактических материалов, представленных общественным обвинителем и полученных им, в том числе с использованием специальных технических средств негласного получения информации. При подтверждении в судебном заседании достоверности полученных таким способом сведений они признаются допустимыми доказательствами». Таким образом, параллельно с украинским законодателем некоторые представители российской научной общественности предлагают ввести в систему обвинения народный элемент.

Несмотря на то, что идея общественного (народного) уголовного преследования кажется экзотичной даже в условиях современной Украины, мы считаем, что у нее есть потенциал. По мнению ряда ученых, выступая субсидиарным правовым средством, общественное обвинение могло бы стать конкурентом, а следовательно, контролером по отношению к официальному уголовному преследованию [3, с. 99]. Тем самым общественный контроль нашел бы действенную форму своего проявления, а прокуратура и прочие публичные органы уголовного преследования получили бы деятельного союзника, но и контролера в лице инициативных граждан или их ассоциаций.

1. Законопроект № 1165 // Официальный веб-портал Верховной Рады Украины. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=52602

2. Общественный обвинитель пока не прошел. URL: <http://www.iuaj.net/node/1825>; <http://interfax.com.ua/news/political/273917.html>

3. Гуцев В.Е., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде. Н. Новгород, 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/index.html

4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [Электронный ресурс] // МАСП. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766>

1. The bill № 1165 // Official web portal of the Verkhovna Rada of Ukraine. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=52602

2. The public prosecutor has not yet passed. URL: <http://www.iuaj.net/node/1825>; <http://interfax.com.ua/news/political/273917.html>

3. Gushev V.E., Aleksandrov A.S. People charged in criminal court. Nizhniy Novgorod, 1998 [Electronic resource]. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/index.html

4. Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation [Electronic resource] // International Association of Justice Assistance. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766>

Топчиева Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России
(e-mail: tanja_top@inbox.ru)

Титова Кристина Александровна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kristi2005@yandex.ru)

К вопросу о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве

Статья посвящена проблеме правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве. Авторами проведен анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики применения досудебного соглашения о сотрудничестве, в результате которого сделан вывод о дуалистическом характере досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, деятельное раскаяние, назначение наказания, уголовный процесс, уголовный закон, прекращение уголовного преследования.

T.V. Topchieva, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure of the Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tanja_top@inbox.ru;

K.A. Titova, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kristi2005@yandex.ru

To the issue of the legal origin of pre-trial cooperation agreement

The article is devoted to the legal origin problem of the pre-trial cooperation agreement. The authors have analyzed an active criminal procedure legislation and practice of pre-trial cooperation agreement, as a result, the authors drew a conclusion about the dualistic nature of the pre-trial cooperation agreement.

Key words: pre-trial cooperation agreement, active repentance, award of punishment, criminal procedure, criminal law, termination of prosecution.

Вопрос о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве является одним из дискуссионных. Некоторые авторы [1, с. 120; 2, с. 22] рассматривают досудебное соглашение о сотрудничестве как уголовно-правовой институт, другие ученые [3, с. 16; 4, с. 14] – как процессуальный. Большинство юристов отмечают его межотраслевую принадлежность [5, с. 4; 6, с. 7]. Хотя в отечественной юридической публицистике бытует мнение о схожести досудебного соглашения о сотрудничестве с институтами деятельного раскаяния [7, с. 13], добровольного отказа от доведения преступления до конца [8, с. 14], все же данный институт принадлежит исключительно уголовно-процессуальному праву, поскольку в отечественном уголовно-процессуальном законе закреплены:

- 1) определение досудебного соглашения о сотрудничестве;
- 2) процедура заключения и реализации соглашения о сотрудничестве;
- 3) основания и условия процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве;

4) процедура проведения предварительного следствия и судебного разбирательства в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве;

5) условия пересмотра приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым было заключено соглашение о сотрудничестве.

Уголовным законом регламентируются лишь основания назначения наказания подсудимому, выполнившему условия досудебного соглашения о сотрудничестве или нарушившему их, что является прерогативой именно материального права. О процессуальной природе нового института свидетельствует и его назначение – раскрытие и расследование групповых преступлений.

Хотя новый процессуальный институт и включает в себя некоторые признаки деятельного раскаяния, все же эти институты необходимо рассматривать самостоятельно и относительно двух отраслей права – процессуального и материального. Проведем их сравнительный анализ по следующим признакам: кругу преступлений, посткриминальным действиям лица, соверши-

вшего преступление, наступлению уголовной ответственности, назначению института.

Институт деятельного раскаяния применим по преступлениям небольшой или средней тяжести. Досудебное соглашение о сотрудничестве применяется по преступлениям, совершенным в соучастии либо лицом, изобличающим преступников по иным преступлениям (как правило, в основном по тяжким и особо тяжким). При деятельном раскаянии лицо, совершившее преступление, должно добровольно явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления, возместить потерпевшему причиненный преступлением ущерб или иным образом загладить вред. В случае досудебного соглашения о сотрудничестве достаточно активного способствования раскрытию и расследованию преступления, выполнения в полном объеме подозреваемым или обвиняемым взятых на себя обязательств. Важным моментом является то, что деятельное раскаяние основано на раскаянии преступника, стремлении загладить причиненный преступлением вред, перестать быть общественно опасным. Такое раскаяние процессуально закрепляется протоколом явки с повинной, который является доказательством по уголовному делу и подтверждает, что преступник, осознав свое противоправное деяние, добровольно заявил о нем. Раскаяние отражается в протоколах допроса подозреваемого (обвиняемого), добровольном возмещении потерпевшему вреда. Процедура досудебного соглашения о сотрудничестве не предполагает раскаяния, содействие следствию оказывается лишь после заключения соглашения о сотрудничестве и в рамках его условий. В теории уголовного процесса также существует мнение о том, что «применение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно лишь при наличии конкретного смягчающего обстоятельства – изобличение соучастников преступления, безразлично относясь к другим элементам деятельного раскаяния» [6, с. 40].

Безусловно, положения, отраженные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1, о том, что «...по смыслу закона правила, изложенные в статье 62 УК РФ, могут применяться судами при наличии хотя бы одного из перечисленных в пунктах «и» или «к» части первой статьи 61 УК РФ смягчающих обстоятельств, если при этом отсутствуют либо не признаны судом отягчающие наказание обстоятельства» [9, с. 182], применимы к процедуре досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако, как верно отмечают некоторые ученые [10, с. 35], с введением в действие института досудебного соглашения о сотрудничестве ст. 62 УК РФ получила новую редакцию. «Формулировка «при наличии смягчающих наказание обстоятельств» в ч. 2 ст. 62 УК РФ означает,

что должно быть не менее двух соответствующих обстоятельств: активное способствование изобличению других соучастников преступления и содействие розыску имущества, добытого в результате преступления» [10, с. 35].

Одним из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием является совершение преступления впервые. Досудебное соглашение о сотрудничестве этого не предполагает. Институт деятельного раскаяния предусматривает освобождение от уголовной ответственности. При реализации досудебного соглашения о сотрудничестве выносится обвинительный приговор. В этом смысле верно указание практических работников на то, что досудебное соглашение о сотрудничестве не является иммунитетом от уголовного преследования, а лишь служит основанием для смягчения уголовной ответственности [11, с. 12; 12, с. 107; 13, с. 14].

Таким образом, различие рассматриваемых институтов налицо: деятельное раскаяние применимо относительно впервые совершенных преступлений небольшой и средней тяжести, после совершения которых преступник не просто способствовал раскрытию и расследованию совершенного им преступления, а раскаялся в содеянном, полностью возместил потерпевшему материальный ущерб, а также загладил моральный вред. То есть своими действиями преступник разрешил правовой конфликт, возникший между ним и обществом. Смысл досудебного соглашения о сотрудничестве совершенно иной: действия преступника главным образом направлены не на раскаяние, возмещение потерпевшему вреда, а на содействие следствию в рамках заключенного соглашения в расследовании преступления, изобличении соучастников, розыск имущества, добытого в результате преступления, и назначение более мягкого наказания. Главное отличие рассматриваемых нами институтов заключается в их назначении. Деятельное раскаяние является основанием освобождения от уголовной ответственности. Досудебное соглашение о сотрудничестве – механизм, способствующим более эффективному расследованию групповых преступлений, в результате действия которого следует смягчение уголовного наказания.

Таким образом, с одной стороны, досудебному соглашению о сотрудничестве свойственна договорная природа, проявляющаяся в свободе волеизъявления сторон при его заключении и во взаимном характере возникающих из него обязательств участников. С другой стороны, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой процессуальное средство рационализации уголовного преследования с ограниченным усмотрением прокурора и отсутствием у него свободы распоряжения уголовным иском.

1. Стовповой А., Тюнин В. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве на предварительном следствии // Уголовное право. 2010. № 3.
 2. Благов Е.В. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3.
 3. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.
 4. Мильтова Е.В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
 5. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8.
 6. Залов А.С. Сделка с правосудием: проблемы правоприменения // Законность. 2011. № 8.
 7. Мартыненко Н.Э. Досудебное соглашение о сотрудничестве как средство защиты интересов потерпевшего // Рос. следователь. 2011. № 22.
 8. Звечаровский И.А. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9.
 9. О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. № 1 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
 10. Зуев Ю.Г. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по делам об экономических и служебных преступлениях // Уголовный процесс. 2011. № 1.
 11. Ткачев И., Тисен О. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2011. № 2.
 12. Титова К.А. О построении частной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по делам о хищениях, совершаемых организованными преступными группами в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4.
 13. Антонов И.А., Гурбанов А.Г., Шахматов А.В. Правовые основы обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим раскрытие и расследование преступлений // Рос.следователь. 2008. № 17.
1. Stovpovoy A., Tyunin V. Criminal law and criminal procedure aspects of pre-trial agreement on cooperation in the preliminary investigation // Criminal law. 2010. № 3.
 2. Blagov E.V. Sentencing in the case of the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation // Criminal law. 2010. № 3.
 3. Kuvaldina Yu.V. Background and development prospects of compromise ways of resolving criminal law conflicts in Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Samara, 2011.
 4. Miltova E. V. Conciliation in the Russian criminal trial: auth. abstr. ... Master of Law. Tyumen, 2011.
 5. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Agreement on pre-trial cooperation with the investigation: the legal entity and questions of interpretation of the rules included in the chapter 40.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation // Criminal proceedings. 2009. № 8.
 6. Zalov A.S. Deal with justice: the problem of enforcement // Legality. 2011. № 8.
 7. Martinenko N.E. Pre-trial agreement on cooperation as a means of protecting the interests of the victim // Russian investigator. 2011. № 22.
 8. Zvecharovsky I.A. Legal nature of the institution of pre-trial agreement on cooperation // Legality. 2009. № 9.
 9. On application by the courts rules of chapter 48 of the Criminal procedure Code of the Russian Federation regulating the production of the supervisory instance: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Jan. 11, 2007 № 1 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 4.
 10. Zuev Yu.G. Conclusion of pretrial agreement on cooperation for the economic and official crimes // Criminal proceedings. 2011. № 1.
 11. Tkachev I., Tisen O. Application institute of pretrial agreement on cooperation // Legality. 2011. № 2.
 12. Titova K.A. About the construction of a private criminalistics methodology of preliminary and judicial investigation on cases about thefts committed by organized criminal groups in housing and utilities sphere // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 4.
 13. Antonov I.A., Gyrbayev A.G., Shahmatov A.V. The legal framework to ensure the safety of persons assisting the bodies conducting and investigation of crimes // Russian investigator. 2008. № 17.

Гусейнов Нариман Алинисебович

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Дагестанского государственного университета
(e-mail: ramazanov1945@mail.ru)

Дознание в сокращенной форме: новый вид предварительного расследования

Автор рассматривает одну из двух форм предварительного (досудебного) расследования преступлений (наряду с предварительным следствием) в уголовном судопроизводстве – дознание. Отмечает, что, как правило, преступления, по которым проводится дознание, – это преступления небольшой и средней тяжести.

Ключевые слова: дознание, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, преступление, наказание, потерпевший, уголовное дело.

N.A. Guseinov, Competitor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Dagestan State University; e-mail: ramazanov1945@mail.ru

Inquiry in abbreviated form: new type of preliminary investigation

The author considers inquiry as one of two forms of preliminary (pre-judicial) investigation of crimes (along with preliminary investigation) in criminal legal proceedings. Notes that as a rule, crimes on which inquiry is carried out are crimes of small and average gravity.

Key words: inquiry, preliminary investigation, criminal legal proceedings, crime, punishment, victim, criminal case.

Как известно, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] досудебный этап уголовного судопроизводства России дополнен сокращенным видом дознания, реализация которого поставлена в зависимость от системы нормативных условий, более или менее точно оговоренных законодателем в нормах гл. 32.1 УПК РФ. Остановимся на характеристике отдельных из этих условий, неоднозначно воспринятых как доктриной российской уголовно-процессуальной науки, так и складывающейся практикой реализации данного упрощенного производства. При этом, приняв как константу тезис о том, что именно доказывание составляет сущность и содержание деятельности, реализуемой в данном процессуальном порядке, прежде всего, остановимся на дискуссионных моментах доказывания, которые оказались имманентно присущи этой форме расследования в силу изложенной законодательной воли.

В отличие от общего порядка производства дознания (гл. 32 УПК РФ) законодатель посредством закрепления отдельных нормативных изъятий установил ряд принципиальных особенностей, характеризующих как предмет и пределы доказывания в рамках указанной формы (гл. 32.1 УПК РФ), так и требования к

реализации некоторых элементов процесса доказывания.

Понимая под предметом доказывания систему релевантно значимых обстоятельств уголовного дела и преступления, подлежащих императивному установлению (доказыванию) в рамках производства по каждому уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а под пределами доказывания – качественную их доказанность для обоснования достоверности выводов или достаточной степени их вероятности [2], определимся в оптимальности сформулированной законодательной воли. Последняя, как известно, была отчасти поставлена под сомнение в российской уголовно-процессуальной доктрине, при этом палитра суждений и мнений (по одному и тому же предмету) оказалась весьма противоречива.

К примеру, А.А. Сумин [3, с. 6] однозначно пишет о том, что ст. 226.5 УПК РФ, формулируя особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, никак не затрагивает положения ст. 73 УПК РФ об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Каждое из указанных обстоятельств должно быть достаточно установлено материалами уголовного дела, что же касается законодательных ограничений, то они, как он резюмирует, коснулись лишь объема собираемых доказательств, но никак не перечня релевантно значимых об-

стоятельств, установленного ст. 73 УПК РФ. Отметим, несмотря на то, что данный исследователь не определяется однозначно в терминологической и содержательной характеристике указанного объема, следует, видимо, полагать, что речь идет именно о пределах доказывания тех обстоятельств, которые значимы для решения уголовного дела.

Сторонниками более радикальных позиций в оценке предмета доказывания, установленного для данного вида дознания (ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ), напротив, резюмирован вывод о том, что установленные законом изъятия освобождают дознавателей от обязанности доказывания даже виновности подозреваемого [4], входящей в качестве элемента содержания в главный доказательственный факт. При этом при обосновании данного вывода исследователей никак не «останавливает» тот факт, что в материальном аспекте «виновность» есть неотъемлемый элемент основания уголовной ответственности (ст. 11 УК РФ); что та же «виновность» в процессуальном аспекте есть необходимое основание возбуждения дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ); что, наконец, императивным условием применения самой сокращенной формы дознания является безусловное признание подозреваемым вины в преступлении (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). С доктринальных позиций отметим и то, что «изъятие» элемента виновности из нормативной конструкции главного доказательственного факта полностью нивелирует как материальное, так и уголовно-процессуальное значение последнего.

Не столь радикальны в оценке ограничений предмета доказывания сокращенной формы дознания, к примеру, Е.А. Доля [5, с. 43–46] или А.П. Кругликов [6, с. 47]. И тот, и другой высказывают тревоги в вопросе о том, что изъятие из исследуемого предмета доказывания обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание, могущих повлечь освобождение от наказания, объективно порождает трудности для судей при решении вопроса о мере уголовной ответственности. Кроме того, указанное, несомненно, сказывается на обеспечении интересов и прав лиц, предварительное расследование и судебное рассмотрение дел в отношении которых осуществлялось в «сокращенном» порядке, ибо не позволяет в полной мере разрешить вопрос об индивидуализации ответственности. В методологическом плане укажем и на то обстоятельство, что,

если Е.А. Доля при этом апеллирует именно к характеристике предмета доказывания, то А.П. Кругликов связывает указанные ограничения с принципиально иной категорией – пределами доказывания. По сути, аналогичной позиции придерживается А.В. Боярская, характеризуя уголовно-правовой компонент предмета доказывания при сокращенном дознании [7, с. 38–42]. Между тем, как в методологическом, по сути, контексте, так и в нормативном своем назначении предмет и пределы доказывания, на наш взгляд, не идентичные и не взаимозаменяемые конструкции. Перечень релевантно значимых обстоятельств уголовного дела, подлежащих доказыванию, установлен законом (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), он не может зависеть от субъективного усмотрения правоприменителей. Что же касается (качественной) степени доказанности указанных обстоятельств на том или ином этапе производства по уголовному делу – это категория изначально субъективная, относящаяся к сфере оценки, правосознания субъекта доказывания и факторам личностным, психологическим (возражая в данной связи А.П. Кругликову и А.В. Боярской, мы полагаем, что при характеристике указанных ограничений закона следует апеллировать к обстоятельствам предмета доказывания (категории конвенциально количественной), а не к пределам доказывания – категории, повторимся, качественной).

Достаточно интересна также позиция А.В. Боярской [7], которая, анализируя суть законодательной воли, с одной стороны, резюмирует вывод о том, что применительно к сокращенной форме дознания императивному установлению подлежат лишь обстоятельства, указанные в пп. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Данный компонент предмета доказывания, по ее мнению, является уголовно-правовым и сокращенным (по сути, речь вновь идет о главном доказательственном факте предмета доказывания – Н.Г.). С другой стороны, обращаясь к тенденциям формирующейся практики реализации данного вида дознания, она же в итоге констатирует, что фактически (ведомственным регулированием [8]) правоприменителей обязывают к установлению и тех обстоятельств, которые в целом охватываются пп. 1–7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Как следствие, суммирует названный автор, дознание оказывается уже не столь сокращенным, как на это рассчитывал законодатель.

По контексту последнего вывода можно предположить, что последнее не видится А.В. Боярской ни оптимальным, ни соответствующим назначению сокращенного вида дознания. Соответственно, она резюмирует, что в рамках данного вида дознания уголовно-правовой компонент предмета доказывания ограничивается в объеме, установленном нормами ст. 226.5 УПК РФ. Однако, вновь уточняет она, положения указанной нормы следует толковать системно, с учетом ст. 316 УПК РФ и положений п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». Соответственно, предмет доказывания при данном виде дознания может быть расширен до пп. 1, 2, 4, 5 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Однако он же априори не может включать в себя обстоятельства пп. 3 и 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Иное, по мнению А.В. Боярской, идет вразрез с прямым текстом закона (ст. 226.5 УПК РФ) [7].

Напомним, применительно к п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ речь идет об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого; применительно к п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ – об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание виновного. Именно они, по мнению А.В. Боярской, не должны оказываться дознавателем – в силу прямой воли закона.

Что касается исключения из предмета доказывания обстоятельств, отягчающих наказание, то их устранение из предмета внимания как дознавателя, так и суда можно, видимо, оценить как своего рода «норму-поощрение» для согласия подозреваемого на сокращенный порядок расследования и безусловное признание вины в инкриминируемом деянии. Негативный подтекст указанной нормы, как завуалированного средства психологического давления на подозреваемого, достаточно озвучен в российской уголовно-процессуальной доктрине: «либо соглашайся, либо отягчающие всегда найдутся» [см., например: 9, с. 164–166; 10, с. 47–79]. Однако контексты правосознания и порядочности правоприменителей – не предмет оценки законодателя. Соответственно, мы также вынуждены исходить из буквальной воли закона: наличие указанных обстоятельств не предмет для исследования в рамках сокращенного вида дознания и особого порядка рассмотрения указанной категории дел в суде первой инстанции.

Другое дело – обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и смягчающие его ответственность за содеянное (п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Здесь ограничение познавательных усилий дознавателя, как представляется, не имеет ни нормативной, ни нравственной основы, объективно нарушая конституционное право подозреваемого на защиту своих интересов и прав. Между тем, в силу ч. 1 ст. 11 УПК РФ публичные процессуальные органы обязаны не только разъяснять заинтересованным участникам процесса их права, но и реально обеспечивать возможность осуществления указанных прав. Возможно, косвенно понимая последнее, законодатель оставляет для стороны защиты возможность к обращению в судебном заседании к указанным данным. Речь об этом, прежде всего, в нормах ч. 2 и 3 ст. 226.9 УПК РФ.

Так, из ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ следует, что приговор (по итогам сокращенного вида дознания) постановляется на основании исследования и оценки не только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, но и дополнительных данных о личности подсудимого, представляемых стороной защиты в порядке ч. 3 ст. 226.9 УПК РФ. Исключительно при наличии подобного рода ходатайства судья вправе приобщить и непосредственно исследовать надлежащим образом оформленные документы, содержащие данные о личности подсудимого, позволяющие индивидуализировать ему наказание. Среди последних, к примеру, могут быть документы о наличии у него иждивенцев, государственных наград, хронической болезни и т.д., а равно иные данные, которые могут быть учтены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание.

Указанные нормы практически однозначно характеризуются в российской уголовно-процессуальной доктрине в качестве норм благоприятствования защите, с условием, конечно, переложения бремени доказывания исключительно на сторону защиты. Насколько последняя воспользуется указанным правом, – особенно при осуществлении защиты по назначению, – не предмет данной работы. Изначально, исходя из презумпции добросовестности адвоката, зададимся иным принципиальным вопросом: насколько реально может быть реализовано данное право, поскольку, во-первых, нормативный оператор «вправе» (ч. 3 ст. 226.9 УПК РФ) никак не обязывает судью в императивном порядке удовлетворять

указанное ходатайство стороны. Мотивы и статистические данные массового отклонения ходатайств сторон достаточно известны и доктрине российского уголовно-процессуального права, и практикующим юристам. При этом особо явных тенденций к преодолению указанной практики в настоящее время не наблюдается. Во-вторых, сами судьи не очень заинтересованы в «усложнении» предмета и процедуры доказывания, в иницировании дополнительных познавательных действий в рамках процедуры судебного следствия, реализуемой по аналогии норм гл. 40 УПК РФ. Зачем усложнять процедуру судебного следствия, если «по накатанной» и вопросов, и усилий значительно меньше. В-третьих, практически нет легитимных возможностей для преодоления немотивированного отказа судьи в приобщении и исследовании указанных данных путем обращения в суд вышестоящей инстанции ввиду известных ограничений как в предмете обжалования, так и самой апелляционной проверки по данной категории дел. Отсюда наши сомнения как в возможностях стороны защиты по «дополнению» предмета доказывания, так и в учете указанных данных при постановлении приговора (отчасти на данное обстоятельство обращает внимание В.А. Корякин [11, с. 13–16]).

В связи с этим для обеспечения реального права стороны защиты на представление и исследование указанных данных в ходе судебного следствия следует изменить в нормах ч. 3 ст. 226.9 УПК РФ оператор «вправе» на оператор «обязан». В итоге, во-первых, мы обеспечим право подсудимого и его защитника на исследование и оценку судом обстоятельств, призванных к индивидуализации наказания (с учетом, естественно, нормы, установленной ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ). Во-вторых, как следствие, снимем коллизию между законодательно установленным предметом доказывания применительно к сокращенному виду дознания и предметом исследования и оценки судом при рассмотрении подобного дела по первой инстанции.

Что же касается пределов доказывания тех обстоятельств, которые формируют предмет доказывания по данной категории дел, то в данном случае законодатель апеллирует не столько к нормативно перечисленным обстоятельствам дела и преступления, сколько к сфере правосознания и мыслительно-логической деятельности субъектов доказывания, субъективно оценивающих качественную сторону реализованных познавательных усилий. Причем реализованных как в процессе предварительной проверки повода и основания к возбуждению уголовного дела (ст. 144 УПК РФ), так и непосредственно при реализации сокращенной формы дознания. Именно в этом контексте следует оценивать волю закона, согласно которой, с одной стороны, дознаватель вправе собирать доказательства в том минимальном объеме, который достаточен для установления события преступления, характера и размера причиненного вреда, а также виновности лица в совершении преступления. С другой – столь же вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Насколько дознаватель окажется прав в своей оценке сформированных пределов доказывания, ответ даст, во-первых, сторона защиты, способная системой телеологически согласованных ходатайств о дополнении материалов расследования полностью изменить форму расследования (пп. 1–4 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ). Во-вторых, прокурор, оценивающий качественную сторону предмета доказывания при ознакомлении с материалами дела и обвинительным постановлением (ст. 226.8 УПК РФ). В-третьих, суд, проверяя непосредственно основания для реализации правосудия в данном процессуальном порядке (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ). Только три этих объективных критерия в достаточно обозримый период явят ответ как об оптимальности законодательной воли, так и об адекватности ее реализации в обновленном уголовном процессе.

1. *Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.*

2. *Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе: учеб. пособие. Волгоград, 1988.*

1. *Coll. of legislation of the Russian. 2013. № 9. Art. 875.*

2. *Karneeva L.M. Evidence in the Soviet criminal trial: study aid. Volgograd, 1988.*

3. Сумин А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10.

4. Домкин П.А. Дознание в сокращенной форме [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advodom.ru/blog/sokrashhennyiy-poryadok-doznaniya/>

5. Доля Е.А. Особенности дознания при производстве дознания в сокращенной форме // Рос. судья. 2013. № 6.

6. Кругликов А.П. Дополнение УПК новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2013. № 7.

7. Боярская А.В. Проблемы юридической конструкции предмета доказывания в рамках сокращенного дознания // Рос. юстиция. 2015. № 1.

8. Методические рекомендации по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме: утв. ФССП России 26 апр. 2013 г. № 04-7 (в ред. от 20 февр. 2014 г.). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

9. Пешков М.А. Новый вид предварительного расследования – дознание в сокращенной форме // Новый юрид. журнал. 2013. № 2.

10. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Рос. юстиция. 2013. № 12.

11. Корякин В.А. О соблюдении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Рос. следователь. 2014. № 17.

3. Sumin A.A. *Reduced inquiry: stillborn child of criminal trial reformers* // Lawyer. 2013. № 10.

4. Domkin P.A. *Inquiry in abbreviated form* [Electronic resource]. URL: <http://www.advodom.ru/blog/sokrashhennyiy-poryadok-doznaniya/>

5. Dolya E.A. *Features of inquiry during the initial inquiry in abbreviated form* // Russian judge. 2013. № 6.

6. Kruglikov A.P. *Addition of the Criminal procedure code with the new chapter of the inquiry in abbreviated form, and some of the problems of differentiation of the criminal justice* // Russian justice. 2013. № 7.

7. Boyarskaya A.V. *Problems of legal construction of the subject of proof in reduced inquiry* // Russian justice. 2015. № 1.

8. *Guidelines on the application by the bodies of inquiry of the Federal Bailiff Service of the inquiry in abbreviated form: approved by Federal Bailiff Service of Russia on Apr. 26, 2013 № 04-7 (in the ed. of Febr. 20, 2014). Access from reference legal system «ConsultantPlus».*

9. Peshkov M.A. *A new kind of preliminary investigation – inquiry in abbreviated form* // New legal magazine. 2013. № 2.

10. Kovtun N.N. *Enquiry in abbreviated form: collision and regulatory gaps* // Russian justice. 2013. № 12.

11. Koryakin V.A. *On the observance of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings at the inquiry in abbreviated form* // Russian investigator. 2014. № 17.

Кабанцов Юрий Николаевичпреподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kabantsov78@mail.ru)

Основные правила производства дознания в общем порядке

В статье рассмотрены основные правила производства дознания в общем порядке. Выявлены пробелы и коллизии действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего данные правила, высказана собственная позиция о самостоятельном характере дознания в системе предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание, дознаватель, мера пресечения, обвинительный акт, предварительное расследование.

Yu.N. Kabantsov, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kabantsov78@mail.ru

Basic rules of production inquiry in general order

Article deals with basic rules of the inquiry in a general order. The author identifies gaps and conflicts of the current criminal procedural legislation governing these rules, expresses own position on the independent nature of the inquiry in the preliminary investigation.

Key words: inquiry, investigator, preventive measure, indictment, preliminary investigation.

Законодатель определяет дознание как форму предварительного расследования, осуществляемую дознавателем или следователем по делу, по которому производство предварительного следствия необязательно (п. 8 ст. 5 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 223 УПК РФ дознание производится по общим правилам, установленным для предварительного следствия, с исключениями, которые оговариваются в гл. 32 УПК РФ. При этом границы между дознанием и предварительным следствием определяются подсудственностью преступлений, определяемой законодателем, в виде совокупности условий, позволяющих определить правомочность должностных лиц на производство предварительного расследования в соответствии с правилами уголовного судопроизводства [1, с. 8].

Анализ норм УПК РФ показывает, что общие черты дознания и предварительного следствия проявляются в следующем: во-первых, это касается перечня, оснований и порядка производства следственных действий; во-вторых – это перечень, основания, процедура избрания, изменения и отмены основных мер пресечения и применения иных мер процессуального принуждения; в-третьих – требования, предъявляемые к процессуальным документам, которые составляются в ходе предварительного расследования. И предварительное следствие, и дознание в общем порядке начинаются после возбуждения уголовного дела. Неслучайно отдельные процессуалисты рассматривают либо дозна-

ние как упрощенный вариант предварительного следствия, либо предварительное следствие как квалифицированное дознание [2, с. 9].

Вместе с тем, дознание хотя во многом и повторяет предварительное следствие, но содержит существенные отличия, что позволяет вести речь о его самостоятельном характере в системе предварительного расследования.

Обратимся к основным правилам производства дознания в общем порядке. Дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. Этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток. В отдельных случаях, включая ситуации, связанные с производством экспертизы, срок дознания может быть продлен прокурорами района, города (приравненным к ним военным прокурором) и их заместителями на срок до 6 месяцев. Срок дознания может быть также продлен до 12 месяцев прокурором субъекта Российской Федерации (приравненным к нему военным прокурором) в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи.

Если в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, то оно не может оставаться в неведении по поводу того, что подвергается уголовному преследованию. Наличие подозрения порождает статус подозреваемого, которому лицо, производящее дознание, обязано обеспечить право на защиту. Поэтому в ст. 223.1 УПК РФ предусмотрены правила об уведомлении подозреваемого в со-

вершении преступления. В юридической литературе высказано мнение о том, что уведомление о подозрении является аналогом постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Кроме того, указывается, что основания и процедура уведомления представляют собой такой же явный аналог процесса предъявления обвинения на предварительном следствии [3].

Закон регламентирует процедуру уведомления подозреваемого, которая складывается из комплекса действий (ст. 223.1 УПК РФ). Во-первых, дознаватель обязан составить письменное уведомление, в котором должны быть указаны: дата и место его составления; фамилия, инициалы лица, его составившего; фамилия, имя и отчество подозреваемого, а также число, месяц, год и место его рождения; описание преступления с указанием места, времени его совершения, других обстоятельств, которые подлежат доказыванию в соответствии с общими правилами, предусмотренными для предварительного следствия (пп. 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); конкретные нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за совершенное преступление.

Во-вторых, лицо, осуществляющее производство дознания, вызывает подозреваемого и вручает ему копию уведомления, при этом разъясняет права подозреваемого, о чем составляется соответствующий протокол. К сожалению, законодатель не оговаривает сроки, в течение которых подозреваемому должна быть вручена копия уведомления. Исходя из аналогии с предварительным следствием, этот срок не может быть более трех суток, поскольку в ч. 1 ст. 172 УПК РФ установлено, что обвинение предъявляется лицу не позднее трех суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого.

В-третьих, дознаватель обязан допросить подозреваемого по существу подозрения в течение трех суток с момента вручения ему соответствующего уведомления. Таким образом, если обвиняемый немедленно допрашивается после предъявления обвинения (ст. 174 УПК РФ), то подозреваемый – не позднее трех суток с момента уведомления о подозрении. Подобная позиция законодателя является логичной, поскольку подозреваемому необходимо время на подготовку для защиты [4 с. 65].

Необходимо заметить, что законодатель не регламентирует ситуацию, связанную с изменением квалификации деяния в процессе дознания. Представляется правильным ст. 223.1 УПК РФ дополнить частью 1.1, в которой следует оговорить, что в этих случаях уведомление должно быть составлено вновь, а подозреваемый – допрошен по существу подозрения.

По уголовным делам, по которым производится дознание (ч. 3 ст. 150 УПК РФ), дознаватель вправе решать все процессуальные вопросы, связанные с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу в общем порядке и на общих основаниях. Особенность проявляется в том, что если подобная мера пресечения избрана, то обвинительный акт должен быть составлен не позднее 10 суток со дня заключения под стражу. Если в указанные сроки составить обвинительный акт не представляется возможным, то подозреваемому должно быть предъявлено обвинение на общих основаниях и в общем порядке, т.е. с соблюдением правил, предусмотренных для данной процедуры применительно к предварительному следствию. Либо данная мера пресечения отменяется.

В юридической литературе отмечено, что при производстве дознания мера пресечения в виде заключения под стражу применяться не должна. Исключительность применения данной меры пресечения противоречит основаниям для производства дознания, т.е. небольшой опасности преступления и сокращенным срокам. По общему правилу заключение под стражу, напротив, применяется к лицам, совершившим опасные преступления. В связи этим законодатель предусмотрел, что при необходимости применения заключения под стражу прокурор вправе передать дело для производства предварительного следствия (п. 11 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150) [5].

В гл. 32 УПК РФ ничего не сказано о применении иных мер пресечения. Это означает, что общие положения о мерах пресечения (гл. 13 УПК РФ) распространяются и на дознание. При этом возникает определенная коллизия норм ст. 224 и ст. 100 УПК РФ. По правилам ч. 1 ст. 100 УПК РФ если мера пресечения избирается в отношении подозреваемого, то обвинение ему должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения. В противном случае мера пресечения немедленно отменяется. Таким образом, если использовать общий порядок ст. 100 УПК РФ по отношению к дознанию, то дознаватель (следователь) в случаях избрания подписки о невыезде, личного поручительства, присмотра за несовершеннолетним, наблюдения воинской части, залога (на основании судебного решения) обязан в течение 10 суток либо составить обвинительный акт, либо вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого по правилам ч. 3 ст. 224 УПК РФ. Вместе с тем, дознание является упрощенной формой производства предварительного расследования, а по смыслу закона дознаватель вынужден

предъявлять обвинение почти по каждому делу, если избирает меру пресечения. Полагаем, что необходимо внести изменения в нормы УПК РФ, регламентирующие порядок применения мер пресечения в отношении подозреваемого, а именно дополнить ст. 224 УПК РФ пунктом 5, в котором следует предусмотреть, что иные меры пресечения, за исключением заключения под стражу, устанавливаются в отношении подозреваемого на весь период производства дознания. Правила ст. 224 УПК РФ распространить не только на случаи избрания в отношении подозреваемого заключения под стражу, но и домашнего ареста.

Согласно ч. 1 ст. 225 УПК РФ по окончании дознания дознаватель составляет обвинительный акт. Обвинительный акт представляет собой документ, в котором дознаватель на основании имеющихся в материалах уголовного дела доказательств делает вывод о необходимости привлечения лица в качестве обвиняемого, после чего передает уголовное дело начальнику органа дознания, который, в свою очередь, утвердив обвинительный акт, направляет дело прокурору, который вправе принять решение о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения по существу предъявленного обвинения [6, с. 282].

Обвинительный акт составляется по окончании дознания, и, соответственно, срок дознания истекает в день подписания обвинительного акта дознавателем (следователем). В отличие от обвинительного заключения обвинительный акт имеет более простое содержание. Он представляет одновременно и первоначальное, и окончательное обвинение, за исключением рассмотренного выше случая, предусмотренного ч. 3 ст. 224 УПК РФ.

Таким образом, обвинительный акт вступает в силу уже после подписания его дознавателем (следователем). По правилам о предварительном следствии обвинительное заключение составляется после ознакомления сторон с материалами уголовного дела, после его составления следователь обязан прекратить производство процессуальных действий, немедленно направив дело прокурору. Составление обвинительного акта, напротив, предшествует ознакомлению с ним заинтересованных лиц. Подписание обвинительного акта дознавателем (следователем) еще до его утверждения начальником органа дознания и прокурором влечет появление в деле обвиняемого в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 47 УПК [5].

Требования к содержанию обвинительного акта закреплены в ст. 225 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 данной статьи в обвинительном акте указываются: 1) дата и место состав-

ления; 2) должность, фамилия, инициалы лица, его составившего; 3) данные о лице, которое привлекается к уголовной ответственности; 4) место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, которые имеют значение для данного уголовного дела; 5) формулировка обвинения с указанием конкретных норм УК РФ; 6) перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания; 7) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 8) данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда; 9) список лиц, подлежащих вызову в суд.

Статья 225 УПК РФ не устанавливает какого-либо порядка ознакомления сторон с делом. В ч. 2 названной статьи лишь сказано, что обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, о чем делается отметка в соответствующем протоколе. Вместе с тем, следует использовать по аналогии нормы УПК РФ, регламентирующие аналогичную процедуру для предварительного следствия.

Следует отметить, что ст. 225 УПК РФ оставляет неопределенность в вопросе о том, вправе ли начальник органа дознания не утвердить обвинительный акт (например, если он составлен с нарушением требований ст. 225) и каковы последствия подобного решения. Отсутствуют соответствующие правила и в ст. 220 УПК РФ. Представляется, что по смыслу закона начальник органа дознания вправе потребовать пересоставления обвинительного акта, внесения в него изменений. Он вправе дать иные указания дознавателю, например о прекращении дела в силу ч. 4 ст. 41 УПК РФ. Однако он не вправе вернуть дело на дополнительное расследование. В этом случае необходимо обратиться к прокурору с соответствующим ходатайством.

Некоторые авторы считают, что у начальника органа дознания должно быть право возвратить обвинительный акт дознавателю для пересоставления либо самому составить обвинительный акт, и предлагают внести соответствующие изменения в УПК РФ [7, с. 17]. Предлагается наделить начальника органа дознания следующими полномочиями: 1) утвердить обвинительный акт, точнее проект обвинительного акта, и направить его с материалами уголовного дела прокурору; 2) возвратить проект обвинительного акта дознавателю, дав при этом указания о направлении расследования, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступле-

ния, об объеме обвинения, о форме окончания дознания; 3) составить новый проект обвинительного акта и направить его с материалами уголовного дела прокурору [8, с. 149].

Это относится, во-первых, к процедуре уведомления об окончании дознания. По общему правилу об окончании предварительного расследования в первую очередь уведомляется обвиняемый, которому разъясняется право на ознакомление с материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя (ч. 1 ст. 215 УПК РФ), о чем составляется протокол в соответствии со ст. 166, 167 УПК РФ. Затем уведомляются защитник и законный представитель обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители (ч. 2 ст. 215 УПК РФ).

Далее следует коснуться процедуры ознакомления сторон с материалами уголовного дела. В силу положений ч. 1 ст. 217 УПК РФ обвиняемому и его защитнику материалы уголовного дела предъявляются после ознакомления с ними потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, если от названных участников уголовного судопроизводства поступили соответствующие ходатайства. Очередность ознакомления последних названных участников с материалами уголовного дела законом не предусмотрена, поэтому она устанавливается следователем (дознавателем) исходя из конкретной ситуации. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители знакомятся с материалами уголовного дела в той части, которая относится к гражданскому иску (ст. 216 УПК РФ). Объем предоставления материалов уголовного дела потерпевшему для ознакомления определяется исходя из содержания п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, где сказано, что если в уголовном деле участвуют несколько потерпевших, то каждый из них вправе ознакомиться с теми материалами, которые касаются причиненного ему вреда.

По окончании ознакомления с материалами уголовного дела дознаватель (следователь) выясняет, какие у потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика имеются ходатайства о дополнении предварительного следствия. Порядок разрешения ходатайств определен в ст. 219 УПК РФ. После ознакомления с материалами уголовного дела составляется протокол (ст. 218 УПК РФ).

Затем с материалами уголовного дела знакомятся обвиняемый, его защитник и законный представитель. Такая последовательность объясняется тем, что сторона защиты должна обладать информацией о содержании заяв-

ленных названными участниками процесса ходатайств и результатами их разрешения.

В соответствии с положениями ч. 4, 5 ст. 217, ст. 219 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайства о дополнении материалов дознания. Однако не урегулирован вопрос о том, вправе ли дознаватель проводить следственные действия по ходатайству сторон после того, как обвинительный акт составлен. Полагаем, что срок дознания уже закончен, поэтому ходатайства участников уголовного процесса о дополнении материалов дознания должны адресоваться и, соответственно, разрешаться прокурором или судом. Прокурор, принимая по ним решение, вправе направить уголовное дело производства дополнительного дознания или предварительного следствия (п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК).

Действия прокурора по делу, которое поступило к нему с обвинительным актом, во многом совпадают с теми, которые совершаются при рассмотрении дел, поступивших с обвинительным заключением. Отличие выражается в сроках рассмотрения прокурором уголовного дела: материалы дознания рассматриваются в течение 2 суток (материалы уголовного дела с обвинительным заключением – в течение 5 суток). Особенность проявляется и в том, что уголовное дело, поступившее с обвинительным актом органа дознания, может быть направлено для производства предварительного следствия (п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ). Помимо этого, в случае возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта установлены жесткие сроки – 10 и 3 суток соответственно (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

Прокурор проверяет качество проведенного дознания и принимает одно из четырех решений:

1) об утверждении обвинительного акта и направлении дела в суд (следует отметить, что прокурор вправе своим постановлением исключить из обвинительного акта отдельные пункты обвинения или переквалифицировать обвинение на менее тяжкое); направляя уголовное дело в суд, прокурор обеспечивает вручение копий обвинительного акта обвиняемому, его защитнику и потерпевшему;

2) о возвращении со своими указаниями уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия предъявляемым требованиям (ст. 225 УПК РФ); при этом прокурор может продлить срок дознания, но не более чем на 10 суток для производства дополнительного дознания и не более чем на 3 суток для пересоставления обвинительного акта, дальнейшее продление срока дознания осуществляется на общих основаниях (ст. 223 УПК РФ);

3) о прекращении уголовного дела;

4) о направлении уголовного дела для производства предварительного следствия. Основанием для этого является невозможность устранить дефекты расследования с помощью дополнительного дознания. При этом время проведенного дознания включается в срок предварительного следствия.

Резюмируя сказанное, следует акцентировать внимание на самых важных моментах.

1. Целесообразно дополнить ст. 223.1 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: «Если в процессе дознания возникает необходимость в изменении квалификации деяния, совершенного подозреваемым, то составляется новое уведомление, копия которого вручается подозреваемому. В течение 3 суток с момента вручения лицу данного уведомления дознаватель должен допросить подозреваемого по существу подозрения».

2. Следует внести изменения в нормы УПК РФ, регламентирующие порядок применения мер пресечения в отношении подозреваемого, а именно дополнить ст. 224 УПК РФ пунктом 5, в котором следует оговорить, что иные меры

пресечения, за исключением заключения под стражу, устанавливаются в отношении подозреваемого на весь период производства дознания. Правила ст. 224 УПК распространить не только на случаи избрания в отношении подозреваемого заключения под стражу, но и домашнего ареста.

3. Представляется правильным изложить ч. 4 ст. 225 УПК РФ в следующей редакции: «Обвинительный акт, составленный дознавателем, передается начальнику органа дознания, который принимает одно из следующих решений: 1) об утверждении обвинительного акта и направлении уголовного дела прокурору; 2) о возвращении материалов уголовного дела дознавателю для пересоставления обвинительного акта, внесения в него изменений; 3) о возвращении материалов уголовного дела дознавателю с указаниями о направлении расследования, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления, об объеме обвинения, о форме окончания дознания; 4) лично составить обвинительный акт и направить его с материалами уголовного дела прокурору».

1. Башинская И.Г. Проблемы правовой регламентации института последственности в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

2. Королев Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы // Законность. 2008. № 1.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Б.Т. Безлепкина. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс», 2012.

4. Науменко О.А. Подозреваемый при производстве предварительного следствия и дознания // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2010 № 4.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Смирнова, К.Б. Калининского. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2012.

6. Уголовный процесс: учеб. / отв. ред. А.В. Гриненко. М., 2009.

7. Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.

8. Черепанова Л.В. Окончание дознания с обвинительным актом в современном уголовном процессе России: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005.

1. Bashinskaya I.G. Problems of legal regulation of the institute of the last of liability in the Russian criminal trial: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2007.

2. Korolev G. Reorganization of pre-trial proceedings: problems and prospects // Legality. 2008. № 1.

3. Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized) / ed. by B.T. Bezlepkin. Access from legal reference system «ConsultantPlus», 2012.

4. Naumenko O.A. The suspect in the manufacture of pre-trial and inquiry // Bull. of the Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 4.

5. Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized) / ed. by A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskiy. Access from legal reference system «ConsultantPlus», 2012.

6. Criminal procedure: textbook / resp. ed. by A.V. Grinenko. Moscow, 2009.

7. Shuvatkin A.V. The indictment conclusion and the indictment act of the modern criminal trial: diss. ... Master of Law. Samara, 2003.

8. Cherepanova L.V. End of inquiry with the indictment act in the modern criminal trial of Russia: theoretical and practical aspects: diss. ... Master of Law. Barnaul, 2005.

Хазиков Арсланг Анатольевич

руководитель второго отдела следственного управления
 Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю,
 аспирант кафедры уголовного процесса
 Кубанского государственного университета
 (e-mail: icenter.pro@icloud.com)

О некоторых проблемах совершенствования процессуального положения руководителя следственного органа

В статье обосновывается, что уголовно-процессуальные полномочия руководителя следственного органа разграничиваются на процессуальный контроль, процессуальное руководство и предварительное расследование. При совершенствовании процессуального положения руководителя следственного органа предлагается придерживаться разграничения его правового статуса с учетом двух сфер профессиональной деятельности: уголовно-процессуальной и административно-организационной (управленческой).

Ключевые слова: руководитель следственного органа, процессуальное положение, организационная деятельность.

A.A. Chasikov, Head of the Second Division of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation across Krasnodar Region, Post-graduate of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: icenter.pro@icloud.com

About some problems of improvement procedural status of the head of the investigative body

The article explains that the criminal-procedural powers of the head of the investigative body restricted by procedural oversight, procedural guidance and preliminary investigation. When improving the procedural status of the head of the investigating authority requested to adhere to the delineation of its legal status in two professional areas: criminal procedure, and administrative-organizational (in the managerial).

Key words: head of investigative body, procedural status, organizational activity.

В соответствии с п. 38.1 ст. 5 УПК РФ руководитель следственного органа – должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель. Руководитель следственного органа назван законодателем в числе участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения в результате тех изменений, которые были внесены 5 июня 2007 г. в ст. 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В последующем Федеральными законами от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ и от 28 декабря 2010 № 404-ФЗ в ст. 39 УПК РФ внесены изменения в части определения полномочий руководителя следственного органа и его процессуального положения в досудебном производстве. Процессуальному положению руководителя следственного органа посвящены и ведомственные нормативные акты, призванные правильно истолковать и применить на практике предписания уголовно-процессуального закона, в частности: приказ Следственного комитета РФ от 7 июня

2013 г. № 35 «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации»; приказ МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 (в редакции от 22 сентября 2014 г.) «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов».

До 5 июня 2007 г. этот участник досудебного производства именовался «начальник следственного отдела». Ученые видят в решении по переименованию начальника следственного отдела не просто замену термина, а принципиальное изменение подхода законодателя к определению сущности и содержания процессуального положения руководителя следственного органа. Профессор В.А. Семенов по этому поводу пишет: «Нужно признать обоснованным решение законодателя об изменении наименования должностного лица, возглавляющего соответствующее подразделение: руководитель следственного органа является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, представляет сторону

обвинения и осуществляет процессуальное руководство деятельностью следователя» [1, с. 376–377].

В связи с произошедшими изменениями интерес к вопросу о процессуальном положении руководителя следственного органа существенно усилился.

По этому поводу А.В. Бабич высказывает следующую точку зрения: «Изучение полномочий руководителя следственного органа (ч. 1 ст. 39 УПК РФ) дало автору основания классифицировать их на полномочия, относящиеся к процессуальному руководству, контролю и управлению деятельностью следователя, а анализ характера взаимоотношений данного субъекта уголовного процесса со следователем позволил охарактеризовать их как процессуальное властвование, которое состоит в осуществлении процессуального управления (организационный способ обеспечения быстрого и эффективного решения поставленных задач), процессуального руководства (метод обеспечения выполнения принятых решений, необходимых для достижения задачи, которая ставилась при их принятии) и контроля (проверки законности деятельности следователя и исполнения им полученных указаний)» [2, с. 18–19].

По мнению В.В. Колодко, «хотя формально руководители следственного органа... также могут проводить расследование уголовного дела, но специальное назначение и роль у них состоят в ведомственном контроле за следователем, ... так как они наделены комплексом контрольных полномочий, направленных на контроль внутри своего ведомства» [3, с. 7].

И.В. Чечулиным сформулирована следующая позиция: «Практическая деятельность руководителя следственного органа неразрывно связана с выполнением как сугубо процессуальных, так и организационных функций, ибо нередко процессуальные функции одновременно имеют и организационную составляющую. И, напротив, реализация организационных полномочий нередко направлена на решение сугубо процессуальных задач» [4, с. 9].

В то же время Е.А. Новиков констатирует, что «руководитель следственного органа – должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение... а также его заместитель, уполномоченное в установленных уголовно-процессуальным законом пределах осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и вступать в уголовно-процессуальные отношения» [5, с. 23].

А вот Н.А. Моругина считает, что под «руководителем следственного органа (а также его

заместителем) следует понимать должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, уполномоченное осуществлять контроль за законностью принимаемых следователем решений, а также уголовно-процессуальное руководство расследованием, наделенное соответствующими правами и обязанностями, реализация которых выполняется в ходе уголовно-процессуальных отношений» [6, с. 8].

Проведенный анализ различных точек зрения ученых по вопросу о процессуальном положении руководителя следственного органа показал, что, с одной стороны, руководителем следственного органа признается должностное лицо, уполномоченное осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и наделенное властными полномочиями, а с другой стороны, речь идет о должностном лице, осуществляющем, наряду с процессуальными, организационно-распорядительные и административные функции.

При определении процессуального положения руководителя следственного органа не менее интересные обстоятельства выясняются в результате сопоставления отдельных законодательных положений. Приведем содержание некоторых из них.

1. В ч. 1 ст. 39 УПК РФ определяется процессуальный статус руководителя следственного органа и указаны только те полномочия, которые имеют контрольно-процессуальный либо процессуально-руководящий характер. С этим вполне можно согласиться, учитывая особое процессуальное положение руководителя следственного органа, как участника уголовного судопроизводства, выполняющего две основные функции – процессуального контроля и процессуального руководства.

2. В ч. 2 ст. 39 УПК РФ вполне логично представлены уже иные по характеру полномочия руководителя следственного органа. В этой части закона руководитель следственного органа уполномочен производить самостоятельно предварительное следствие, как сказано буквально «обладая при этом полномочиями следователя или руководителя следственной группы».

3. В ст. 144 и 146 УПК РФ закреплено, что руководитель следственного органа вправе осуществлять процессуальные полномочия по возбуждению уголовного дела или отказу в этом.

Несмотря на то, что содержание приведенных положений закона достаточно традиционно и привычно, мы рассматриваем их содержание в

совокупности, как основную причину для существования серьезной научной проблемы – неразделенность правового статуса руководителя следственного органа как субъекта уголовно-процессуальных отношений и субъекта административных (управленческих) отношений.

Нормы, определяющие место и роль руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела, наделяют его (руководителя) полномочиями, которые может и обязан осуществлять только следователь. Если рассматривать данную ситуацию в динамике, получается, что одно и то же должностное лицо одновременно выступает в статусе руководителя следственного органа и следователя.

Однако, как руководитель следственного органа, это лицо в соответствии с базовыми положениями уголовно-процессуального закона не осуществляет функцию предварительного расследования, а принимая на себя полномочия следователя, это лицо перестает осуществлять (в соответствующей части) функции процессуального руководства и процессуального контроля.

«Неразделяемость» правового положения руководителя следственного органа (как субъекта административно-правового и уголовно-процессуального регулирования) приводит в теории уголовного процесса к достаточно многочисленным предложениям по совершенствованию процессуального статуса руководителя следственного органа следующего характера.

Например, Е.А. Новиков, выступая за нормативное закрепление перечня должностных лиц, обладающих полномочиями руководителя следственного органа, пишет: «Необходимо дополнить частью 4.1 ст. 86, ст. 87 и ч. 2 и 3 ст. 88 УПК РФ указанием на руководителя следственного органа как полноценного субъекта доказывания в случаях личного расследования и как субъекта, обладающего прямо предусмотренными возможностями собирания доказательств, их проверки и оценки, в случаях выполнения функции контроля за действиями следователя. При этом право признавать доказательства недопустимыми следует предусмотреть только для случаев личного производства расследования» [5, с. 23].

По нашему мнению, бессмысленно совершенствовать статус руководителя следственного органа в случаях, когда он лично занимается расследованием уголовного дела, используя весь потенциал процессуального статуса следователя. Для организации целенаправленной работы по такому направлению, как совершенствование правового статуса ру-

ководителя следственного органа, необходимо четко и определенно разграничить сферы его профессиональной деятельности на две группы: 1) уголовно-процессуальную; 2) административно-организационную (управленческую).

Обе сферы профессиональной деятельности руководителя следственного органа отличаются друг от друга нормативно-правовой основой регулирования, средствами и способами деятельности, а также задачами.

При этом уголовно-процессуальная деятельность руководителя следственного органа имеет три формы: 1) контрольную; 2) руководящую; 3) предварительного расследования, при которой руководитель следственного органа приобретает статус следователя, но утрачивает возможность осуществления контрольной и руководящей форм деятельности применительно к конкретному досудебному производству, поскольку их совмещение представляется невозможным ни практически, ни с позиции основ уголовного судопроизводства.

Контрольная и руководящая формы деятельности реализуются в силу должностного положения руководителя следственного органа, что связано с изданием соответствующего административно-правового акта о назначении на соответствующую должность. В отличие от этого для приобретения полномочий, необходимых для осуществления предварительного расследования, руководителю следственного органа необходимо принять уголовное дело к своему производству, т.е. необходим уголовно-процессуальный акт, в котором фиксируется указанное решение.

В общем виде понятие «полномочия» следует определить как объем прав и обязанностей, которыми располагает, в нашем случае, руководитель следственного органа для осуществления своего функционального предназначения. Несмотря на то, что в тексте УПК РФ нет дефинитивной нормы, в которой бы формулировалось понятие «полномочия», содержание уголовно-процессуального закона убеждает в том, что там используются производные от указанного понятия термины «уполномочен», «лицом, уполномоченным» и др. Так, согласно ч. 1 ст. 39 УПК РФ «руководитель следственного органа уполномочен ...».

Следует учитывать, что руководитель следственного органа независимо от ведомственной подчиненности является организатором следственной работы и помимо процессуальных полномочий, предусмотренных ст. 39 УПК РФ, имеет административно-организационные (управленческие) полномочия. В част-

ности, организуя работу во вверенном ему следственном подразделении, руководитель следственного органа вносит представления о поощрении или привлечении следователей к дисциплинарной ответственности, представления их к присвоению специальных званий, перемещению по службе; заслушивает следователей по вопросам их взаимодействия с работниками других служб в раскрытии и расследовании преступлений, выполнении планов работы, внедрения опыта новых криминалистических средств и методов в работе, повышения профессионального мастерства; принимает меры к недопущению необоснованного привлечения следователей к выполнению функций, не связанных с расследованием уголовных дел их подследственности; пресекает факты вмешательства в процессуальную деятельность следователей лиц, не уполномоченных на то законом, и др.

Организационная деятельность руководителя следственного органа создает необходимые условия качественного расследования преступлений и регламентируется соответствующими ведомственными актами. При этом руководитель следственного органа несет персональную ответственность за результаты работы следственного подразделения, поскольку его организационные решения прямо или косвенно влияют на процесс расследования по конкретному уголовному делу.

Таким образом, каждая из сфер деятельности руководителя следственного органа определяется различными правовыми актами, имеет различную правовую природу.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Руководитель следственного органа – должностное лицо, осуществляющее уголовно-процессуальные и административно-распорядительные полномочия.

2. Уголовно-процессуальные полномочия руководителя следственного органа имеют различное правовое происхождение:

процессуальный контроль и процессуальное руководство обусловлены должностным положением руководителя следственного органа;

предварительное расследование (самостоятельное производство предварительного расследования либо выполнение функции руководителя следственной группы) связано с выполнением требований уголовно-процессуального закона, общих для всех следователей.

3. При совершенствовании процессуального положения руководителя следственного органа необходимо учитывать отмеченные особенности и придерживаться разграничения правового статуса с учетом двух сфер профессиональной деятельности: уголовно-процессуальной и административно-организационной (управленческой).

1. Семенцов В.А. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар, 2013.

2. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

3. Колодко В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования. Челябинск, 2013.

4. Чечулин И.В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

5. Новиков Е.А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

6. Моругина Н.А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

1. Sementsov V.A. The powers of the head of the investigative body in pre-trial proceedings // Sementsov V.A. Selected articles on criminal proceedings. Krasnodar, 2013.

2. Babich V.A. Procedural autonomy and independence of the investigator as the basis of his status in the criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2012.

3. Kolodko V.V. Criminal procedural investigation function. Chelyabinsk, 2013.

4. Chechulin I.V. Procedural powers of the head of the investigative body and their realization in pre-trial proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2013.

5. Novikov E.A. The head of the investigative body in the Russian criminal proceedings: diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

6. Morugina N.A. The head of the investigative body as a participant of criminal proceedings for the prosecution: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2010.

Садыков Абу Увайсович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zida@inbox.ru)

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при подготовке и проведении допросов

Статья посвящена вопросам, связанным с использованием в процессе расследования по уголовному делу информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности. Особое внимание уделяется тактике проведения допросов с учетом информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: допрос, оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия.

A.U. Sadykov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zida@inbox.ru

Use of results of operational search activity during preparation and carrying out interrogations

Article is devoted to the questions connected with use in the course of investigation on criminal case of information received as a result of carrying out operational search activity. The special attention is paid to tactics of carrying out interrogations taking into account information received when carrying out operational search actions.

Key words: interrogation, operational search activity, operational search actions.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) предполагает ее учет как в случае принятия решения о производстве того или иного следственного действия, так и непосредственно при его проведении.

В УПК РФ понятие следственного действия не раскрыто. Согласно п. 32 ст. 5 УПК следственное действие относится к числу процессуальных действий наряду с судебным или иным действием, предусмотренным УПК.

В юридической литературе под следственными действиями понимают «процессуальные формы осуществления деятельности по поиску, получению, исследованию и использованию доказательств на стадии предварительного расследования преступлений» [1, с. 204].

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности для осуществления следственных действий носит преимущественно тактический характер.

Тактику следственных действий определяют как «подсистему научных положений и разрабатываемых на их основе советов, рекомендаций, типовых тактических приемов, комбинаций и операций, осуществляемых с учетом следственных ситуаций и направленных на поиск эффективных источников (носителей) инфор-

мации, собирание, исследование и использование доказательств следователем (дознавателем, оперативным работником) для решения промежуточных задач и достижения основных целей уголовного судопроизводства» [2, с. 32].

Среди основных следственных действий, при подготовке и проведении которых следует использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, можно выделить допрос.

Правовой основой проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках подготовки и проведения допроса является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, в ст. 6 указанного закона приведен перечень оперативно-розыскных мероприятий, из которых в рамках подготовки к допросу можно проводить опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и оперативное внедрение.

Учитывая, что доказательствами по уголовному делу являются показания потерпевшего,

свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, рассмотрим возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве допросов указанных участников процесса.

Как правило, необходимость использования оперативно-розыскной информации при подготовке к допросу потерпевшего связана с проверкой его заинтересованности в оговоре подозреваемого или инсценировки совершенного преступления. В соответствии со ст. 144 УПК РФ обязанность проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении возложена на дознавателя, орган дознания, следователя и руководителя следственного органа. Данная проверка, кроме процессуальных действий, регламентированных УПК РФ, может проводиться и не процессуальным путем, на основании проведения оперативно-розыскных мероприятий, регламентированных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». В процессе подготовки к допросу потерпевшего, на наш взгляд, можно проводить такие оперативно-розыскные мероприятия, как опросы, наведение справок, наблюдения и иные.

Необходимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе допроса свидетеля возникает, как правило, при допросе недобросовестного свидетеля. Такими могут быть лица:

не желающие фигурировать в уголовном процессе и пытающиеся скрыть свою осведомленность о расследуемом событии;

не желающие давать правдивые показания из-за боязни преследования или мести;

намеренно дающие ложные показания в силу знакомства или родственных связей и др.

Должны насторожить следователя и слишком активная позиция свидетеля, выдвигание им необоснованных и ничем не подтверждающихся версий, излишняя осведомленность о происшедшем, оправдание действий виновного и т.п. Такая позиция свидетеля может говорить о его заинтересованности в деле, и в перспективе данное лицо может приобрести процессуальный статус подозреваемого.

В рамках подготовки к допросу свидетеля, на наш взгляд, можно проводить такие оперативно-розыскные мероприятия, как опрос, наведение справок; исследование предметов и документов, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, и иные.

Тактические особенности допроса подозреваемого, как правило, определяются его

позицией по делу (признается или нет он в совершенном преступлении) и наличием у следователя доказательств причастности подозреваемого к совершенному преступлению.

Существенно влияют на тактику допроса подозреваемого обстоятельства, связанные с его задержанием. Во многом спрогнозировать будущее поведение подозреваемого можно с учетом его поведения в момент задержания (пытался скрыться, избавиться от находящихся при нем предметов и т.п.). При проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с подготовкой к допросу подозреваемого, следует обратить внимание на выявление и опрос очевидцев совершенного преступления, наведение справок о личности подозреваемого, розыск предметов имеющих значение для дела, и другие мероприятия.

Учитывая, что информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности может быть использована при допросе подозреваемого, следователь должен принять решение о времени допроса подозреваемого. Допрос подозреваемого непосредственно после его задержания фактически полностью исключает использование оперативно-розыскных данных. Отсрочка момента допроса на срок «не позднее 24 часов с момента его фактического задержания», как предусмотрено ч. 2 ст. 46 УПК РФ, предполагает возможности использования результатов ОРД. Однако при этом следует учитывать, что у подозреваемого, скорее всего появится защитник, который может существенно повлиять на показания. Поэтому если непосредственно после задержания подозреваемый дает какие-либо показания, его лучше допросить сразу.

Задержание лица по подозрению в совершении преступления возможно при наличии соответствующих оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ. Под основаниями признания лица подозреваемым понимается наличие информации, которой обладает следователь о причастности того либо иного лица к совершенному преступлению. Наличие такой информации определяет характер дальнейшей деятельности следователя с заподозренным лицом. [3, с. 28].

При задержании подозреваемого в ситуации, когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ), предполагается, что они либо знают подозреваемого, либо опознали в процессе проведенного в соответствии со ст. 193 УПК РФ опознания. Кроме того, на наш взгляд, возможно задержание подозреваемого по данному основанию и в случае,

если потерпевшие или очевидцы опознали его в процессе такого оперативно-розыскного мероприятия, как отождествление личности, проведенного в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В этом случае проведение последующего процессуального опознания недопустимо.

Если задержание подозреваемого произведено в связи с обнаружением на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище явных следов преступления (п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ), возможно использование таких оперативно-розыскных мероприятий, как исследование предметов и документов, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и др.

Организация допроса подозреваемого во многом зависит от того, как происходит допрос – в конфликтной или бесконфликтной ситуации.

Если допрос подозреваемого происходит в бесконфликтной ситуации и он признает причастность к совершенному преступлению, оперативно-розыскная информация может быть использована для постановки дополнительных вопросов в целях детализации показаний и их проверки относительно других доказательств, имеющих в материалах уголовного дела. При проведении допроса возможно возникновение так называемой «мнимой бесконфликтной ситуации», когда подозреваемый установлением ложного контакта или даже сотрудничества стремится усыпить бдительность следователя и нанести ему в конечном счете тактическое поражение. Если подозреваемый или обвиняемый признается в совершении преступления под давлением имеющихся доказательств, но в своих показаниях не сообщает ничего нового по сравнению с той информацией, которая сообщалась ему в процессе расследования, то доказательственная ценность такого признания почти равна нулю [1, с. 90].

Если, по мнению следователя, подозреваемый дает ложные показания, то используя оперативно-розыскные данные, можно уличить его в несостоятельности этих показаний и убедить раскаяться в содеянном.

При проведении допроса в конфликтной ситуации подозреваемый либо вообще отказывается от дачи показаний, либо занимает активную оборонительную позицию и выдвигает алиби, свидетельствующее о его непричастности к совершенному преступлению. Как правило, эти показания сложно опровергнуть путем проведения следственных действий. В этой ситуации необходимо использовать весь

арсенал оперативно-розыскных мероприятий для установления обстоятельств совершенного преступления.

Одной из проблем допроса подозреваемого, как правило, является наличие пробелов и противоречий в материалах уголовного дела, что в совокупности не позволяет сделать обоснованный и достоверный вывод о причастности подозреваемого к совершенному преступлению. Это обусловлено тем, что допрос подозреваемого, как правило, производится на первоначальном этапе расследования, иногда совместно с процессом раскрытия преступления по горячим следам, следователь не имеет возможности как следует подготовиться к допросу. В этой ситуации большое значение приобретает оперативно-розыскная информация, которая может быть получена путем проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативное внедрение, опрос граждан, наведение справок и др.

С учетом информации, добытой оперативным путем, следователь может более точно определить цели и задачи предстоящего допроса, выбрать верные тактические приемы и на основании их умелого применения добиться от подозреваемого показаний, соответствующих действительности.

Полученная оперативная информация может служить демонстрацией осведомленности следователя о действиях преступника, наличии доказательств его виновности, показать полную бесперспективность занятой подозреваемым конфликтной позиции и в итоге добиться установления истины по уголовному делу.

Наличие оперативной информации о причастности заподозренного лица к расследуемому уголовному делу значительно расширяет потенциальные возможности следователя и оказывает влияние на выбор средств и методов достижения намеченной цели.

Использование следователем оперативной информации наиболее эффективно на первоначальном этапе расследования, когда после совершения преступления прошло немного времени. В этой ситуации подозреваемый еще не успевает продумать линию своего поведения и психологически не готов к организованному и продуманному противодействию правоохранительным органам. Тем более слаба позиция подозреваемого в случае, если он не имеет криминального опыта. Сложность и необычность крайне неблагоприятной обстановки с неизбежностью приводит к растерянности подозреваемого, психологической нестабильности (неустойчивости) его позиции. Активная

деятельность следователя, законный психологический прессинг подозреваемого, базирующийся на тактической активности, инициативе и профессионализме следователя и взаимодействующих с ним оперативных работников, позволяет уже на первоначальном этапе расследования преодолеть противодействие конфликтующего субъекта и получить объективные показания [2, с. 154].

Особенностью тактики допроса обвиняемого является то, что он производится на более поздних стадиях расследования уголовного дела, когда у следователя имеется в арсенале значительный объем доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления. В этом случае следователь имеет возможность более тщательно подготовиться к предстоящему допросу. Кроме собранных доказательств, следователь уже изучил личность обвиняемого, его позицию по делу, собрал характеризующие данные. На данной стадии оперативно-розыскная информация нужна следователю для установления соучастников совершенного преступления, определения степени их участия в содеянном, установления местонахождения вещественных доказательств и т.п.

Как уже отмечалось, тактика допроса, в том числе и обвиняемого, зависит от конфликтного или бесконфликтного характера позиции, занятой допрашиваемым. При допросе в бесконфликтной ситуации следует обратить внимание на то что обвиняемые зачастую преуменьшают свою роль в совершении преступления, раскрывают некоторые, но не все обстоятельства совершения преступления, особенно касающиеся их активного участия, преувеличивают роль соучастников совершенного преступления и т.п.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при допросе обвиня-

емых связано и с их отношением к предъявленному обвинению. Они могут признать обвинение или не признать его.

При допросе обвиняемых, признающих свою вину, оперативно-розыскные мероприятия могут быть направлены на установление так называемой «мнимой бесконфликтной ситуации».

Тактика допроса обвиняемых, не признающих себя виновными, значительно сложнее. Между тем, без их показаний иногда довольно сложно предопределить дальнейшую судьбу расследуемого уголовного дела. Отказ от дачи показаний обвиняемого или дача им ложных показаний затрудняют проверку законности и обоснованности предъявленного обвинения.

Выбор конкретных тактических приемов допроса обвиняемого должен определяться с учетом личности обвиняемого. В связи с этим следователю могут понадобиться дополнительные сведения, полученные путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. К таковым можно отнести: опрос родственников и знакомых обвиняемого; проверку лица по оперативно-справочным учетам; опрос лиц, ранее проходивших совместно с обвиняемым по одному уголовному делу, совместно с ним отбывавших наказание, связанное с лишением свободы, содержащихся под стражей (в прошлом и настоящем, если к моменту предъявления обвинения к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу); изучение архивных уголовных дел и т.д.

Таким образом, использование результатов оперативно-розыскной деятельности при подготовке и проведении допросов в комплексе с процессуальными доказательствами является мощным инструментом установления обстоятельств уголовного дела.

1. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учеб. для вузов. М., 2011.

2. Гаскаров И.Ф. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

3. Кольчури А.Г. Основания признания лица подозреваемым // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015.

1. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. The criminalistics: textbook for higher education institutions. Moscow, 2011.

2. Gaskarov I.F. Tactical and criminalistic features of use of results of Investigation and search operations in investigation of crimes: diss. ... Master of Law. Yekaterinburg, 2005.

3. Kolchurin A.G. Bases of recognition of the person as the suspected // Criminalistics and judicial and expert activity in the conditions of the present: proc. of the All-Russian sci. and pract. conf. Krasnodar, 2015.

Куемжиева Светлана Александровна

кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кубани,
декан юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета

Зеленский Владимир Дмитриевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета

(e-mail: kgau-uf@mail.ru)

О принципах криминалистической методики

В работе исследован сложный вопрос о принципах криминалистической методики. Проведен анализ позиций различных ученых по данной проблеме, сделан авторский вывод о содержании принципов методики расследования.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, принципы методики, планирование расследования, общий метод расследования, предмет деятельности.

S.A. Kuemzhieva, Master of Law, Professor, Honoured Lawyer of Kuban, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University;

V.D. Zelensky, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of Programs of Master Training of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University; e-mail: kgau-uf@mail.ru

On the principles of forensic techniques

The paper considers the complex question of the principles of forensic techniques. The analysis of the positions of various scientists on the subject is carried out, the authors made a conclusion about the content of the principles of procedure of the investigation.

Key words: methods of investigation of crimes, principles of techniques, planning the investigation, common method of investigation, subject of activity.

О содержании общих положений методики высказывались различные точки зрения. Некоторые из них в содержании методики вряд ли входят. Например, общественно-политическая правовая оценка преступления, использование в расследовании логического аппарата [1, с. 10]. Или: соблюдение закона при расследовании, возбуждение уголовного дела, применение научно-технических средств [2, с. 13].

Полагаем, что положения, к которым относятся указанные взгляды, вряд ли можно считать теоретическими положениями методики. Очевидно, что блок формирования средств и методов расследования должен основываться на научно разработанных общих принципах. Именно основные положения – принципы обуславливают научный и единообразный подход к построению программы расследования, правильному ее выбору в частной методике расследования отдельных видов и в отдельном конкретном расследовании.

Под принципами криминалистической методики понимаются идеи, исходные положения разработки и создания частных методик, «а также основополагающие начала по организации и осуществлению предварительного расследования, основанные на достижениях науки, передовой практике и обеспечивающие его эффективность по достижению задач уголовного судопроизводства» [3, с. 143].

Соглашаясь в целом с таким определением принципов криминалистической методики, заметим, что основные положения – принципы – распространяются не только на процесс разработки и создания частных методик. Они в значительной мере способствуют формированию и общих положений методики, их содержанию. Методика разрабатывает стратегию всей криминалистической деятельности по расследованию преступлений. Поэтому ее общие положения должны использоваться и формироваться на основе общих принципов, основанных на анализе, не только уголовного

процесса и криминалистики, но и философии, теории организации и управления, теории информации и других естественных и гуманитарных наук. Принципы методики, на наш взгляд, должны определять не только частные методики, но и, прежде всего, ее общие положения.

В целом принципы методики способствуют выработке научно обоснованного направления ее развития.

В реализации указанного направления исследований наблюдаются различные подходы. Н.А. Селиванов представляет систему принципов методики расследования так:

1. Планомерность осуществления системы действий, из которых складывается расследование.

2. Обусловленность методики предметом доказывания.

3. Методика расследования отдельного преступления должна быть основана на положениях соответствующей типовой методики.

4. Система следственных действий строится с учетом конкретной следственной ситуации.

5. Оптимальный набор следственных действий, обеспечивающий полноту и экономичность расследования

6. Подразделение следственных действий на первоначальные и последующие.

7. Оптимальная последовательность следственных действий.

8. Простые и сложные элементы структуры расследования в виде комплекса следственных действий.

9. Оптимальное чередование комплексов следственных действий.

10. Динамичность методики расследования конкретного преступления [4, с. 121–128].

Можно сразу сделать критические замечания по отдельным вопросам. Вряд ли планомерность можно считать принципом только методики. Планомерность является принципиальным аспектом всего расследования.

Из содержания организации расследования видно, что планомерность органически связана с целеопределением. Для расследования обязательно нужна целеустремленность. Поэтому рассматриваемый принцип и следует именовать «целеустремленность и планомерность осуществления системы следственных и иных действий в расследовании».

В то же время совершенно обоснованно ряд положений относят к числу общих принципов методики. Выбор следственных действий обусловлен предметом деятельности. Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, равно как и иные обстоятельства, подлежащие

установлению по делу, детерминируют вид следственных действий, посредством которых собираются, получаются необходимые доказательства. Это один из основополагающих принципов, влияющий на построение частных методик. Н.А. Селиванов совершенно верно указывает на общую упрощенную семичленную схему предмета расследования: что, где, кем, когда, каким способом, с какой целью, зачем совершено [4, с. 121]. Эти вопросы дополняются, детализируются другими элементами предмета расследования. Состав определенного вида преступления, особенности совершения обуславливают сочетание следственных и иных действий, которые надо произвести.

Система следственных действий, сочетание действий обусловлено объемом и характером информации, известной на каждый период расследования, т.е. характером следственной ситуации.

Оптимальность выбора следственных и иных действий и сочетания их производства также является принципом составления программы расследования. Принцип обязывает ученых и практиков использовать все возможности криминалистики, все известные средства собирания доказательств, конкретизируя их при построении частной методики.

Существуют и другие подходы к определению принципов методики расследования [5, с. 238–239]. В этой связи важное значение для общих положений методики имеют идеи, высказанные в работах Р.С. Белкина, С.Н. Чурилова, Ю.П. Гармаева, А.Ф. Лубина, А.В. Шмонина, М.В. Субботиной и других ученых.

Р.С. Белкин общими критериями формирования частных криминалистических методик назвал: 1) законность в деятельности органов расследования; 2) знание способов совершения преступлений и возникающих при этом следов; 3) адаптированность методов применительно к конкретным условиям расследования; 4) учет всех задач расследования, в том числе предупреждение преступлений; 5) знание организации расследования, в том числе координации и взаимодействия, использование помощи населения и средств массовой информации, эффективное использование специальных знаний, возможностей оперативных аппаратов органов внутренних дел. Ученый указывал на необходимость выяснения и устранения обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступления; отмечал, что при построении частной методики необходимо руководствоваться принципом си-

стемного подхода к процессу расследования, учитывать этапность процесса расследования и особенности каждого этапа [6, с. 203–207; 7, с. 201–209].

И.А. Возгрин дифференцировал принципы методики расследования, разделив их на три группы:

1) общие принципы, формирующие ее базовые положения как особой системы научного знания об организации и осуществлении уголовного преследования лиц, совершивших преступление; к ним относятся принцип историзма; принцип системности криминалистического методического научного знания; принцип единства теории и практики в криминалистической методике;

2) частные принципы, определяющие исходные положения построения и исследования частных методик расследования преступлений, – это законность методики расследования преступлений; теоретическая обоснованность и практическая ценность методики расследования; конкретность методик расследования; плановая основа методик расследования; этапность методик; ситуационность методик; реализация этических норм в методиках расследования;

3) специальные принципы криминалистической методики, раскрывающие важнейшие положения о структуре и содержании отдельных групп методики расследования преступлений [8, с. 260–287]. Автор отнес к специальным принципам общий подход к раскрытию рассматриваемых групп однородных преступлений; общность обстоятельств, подлежащих установлению, комплексность данных частных методик. Он указал, что разработка специальных принципов еще только начинается [9, с. 70–79].

Классификация принципов, предпринятая И.А. Возгриным, на наш взгляд, вполне обоснована. Можно согласиться и с тем, что автор не дал полного перечня принципов третьей группы по той причине, что система этих принципов динамична. Вместе с тем, полагаем, что ряд общих принципов методики является принципами всей криминалистики (о чем говорит и сам автор [8, с. 83]), поэтому вряд ли целесообразно включать их в перечень принципов методики (например, законность, системность и др.).

Отметим также, что ученый предпринял попытку разграничить принципы общих положений методики (всей методики) и принципы частной методики. Задача благородная, но мало подъемная ввиду сложности ее решения. Полагаем, что большинство принципов носят общий характер для всей методики. Степень их проявления

в общих положениях методики и в частных методиках может быть различной. Строго разграничить их практически невозможно (например, принципы планомерности, законности и др.), хотя попытки осуществить это предпринимаются [10, с. 79]. Поэтому в определениях принципов методики многие авторы смешивают принципы построения частных методик с принципами криминалистической методики в целом.

В связи с этим интерес представляет система принципов частных криминалистических методик, разработанная С.Н. Чуриловым. Он также подразделил их на три группы.

1. Группа принципов зависимости частных методик расследования от права:

обусловленность частных методик расследования нормами конституционного и международного права, международными договорами, законодательством о борьбе с преступностью и прокурорском надзоре;

обусловленность частных методик нормами отраслевого права (уголовного, уголовно-процессуального и др.);

обусловленность частных методик расследования иными нормами и справочными материалами.

2. Группа принципов зависимости частных методик расследования от науки:

обусловленность частных методик положениями общественных неправовых наук (философии, логики, этики, науки управления);

обусловленность частных методик положениями отраслевых юридических наук (уголовный процесс, уголовное право и др.);

обусловленность частных методик положениями наук, развивающихся на стыке естественных и технических наук;

обусловленность частных методик расследования положениями криминалистической науки.

3. Группа принципов зависимости частных методик расследования от практики:

обусловленность частных методик криминалистической характеристикой преступления;

обусловленность частных методик расследования практикой раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [11, с. 268–269].

На наш взгляд, система принципов, предложенная С.Н. Чуриловым, охватывает все стороны функционирования криминалистической методики. Определенный ее недостаток заключается в том, что она носит довольно общий характер. Это скорее общие положения применительно ко всей криминалистической методике. Все-таки принципы – это основные правила, и они должны быть конкретными. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить систе-

му С.Н. Чурилова с системой Н.А. Селиванова.

Обширную систему принципов предложил Г.Н. Меглицкий. Он подразделил принципы на две группы:

а) принципы разработки и создания частных криминалистических методик, которые являются научным инструментом в исследовательской деятельности ученых и специалистов, занимающихся разработкой методических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений (интегративность и системность методических рекомендаций; конкретность и научная обоснованность методики; взаимная корреляция и единство всех методических рекомендаций и др.);

б) принципы как руководящие начала по организации и осуществлению практической деятельности следователя, дознавателя, обеспечивающие раскрытие, расследование и предупреждение конкретных видов преступлений (строгое соблюдение законности в процессе расследования; единое руководство расследованием и процессуальная независимость (самостоятельность) следователя и дознавателя; обязательность использования версионного подхода и плановость при расследовании преступлений и др.) [3, с. 144–145].

Можно отметить и иные системы принципов методики, предложенные, И.Ф. Герасимовым [12, с. 325–327], В.В. Радаевым [13], М.В. Субботиной [14], А.В. Шмониным [10], В.Е. Корноуховым [15, с. 238–269] и другими учеными.

Интерес представляет система принципов криминалистической методики, изложенная В.В. Тищенко. Он относит к общим принципам научного формирования частных методик расследования следующие положения:

1. Изучение объектов методики и расследования с позиций системно-деятельностного и функционального подходов.

2. Использование положений и новейших достижений других наук.

3. Разработка методических рекомендаций на основе анализа преступлений и создание информационно-познавательных моделей – криминалистических характеристик групп, видов и подвидов преступлений.

4. Использование опыта следственной практики с последующей экстраполяцией в теорию раскрытия преступлений.

5. Разработка методических рекомендаций на основе криминалистической системности и классификации преступлений.

6. Разработка частных методик расследования с учетом особенностей предмета доказывания по делам определенной категории.

7. Определение направлений и задач расследования с учетом специфики этапов расследования.

8. Разработка методических рекомендаций на основе типовых следственных ситуаций.

9. Выделение типовых стратегических и тактической задач расследования и разработка программ их решения.

10. Разработка специфических тактических и технических приемов и средств, используемых в ходе проведения следственных действий и тактических операций [5, с. 248–249].

В изложенной системе есть принципы всей науки криминалистики: использование положений других наук, принцип деятельностного подхода, использование опыта следственной практики. Вряд ли целесообразно повторять их в методике как части криминалистики. Полагаем, что принципы методики должны отражать требования к особенностям теоретических положений и научно-практических рекомендаций именно криминалистической методики.

Позднее С.Н. Чурилов выделяет следующие принципы: обусловленность наукой; связь с правом; единство с криминальной практикой и практикой борьбы с преступностью; обусловленность предмета доказывания; периодизация этапов; типизация исходной информации; типизация следственных версий; типизация планов расследования; формирование типичных доказательственных фактов [16, с. 10].

Отметим сразу, что некоторые из перечисленных положений не относятся к принципам. Например, выделение стратегических и тактических задач расследования и разработка оптимальных программ их решения. В названии положений отражено содержание деятельности, содержание программирования расследования. То же можно сказать о разработке методических рекомендаций на основе криминалистической систематики, некоторые иные положения относятся не только к методике, но и к расследованию вообще. А вот разработка методических рекомендаций на основе выделения типовых следственных ситуаций и информационно-ситуационной оценки задач расследования является общим принципиальным положением.

С.Н. Чурилов предложил и разработал общий метод расследования. Он считает, что исходной научной категорией, способной выполнять систематизирующую функцию в процессах общих полномочий методики расследования, должно быть понятие общего метода расследования. В развернутом виде понятие общего метода выражается в следующем:

«идти от восприятия и оценки исходной информации о событии и связанных с ним обстоятельствах к выбору в частной криминалистической методике типового плана расследования, соответствующего типу исходной информации, а затем – к его адаптации к обстоятельствам и условиям конкретного акта расследования и реализации в процессе доказывания по уголовному делу [16, с. 7].

Как видно, задача довольно заманчивая. Автор совершенно верно указывает закономерную зависимость частной методики от предмета деятельности (исходная информация и связанные с ним обстоятельства). Понятна и мысль автора о типовом плане расследования, т.е. о программе расследования: сочетание следственных и иных действий.

Ясна и мысль автора о трех ступенях познавательного цикла. Схематически познавательный цикл включает: а) восприятие и оценку исходной информации; б) выбор с учетом этой информации частной криминалистической методики (адаптация частной методики); в) оценку других компонентов следственной ситуации и реализацию индивидуальной программы расследования. Сам С.Н. Чурилов общий метод расследования делит на три части: 1) восприятие, оценка и криминалистический анализ информации об исследуемом событии и условия, в которых предстоит вести расследования; 2) построение следственных версий, определение первоочередных задач следствия и способов их решения; 3) реализация плана расследования. Взятые в единстве, эти части общего метода представляют собой познавательный цикл, повторяющийся в расследовании. Общий метод – это «система познавательных приемов, применяемая субъектом доказывания при расследовании любого преступления», сущность которой – идти от анализа и оценки следственной ситуации и планирования конкретного акта расследования и далее – к осуществлению плана, к его реализации [17, с. 21–22].

Полагаем, что автор в целом правильно излагает содержание познавательного цикла. Но очевидно и то, что общий метод мало чем отличается от методологических концепций осуществления любой криминалистической деятельности, на что обоснованно обратил внимание Н.П. Яблоков [18, с. 12–13]. Для примера можно кратко проследить процесс организации расследования. В общем он протекает так.

Следователь воспринимает и оценивает исходную информацию, представляя уголовно-правовую и криминалистическую характери-

стики преступления, состав которых предполагается в данном случае. Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, конкретизируются следователем. Недостаток информации закономерно влечет предположение о различных вариантах обстоятельств, т.е. строятся следственные версии. Из построенных следственных версий выводятся логические следствия – неизвестные на данный момент обстоятельства, которые могут существовать. Их установление выступает в роли целей следственных действий и тактических операций. Формирование целей предполагает и определение средств достижения, т.е. следственных и иных действий, субъектов их производства, что фиксируется в плане по уголовному делу. Планирование – это органически связанный с целеопределением процесс изучения доказательственной информации, предмета расследования с целью определения путей, средств и методов расследования, последовательности производства следственных действий. Организация достижения сформированных целей заключается в основном в определении количества, последовательности следственных и иных действий, создании условий для их производства, в мобилизации сил и возможностей участников для интенсивного участия в расследовании (более подробно об этом см. [19, с. 105–113]).

Анализ изложенной концепции организации начального этапа расследования показывает, что по своей гносеологической природе она основана на содержании всеобщего метода познания действительности. Структура ее в целом: анализ исходной информации, целеопределение (с использованием метода построения следственных версий), планирование и практика деятельности по реализации плана. Отметим, что речь идет об организации начального этапа расследования. Организация составляет большую часть методики расследования, блок теорий и практических действий по конкретизации предмета деятельности. Сходство методологических концепций, в данном случае В.Д. Зеленского и С.Н. Чурилова, возможно, позволили Н.П. Яблокову сделать неожиданный вывод о том, что «ничего нового в предложенной С.Н. Чуриловым концепции общего метода расследования в общем-то и нет» [18, с. 13], с чем вряд ли можно согласиться. Несомненной заслугой С.Н. Чурилова, на наш взгляд, является то, что он попытался теоретически исследовать процесс формирования методики расследования, выдвинув концепцию общего метода. Сомнение вызывает утверждение о

всеобщности общего метода расследования [20, с. 152]. Заметим также, что в построениях С.Н. Чурилова недостаточно четко выделяется организация как метод конкретизации предмета деятельности. Очевидно, автор не считает целеопределение и планирование элементами организационного процесса, поэтому нет четкого разделения процессов целеопределения и адаптации частной криминалистической методики. Само понятие адаптации методики он в целом излагает правильно [16, с. 8]. В целом же само понятие общего метода расследования имеет право на существование, но его (общий метод) вряд ли можно считать общим для всех случаев расследования. Да и сам автор его не вполне считает таковым.

Как видно, С.Н. Чурилов считает общий метод общим путем познания истины. Если так, то действительно путь познания, т.е. основные элементы интеллектуальной деятельности при формировании предмета расследования и программ установления составляющих его элементов, существуют реально. Объяснения С.Н. Чуриловым их существования в целом приемлемы. Повторим, под общим методом расследования понимается общий путь познания истины как разновидность диалектического пути познания объективной действительности. На этом пути существует ряд закономерностей, о которых говорит С.Н. Чурилов: закономерности оценки следственной ситуации; закономерности выбора типовой программы расследования; закономерности адаптации типовой программы расследования к особенностям и условиям расследования конкретных преступлений; закономерности реализации индивидуальной программы расследования по уголовному делу [21, с. 100]. Другое дело – характеристики этих закономерностей и их безусловное отношение только к методике расследования. Последнее спорно. Да и включение общего метода в общую теорию криминалистики труднообъяснимо. Р.С. Белкин, автор первого упоминания об общем методе, также понимал под ним «путь максимально возможной адаптации частной криминалистической методики к обстоятельствам конкретного акта расследования, систему правил такой адаптации, помогающей следователю полнее использовать рекомендации криминалистической науки в области организации и осуществления расследования» [22, с. 429–430]. Предложения С.Н. Чурилова выходят за рамки указанного понимания общего метода. Он предлагает выделить его в качестве нового самостоятельного учения и ввести в общую теорию криминали-

стики на правах ее подсистемы [23, с. 48]. Полагаем, что это явное преувеличение роли рассматриваемой теории в криминалистике. Да и само название – общий метод расследования, как верно отмечает А.Н. Халиков, не вполне удачен. По названию он понимается как один метод для расследования всех преступлений [24, с. 31]. По существу, на наш взгляд, общий метод расследования – это одно из теоретических положений методики расследования о пути и общей программе расследования.

Полагаем, что указанные положения, как и рассмотренные ранее теоретические построения, выдвинутые В.В. Тищенко, безусловно, имеют значение для общих положений методики расследования и построения частных методик. В методике проявляются многие общие положения, имеющие значения принципов для всего расследования и уголовного судопроизводства в целом. Вряд ли целесообразно отмечать их в качестве принципов методики. Вряд ли необходимо также подразделять принципы общих положений и принципы построения частных методик, хотя они и реально существуют [10, с. 79]. На наш взгляд, принципами методики являются общие положения, отражающие сущность теоретических положений формирования методики, научно-практических рекомендаций и связей с ними.

Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее значение, полагаем, что принципами методики расследования являются следующие основные положения.

1. Принцип связи и взаимозависимости теоретических положений и элементов методики расследования.

Методика представляет собой систему взаимосвязанных элементов. Они не избираются произвольно, а отражают содержание расследования как деятельности, начиная с возбуждения уголовного дела и до окончания расследования. Теоретические положения общей части не могут быть абстракцией, а исследовать практику расследования. Они связаны между собой различными видами связи.

2. Обусловленность методики расследования преступлений предметом деятельности.

Формирование предмета деятельности осуществляется путем взаимодействия и сочетания различных интеллектуальных процессов: целеопределения, определения обстоятельств, подлежащих установлению по делу, использования положений теории версий, криминалистической характеристики преступления. Предмет расследования – это система различных обстоятельств и сведений о них.

Они детерминируют средства их установления: следственные и иные действия.

3. Зависимость следственных действий и иных действий от характера следственной ситуации.

4. Оптимальность системы определяемых следственных и иных действий, обеспечивающих всесторонность и полноту расследования.

Арсенал следственных и иных действий предусмотрен уголовно-процессуальным законом и подзаконными нормативными актами. Предмет расследования каждого преступления предполагает возможные средства установления входящих в него обстоятельств. Сложная задача – избрать оптимальную систему следственных и иных действий как для определенного вида преступлений, так и для конкретного преступления. Теория разрабатывает различные оптимальные системы следственных действий в зависимости от характера следственных ситуаций.

5. Оптимальность сочетания следственных и иных действий. Этот принцип связан с двумя принципами организации расследования: а) принципом сочетания следственных и иных действий в расследовании; б) принципом ритмичности расследования (о содержании

принципов организации расследования см. [19, с. 46–55]). Указанные организационные принципы предусматривают оптимизацию последовательности следственных действий. Используя организационные рекомендации, методика определяет сущность, криминалистическую необходимость сочетания следственных действий. Она определяется, в свою очередь, характером следственной ситуации и общим тактическим замыслом расследования: стратегического предположения о тактике взаимосвязанных следственных действий.

Последние два принципа отражают содержание программирования расследования, т.е. сущность криминалистической методики.

6. Обязательность использования общих положений методик в формировании частных методик.

7. Принцип связи и зависимости частных методик от практики расследования.

Методика в целом существует для практики, а потому связана с ней. Но особо эта связь и зависимость проявляется в рекомендациях частной методики, в рекомендациях по практическим действиям в конкретной ситуации.

Полагаем, что указанные принципы отражают специфику методики как части криминалистики.

1. Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973.

2. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1973.

3. Меглицкий Г.Н. К вопросу о принципах криминалистической методики // Криминалистические аспекты совершенствования доказывания при расследовании преступлений: тр. Академии МВД России. М., 1992.

4. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.

5. Тищенко В.В. О современных направлениях развития криминалистической методики расследования преступлений // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. тр. Харьков, 2012.

6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие. М., 2001.

7. Белкин Р.С. Принципы формирования частных криминалистических методик // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. А.В. Авдрусовой и Р.С. Белкина. М., 1997.

8. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003.

1. Mitrichev S.P. Methods of investigation of certain types of crimes. Moscow, 1973.

2. Panteleev I.F. Methods of investigation of crimes. Moscow, 1973.

3. Meglitsky G.N. On the question of the principles of forensic techniques // Criminalistic aspects of improving the evidence in the investigation of crimes: works of the Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, 1992.

4. Selivanov N.A. Soviet criminalistics: system concepts. Moscow, 1982.

5. Tishchenko V.V. On the modern directions of the development of forensic methods of crime investigation // The current state and development of criminalistics: coll. of sci. papers. Kharkov, 2012.

6. Belkin R.S. Course of criminalistics: study aid. Moscow, 2001.

7. Belkin R.S. Principles of formation of common forensic techniques // Criminalistic maintenance of the criminal militia activity and the preliminary investigation bodies / ed. by A.V. Avdrusova and R.S. Belkin. Moscow, 1997.

8. Vozgrin I.A. Introduction to criminalistics: history, theory bases, bibliography. St. Petersburg, 2003.

9. Vozgrin I.A. Scientific bases of forensic crime investigation techniques: course of lectures: in 4 pt. St. Petersburg, 1992. Pt. 1.

9. Возгрин И.А. *Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций: в 4 ч.* СПб., 1992. Ч. 1.
10. Шмонин А.В. *Методология криминалистической методики.* М., 2010.
11. Чурилов С.Н. *Криминалистические учения об общем методе расследования: дис. ... д-ра юрид. наук.* М., 1995.
12. Герасимов И.Ф. *Методика расследования отдельных видов и групп преступлений // Криминалистика: учеб. для вузов.* М., 1994.
13. Радаев В.В. *Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика: учеб. / под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной.* Волгоград, 2001.
14. Субботина М.В. *Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика: учеб. / под ред. А.П. Резвана и др.* М., 2006.
15. Корноухов В.Е. *Методика расследования преступлений: теоретические основы.* М., 2008.
16. Чурилов С.Н. *Тенденции развития общих положений криминалистической методики // Вестн. криминалистики.* 2009. Вып. 2(30).
17. Чурилов С.Н. *Общий метод расследования преступлений: иллюзия или реальность? // Вестн. криминалистики.* 2009. Вып. 1(29).
18. Яблоков Н.П. *О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестн. криминалистики.* 2005. Вып. 3(15).
19. Зеленский В.Д. *Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты.* Ростов н/Д, 1989.
20. Шмонин А.В. *Методика расследования преступлений: учеб. пособие.* М., 2006.
21. Чурилов С.Н. *Криминалистическая методика. История и современность.* М., 2002.
22. Белкин Р.С. *Курс криминалистики.* М., 1997. Т. 3.
23. Чурилов С.Н. *Методика расследования преступлений. Общие положения.* М., 2009.
24. Халиков А.Н. *Уровни криминалистической методики расследования на примере расследования должностных преступлений // Вестн. криминалистики.* 2010. Вып. 1(33).
10. Shmonin A.V. *The methodology of forensic techniques.* Moscow, 2010.
11. Churilov S.N. *Criminalistic doctrine of common investigative techniques: diss. ... Dr of Law.* Moscow, 1995.
12. Gerasimov I.F. *Methods of investigation of certain types and groups of crimes // Criminalistics: textbook for high schools.* Moscow, 1994.
13. Radaev V.V. *General provisions of the method of investigation of crimes // Criminalistics: textbook / ed. by A.P. Rezvan, M.V. Subbotina.* Volgograd, 2001.
14. Subbotina M.V. *General provisions of the method of investigation of crimes // Criminalistics: textbook / ed. by A.P. Rezvan et al.* Moscow, 2006.
15. Kornoukhov V.E. *Methods of investigation of crimes: the theoretical foundations.* Moscow, 2008.
16. Churilov S.N. *Tendencies of development of the general provisions of forensic techniques // Journal of criminalistics.* 2009. Iss. 2(30).
17. Churilov S.N. *The general method of investigations of crimes: illusion or reality? // Journal of criminalistics.* 2009. Iss. 1(29).
18. Yablokov N.P. *Some problems in the development of forensic investigation techniques // Journal of criminalistics.* 2005. Iss. 3(15).
19. Zelensky V.D. *The organization of the investigation of crimes. Forensic aspects.* Rostov-on-Don, 1989.
20. Shmonin A.V. *Methods of investigation of crimes: study aid.* Moscow, 2006.
22. Churilov S.N. *Forensic technique. History and modernity.* Moscow, 2002.
22. Belkin R.S. *Course of criminalistics.* Moscow, 1997. Vol. 3.
23. Churilov S.N. *Methods of investigation of crimes. General provisions.* Moscow, 2009.
24. Khalikov A.N. *Levels of forensic investigation techniques on the example of investigative misconduct // Journal of criminalistics.* 2010. Iss. 1(33).

Важенин Вячеслав Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181919530)

Имаков Таймаз Зайнутдинович
кандидат юридических наук,
заслуженный работник правоохранительных органов Республики Дагестан,
начальник отдела управления «Т» ГУПЭ МВД России
(тел.: +74952141571)

Проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности

В статье обсуждается проблема, связанная с определением содержания оперативно-розыскного сопровождения раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности. Анализируются дефиниции, дается собственное определение оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, оперативно-розыскное обеспечение.

V.V. Vazhenin, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181919530;

T.Z. Imakov, Master of Law, Honored Worker of the Law-enforcement Agencies of the Republic of Dagestan, Head of Management Department «Т» of the Main Directorate for Combating Extremism of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +74952141571.

Issues of operational-search software detection and investigation of crimes of an extremist

The article discusses the problem of the definition of the content of the operational-search support detection and investigation of crimes of an extremist. Analyzes definition, given its own definition of operational-search software detection and investigation of crimes of an extremist.

Key words: extremism, terrorism, operational-investigative support.

Не реализованная в ходе оперативно-розыскной деятельности информация остается как в материалах дел оперативного учета (далее – ДОУ), так и в материалах уголовных дел. Следовательно, в правоохранительной деятельности фактически нет перерыва и не должно быть остановки, когда оказалось раскрытым преступление, послужившее поводом для возбуждения уголовного дела. При правильно проведенном дознании и расследовании оперативно-розыскное подразделение получает новую информацию, по которой следует организовать соответствующую проверку и сбор материалов, пригодных для признания в качестве доказательств противоправных действий в уголовном процессе в отношении новых лиц.

Отсюда следует вывод, что часть современных теоретиков заблуждается в определениях и в выборе терминологии, говоря об «оперативно-розыскном обеспечении» или «оперативно-розыскном сопровождении», поскольку

ку оба эти термина характеризуют ситуацию в отношении конкретного рассматриваемого преступления или уголовного дела. Мало кто будет отрицать, что в ДОУ и материалах уголовного дела остается информация о недопроверенных эпизодах, полностью не доказанных и не представленных в обвинительном заключении, а также сведения о лицах, причастных к иным преступлениям, и иная информация, пригодная для ОРД. Известны термины опытных следователей «отрубить концы», «очистить от хвостов», обозначающие одно – в суд идут бесспорно доказанные эпизоды, а события, недостаточно освещенные, со слабыми доказательственными аргументами, просто исключаются из материалов уголовного дела. Как справедливо отметили некоторые ученые, в уголовном судопроизводстве интересна та информация, которая содержит сведения доказательственного характера [1, с. 64].

Следовательно, можно предположить, что расследование любого преступления дает

реальный повод для проведения дополнительной проверки по выявлению ранее неизвестного правоохранительным органам преступления или в отношении лиц, их совершивших. Нами проведены исследования по оценке оставшейся вне поля зрения оперативного состава информации, содержащейся в уголовных делах и ДОУ, подтвердившие наши доводы. Они позволяют рассматривать это направление в качестве одного из факторов повышения эффективности оперативно-служебной деятельности оперативно-розыскного органа. Несмотря на повсеместную компьютеризацию, в информационные массивы ведомственных и межведомственных АИПС подобная информация не попадает. Следовательно, ценные сведения хранятся в архивных ДОУ и уголовных делах.

Происходит это, на наш взгляд, по различным причинам:

недостаточная проработка научно-теоретического обоснования непрерывных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию противоправных действий организованной преступной группы или преступных формирований (ПФ), НВФ даже после задержания или ликвидации одного или нескольких участников или руководителей группировки;

отсутствие нормативной правовой базы, позволяющей выделять из уголовных дел и ДОУ требующие доработки материалы для углубленной проверки (например, после ликвидации в 2005 г. Амира Макашарипова его соучастники, жены продолжали мстить и совершили ряд террористических актов);

недостаточное нормативно-правовое обоснование стратегических проблем оперативно-розыскного прогнозирования возможного развития ситуации;

организационные упущения, связанные с недостаточным изучением и рассмотрением на совместных совещаниях следственных работников и оперативного состава результатов окончательного расследования (с акцентом на эпизоды, требующие дополнительной проверки, или имеющие перспективные выходы на лиц, причастных к совершению преступлений, но оставшихся на свободе);

отсутствие реального взаимодействия с оперативными подразделениями ФСИН, поскольку именно там продолжается вербовка новых участников джихада.

Например, недавние зачистки на торговых базах в городах Сургуте и Нижневартовске выявили представителей запрещенной в России партии «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения). Один из активистов Абд Ар-Рахаман Бачави (настоящее имя Ринат Багаев) мечтает попасть в тюрьму, где он сможет вербовать криминалитет без пре-

пятствий. Тогда его ожидает повышение, и он будет отправлен на работу в страны третьего мира. Цель – заработать деньги. Схема – завербованный криминальный элемент едет под видом туриста в Турцию, там связывается с эмиссаром, проходит обучение военному делу и отправляется воевать в Сирию. Эмиссар и Багаев получают деньги за выполненную вербовку.

Не вдаваясь в полемику, можно одобрить мнение тех, кто считает, что по возбужденному в результате реализации ДОУ уголовному делу следует не только продолжать работу силами оперативно-розыскного аппарата, но и существенно ее активизировать, в том числе за счет взаимодействия с ФСИН. Задача видится весьма простой, но на удивление трудоемкой и полезной для развития заложенных инициатив.

Во-первых, проверяется результативность проведения ОРМ, анализируется эффективность избранной версии о причастности лиц, взятых на оперативный учет, рассматриваются удачные ОРМ и упущенные возможности при сборе доказательств о совершенных противоправных действиях; надежность легендирования, ввода-вывода негласных источников; познается достоверность полученной от них информации, глубина доведения и познания сферы деятельности в затронутой области знаний. Иными словами, участие в расследовании уголовного дела позволяет оперативному сотруднику и его руководству правильно оценить вопросы тактики сбора информации, ее проверки и реализации на определенных этапах, выявить ошибки в действиях участников оперативно-розыскных мероприятий, использовать их в разборе результатов и в целях обучения личного состава.

Во-вторых, в ходе расследования уголовного дела, несомненно, появляются сведения (или информация) о тех фактах, событиях, причастных к ним или осведомленных лицах, которые не были выявлены и задокументированы в процессе разработки или до реализации первичной информации.

В-третьих, остались и функционируют учебные центры и лагеря по подготовке и засылке боевиков. Следовательно, всегда есть повод ожидать очередных исполнителей. Задача ликвидации причин и условий, порождающих преступления, осталась не выполненной, и желательно разработать комбинацию по вводу источника в обнаруженный «питомник» по подготовке преступного элемента. А это продолжение оперативно-розыскного обеспечения (ОРО). Рассмотрим конкретный пример.

Со дня взрыва (16 ноября 1996 года) здания пансионата «Волга» в г. Каспийске (Республика Дагестан) и до сих пор средства массовой информации интенсивно и настойчиво изве-

щают обывателя о причастности к террористическому акту браконьеров, которым якобы «мешали пограничники». Спустя 19 лет вернемся к материалам расследования уголовного дела с задачей разобраться в причинах недоработок на первом этапе расследования и оперативно-розыскного обеспечения расследования данного преступления. Иными словами, что имело следствие в руках, и что получили на выходе.

Спустя 2 года после взрыва был допрошен один из свидетелей и соучастников совершенного преступления, который был осведомлен о мотивах, процессе подготовки, а также о причастности к преступлению или осведомленности о нем конкретных лиц. Оказывается, за 10 дней до взрыва в помещении магазина «Москвич-Каспий» собралось 10 представителей различных структур, которые обсуждали вопрос о передаче пансионата «Волга» (подорванный дом) в муниципальную собственность г. Каспийска с целью последующей приватизации и дележа между участниками сговора. Однако пансионат «Волга» был передан в собственность КОПО ФПС РФ, что сильно обидело участников и послужило мотивом для совершения взрыва.

К подготовке взрыва был привлечен военнослужащий, проходивший службу на заводе «Дагдизель», который принес в спортивной сумке образцы ВВ типа «пластит», различные детонаторы, огнепроводные шнуры и перевел инструкцию к ним с английского на русский. Он же привез около 10 комплектов военного обмундирования, ящик цинковый с пластитом 20–25 кг. Для организации подрыва был подключен чеченец, близкая связь авторитета из г. Москвы по кличке «Берлин», якобы проходивший диверсионную подготовку в пакистанском Пешаваре.

Взрывчатое вещество (18 мешков по 25 кг) было получено в дислоцированном в г. Буйнакске 136 МСБр МО РФ якобы для взрывных работ в г. Дербенте. А практически размещено в подвале здания пансионата. Подрыв был произведен с применением штатного радиоуправляемого устройства отечественного производства.

Весьма интересно, что в рассматриваемом уголовном деле имелись показания свидетеля о попытке фигурантов продать за границу элементы и чертежи минно-торпедного комплекса. Данная информация осталась не реализованной, даже несмотря на тяжесть уголовной квалификации.

Маловероятно, что сведения на оставшихся на свободе и живых участников сговора можно найти в информационных ресурсах правоохранительных структур. Информация, полученная гласным способом, путем допроса свидетеля

по расследованному уголовному делу, осталась не реализованной. Это реальный пример из практики.

А теперь обратимся к теории. Правильная организация применения оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных средств оперативно-розыскным органом по делам о преступлениях, особенно совершаемых группой или в составе преступного формирования, позволяет подойти к решению всей задачи комплексно, поэтому обратимся к мнению ученых, обосновывающих понятие и сущность оперативно-розыскного обеспечения.

Одним из первых сформулировал определение понятия ОРО уголовного судопроизводства Б.Е. Богданов применительно к раскрытию и расследованию группы экономических преступлений. Он полагал, что ОРО представляет собой систему логически связанных и взаимообусловленных мер, реализуемых оперативными сотрудниками для своевременного возбуждения уголовного дела по факту обнаружения конкретного преступления, решения вопроса о начале его расследования, проведения его в оптимальные сроки, с достаточной полнотой и всесторонностью [2, с. 8–12]. Следует отметить, что в те времена оперативный сотрудник, являясь дознавателем, сам возбуждал уголовное дело и мог работать по нему 10 дней до передачи следователю.

Н.М. Якушин, рассматривая применение ОРО деятельности ОВД в экстремальных условиях, формулирует его дефиницию так: «Оперативно-розыскное обеспечение есть основанная на законах и подзаконных нормативных актах, рекомендациях науки и передовой практики система своевременных разведывательно-поисковых и других мероприятий, осуществляемых в целях: получения сигнала раннего предупреждения об опасных отклонениях в функционировании объектов оперативного обслуживания (т.е. соответствующих материальных объектов и физических лиц); оказания на них необходимого воздействия; создания благоприятных условий для поддержания высокой готовности правоохранительных сил и средств; эффективного управления ими при реальной угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций, происшествий, событий, а также в ходе ликвидации их последствий» [3, с. 6–7]. Здесь речь идет об ОРО в предупредительно-профилактических целях, а не только для решения частных задач уголовного судопроизводства.

А.А. Парамонов рассматривает ОРО как систему мероприятий, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в целях: создания оптимальных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания; пресечения или минимизации

противодействия криминальной среды исполнению правоохранительной функции государства; обеспечения безопасности участников уголовного процесса; реализации общеправового принципа неотвратимости ответственности за содеянное [4, с. 25].

Здесь просматривается игнорирование возможности предотвращения и принятия первичного уголовно-процессуального решения (возбуждения уголовного дела) и введения в судебный процесс информации о событиях, предшествующих возбуждению уголовного дела. Однако во всех дефинициях приведенных авторов отсутствует определение о возможности получения в ходе расследования информации, не относящейся к данному уголовному делу, не предложены реальные меры по ее использованию.

Кроме того, следует усматривать различия между такими терминологическими понятиями, как «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение».

Некоторые исследователи, подчеркивая их сходство и возможность употребления в качестве синонимов, делают ссылки на их этимологическое обоснование [5, с. 29]. В словаре русского языка «обеспечение» поясняется как «...то, чем обеспечивается... что-нибудь», а «сопровождение» как «...то, что сопровождает какое-нибудь... действие» [6, с. 424]. Однако обращение к тому же и другим источникам показало, что есть более убедительные аргументы в пользу различий этих терминов. В частности, термин «обеспечить» толкуется как обязанность «снабдить чем-нибудь в нужном количестве» или «сделать вполне возможным, действенным, несомненным». Термин же «сопровождать» раскрывается через понятие «производить одновременно с чем-нибудь, сопутствовать».

Из этих пояснений следует, что сопровождение подчеркивает лишь параллельность соответствующих действий. И хотя этот признак присущ исследуемым нами явлениям, однако его сущность в большей степени раскрывается в такой активной форме, как обеспечить или сделать вполне действенным и возможным. Такое понимание и разграничение свойств термина «обеспечение» подтверждается и его юридическим содержанием. Применительно, например, к гражданскому иску или выполнению договорных обязательств он расшифровывается как «реальность будущего судебного или арбитражного решения» либо как «мера имущественного характера, побуждающая к точному и реальному исполнению обязательств» [7, с. 379, 691; 8, с. 201].

Полагаем правильным вывод С.Н. Иванова о том, что оперативно-розыскное обеспечение в организационном плане необходимо рассма-

тривать на «уровне деятельности, и что смысловая нагрузка профессионального термина ОРО значительно шире, и под ним следует понимать не только сами действия оперативных работников, но и их профессиональные знания, навыки, умения» [9, с. 46].

Отдельные авторы, используя термин «сопровождение», полагают, что он более точно отражает событие, т.е. оперативно-розыскное сопровождение проводится одновременно с предварительным расследованием, и процесс его осуществления начинается на стадии предварительного расследования, а его окончание связано с передачей уголовного дела в суд.

По вышеизложенным причинам и примеру мы не можем согласиться с окончанием ОРО в связи с передачей уголовного дела в суд. Зачастую возникает необходимость продолжения ОРМ в СИЗО и ИТУ по вновь открывшимся обстоятельствам, розыску преступников, скрывшихся от суда и следствия, или похищенного, что также должно входить в понятие ОРО.

Ошибочно, на наш взгляд, и то, что ряд авторов ограничивает суть оперативно-розыскного обеспечения принятием оптимальных и своевременных мер по выявлению и изобличению преступников, нейтрализации их криминального противодействия уголовному судопроизводству.

Нам импонирует точка зрения тех авторов, которые считают, что успех предупреждения преступлений в значительной степени зависит от уровня его оперативно-розыскного обеспечения, суть которого заключается в комплексном и максимальном использовании сил, средств и методов ОРД для получения полной и достоверной информации, обеспечивающей принятие оптимальных и своевременных мер по выявлению и изобличению преступников, нейтрализации их криминального противодействия уголовному судопроизводству.

В ходе оперативно-розыскного обеспечения, кроме признаков преступления, на передний план могут выйти события, составляющие суть гражданско-правовых отношений или административного права. Принятие мер административного или гражданско-правового принуждения может способствовать оперативно-розыскному предупреждению совершения преступления, что весьма важно при выявлении и раскрытии таких сложных составов преступлений, как терроризм и экстремизм.

Следует отметить, что социальная роль ОРД по своим целям, задачам и функциям намного шире, чем частного института ОРО уголовного судопроизводства. ОРД обеспечивает реализацию правоохранительной функции государства, т.е., самостоятельно защищает присущими ей специфическими силами, средствами и методами человека, общество и государство от преступных посягательств, а также содей-

ствуует реализации задач административно-юрисдикционной деятельности. Тогда как оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства, совпадая по применению специальных сил, средств и методов, ограничивается решением уголовно-процессуальных задач раскрытия, расследования и судебного разрешения конкретных уголовных дел.

Однако никто из авторов не обозначил, куда отнести выделенные материалы и непроверенную информацию. В условиях разрастания международной и транснациональной преступности неоднозначность позиций очевидна. ОРД для решения своих целей и задач не ограничивается временным пределом, может применяться до возбуждения уголовного дела и после его разрешения, а ОРО, по мнению отдельных авторов, только в период принятия уголовно-процессуальных решений. На наш взгляд, прекращение уголовно-процессуальных действий не должно прерывать ОРО, поскольку эта часть деятельности является составной частью ОРД.

По нашему мнению, правы авторы, которые считают, что ОРД уголовного судопроизвод-

ства – это система мер по сбору, обобщению, анализу и вводу в уголовный процесс фактических материалов [10, с. 37], что не исключает возможность выявления при этом ранее не известных событий или лиц, к ним причастных.

Таким образом, в заключение попытаемся сформулировать основные признаки, которые должны быть закреплены в определении оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, которое представляет собой систему мер по сбору фактических данных, обеспечивающих: своевременность выявления, предупреждения и пресечения незаконной деятельности; возбуждение уголовного дела и доказывание виновности лиц, организовавших и совершивших преступление; пресечение противодействия криминальной среды установлению истины по делу и объективному расследованию; исполнение функции защиты участников уголовного процесса; сохранение и выделение в отдельное производство или для дополнительной проверки силами и методами ОРД материалов, не включенных в обвинение.

1. Закаляпин Д.В., Алсултанов М.Р. Некоторые аспекты доказательства и доказывания в процессе расследования и раскрытия преступлений // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2012. № 4.

2. Богданов Б.Е. Оперативно-розыскное обеспечение расследования хищений социалистического имущества, должностных и хозяйственных преступлений. М., 1982.

3. Якушин Н.М. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов и учреждений внутренних дел в экстремальных условиях. М., 1994.

4. Парамонов А.А. Взаимодействие таможенной службы с органами внутренних дел в борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

5. Самоделкин С.М. Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений (правовые и организационные вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

6. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М., 1990.

7. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. 3-е изд. М., 1953.

8. *Юридический энциклопедический словарь*. М., 1984.

9. Иванов С.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

10. Кореневский Ю.В., Токарева М.Е. *Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: метод. пособие*. М., 2000.

1. Zakalyapin D.V., Alsultanov M.R. Some aspects of evidence and proof in the process of investigating and solving crimes // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2012. № 4.

2. Bogdanov B.E. *Operatively-search software of investigate of theft of socialist property, officials and economic crimes*. Moscow, 1982.

3. Yakushin N.M. *Operatively-search support of the authorities and institutions of the Interior under extreme conditions*. Moscow, 1994.

4. Paramonov A.A. *Interaction of Customs service with the police in the fight against smuggling and customs offenses: author. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 1999.

5. Samodelkin S.M. *Operatively-search support of the preliminary investigation and trial of serious crimes (the legal and organizational issues): diss. ... Master of Law*. Moscow, 1994.

6. Ozhegov S.I. *Russian dictionary*. Moscow, 1990.

7. Ozhegov S.I. *Russian dictionary*. 3rd. ed. Moscow, 1953.

8. *Encyclopedic Dictionary of Law*. Moscow, 1984.

9. Ivanov S.H. *Operatively-search maintenance of disclosing and investigation of group crimes: diss. ... Dr of Law*. Moscow, 2001.

10. Korenevsky Yu.V., Tokareva M.E. *Using the results of the operational-search activity in proving on criminal cases: method. manual*. Moscow, 2000.

Кольчурин Андрей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kag63@list.ru)

Использование в доказывании по уголовному делу информации, полученной из иных источников

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием в процессе доказывания по уголовному делу информации, полученной из различных источников. Особое внимание уделяется информации, полученной из источников, прямо не указанных в УПК РФ.

Ключевые слова: доказательства, источники получения доказательств, результаты оперативно-розыскной деятельности, полиграф, гипноз.

A.G. Kolchurin, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kag63@list.ru

Use in proof on criminal case of information received from other sources

Article is devoted to the questions connected with use in the course of proof on criminal case of information received from various sources. The special attention is paid to information received from the sources which are directly not specified in the Criminal procedure code of the Russian Federation.

Key words: proofs, sources of obtaining proofs; results of operational search activity, polygraph, hypnosis.

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательства – это любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельства, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Все возможные источники получения доказательств предусмотреть сложно, поэтому в качестве таковых, наряду с показаниями участников уголовного процесса, заключением эксперта (специалиста), вещественными доказательствами и протоколами следственных и судебных действий, допускаются, в том числе, и иные документы (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Это могут быть различные справки, приказы, письма, расписки, заявления, рапорта, обзоры, акты и т.п.

Предоставляя относительную свободу в выборе источников получения доказательств, уголовно-процессуальное законодательство ограничивает лиц, расследующих или разрешающих уголовное дело, в процедуре формирования доказательств. Так, в соответствии со ст. 75 УПК РФ недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований УПК. Исходя из этого, к числу «нетрадиционных доказательств», т.е. тех, которые прямо не указаны в УПК РФ, можно отнести, в

том числе: сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности; материалы административного производства; документы адвокатского расследования; материалы служебной проверки и др. Причем в процедуре доказывания, согласно уголовно-процессуальному законодательству, упоминается только об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ), и то лишь в том случае, если они соответствуют требованиям, предъявляемым к уголовно-процессуальным доказательствам.

Таким образом, для придания статуса доказательств материалам, собранным вне сферы уголовного судопроизводства, необходимо их «легализовать», т.е. облечь в уголовно-процессуальную форму, а полученную вне рамок УПК РФ информацию следует расценивать как источник получения доказательств.

Рассмотрим процедуру формирования источников таких доказательств более подробно.

Для использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу необходимо, прежде всего, обратиться к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии со ст. 11 Закона «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть

использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий... а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства». «Это значит, что фактические сведения, которые получены в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, например от лица, оказывающего содействие спецслужбам на конфиденциальной основе, могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании лишь при условии, что они перепроверены следственным путем, когда на основании таких сведений оказалось возможным произвести допросы, обыски, выемки и иные процессуальные действия, принесшие положительный результат» [1].

Материалы административного производства оформляются в соответствии с КоАП РФ. В соответствии со ст. 24.5 КоАП РФ в случае установления обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, в том числе и в случае установления обстоятельств уголовного преступления, административное производство подлежит прекращению, а материалы направляются в органы предварительного расследования для принятия решения по существу.

Материалы адвокатского расследования изначально оформляются в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Согласно ч. 3 ст. 6 указанного закона адвокат вправе собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов. Собранные защитником материалы на основании соответствующего ходатайства осматриваются и приобщаются к материалам уголовного дела по правилам, предусмотренным УПК РФ.

Материалы служебной проверки в случае установления обстоятельств уголовного преступления также направляются в органы предварительного расследования, для принятия решения по существу.

Говоря об использовании в доказывании информации, полученной из иных источников, на наш взгляд, следует оговорить возможности и

использования информации, полученной с помощью полиграфа и под гипнозом.

Теоретической основой применения полиграфа являются положения психологии, физиологии, биологии, нейрофизиологии о взаимосвязи эмоциональной и физиологической сфер жизнедеятельности человека. Исходной предпосылкой эффективности проверок на полиграфе является то, что сообщение заведомо ложных сведений вызывает у обследуемого психическое напряжение, приводящее к ряду изменений в организме [2, с. 33].

Применение полиграфа регламентировано Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, в соответствии со ст. 6 указанного Закона в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут использоваться «технические средства и иные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью личности». 18 марта 2010 г. приказом МВД России была утверждена Инструкция об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах внутренних дел Российской Федерации. Подобные Инструкции разработаны и другими правоохранительными органами России. Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 74 УПК РФ в число доказательств входят «заклЮчение и показания эксперта» и «заклЮчение и показания специалиста». В мае 2003 г. приказом № 114 Министерства юстиции РФ в Перечень экспертных специальностей была включена психологическая экспертиза, что предопределило возможность использования полиграфа в судебно-экспертных учреждениях Минюста России в рамках судебно-психологических исследований. Таким образом, к доказательствам можно отнести и заклЮчение, данное соответствующим экспертом.

В Большой медицинской энциклопедии сказано, что гипноз – это искусственно вызываемое с помощью внушения, особое состояние человека, отличающееся характерной избирательностью реагирования. Введя обследуемого в такое состояние, гипнолог значительно снижает возможность его реагирования на любые активирующие сигналы, кроме тех, на которые сделана установка. В состоянии гипноза человек становится чрезвычайно откровенным, неспособным утаить что-либо [2, с. 81].

Юридической основой применения гипноза является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в п. 1 ст. 6 которого предусмотрено такое оперативно-розыскное

мероприятие, как опрос, поэтому, на наш взгляд, опрос под гипнозом можно рассматривать как разновидность данного мероприятия, проводимого с участием специалиста. При этом стоит согласиться с Е.П. Ищенко в том, что «непременными условиями применения гипноза для опроса граждан в ходе оперативно-розыскных мероприятий должны быть:

добровольное согласие опрашиваемого лица на участие в гипнотическом сеансе;

опрашивать под гипнозом можно только психически здоровых лиц;

опрос лица в состоянии гипноза должен проводить специалист-гипнолог, имеющий опыт практического участия в оперативно-розыскной деятельности;

гипнолог должен быть беспристрастен, не задавать наводящих вопросов, проводить внушение лишь в пределах восстановления в памяти субъекта необходимой информации;

гипноз применяется лишь после того, как проведены обычные оперативно-розыскные и иные действия, но доказательственной информации по уголовному делу собрано недостаточно;

согласно обстоятельствам дела опрашиваемое лицо имело доступ к важной информации, воспринимало ее органами чувств, но не может ее воспроизвести;

сведения, полученные в состоянии гипноза, могут быть использованы только в оперативных целях;

весь сеанс гипноза обязательно фиксируется с помощью видео-, аудиозаписи» [7, с. 90–91].

Таким образом, информацию, полученную при опросе под гипнозом, также следует оценивать как один из источников получения доказательств.

С учетом изложенного можно констатировать следующее.

О каком бы источнике получения информации мы ни говорили, уголовно-процессуальное законодательство не допускает иных способов формирования доказательств кроме тех, которые предусмотрены УПК РФ.

Использование иных методов в качестве источников формирования доказательств допустимо как вспомогательное средство при формировании доказательств в процессе проведения следственных действий.

Поскольку уголовно-процессуальное законодательство регламентирует использование в доказывании только результатов ОРД, предлагаем изменить название и содержание ст. 89 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 89. Использование в доказывании информации, полученной из иных источников

В процессе доказывания запрещается использование информации, полученной из иных источников, если она не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

2. Ищенко Е.П. Полиграф Полиграфович. М., 2013.

1. Bezlepkin B.T. The comment to the Criminal procedure code of the Russian Federation. 11th ed., rev. and add. Moscow, 2012.

2. Ishchenko E.P. Polygraph Poligrafovich. Moscow, 2013.

Перякина Марина Павловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России
(тел.: +79021708687)

Щуров Евгений Андреевич

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79286652879)

Еремченко Владимир Игоревич

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183401621)

Тактические особенности производства очной ставки между тремя и более допрашиваемыми лицами

В статье обосновывается целесообразность производства очной ставки в присутствии трех и более участников при наличии ряда специальных условий в сложившейся следственной ситуации. Применение следователем наиболее эффективных тактических и психологических приемов проведения групповой очной ставки предполагает учет ее конформности и конфликтности отношений допрашиваемых лиц.

Ключевые слова: групповая очная ставка, конформность, конфликтность, условия производства групповой очной ставки, тактика производства групповой очной ставки.

M.P. Peryakina, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the East Siberian Institution of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79021708687;

E.A. Schurov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79286652879;

V.I. Eremchenko, Master of Law, Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183401621.

Tactical features of production of a confrontation between three and more interrogated persons

The article shows expedience of production of a confrontation with participation of tree and more participants in the presence of a number of conditions in the developed investigatory situation. Application by the investigator of the most effective tactical and psychological receptions of carrying out of a group confrontation assumes account of its conformality and conflictnesses of relations of interrogated persons.

Key words: group confrontation, conformality, conflictness, conditions of production of a group confrontation, tactics of production of a group confrontation.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству России очная ставка является самостоятельным следственным действием. Она проводится следователем между участниками уголовного дела, в показаниях которых обнаруживаются существенные противоречия. Многие практические работники признают очную ставку одним из самых эффективных следственных действий. Но поскольку

допрашиваемые на ней лица имеют зачастую противоположные интересы, она сопровождается острой конфликтной ситуацией, вызывает эмоциональную напряженность. Одной из характерных черт очной ставки в социально-психологическом плане является конформность. Она заключается в том, что если один человек расходится во мнении с группой лиц, то он может уступить, согласиться с общим мнением.

Увеличивает шансы установления истины по уголовному делу возможность приглашения на очную ставку более двух допрашиваемых лиц. Ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство четко ограничивало количество участников рассматриваемого следственного действия, что не позволяло производство так называемой групповой очной ставки и ограничивало возможность устранения существенных противоречий. Личный контакт с несколькими источниками информации, непосредственное их восприятие и общение с ними может убедить недобросовестного участника в необходимости изменить свою позицию.

Большое значение имеет и поведение лиц, которые выступают источниками правдивых сведений. Они не просто сообщают какую-либо информацию, но и речью, жестами, мимикой выражают свое отношение к личности допрашиваемого и получаемым от него сведениям. Этим во многом и определяется высокая степень эффективности групповой очной ставки.

Поэтому, на наш взгляд, производство такой очной ставки допустимо лишь в случае, когда следователь уверен в достоверности показаний добросовестных участников и эта уверенность подкреплена собранными по делу материалами.

Отношение к групповой очной ставке неоднозначно как среди практических работников, так и среди ученых криминалистов. В частности, И.П. Лановенко утверждает, что такие очные ставки возможны «лишь с лицами, проходящими по конкретному эпизоду дела, при подготовке к очной ставке необходимо учитывать психологические и другие особенности будущих ее участников, число участников очной ставки в каждом конкретном случае должен определять следователь» [1]. А.Б. Соловьев и В.П. Воробьев называют такое следственное действие «круговой очной ставкой» и рекомендуют проводить ее лишь на судебном следствии [2]. Болгарский криминалист Н. Антов считает, что групповую очную ставку целесообразно проводить, когда следователь не может помешать лицам, ранее допрошенным по уголовному делу, общаться между собой по данным показаниям [3].

Мы считаем, что производить групповую очную ставку целесообразно при соблюдении определенных условий:

- 1) когда по поводу одних обстоятельств дела имеются показания нескольких лиц, схожих по содержанию;
- 2) полученные показания подтверждены доказательствами;
- 3) показания подозреваемого, обвиняемого противоречат этим данным;

4) уверенность следователя в том, что добросовестные лица смогут занять активную позицию, направленную на разоблачение ложных показаний;

5) следователь имеет основания полагать, что бесперспективно производить очную ставку отдельно с каждым из добросовестных участников, учитывая установку подозреваемого, обвиняемого на дачу ложных показаний;

6) с целью определения количества участников очной ставки необходимо учитывать их психологические особенности и конкретные обстоятельства уголовного дела [4].

Прежде чем приступить к производству групповой очной ставки, следователь должен изучить причины ее конфликтности:

1) общение подозреваемого, обвиняемого с иными участниками очной ставки имеет принудительный характер; подозреваемый, обвиняемый не имеет возможности избежать такого общения, хотя и осознает, что очная ставка может привести к изобличению его в совершении преступления;

2) успешное производство групповой очной ставки может реально ухудшить положение подозреваемого, обвиняемого, например, путем заключения под стражу, предъявления обвинения, отстранения от должности и т.д.;

3) свое сложное положение подозреваемый, обвиняемый связывает с деятельностью следователя или показаниями участников уголовного процесса;

4) подозреваемый, обвиняемый и следователь имеют противоположные цели и возможности их достижения: следователь стремится установить истину, используя при этом свои значительные властные полномочия и средства принуждения, подозреваемый, обвиняемый пытается скрыть истину, но при этом он полностью или частично обязан подчиняться требованиям закона.

В теории расследования преступлений разработано множество тактических приемов оказания психологического воздействия на недобросовестного участника очной ставки с целью разоблачения лжи и установления истины [5]. Следователю необходимо более тщательно готовиться к производству групповой очной ставки, т.к. большое число участников резко усложняет ее организацию.

На наш взгляд, групповую очную ставку целесообразно проводить в вопросно-ответной форме. Вопрос с логической стороны является такой формой мысли, которая содержит знание предмета и незнание каких-либо его сторон или связей. При этом незнание выводится на передний план, ярко подчеркивается, а знание содержится на втором плане в свернутом виде.

Форма постановки вопроса зачастую определяет полноту и правильность ответов. Вопрос дает возможность допрашиваемому получить определенную информацию. Одна часть вопроса несет в себе сообщение, другая направлена на его востребование. Поэтому вопросы должны быть поставлены так, чтобы недобросовестным участникам очной ставки было затруднительно понять, что уже известно следователю и какие доказательства имеются в его распоряжении. Одним из обязательных правил формулировки вопроса является недопустимость содержания в нем подсазки на ответ.

Исходя из общих требований формальной логики, при постановке вопросов на групповой очной ставке необходимо соблюдать ряд тактических правил:

1. Поставленные вопросы должны иметь отношение к одному обстоятельству и выражаться в конкретной форме. Вопрос необходимо сформулировать так, чтобы он предполагал развернутый ответ и не таил в себе двусмысленности. Вопрос должен иметь объем и четкую логическую структуру, быть предметным, сохранять истинность направленности мысли.

2. Недопустимо задавать вопросы, на которые может быть дан предположительный ответ.

3. Следователь должен заранее продумать последовательность постановки вопросов для того, чтобы один вопрос являлся логическим продолжением другого, вытекал из него.

4. Следует стараться не подчеркивать вопросы, которые особенно интересуют следователя; использовать неожиданность постановки основного вопроса наряду с другими, выясняющими второстепенные моменты. Допрашиваемый не должен осознавать, какое значение имеют ответы именно на эти вопросы.

5. Не должны допускаться вопросы, прямо или косвенно подсказывающие определенный ответ (наводящие вопросы).

Такой порядок позволяет наиболее подробно исследовать вопросы, вынесенные на очную ставку, вести беседу активно, наступательно и всесторонне. Предложенная форма допроса на групповой очной ставке затрудняет механическое повторение ранее данных показаний, может способствовать лучшему восприятию информации. Следователь в ходе получения показаний имеет возможность непрерывно их сопоставлять, постоянно акцентируя внимание на существенных противоречиях. Вопросно-ответная форма проведения очной ставки позволяет определенное время держать в неведении недобросовестного участника относительно пределов осведомленности лиц, дающих правдивые показания по спорным обстоятельствам. Информация, которая может изобличить не-

добросовестного участника, поступает постепенно. Это дает возможность следователю во время всей очной ставки держать недобросовестного участника в психологическом напряжении, создавая ему трудности выдвижения ложных доводов.

Основная специфическая особенность рассматриваемой очной ставки заключается в том, что одни и те же вопросы задаются нескольким лицам в определенной последовательности. Очная ставка должна идти как бы по кругу, и этот круг замыкается, когда последним допрашивается тот участник, с которого был начат допрос. Предпочтительнее начинать допрос на круговой очной ставке с недобросовестного лица. Затем допрашивать тех участников очной ставки, которые дают правдивые показания. И, наконец, заканчивается очная ставка постановкой вопроса тому участнику, с показаний которого было начато исследование спорного обстоятельства. Такой порядок очной ставки, во-первых, дает возможность добросовестным участникам еще раз ознакомиться с ложными показаниями и наиболее аргументированно опровергнуть их. Во-вторых, участник очной ставки, показания которого опровергаются, выслушав показания изобличающих его лиц, получает возможность еще раз переосмыслить правильность избранной им линии поведения и снова высказаться по спорному обстоятельству.

В тех случаях, когда предмет очной ставки сложен или противоречия имеются по нескольким обстоятельствам, целесообразно ее проводить по этапам. Каждый из этих этапов, в свою очередь, разделить на несколько вопросов. Такой тактический прием дает возможность более наглядно выделить существенные противоречия, четче определить их в показаниях. На рассматриваемой очной ставке необходимо ставить краткие, конкретные вопросы ее участникам. Это создает лицу, показания которого проверяются, дополнительные трудности в видеоизменении показаний в нюансах, играющих решающую роль.

Допрос участников очной ставки предпочтительнее начинать с постановки косвенных вопросов, тем или иным образом имеющих отношение к главному спорному обстоятельству. После того как недобросовестный участник даст показания по второстепенным фактам, очная ставка постепенно переводится к выяснению основного обстоятельства. При тщательной продуманной последовательности постановки вопросов для недобросовестного участника затрудняется дача ложных показаний в дальнейшем, поскольку он уже будет связан показаниями в начале очной ставки.

Если очная ставка проводится поэтапно, следователь может предоставить возможность

допрашиваемым задавать друг другу вопросы не только в конце очной ставки, но и на каждом из этапов после того, как будут получены показания и он исчерпает свои вопросы.

На наш взгляд, групповую очную ставку целесообразно организовывать таким образом, чтобы ее участники задавали друг другу вопросы через следователя, а не прямо. При этом следователь путем постановки уточняющих, дополняющих и контрольных вопросов имел бы возможность управлять обменом информации между допрашиваемыми и направлять его на устранение противоречий, по поводу которых проводится очная ставка, осуществляя полное или частичное снятие вопросов, задаваемых допрашиваемыми друг другу. Таким образом будет контролироваться объем содержащейся в вопросах информации, обеспечиваться порядок проведения следственного действия, а очная ставка направляться на разрешение спорных обстоятельств.

При производстве групповой очной ставки особенно необходимо учитывать закономерности рассматриваемого следственного действия, которые заключаются в том, что длительность проведения очной ставки значительно влияет на силу ее воздействия. Исходя из этого, необходимо руководствоваться следующими тактическими правилами: 1) не допускать растянутости по времени показаний добросовестных участников; 2) вопросы к добросовестным участникам необходимо формулировать так, чтобы они могли ответить на них исключительно по существу противоречий и по возможности кратко; 3) вопросов, которые охватывают широкий круг спорных обстоятельств, необходимо избегать; 4) не следует допускать формулировку сразу комплекса вопросов, которые не связаны между собой логически по предметному содержанию.

В тех случаях, когда следователь замечает, что участник, дающий ложные показания, пытается оказать воздействие на добросовестных лиц, целесообразно позволить им задавать друг другу вопросы только в конце очной ставки.

При определении последовательности производства очной ставки необходимо учитывать, что психологически наиболее затруднительно сообщать ложную информацию осведомленным лицам. Поэтому если следователь уверен, что участники, дающие правдивые показания, имеют твердую позицию, более выгодно в тактическом плане позволить им самим непосредственно задавать вопросы недобросовестному допрашиваемому.

В определенных случаях следователь имеет право и запретить участникам очной ставки задавать вопросы друг другу, если они таким спо-

собом пытаются согласовать свои показания, обнаружить занимаемые позиции иных лиц.

Детальный допрос участников очной ставки позволяет вскрыть и использовать для установления истины по спорным обстоятельствам внутренние противоречия в показаниях недобросовестного допрашиваемого, получить полную и наиболее аргументированную информацию от добросовестного участника.

Необходимо помнить, что не следует прекращать очную ставку, если все допрашиваемые лица дали свои прежние показания уже на первые вопросы, поставленные следователем. Целесообразно возвращаться к выяснению уже рассмотренных неоднозначных моментов с разных сторон. По спорным фактам, которые уже были предметом обсуждения, необходимо ставить вопрос с различных позиций, стремясь вызвать среди допрашиваемых полемику. При ведении спора, детализируя, дополняя, уточняя свои показания, допрашиваемые лица могут незаметно для себя указать ранее неизвестные следствию, новые события, после проверки которых может быть установлена истина.

Поэтапное рассмотрение каждого эпизода предмета групповой очной ставки намного повышается, если использовать не только показания нескольких добросовестных участников, но и другие доказательства.

Значительно увеличивает шансы на устранение существенных противоречий в результате очной ставки предъявление доказательств. Кроме того, существуют обстоятельства, при наличии которых доказательства предпочтительнее предъявить именно на групповой очной ставке. Это целесообразнее делать при наличии следующих условий:

1) когда показания добросовестных лиц по своему содержанию достаточно широки и охватывают все существенные обстоятельства события преступления;

2) при наличии у следователя совокупности доказательств, подтверждающих показания правдивых участников;

3) когда у следователя есть уверенность, что правдивые участники в силу соответствующих черт характера и высоких морально-волевых качеств займут при проведении очной ставки активную позицию, направленную на разоблачение ложных сведений.

В ходе очной ставки могут быть предъявлены протоколы следственных действий, планы, схемы, фотоснимки, различные вещественные доказательства, заключения экспертиз и пр. Обычно, когда ведут речь о предъявлении на очной ставке доказательств, изобличающих виновное лицо, предполагают доказательства

преступления. Однако этим не исчерпывается все многообразие доказательств, которые могут быть использованы для изобличения виновных. С этой точки зрения не менее важной является тактическая значимость доказательств иных порядков. В эту же группу доказательств входит информация, опровергающая большую или малую долю ложных сведений подозреваемых и обвиняемых по деталям их поведения при совершении преступления, которые не включены в предмет доказывания. К их числу относятся фактические данные о посткриминальных и предкриминальных событиях их жизни, за которые они не несут уголовной ответственности, но которые опровергают не соответствующие действительности заявления и доводы. В некоторых случаях виновный признает свое участие в преступных событиях и после напоминания ему на очной ставке различных незначительных обстоятельств, которые сами по себе не способны служить фактами, подтверждающими его вину.

Значительный положительный эффект при производстве групповых очных ставок с целью разоблачения ложных показаний может иметь использование фактора внезапности предъявления доказательств. Следователь должен постараться сделать так, чтобы недобросовестные допрашиваемые не могли знать о наличии уличающих доказательств до момента их предъявления. В случае если возникает необходимость рассмотрения вопроса о доказательствах, которые следователь в дальнейшем собирается использовать на очной ставке, имеет смысл поставить вопрос в общей фор-

ме, не акцентируя внимание допрашиваемого на их индивидуальных признаках.

Как бы ни складывалась следственная ситуация в ходе групповой очной ставки, абсолютно недопустимы со стороны следователя такие приемы, как фальсификация, использование правового невежества допрашиваемого, сообщение ложных сведений, игра на религиозных чувствах, психическое или физическое насилие над личностью. Применение подобных средств не только противоречит нормам права, но и невыгодно в тактическом плане. Использование таких приемов дает кажущийся эффект, а на самом деле ведет к даче ложных показаний, самооговору, по сути, ведет к фальсификации дела, к следственным ошибкам, которые могут открыться при судебном рассмотрении.

Групповая очная ставка обладает большой силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся преднамеренные искажения истины. Она часто играет роль кульминационного, переломного пункта в их дальнейшем поведении на следствии. Поэтому, на наш взгляд, законодатель поступил абсолютно верно, предоставив органам предварительного расследования возможность производства таких очных ставок. Мы согласны с Ю.П. Михальчук и В.И. Солодкой в том, что исходящие от государства «зрелые» и отвечающие требованиям и интересам современного общества законы обеспечивают его поступательное развитие. При этом для реализации принятых законов требуется эффективное решение вопросов организации деятельности государственных органов [6].

1. Лановенко И.П. Одновременная очная ставка между тремя и более лицами // Рефераты докл. второй расширенной конф. Киев, 1956.

2. Соловьев А.Б., Воробьев В.П. О тактике судебного допроса // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 16.

3. Антонов Н. Особенности производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними // Социалистическое право. 1973. Кн. 1.

4. Перякина М.П. Правовые основы и тактика очной ставки: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.

5. Перякина М.П. Институт очной ставки: история развития и современное состояние // История государства и права. 2007. № 13.

6. Михальчук Ю.П., Солодка В.И. Организационно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав личности при производстве по уголовным делам. // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4(26).

1. Lanovenko I.P. A simultaneous confrontation between three and more persons // Papers of reports of the second expanded conference. Kiev, 1956.

2. Solovyov A.B., Vorobyov V.P. About tactics of judicial interrogation // Questions of fight against crime. Moscow, 1972. Iss. 16.

3. Antov N. Features of production of investigative actions at investigation of the crimes committed by minors // Socialist law. 1973. B. 1.

4. Peryakina M.P. Legal bases and tactics of a confrontation: diss. ... Master of Law. Volgograd, 2009.

5. Peryakina M.P. Institute of a confrontation: history of development and current state // History of state and law. 2007. № 13.

6. Mikhalychuk Yu.P., Solodkaya V.I. Organizational and legal and criminal procedural guarantees of ensuring the rights and freedoms of the individual in the production in criminal cases // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 4(26).

Самоделкин Александр Сергеевичкандидат юридических наук, доцент,
докторант ВНИИ МВД России
(e-mail: putin@list.ru)

Современное состояние правового регулирования координации оперативно-розыскной деятельности

В статье рассматривается современное состояние правового регулирования координации оперативно-розыскной деятельности. Основываясь на результатах проведенного исследования, автор приходит к выводу, что ни на одном уровне правовой основы оперативно-розыскной деятельности не определены организационно-тактические условия координации оперативно-розыскной деятельности. Действующие нормативные правовые акты, направленные на регламентацию отдельных процедурных вопросов координации деятельности оперативно-розыскных органов, имеют фрагментарный и хаотичный характер, что говорит об отсутствии системы координационных отношений в сфере оперативно-розыскной деятельности. Данный вывод объективно предопределяет необходимость выявления основных направлений совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в аспекте координации деятельности оперативно-розыскных органов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, координация, правовое регулирование.

A.S. Samodelkin, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: putin@list.ru

The current state of legal regulation of the coordination of operational search activity

The article discusses the current state of legal regulation of the coordination of operational search activity. Based on the results of the research the author comes to the conclusion that no one level of the legal basis of operational search activity determines organizational and tactical conditions of the operational search activity coordination. The existing normative legal acts aimed at regulating certain procedural issues, coordinating the operational search authorities, are fragmentary and chaotic, that indicates the lack of system of the coordination of relations in the sphere of operational search activities. This conclusion is objectively determines the need to identify the main directions of improvement of legal regulation of operational search activity in terms of coordination of operational search authorities.

Key words: operational search activity, coordination, legal regulation.

Координация оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) представляет собой установленную нормативными правовыми актами организацию ОРД системы уполномоченных государственных органов, осуществляемую единым центром, консолидирующим ресурсы, формы и методы данных органов для достижения общей цели, определенной оперативно-розыскным законодательством [1, с. 22]. Полагаем, что источниками правового регулирования такой координации выступают: Конституция РФ; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД); правовые акты об органах, осуществляющих ОРД; международные договоры Российской Федерации; ведомственные и межведомственные нормативные акты. Рассмотрим их последовательно.

Конституция РФ является базовым источником правового регулирования деятельности всех правоохранительных органов, имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны, а все принимаемые законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15 Основного закона).

В соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ Правительство РФ осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью. Примечательно, что иных конституционных норм, непосредственно регламентирующих противодействие преступности, а тем более ОРД и ее координацию, в Основном законе РФ не содержится.

В то же время следует отметить, что Конституция РФ при определении федеративного устройства устанавливает, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся координация вопросов здравоохранения (п. «ж» ч. 1 ст. 72) и координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации (п. «о» ч. 1 ст. 72). Анализируя эти конституционные нормы, следует согласиться, что общественные отношения в сфере здравоохранения граждан являются крайне важными для государства, а задачи по охране здоровья являются весьма сложными и имеют комплексный характер, в их решение вовлечены многие субъекты. Именно поэтому деятельность всех вовлеченных в сферу здравоохранения государственных и негосударственных органов нуждается в координации. Также очевидно, что проведение Российской Федерацией единой внешней политики и внешнеэкономической линии требует координации международных и внешнеэкономических связей ее субъектов [2].

Конституционные нормы, предусматривающие координацию деятельности государственных органов, находят свою реализацию в федеральном законодательстве. Так, например, организационные вопросы координации деятельности в сфере здравоохранения нашли свое отражение в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации». В частности, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 14 данного нормативного акта к полномочиям федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения (Министерство здравоохранения РФ), относится координация деятельности в сфере охраны здоровья федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов государственной системы здравоохранения, муниципальной системы здравоохранения и частной системы здравоохранения.

В свою очередь, общий порядок координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации установлен отдельным Федеральным законом от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», в котором

содержатся гарантии обеспечения прав и законных интересов субъектов Федерации при установлении и развитии международных и внешнеэкономических отношений. В частности, в ст. 11 этого закона отмечается, что координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации возлагается на федеральные органы исполнительной власти (Министерство иностранных дел РФ) в порядке, устанавливаемом Президентом РФ по предложению Правительства РФ, при этом координирующий орган «вправе получать от органов государственной власти субъектов Российской Федерации информацию о проводимых мероприятиях по осуществлению международных и внешнеэкономических связей, давать органам государственной власти субъектов Российской Федерации свои предложения и рекомендации».

Таким образом, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что в связи с отсутствием в Конституции РФ норм, определяющих основы координации ОРД, данные вопросы остались и вне рамок правового регулирования Закона об ОРД. На наш взгляд, не вызывает сомнений актуальность и значимость координации деятельности в сфере здравоохранения и в сфере международных, в том числе и внешнеэкономических, отношений. Однако не менее важными, по нашему мнению, являются отношения, складывающиеся в сфере применения государственными органами негласных мер борьбы с преступностью, которые, с одной стороны, являются наиболее эффективным правовым средством защиты прав, свобод и законных интересов человека, общества и государства, а с другой – имеют «побочный» эффект вторжения в частную жизнь граждан, который еще более усиливается в условиях многосубъектности ОРД. В связи с этим именно координация ОРД всех уполномоченных государственных органов является наиболее действенным инструментом обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. К сожалению, вопросы координации ОРД остались вне конституционного и федерального поля правового регулирования.

Принимая во внимание данный пробел в законодательстве, мы предпримем попытку проанализировать имеющиеся правовые нормы, прямо или косвенно регулирующие отношения координации в сфере ОРД.

Основываясь на том обстоятельстве, что ОРД является составной частью общегосудар-

ственной системы борьбы с преступностью, с учетом п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ на Правительство РФ возложены все организационные, а следовательно, и координирующие функции в сфере ОРД. Данный вывод логически вытекает из формулировки указанной конституционной нормы: если Правительство РФ обязано осуществлять меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ), то и ОРД, как одна из таких мер, должна организовываться и координироваться Правительством РФ. Такой вывод представляется весьма обоснованным еще и потому, что органы, осуществляющие ОРД, являются государственными органами исполнительной власти, которую, в свою очередь, осуществляет Правительство РФ (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ).

В то же время очевидно, что в силу специфики ОРД ее организация и координация могут осуществляться Правительством РФ лишь в общих чертах, т.е. концептуально и стратегически. Фактически Правительство РФ в рамках реализации п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ решает вопросы, связанные с финансированием правоохранительных органов, обеспечением деятельности органов судебной власти, проводит анализ состояния законности в стране и эффективности борьбы с преступностью [3].

В связи с этим особый интерес для нас представляет Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которым в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В ст. 8 «Координация деятельности по борьбе с преступностью» указанного закона определено, что Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. В целях обеспечения координации указанных органов прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует

статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью.

Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» утверждено соответствующее Положение. Согласно п. 1 данного Положения «координация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению». Очевидно, что деятельность перечисленных субъектов по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений по существу отражает процесс решения первой задачи ОРД, предусмотренной в ст. 2 ФЗ об ОРД, и можно предположить, что рассматриваемое Положение фактически регулирует вопросы координации ОРД.

Однако следует отметить, что в приведенном перечне есть Следственный комитет РФ, который не уполномочен на осуществление ОРД, и нет Федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны и Службы внешней разведки РФ. Оперативные подразделения данных органов имеют право осуществлять ОРД в соответствии со ст. 13 ФЗ об ОРД, однако они не являются правоохранительными органами и не принимают непосредственного участия в борьбе с преступностью, следовательно, не попадают в сферу координационных отношений с прокуратурой. Кроме того, координация ОРД предполагает обмен и использование информации, проведение ОРМ, согласование планов оперативной разработки и реализации результатов ОРД, сведения о которых имеют определенный гриф секретности. Тогда как органы прокуратуры не в состоянии обеспечить накопление и сохранение всего массива секретной информации о координируемой ОРД всех уполномоченных субъектов.

И, в заключение, необходимо подчеркнуть, что ОРД осуществляется не только в целях борьбы с преступностью. В настоящее время ОРД осуществляется в целях принятия решения о допуске к определенным видам работ и о замещении должностей в органах государственной власти (ч. 2 и 3 ст. 7 ФЗ об ОРД), в целях определения факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 8.1 ФЗ об ОРД). Соответственно, из-под координирующего влияния прокуратуры выпадает целая группа оперативно-розыскных отношений уполномоченных органов.

Таким образом, мы можем утверждать, что такое правовое явление, как «координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», не тождественно понятию «координация оперативно-розыскной деятельности» ни по субъектам, ни по компетенции, ни по сфере применения.

Продолжая исследование системы правового регулирования координации ОРД, следует отметить, что правовые акты об органах, осуществляющих ОРД, содержат отрывочные нормативные положения, регламентирующие отдельные вопросы координации их совместной деятельности.

Так, ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» определяет, что «органы государственной охраны организуют в пределах своих полномочий взаимодействие государственных органов обеспечения безопасности и координируют их деятельность по осуществлению мер государственной охраны».

В ст. 12 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» установлено, что «Президент Российской Федерации... контролирует и координирует деятельность органов внешней разведки Российской Федерации».

В соответствии с п. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314, ФСИН России осуществляет «координацию деятельности образовательных и научных организаций, подведомственных ФСИН России, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Федеральная таможенная служба в соответствии с п. 5.74 Положения о Федеральной та-

моженной службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809, «организует и обеспечивает мобилизационную подготовку Службы, а также контроль и координацию деятельности по мобилизационной подготовке организаций, находящихся в ее ведении».

В п. 3 Положения о Федеральной службе РФ по контролю за оборотом наркотиков, утвержденного Указом Президента РФ от 28 июня 2004 г. № 976, отмечается, что к основным задачам ФСКН России относится «координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту».

Как мы видим, результаты анализа нормативных правовых актов, определяющих компетенцию, цели и задачи деятельности органов, наделенных правом осуществлять ОРД, свидетельствуют о том, что ни в одном из них не определены вопросы координации ОРД как таковой. Безусловно, все специфические сферы деятельности указанных органов является актуальными и крайне важными для общества и государства, однако координация каждого отдельного направления деятельности государственных органов не может отождествляться с координацией ОРД в целом. Более того, принимая во внимание, что координация ОРД предполагает фактор подчиненности координатору со стороны других субъектов, полагаем, что вопросы координации ОРД не могут являться предметом правового регулирования нормативного правового акта, регламентирующего деятельность отдельного государственного органа.

Следующим элементом системы правового регулирования ОРД являются международные договоры Российской Федерации, которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью ее правовой системы, при этом если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Важнейшим международным соглашением, обеспечивающим участие российских правоохранительных органов в противодействии преступности на транснациональном и межгосударственном уровне, является включение Российской Федерации в Международную орга-

низацию уголовной полиции – Интерпол. Высшим органом является Генеральная ассамблея (собирается ежегодно), председательствует на которой избираемый президент Интерпола. Текущая работа международной полиции возложена на постоянно действующий Генеральный секретариат, руководит которым Генеральный секретарь.

Сотрудничество органов, осуществляющих ОРД, по линии Интерпола реализуется на основе законодательства Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, Устава, а также нормативных документов и рекомендаций Интерпола, Указа Президента РФ об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола от 30 июля 1996 г. № 1113, Положения о Национальном центральном бюро Интерпола (далее – НЦБ), утвержденного постановлением Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1190. Информационное обеспечение такого сотрудничества регламентируется соответствующей межведомственной инструкцией (совместный приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971).

Примечательно, что в п. 14 данной Инструкции предусматривается, что запросы в правоохранительные органы иностранных государств на проведение ОРМ в отношении лиц, причастных к совершению преступлений на территории Российской Федерации, а также о согласовании комплекса совместных мероприятий должны направляться взаимодействующими органами в НЦБ Интерпола через центральный аппарат федеральных министерств и служб, в системе которых эти органы находятся. Учитывая данное нормативное положение, можно сделать вывод, что координатором международного сотрудничества российских органов, осуществляющих ОРД, с аналогичными зарубежными структурами фактически является НЦБ Интерпола в России, а на международном уровне – Генеральный секретариат Интерпола (г. Лион, Франция).

В то же время говорить о координации ОРД как таковой в системе Интерпола вряд ли возможно. По существу НЦБ и Генеральный секретариат Интерпола выступают в качестве организатора взаимодействия, т.к. осуществляют функции передачи исходящих и входящих запросов и ответов по ним, обеспечивая при этом соблюдение установленных норматив-

ными актами формальных требований. Кроме того, по линии Интерпола осуществляется взаимодействие не только оперативно-розыскных органов, но и следственных органов, органов прокуратуры и суда.

Несколько иной аспект представляет собой взаимодействие ОВД с полицейскими атташе. В целях реализации Указа Президента РФ от 12 марта 1996 г. № 375 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации», упорядочения участия органов внутренних дел в международном сотрудничестве установлен порядок взаимодействия с представителями полицейских ведомств, аккредитованных при дипломатических представительствах и консульских учреждениях иностранных государств в Российской Федерации, который изложен в приказе МВД России от 18 мая 2010 г. № 380 «О мерах по повышению уровня координации международного сотрудничества и порядке взаимодействия с полицейскими атташе». В соответствии с данным порядком всем подразделениям ОВД надлежит согласовывать с Административным департаментом МВД России все поступающие от полицейских атташе предложения, связанные с заключением и реализацией международных актов, координацией и обеспечением протокольного обслуживания международного сотрудничества. То есть можно предположить, что координатором (или контролером) взаимодействия в данной сфере определен Административный департамент МВД России. Однако указанный приказ предписывает руководителям органов, подразделений и учреждений системы МВД России «уведомлять», «информировать» и «согласовывать» с Административным департаментом МВД России контакты с полицейскими атташе, но при этом самим «обеспечивать контроль за соблюдением порядка взаимодействия» с ними.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что нормативные правовые акты, регулирующие участие российских оперативно-розыскных органов в международных полицейских организациях или объединениях, не предусматривают координационных отношений с зарубежными партнерами. Все международные отношения строятся на основе равноправного взаимодействия и сотрудничества, при этом обозначенные в качестве главенствующих в этих организациях органы осуществляют не

координирующую деятельность как таковую, а деятельность, обеспечивающую эффективное взаимодействие в основном путем обмена информацией.

Весьма значимым элементом правовой основы координации ОРД, на наш взгляд, являются ведомственные и межведомственные нормативные акты. Следует отметить, что правовое регулирование отношений сотрудничества между органами, осуществляющими ОРД, на межведомственном уровне активизировалось с появлением законодательной основы оперативно-розыскной деятельности в целом – ФЗ об ОРД.

Вместе с тем, у всех ведомственных нормативных актов есть общий недостаток – они регламентируют взаимодействие отдельных оперативно-розыскных органов, оставляя за рамками других субъектов ОРД. Это обстоятельство, на наш взгляд, красноречиво свидетельствует об отсутствии правовых предпосылок координации ОРД в системе

уполномоченных органов на межведомственном уровне.

Таким образом, основываясь на результатах проведенного исследования гипотезы о наличии правового регулирования координации ОРД, мы можем сделать вывод, что ни в одном элементе и ни на одном уровне правовой основы оперативно-розыскной деятельности не определены организационно-тактические условия координации ОРД. Действующие нормативные правовые акты, направленные на регламентацию отдельных процедурных вопросов координации деятельности оперативно-розыскных органов, имеют фрагментарный и хаотичный характер, что говорит об отсутствии системы координационных отношений в сфере ОРД. Данный вывод объективно предопределяет необходимость выявления основных направлений совершенствования правового регулирования ОРД в аспекте координации деятельности оперативно-розыскных органов.

1. Самоделкин А.С. *Теоретико-методологические основы координации оперативно-розыскной деятельности: препринт. Волгоград, 2014.*

2. *Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М., 2011. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».*

3. Бархатова Е.Ю. *Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».*

1. Samodelkin A.S. *Theoretical and methodological bases of the coordination of operative search activity: preprint. Volgograd, 2014.*

2. *Commentary to the Constitution of the Russian Federation (itemized) / ed. by V.D. Zorkin. 2nd ed., rev. Moscow, 2011. Access from legal reference system «ConsultantPlus».*

3. Barkhatova E.Yu. *Commentary to the Constitution of the Russian Federation (itemized). 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».*

Федорович Диана Юрьевна

кандидат юридических наук,

старший инспектор по особым поручениям

Бюро по координации борьбы с организованной преступностью

(e-mail: dianafed@mail.ru)

Вопросы организации оперативно-розыскного обеспечения расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности

В работе рассматриваются вопросы организации оперативно-розыскного обеспечения расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, с использованием ситуационного подхода.

Ключевые слова: конвенционные преступления, посягающие на свободу личности, оперативно-розыскное обеспечение, расследование преступлений.

D.Yu. Fedorovich, Master of Law, Senior Inspector for Special Assignments of the Coordination Bureau of Fight Against Organized Crime; e-mail: dianafed@mail.ru

Issues of the organization of operational-search support investigation of conventional crimes against personal freedom

The article deals with the organization of operational-search support investigation of conventional crimes against personal freedom, using a situational approach.

Key words: conventional crimes against personal freedom, operatively-search support, investigation of crimes.

Оперативно-розыскное обеспечение расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности (к конвенционным преступлениям относятся посягающие на международный и национальный правопорядок, а также основные права и свободы человека преступные деяния, ответственность за которые устанавливается в национальном уголовном законодательстве вследствие подписания государством и вступления для него в силу соответствующего международного договора (соглашения); среди преступлений, посягающих на свободу личности, к ним относятся похищение человека, торговля людьми и использование рабского труда), имеет особое значение, поскольку указанные преступления совершаются, как правило, организованными группами, с тщательной подготовкой и оказанием активного противодействия расследованию. В связи с этим необходимость оперативно-розыскного обеспечения расследования похищения и торговли людьми, использования рабского труда обусловлена сложностью их раскрытия и расследования без комплексного использования негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскное обеспечение расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, осуществляется в двух оперативно-розыскных ситуациях: когда известно лицо, совершившее похищение и торговлю людьми, использование рабского труда, и когда лицо, совершившее указанные преступления, неизвестно.

Именно сложившаяся тактическая ситуация вкуче с признаками оперативно-розыскной характеристики похищения и торговли людьми, использования рабского труда определяют специфику оперативно-розыскного обеспечения расследования указанных преступлений, необходимые оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, а также организацию взаимодействия следователя с оперативным сотрудником.

Цели оперативно-розыскного обеспечения расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, достигаются в каждой из указанных тактических ситуаций посредством решения следующих частных задач:

обнаружение и задержание всех лиц, причастных к похищению и торговле людьми, использованию рабского труда;

установление потерпевших, свидетелей, иных осведомленных лиц и быстрое получение от них информации о преступлении, личности виновных и других обстоятельствах;

осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих предварительное следствие дополнительной информацией об обстоятельствах подготовки, совершения и сокрытия преступления;

своевременное обнаружение и нейтрализация криминального противодействия раскрытию и расследованию преступления со стороны преступников и их связей.

Первая ситуация складывается в тех случаях, когда поводом для возбуждения уголовного дела явилось поступившее в органы внутренних дел заявление от потерпевшего, а также его родственников, знакомых, сослуживцев и других заинтересованных лиц о совершении в отношении его неизвестными лицами преступления, посягающего на свободу личности, или о его безвестном исчезновении при обстоятельствах, свидетельствующих о совершении указанных преступлений. В последнем случае перед оперативным сотрудником, помимо задачи по обнаружению и задержанию виновных в совершении преступления лиц, в первоочередном порядке стоит задача по установлению фактического местонахождения пропавшего лица и его освобождению. В этих целях необходимо разработать согласованный план оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Такой совместный план должен предусматривать:

согласованность действий оперативных сотрудников, следователя и родственников похищенного лица (либо других лиц, заявивших о преступлении);

активность и наступательность действий оперативных сотрудников;

строгое соблюдение конспирации с тем, чтобы не расшифровать оперативно-розыскные мероприятия по задержанию преступников и не подвергнуть риску жизнь и здоровье потерпевших.

Необходимые для этого сведения могут быть получены в результате проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, наиболее адаптированных к данной ситуации: опрос родственников и знакомых жертвы, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, принадлежащих потерпевшему или используемых им, сбор образцов для сравнительного исследования, наведение справок о потерпевшем.

В случае исчезновения молодой женщины или мужчины в трудоспособном возрасте в ходе опроса необходимо выяснить, не выезжал ли кто-нибудь из знакомых, друзей или родственников пропавшего лица за рубеж с целью трудоустройства, не поддерживало ли оно связь с данными лицами, не высказывало ли оно намерения выехать за рубеж с целью устроиться там на работу.

В случае если предположение о выезде лица за границу подтвердится, в ходе опроса необходимо уточнить следующие сведения:

об организации, занимавшейся оформлением документов на выезд лица за пределы Российской Федерации или его трудоустройством;

о месте работы исчезнувшего лица;

о знакомых исчезнувшего лица, которые работают или работали в прошлом за рубежом;

о пропавших документах на имя исчезнувшего лица (паспорт, загранпаспорт, правоустанавливающие документы на недвижимость и т.д.), материальных ценностях;

о лицах, с которыми у пропавшего лица имелись деловые отношения, конфликты, долговые обязательства;

о характере и содержании его работы в последнее время.

На необходимость выяснения сведений о потерпевшем и его окружении указывают и большинство опрошенных нами оперативных сотрудников (65,43%), считающих, что данная информация в наибольшей степени способствовала раскрытию ими конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности (в ходе исследования, проведенного в 2011 г., были опрошены 301 следователь и 162 оперативных сотрудника в 52 региональных подразделениях МВД России и 8 ГУ МВД по федеральным округам).

Для установления места нахождения пропавшего лица важное значение имеют выдвижение и проверка розыскных версий. Указанные версии могут быть выдвинуты с учетом информации о знакомствах и контактах пропавшего, возникших незадолго до его безвестного исчезновения, о месте их проживания, о типичных маршрутах торговли людьми, местах возможного использования рабского труда и сексуальной эксплуатации жертв, о фактах исчезновения при аналогичных обстоятельствах других лиц в данном регионе.

Для проверки версии о том, что пропавшее лицо было вывезено за пределы Российской Федерации, и пресечения таких попыток необходимо отправить в ФСБ России запрос о пресечении им государственной границы и сто-

рожевой лист на него. Также следует навести справки о приобретенных проездных билетах на железнодорожный, морской и воздушный транспорт на имя пропавшего лица.

Следует провести обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности (по месту жительства и работы пропавшего) и транспортных средств, принадлежащих пропавшему лицу, в необходимом случае произвести сбор образцов для сравнительного исследования.

При поступлении заявления от матери (отца) об исчезновении несовершеннолетнего ребенка в ситуации конфликта между бывшими супругами следует установить местонахождение бывшего супруга (супруги) и наблюдение за ним с целью проверки версии о похищении им ребенка.

При обнаружении признаков преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, целесообразно осуществить прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов родственников пропавшего, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов.

Для установления местонахождения пропавшего без вести необходимо также произвести выемку информации о входящих/исходящих телефонных соединениях, произведенных с использованием сим-карты и телефона, принадлежащих ему, за две-три недели до исчезновения, а также биллинг звонков.

В случае если принятыми оперативным сотрудником мерами установить местонахождение исчезнувшего лица не удалось, поиск его осуществляется в рамках соответствующего дела оперативного учета.

В случае если имеет место обращение самого потерпевшего, его близких и других заинтересованных лиц с заявлением о совершении в отношении его деяния, подпадающего под признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 126, 127 и 127² УК РФ, неотложной задачей, стоящей перед оперативным сотрудником, является установление лиц, причастных к совершению общественно опасного деяния, освобождение других потерпевших, которые могут находиться в местах, специально подготовленных для их временного содержания или эксплуатации, а также принятие мер по обеспечению безопасности потерпевшего и его близких родственников, изоляции его от преступников и помещению в убежище.

Последнее необходимо для предотвращения оказания активного противодействия со

стороны участников преступной группы, в том числе фактов запугивания жертвы, ее физического устранения, оказания давления на ее родственников с целью изменения их показаний. Для предотвращения указанных обстоятельств необходимо принять меры по обеспечению безопасности жертвы и ее близких родственников, такие как изоляция от преступников, помещение в убежище, физическая охрана и т.д.

В данной ситуации наиболее информативным оперативно-розыскным мероприятием будет опрос потерпевшего для выяснения всех обстоятельств преступления.

Если потерпевший может сообщить информацию об организации, которая занималась его вербовкой (трудоустройством), необходимо после наведения справок о ней установить прослушивание телефонных переговоров, ведущихся с телефонов, принадлежащих указанной организации. Указанное оперативно-розыскное мероприятие позволяет держать под контролем планы фигурантов, планировать проведение операций по задержанию преступников с поличным.

После опроса потерпевшего оперативные сотрудники подразделений уголовного розыска сосредоточивают свое внимание на установлении лиц, возможно причастных к совершению похищения и торговли людьми, использованию рабского труда, их биографических данных, наличия прошлого преступного опыта, постоянных связей в криминальной среде или корумпированных сферах.

При наличии информации о приметах участников преступной группы необходимо подготовить композиционный, рисованный и субъективный портрет подозреваемых, навести о них справки, проверить их по оперативно-справочным и криминалистическим учетам.

Если потерпевший может указать место, где происходила вербовка, необходимо установить наблюдение за данным помещением с целью установления лиц, причастных к похищению и торговле людьми, использованию рабского труда, и возможных жертв, а также прослушивание переговоров, производимых с телефонов, установленных в нем. Целесообразно также провести обследование данного помещения с целью обнаружения в нем предметов и документов, свидетельствующих о подготовке и совершении похищения и торговли людьми, использования рабского труда.

В случае поступления угроз и требований выкупа за похищенного необходимо осуществить прослушивание переговоров, ведущих-

ся с данного телефона, и установить номера телефонов, с которых звонит преступник. Одновременно необходимо провести детализацию телефонных соединений, произведенных с телефона жертвы за последние 10–15 дней до похищения.

Целесообразно установить наблюдение (в том числе с использованием средств фото- и видеофиксации) за заявителями с целью установления личности преступников, которые, как правило, контролируют их действия.

Осмотр и изъятие информации с видеокамер, установленных вблизи с местом происшествия, в том числе по маршруту предполагаемого отхода преступников, необходимо осуществлять по правилам, предусмотренным нормами уголовно-процессуального законодательства. Следует изымать носители информации не только за последние сутки перед совершением преступления, но и за более длительный период с целью выявления фактов наблюдения за жертвой участниками преступления.

К работе по изучению личности жертвы, характера ее служебной, общественной, коммерческой и иной деятельности необходимо подходить комплексно, привлекать в этих целях силы оперативно-поисковых подразделений, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, налоговой и других служб и учреждений. Главная цель этой работы – выяснить мотив похищения и в результате установить преступников.

Вместе с тем, несмотря на то, что оперативно-розыскное обеспечение раскрытия похищения перечисленных выше лиц требует особенно тщательного изучения характера профессиональных связей и взаимоотношений потерпевшего, далеко не всегда в таких случаях используются возможности сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, и лишь по единичным случаям проводились проверки финансово-экономической деятельности, к которой имели отношение похищенные. В раскрытии указанных преступлений может оказать существенную помощь и негласный аппарат подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, располагающий сведениями о связях потерпевшего в деловой и криминальной среде и характере их взаимоотношений. Важ-

ными в данной ситуации являются негласные сведения относительно коррумпированных должностных лиц.

По месту работы/службы потерпевшего целесообразно осуществить осмотр его рабочего помещения (места) с целью обнаружения документов или каких-либо записей, могущих иметь отношение к преступлению.

Непосредственных исполнителей преступления следует выявлять среди следующих категорий граждан:

членов организованных групп, преступных сообществ;

ранее судимых за тяжкие преступления;

бывших бойцов подразделений специального назначения;

бывших сотрудников правоохранительных органов, уволенных по компрометирующим основаниям;

сотрудников частных охранных предприятий (ЧОП).

Необходимо помнить, что предметы и документы, выявленные в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, играют очень важную роль в изобличении обвиняемых, т.к. они могут стать доказательствами по уголовному делу. Учитывая большое значение вещественных доказательств для установления истины, следует принимать меры к их выявлению и обеспечению возможности использования их при расследовании.

Практика показывает, что наибольшие трудности вызывает привлечение к уголовной ответственности организаторов преступлений, связанных с похищением и торговлей людьми, использованием рабского труда. Поэтому выявление организатора и документирование его руководящей роли требует глубокого изучения механизма формирования группы, ее внутренней структуры, характера межличностных отношений, распределения ролей [1, с. 10].

В связи с этим для эффективного противодействия преступным группам, занимающимся похищением и торговлей людьми, использованием рабского труда, необходимо с целью документирования их противоправной деятельности задействовать весь спектр оперативно-розыскных, а также оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий.

1. Чечетин А.Е. Раскрытие организованных групповых преступлений аппаратами уголовного розыска: учеб. пособие. Омск, 1995.

1. Chechetin A.E. Disclosure of organized group by crime of criminal investigation: study aid. Omsk, 1995.

Подшивалов Александр Петрович

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России
(e-mail: astorepw@mail.ru)

Проблемные вопросы взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел в раскрытии и расследовании краж чужого имущества

В статье исследуются проблемные вопросы взаимодействия оперативных и следственных подразделений в процессе раскрытия и расследования краж чужого имущества. Рассматриваются формы взаимодействия, анализируются существующие недостатки, предлагаются меры по эффективному взаимодействию при раскрытии и расследовании краж.

Ключевые слова: взаимодействие, раскрытие, расследование, оперативный сотрудник, следователь, кража.

A.P. Podshivalov, Senior Teacher of the Chair of Operational-Search Activities of Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Interior of Russia; e-mail: astorepw@mail.ru

Problematic issues of interaction between departments of the internal affairs agencies in the detection and investigation of theft of another's property

The aim of the article is to study problems of interaction in the process of disclosure and investigation of thefts of property from key actors such activities that are operational and investigative units. The article discusses the forms of interaction, analyzes existing deficiencies, and proposes measures for the effective interaction in the detection and investigation of theft.

Key words: interaction, disclosure, investigation, police officer, investigator, theft.

Быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений независимо от вида совершения зависит, на наш взгляд, от оперативно-розыскного обеспечения. Поэтому в процессе предварительного расследования противоправных деяний остро стоит вопрос о взаимодействии следователей, сотрудников оперативных подразделений и других служб. Однако, как показало наше исследование, во многих органах внутренних дел взаимодействие в процессе оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования краж чужого имущества находится не на должном уровне, и именно одной из причин недостаточно высокой раскрываемости краж 58,6% опрошенных оперативных сотрудников отметили отсутствие должного взаимодействия между подразделениями и службами ОВД, при этом 92,2% следователей высказались о необходимости тесного взаимодействия следствия и подразделений уголовного розыска.

Анализ уголовных дел по кражам чужого имущества показал, что взаимодействие служб и подразделений ОВД осуществлялось по каждому расследуемому делу, из них с уголов-

ным розыском – в 96,4% случаев, участковыми уполномоченными полиции – 12,5%, экспертными подразделениями – 6,3%, подразделениями по делам несовершеннолетних – 7,1%, патрульно-постовой службой – 0,9%, иными подразделениями – 1,8%, и, соответственно, изучение дел оперативного учета показало, что взаимодействие служб и подразделений ОВД осуществлялось в 84,6% случаев, из них со следствием – 93,1%, ИВС – 21,8%, СИЗО – 13,9%, экспертными подразделениями – 11,9%, участковыми уполномоченными полиции – 6,9%, подразделениями по делам несовершеннолетних – 3,9%, патрульно-постовой службой – 1,9%, иными подразделениями (специализированными) – 34,3% (итоговые цифры не должны строго соответствовать 100%, поскольку по условиям изучения дел предполагалось указывать не один, а несколько ответов).

Таким образом, раскрытие преступлений – это одна из главных задач оперативно-розыскной и процессуальной деятельности, а основными субъектами такого взаимодействия являются оперативные и следственные подразделения. Сущность раскрытия преступлений заключа-

ется в осуществлении подразделениями уголовного розыска и органов предварительного следствия в пределах установленной компетенции оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по обнаружению признаков преступлений, установлению лиц, их совершивших, и принятию к ним мер, предусмотренных законом [1, с. 38–39]. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть проблемные вопросы взаимодействия следователей и сотрудников уголовного розыска по установлению лиц, совершивших кражи чужого имущества, которое начинается с момента поступления сообщения о совершенном преступлении в дежурную часть и выезда следственно-оперативной группы (далее – СОГ) на место происшествия. На месте совершения преступления, как известно, проводится целый комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Как справедливо отмечают многие авторы, от умелой и правильной их организации будет зависеть эффективность раскрытия преступлений, в том числе карманных краж, которая имеет комплексный характер, т.к. требует тесного взаимодействия оперативных подразделений полиции и предварительного следствия [2], а раскрываемость квартирных краж, например, зависит от эффективности деятельности СОГ на первоначальном этапе расследования, выбора наиболее оптимальных направлений поиска преступников, мест хранения краденого, установления каналов сбыта похищенного [3, с. 33].

В процессе опроса оперативным сотрудникам и следователям было предложено указать формы взаимодействия при раскрытии и расследовании краж, которые наиболее часто используются в практической деятельности. Результаты исследования выглядят следующим образом: исполнение отдельных поручений – такую форму указали 98,3% сотрудников уголовного розыска (99,1% следователей), участие в работе дежурной СОГ – 86,2% (77,6%), участие в работе совместной СОГ (бригаде) для расследования сложного уголовного дела с большим объемом работы – 43,1% (39,7%), при определении возможностей использования результатов, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в качестве доказательств по уголовным делам – 34,5% (36,2%), составление согласованных планов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий – 24,1% (17,2%), при разработке планов совместных мероприятий по нейтрализации противоправных действий преступников в процессе расследования –

12,1% (12,9%). В целом мнение следственных и оперативных сотрудников практически совпало, в том числе и по ранжированию форм взаимодействия.

Как показало наше исследование, после возбуждения уголовного дела по кражам чужого имущества взаимодействие между следователем и оперативным сотрудником начинается с момента получения последним отдельных поручений – одной из самых распространенных форм взаимодействия. К ним сотрудники уголовного розыска, работающие по линейному принципу (квартирным и карманным кражам, кражам автотранспорта и др.), относятся в целом инициативно (в делах оперативного учета содержатся документы, свидетельствующие о проведенных оперативно-розыскных мероприятиях). Вместе с тем, зональные сотрудники уголовного розыска к таким поручениям следователя относятся пассивно, мало того, более чем в половине случаев не прилагают никаких усилий по уголовным делам, по которым проведением можно установить виновных лиц.

С другой стороны, следователи дают сотрудникам уголовного розыска формальные поручения. Их изучение показало наличие стандартных фраз, схожих с теми, которые указывает В.В. Гордиенко: «провести комплекс ОРМ, направленных на выявление лица, совершившего преступление» [4, с. 40]. В ответ на подобные поручения оперативные сотрудники в 64,3% случаев также отвечают однотипными словами: «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установить лиц, совершивших кражу, не представляется возможным». На аналогичное оформление документов, отображающих результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий по установлению подозреваемого, обвиняемого, указывает в своей работе С.В. Пропастин [5, с. 33].

Следует отметить, что взаимодействие между следователем и сотрудниками уголовного розыска в период расследования краж чужого имущества приобретает особую значимость, поскольку решение задач уголовного судопроизводства невозможно без представления в органы предварительного следствия сведений и фактических данных, позволяющих сформировать доказательства, принять процессуальные решения или эффективно провести следственные действия. Однако на практике во взаимодействии между указанными выше подразделениями существуют следующие основные недостатки.

Во-первых, сотрудники уголовного розыска не всегда представляют следователям фак-

тические данные, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, могущие быть использованными впоследствии в качестве доказательств. Так, в 45,1% изученных дел оперативного учета содержатся материалы с фактическими данными, которые в силу различных причин не были переданы в органы предварительного следствия.

Анализ этих сведений показал, что к числу основных причин относятся следующие: фактические данные получены лицами, сведения о которых составляют государственную тайну (33,3%); посредством осуществления оперативно-розыскных мероприятий, но с нарушением процедуры их проведения (43,1%); иными способами и методами, не предусмотренными законодательными и ведомственными нормативными актами (3,2%). В остальных же случаях результаты оперативно-розыскной деятельности были получены в соответствии с нормативными документами, однако они так и не были переданы в органы предварительного следствия для процессуального использования.

Результаты опроса сотрудников подразделений уголовного розыска свидетельствуют об их слабой профессиональной подготовке, проявляющейся в том, что они не имеют достаточных знаний нормативных правовых актов, регламентирующих защиту сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [6]; по организации и тактике осуществления оперативно-розыскных мероприятий и соответствующих навыков и умений по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам.

Во-вторых, сотрудники уголовного розыска не всегда передают следователю данные, которые могли быть использованы им при принятии определенных решений по уголовному делу, а также в подготовке и производстве следственных действий.

А.Е. Чечетин отмечает, что оперативно-розыскные сведения могут служить основанием для производства некоторых следственных действий (выемки, обыска); использоваться для принятия решения о производстве осмотра, назначения экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования и других следственных действий; являться основанием для задержания подозреваемого, а также быть поводом для вызова и допроса свидетеля [7, с. 193–194]. Кроме того, полагаем, что данные, полученные в ходе осуществления оперативно-

розыскной деятельности, позволяют определить: последовательность проведения следственных действий; необходимость участия в следственных действиях лиц, способствующих их эффективному осуществлению; место, время, тактику проведения процессуальных действий.

Нередко отсутствие информации лишает следователя возможности задокументировать процессуальным путем действия преступных групп, которые применяют угрозы, шантаж и другие действия в адрес потерпевших, свидетелей, родственников (в ряде случаев и в отношении должностных лиц правоохранительных органов), уничтожают либо скрывают орудия преступлений, ценности, предметы и документы, могущие способствовать их изобличению [8, с. 61].

Однако изучение дел оперативного учета показало, что в 25,2% случаев в них содержатся сведения, содержание которых необходимо следователю в организационно-тактическом плане. Опрос сотрудников уголовного розыска показал, что основными причинами, по которым оперативная информация не предоставляется в органы предварительного следствия, являются: неумение следователей ее использовать; игнорирование следователями оперативных данных; слабое знание ими процедуры представления результатов ОРД; опасности расшифровки конфиденциальных сотрудников.

С целью повышения заинтересованности сотрудников уголовного розыска в предоставлении информации предлагаем в территориальных органах внутренних дел по кражам чужого имущества закрепить специализацию следователей. Данная мера, на наш взгляд, позволит направить усилия этих служб на эффективное раскрытие и расследование уголовных дел, возбужденных по этому виду преступлений.

В-третьих, следователи не всегда предоставляют информацию сотрудникам уголовного розыска. Сведения об обстоятельствах совершения краж чужого имущества могут быть получены органами предварительного следствия в процессе проведения следственных действий, а полученные результаты могли быть использованы оперативными сотрудниками для раскрытия этого вида преступления, а также достижения других задач уголовного судопроизводства.

Опрос оперативных сотрудников позволил установить основные причины сложившегося положения: отсутствие заинтересованности в расследовании уголовного дела; слабое знание оперативно-розыскного законодательства; неверие в возможности подразделений уго-

ловного розыска; нежелание распространять результаты, полученные при расследовании уголовного дела.

Выход из сложившейся ситуации видится нам в проведении совместных совещаний сотрудников уголовного розыска, занимающихся раскрытием краж чужого имущества, и следователей, в чьем производстве находятся уголовные дела данной категории. Такая мера способствовала бы, по нашему мнению, эффективному обмену информации между взаимодействующими сторонами.

Таким образом, эффективное взаимодействие по расследованию краж чужого имущества зависит от предоставления сотрудниками уголовного розыска фактических данных и сведений, позволяющих их использовать в процессе доказывания по уголовным делам, а также в принятии решений, подготовке и производстве следственных действий. В этих целях необходимо осуществлять профессиональную подготовку сотрудников уголовного розыска, совместные совещания, а также осуществить специализацию следователей.

1. *Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска: учеб.* Омск, 1997.

2. Горбунов А.Н., Калюжный К.Ю. Особенности раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте // *Общество и право.* 2014. № 3(49). С. 207–210.

3. Евтушенко И.С. Практика раскрытия краж из квартир // *Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.В. Винтерколлера.* Барнаул, 2012. Вып. 9.

4. Гордиенко В.В. О состоянии взаимодействия подразделений уголовного розыска и следствия в раскрытии преступлений: тезисы выступления // *Информ. бюлл. Следственного комитета при МВД России.* 2006. № 1(127).

5. Пропастин С.В. Представление следователю результатов оперативно-розыскной деятельности как самостоятельная форма взаимодействия. Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2005. Вып. 3.

6. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сент. 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

7. *Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / под ред. А.Е. Чечетина.* 2-е изд., доп. и перераб. Барнаул, 2005.

8. Храпов И.Ф. Взаимодействие оперативных аппаратов и следственных подразделений органов внутренних дел // *Информ. бюлл. Следственного комитета при МВД России.* 1995. № 3(84).

1. *The prevention and detection of crime by criminal investigation units: textbook.* Omsk, 1997.

2. Gorbunov A.N., Kalyuzhniy K.Yu. Features of the disclosure and investigation of pickpocketing, performed in public transport // *Society and law.* 2014. № 3(49). P. 207–210.

3. Evtysenko I.S. Practice of disclosure of thefts from apartments // *Problems of theory and practice of operational-investigative activity of internal affairs bodies: interuniv. coll. of sci. papers / ed. by N.V. Vinterkoller,* 2012. Iss. 9.

4. Gordienko V.V. About the state of the interaction between departments of criminal investigation and the investigators in solving crimes: statement thesis // *Newsletter of the Investigative Committee under the Ministry of the Interior of Russia.* 2006. № 1(127).

5. Propastin S.V. The view to the investigator of the results of operational-investigative activity as an independent form of interaction // *Interuniv. coll. of sci. papers Omsk,* 2005. Iss. 3.

6. On approval of the Instruction about the order of presentation of the results of operative-search activity to inquiry body, investigator or the court: order of MIA of Russia, DD of Russia, FSS of Russia, FSO of Russia, FTS of Russia, SVR of Russia, FSIN of Russia, FSKN of Russia, IK of Russia, Sept. 27, 2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

7. *Fundamentals of operative-search activity: study aid / ed. by A.E. Chechetin.* 2 nd ed., add. and rev Barnaul, 2005.

8. Khrapov I.F. The interaction between operational units and investigative units of the internal affairs bodies // *Newsletter of the Investigative Committee under the Ministry of the Interior of Russia.* 1995. № 3(84).

Табакова Наталья Александровна

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: tabnat@mail.ru)

Особенности выявления и расследования налоговых преступлений в Германии

В статье рассматриваются особенности выявления и расследования налоговых преступлений в Германии. Исследуется положительный опыт раскрытия указанной категории преступлений и возможности его применения в России.

Ключевые слова: налоговые преступления, служба налогового розыска Германии, выявление и расследование налоговых преступлений, сокрытие доходов, налоговая декларация.

N.A. Tabakova, Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tabnat@mail.ru

Features detection and investigation tax crimes in Germany

The article discusses the features of the identification and investigation of tax crimes in Germany. Studied the positive experience of the disclosure of this category of crimes and its application in Russia.

Key words: tax crimes, the service tax investigation in Germany, detection and investigation of tax crimes, concealment of income, tax return.

Уклонение от уплаты налогов во многих странах мира является одной из серьезнейших проблем. Общественная опасность налоговых преступлений состоит в том, что в результате роста налоговой преступности огромные суммы незаконно полученных денежных средств попадают в финансово-экономический оборот, увеличивая тем самым масштабы теневой экономики. Кроме того, причиняется значительный ущерб налоговой системе государства, которая утрачивает способность способствовать необходимому финансированию социально-значимых целей. Именно поэтому каждое государство уделяет повышенное внимание налоговой политике и обязанностям граждан исправно платить налоги, расширяя и укрепляя правовую базу для эффективной борьбы с налоговыми преступлениями.

Самостоятельным направлением уголовной политики в сфере противодействия налоговым преступлениям является совершенствование деятельности налоговых и правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению указанных преступлений. В этой связи заслуживает особого внимания практика Германии. По темпам развития экономика По темпам развития экономики Германия занимает пятое место в мире, сотрудничая на открытых рынках с такими странами, как Франция, США и Великобритания, куда экспортирует большую часть производимых в ней товаров. Во много благодаря созданной эффективной налоговой системе в ФРГ удалось достичь как высокого уровня экономического развития, так и обеспечить высокую степень социальной защиты для населения [1, с. 177]. Жители Германии получа-

ют в виде различных пособий и других социальных выплат более 73% от общих сумм налогов и сборов, перечисленных ими в бюджет страны. Это объясняет высокие социальные стандарты, принятые в государстве, и ответственность, с которой население относится к налогам.

Германия входит в число стран с высокими налогами, которые, тем не менее, принимаются населением как характерный признак развитого «социального государства» [2, с. 24]. В соответствии с германским законодательством налогоплательщики наделены правом вычитать значимые расходы из своего налогооблагаемого дохода и тем самым возвращать переплаченный подоходный налог. Подаваемая по итогам года налоговая декларация рассматривается в качестве своеобразного «взаимозачета» между налогоплательщиком и государством. Если сведения, представленные в налоговой декларации, достоверны и подтверждены документально, то налоговые органы, как правило, принимают декларации без их проверки. Однако замаскированный налоговый обман по сокрытию от налогообложения денежных средств невозможен в долгосрочной перспективе, т.к. держатель скрытых от налогообложения доходов рано или поздно будет вынужден совершить с ними определенные действия, а именно: разместить на банковских счетах, вложить в ценные бумаги, производство, недвижимость или предметы роскоши. В этот момент скрытые ранее от налогообложения средства станут «видимы» для налоговых органов. При выявлении расхождений между доходами и расходами, не отраженными в декларации, принимается решение

об «интенсивной проверке», при этом может быть затребована любая информация о налогоплательщике (по месту его работы, в банке, страховой компании и т.д.), назначена ревизия бухгалтерских книг и других финансовых документов за период до 10 лет.

Особенностью немецкого уголовного права является множественность его источников. Составы налоговых преступлений оказались за рамками УК ФРГ. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов предусмотрена § 370 Налогового устава [3, с. 77]. Законодательство Германии достаточно сурово к лицам, уклонившимся от уплаты налогов. Наказание за совершение указанных преступлений, установленное Налоговым уставом, предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет и (или) штраф. В особо тяжких случаях уклонение от уплаты налогов наказывается лишением свободы на срок до 10 лет. Кроме того, в качестве дополнительных наказаний может быть назначено лишение права занимать публичные должности и права приобретать полномочия в результате публичных выборов.

Деяние, предусмотренное § 370 Налогового устава, определяется в трех альтернативных формах:

- 1) неправильные или неполные сообщения финансовым или иным властям о фактах, имеющих налоговую значимость (активный обман);
- 2) оставление в неосведомленности финансовых или иных властей о фактах, имеющих налоговую значимость, в нарушение правовой обязанности (пассивный обман);
- 3) неприменение в нарушение правовой обязанности налоговых марок (особая разновидность пассивного обмана).

Следует учитывать, что § 153 Налогового устава устанавливает обязанность лица, обнаружившего ошибку в налоговой отчетности (добросовестное заблуждение), сообщить об этом в налоговый орган. Неисполнение этой обязанности образует пассивное уклонение от уплаты налогов [4, с. 295].

Действие § 370 распространяется, в том числе, на таможенные пошлины, на налоги и пошлины ЕС и стран-участниц, причем в силу прямого указания в законе «деяние может быть совершено также относительно таких товаров, импорт, экспорт или транзит которых запрещен», т.е. налогом облагается и незаконный оборот товаров [3, с. 78].

Уклонение от уплаты таможенных платежей образует в России самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 194 УК РФ, наряду с составами уклонения от уплаты налогов, предусмотренными ст. 198 и 199 УК РФ. Следует согласиться с позицией немецкого законодателя, который объединил указанные преступления в единый состав налогового

преступления, учитывая налоговую природу таможенных платежей. Кроме того, структура таможенной пошлины и налога во многом совпадает. Принимая во внимание то, что нормы гл. 22 УК РФ производны от регулятивного законодательства, считаем более правильным включение в предмет налоговых преступлений таможенных платежей, как это сделано в Германии.

Судебная практика крупнейших стран Запад, в том числе и Германии, свидетельствует о том, что преступления в финансовой сфере в большинстве своем являются «консенсусными», т.е. совершаются по предварительному сговору сторон (например, между субъектами налогообложения либо между ними и коррумпированными представителями власти). При этом используются как несовершенство законодательных актов и «помощь» коррумпированных чиновников, так и традиционные способы уклонения от уплаты налогов путем сокрытия доходов, проведения сложных межбанковских комбинаций и многоканальной «трассировки» денег в различные сферы теневой экономики. При этом отмечается сложность документирования и формирования доказательственной базы подобных преступлений, поскольку основные участники противоправных действий глубоко законспирированы, а их действия, как правило, тщательно спланированы и хорошо организованы [5, с. 416].

В случае умышленного уклонения налогоплательщика от исполнения своих обязанностей по уплате налогов с использованием незаконных приемов и способов методы налогового администрирования, как правило, оказываются малоэффективными. Возможности налоговых органов в деле борьбы с этим общественно опасным явлением довольно ограничены, т.к. они обычно не наделены полномочиями по выявлению, пресечению и расследованию налоговых преступлений. Поэтому в целом ряде стран выполнение правоохранительной функции в сфере налогообложения возлагается на специальные органы налоговых (финансовых) расследований [6, с. 151].

В Германии налоговыми преступлениями занимается служба налогового розыска, состоящая в структуре налоговых органов для преследования налоговых преступников – Штойфа (нем. Steuerfahndung, Steufa). Подобные подразделения существовали в Германии достаточно давно, однако должную правовую регламентацию своей деятельности налоговый розыск получил лишь в 1977 г. с принятием «Закона об общем порядке налогообложения». В соответствии с § 208 указанного закона в задачи налогового розыска входят расследование налоговых преступлений и правонарушений и защита фискальных интересов государства. В процессе расследования налоговых преступлений сотрудники Штойфы обязаны

выявлять сокрытые доходы и принимать все необходимые меры для обеспечения уплаты с них налогов [6, с. 155]. Налоговые службы ФРГ наделены обширными полномочиями правоохранительных органов, являясь специализированной полицейской службой.

В Германии не проводится четкого разделения между уголовно-процессуальными и оперативно-разыскными мероприятиями [7, с. 61]. Деятельность, проводимая полицией по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, подразделяется на два основных вида: деятельность, связанная с проведением мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, и деятельность, не связанная с таким ограничением, этим она существенно отличается от деятельности полицейских структур России.

Поводами для начала деятельности органов налогового розыска служат, прежде всего, сведения о несоответствии доходов и расходов, показания, часто анонимные, уволенных сотрудников, разведенных супругов и «злых» соседей, связь с другими преступлениями [2, с. 25].

Одним из распространенных приемов, применяемых органами налогового розыска для выявления фактов сокрытия доходов, является сопоставление доходов и расходов налогоплательщика на определенные даты. Это позволяет сопоставить указанную в налоговой декларации общую сумму доходов с реальным имущественным состоянием налогоплательщика. Для этого подсчитываются крупные приобретения налогоплательщика за определенный период, такие как покупка недвижимого и движимого имущества, капиталовложения, ценные бумаги и т.п., после чего сравниваются с указанными в налоговой декларации официальными доходами за тот же период.

В основе расчета прироста имущества лежит аксиома о том, что увеличение состояния налогоплательщика за определенный период может произойти только за счет доходов, подлежащих обложению налогом, если не было активов распоряжения имуществом частного характера [2, с. 26].

Кроме того, если при проверке декларации будет установлено, что годовой доход семьи и сумма расходов на приобретение движимого и недвижимого имущества примерно равны, налоговые органы проверяют, хватит ли денежных средств на оплату стоимости страховых взносов, электроэнергии, пользования автомобилем и ведения домашнего хозяйства. В случае установления недостаточности оставшейся суммы налогоплательщик приглашается для выяснения причин расхождения.

При проведении финансовых расследований налоговые службы используют такие методы, как опрос свидетелей из окружения подозреваемого лица, перлюстрация почтовых отправок

ний, прослушивание телефонных переговоров, привлечение платных информаторов. Кроме того, наряду с гласными процессуальными мероприятиями активно используются в рамках, установленных законодательством, различные негласные формы и методы деятельности, среди которых можно назвать такие, как негласное полицейское наблюдение, использование различных категорий конфиденентов из числа граждан, внедрение в преступные группы специально подготовленных сотрудников полиции, электронное наблюдение, растровый розыск преступников и другие, позволяющие эффективно бороться с преступностью [7, с. 5]. Налоговая полиция наделена исключительным правом изъятия документов и получения необходимых ей сведений практически из всех государственных и частных учреждений страны, за исключением некоторых специальных служб [1, с. 181]. Штойфа имеет право контроля за деятельностью всех кредитно-финансовых институтов, что в ряде других стран рассматривается как нарушение банковской тайны.

Подобное наделение налоговых служб отдельными правами и функциями правоохранительных органов позволяет существенно повысить эффективность финансового контроля в области налогообложения. Кроме того, взаимодействие налоговых служб с правоохранительными органами и спецслужбами по линии обмена информацией способствует заметной активизации борьбы с иными преступлениями.

Следует отметить, что в налоговом законодательстве Германии не действует принцип презумпции невиновности и бремя доказывания всегда лежит на налогоплательщике, который лишен при этом права на отказ в предоставлении сведений, могущих быть использованными против него в ходе судебного разбирательства.

Тотальный финансовый контроль над денежными операциями населения со стороны налоговых служб и правоохранительных органов Германии стал возможен на основе бурного развития систем безналичных расчетов с широким использованием электронно-вычислительной техники. Основной формой платежа в Германии является использование пластиковых кредитных карт. Указанное обстоятельство значительно затрудняет оборот финансовых средств в «теневом» секторе экономики, вынуждая представителей теневого бизнеса изыскивать новые способы легализации доходов, полученных незаконным путем.

Жители Германии, имеющие высокие доходы, стремятся уклониться от налогообложения, официально переезжая из Германии в другие страны с более мягким налоговым режимом, например Бельгию, но продолжая осуществлять профессиональную деятельность на

территории Германии [2, с. 25]. Однако сотрудники налогового розыска идут по следу налоговых мошенников: они измеряют толщину снега на припаркованных на тренировочной площадке в Кельне машинах проверяемых лиц, якобы проживающих в Бельгии и делают вывод, что за время поездки из Бельгии снег должен был давно растаять. По счетчикам электроэнергии и воды проверяют их действительное проживание в Бельгии. В результате налоговые органы требуют уплаты полной суммы налогов с миллионеров, действительно или для видимости проживающих за границей, но работающих в Германии. Некоторые спортсмены, артисты, писатели, не желая платить 25%-ный налог со своих доходов, вообще избегают поездок в Германию [8, с. 129].

Служба налогового розыска Германии при осуществлении преследования за совершение налоговых преступлений самостоятельно занимается определением размеров налогооблагаемой базы, без передачи материалов в контрольные органы. Кроме того, она имеет право заниматься определением размера налоговой ответственности в связи с налоговыми преступлениями даже в том случае, когда срок давности по преступлениям уже истек.

Развитая банковская система, наличие соответствующих статистической и аналитической баз, высокий уровень компьютеризации налоговых служб способствуют эффективной работе налогового контроля за соответствием доходов и расходов граждан, играющих большую роль в бюджетных поступлениях Германии.

Анализ деятельности службы налогового розыска Германии в последние годы дает основание считать, что накопленный ею положитель-

ный опыт, с учетом того, что западные страны намного превосходят Россию в организационном, финансовом, техническом отношении, может быть использован в нашей стране, стоящей на пути реформирования своей налоговой системы, для совершенствования законодательства и практической деятельности органов по выявлению и пресечению преступлений, связанных с уклонением налогов.

Эффективные приемы и способы выявления, раскрытия и расследования налоговых преступлений службы налогового розыска могут быть использованы в российской практике. К их числу могут быть отнесены следующие: создание единого специализированного органа налоговых (финансовых) расследований, правомочного самостоятельно заниматься определением размера налогооблагаемой базы в случае налоговых преступлений и нарушения правил взимания и уплаты налогов, без передачи материалов в контрольные органы; возложение бремени доказывания по делам о налоговых преступлениях на налогоплательщика; проведение негласных целенаправленных следственных мер по выявлению и раскрытию замаскированных форм преступной деятельности, выбор оптимальных путей сочетания гласных и негласных методов раскрытия и расследования преступлений; налаживание системы обмена информацией со всеми заинтересованными подразделениями в сфере налогообложения, в том числе наделение исключительным правом изъятия документов и получения необходимых сведений из государственных и частных учреждений страны; наделение правом контроля за деятельностью всех кредитно-финансовых институтов и т.д.

1. Богославец Т.Н. Особенности налоговой системы Германии // *Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика»*. 2010. № 4.

2. Капля В.А. *Налоговые преступления. Выявление и документирование: учеб. пособие*. Ростов н/Д, 2012.

3. Грибов А.С. *Особенности дифференциации ответственности за экономические преступления в уголовном праве России, ФРГ и США / под науч. ред. Л.Л. Кругликова*. М., 2013.

4. Клепицкий И.А. *Система хозяйственных преступлений*. М., 2005.

5. Соловьев И.Н. *Налоговые преступления и преступность*. М., 2006.

6. Кучеров И.И. *Налоговые преступления (теория и практика расследования)*. 2-е изд., перераб. М., 2011.

7. Сокол В.Ю., Бураков В.В., Останин В.В. *Особенности борьбы с преступностью в Германии: учеб. пособие*. Краснодар, 2009.

8. Котке К. *Грязные деньги*. М., 2005.

1. Bogoslavets T.N. *Features of the tax system in Germany* // *Bull. of Omsk university. Ser. «Economy»*. 2010. № 4.

2. Kaplya V.A. *Tax crimes. Identification and documentation: study aid*. Rostov-on-Don, 2012.

3. Gribov A.S. *Features differentiation of responsibility for economic crimes in criminal law of Russia, Germany and the United States / sci. ed. by L.L. Kruglikov*. Moscow, 2013.

4. Klepitsky I.A. *The system of economic crimes*. Moscow, 2005.

5. Solovyov I.N. *Tax crimes and delinquency*. Moscow, 2006.

6. Kucherov I.I. *Tax crimes (the theory and practice of investigation)*. 2nd ed., rev. Moscow, 2011.

7. Sokol V.Yu., Burakov V.V., Ostanin V.V. *Features the fight against crime in Germany: study aid*. Krasnodar, 2009.

8. Kotke K. *Dirty money*. Moscow, 2005.

Занина Татьяна Митрофановна

кандидат юридических наук, профессор,
 профессор кафедры административного права
 Воронежского института МВД России
 (тел.: +74732005299)

Крицкая Маргарита Сергеевна

адъюнкт кафедры административного права
 Воронежского института МВД России
 (e-mail: rita.smolyaninova.90@mail.ru)

Проблемы и перспективы реализации концепции общественной оценки деятельности полиции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности

В статье рассматриваются правовые основы и критерии общественной оценки деятельности полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Особое внимание уделяется оценке деятельности патрульно-постовой службы полиции, а также оценке охраны правопорядка при проведении массовых мероприятий.

Ключевые слова: открытость, публичность, общественное доверие, общественное мнение, патрульно-постовая служба, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности.

T.M. Zanina, Master of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +74732005299;

M.S. Kritskaya, Adjunct of the Chair of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: rita.smolyaninova.90@mail.ru

Problems and prospects of public evaluation concept implementing in the sphere of public order and public safety protection by police

The article deals with the legal foundations and criteria of public evaluation of order and public security protection by police. Particular attention is paid to the patrol police service evaluation and mass events law enforcement.

Key words: openness, publicity, public trust, public opinion, patrol, public order protection, public security protection.

Проведенная административная реформа полиции среди новшеств правового регулирования ее деятельности особо выделяла принцип общественного доверия и поддержки граждан, который подразумевал, что:

1) полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан;

2) действия сотрудников полиции должны быть обоснованными и понятными для граждан;

3) в случае превышения полномочий либо нарушения чьих-либо прав и свобод сотрудник полиции приносит извинения, принимает иные восстановительные меры;

4) МВД России проводит постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества;

5) общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел;

6) решения наиболее важных вопросов деятельности полиции и согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных институтов и государственных органов осуществляется, в том числе,

создаваемыми при МВД России и его территориальных органах общественными советами.

Сложилась ситуация, при которой приказ МВД России от 1 января 2009 г. №1 [1], утверждающий Концепцию совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел РФ со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009–2014 гг., трактует информационную открытость полиции более узко, нежели Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2]. В частности, разд. II данной концепции среди ее целей вообще не называет формирование положительного имиджа сотрудника полиции или положительного общественного мнения о его деятельности, а декларирует лишь:

а) развитие взаимодействия органов внутренних дел и внутренних войск МВД России со СМИ;

б) развитие взаимодействия органов внутренних дел и внутренних войск с общественными объединениями;

в) повышение эффективности деятельности ведомственных СМИ;

г) совершенствование организационного обеспечения взаимодействия со СМИ и общественными объединениями.

Вместе с тем, максимальная открытость – это не единственная тенденция в сфере взаимодействия общества и государства. Массовые социально-политические волнения, произошедшие в 2012 г. в Москве, а также события 2014 г. в Украине, когда на волне социальных протестов был осуществлен государственный переворот, на наш взгляд, однозначно указали на две основные проблемы, связанные с учетом общественного мнения в качестве критерия оценки деятельности органа исполнительной власти.

Во-первых, современные информационно-коммуникационные технологии позволяют достаточно эффективно манипулировать общественным мнением, создавая нужную и не всегда правдивую идею. Недаром ученые-социологи предлагают через общественное мнение о полиции оценивать не только деятельность органов внутренних дел, но и уровень правовой культуры самого социума [3].

Во-вторых, следует согласиться с учеными, которые указывают на простую закономерность: применение сотрудниками полиции мер принуждения и ярко выраженный карательный характер деятельности ОВД вряд ли позволят сформировать действительно позитивное

мнение о ней в условиях низкого массового правосознания населения, при принятии значительной частью населения норм жизни криминалитета [4].

Однако стоит ли отказываться от идеи учета общественного мнения? Полагаем, этого делать не надо, достаточно конкретизировать объект, субъект и способ оценки, а также уточнить специфику сферы оценки. Попытаемся провести подобную градацию, взяв за основу комплексную правоохранительную функцию полиции – охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Наибольшая нагрузка в этой сфере возлагается на строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП), в связи с чем, в первую очередь, следует обратиться к двум основополагающим для ППСП приказам МВД России от 29 января 2008 г.: № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [5] (утверждает Устав патрульно-постовой службы полиции) и № 81 «Об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах» [6] (утверждает Наставление об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах).

Устав патрульно-постовой службы полиции детализирует положения федерального законодательства, определяя основные задачи и функции строевых подразделений ППСП. К первым отнесены обеспечение правопорядка в общественных местах и обеспечение безопасности личности, а также выявление, пресечение и профилактика совершения правонарушений в ходе несения службы. К функциям ППСП отнесены защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан от противоправных посягательств; оказание помощи гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для жизни и здоровья, и др.

Знания основных направлений деятельности ППСП недостаточно для формирования системы общественной оценки контрольно-надзорной деятельности полиции в сфере обеспечения правопорядка, т.к. многие из перечисленных функций имеют внутрисистемный или организационный характер и априори

не могут быть оценены гражданами объективно. Для максимально четкой формулировки основных показателей общественного доверия к деятельности ППСП необходимо обратиться к показателям ведомственной статистики. В соответствии с ч. 131 Устава ППС при оценке результатов деятельности подразделений ППСП учету и анализу подлежат следующие позиции (критерии):

1. Преступления, совершенные в зонах ответственности постов и маршрутов патрулирования нарядов.

2. Выявляемые сотрудниками ППСП преступления и административные правонарушения.

3. Количество задержанных лиц, скрывавшихся от следствия и суда.

4. Данные о состоянии дисциплины и соблюдении законности сотрудниками подразделений ППСП, а также меры, принимаемые по предупреждению их нарушения.

5. Предложения организаций, общественных объединений и граждан, касающиеся обеспечения правопорядка в общественных местах.

Особое внимание следует обратить на положения п. 139 Устава ППСП, в соответствии с которым работа отдельного наряда оценивается с учетом сравнительных статистических и динамических показателей, экспертных оценок состояния правопорядка на территории, обслуживаемой нарядом, его активности в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений, дисциплины при несении службы и состояния законности действий наряда. Принимая во внимание внедряемую концепцию учета общественного мнения, считаем несправедливым исключение из перечня показателей эффективности работы наряда ППСП общественной оценки.

Полагаем, эта норма должна иметь следующую редакцию: «Работа подразделения ППСП, а равно и отдельного наряда оценивается совокупностью ведомственной и общественной оценки деятельности. Ведомственная оценка осуществляется в соответствии с методиками и требованиями нормативных актов МВД России с учетом сравнительных статистических и динамических показателей, экспертных оценок состояния правопорядка на территории, обслуживаемой нарядом, его активности в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений, дисциплины при несении службы и состояния законности действий наряда. Общественная оценка формируется посредством учета общественного мнения

относительно эффективности контрольно-надзорной деятельности полиции в сфере охраны правопорядка в общественных местах».

Критерии ведомственной оценки закреплены в пп. 139.1–139.3 рассматриваемого Устава и распределяются по трем основным группам:

1. Состояние правопорядка в общественных местах.

2. Активность в предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений.

3. Дисциплина при несении службы и состояние законности действий наряда ППСП.

Перечисленные критерии, на первый взгляд, достаточно полно отражают специфику деятельности ППСП и позволяют объективно оценить ее деятельность. В таком случае целесообразно ли вообще вводить дополнительную систему общественной оценки? Да, целесообразно и жизненно необходимо. Внедрение такой системы позволит, во-первых, укрепить доверие населения к полиции, т.к. своим волеизъявлением любой гражданин сможет самостоятельно повлиять на оценку работы, указав на выявленные им недочеты. Во-вторых, сложившаяся много лет назад система ведомственной оценки не всегда учитывает показатели, значимые для обычных людей, проводящих свой досуг в общественных местах. Наконец, в-третьих, наличие независимой общественной оценки будет способствовать искоренению случаев формального исполнения служебных полномочий, при котором сотрудник не заинтересован в реальной помощи обратившемуся гражданину. Например, нередко к сотруднику ППСП обращаются с просьбой разъяснить маршрут следования до определенного места или рассказать о проводимых в рамках какого-либо праздника массовых мероприятиях. Кроме того, существенная часть деятельности ППСП впоследствии не квалифицируется в качестве формы противодействия совершению преступления или административного правонарушения: профилактические беседы с гражданами, разрешение семейно-бытовых конфликтов, содействие сотрудникам других служб и подразделений полиции.

Данная деятельность прямо не учитывается в ведомственной оценке, однако существенно влияет на общественное мнение о сотрудниках полиции. Иными словами, в рамках общественной оценки контрольно-надзорной деятельности полиции на основании функционального подхода следует выделять деликтную состав-

ляющую, связанную с различными формами противодействия совершению административных правонарушений и преступлений, и регулирующую составляющую, формируемую по вопросам профилактики и предупреждения правонарушений, а также по вопросам информационной, правовой и иной помощи гражданам.

В рамках деликтной составляющей необходимо выставить приоритеты таким образом, чтобы правонарушения в области общественного порядка и общественной безопасности, а также корыстно-насильственные правонарушения имели больший коэффициент по сравнению с противоправными деяниями, на предупреждение, выявление и пресечение которых сотрудники ППСП специально не ориентированы.

Доводом в пользу использования функционального подхода при общественной оценке административной деятельности полиции является тот факт, что показатели, связанные с эффективностью деятельности полиции при проведении массовых мероприятий, не могут быть использованы исключительно при оценке работы ППСП. Дело в том, что существенной проблемой при проведении исследования общественного мнения в этой сфере является вопрос отграничения характеристики работы основных, дополнительных и приданных сил обеспечения общественного порядка. Как правило, на такие мероприятия привлекаются сотрудники многих служб и подразделений полиции: полицейские ППСП, участковые уполномоченные полиции, сотрудники ОМОН и СОБР, подразделений лицензионно-разрешительной системы, вневедомственной охраны и т.д. Помимо того, при необходимости привлекаются и приданные силы – военнослужащие внутренних войск МВД России, курсанты, слушатели, преподаватели и начальствующий состав образовательных организаций системы МВД России. Следовательно, высказывая свое мнение о состоянии общественного порядка в рамках массового мероприятия, гражданин не может знать, работу сотрудника какой службы он оценивает. Поскольку ответственность за охрану правопорядка при проведении массовых мероприятий несет руководитель оперативного штаба (как правило, руководитель территориального ОВД), то и общественная оценка этой работы должна непосредственно влиять на общественную оценку деятельности соответствующего органа внутренних дел. Предложенная нами модель оценки достаточно универсальна

в этом контексте – общественное мнение относительно эффективности обеспечения правопорядка при проведении массового мероприятия имеет унифицированный характер и может быть проанализировано с учетом полученных ведомственных показателей.

Далее следует определиться с субъектом оценки посредством учета общественного мнения. На наш взгляд, следует провести выборку опрашиваемых респондентов, положив в ее основу принципы информированности, вовлеченности и квалифицированности. Раскроем эти принципы более детально.

Информированность связана с наличием у субъекта полной и достоверной информации о деятельности участкового уполномоченного. Нецелесообразно, на наш взгляд, полагаться на домыслы лица, основанные на продукции СМИ и рассказах третьих лиц. Отметим, что речь не идет о заинтересованности субъекта в положительной оценке; мнение может быть и негативным, но обязательно информированным и обоснованным. В противном случае, как справедливо отмечают исследователи, органы внутренних дел могут быть дезинформированы относительно реального отношения общественности к полиции, что негативно будет влиять на всю систему государственного управления в сфере внутренних дел [7].

Под вовлеченностью следует понимать формирование общественного мнения по итогам собственного участия в той или иной роли в исполнении государственной функции. Принцип квалифицированности подразумевает наличие у оценивающего субъекта понимания содержания задаваемого вопроса, а также его адекватное психофизиологическое состояние.

Таким образом, с учетом вышесказанного к субъектам оценки деятельности ППСП следует отнести:

лиц, имевших опыт общения с сотрудниками ППСП в ходе несения ими службы на постах и маршрутах патрулирования (источник информации – служебная документация ППСП);

лиц, в отношении которых должностным лицом ППСП составлен протокол об административном правонарушении (источник информации – документация подразделений по исполнению административного законодательства);

лиц, в отношении которых должностным лицом ППСП применена мера обеспечения по делам об административных правонарушениях

ях (источник информации – документация подразделений по исполнению административного законодательства);

иных участников административного процесса по делам об административных правонарушениях (источник информации – документация подразделений по исполнению административного законодательства);

участников производства по уголовным делам о преступлениях, выявленных или раскрытых сотрудниками ППСП (источник информации – штабные и учетные подразделения ОВД);

лиц, обратившихся с заявлениями, жалобами и рекомендациями к должностным лицам ППСП, а также лиц, обратившихся в полицию с заявлением (сообщением), по которым в результате первоначальной проверки сотрудниками ППСП принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела или дела об административном правонарушении (источник информации – дежурная часть ОВД).

Наконец, внимания заслуживает способ оценки деятельности органа государственной власти. В соответствии с Федеральным законом «О полиции» мониторинг и учет общественного мнения осуществляет специализированное подразделение ОВД. Полагаем, создание подобных органов излишне. С тем же успехом можно было бы создать в структуре МВД России адвокатское бюро и рассчитывать на объективность его сотрудников. На наш взгляд, достаточно было бы передавать перечень опрашиваемых лиц и интересующие вопросы профессиональным независимым социологам. При этом следует жестко урегулировать «ротацию» осуществляющих мониторинг общественного мнения организаций, а также порядок оплаты их труда.

Подводя итог сказанному в работе, к основным критериям общественной оценки контрольно-надзорной деятельности ППСП в сфере обеспечения правопорядка в общественных местах следует отнести:

1. Деликтный модуль:

1.1. Состояние правопорядка в общественных местах:

наличие (отсутствие) преступлений против общественного порядка;

наличие (отсутствие) преступлений против жизни и здоровья;

наличие (отсутствие) преступлений против собственности;

наличие (отсутствие) преступлений иных категорий;

наличие (отсутствие) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность;

наличие (отсутствие) административных правонарушений в области охраны собственности;

наличие (отсутствие) административных правонарушений иных категорий.

1.2. Пресечение преступлений и административных правонарушений:

законность и обоснованность действий сотрудников полиции при пресечении преступлений и административных правонарушений;

своевременность действий сотрудников полиции при пресечении преступлений и административных правонарушений;

полнота действий сотрудников полиции при пресечении преступлений и административных правонарушений.

2. Регулирующий модуль:

2.1. Предупреждение и профилактика преступлений и административных правонарушений:

законность и обоснованность мер по предупреждению и профилактике преступлений и административных правонарушений, иных последствий реализации угроз общественной безопасности;

своевременность мер по предупреждению и профилактике преступлений и административных правонарушений, иных последствий реализации угроз общественной безопасности;

полнота мер по предупреждению и профилактике преступлений и административных правонарушений, иных последствий реализации угроз общественной безопасности;

2.2. Помощь гражданам и дисциплина при несении службы:

соответствие поведения сотрудника полиции этическим нормам;

соответствие внешнего вида сотрудника полиции этическим нормам;

компетентность сотрудников полиции по вопросам, не связанным с выявлением, пресечением и профилактикой правонарушений;

своевременность и полнота оказываемой помощи гражданам по вопросам, не связанным с выявлением, пресечением и профилактикой правонарушений.

1. Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009–2014 годы: приказ МВД России от 1 янв. 2009 г. № 1. Доступ из справ. системы «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257023> (дата обращения: 15.04.2015).

2. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; № 27. Ст. 3880.

3. Зуева О.В., Васильева Е.Н. Общественное мнение о деятельности полиции: практика исследования // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1. С. 52–59.

4. Рыдченко К.Д. Некоторые вопросы организации органами внутренних дел правового воспитания населения // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Краснодар. ун-т МВД России; ВНИИ МВД России. Краснодар, 2012. Т. II. С. 140–146.

5. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 янв. 2008 г. № 80 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.

6. Об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах: приказ МВД России от 29 янв. 2008 г. № 81 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.

7. Рыдченко К.Д. Актуальные вопросы защиты органов внутренних дел от оборота недостоверной информации // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2011. С. 210–212.

1. About approval of the Concept of improving cooperation between divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the media and public associations for 2009–2014: order of the Ministry of the Interior of Russia of Jan. 1, 2009 № 1. Access from the law system «Garant». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257023> (date of access: 04.15.2015).

2. About police: fed. law of Febr. 7, 2011 № 3-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

3. Zueva O.V., Vasilyeva E.N. Public opinion on the activities of the police: the practice of research // Bull. of Volgograd state university. Ser. 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2014. № 1. P. 52–59.

4. Rydchenko K.D. Some questions of the organization by the internal affairs bodies of the legal education of the population // Administrative and legal regulation of law enforcement activity: theory and practice: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. / Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia; Natuonal research institute of the Ministry of the Interior of Russia. Krasnodar, 2012. Vol. II. P. 140–146.

5. The organization of the activities of combatant units patrol police: order of the Ministry of the Interior of Russia of Jan. 29, 2008 № 80 // Bull. of normative acts of the federal bodies of executive power. 2008. № 27.

6. The organization of complex use of forces and means of the Interior of the Russian Federation to ensure law and order in public places: order of the Ministry of the Interior of Russia of Jan. 29, 2008 № 81 // Bull. of normative acts of the federal bodies of executive power. 2008. № 27.

7. Rydchenko K.D. Topical issues of protection of the internal affairs from the turnover of false information // Crime in CIS: problems of prevention and detection of crimes: proc. of the Intern. sci. and pract. conf. Voronezh, 2011. P. 210–212.

Дмитриев Сергей Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: dsdps@yandex.ru)

Система транспортной безопасности нуждается в оптимизации

Рассматриваются проблемы и базовые принципы транспортной безопасности, новации в ее правовом регулировании. Отмечается, что нормативные правовые акты не должны создавать необоснованных препятствий для осуществления перевозок грузов, пассажиров и работы экипажей транспортных средств.

Ключевые слова: транспортная безопасность, законодательство в области транспорта, меры безопасности.

S.N. Dmitriev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dsdps@yandex.ru

Transport security system needs to be optimized

The article deals with the problem of security in the transport sector, the basic principals of the transport security. Security measures and procedures shall in the transport sector shall applied at the transport facility in such a manner as to cause a minimum of interference with, or delay to, passengers, vehicles, vehicles personnel.

Key words: transport security, transport laws, security measures.

Признаюсь, я полагал, что после успешного окончания зимней Олимпиады в Сочи будут смягчены чрезмерно жесткие требования к хозяйствующим субъектам в отношении обеспечения ими так называемой «транспортной безопасности» (ТБ). К сожалению, этого не произошло. Более того, по данным Минтранса, МВД, ФСБ и других ведомств России созданная в нашей стране система транспортной безопасности продолжает «развиваться и действует эффективно», усилена ответственность за нарушение «порядков и правил, установленных в области обеспечения ТБ» (см. ст. 11.15.1. и ст. 11.15.2. КоАП РФ, ст. 263¹ УК РФ); утверждается, что «к настоящему времени Россия первой в мире реализовала комплексную программу обеспечения безопасности населения на транспорте» [1, с. 5]. Ни одна другая страна не может себе позволить ничего подобного, хотя уровень соответствующих угроз здесь нередко значительно выше, чем в России и именно эти страны в свое время были инициаторами формирования системы ТБ (см., например: The International Ship and Port Facility Security (ISPS) Code: adopted on 12 December 2002, by resolution 2 of the Conference of Contracting Governments to the International Convention for the Safety of Life at Sea).

Исследования, проведенные нами в 2012–2015 гг., показывают, что одновременно с этим растет недовольство владельцев и сотрудников большинства транспортных предприятий, поскольку они вынуждены идти на дополнительные затраты, связанные с реализацией мер, которые не имеют отношения к ТБ как таковой [2–5]. Действительно, анализ правовых установлений в области ТБ дает основания полагать, что их основной целью является не что иное, как предотвращение терактов. Аргументация инициаторов и разработчиков нормативных правовых актов антитеррористической направленности относительно проста – переживаемый Россией исторический этап является крайне сложным, и страх стать жертвой преступления занимает одно из ведущих мест в структуре гражданских тревог населения. Однако мы обязаны учесть, что нельзя стричь под одну гребенку, например, многострадальную гражданскую авиацию и автомобильный транспорт, надежная антитеррористическая защита которого практически невозможна в силу его беспрецедентной автономности и включенности практически во все процессы жизнедеятельности граждан.

Конечно, нормы международного права предусматривают, что каждое государство может

при определенных обстоятельствах усиливать систему безопасности по своему усмотрению. Но при этом следует принимать во внимание то обстоятельство, что имеющиеся средства приходится «перекачивать» из сфер эксплуатации, ремонта, технического обслуживания транспортных средств (ТС), обеспечения безопасности дорожного движения, полетов, мореплавания и предупреждения производственного травматизма (где количество погибших и пострадавших исчисляется десятками тысяч) в область борьбы с терроризмом. Причем это сопровождается существенным сокращением объема грузооборота. И не мудрено, поскольку, работая в большинстве случаев на пределе рентабельности, транспортные предприятия вынуждены расходовать триллионы рублей на обеспечение ТБ. И это не преувеличение. Например, дополнительные затраты на специальное оборудование и монтажные работы в одном пассажирском автобусе составят не менее 140 тыс. руб., в пассажирском железнодорожном вагоне – более 1,2 млн руб. В целом же для реализации требований по обеспечению ТБ, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и ТС, только для ОАО «РЖД» в текущем году дополнительно потребуется 570 млрд руб. (стоимость двух мостов на полуостров Крым), для авиакомпании «Трансаэро» – 23 млрд руб., для ОАО «Барнаулский автовокзал» – 5,6 млрд руб. и т.п. Невероятно, но факт – расходы по обеспечению ТБ в аэропортах 1-й категории в 2014 г. составили от 61% до 99% от их доходов, а на аналогичных предприятиях 2-й категории даже превысили доходы на 30% [6, с. 1; 7, с. 8]!

«Пока гром не грянет – мужик не перекрестится» – это, на наш взгляд, вполне разумный и допустимый алгоритм поведения хозяйствующих субъектов некоторых сфер транспорта, поскольку система обеспечения государственной и общественной безопасности России и без того гипертрофирована. Разумеется, нет предела и ее совершенству, но надо считаться с существующими ресурсными ограничениями и сложившимися реалиями. Например, с момента развала СССР ни в одном из морских портов России не было зарегистрировано ни единого теракта, чего, к сожалению, нельзя сказать о десятках тысяч аварий и несчастных случаев, происшедших вследствие «прозаических» эксплуатационных правонарушений и многочисленных дефектов производственной инфраструктуры. Были теракты на железнодорожном

транспорте, но в сотни раз больше аварий с тяжкими последствиями здесь происходило и происходит вследствие отвратительного качества новых вагонов и неквалифицированных действий персонала, обслуживающего пути.

Наши оппоненты из «силовых» ведомств утверждают, что ими ежегодно фиксируются тысячи так называемых «актов незаконного вмешательства – противоправных действий или бездействий, угрожающих безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекших за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавших угрозу наступления таких последствий» (АНВ) (см. ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (в редакции 2014 г.) «О транспортной безопасности»). Согласно пресс-релизам ведомств на объектах транспорта были пресечены несколько тысяч АНВ, в том числе имеющих некие «признаки террористической направленности». Но впечатляющие статистические данные о количестве задержаний подозреваемых и правонарушителей – это одно, а правильная правовая квалификация деяний и процессуальное доказательство преступных намерений – совершенно иное. В материалах административных расследований по фактам АНВ преимущественно фигурируют: несанкционированный проход и проезд по территории объектов, передача персоналу объектов вполне безобидных вещей бытового характера, мелкие кражи, распитие алкогольных напитков и другие правонарушения, не имеющие отношения к утвержденному перечню потенциальных угроз совершения АНВ (угрозы захвата, взрыва, размещения взрывных устройств, поражения опасными веществами, блокирования объекта, а также хищения элементов транспортной инфраструктуры, которое может привести их в негодное для эксплуатации состояние, угрожающее жизни или здоровью персонала, пассажиров и других лиц) [8].

Разрастание системы ТБ обуславливает стремление госучреждений, привлекаемых в качестве разработчиков, исполнителей, экспертов и координаторов тех или иных мероприятий, предусмотренных федеральными либо региональными программами, решать под эгидой транспортной безопасности лишь те задачи, которые в наибольшей мере отвечают их собственным потребностям и позволяют получить дополнительные кадровые, материально-технические ресурсы, а также укрепить свой административно-правовой статус. Организационно-структурная независимость и

узкая специализация данных учреждений в условиях относительной автономии на различных этапах функционирования объективно порождают множество противоречий между ними и интересами транспортной системы в целом. И это не случайно. Например, в ряду органов, обеспечивающих ТБ авиапредприятий, мы видим подразделения ФГУП УВО Минтранса РФ, линейные органы полиции, вневедомственную охрану МВД РФ, службу авиационной безопасности аэропортов. На многих железнодорожных вокзалах вы обязательно встретитесь с группами досмотра пассажиров и багажа, работу которых сопровождают сотрудники полиции, ведомственной охраны РЖД, частных охранных предприятий и даже казачьих формирований. В дополнение к традиционным объектам транспортникам приходится сооружать и содержать дорогостоящие зоны досмотра, сами по себе создающие опасные скопления людей; возводить заборы вокруг железнодорожных и автомобильных вокзалов, тем самым увеличивая число возможных жертв при пожарах и взрывах, осложняя проведение последующей эвакуации и спасательных работ; монтировать на объектах и ТС специальное оборудование, стоимость которого нередко превышает остаточную стоимость самих объектов. При этом они обязаны уметь «выявлять неподготовленного (?) нарушителя в реальном времени на всем периметре внешних границ зоны транспортной безопасности и критических элементов ОТИ»; «образовать подразделения транспортной безопасности для защиты объектов, включая группы быстрого реагирования, специально оснащенные для круглосуточного выполнения своих задач по реагированию на подготовку совершения или совершение АНВ в зоне транспортной безопасности и на критических элементах объектов»; «передавать выявленных нарушителей представителям МВД одновременно в любых двух участках зоны транспортной безопасности и зоны свободного доступа на объект в течение 15 минут с момента их задержания» и т.д. и т.п. (см., например: Требования по обеспечению транспортной безопасности, учитывающие уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, утвержденные приказом Минтранса России от 8 февраля 2011 г. № 41; Требования по обеспечению транспортной безопасности, учитывающие уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспорт-

ных средств железнодорожного транспорта, утвержденные приказом Минтранса России от 8 февраля 2011 г. № 43 и др.).

Под воздействием мощного лобби «силовиков» понятие «безопасность общества и государства» во все большей степени возвращает себе былой сакральный смысл и вынуждает сугубо гражданские ведомства изощряться в проявлении бдительности и рвения на зависть офицерам спецназа. Недавно Правительство и Минтранс России «порадовали» очередным пакетом новейших требований в части отбора и профессиональной подготовки лиц, имеющих отношение к обеспечению ТБ в хозяйствующих субъектах. Например, отныне к качествам, «необходимым для достижения приемлемых показателей в конкретной профессиональной деятельности» сотрудников причислены:

интеллектуальное развитие, способность к логическим суждениям и умозаключениям, к четкому изложению информации в устной и письменной формах;

эмоциональная устойчивость, уравновешенность, самоконтроль поведения и внешних проявлений эмоций, эмоциональная зрелость; высокий уровень волевой регуляции поведения, энергичность, выдержка, смелость, решительность, настойчивость, целеустремленность, высокая работоспособность;

внутренняя организованность, исполнительность, дисциплинированность, чувство долга и ответственность;

высокий уровень правосознания и нравственных убеждений, честность, принципиальность, соблюдение норм общественной морали;

зрелость личности, способность брать на себя ответственность за принятие решения, за свои действия и поступки;

умение определять приоритеты и последовательность решения проблем;

самостоятельность, уверенность в своих силах при высоком уровне самокритичности;

адекватная самооценка, устойчивая мотивация к достижению успеха на основе самореализации и саморазвития в конкретной профессиональной деятельности;

стрессоустойчивость в экстремальных ситуациях и т.п. (приказ Минтранса России от 31 июля 2014 г. № 212 «Об утверждении Порядка подготовки сил обеспечения транспортной безопасности»; приказ Минтранса России от 21 августа 2014 г. № 231 «Об утверждении Требования к знаниям, умениям, навыкам сил обеспечения ТБ, личностным (психофизиологическим) качествам, уровню физической под-

готовки отдельных категорий сил обеспечения ТБ, включая особенности проверки соответствия знаний, умений, навыков сил обеспечения ТБ, личностных (психофизиологических) качеств, уровня физической подготовки отдельных категорий сил обеспечения ТБ применительно к отдельным видам транспорта»; приказ Минтранса России от 25 сентября 2014 г. № 269 «Об утверждении Порядка проверки субъектов транспортной инфраструктуры, перевозчиков, застройщиков объектов транспортной инфраструктуры с использованием тест-предметов и тест-объектов органами государственного контроля (надзора) во взаимодействии с уполномоченными представителями органов федеральной службы безопасности и (или) органов внутренних дел Российской Федерации или уполномоченных подразделений указанных органов»; постановление Правительства РФ от 15 ноября 2014 г. № 1209 «О специальных средствах, видах, типах и моделях служебного огнестрельного оружия, патронов к нему и нормах обеспечения ими работников подразделений транспортной безопасности и об утверждении Правил приобретения, хранения, учета, ремонта и уничтожения специальных средств, используемых работниками подразделений транспортной безопасности»).

К тому же данный контингент должен обладать безукоризненной физической подготовкой, которая должна периодически тестироваться на основе утвержденных норм (приказ Минтранса России от 8 сентября 2014 г. № 243 «Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ в области подготовки сил обеспечения ТБ»).

Впечатляет! «Войны выигрывают учителя», – говаривал незабвенный О. Бисмарк. Однако где объективные оценки реальных возможностей повсеместного выполнения указанных требований? Где найти таких достойных кандидатов и, главное, какую зарплату и за чей счет им предложить? На практике в подавляющем большинстве случаев реализация подобных мероприятий носит сугубо имитационный характер – на объектах разработаны и утверждены соответствующие планы обеспечения ТБ, сформирован и направлен на длительное и дорогостоящее обучение персонал, имеются соответствующие системы дистанционного наблюдения. Но где соответствующая инфраструктура? Следуя современным требованиям защищенности объектов (общего пользования!) мы обязаны строить чуть ли не средневековые замки с высоченными стенами, баш-

нями и рвами. В противном случае остальные компоненты системы ТБ теряют смысл. Сейчас при желании Вы можете: проникнуть в морской порт на скоростном гидроцикле, пароплане или используя акваланг; беспрепятственно пройти на железнодорожную станцию со стороны путей, «подныривая» по вагоны, преодолев примитивные ограждения, минуя «рамки», аппаратуру досмотра багажа, десятки дотошных досмотрщиков, охранников, полицейских и т.п. Лица, заинтересованные в совершении терактов или суицида с использованием ТС общего пользования, могут относительно легко устроиться на работу в той или сфере транспортного комплекса, используя современные возможности легализации своего пребывания или проживания в любом регионе Российской Федерации. И никакие кадровые «фильтры» здесь не помогут, если тот или иной индивид не попадал в соответствующие базы данных правоохранительных органов.

Попытаемся ответить на вопрос: если в переполненных пригородных поездах России нередко свыше 50% пассажиров составляют «зайцы» с многолетним стажем, то насколько эффективна система контроля допуска лиц, перевозимых по железным дорогам? Несмотря на введение дорогостоящей Единой централизованной государственной автоматизированной информационной системы обеспечения ТБ, предполагающей ведение обязательного учета персональных данных о пассажирах различных видов транспорта (см. ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О транспортной безопасности»), любой из вас может свободно переехать из одного региона страны в другой, уплатив за проезд непосредственно водителю автобуса и минуя всяческую регистрацию. Как оградить морские суда и причалы от АНВ, когда служба капитана порта, на которую законом возложена охрана акватории (см. ст. 76 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (с изменениями и дополнениями); ст. 11 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ст. 9 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О транспортной безопасности»), до сих пор не имеет ни сил ни средств для решения данной задачи? Примеров превращения «китайских стен ТБ» в фикции несть числа.

В последнее время среди представителей силовых структур стало модным апеллировать к известному высказыванию императора Александра III о том, что у России есть только лишь два союзника – могучие армия и флот. Согласиться с этим невозможно, поскольку оба названных компонента являются прямым порождением мощной экономики страны и, в частности, ее коммуникационной сферы, включая транспорт. Мы обязаны считаться с тем, что в отличие от «силовиков», в основном пребывающих в режиме «ожидания возможных эксцессов», транспортникам приходится ежедневно заниматься не только обеспечением экономической эффективности собственного труда, но и выполнять огромное количество предписаний по вопросам обеспечения безопасности перевозок грузов и пассажиров, соблюдению экологических требований, а также охране собственности. И это способствует укреплению обороноспособности страны, спасению жизни и здоровья людей не меньше, чем массированная борьба с преступностью в традиционном ее понимании. Ведь в конечном итоге актуальность любой проблемы определяется числом погибших и пострадавших по той или иной причине.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что программу обеспечения ТБ налогоплательщикам приходится выполнять в непростых экономических условиях. И дело не только в санкциях ЕС и США – стагнация промышленного и сельскохозяйственного производства в России идет с 2012 г. Лидируя по величине территории и толерантности по отношению к коррупции среди европейских стран, наша страна с объемом ВВП менее 2% от общемирового является импортозависимой и ориентированной на экспорт природных ресурсов. Причем в силу ряда объективных природно-климатических и социально-экономических факторов высокотехнологичное производство в условиях рынка здесь более уязвимо, а демультимпликатор добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности пока на порядок меньше, чем в развитых странах. Чрезвычайно важно немедленно реагировать на то, что доля транспортных затрат по многим видам отечественной продукции нередко доходит до 30%. В итоге по индексу логистического обеспечения (LPI) Россия заняла 90 место в мире [9]. А ведь одно лишь снижение транспортных издержек хотя бы на 10% могло бы способствовать увеличению товарооборота примерно на 200 млрд долл. Несмотря на резкую критику со стороны Президента РФ, до

сих пор не решена острейшая проблема финансирования пригородного железнодорожного сообщения; непрерывно растет стоимость проезда на всех видах транспорта, ограничивая и без того низкую мобильность населения; по показателю транспортной доступности регионы России различаются более чем в 100 раз, а по плотности сети автомобильных дорог с твердым покрытием – до 400 раз.

Судя по докладу Председателя Правительства РФ в Государственной Думе, а также по данным, представленным Минфином РФ, доходы бюджета в текущем году снизятся на 2,6 трлн руб., инфляция составит 12,2%, предполагаемый отток капитала превысит 110 млрд [10]. Падает добыча нефти, угля и других «весомых» полезных ископаемых. Как следствие, происходит резкое снижение спроса на услуги транспортного комплекса. По сведениям Минтранса РФ, ожидается сокращение коммерческих перевозок на 2,8%, грузооборота на 2%, пассажирооборота на 6%. Но это оптимистические оценки федеральных ведомств. По данным «РосБизнесКонсалтинга», падение спроса на транспортные услуги составит 17%, грузооборота на 7,4%, импорта на 34% [11, с. 52]. Заметим, что ситуация усугубляется наличием квазиконкуренции и искусственно созданным профицитом вагонов на железнодорожном транспорте, за пределами параметрами допустимого общего веса и осевых нагрузок для грузового автотранспорта, неразвитостью дорожной и портовой инфраструктуры (например, в России до сих пор нет причалов, способных принять контейнеровозы, способные перевозить более 10 тыс. контейнеров; не обеспечивается ритмичная подача вагонов в морские порты и т.п.), ростом стоимости топлива для ТС и множеством других «доморощенных» факторов. Например, по уровню портовых сборов Россия занимает ведущее место в мире, а доля налоговых платежей в морском бизнесе достигает 40%. Интегральный коэффициент использования подвижного состава на всех видах транспорта едва достигает 0,2–0,3, а фрахт иностранных ТС бывает значительно выгоднее из-за их меньшей цены, меньших платежей по лизингу, относительно быстрого возврата НДС и эффективной поддержки бизнеса со стороны соответствующих государств.

«Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но часто беднеют из-за расточительности и неблагоразумия власти» – утверждал великий А. Смит. Очевидно, что транспортная си-

стема России находится в глубоком кризисе, но, несмотря на это, ведомства наращивают вал требований в области ТБ, игнорируя принципиальные «банальности» сосуществования в современном мире. Многие федеральные чиновники не желают считаться с тем, что любой бизнес не может быть ни «благородным», ни «патриотичным». Если он теряет экономическую эффективность, то без посторонней подпитки обязательно становится банкротом или поглощается. Только в условиях процветания производителя страна получает весомого налогоплательщика, в том числе способного на проявления столь желаемой «пассионарности». Немаловажно и то, что в условиях глобализации внешние долги можно выплатить только за счет экспорта. Надежды на импортозамещение и автономное существование в значительной степени иллюзорны, ибо на планете давно и безраздельно главенствует принцип разделения труда, причем это с полным правом можно отнести даже к сфере ВПК. Логические порождения данного принципа (ВТО, МВФ, МБР, ЭКОСОС) полезны и необходимы, поскольку способствуют (несмотря на нарастающие стенания антиглобалистов) расширению социально-экономических связей, привлечению инвестиций, снижению издержек, повышению качества продукции, устранению дискриминации в торговле и производстве, а также решению спорных вопросов в рамках международного права, которое, несмотря на громогласные заявления псевдопатриотов различного толка, не увядает. Следует отметить, что наличие в России множества «актуальных», «социально и политически важных», юридически «совершенных» нормативных правовых актов, а также их повсеместная формальная реализация не могут сами по себе признаваться индикаторами готовности страны к решению проблем ТБ. Появившийся в данной сфере тренд – создание параллельного правоохранительного канала борьбы с терроризмом за счет сугубо «гражданских» структур – лишь способствует усилению правового нигилизма среди представителей хозяйствующих субъектов.

Из практики известно, что очередность решения тех или иных проблем зависит не только от того, насколько точно удастся прогнозировать тот или иной социальный процесс, но и

от степени убедительности демонстрации его последствий. Но необходимые в данном случае научно-исследовательские работы практически не финансируются, хотя речь идет о сферах, основанных на множестве социально-экономических, психофизиологических и правовых связей и отличающихся наличием множества нормативных, информационных и других неопределенностей. Кроме того, нет универсальных методик эмпирической и экспериментальной оценки действия большинства факторов сферы ТБ даже в наиболее вероятных ситуациях. Неслучайно большинство данных для формирования параметров безопасности берутся «с потолка». Не приходится удивляться, что при всем внешнем благородстве и «очевидности» целей стратегические решения во многом умозрительны и зачастую формируются под влиянием «насуточных потребностей сегодняшнего дня» при безусловном доминировании политической составляющей. Но насколько она отражает реальность – вопрос! Полагаться на декларации в данном случае чрезвычайно опасно, поскольку они, к сожалению, далеко не всегда совпадают с действительными целями их авторов.

Данное обстоятельство создает благоприятную почву для проявления субъективизма, лоббирования ведомственных интересов и, в конечном итоге, ведет к гигантским экономическим и моральным потерям. Поэтому проблемы обеспечения ТБ следует решить в рамках Федеральных законов «О безопасности», «О противодействии терроризму», «О Федеральной службе безопасности», «О полиции», поскольку противодействие терроризму, включая его предупреждение, выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов, должно быть исключительной сферой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Персонал транспортных предприятий должен обеспечивать: безопасность движения ТС, людей и грузов; защиту окружающей среды в процессе эксплуатации ТС; надежную охрану своей собственности и, разумеется, оказывать возможное и всесторонне обоснованное содействие правоохранительным органам в профилактике терроризма.

1. Инспектор – фигура ключевая // *Транспорт России*. 2015. 23–29 марта.

2. Дмитриев С.Н. Проблемы правового регулирования транспортной безопасности // *Транспорт Российской Федерации*. 2014. № 4.

3. Дмитриев С.Н. Проблемы обеспечения безопасности портовой инфраструктуры // *Транспортное право*. 2014. № 1.

4. Дмитриев С.Н. Новации в законодательстве о транспортной безопасности // *Вестн. транспорта*. 2014. № 4.

5. Дмитриев С.Н. Проблемы правового обеспечения антитеррористической защиты морских портов // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 17–18 мая 2013 г. Краснодар, 2013.*

6. Лобов В. Выстоять в условиях нестабильности // *Транспорт России*. 2015. 19 марта.

7. Полякова И. Управление риск-менеджментом // *Транспорт России*. 2015. 10 мая.

8. Перечень потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: утв. приказом Минтранса, ФСБ и МВД России от 5 марта 2010 г. № 52/112/134.

9. Пресс-релиз МБПП от 20 марта 2014 г.

10. Отчет Правительства о результатах работы в 2014 г. (Государственная Дума СФ РФ, Москва, 21 апр. 2015 г.).

11. Южным портам – больше мощности // *Морские порты*. 2015. № 2.

1. The inspector – a key figure // *Transport of Russia*. 2015. March 23–29.

2. Dmitriev S.N. Problems of legal regulation of transport safety // *Transport of the Russian Federation*. 2014. № 4.

3. Dmitriev S.N. Security concerns of port infrastructure // *Transport law*. 2014. № 1.

4. Dmitriev S.N. Innovations in the legislation on transport security // *Bull. of transport*. 2014. № 4.

5. Dmitriev S.N. Problems of legal provision of antiterrorist protection of seaports // *Administrative-legal regulation of law enforcement activity: theory and practice: proc. of the II All-Russian sci.-pract. conf., Krasnodar, May 17–18, 2013. Krasnodar, 2013.*

6. Lobov V. Withstand the instability // *Transport of Russia*. 2015. March 19.

7. Polyakova I. Risk management // *Transport of Russia*. 2015. May 10.

8. The list of potential threats of acts of unlawful interference with transport infrastructure and vehicles: approved with order of the Ministry of Transport, the Federal Security Service and the Ministry of the Interior of Russia of March 5, 2010 № 52/112/134.

9. Press release of IBRD of March 20, 2014.

10. Report on the work of the Government in 2014 (State Duma of the Federation Council of the Russian Federation, Moscow, Apr. 21, 2015).

11. To southern ports – more power // *Seaports*. 2015. № 2.

Занина Татьяна Митрофановна
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры административного права
Воронежского института МВД России
(тел.: +74732005299)

Нехорошева София Сергеевна
адъюнкт кафедры административного права
Воронежского института МВД России
(e-mail: nehorosheva_ss@mail.ru)

Регулирование ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение своих обязанностей по российскому административному законодательству

В статье анализируется регулирование ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение своих основных обязанностей. Предложены варианты законодательной регламентации, привлечения к административной ответственности несовершеннолетних и их родителей за употребление табака.

Ключевые слова: родители, законные представители несовершеннолетних, административная ответственность, употребление табака.

T.M. Zanina, Master of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +74732005299;

S.S. Nekhorosheva, Adjunct of the Chair of Administrative Law of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nehorosheva_ss@mail.ru

Regulation of the responsibility of parents or other legal representatives of minors for failure to perform their duties under the Russian administrative legislation

This paper analyzes the regulation of responsibility of parents or other legal representatives of minors for failure to perform their basic duties. Proposed options for legislative regulation of administrative responsibility of minors and their parents for tobacco use.

Key words: parents, legal representatives of minors, administrative responsibility, tobacco use.

Предупреждение и раннее выявление семейного неблагополучия, защита детей от жестокого обращения, насилия в семье, применение мер, направленных на сохранение родной семьи ребенка, его успешную социализацию и адаптацию – на сегодняшний день это первоочередные задачи государства. В настоящее время в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних остро стоит проблема ответственного воспитания родителями своих детей. Вопросы формирования адекватного стиля воспитания, создания благоприятной семейной атмосферы достаточно широко обсуждаются общественностью и различными социальными структурами.

В Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., закреплено, что родители несут основную от-

ветственность за воспитание и развитие ребенка, интересы которого должны являться предметом заботы родителей [1].

Данное положение зафиксировано и в Конституции РФ [2]. Пункт 2 ст. 38 основного закона нашей страны устанавливает, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Закрепленные права и обязанности родителей в отношении своих детей нашли отражение в различных отраслях российского права: семейного, гражданского, уголовного, административного.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3] не закреплены как таковые обязанности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, а установлена только ответственность за их неисполнение или ненадлежащее ис-

полнение. Административные нормы как разновидность правоохранительных норм имеют особенность не регулировать общественные отношения, а охранять их, служат средством «обеспечения» этих отношений, регулируемых другими отраслями права [4, с. 100]. Поэтому мы обращаемся к нормам семейного и гражданского законодательства.

Забота о физическом, интеллектуальном, психическом, духовном и нравственном развитии детей [5], воспитание в них патриотизма и гражданственности, а также реализация личности ребенка в интересах общества и в соответствии с традициями народов, не противоречащими Конституции и федеральному законодательству Российской Федерации, достижениями российской и мировой культуры [6] – вот основная задача и обязанность родителей. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7] под воспитанием понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства.

Неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, а также других обязанностей родителей или иных законных представителей несовершеннолетних влечет за собой уголовную или административную ответственность. Уклонение от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей выражается не только в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду, но и в злоупотреблении родительскими правами. Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий в обучении, в общении с близкими родственниками (с одним из родителей при расторжении брака – ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ), склонение к попрошайничеству, воровству, проституции (ст. 151 УК РФ) [8], употреблению табака (ч. 2 ст. 6.23 КоАП РФ), спиртных напитков (ч. 2 ст. 6.10 КоАП РФ) или наркотиков (п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ) и т.п. [9].

Государство также признает право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка. Данное право обеспечивается выполнением родителями обязанностей по содержанию своих детей.

Под содержанием следует понимать процесс материального обеспечения ребенка в соответствии с установленными государственными

ми минимальными социальными стандартами основных показателей качества жизни детей с учетом экономического развития отдельных регионов.

Родители или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка. К таким условиям, прежде всего, необходимо отнести обеспечение ребенка питанием, одеждой, жильем, надлежащими санитарно-гигиеническими условиями проживания и обучения и т.д.

Основная же обязанность родителей в области образования – это принятие мер по обеспечению регулярного посещения учебного заведения несовершеннолетним.

Семейный кодекс РФ наделил родителей или иных законных представителей несовершеннолетних одновременно и правами, и обязанностями по воспитанию и образованию детей (ст. 63 Семейного кодекса РФ и ст. 44 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Они имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами. В связи с последними изменениями основное образование они должны дать с учетом мнения ребенка.

Да, главной закон признает заботу родителей о развитии детей. А вот каким образом осуществлять эту заботу – решают сами родители. Родители являются первыми педагогами, которые обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка в раннем детском возрасте. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию (ст. 65 Семейного кодекса РФ). Невыполнение родителями обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей напрямую связано с воспитанием и свидетельствует об отсутствии заботы о жизненно важных потребностях ребенка. Вот почему по общему правилу невыполнение родительских обязанностей по воспитанию сочетается с отсутствием материальной поддержки несовершеннолетнего. Из всех родительских обязанностей осуществить в принудительном порядке можно только обязанность по содержанию ребенка. Принуждение к осуществлению личных прав невозможно.

Также Семейным кодексом РФ и КоАП РФ закреплены право и обязанность одновременно по защите прав и законных интересов детей (ст. 64 СК РФ) и, соответственно, наделение их статусом законных представителей своих детей в отношениях с любыми физическими

и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (т.е. без доверенности). Для этого им достаточно предъявить документы, подтверждающие факт происхождения детей от конкретных родителей.

Анализ норм законодательства по делам об административных правонарушениях показывает наличие пробела относительно соблюдения родителями несовершеннолетних правил паспортной системы Российской Федерации.

С 1997 г. паспорт гражданина Российской Федерации, который является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории России, обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации.

Однако ответственность родителей или иных законных представителей несовершеннолетних детей за их проживание без паспорта, за умышленную порчу или утрату паспорта несовершеннолетнего по небрежности не предусмотрена. Таким образом, привлечь рассматриваемую категорию лиц к административной ответственности за совершение указанных правонарушений нельзя.

По нашему мнению, ст. 19.15 КоАП РФ следует дополнить частью 3, изложив ее в следующей редакции: «Проживание по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации в возрасте до шестнадцати лет, обязанного иметь документ, удостоверяющий личность гражданина (паспорт), без документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), или по недействительному документу, удостоверяющему личность гражданина (паспорту), – влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних...».

Родители, являясь законными представителями несовершеннолетнего, обязаны не только не препятствовать реализации установленных государством социальных стандартов в отношении детей, но и принимать все зависящие от них меры по обеспечению данных стандартов и претворению в жизнь прав и свобод несовершеннолетних в соответствующих сферах, установленных законодательством. Так, родители обязаны заботиться о здоровье, гигиеническом воспитании и об обучении своих детей, не осуществлять действия, влекущие за собой нарушение прав ребенка на охрану здоровья и благоприятную среду обитания [10]. Бездействие родителей в данном направлении указывает на отсутствие заботы со стороны последних в отношении своих детей.

Одной из задач и целей совершенствования административно-правовой защиты несовер-

шеннолетних детей можно назвать их защиту от негативного воздействия табачного дыма, защиту их нравственного развития и здоровья, учитывая, что наблюдение процедуры курения табака уже способствует процессу подражания, увиденному в силу «незрелости» детской психологии.

В семьях, в которых курят родители, у детей наблюдается повышенное число простудных заболеваний, дети заметно отличаются слабым здоровьем и низким иммунитетом. Пассивное курение нарушает правильное развитие и формирование дыхательной системы у детей. Сигаретный дым негативно проявляется и на умственных способностях: никотин, попадая в организм, блокирует развитие творческого мышления у ребенка, что затем приводит к плохой успеваемости в школе. Дети, которые дышали табачным дымом по вине своих курящих родителей, будут иметь высокую предрасположенность к курению и отличаться слабым здоровьем.

Если говорить об административной ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, то следует коснуться пробелов, возникших с принятием Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [11]. Медицинскими исследованиями доказано, что дети ощущают более сильный отрицательный эффект от пассивного курения, чем взрослые. Это имеет прямое отношение к количеству вдохов в минуту: пока организм ребенка молодой и растущий, его дыхание намного чаще взрослого. Кроме того, усваивание легкими вредных токсинов из воздуха, загрязненного табачным дымом, у детей намного выше, чем у взрослых. В результате их организм страдает от систематического отравления организма токсинами и дефицита кислорода.

Также необходимо сказать, что, наблюдая, как курят окружающие, ребенок будет понимать, что это возможно и нормально, особенно если видит это со стороны родителей. Несмотря на всю антитабачную пропаганду в нашей стране и запрет на курение табака на детских площадках, ситуация, на наш взгляд, не изменится. Осуществляемые государством меры для улучшения условий жизни детей в настоящее время не выделяют вопрос обеспечения благоприятной среды для здорового образа жизни ребенка и специальной защиты детей от воздействия табачного дыма. Создается такая ситуация, когда курение табака в присутствии детей взрослым населением не оценивается как угрожающее здоровью детского населения, как физическому, так и психическому. Остается

непонятным, почему законодатель не закрепил ответственность родителей за употребление табака в присутствии своих несовершеннолетних детей.

Так, в Государственной Думе РФ рассматривался проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации” и дополнения в статью 6.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросу запрета на курение в автомобиле (автотранспортном средстве) в присутствии ребенка (детей)» [12]. Но он был отклонен. Хотя все большее число государств принимают меры по защите детей от воздействия окружающего табачного дыма в закрытых пространствах (в том числе автомобилях). Например, в Объединенных Арабских Эмиратах за курение в машине, в которой находятся дети до 12 лет, нарушитель подвергается штрафу в 500 дирхамов ОАЭ (эквивалентно примерно 136 долларам США или 4700 российских рублей). В Финляндии еще в 2010 г. вступил в силу самый «строгий анти табачный закон в мире», предусматривающий за курение тюремное заключение. В мае 2013 г. сейм Латвии одобрил предложение ввести уголовную ответственность для родителей, которые курят в присутствии детей, при этом такое курение встает в один ряд с жестоким обращением с детьми. В феврале 2014 г. Британский парламент большинством голосов также поддержал идею запрета на курение в автомобиле в присутствии детей.

В подтверждение этой мысли нами было проведено исследование мнения сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, членов комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства, которое показало, что 65% респондентов на вопрос, какие сферы их деятельности требуют законодательной регламентации, ответили – привлечение к административной ответственности несовершеннолетних и их родителей за употребление табака.

В связи с этим мы предлагаем ч. 2 ст. 6.24 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на детских площадках, а также курение табака в автотранспортном средстве в присутствии несовершеннолетнего...», а также дополнить ее частью 3 – «употребление табака родителями или иными законными представителями несовершеннолетних в их присутствии...».

Следует иметь в виду и то, что за совершение ребенком некоторых предусмотренных законодательством правонарушений родители могут быть привлечены к административной ответственности.

Если правонарушение несовершеннолетнего (до 16 лет) заключается в его появлении в состоянии опьянения, а равно в потреблении им алкогольной и спиртосодержащей продукции, потреблении им наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, иных одурманивающих веществ, то его родители (или иные законные представители) могут понести ответственность в соответствии со ст. 20.22 КоАП РФ.

Но остается непонятным, почему законодатель не закрепил ответственность родителей за употребление их детьми, не достигшими возраста 16 лет, табака. Ведь согласно ч. 4 ст. 20 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» употребление детьми табака недопустимо. В связи с этим, на наш взгляд, относительно данного пункта имеется пробел в законодательном регулировании. КоАП РФ не предусматривает практически никаких санкций за подобные факты, что делает невозможным привлечение виновных лиц к ответственности и вызывает определенные трудности у сотрудников территориальных органов МВД России. В связи с этим, ст. 20.22 КоАП РФ по нашему мнению, следует изложить в следующей редакции: «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, табака...».

Таким образом, в условиях стабильно высокого уровня правонарушений, совершенных родителями или иными законными представителями несовершеннолетних в нарушение прав и законных интересов своих детей, законодателю необходимо конкретизировать признаки неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей. По нашему мнению, этого можно добиться, во-первых, разъяснением Верховного Суда РФ признаков понятия неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей для единообразия и полноты определения. А во-вторых, за некоторые действия возможно и введение новых составов административных правонарушений в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих свои обязанности по защите прав и интересов своих детей, а также обязанности заботиться о здоровом и нравственном их воспитании, которые рассмотрены нами в данной работе.

1. Конвенция о правах ребенка. Резолюция 56/98 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г.: ратифицирована постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

2. Конституция Российской Федерации от 12 дек.1993 г.: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 6 апр. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

4. Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. Киев, 1979.

5. Семейный кодекс РФ от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 4 нояб. 2014 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 2 дек. 2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп. на 31 марта 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53, ч. 1. Ст. 7598.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 марта 2015 г., с изм. от 7 апр. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 // Рос. газ. 1998. 10 июня.

10. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

11. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федер. закон от 23 февр. 2013 г. № 15-ФЗ (ред. от 6 апр. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

12. Законопроект № 461325-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и дополнения в статью 6.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросу запрета на курение в автомобиле (автотранспортном средстве) в присутствии ребенка (детей)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main> (дата обращения: 18.03.2015).

1. The Convention on the rights of the child. Resolution 56/98 of the UN General Assembly of Nov. 20, 1989: ratified with the decree of the Supreme Soviet of the USSR of June 13, 1990 № 1559-1 // Collection of international treaties of the USSR. 1993. Vol. XLVI.

2. The Constitution of the Russian Federation of Dec. 12, 1993: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (including amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of Dec. 30, 2008 № 6-FCL, of Dec. 30, 2008 № 7-FCL, of Febr. 5, 2014 № 2-FCL, of July 21, 2014 № 11-FCL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

3. The Code of the Russian Federation about administrative offences of Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended of Apr. 6, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. 1. Art. 1.

4. Koval L.V. Administrative-tort relationship. Kiev, 1979.

5. The Family code of the Russian Federation of Dec. 29, 1995 № 223-FL (as amended of Nov. 4, 2014, with changes and add. come in force from Jan. 1, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16.

6. On basic guarantees of child rights in the Russian Federation: fed. law of July 24, 1998 № 124-FL (as amended of Dec. 2, 2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3802.

7. On education in the Russian Federation: fed. law of Dec. 29, 2012 № 273-FL (as amended and add. on March 31, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 53, pt. 1. Art. 7598.

8. The Criminal code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FL (as amended of March 30, 2015, with changes of Apr. 7, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

9. About application by courts of the legislation on the settlement of disputes connected with education of children: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 27, 1998 № 10 // Rus. newsp. 1998. June 10.

10. On the sanitary-epidemiological welfare of the population: fed. law of March 30, 1999 № 52-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1999. № 14. Art. 1650.

11. About health protection of citizens from impact of ambient tobacco smoke and consequences of tobacco consumption: fed. law of Febr. 23, 2013 № 15-FL (as amended of Apr. 6, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 8. Art. 721.

12. Bill № 461325-6 «On amendments to the Federal law “On basic guarantees of child rights in the Russian Federation” and amendments to article 6.24 of the Code of the Russian Federation about administrative offences on the issue of the ban on Smoking in the car (vehicle) in the presence of a child (children)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main> (date of access: 18.03.2015).

Затолокін Александр Александрович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

Обязательное страхование автогражданской ответственности как государственная услуга

В статье рассматривается деятельность в сфере страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Предлагаются пути ее совершенствования.

Ключевые слова: транспортное средство, навязывание услуг, право на передвижение, регистрация транспортных средств, государственная услуга.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

Insurance of civil liability of vehicle drivers as a public service

The author examines the activities in the sphere of insurance of civil liability of vehicle owners. Suggests ways of its improvement.

Key words: vehicle, solicitations, right to movement, vehicle registration, state service.

Индикатором недовольства граждан деятельностью страховых компаний в последнее время являются не жалобы и судебные дела о необоснованных отказах в выплатах по страховым случаям, а отказы в заключении договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) «в чистом виде».

Данная проблема уже не раз была обозначена, в том числе и на самом высоком уровне. Так, 24 апреля 2014 г., выступая на заседании первого Медиафорума независимых региональных и местных СМИ, Президент России В.В. Путин назвал «отвратительной практикой, когда страховщики навязывают свои услуги клиентам, и подчеркнул, что даст поручение ЦБ внимательно следить за такими случаями» [1]. Центральный банк России, являясь надзорной инстанцией в сфере ОСАГО, отреагировал в соответствующем письме на поступающие «многочисленные обращения граждан, связанные с отказами страховщиков в заключении договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в том числе из-за отсутствия бланков страховых полисов» [2]. В частности, в данном письме говорится, что:

отказ страховщика от заключения договора ОСАГО при наличии возможности заключить такой договор страхования не допускается;

обуславливать приобретение одних услуг обязательным приобретением иных услуг запрещается;

уклонение страховых организаций от заключения публичного договора является необоснованным и неправомерным.

При этом Банк России рекомендует гражданам фиксировать данные правонарушения всеми законными способами и направлять полученные материалы (с признаками нарушения страховщиком законодательства Российской Федерации) в Банк России, ФАС России, Роспотребнадзор, а также обращаться в суд для защиты своих прав и интересов.

Находит свое отражение рассматриваемый вопрос и в научных трудах. Так, Н.А. Петрова в своей работе «ОСАГО: очередные проблемы» [3] проводит глубокий анализ сложившейся практики отказов в приобретении полисов ОСАГО. И предлагает, кроме увеличения тарифов, решать эту проблему комплексно, в том числе: ввести процедуру досудебного урегулирования споров; создать бюро страховых историй; ввести электронные страховые полисы; увеличить лимит выплат по ОСАГО. Однако такой подход позволяет, на наш взгляд, лечить лишь симптомы и не устраняет саму проблему. А проблема гораздо шире, чем может показаться, – страховые компании, получая сверхприбыли, не только не решают ни социальные вопросы (регулирование и охрана

безопасности движения, строительство и обустройство дорог, контроль за безопасностью транспортных средств, устранение факторов, способствующих аварийности и травматизму), ни медицинские (реабилитация пострадавших в ДТП, психологическая помощь родственникам жертв ДТП), ни вопросы, связанные с повышением систем безопасности транспортных средств, ни вопросы обучения водителей, но и используют «черный» маркетинг, незаконно (!) навязывая страховые продукты, не пользующиеся популярностью.

Важность рассматриваемой темы озаботила законодателей, что выразилось в принятии поправок в Федеральный закон № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 223-ФЗ [4] вносятся следующие изменения:

в КоАП РФ вводится дополнительная статья 15.34.1 «Необоснованный отказ от заключения публичного договора страхования либо навязывание дополнительных услуг при заключении договора обязательного страхования»;

повышается сумма, в пределах которой страховщик возмещает вред жизни или здоровью со 160 до 500 тыс. руб. на каждого потерпевшего;

предусматривается возможность оформить документы о ДТП без уполномоченных сотрудников полиции.

Однако принятые изменения вызвали еще больше вопросов, а не внесли ясность в проблемную ситуацию ОСАГО. В январе 2015 г. в очередной раз была предпринята попытка прояснить ситуацию в сфере ОСАГО [5]. В своем постановлении Верховный Суд РФ приводит разъяснения практики применения нового регулирования ОСАГО. Отдельная часть разъяснений посвящена страховой выплате, в связи с чем подчеркивается, что при причинении вреда потерпевшему возмещению подлежат восстановительные и иные расходы (на эвакуацию транспорта с места ДТП, на хранение поврежденной автомашины и т.п.). Кроме того, в постановлении разъясняются отдельные вопросы, возникающие при применении упрощенного порядка оформления ДТП, и ряд других вопросов.

Тем не менее такие разъяснения не снимают остроты вопросов связанных с отказом в заключении договора ОСАГО и навязыванием дополнительных услуг страховыми компаниями, и, несмотря на актуальность рассматриваемой темы, попытки поиска решения этой пробле-

мы законодателем, различными учреждениями, научным сообществом, она по-прежнему остается не решенной. Это наиболее ярко демонстрирует письмо жителя хутора Маевский Славянского района пенсионера Г.С. Чмелева (возраст автора письма 73 года) в февральский (2015) номер газеты «Вольная Кубань»: «11 февраля истек срок автостраховки. Как положено, 9 февраля я прошел техосмотр и сразу же обратился к страхователям, но ни в одной страховой конторе Славянска-на-Кубани не смог оформить автостраховку из-за отсутствия бланков на страхование. 10 февраля решил обратиться в ««Росгосстрах»» Славянского района... Здесь мне предложили, прежде чем оформить автостраховку, застраховать свою жизнь. Я отказался, меня грубо выпроводили и отказались оформлять автостраховку» [6, с. 5].

Как изменить ситуацию в ОСАГО к лучшему? Нам представляется, что решить проблему можно, ответив на вопросы: так ли необходимо нам обязательное страхование гражданской ответственности водителей транспортных средств? и отчего, собственно, оно так обязательно?

В рамках рассматриваемого вопроса заслуживает внимания особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова от 31 мая 2005 г. «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» [7]. Судья приводит целый ряд неоспоримых аргументов для обличения несостоятельности и противоречивости ОСАГО, в частности:

ОСАГО «совершенно очевидно является ограничением права собственности (статья 35 Конституции Российской Федерации), свободы договора (статья 421 ГК Российской Федерации), свободы предпринимательской и иной экономической деятельности (статьи 8 и 34 Конституции Российской Федерации)»;

«рыночная экономика вовсе не предполагает и не предопределяет необходимость обязательного страхования, а скорее наоборот, призвана поощрять его добровольные формы»;

«сравнение гарантий возмещения вреда по Гражданскому кодексу Российской Федерации и по Федеральному закону «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» свидетельствует отнюдь не в пользу последнего»;

«очевидны экономическая необоснованность размера страховых тарифов и несоразмерность их в ряде случаев финансовым возможностям плательщиков»;

«переложение всей ответственности за последствия дорожно-транспортных происшествий на частных лиц вызывает обоснованные опасения, что это существенным образом снижает заинтересованность государства в выполнении собственно социальных функций в этой сфере – по регулированию и охране безопасности движения, строительству и обустройству дорог, контролю за безопасностью транспортных средств, устранению тех бесчисленных факторов, которые способствуют аварийности и травматизму, и т.д., поскольку все неблагоприятные последствия считаются застрахованными и уже оплачены».

Судья ставит в своем особом мнении вопрос: почему собственники нескольких транспортных средств «должны страховать каждую автомашину в отдельности, если физически невозможно использовать их одновременно?». И ниже отвечает на него: «...единственное разумное объяснение этой и прочих правовых несообразностей закона в лоббировании интересов отдельных страховых компаний».

Действительно, обращаясь к истории рассматриваемого вопроса, можно отметить, что противники ОСАГО были как раньше, так и теперь. Так, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель Общероссийского общественного движения «Движение автомобилистов России» В.В. Похмелкин заявлял, что «восемь лет мы сдерживали попытки страховщиков протащить через Думу закон об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, так называемую обязательную «автогражданку»»[9].

Кроме того, проведя краткий ретроспективный анализ практики возмещения вреда от ДТП, можно заметить, что она осуществлялась в нескольких формах: в форме добровольной «автогражданки» и в форме гражданско-правовых отношений. Добровольное страхование имеет один, на наш взгляд, решающий аргумент в свою пользу, это фактор добровольности (!), не ставящий человека в безысходную ситуацию «не застрахуешь – не поедешь». Кроме того, добровольность, в противоположность обязательности, заставляет страховые компании думать не только о прибылях, но и об удовлетворенности клиентов. Именно удовлетворенность, как решающий фактор в выборе страховой компании рассматривал С.В. Лапшин в 2008 г. в своей работе «Изменения в ОСАГО: доволен ли страхователь?» [9, с. 121]. В частности, автор указывает, что «главное – действительно быть заинтересованным в качественном обслужива-

нии, в облегчении получения клиентом причитающихся ему выплат, в предупредительности и высоком уровне сервиса в целом».

Кроме добровольной «автогражданки», существует известная опытным водителям схема, по которой водитель, признанный виновником ДТП, обязан в гражданско-правовом порядке возместить причиненный ущерб. Обращает на себя внимание попытка А. Николаева и А. Муховатовой представить инновационный способ активации возмещения вреда при ДТП, основанный на симбиозе гражданско-правового и уголовно-правового подхода. Авторы, проведя детальное изучение норм Уголовного кодекса РФ, делают вывод, что «существует способ «стимулировать» причинителя вреда к возмещению причиненного вреда, так сказать, в «добровольно-принудительном порядке». И этот способ вытекает из фразы: «в России лучшим комментарием к кодексу Гражданскому является кодекс Уголовный» [10]. Учитывая тот факт, что автомобиль является источником повышенной опасности, авторы предлагают причинение вреда в крупном размере вследствие ДТП квалифицировать по ст. 168 УК РФ, и на стадии дознания, когда перед «причинителем вреда возникает печальная перспектива получить судимость, вполне возможен вариант добровольного возмещения вреда».

Таким образом, приведенный краткий экскурс в правоприменительную практику и анализ научных публикаций периода до ОСАГО демонстрирует прозрачность механизмов возмещения вреда при ДТП и наличие различных способов активизации выплат пострадавшему со стороны виновника.

Иной вариант решения проблем в сфере ОСАГО базируется на требованиях Конституции РФ о защите государством человека и гражданина, его жизни, здоровья и имущества и заключается как в смене субъекта данной деятельности, так и в изменении самой процедуры. Что если взглянуть на ОСАГО как на государственную услугу? Такой подход вполне согласуется с определением государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения: «это урегулированная и охраняемая нормами федеральных нормативно-правовых актов деятельность органов исполнительной власти, осуществляемая непосредственно или через подведомственные им структуры (безвозмездно или по устанавливаемым ценам):

по допуску транспортных средств к участию в дорожном движении;

по допуску лиц в качестве водителей транспортных средств;

по допуску транспортных средств к перевозке грузов (опасных, негабаритных, тяжеловесных); по информированию об административных правонарушениях» [11].

Конституция РФ предоставила право гражданам свободно передвигаться. Средством передвижения является транспорт. Основным средством передвижения и перевозки грузов [12], является автомобильный транспорт (доля перевозок пассажиров и грузов составляет 75,82% и 56,86% соответственно). А в соответствии с Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, осуществляется путем регистрации транспортных средств [13], которая выполняется субъектами государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения (МРЭО ГИБДД). В то же время неисполнение обязанности по страхованию гражданской ответственности регулируется мерами государственного принуждения – запретом использования транспортных средств по их прямому назначению [14]. Поэтому возможность зарегистрировать транспортное средство в МРЭО ГИБДД без полиса ОСАГО отсутствует (в исчерпывающий перечень документов, необходимых для предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств, входит страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства) [15]. Иными словами, приобретение полиса ОСАГО является одной из процедур в процессе регистрации транспортного средства наряду с такими административными процедурами, как прием заявления, осмотр транспортного средства, оформление документов, подлежащих выдаче заявителю, и пр. В связи с этим, напрашивается вывод о необходимости осуществления деятельности по страхованию гражданской ответственности субъектом государственной услуги по регистрации транспорт-

ных средств, т.е. МРЭО ГИБДД, что позволит достичь сразу нескольких целей:

- 1) упорядочить деятельность в сфере ОСАГО;
- 2) обеспечить поступление средств в бюджет государства;
- 3) избежать в случае обжалования действий субъекта по предоставлению государственных услуг направления жалобы в несколько контролирующих организаций (Банк России, ФАС России, Роспотребнадзор, суд);
- 4) добиться целевого расходования денежных средств, взимаемых в виде страховых премий, но уже в пользу государства, на реализацию социальных государственных функций в этой сфере: по регулированию и охране безопасности движения, строительству и обустройству дорог, контролю за безопасностью транспортных средств, устранению тех бесчисленных факторов, которые способствуют аварийности и травматизму.

В завершение следует отметить, что ситуация в сфере страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств достигла своего апогея в накоплении различных проблем. Разъяснения различных государственных регуляторов в этой сфере не решают их. Граждане, не обладающие знанием юридических процедур, связанных с обжалованием неправомерных действий страховых компаний, терпят убытки из-за затрат на приобретение навязанных им страховых продуктов. Те же, кто знаком с юриспруденцией, могут реализовать свои права в гражданско-правовых отношениях тратя при этом немало времени на подчас безрезультативную переписку как со страховыми компаниями, так и с регуляторами данной сферы. В настоящее время остро назрела необходимость в принятии кардинальных мер, таких как отказ от обязательного страхования или же сохранение ОСАГО, но придание ей статуса административной процедуры в порядке предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств.

1. URL: http://ria.ru/trend/mediaforum_Putin_24042014 (дата обращения: 14.03.2015).

2. Информация Центрального банка Российской Федерации от 6 мая 2014 г. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

3. Петрова Н.А. ОСАГО: очередные проблемы // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 3.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании

1. URL: http://ria.ru/trend/mediaforum_Putin_24042014 (date of access: 14.03.2015).

2. Information of the Central Bank of the Russian Federation of May 6, 2014. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

3. Petrova N.A. Insurance of civil liability of vehicle drivers: next problem // Insurance organizations: accounting and taxation 2014. № 3.

4. On amending the Federal law «On mandatory insurance of civil liability of vehicle owners» and

гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 223-ФЗ // Рос. газ. 2014. 25 июля.

5. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 янв. 2015 г. № 2. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

6. Чмелев Г.С. Автостраховка с прицепом? // Вольная Кубань. 2015. 19 февр.

7. По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова: постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

8. URL: <http://pokhmelkin.ru/o себе> (дата обращения: 18.03.2015).

9. Лапшин С.В. Изменения в ОСАГО: доволен ли страхователь? // Организация продаж страховых продуктов. 2008. № 1.

10. Николаев А., Муховатова А. Еще один способ возмещения вреда при ДТП. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

11. Затолокин А.А. Предоставление государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения Министерством внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

12. URL: <http://www.niiat.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

13. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

14. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

15. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним: приказ МВД России от 7 авг. 2013 г. № 605. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of July 21, 2014 № 223-FL // Rus. newsp. 2014. July 25.

5. On application by courts of the legislation on compulsory insurance of civil liability of owners of vehicles: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Jan. 29, 2015 № 2. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

6. Chmelev G.S. A car insurance with a trailer? // Free Kuban. 2015. Febr. 19.

7. On the case about the verification of constitutionality of the Federal law «On mandatory insurance of civil liability of vehicle owners» in connection with the requests of the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic, Volgograd regional Duma, a group of deputies of the State Duma and the complaint of the citizen S.N. Shevtsov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 31, 2005 № 6-P. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

8. URL: <http://pokhmelkin.ru/about myself> (date of access: 18.03.2015).

9. Lapshin S.V. Changes in Insurance of civil liability of vehicle drivers: is the policyholder satisfied? // Organization of sales of insurance products. 2008. № 1.

10. Nikolaev A., Mukhovatova A. Another way of reparation in case of road accident. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

11. Zatolokin A. Provision of public services in the field of road safety by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2013.

12. URL: <http://www.niiat.en> (date of access: 14.03.2015).

13. On road safety: fed. law of Dec.10, 1995 № 196-FL. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

14. On compulsory insurance of civil liability of owners of vehicles: fed. law of Apr. 25, 2002 № 40-FL. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

15. On approval of Administrative regulations of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation on the provision of public services for the registration of motor vehicles and trailers: order of the Ministry of the Interior of Russia of Aug. 7, 2013 № 605. URL: <http://garant.ru> (date of access: 14.03.2015).

Подгайный Андрей Михайлович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: k_admin_deyat@krdu-mvd.ru)

Проблемы правовой оценки действий сотрудников полиции в условиях крайней необходимости

В статье рассматриваются проблемы, связанные с применением мер непосредственного принуждения. Анализируется институт крайней необходимости.

Ключевые слова: меры непосредственного принуждения, физическая сила, специальные средства, огнестрельное оружие, крайняя необходимость, необходима оборона.

A.M. Podgainyi, Master of Law, Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_admin_deyat@krdu-mvd.ru

Problems of legal evaluation of the actions of the police in situations of urgency

The article discusses the problems associated with the application of measures of direct coercion. Analyzes institute of urgency.

Key words: measures of direct coercion, physical force, special means, firearms, urgency, necessary defense.

Важным признаком любой правоохранительной деятельности является способность применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие для решения возложенных на сотрудников задач. В теории такие меры принято называть мерами непосредственного принуждения, поскольку их применение осуществляется непосредственно, без составления какого либо промежуточного правоприменительного акта.

Полиция является самым универсальным субъектом правоохранительной и правоприменительной системы Российской Федерации. Применение ею силы непосредственным образом затрагивает конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства. Неслучайно вопрос о применении полицией мер непосредственного принуждения является на сегодняшний день довольно злободневным [1, с. 126].

Практика свидетельствует о том, что сотрудники полиции, как и прежде, с опаской применяют свои властные полномочия, в результате чего нередко страдают иные охраняемые законом объекты. Среди причин, удерживающих сотрудников полиции от применения огнестрельного оружия, указываются: недостаток времени для правильной оценки складывающейся обстановки; отсутствие достаточного

опыта и тренировок по применению оружия в сложных ситуациях; боязнь предвзятой оценки со стороны прокуратуры.

Правовой режим применения мер непосредственного принуждения не зависит от того, находится ли сотрудник полиции на дежурстве или в отпуске, в своем либо в другом городе. Следует, однако, помнить, что после каждого случая применения огнестрельного оружия на практике чаще всего немедленно проводится освидетельствование сотрудника полиции. В случае подтверждения факта опьянения начинает действовать формально нигде не закреплённая фактическая презумпция виновности лица, находившегося в состоянии опьянения. В этом случае обосновать законность своих действий сотруднику будет сложнее в силу сформировавшихся за длительный период времени стереотипов.

Важно отметить, что по смыслу Федерального закона «О полиции» ответственность за некавалифицированное применение мер непосредственного принуждения (стрелял в преступника, а попал в свидетеля) возлагается на сотрудника полиции. Ответственность наступает и в тех случаях, когда сотрудник не предпринимает никаких мер для того, чтобы убедиться в своих предположениях о необходимости применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

Специальной статьи об ответственности за незаконное применение мер непосредственного принуждения сотрудниками полиции в российском законодательстве нет. С учетом обстоятельств происшедшего им вменяется в вину, как правило, совершение умышленного либо неосторожного преступления против личности и (или) интересов службы либо превышение пределов необходимой обороны или крайней необходимости. За нарушение порядка применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, не повлекшее существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, сотрудники полиции подлежат дисциплинарной ответственности.

Сотрудник полиции не несет ответственности за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение мер непосредственного принуждения осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральным законодательством (ч. 9 ст. 18 Федерального закона «О полиции»).

При применении мер непосредственного принуждения у сотрудников полиции может возникнуть состояние крайней необходимости. Речь идет о так называемой «идеальной совокупности» обстоятельств, исключающих правонарушаемость деяния.

Условия правомерности акта крайней необходимости принято подразделять на относящиеся к грозящей опасности и к защите от нее. И отличие от необходимой обороны опасность, исходящую из различных источников, при крайней необходимости в данных обстоятельствах нельзя устранить другими средствами, не связанными с причинением вреда интересам третьих лиц [2, с. 56].

При применении огнестрельного оружия у сотрудников полиции возможны, например, случаи, когда сотрудник защищается от посягательства на его жизнь или здоровье, т.е. действует в состоянии правомерной обороны, но при этом нарушает правила применения огнестрельного оружия (например, применяет оружие в многолюдном общественном месте, когда от этого могут пострадать посторонние лица). В ряде таких случаев нарушение правил применения оружия может быть оправдано состоянием крайней необходимости, поскольку для предотвращения более тяжкого вреда (смерть сотрудника полиции) причиняется вред другим правоохраняемым интересам (порядку

несения службы и применения оружия), причем вред, как правило, меньший по сравнению с предотвращаемым вредом [3, с. 14].

Причинение вреда, равного тому, который мог наступить, или вреда большего не может быть оправдано состоянием крайней необходимости. В частности, нельзя спасать одно благо за счет причинения вреда равноценному благу (например, спасти свою жизнь за счет жизни другого человека). На наш взгляд, данное положение распространяется лишь на те случаи (за исключением казуса), когда, применяя огнестрельное оружие, специальные средства или физическую силу для спасения своей или чьей-либо жизни, сотрудник полиции лишает жизни другого человека, не причастного к конфликту.

Состояние крайней необходимости может возникнуть также при освобождении заложников, когда преступники предпринимают попытку реализовать угрозу о лишении заложника жизни, а непосредственную опасность нельзя устранить другими средствами, т.е. без применения огнестрельного оружия и возможного причинения ранения самому заложнику. Применение оружия в этом состоянии будет признано правомерным, если при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный.

Практика показывает, что экстремальные ситуации, при которых вынужденно причиняется вред третьим лицам, т.е. фактические условия крайней необходимости, постоянно возникают в деятельности сотрудников полиции. Следовательно, в правовую сферу деятельности большинства подразделений МВД России составной частью входит использование положений, предусмотренных ст. 2.7. КоАП РФ, ст. 39 УК РФ. Ведь отражение любой опасности при защите прав и интересов физических и юридических лиц для подавляющего большинства сотрудников ОВД является ежедневной обязанностью.

Отдельные исследователи считают, что состояние крайней необходимости характерно только для случаев использования огнестрельного оружия, и предлагают отразить это в порядке применения огнестрельного оружия, указав, что оно применяется только в состоянии

необходимой обороны и при задержании лица, совершившего преступление.

На наш взгляд, положения законодательства о крайней необходимости имеют значение для обеспечения правовой защиты сотрудников полиции, применивших оружие и причинивших вред третьим лицам. К сожалению, в Федеральном законе «О полиции» данный вопрос урегулирован недостаточно.

Опыт свидетельствует о том, что по-прежнему наиболее острыми и трудно решаемыми являются вопросы, связанные с оценкой правомерности действий сотрудников полиции, причиняющих вред интересам третьих лиц. Например, если мы обратим внимание на Закон «Об оперативно-разыскной деятельности», то увидим, что основания и порядок определения правомерности вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий не соответствуют норме о крайней необходимости, содержащейся в КоАП РФ.

Правомерность вредоносных действий при поведении оперативно-разыскных мероприятий должна оцениваться в первую очередь на основе норм уголовного (или административного) закона о крайней необходимости. Статья 16 Закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (абз. 4) в действующей редакции не имеет самостоятельного характера и не может использоваться в этом процессе как минимум по двум основаниям. Во-первых, в силу внутреннего противоречия – отсутствия указаний на непосредственность опасности и на недопустимость превышения пределов нанесения вреда. Во-вторых, потому, что ее содержание усложняет понимание института крайней необходимости в силу этимологической непоследовательности и тавтологии.

Речь идет о дефиниции «правомерное выполнение служебного или общественного долга». Не совсем ясно с точки зрения логики, как можно выполнять свой служебный долг неправомерно. Тогда это не долг, а злоупотребление обязанностями. Перед нами правовое «излишество», несовершенство юридической конструкции.

Понятие «долг» аналогично понятию «обязанность». Однако у них разное социальное содержание. Обязанность – это круг действий, безусловных для выполнения в процессе работы, договора, службы или осуществления профессиональных функций. Долг содержит элементы общественной морали, нравственной оценки, что в определенной степени размыкает правовую основу этого термина.

Употреблять в одном ряду со служебным долгом термин «общественный долг», т.е. добровольное обслуживание профессиональных нужд коллектива (оперативного подразделения), в отношении лица, оказывающего содействие в проведении оперативно-разыскных мероприятий, как минимум некорректно. Нередко о добровольности и речи не идет.

Так, Ю.В. Баулин считает, что признание вреда правомерным устанавливается нормами специального законодательства, которые определяют права и обязанности и уполномочивают соответствующих лиц на совершение вредоносных действий. Данные нормы имеют самостоятельный характер, и нет оснований считать, что они каким-то образом конкретизируют положения закона о правомерности причинения вреда объектам правовой охраны [4, с. 12].

Эту же мысль поддерживают А.И. Каплунов и С.Ф. Милюков. Они указывали, что если, например, при применении оружия сотрудник полиции не выходит за рамки ограничений, предусмотренных ведомственными актами, то он не несет ответственности за вред, каким бы тот ни был [5, с. 45].

Иными словами, по логике авторов, в этой ситуации вопрос о превышении пределов крайней необходимости даже не стоит. В этом случае путают основания привлечения и освобождения от ответственности с материальными основаниями, исключающими преступность деяния (в процессуальном плане это тоже фиксируется как освобождение от преследования) [6, с. 51–52].

Общие проблемные ситуации применения административно-правовой нормы о крайней необходимости связаны с таким социально-психологическим феноменом, как ее понимание на практике. Исследование показало, что у определенной части правоприменителей такое понимание отсутствует. В их правосознании как бы произошел разрыв между действительным содержанием этого института и смыслом составляющих его понятий.

В то же время у значительного числа сотрудников полиции сложились ошибочные стереотипы применения этой нормы, которые они автоматически проецируют и на ситуации, возникающие при оперативно-разыскных мероприятиях. И, наконец, какая-то часть сотрудников убеждена в том, что нет никакой разницы между основаниями освобождения от ответственности и основаниями применения крайней необходимости [7, с. 5].

В процессуальных документах (в постановлении о прекращении преследования или

в постановлении об отказе в возбуждении уголовного (административного) дела) указываются самые различные основания для признания действий сотрудников полиции правомерными, но только не обстоятельства крайней необходимости, хотя фактически они и присутствуют. Фактический разнобой в понимании института крайней необходимости приводит подчас к необоснованным юридическим решениям.

Таким образом, применение крайней необходимости в практике ОВД трактуется неоднозначно и нуждается в накоплении практического опыта квалификации данного института. В частности, опыт применения огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств указывает на необходимость совершенствования законодательства о крайней необходимости.

1. Подгайный А.М., Шиенкова А.С. Зарубежный опыт оценки эффективности деятельности полицейских структур // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2014. № 4(26).

2. Арсланов Р.З. *Понятие необходимой обороны: учеб. пособие*. М., 2009.

3. Баулин Ю.В. *Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключающих преступность (общественную опасность и противоправность) деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Харьков, 1991.

4. Баулин Ю.В. *Обстоятельства, исключающие преступность деяния*. Харьков, 1991.

5. Каплунов А.И., Милюков С.Ф. *Применение и использование огнестрельного оружия по законодательству Российской Федерации*. СПб., 2008.

6. Михайлов В. *Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния* // *Уголовное право*. 2002. № 2.

7. Бикмашев В.А. *Уголовно-правовые аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 1997.

1. Podgainyi A.M., Shienkova A.S. *Foreign experience of assessment of activity of police structures* // *Bull. of Krasnodar University of Russian MIA*. 2014. № 4(26).

2. Arslanov R.Z. *The concept of self-defense: study aid*. Moscow, 2009.

3. Baulin Yu.V. *Criminal-legal problems of doctrine about the circumstances excluding criminal (public danger and illegal) of act: auth. abstr. ... Dr of Law*. Kharkov, 1991.

4. Baulin Yu.V. *Circumstances excluding criminality*. Kharkov, 1991.

5. Kaplunov A I., Milyukov S.F. *Application and use of firearms under the legislation of the Russian Federation*. St. Petersburg, 2008.

6. Mikhailov B. *Performance of professional functions as a circumstance precluding criminality of act* // *Criminal law*. 2002. № 2.

7. Bikmashev V.A. *Criminal law aspects of the use of firearms by police: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 1997.

Шиенкова Анна Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: k_admin_deyat@krdu-mvd.ru)

Деятельность сотрудников полиции при выявлении административных правонарушений на объектах транспортной инфраструктуры

В статье рассматриваются особенности правоохранительной деятельности полиции на объектах транспортной инфраструктуры. Описываются действия сотрудников полиции при выявлении административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, правопорядок, административная деликтность, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, изъятие вещей и документов.

A.S. Shienkova, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_admin_deyat@krdu-mvd.ru

The activities of the police when detecting administrative offences on the transport infrastructure

The article considers the peculiarities of the law enforcement activities of the police on the transport infrastructure. Describes actions of police employee when detecting administrative offences under art. 6.8, 6.9 of the Code of the Russian Federation about administrative offences.

Key words: transport infrastructure, law enforcement order, administrative delictness, personal inspection, inspection of personal belongings of the individual, withdrawal of things and documents.

Объекты транспортной инфраструктуры с каждым годом претерпевают существенные изменения. Обновляется транспортное законодательство, видоизменяются организационно-правовые формы и увеличивается количество субъектов рынка транспортных услуг, совершенствуются структура управления перевозочными процессами, системы тарифного регулирования грузовых и пассажирских перевозок, внедряются новые информационные технологии и т.д. В настоящее время органам внутренних дел на транспорте приходится решать возложенные на них задачи по охране правопорядка, обеспечению безопасности и противодействию преступности в динамично изменяющихся условиях.

Под охраной правопорядка на объектах транспортной инфраструктуры принято понимать систему мер по осуществлению контроля за соблюдением правил, действующих на объектах транспорта, которые обеспечивают правопорядок, нормальное функционирование объектов этой инфраструктуры, предупрежде-

ние и пресечение нарушений этих правил, применение мер административного принуждения к правонарушителям.

При большом скоплении пассажиров и грузов нарушения общественного порядка приводят к тяжелым последствиям. Не вызывает сомнений, что обеспечение надлежащего общественного порядка на объектах транспорта является одним из важных условий его нормального функционирования, а борьба с его нарушениями является одной из основных задач органов внутренних дел на транспорте.

Административная деликтность на объектах транспорта является деструктивной системой, представляющей значительную угрозу для существующего правопорядка. Это предопределяет необходимость адекватного противодействия со стороны органов внутренних дел, которое направлено на сдерживание административной деликтности на социально приемлемом уровне [1, с. 255].

Достаточно часто совершаемыми правонарушениями на объектах транспорта являются

деликты, предусмотренные ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», ст. 6.9 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача».

В Российской Федерации действует государственная монополия на основные виды деятельности, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Любая покупка и перевозка наркотических средств и психотропных веществ в другом месте, обмен их на другие предметы, принятие в счет погашения долга, получение в дар, а также фактическое обладание наркотическими средствами, как тайное, так и открытое их изготовление, переработка в нарушение условий, предусмотренных ст. 20 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ, являются незаконными. Для квалификации деяния по ст. 6.8 КоАП РФ следует учитывать и наличие постановления Правительства РФ от 6 августа 1998 г. № 892 «Об утверждении Правил допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами».

Правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, имеет смежный состав уголовно наказуемого деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 228 УК РФ.

Разграничение смежных составов происходит по размеру приобретаемых наркотических средств или психотропных веществ. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228¹ и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» этот критерий должен учитываться судьями при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

При этом административным деликтом являются действия только в отношении средств и веществ, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [2].

Изъятие из незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ осуществляется в соответствии со ст. 27.10 КоАП РФ и Инструкцией о порядке изъятия из

незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения [3].

Говоря о потреблении наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача (ст. 6.9 КоАП РФ), необходимо отметить, что данные деяния не влекут за собой уголовную ответственность. Привлечение физического лица к административной ответственности является превенцией, направленной на предотвращение употребления наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, на выявление заболеваний наркоманией.

Лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии наркотического опьянения или употребило наркотическое средство или психотропное вещество, может быть направлено органами прокуратуры, органами дознания, органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, следователем или судьей на медицинское освидетельствование [4, ст. 44].

При выявлении административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, сотрудники нарядов ППС по сопровождению пассажирских поездов производят личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, изъятие предметов правонарушения и доставление правонарушителей в ОВДТ на ближайшей станции, вокзале для составления протокола об административном правонарушении, а при необходимости и административного задержания.

Поскольку при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ необходимо проведение экспертизы для установления вида и количества наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сотрудники нарядов ППС по сопровождению пассажирских поездов производят личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, а также изъятие обнаруженных веществ.

О личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, изъятии предметов административного правонарушения составляется отдельный протокол либо делается

соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе об административном задержании (ст. 27.7, 27.10 КоАП РФ).

Изъятые наркотические средства и психотропные вещества подлежат направлению на переработку или уничтожению в порядке, установленном Правительством РФ. Образцы подлежащих уничтожению наркотических средств и психотропных веществ хранятся до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении.

Поскольку в некоторых случаях после проведения экспертизы возникает вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 228 или 229 УК РФ, сотрудникам наряда ППСП по сопровождению пассажирских поездов необходимо взять объяснения у лица, совершившего правонарушение по ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, у понятых, в присутствии которых производился личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, и изъятие предметов административного правонарушения, и у свидетелей указанного правонарушения (если таковые имеются). Полученные объяснения, протокол личного досмотра и изъятия предметов административного правонарушения в случае необходимости будут являться достаточными поводами для возбуждения уголовного дела.

После производства всех вышеперечисленных действий сотрудники нарядов ППСП по сопровождению пассажирских поездов производят доставку правонарушителей в ОВДТ на ближайшей станции, вокзале для составления протокола об административном правонарушении.

Нормой, устанавливающей общие полномочия органов внутренних дел на транспорте по нескольким предметам их ведения, является ч. 3 ст. 23 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации». В ней говорится, что «обеспечение общественного порядка на железнодорожном транспорте общего пользования и борьба с преступностью осуществляются органами внутренних дел на транспорте...». Это означает, что на органы внутренних дел на транспорте возлагается обеспечение общественного порядка и осуществление борьбы с преступностью. При этом они не могут уклоняться от реализации указанных прав и выполнения обязанностей или выходить за их пределы.

К сожалению, данная норма является на сегодняшний день единственным в действующем российском законодательстве прямым

правовым предписанием, устанавливающим на уровне федерального закона общую компетенцию органов внутренних дел на транспорте как уполномоченного государственного института (хотя и относительно одного из видов транспорта).

Полномочия и предметы ведения транспортной полиции устанавливаются федеральным законодательством. Например, транспортная полиция обладает многими правами и выполняет большинство общих обязанностей, предусмотренных ст. 12 и 13 Федерального закона «О полиции»; при определении конкретных прав и обязанностей отдельных должностных лиц транспортной полиции следует руководствоваться приказом МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию».

Кроме того, наиболее отчетливо специфика компетенции органов внутренних дел на транспорте проявляется при анализе статутных ведомственных нормативных правовых актов: типовых и индивидуальных положений об УВДТ и линейных органах (управлениях, отделах, отделениях) внутренних дел на железнодорожном, воздушном и водном транспорте.

В частности, детализация прав нарядов полиции при сопровождении поездов содержится в приказе МВД России и Министерства транспорта РФ от 27 декабря 2013 г. № 1022/487 «Об утверждении Инструкции по организации работы нарядов полиции линейных управлений (отделов) МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и работников локомотивных и поездных бригад по обеспечению правопорядка в поездах дальнего следования и пригородного сообщения».

Административно-правовая охрана общественного порядка на объектах транспорта, выступая в качестве одной из функций деятельности органов внутренних дел, реализуется посредством административной деятельности. Так, сотрудники транспортной полиции:

а) предупреждают и раскрывают преступления и административные правонарушения против жизни, здоровья и собственности пассажиров и работников транспорта, других собственников, совершаемые в поездах, портах, на вокзалах, станциях, водных и воздушных судах;

б) организуют работу посадочных групп, а также осуществляют сквозное и эстафетное

сопровождение нарядами полиции пассажирских поездов дальнего следования, местных и пригородных поездов, водных судов;

в) обеспечивают правопорядок в поездах международного сообщения;

г) принимают меры по противодействию незаконной транспортировке железнодорожным, воздушным и водным транспортом наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ.

В этих целях сотрудники транспортной полиции совершенствуют работу на крупных транспортных узлах стационарных оперативных заслонов и мобильных оперативно-

поисковых групп. Таким образом, борьба с административными правонарушениями, посягающими на общественный порядок на объектах транспорта, ориентирована не только на предупреждение административных правонарушений, но и преступлений. Тем самым уменьшается уголовная репрессия, это происходит потому, что административно-правовой механизм срабатывает на более раннем этапе противоправного деяния, когда оно не достигло уровня преступного деяния и диктует необходимость согласованных правовых и организационных мер противодействия этим деликтам.

1. Панфилова Л.Б. Организационно-правовые основы деятельности органов полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте // *Общество и право*. 2014. № 2 (48).

2. Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681.

3. Приказ МВД России, Минюста России, Минздрава России, Минэкономики России, ГТК России, ФСБ России, ФПС России от 9 нояб. 1999 г. № 840/№ 320/№ 388/№ 472/№ 726/№ 530/№ 585.

4. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ.

1. Panfilova L.B. Institutional and legal framework of police activities to ensure public safety on water transport // *Society and law*. 2014. № 2(48).

2. Decree of the government of the Russian Federation of June 30, 1998. № 681.

3. Order of the Ministry of the Interior of Russia, the Ministry of Justice, the Ministry of Health of Russia, the Ministry of Economy of Russia, the State customs committee of Russia, the Federal Security Service of Russia, the Federal Border Service of Russia of Nov. 9, 1999 № 840/№ 320/№ 388/№ 472/№ 726/№ 530/№ 585.

4. On narcotic drugs and psychotropic substances: fed. law of Jan. 8, 1998. № 3-FL.

Сенченко Виктория Вадимовна

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: karasik0308@mail.ru)

Проблемные вопросы миграционных процессов в России

В статье рассмотрены вопросы, связанные с правовым регулированием миграционных процессов, которые приобретают острый характер в связи с ростом нелегальной миграции и нелегальной трудовой деятельности мигрантов в Российской Федерации.

Ключевые слова: миграционное законодательство, миграционная политика, нелегальная миграция, трудовая миграция, иностранный гражданин, лицо без гражданства.

V.V. Senchenko, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: karasik0308@mail.ru

Issues of migration processes in Russia

The article deals with issues related to the legal regulation of migration processes, which become acute, due to the increase of illegal migration and illegal employment of migrants in the Russian Federation.

Key words: migration law, migration policy, illegal migration, labor migration, foreign citizen, stateless person.

В современный период исследованию миграционных процессов уделяется пристальное внимание во всем мире, и Российская Федерация не является в этом плане исключением. Вместе с тем, нормативная база, регулирующая данную сферу отношений, не имеет какой-либо четко выраженной конструкции. Необходимость ее совершенствования обусловлена не только общей динамикой развития миграционных процессов в мире. Если в начале 90-х гг. XX в. наиболее актуальными были вопросы вынужденной миграции, закрепления статуса беженцев и вынужденных переселенцев, то в настоящее время акцент сместился в сторону оптимизации правового регулирования трудовой миграции и противодействия незаконной миграции [1]. Не вызывает сомнений тот факт, что нелегальная миграция и нелегальная трудовая деятельность мигрантов негативно влияют на многие стороны жизни общества и государства, несут в себе угрозу национальной безопасности страны, приводят к росту сектора теневой экономики и коррупции, усилению национальной напряженности [2, с. 127].

Для выявления пробелов и коллизий действующего миграционного законодательства, прежде всего, следует обратиться к его понятию, которое определяется как совокупность общепризнанных принципов и норм международного права, федеральных законов и подзаконных нормативных актов России, которые

регламентируют общественные отношения, возникающие при осуществлении въезда, транзитного проезда, передвижения (пребывания) на территории Российской Федерации либо выезда из Российской Федерации иностранных граждан либо лиц без гражданства [3, с. 25]. Данный термин является общеупотребительным в юридической литературе и упоминается в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [4], где сказано, что миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. С одной стороны, оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников, с другой стороны, не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства и адаптации мигрантов (п. 11).

Несовершенство системы правового регулирования миграционными процессами проявляется в наличии большого числа незаконных мигрантов. Так, ежегодно в стране от 3 до 5 миллионов иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения [4].

Правовая регламентация миграционных процессов осуществляется на основе общепризнанных принципов и норм международного права. К ним можно отнести Декларацию о правах человека в отношении лиц, не явля-

ющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г. [5], Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху [6] к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Помимо этого Россия ратифицировала Европейскую социальную хартию [7].

Между странами СНГ действует Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией (заключено в г. Москве 6 марта 1998 г.) [8].

В сфере трудовой миграции разработана Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников СНГ (заключена в г. Кишиневе 14 ноября 2008 г.). Вместе с тем, этот документ был ратифицирован пятью государствами из девяти (не ратифицировали Российская Федерация, Украина, Узбекистан, Таджикистан). Как отмечает Т.Я. Хабриева, процедура ратификации Российской Федерации этого международного документа затягивается по той причине, что потребуются существенные изменения норм российского законодательства, и в плане понятийного аппарата, и правового регулирования вопросов социальной защиты иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации [1].

Вопросы миграционной политики нашли отражение в Решении Совета глав правительств СНГ «О Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г.» (принято в г. Кишиневе 14 ноября 2008 г.) [9].

Стоит отметить общую тенденцию: в большинстве многосторонних соглашений на уровне СНГ и двусторонних соглашениях стран Содружества закреплены принципы защиты национальных рынков труда и приоритетного права «своих» граждан на занятие рабочих мест [10, с. 166]. Исключение из правил приоритета «своих» граждан составляет Договор о Евразийском экономическом союзе [11]. В ч. 1 ст. 97 сказано, что работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Подробная регламентация понятийного аппарата, трудовой деятельности трудящихся государств-членов Договора дана в разд. XXVI «Трудовая миграция».

Наряду с международно-правовым регулированием, национальный блок миграционного законодательства включает в себя ряд федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов (Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы ФМС). В настоящее время возникла острая необходимость не только в устранении пробелов и противоречий в нормах отечественного законодательства, но и в систематизации нормативных правовых актов, регулирующих миграционные процессы.

Следует обратить внимание на некоторые пробелы и коллизии. В частности, Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 315-ФЗ [12] внесены изменения в ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [13] и ст. 18.9 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [14]. Суть указанных изменений связана с внесением в ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» понятия «приглашающая сторона». В ст. 34 названного закона сказано, что административное выдворение иностранного гражданина из Российской Федерации осуществляется за счет средств выдворяемого гражданина, а при отсутствии у него средств либо если работник принят на работу с нарушением установленного данным Законом порядка привлечения и использования иностранных работников – за счет средств пригласившего его органа, дипломатического представительства или консульского учреждения иностранного государства, гражданином которого является выдворяемый гражданин, международной организации либо ее представительства, физического или юридического лица, оформившего приглашение на въезд, т.е. за счет приглашающей стороны. В свою очередь, КоАП РФ в ст. 18.9 предусматривает, что нарушение приглашающей или принимающей стороной либо должностным лицом юридического лица, обеспечивающего обслуживание иностранного гражданина или лица без гражданства либо выполняющего обязанности, связанные с соблюдением условий пребывания в Российской Федерации или транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, установленного порядка оформления документов на право пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, их проживания, передвижения, изменения места пребывания или жительства

в Российской Федерации и выезда за ее пределы, влечет наложение административного штрафа. А.О. Облезова, рассматривая различия в правовом статусе «принимающей стороны» и «приглашающей стороны», отмечает, что данный состав административного правонарушения является неопределенным. Несмотря на некоторую схожесть названных понятий, они обозначают разные статусы лиц, взаимодействующих с иностранными гражданами и лицами без гражданства. Данное обстоятельство создает проблемы, связанные с привлечением за неисполнение установленных обязанностей одного из отмеченных субъектов к административной ответственности. Автор подчеркивает при этом, что «принимающая сторона» и «приглашающая сторона» могут совпадать, но могут и не совпадать в одном лице [15, с. 39].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» под понятие «иностранный работник» не подпадает категория временно проживающих в Российской Федерации иностранных граждан, работающих на основании трудовых или гражданско-правовых договоров [3, с. 27].

Существенным упущением следует считать отсутствие законодательного закрепления обязательной процедуры дактилоскопирования иностранных мигрантов. В соответствии со ст. 33 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» обязательной дактилоскопической регистрации подлежат только две категории иностранных граждан: незаконно находящиеся в Российской Федерации и подлежащие приему (передаче) в соответствии с международным договором о реадмиссии.

В жилищном законодательстве не предусмотрены ограничения на количество возможных регистраций граждан по одному адресу. Данное обстоятельство используется для официальной регистрации значительного количества мигрантов по одному адресу, в так называемых «резиновых квартирах». Как показывает практика, иностранные граждане по данным адресам фактически не проживают, а их пребывание принимающей стороной не контролируется.

Законодателем предпринимаются отдельные попытки совершенствования норм миграционного законодательства. Так, 4 января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» [17], который предусмотрел отдельные изменения в Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1

«О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [17]. В результате этих нововведений формулировки понятия регистрации по месту жительства и по месту пребывания стали более четкими, увеличились штрафные санкции за нарушение правил регистрационного учета, введено новое понятие «фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации». Последнее названное понятие, а также и другое – «фиктивная постановка на учет по месту пребывания в жилом помещении» – введены и в Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (в редакции от 22 декабря 2014 г. № 446-ФЗ) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [18].

С целью унификации многих понятийных категорий и терминов, систематизации нормативных правовых актов, регулирующих миграционные процессы, в юридической литературе предлагается принять Миграционный кодекс РФ [19–21].

Разделяя идею о необходимости принятия Миграционного кодекса РФ, можно сказать, что основные его разделы должны включать:

- разработанный единый понятийно-категориальный аппарат;
- основы государственного регулирования миграционных процессов и систему управления ими;
- принципы государственной миграционной политики;
- правовой статус определенных категорий мигрантов;
- правовое регулирование порядка въезда, выезда, транзитного проезда, передвижения, пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства;
- регламентацию трудовой деятельности мигрантов на территории Российской Федерации;
- правовое регулирование порядка привлечения к уголовной и административной ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации.

Помимо этого, в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» целесообразно ввести обязательную государственную дактилоскопическую регистрацию при оформлении и выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию с последующим помещением полученных сведений в центральный банк данных.

1. Хабриева Т.Я. Совершенствование правовой базы СНГ и государств – участников Содружества в сфере миграции // URL: www.unionlawyers.ru/international/doklad.Doc. (дата обращения: 10.03.2015).

2. Башинская И.Г., Башинская О.М. О некоторых проблемах теории и практики применения законодательства в сфере нелегальной трудовой деятельности мигрантов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15.

3. Красинский В.В. Несовершенство миграционного законодательства и угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Современное право. 2013. № 2.

4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г. URL: www.kremlin.ru по сост. на 13.06.2012 (дата обращения 10.03.2015).

5. Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 255–259.

6. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности: принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 нояб. 2000 г., ратифицирован Российской Федерацией Федеральным законом от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3883.

7. Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята в г. Страсбурге 3 мая 1996 г. // Бюл. международных договоров. 2010. № 4. С. 17–67.

8. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией: заключено в г. Москве 6 марта 1998 г. // Содружество: информ. вестн. Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1998. № 1. С. 81–86.

9. О Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г.: решение Совета глав правительств СНГ: принято в г. Кишиневе 14 нояб. 2008 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Давлетгильдеев Р.Ш. Международное сотрудничество государств-участников СНГ в области трудовой миграции на современном этапе // Рос. юрид. журнал. 2013. № 5.

11. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (ред. от 10 окт. 2014 г., с изм. от 23 дек. 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 13.01.2015.

1. Habrieva T.Ya. Improving the legal framework of the CIS and CIS member states in the field of migration. URL: www.unionlawyers.ru/international/doklad.Doc. (date of access: 10.03.2015)

2. Bashinskaya I.G., Bashinskaya O.M. Some problems in the theory and practice of law in the area of illegal employment of migrants // Theory and practice of social development. 2014. № 15.

3. Krasinsky V.V. Imperfection of migration legislation and threats to national security of the Russian Federation // Modern law. 2013. № 2.

4. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025: approved by the President of the Russian Federation of June 13, 2012. URL: www.kremlin.ru as of 13.06.2012 (date of access: 03.10.2015).

5. Existing international law. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 255–259.

6. Protocol against the Smuggling of migrants by land, sea and air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime: adopted with resolution 55/25 of United Nations General Assembly of Nov. 15, 2000, ratified by the Russian Federation with the Federal law of Apr. 26, 2004 № 26 FL // Coll. of the legislation of the Russian Federation. 2004. № 40. Art. 3883.

7. The European Social Charter (revised): accepted in Strasburg May 3, 1996 // Bull. of international agreements. 2010. № 4. P. 17–67.

8. Cooperation agreement of states – members of the Commonwealth of Independent States in the fight against illegal migration: signed in Moscow on March 6, 1998 // Commonwealth: information bull. of the Council of Heads of State and the Council of CIS Heads of Government. 1998. № 1. P. 81–86.

9. CIS Economic development strategy for the period up to 2020: decision of the Council of Heads of Government of the CIS: adopted in Chisinau of Nov. 14, 2008. Access from legal reference «ConsultantPlus».

10. Davletgildeev R.Sh. International cooperation of CIS member states in the field of labor migration at the present stage // Russian law journal. 2013. № 5.

11. The Treaty on the Eurasian Economic Union: signed in Astana on May 29, 2014 (ed. of Oct. 10, 2014, rev. of Dec. 23, 2014) // The official internet-portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 13.01.2015.

12. On amendments to the Federal law «On legal status of foreign citizens in the Russian Federation» and article 18.9 and 28.3 of the Code of the Russian Federation about administrative offences: fed. law of Dec. 30, 2012 № 315-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 53, pt. 1. Art. 7640.

12. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статьи 18.9 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2012 г. № 315-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53, ч. 1. Ст. 7640.
13. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер.закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31 дек. 2014 г. № 519-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2015. № 1, ч. 1. Ст. 72.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1; Рос. газ. 2015. 11 марта.
15. Облезова (Харитоновна) А.О. Новое в миграционном законодательстве: введение ответственности за непринятие приглашающей стороной мер по обеспечению приглашенного иностранного гражданина // Миграционное право. 2013. № 1. С. 39–40.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты: федер. закон от 21 дек. 2013 г. № 376-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.
17. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (ред. от 31 дек. 2014 г. № 525-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 32. Ст. 1227; Собр. законодательства РФ. 2015. № 1, ч. 1. Ст. 78.
18. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 22 дек. 2014 г. № 446-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285; 2014. № 52. ч. 1. Ст. 7557.
19. Жеребцов А.Н. Авторская концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 1. С. 15–19.
20. Телешина Н.Н. Понятие и место миграционного права в системе права Российской Федерации // Рос. юстиция. 2012. № 1. С. 10–13.
21. Казакова Т.В. Правовое регулирование миграционных процессов: проблемы и перспективы развития // Юрид. мир. 2014. № 5.
13. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: fed. law of July 25, 2002 № 115-FL (ed. of Dec.31, 2014 № 519-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032; 2015. № 1, pt. 1. Art. 72.
14. Code of the Russian Federation about administrative offences of Dec. 30, 2001. № 195-FL (ed. of March 8, 2015 № 41-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. 1. Art. 1; Rus. newsp. 2015. March 11.
15. Oblezova (Kharitonova) S.A. New in migration legislation: introduction of responsibility for the failure of the host side measures for visiting foreign citizen // Immigration law. 2013. № 1. P. 39–40.
16. On amendments to certain legislative acts: fed. law of Dec. 21, 2013 № 376-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 51. Art. 6696.
17. On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement and choice of place of residence within the Russian Federation: law of the Russian Federation of June 25, 1993 № 5242-1 (ed. of Dec. 31, 2014 № 525-FL) // Bull. of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 32. Art. 1227; Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 1. pt. 1. Art. 78.
18. On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: fed. law of July 18, 2006 № 109-FL (ed. of Dec. 22, 2014 № 446-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 30. Art. 3285; 2014. № 52, pt. 1. Art. 7557.
19. Zherebtsov A.N. The author's concept of administrative and legal regulation of migration relations in the Russian Federation // Immigration law. 2011. № 1. P. 15–19.
20. Teleshina N.N. Concept and place of migration law in the legal system of the Russian Federation // Russian justice. 2012. № 1. P. 10–13.
21. Kazakova T.V. Legal regulation of migration processes: problems and prospects of development // Legal world. 2014. № 5.

Техов Дмитрий Николаевич

адъюнкт кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79054143375)

О некоторых проблемах допустимости протокола осмотра места совершения административного правонарушения как источника доказательств

В статье рассмотрены некоторые правовые аспекты проблемы разграничения смежных составов административных правонарушений и преступлений, связанных с совершением дорожно-транспортных происшествий, в результате которых причинен вред здоровью потерпевшего. На основе данных судебной практики проанализирована роль протокола осмотра места совершения административного правонарушения как источника доказательств при рассмотрении административных и уголовных дел в судах.

Ключевые слова: протокол осмотра места совершения административного правонарушения, производство по делу об административном правонарушении, источник доказательств.

D.N. Tekhov, Adjunct of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79054143375.

On some problems of admissibility protocol inspection of the administrative offense as a source of evidence

The article discusses some of the legal aspects of the problem of differentiation of adjacent elements of administrative offenses and crimes relating to the commission of road traffic accidents, which caused the injury victim. On the basis of jurisprudence analyzed the role of protocol inspection of the administrative offense as a source of evidence in administrative and criminal cases in the courts.

Key words: protocol of survey of place of commission of an administrative offense, proceedings of administrative offense, source of evidence.

Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях содержат материальные нормы, имеющие один объект посягательства, отличающиеся лишь содержанием объективной стороны. Это так называемые смежные, или пограничные, составы, при обнаружении которых не всегда имеется объективная возможность дать правильную квалификацию деяния.

С.А. Шейфер справедливо отмечает: «...не всегда ясно, осуществлялась ли подделка подписей избирателей единолично лицом, осуществлявшим сбор подписей (ст. 5.46 КоАП РФ), или группой лиц (ст. 142 УК РФ). Подобно этому порой трудно определить размер незаконно приобретенных, хранимых, перевозимых, изготавливаемых, перерабатываемых наркотических средств (ст. 6.8 КоАП РФ), в то время как их крупный размер при аналогичных действиях образует состав преступления (ст. 228 УК РФ). От характера последствий нарушения санитарно-эпидемиологических правил, не всегда

очевидных, зависит отнесение их к административным правонарушениям (ст. 6.6 КоАП РФ) либо к преступлениям (ст. 236 УК РФ). Как известно, мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) отличается от кражи (ст. 158 УК РФ) размером похищенного, который не всегда очевиден. Сходные пограничные ситуации обнаруживаются при анализе экологических правонарушений (порча земли, лесонарушений и т.д.), правонарушений на транспорте и в области дорожного движения (нарушение правил дорожного движения и др.), в сфере предпринимательской деятельности и таможенного дела (фиктивное или преднамеренное банкротство, контрабанда и проч.), против порядка управления и общественной безопасности (самоуправство, хулиганство и т.п.)» [1, с. 57].

Одним из таких неочевидных противоправных деяний является нарушение правил дорожного движения водителем или иным участником дорожного движения, повлекшее причинение вреда здоровью потерпевшего. В

настоящее время одной из актуальных проблем является проблема отграничения признаков преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264, 268 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ. В рассматриваемых нами случаях отграничение преступления от административного правонарушения осуществляется исходя из признаков объективной стороны противоправного деяния, которая зачастую характеризуется неочевидностью как механизма его совершения, так и степени тяжести вреда здоровью потерпевшего.

С формальной точки зрения, это не должно вызывать каких-либо трудностей. При наличии признаков состава преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 264 или ст. 268 УК РФ, оформление процессуальных документов должно осуществляться в соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального закона. В противном случае, при наличии состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, необходимо руководствоваться административно-процессуальными нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Однако, как показало исследование, в правоприменительной практике актуальна проблема, связанная с отсутствием объективной возможности оперативным путем получить достоверные сведения о степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, что зачастую является препятствием в правильном выборе процессуального закона, в соответствии с которым будет осуществляться оформление материалов дорожно-транспортного происшествия.

Во многом это связано с бланкетным характером диспозиций указанных правовых норм КоАП РФ, которые в целях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью пострадавшего, отсылают правоприменителя к иным нормативно-правовым актам Российской Федерации. К таковым, в первую очередь, можно отнести постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 (в редакции от 17 ноября 2011 г.) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» и приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н (в редакции от 18 января 2012 г.) «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Указанные нормативно-правовые акты адресованы, прежде всего, медицинским ра-

ботникам и судебно-медицинским экспертам, обладающим специальными познаниями в рассматриваемой сфере отношений, и в деятельности сотрудников полиции не применяются. Помимо конкретных травм, заболеваний и состояний, они содержат в себе такие квалифицирующие признаки вреда здоровью, как значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть, полная утрата профессиональной трудоспособности, длительное расстройство здоровья, значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть и др. – иными словами, признаки, напрямую связанные с продолжительностью лечения пострадавшего, что не дает возможности получить экспертное заключение о степени тяжести вреда до окончания его лечения.

Кроме того, повлиять на окончательную оценку степени тяжести вреда может и несовершенство положений самого приказа Минздравсоцразвития. Так, Е.Х. Баринов считает, что несообразность указанных в приказе медицинских критериев при определении степени тяжести вреда может повлечь завышение степени тяжести телесных повреждений, неправильную квалификацию деяния, вынесение неправосудного решения [2, с. 36].

Несмотря на это, на месте дорожно-транспортного происшествия весь комплекс оперативно-следственных действий должен быть проведен незамедлительно, в кратчайшие сроки, т.к. впоследствии все следы и вещественные доказательства могут быть частично или полностью утрачены безвозвратно. В связи с этим на первоначальном этапе расследования в основу юридической квалификации деяния и, соответственно, решения о применении для оформления материала процессуальных норм УПК РФ или КоАП РФ ложатся не достоверные, а предполагаемые конкретным субъектом правоприменения данные о степени тяжести вреда здоровью, основанные на первичном диагнозе, поставленном врачом скорой медицинской помощи либо лечебно-медицинского учреждения.

В результате этого впоследствии не редки случаи, когда после проведения судебно-медицинской экспертизы степень тяжести телесных повреждений, полученных пострадавшими в ДТП, может отличаться от предполагаемой первоначально. В этом случае возможно возникновение следующих ситуаций:

1) причинен тяжкий вред здоровью, а процессуальные документы оформлены на основе норм КоАП РФ;

2) причинен легкий или средний вред здоровью, а первичный материал собран в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

В целях исключения подобных ситуаций при отсутствии руководящего документа МВД России территориальные органы внутренних дел издадут собственные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок взаимодействия различных служб ОВД. Так, например, приказом ГУ МВД России по Ставропольскому краю от 5 апреля 2012 г. № 214 утвержден порядок действий сотрудников подчиненных территориальных органов МВД России на районном уровне при получении сообщения о ДТП, в котором пострадали люди. Действие приказа распространяется на сотрудников органов предварительного следствия, ГИБДД, ЭКЦ, УУР и дежурных частей территориальных органов. Приказ утверждает следующие алгоритмы действий сотрудников ОВД:

1) порядок действий при ДТП с очевидным и немедленным наступлением последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ;

2) порядок действий при ДТП без очевидного и немедленного наступления последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ.

Так, в соответствии с п. 5 указанного приказа к очевидному и немедленному наступлению последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, относятся произошедшие в результате ДТП:

смерть одного или нескольких граждан;

причинение тяжкого вреда здоровью человека в виде открытых переломов конечностей, проникающих ранений позвоночника, открытых переломов длинных трубчатых костей (плечевой, бедренной, большеберцовой и т.д.);

наступление иного вреда здоровью, опасного для жизни человека, очевидность которого документально подтверждается на месте происшествия.

В зависимости от наступления указанных последствий на место ДТП направляются следственно-оперативная группа либо сотрудники ГИБДД.

Как видно, приведенный в приказе перечень критериев тяжкого вреда здоровью не является исчерпывающим, что опять же не исключает проблемы перехода от административного к уголовно-процессуальному производству или в обратном направлении.

В отношении уголовно-процессуальных документов, составленных в рамках производства по уголовному делу, Верховный суд РФ высказал свое суждение. Так, протоколы и иные материалы ранее прекращенного уголов-

ного дела в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности за те же действия (бездействие), могут быть использованы в качестве доказательств при рассмотрении дела об административном правонарушении [3].

Несколько сложнее ситуация, связанная с «движением» административного материала с признаками преступления. С формальной точки зрения, в КоАП РФ предусмотрены процессуальные нормы, предусматривающие механизм передачи административных материалов, имеющих признаки состава преступления, по подследственности. Так, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ, если в действиях (бездействии) лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, содержатся признаки преступления, по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении должно быть вынесено постановление о прекращении производства по делу и передаче материалов дела прокурору, в орган предварительного следствия или в орган дознания.

Однако в этой связи возникает резонный вопрос: какова доказательственная ценность процессуальных документов, в частности протокола осмотра места совершения административного правонарушения, составленного на основе норм КоАП РФ, вовлекаемых в уголовный процесс? В подобных ситуациях протокол осмотра места совершения административного правонарушения, имеющий статус процессуального документа в административно-юрисдикционном процессе, может быть вовлечен в уголовный процесс в качестве источника доказательств только как иной документ, составленный за рамками требований этого процесса. По основаниям, предусмотренным ст. 75 УПК РФ, подобные документы могут быть отнесены к недопустимым доказательствам.

На эту же проблему обращает внимание В.М. Палий, который отмечает, что «необходимо рассмотреть возможность преобразования административных правоотношений в уголовно-процессуальные при установлении в ходе производства по делу об административном правонарушении признаков уголовно наказуемого деяния (например, когда мелкое хулиганство как административный проступок в связи с изменением обстоятельств перерастает в хулиганство – уголовно наказуемое деяние). Интересен также и обратный процесс: прекращение производства по уголовному делу и передача материалов для возбуждения дела об административном правонарушении» [4, с. 65].

Из теории права известно, что доказательства представляют собой фактические данные (сведения), на основе которых устанавливаются обстоятельства дела, а под их источниками понимаются различные средства их сохранения и передачи. Как справедливо отмечает Д.Н. Бахрах, от доказательств как фактических данных следует отличать их источники, представляющие собой средства сохранения и передачи информации, с помощью которых она вовлекается в сферу производства по делам об административных правонарушениях [5, с. 13]. Источники сведений о фактах требуют соответствующих процессуальных форм закрепления, удостоверения [6].

В общем виде процессуальная форма представляет собой урегулированный нормами процессуального права порядок осуществления процессуальной деятельности и документального закрепления ее результатов.

В производстве по делам об административных правонарушениях процессуальной формой закрепления фактических данных, характеризующих материальную обстановку на месте ДТП, является протокол осмотра места совершения административного правонарушения. Законодателем выделен ряд обязательных требований к процессуальной форме этого протокола, которые подробно изложены в ст. 28.1.1 КоАП РФ:

1) лицам, участвующим в осмотре, разъясняются их права и обязанности, о чем должна быть сделана соответствующая запись в протоколе;

2) протокол составляется в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 Кодекса, уполномоченными должностными лицами административной юрисдикции в присутствии двух понятых (если не применяется видеозапись) и удостоверяется подписями всех участвовавших в нем лиц;

3) протокол должен содержать обязательный объем доказательственной информации, установленный ч. 4–5 ст. 28.1.1 Кодекса.

Невыполнение какого-либо из перечисленных требований может повлечь признание рассматриваемого процессуального документа недопустимым источником доказательств.

Так, например, 10 октября 2011 г. судьей Тоцкого районного суда Оренбургской области А.В. Градовым при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ, в отношении Е.Н. Цвяк был опрошен свидетель. Согласно его показаниям он был остановлен сотрудни-

ком ГИБДД, который попросил его поучаствовать в качестве понятого при осмотре места ДТП. При этом сотрудник ГИБДД показал ему уже составленный протокол осмотра места происшествия и попросил удостоверить его своей подписью. Таким же образом был привлечен и второй понятой. Учитывая, что протокол осмотра места совершения административного правонарушения был составлен с нарушением требований ст. 28.1.1 КоАП РФ, т.е. в отсутствие понятых, суд признал его недопустимым доказательством.

Кроме того, отсутствие рассматриваемого протокола в материалах дела может служить основанием к отмене ранее вынесенных постановлений по этому делу. Так, постановлением судьи Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 30 июня 2009 г. С.А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами на полтора года. Оспаривая законность вынесенного постановления, С.А. обратился с жалобой в Санкт-Петербургский городской суд. При рассмотрении жалобы было установлено, что в материалах дела отсутствует протокол осмотра места совершения административного правонарушения, составление которого обязательно в силу ст. 28.1.1 КоАП РФ, что является серьезным процессуальным нарушением.

Решением Санкт-Петербургского городского суда от 23 июля 2009 г. № 5-65/09 постановление судьи Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 30 июня 2009 г. было отменено.

Напротив, согласно приговору Рудничного районного суда г. Кемерово от 31 мая 2013 г. по уголовному делу № 1-102/2013 суд признал протокол осмотра места совершения административного правонарушения и схему места совершения административного правонарушения допустимым доказательством по делу по тем основаниям, что судом не установлено нарушений требований КоАП РФ при оформлении указанных документов в рамках административного производства.

В ходе проведенного исследования были изучены приговоры судов, вступившие в законную силу, по ст. 264 УК РФ. Так, было исследовано 494 приговора, вынесенных в Краснодарском крае в 2013 г., из которых в 38 случаях в качестве источника доказательств по делу фигурирует протокол осмотра места совершения административного правонарушения. За

аналогичный период в Ставропольском крае исследовано 265 приговоров, в которых протокол осмотра места совершения административного правонарушения указан как источник доказательств 10 раз (3,8%), а в Ростовской области из 214 приговоров – 9 раз (4,2%). Все они были признаны судами допустимыми источниками доказательств.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Практика рассмотрения судами дел об административных правонару-

шениях по ст. 12.24 КоАП РФ показывает, что протоколы осмотра места совершения административного правонарушения допускаются в качестве источника доказательств по делу при условии соблюдения их процессуальной формы требованиям ст. 28.1.1 КоАП РФ. Такой же подход прослеживается в деятельности судов при вовлечении протокола осмотра места совершения административного правонарушения в качестве источника доказательств при рассмотрении уголовных дел.

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.

2. Баринов Е.Х. Проблемы определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 12.

3. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2014).

4. Палий В.М. О некоторых аспектах взаимосвязи между административным, уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным видами деятельности // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 1(19).

5. Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Производство по делам об административных правонарушениях: учеб. пособие. М., 1989.

6. Мелехин А.В. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.12.2014).

1. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow, 2009.

2. Barinov E.H. The problems of determining the severity of harm to human health // Legal issues in health care. 2011. № 12.

3. On some issues arising from the courts in the application of the Code of the Russian Federation about administrative offences: resolution Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005 № 5. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 20.12.2014).

4. Paly V.M. Some aspects of the relationship between administrative, criminal procedural and operational-search activities // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 1(19).

5. Bakhrakh D.N., Renov E.N. Proceedings on administrative violations: study aid. Moscow, 1989.

6. Melekhin A.V. Theory of state and law: textbook. 2nd ed., rev. and add. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 20.12.2014).

Бит-Шабо Инесса Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права
Саратовской государственной юридической академии
(e-mail: inessavita@mail.ru)

К вопросу о правовом регулировании ответственности государственных социальных внебюджетных фондов: проблемы научной дифференциации

В целях представления авторской позиции по вопросам ответственности государственных социальных внебюджетных фондов, научного разграничения ее видов исследованию подверглись нормы бюджетного, налогового, административного и уголовного законодательства, а также сложившиеся научные позиции. Посредством использования метода научного анализа определено соотношение бюджетного принуждения и юридической ответственности в контексте исследуемой проблематики. В качестве вывода сформулировано авторское определение юридической ответственности государственных социальных внебюджетных фондов.

Ключевые слова: юридическая ответственность, финансово-правовая ответственность, государственные социальные внебюджетные фонды.

I.V. Bit-Shabo, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Financial, Bank and Customs Law of the Saratov State Law Academy; e-mail: inessavita@mail.ru

To the question of legal regulations of state non-budgetary funds liability: the aspects of academic differentiation

For introduction of the author's position in the questions of legal regulations of state non-budgetary funds liability and academic differentiation of its types, statutory regulations (budget, tax, administrative, criminal legislation) and the existing scientific points of view were researched. By means of scientific analysis, the interrelation of budget constraint and legal liability was defined in the context of the researched topic. The author's definition of state non-budgetary funds legal liability was stated as a conclusion.

Key words: legal liability, financial and legal liability, state non-budgetary funds.

В настоящее время вопросы юридической ответственности в рамках реализации разного рода правоотношений приобретают первостепенное значение, поскольку данный институт, являясь составляющим элементом правового статуса субъекта, рассматривается и в качестве условия соблюдения норм законодательства и становления правового государства.

С каждым годом повышается научно-практический интерес к проблемам правового регулирования юридической ответственности в целом и ее отдельным видам, в том числе и появившимся в последние десятилетия и признаваемым отнюдь не всем научным сообществом. Причиной роста внимания является необходимость повышения уровня правовой дисциплины субъектов правоотношений, желание государства не допустить массового нарушения норм действующего законодательства.

Юридическая ответственность в данном аспекте есть один из самых действенных инструментов.

Юридическая ответственность в широком смысле обладает признаком системы, включающей отдельные сходные по основным признакам элементы, взаимосвязанные между собой. Системный характер юридической ответственности доказан в работах Д.А. Липинского [1], Р.Р. Хаснутдинова [2] В.М. Ягудиной [3]. По мнению профессора П.М. Курдюка, «никакое определение не может содержать в себе все признаки юридической ответственности, поскольку оно будет слишком громоздким, терминологически перегруженным». Данное обстоятельство затрудняет формулирование унифицированного ее определения, которое будет учитывать все ее особенности и внутрисистемные связи [4].

Основные элементы юридической ответственности есть ее виды, существование части которых до сих пор ставится научным сообще-

ством под сомнение. Наряду с общепризнанными, выделяют конституционно-правовую ответственность, муниципально-правовую ответственность, финансово-правовую ответственность, налогово-правовую ответственность как подвид последней и т.д. То есть при исследовании юридической ответственности используются видовой критерий.

Особенности юридической ответственности в отдельных общественных отношениях изучаются посредством применения их объекта. Как правило, в таких случаях ответственность наделяется характеристикой комплексности [см., например: 5–7].

Признание финансово-правовой ответственности как самостоятельного вида в рамках теории юридической ответственности до сих пор ставится рядом ученых под сомнение [см., например: 8, с. 49–52; 9], несмотря на имеющиеся фундаментальные правовые исследования в данной области, заключающие в себе концептуальные идеи. Многие из специалистов связывают выделение такого вида ответственности, признавая его ошибочным, с наличием отраслевого кодифицированного акта либо единого федерального закона, дающего ложное, по их мнению, основание для обоснования, например, налоговой ответственности, бюджетной ответственности и т.д. [10, с. 11].

Отдельные ученые, размышляя на обозначенную тему, приходят к выводу о бесплодности имеющихся научных разработок теории финансово-правовой ответственности [11, с. 388–399].

Действительно, следует констатировать достаточное количество научных исследований, доказавших или обозначивших самостоятельный характер финансово-правовой ответственности [12–16]. В данном аспекте следует остановиться на диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук А.З. Арсланбековой «Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности» [17].

В настоящее время можно говорить о возможности формирования единого подхода к понятию «финансово-правовая ответственность» в среде сторонников ее видовой самостоятельности. То есть это «правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обе-

спечивается возможностью государственного принуждения» [18, с. 20]. При этом А.З. Арсланбекова к данному определению добавляет еще «позитивную» составляющую юридической ответственности, присовокупляя к понятию «добровольное соблюдение физическими лицами и организациями правовых требований, основанное на сознательно надлежащем выполнении ими своих финансовых обязанностей перед государством» [17, с. 16].

В одном из пособий группа ученых утверждает, что «многие спорные вопросы действующего законодательства о финансовой ответственности являются результатом отсутствия единого теоретического и практического подхода к понятию финансово-правовой ответственности, финансовой санкции и финансового правонарушения. Правовое регулирование при отсутствии единой теоретической обоснованности финансово-правовых категорий приводит к отрицательным последствиям и разного рода противоречиям в данной сфере» [19], что представляется отчасти спорным и требующим дополнительного обоснования.

Действительно, есть определенная разобщенность научных позиций по вопросу места финансово-правовой ответственности в системе юридической ответственности. При этом относительно финансово-правовых санкций научных дискуссий быть не может, поскольку в науке финансового права сформировалась позиция об особом их характере – материальном, имеющем основной своей целью восстановление (прежде всего, имущественное) ранее имевшегося положения субъектов финансовых правоотношений. Следует отметить, что А.З. Арсланбекова указывает еще и на обременения организационного характера в рамках финансово-правовых санкций, учитывая возможность применения Центральным банком РФ отзыва и приостановки действия лицензии на осуществление банковских операций и сделок [17, с. 17]. При этом М.Б. Разгильдиева, осуществившая концептуальное исследование финансово-правового принуждения, настаивает на невозможности обнаружения позитивного аспекта финансово-правовой ответственности [20, с. 18].

Не отрицая наличия нескольких научных позиций по вопросу содержания и сущности финансово-правовой ответственности, финансово-правовых санкций, финансовых правонарушений, можно утверждать, что ведущие школы финансового права едины во мнении их наличия, отраслевой самостоятельности и значимости для реализации правоотношений в

области финансов и финансовой деятельности государства и муниципальных образований.

Финансово-правовую ответственность как вид ответственности юридической наряду с правами и обязанностями, гарантиями государственных социальных внебюджетных фондов следует рассматривать как элемент их финансово-правового статуса. Данное положение можно подтвердить позицией А.А. Мусаткиной о том, что «финансовая ответственность является элементом финансово-правового статуса физических и юридических лиц, на которых распространяет свое воздействие финансовое законодательство» [21].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что юридическая ответственность государственных социальных внебюджетных фондов представляет собой комплексный правовой институт. В зависимости от реализуемых фондами прав и исполняемых обязанностей, а также от правоотношений, в которые они вступают, возможно привлечение к материальной, административной, уголовной и финансово-правовой ответственности (например, налоговой как налоговых агентов).

Нормативные документы, закрепляющие статус государственных социальных внебюджетных фондов, определяют, что органы управления либо их руководители несут ответственность за исполнение фондами функций, возложенных на фонды (ст. 9 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации [22]; ст. 21 постановления Правительства РФ о Фонде социального страхования Российской Федерации [23]; ст. 21 Устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования [24]). При этом правовые документы не конкретизируют, какой именно ответственности они будут подвергаться.

Основная цель юридической ответственности государственных социальных внебюджетных фондов состоит в обеспечении баланса интересов личности, имеющей потребность в социальной защите со стороны государства, общества и государства, как основного гаранта исполнения конституционных установок, в целях эффективного функционирования социального государства, достигаемого комплексом инструментов, в том числе законным аккумулированием и расходованием средств бюджетов фондов. То есть цель «наказать» виновного должна достигаться с учетом глобальной названной цели. Поэтому ответственность должна исполнять карательную, праввосстановительную, пресекающую и превентивную функции в комплексе, в том числе и относительно государственных социальных внебюджетных фондов.

В целом юридическую ответственность государственных социальных внебюджетных фондов можно рассмотреть как возможную гарантию защиты интересов государства, общества и отдельной личности от их противоправной деятельности, а также средством обеспечения реализации принципа законности в процессе деятельности государственных социальных внебюджетных фондов и соблюдения ими финансовой дисциплины.

Необходимо отметить наличие научного исследования проблем правовой природы ответственности за правонарушения в сфере использования средств бюджетов государственных социальных внебюджетных фондов, проведенного О.А. Ногиной [25, с. 388]. Принципиальной особенностью построения авторских размышлений является их ориентированность, прежде всего, на средства фондов как предмет посягательства со стороны нарушителей действующего законодательства.

Основанием применения финансово-правовой ответственности к государственным социальным внебюджетным фондам должно являться финансовое правонарушение. Действующее законодательство позволяет выявить только бюджетные нарушения, видовой перечень которых закреплен в ст. 306.4–306.8 Бюджетного кодекса РФ. Однако указанный перечень нарушений предполагает применение к нарушителю мер бюджетного принуждения, которые принято дифференцировать от понятия ответственности. Так, М.Б. Разгильдиева пишет: «Система бюджетно-правового принуждения в настоящее время не включает такой разновидности, как бюджетно-правовая ответственность... в системе мер бюджетно-правового принуждения...затруднительно выделить такие меры, применение которых обеспечивало бы функцию юридической ответственности – наказание. Карательное воздействие на нарушителя бюджетно-правовых норм осуществляется мерами административной и уголовной ответственности» [20, с. 516]. При этом в целом автор утверждает, что финансово-правовая ответственность и принуждение соотносятся как часть и целое [20, с. 339].

Одним из факторов, отличающих ответственность от иных мер принуждения (в том числе и в финансовом праве), является ее цель. Основопологающей целью ответственности следует назвать наложение дополнительных обременений, т.е. сверх обязанностей, которые должны были быть исполнены. Следовательно, финансово-правовая ответственность, прежде всего, должна носить карательный характер.

В 2013 г. часть четвертая Бюджетного кодекса РФ получила новое название, отказавшись от употребления понятия «ответственность за нарушение бюджетного законодательства». При этом ч. 2 ст. 1 указывает, что данный акт закрепляет правовые основы и условия привлечения к ответственности за нарушения бюджетного законодательства.

Говоря о принуждении в целом, следует отметить, что представители науки административного права дифференцируют административное принуждение на принуждение, применяемое вне связи с правонарушением (меры, применяемые в силу государственной необходимости, и меры контрольно-предупредительного характера), и административное принуждение, связанное с правонарушением (административно-восстановительные меры, а также меры административного пресечения, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, административной ответственности) [26, с. 7]. Достаточно детальный анализ соотношения мер государственного принуждения в административном и бюджетном праве провели М.А. Лапина и Д.В. Карпунин [27], пришедшие к выводу о том, что составы правонарушений, закрепленные в Кодексе РФ об административных правонарушениях и Бюджетном кодексе РФ, дублируют друг друга, при этом в последнем нормативном правовом акте содержатся меры принуждения, отсутствующие в КоАП РФ. Авторы предлагают провести редакцию норм КоАП РФ посредством добавления в соответствующие статьи положений, отсылающих к нормам Бюджетного кодекса РФ, т.е. не выделять в нем бюджетные нарушения в рамках отдельных статей.

Исходя из сказанного, представляется возможным определить, что за бюджетные нарушения применяются бюджетные меры принуждения, к которым относятся:

бесспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации;

бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации;

бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета;

приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций);

передача уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств.

Бюджетное нарушение определяется как совершенное в нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, и договоров (соглашений), на основании которых предоставляются средства из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, действие (бездействие) финансового органа, главного распорядителя бюджетных средств, распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета, за совершение которого Бюджетным кодексом РФ предусмотрено применение бюджетных мер принуждения. Отдельными авторами отмечается, что необходимо заменить используемое Бюджетным кодексом РФ понятие «бюджетное нарушение» понятием «бюджетное правонарушение» [19], во избежание сложностей в правоприменении. Считаем, что данное предложение не лишено целесообразности. Однако принципиальной разницы в употреблении данного понятия, учитывая предложенное Бюджетным кодексом РФ содержание, не наблюдается.

С позиции теории государства и права правонарушение – это противоправное, виновное, наказуемое, общественно опасное деяние вменяемого лица, причиняющее вред интересам государства, общества и граждан. Соответственно, в законодательно закрепленном понятии бюджетного нарушения можно обнаружить признаки правонарушения: деяние, противоправность, наказуемость.

Субъектами бюджетного нарушения согласно ст. 6 и ст. 306.1 Бюджетного кодекса РФ признаются органы управления государственных внебюджетных фондов, признаваемые главными распорядителями, распорядителями, получателями бюджетных средств, главным администратором доходов бюджета, главным администратором источников финансирования дефицита бюджета.

Относительно государственных социальных внебюджетных фондов возможно применение налоговой ответственности, поскольку юридические лица могут являться ее субъектами, если они являются сами налогоплательщиками, налоговыми агентами либо представителями налогоплательщика и налогового агента.

При этом на них распространяются общие положения Налогового кодекса РФ, характерные и для иных налогоплательщиков – юридических лиц, не наделенных властными полномочиями. Можно констатировать отсутствие каких-либо характерных особенностей в процессе привлечения к налоговой ответственности.

В качестве субъектов ответственности органы управления государственных социальных внебюджетных фондов упоминаются лишь в ст. 102 «Налоговая тайна», которая отсылает к ст. 13.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Возможность привлечения соответствующих должностных лиц к административной ответственности закреплена ст. 15.14 «Нецелевое использование бюджетных средств», ст. 15.15 «Невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита», ст. 15.15.1 «Неперечисление или несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом», ст. 15.15.2 «Нарушение условий предоставления бюджетного кредита», ст. 15.15.3 «Нарушение условий предоставления межбюджетных трансфертов».

Схожесть объективной стороны административных правонарушений и уголовных преступлений, совершаемых соответствующими лицами государственных социальных внебюджетных фондов, позволяет выделить основной критерий различия – тяжесть совершенного деяния.

Законодательно закреплена уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285¹ и ст. 285² Уголовного кодекса РФ). Следует обратить внимание, на то, что финансовое, бюджетное и административное законодательство оперирует понятием «использование», в то время как Уголовный кодекс РФ говорит о «расходе». На данное терминологическое расхождение обращал внимание Р.Р. Фазылов в диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Уголовная ответственность за нецелевое рас-

ходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов» [28].

Определяющей особенностью данных составов является своеобразное уголовно-правовое отражение сложившегося состава финансовой системы. Поскольку государственные социальные внебюджетные фонды выделяются в качестве самостоятельного звена, уголовный закон объективно закрепил в двух самостоятельных составах нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных социальных внебюджетных фондов. Хотя многие ученые обращают внимание на достаточную схожесть рассматриваемых статей. Так, А.В. Бриллиантов пишет, что «состав преступления, предусмотренного ст. 285² УК РФ, во многом имеет сходство с составом ст. 285¹ УК РФ. Отличие заключается в том, что ... речь идет о нецелевом расходовании не бюджетных средств, а средств государственных внебюджетных фондов, т.е. предметом преступления являются средства государственных внебюджетных фондов. Целевое же предназначение таких средств определяется на уровне законодательства РФ и закрепляется в бюджете соответствующего внебюджетного фонда» [29].

Итак, возможность применения к государственным социальным внебюджетным фондам, а также их органам управления различных видов ответственности позволяет сформулировать следующее определение. В широком смысле юридическая ответственность государственных социальных внебюджетных фондов есть комплексный правовой институт, представляющий собой систему разновидных мер государственного принуждения, применяемых в предусмотренной нормами разной правоотраслевой принадлежности процессуальной форме в целях создания условий, вынуждающих государственный социальный внебюджетный фонд, органы его управления и должностных лиц претерпевать негативные последствия материального, организационного, личного характера как следствие совершенного ими нарушения норм действующего законодательства.

1. Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // *Право и политика*. 2004. № 12.

2. Хаснутдинов Р.Р. Юридическая ответственность как функциональная система // *Вектор науки ТГУ*. 2012. № 1(19).

3. Ягудина В.М. Система юридической ответственности // *Юридический мир*. 2009. № 10(154).

1. Lipinskiy D.A. About some aspects of legal liability // *Law and politics*. 2004. № 12.

2. Khasnutdinov R.R. Legal liability as a functional system // *Science vector of TSU*. 2012. № 1(19).

3. Yagudina V.M. The system of legal liability // *Legal world*. 2009. № 10(154).

4. Kurdiuk P.M. The development of scientific approach and conceptions about the legal liability

4. Курдюк П.М. Развитие научных подходов и концепций о сущности юридической ответственности в контексте трансформации российской правовой системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 3(22). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Болтанова Е.С. Юридическая ответственность за земельные правонарушения // Журнал рос. права. 2014. № 12.
6. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестн. гражданского права. 2014. № 6.
7. Гогин А.А. Проблемы юридической ответственности в сфере страховых отношений // Юрист. 2015. № 2.
8. Стариллов Ю.Н. Нарушения налогового законодательства и юридическая ответственность. Воронеж, 1995.
9. Томилин О.О. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения в финансовой сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2003.
10. Кузьмичева Г.А., Калинина Л.А. Административная ответственность. М., 2000.
11. Шевелева Н.А. К вопросу о «финансовой» и «бюджетной» ответственности // Очерки финансово-правовой науки современности / под общ. ред. Л.К. Вороновой и Н.И. Химичевой. Москва; Харьков, 2011.
12. Гейхман О.А. Бюджетно-правовая ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
13. Крохина Ю.А. Теоретические основы финансово-правовой ответственности // Журнал рос. права. 2004. № 3.
14. Маркелов Ф.В. Теоретические проблемы ответственности за нарушения бюджетного законодательства (финансово-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
15. Мусаткина А.А. Признаки финансово-правовых санкций // Финансовое право. 2004. № 1.
16. Саттарова Н.А. Принуждение в финансовом праве. М., 2006.
17. Арсланбекова А.З. Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008.
18. Батыров С.Е. Финансово-правовая ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
19. Ответственность за нарушение финансового законодательства: науч.-практ. пособие в контексте российской правовой системы // Science and Education: economy and economics; enterprise; law and management. 2012. № 3(22). Access from legal reference system «Consultant Plus».
5. Boltanova E.S. Land law violation legal liability // Russian law magazine. 2014. № 12.
6. Gutnikov O.V. Corporate relationship legal liability // Civil law bull. 2014. № 6.
7. Gogin A.A. The problems of legal liability within the area of insurance relations // Lawyer. 2015. № 2.
8. Starilov Yu.N. Tax-law violation and legal liability. Voronezh, 1995.
9. Tomilin O.O. Entities administrative liability for violation of financial law: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2003.
10. Kuzmichyova G.A., Kalinina L.A. Administrative liability. Moscow, 2000.
11. Sheveleva N.A. To a question of «financial» and «budget» liability // Essays on modern financial law science / gen. ed. by L.K. Voronova, N.I. Khimicheva. Moscow; Kharkov, 2011.
12. Geyhman O.A. Budget law liability: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2004.
13. Krokhina Yu.A. Theoretical basis of financial law liability // Russian law magazine. 2004. № 3.
14. Markelov F.V. Theoretical problems budget law violation liability (financial law aspect): auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2006.
15. Musatkina A.A. Signs of financial law sanctions // Financial law. 2004. № 1.
16. Sattarova N.A. Compulsion in financial law. Moscow, 2006.
17. Arslanbekova A.Z. Financial law sanctions in the legal liability system: diss. ... Dr of Law. Saratov, 2008.
18. Batyrov S.E. Financial law liability: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow. 2003.
19. Financial law violation liability: sci. and pract. manual / resp. ed. I.I. Kucherov. Moscow, 2014. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
20. Razgildieva M.B. The theory of financial law compulsion and the sphere of its application: diss. ... Dr of Law. Saratov, 2011.
21. Musatkina A.A. Financial Liability as a type of legal liability // Russian law magazine. 2005. № 10. Access from legal reference system «ConsultantPlus».
22. Questions of Russian Federation Pension Fund (Russia) (with the Russian Federation Pension Fund Act (Russia), Russian Federation Pension Fund Contributory Scheme for Employers and Citizens (Russia): resolution of the Supreme

бие / отв. ред. И.И. Кучеров. М., 2014. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Разгильдиева М.Б. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.

21. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности // Журнал рос. права. 2005. № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Вопросы Пенсионного фонда Российской Федерации (России) (вместе с Положением о Пенсионном фонде Российской Федерации (России), Порядком уплаты страховых взносов работодателями и гражданами в Пенсионный фонд Российской Федерации (России): постановление Верховного Совета РФ от 27 дек. 1991 г. № 2122-1 (с изм. от 5 авг. 2000 г. № 118-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 5. Ст. 180; Собр. законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3341.

23. О Фонде социального страхования Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12 дек. 1994 г. № 101 (с изм. от 15 мая 2014 г. № 435) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 599; 2014. № 21. Ст. 2692.

24. Об утверждении Устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования: постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. № 857 (с изм. от 27 сент. 2014 г. № 986) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 32. Ст. 3902.; 2014. № 40, ч. 3. Ст. 5435.

25. Ногина О.А. Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России: проблемы правового регулирования. М., 2012.

26. Соколов А.Ю. Административная ответственность в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014.

27. Лапина М.А., Карпухин Д.В. Конструкция составов правонарушений и меры государственного принуждения в административном и бюджетном законодательстве // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Фазылов Р.Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

29. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. 2-е изд., под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Soviet of the Russian Federation of Dec. 27, 1991 № 2122-1 (with amendments of Aug. 5, 2000 № 118-FL) // Bull. of Congress of Peoples' Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 5. Art. 180; Coll. of legislation of the Russian Federation. 2000. № 32. Art. 3341.

23. Social Insurance Fund of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation (with amendments of May 15, 2014 № 435) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 8. Art. 599; 2014. № 21. Art. 2692.

24. About a confirmation of a Medical Insurance Fund Foundation: resolution of the Government of the Russian Federation (with amendments of Sept. 27, 2014 № 986) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 32. Art. 3902; 2014. № 40, pt. 3. Art. 5435.

25. Nogina O.A. State non-budgetary funds within Russian budget system: problems of legal regulation. Moscow, 2012.

26. Sokolov A.Yu. Administrative liability in Russian Federation: study aid. 2nd. ed., rev. and add. Saratov, 2014.

27. Lapina M.A., Karpukhin D.V. Corpus Delicti construction and public enforcement measures within administrative and budget law // Administrative and municipal law. 2015. № 1. Access from legal reference system «Consultant Plus».

28. Fazylov R.R. Inappropriate budget and state non-budgetary funds expenditures amenability: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2005.

29. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized): in 2 vol. / ed. by A.V. Brilliantov. 2nd ed. Moscow, 2015. Vol. 2. Access from legal reference system «Consultant-Plus».

Клейберг Юрий Александрович

доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор,
профессор факультета психологии
Московского государственного областного университета
(e-mail: klab03@rambler.ru)

Социально-психологические предпосылки формирования девиантного имиджа личности подростка

Одной из важных предпосылок формирования девиантного поведения является имидж подростка. Автором приводится структура девиантного имиджа личности подростка в виде тетраэдра; обосновывается теоретическая модель девиантного имиджа личности подростка, основой которой является внешняя и внутренняя мотивация; указываются условия, влияющие на девиантную социализацию личности подростка.

Ключевые слова: девиантный имидж, личность подростка, предпосылки формирования девиантного имиджа.

Yu.A. Klayberg, Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University; e-mail: klab03@rambler.ru

Socio-psychological prerequisites for the formation of deviant image adolescent's personality

One of the important prerequisites for the formation of deviant behavior is the image of a teenager. The author provides the structure of the deviant image of the adolescent personality in the form of tetraheders; substantiates the theoretical model of deviant image of the teenager's personality based on external and internal motivation; specifies the conditions that influence deviant socialization of the adolescent personality.

Key words: deviant image, the identity of the teenager, the prerequisites for the formation of deviant image.

Как известно, понятие «имидж» ввели в научный обиход Зигмунд Фрейд (30-е гг. XX в.) и Кеннет Болдуинг (60-е гг. XX в.). З. Фрейд издавал журнал с одноименным названием, в результате это понятие перестало быть только психологическим термином. В России понятие «имидж» широко вошло в практику 90-х гг. XX в. [1, с. 4].

Феномен имиджа, сложного многофакторного явления, актуализировавшийся в России в последние почти три десятилетия, является предметом дискуссий в научной литературе и находится на пересечении проблемных полей психологии, социологии, социальной философии, истории, юриспруденции, культурологии, искусствоведения, политологии и других общественных наук.

Девиантологический подход к анализу предпосылок формирования девиантного имиджа личности (в частности, подростка) является, насколько нам известно, первой попыткой институционализации данного феномена в отечественной социально-психологической и девиантологической науке.

Понятие «имидж» имеет много различных определений. Краткий психологический словарь

под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского определяет имидж как стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании. Специалисты по социологии права трактуют эту категорию как «обобщенную, эмоционально окрашенную в общественном и личном сознании форму отражения правовой действительности в виде комплекса представлений о законах и методах социально-правового воздействия» (В.В. Оксамытный). В.М. Шепель дает такое определение: «Имидж – индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания». Словарь по девиантологии Ю.А. Клейберга содержит авторское определение девиантного имиджа личности – «сознательно приобретенный специфический способ демонстрации личностью комплекса внешних и внутренних качеств, которые в глазах окружающих выступают как внешнее отражение его личности и показатель девиантных особенностей ее поведения и сознания; это то представление, которое создано самой личностью

о себе в целях создания должного впечатления для удовлетворения потребности в самоутверждении и самореализации» [2, с. 21].

Существование проблемы имиджа в XXI в. трудно переоценить. Распад привычного образа мира в эпоху кризиса культуры влечет за собой массовую утрату идентификаций как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, а также на уровне общества в целом. Фундаментальные перемены в конце XX – начале XXI в. привели к рождению общества предприимчивых, прагматичных, дерзких, творческих (в позитивном и в негативном смысле) индивидуальностей, актуализации социальной активности и, как следствие, к поиску оригинальности, что также нашло свое выражение в девиантном имидже, девиантном поведении подростков и молодежи, активизации подростково-молодежных субкультур различной социальной ориентации, в том числе и девиантологической и криминальной. Проявление девиантного поведения в подростково-молодежной среде является следствием утраты самоидентификации и одновременно поиска новой идентификации.

Специально сделаем акцент на том, что на разных этапах персонификации в эпоху неопределенности и поиска своей идентичности ребенок (подросток, юноша) сталкивается с множеством социальных ситуаций, которые мотивируют и провоцируют его на девиантные поступки. Эти ситуации являются источником скрытой и явной девиантности, девиантной стигматизированной идентичности.

Именно такая идентичность часто служит подростку специфической социально-психологической защитной реакцией, гарантирующей ему сохранность, каким бы странным это не показалось, его истинной (актуальной) идентичности и позволяющей расширить свой поведенческий репертуар на фоне недостаточно сформированной социокультурной презентации.

В научной литературе представлены основные социально-психологические предпосылки формирования имиджа вообще. Такими являются: перцептивно-оценочный (А.А. Бодалев, В.А. Лабунская, В.Н. Мясищев, В.Н. Панферов и др.), психосемиотический (М.В. Гамезо, В.С. Герасимова, Б.Ф. Ломов, И.Ф. Неволлин, Е.А. Петрова и др.), системный (Б.Г. Ананьев, И.В. Блауберг, А.А. Деркач, Б.Ф. Ломов и др.), субъектно-деятельностный (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн и др.) и эмоционально-семантический (Д.Н. Завалишина, П.В. Копнин, В.Ф. Рубахин и др.).

В имиджологии были предприняты усилия исследователей структуризации имиджа как социального явления. Но какой-либо попытки структурировать именно девиантный имидж личности подростка в научной литературе нами не обнаружено. Такой практики, насколько нам известно, на сегодняшний день не существует. Однако исследовать «внутреннее устройство» девиантного имиджа личности, обнаружить в нем устойчивые связи и отношения, обеспечивающие ему целостность, придать этому термину адекватный (с методологической точки зрения) «вид» научного понятия, т.е. структурировать его – необходимое и важное условие научного исследования, неотъемлемый его атрибут.

Именно по такому пути мы и пошли. Несмотря на сложности, структурирование девиантного имиджа личности возможно и необходимо. Для структуры девиантного имиджа личности характерны: субъект (носитель имиджа), элементный состав, связи, отношения, целенаправленность, мотивы, соответствие имиджа личности, функциональные особенности (имея в виду, что функция – это поведение в конкретной среде), модели и др.

Итак, структура девиантного имиджа личности подростка – это взаимосвязь и взаимообусловленность когнитивного (познавательного – знания, представления), эмоционального (аффективного – иллюзорный романтизм, эмоционально выраженное отношение и оценка) и поведенческого (конативного – ритуализация, символика и атрибуты) факторов, компонентов, которые составляют содержание девиантных ориентаций и поведения подростка. Данная структура представлена нами в виде тетраэдра, в основе которого находится девиантный имидж личности подростка, а по сторонам – когнитивный (познавательный) компонент, эмоциональный (аффективный) компонент и поведенческий (конативный) компонент.

В рамках социальной психологии и девиантологии имидж предстает и как позитивный феномен, имеющий в своей основе нетрадиционность, творчество, необычность, новаторство, экстраординарность, в результате чего происходит специфическое нарушение общепринятых норм морали и культуры, и как деструктивный феномен, вызывающий дезакцептацию, дезадаптацию и конфронтацию или даже открытый конфликт с существующей системой традиционных норм морали и права [3; 4; 5]. В таком понимании имидж выступает как социально-психологическая установка, как мотив, как ценностный стереотип, как модный символ,

отражающий девиантное (внешне-внутреннее) своеобразие, присущее конкретной личности.

Основная девиантологическая проблема современности – социально-психологическая дезадаптация значительного количества детей (и взрослых тоже), связанная с трудностями экономического кризиса, которые испытывают значительное психотравмирующее воздействие, которое зачастую снижает их собственную способность к адаптации, приводит к утрате состояния внутреннего психологического комфорта и психологического благополучия. Внешне это проявляется в девиантном (криминальном) поведении, повышении невротических реакций на внешние раздражители. Как следствие, усиливаются беспричинная конфликтность, агрессия, повышаются уровень невротизации/депрессивности, суицидальные наклонности.

Важной особенностью девиантного имиджа является открытая, публичная, даже эпатажная демонстративность. Для самопрезентации девиантного имиджа нужна публика, зрители, которые оценят и это поведение, и обладателя имиджа (имидж-субъекта), и имидж в целом. Понятно, что девиантный имидж в нашем случае – собирательное понятие, искусственно сформированный образ. Это облик, та форма жизненного проявления человека, благодаря которой публично проявляются не самые лучшие личностно-деловые характеристики. Это, если угодно, сформированная и специфическим образом заявленная позиция личности (или социальной группы, субкультуры). Однако, к сожалению, именно девиантный имидж часто является привлекательным для большинства подростков и молодежи с неокрепшей или несформированной «содержательной структурой личности» (термин Б.Г. Мещерякова).

Конструирование девиантного имиджа, как правило, носит оппозиционный, а значит, конфликтный и деструктивный/конструктивный характер, в результате чего происходит бездарное/талантливое позиционирование собственной девиантной репутации, приобретаются устойчивые и малоподвижные черты девиантного имиджа, который при этом не должен разрушать индивидуальность, соответствовать ей.

Девиантный имидж личности – явление средовое; он выступает как признание/непризнание, отвержение/восхищение, как оценочное отношение определенной социальной группы к личности, демонстрирующей свои девиантные характеристики.

Поскольку деятельность и поведение современного человека, как удачно напоминают Р.Б. Квеско и С.Б. Квеско [1, с. 77], несут

на себе отпечаток социального наследования, детерминированы социальными нормами, традициями, стереотипами (когнитивными, перцептивными, двигательными, поведенческими и пр.), сформировавшимися в процессе многовекового развития, то во многом эта специфика связана с историей и условиями жизни того или иного народа, всего человечества и проявляется в его менталитете (мировосприятии, умонастроении).

Созданию девиантного имиджа предшествуют следующие решения:

выбор аутентичного (подлинного) символа – идентификационной метки;

следование философии создания определенного имиджа (его генеральная цель (нет цели – нет имиджа), методы и средства проявления, регулярность, продолжительность и география функционирования);

оценка эффективности и привлекательности выбранного имиджа.

Чаще всего, проявляя девиантное поведение, подросток понимает свое аномальное поведение, но может не осознавать, что за ним стоит одна из пяти целей: а) привлечение внимания; б) избегание неудачи; в) зависть; г) месть; д) власть.

Внешний имидж личности девиантного подростка складывается из различных форм вербального, визуального, этического, эстетического выражения и поведения. Внешний имидж – это специфическая «привлекательность». Внутренний же имидж личности девиантного подростка характеризуют ощущения собственного имиджа, интеллектуальные, индивидуально-личностные качества, коммуникабельность, уровень нравственности, умение ориентироваться в ситуации, уверенность в себе, навыки самопрезентации и др.

Английская исследовательница Э. Сэмпсон, говоря о личностном имидже, выделяет в зависимости от сочетания внешних и внутренних факторов три вида имиджа: самоимидж, воспринимаемый имидж и требуемый имидж. Эта типология отражает взгляд на имидж с разных позиций: со стороны своего «Я» и со стороны других людей, со стороны реалий и со стороны желаний. Мы представляем теоретическую модель девиантного имиджа личности подростка в модификации Ю.А. Клейберга.

Самоимидж (со стороны своего «Я») вытекает из прошлого опыта и отражает нынешнее состояние самоуважения, доверия к себе.

Воспринимаемый имидж (со стороны реалий и со стороны других людей) – это то, как нас видят другие. Естественно, что точка зрения других людей может отличаться от собственной.

Требуемый имидж (со стороны желаний) означает, что ряд социальных ролей требует определенных имиджевых характеристик. В некоторых случаях этому способствуют тип одежды, символика, сленг, атрибуты, манера поведения и т.п. [1, с. 54].

Внешний и внутренний имиджи, а также самоимидж, воспринимаемый имидж и требуемый имидж связаны с внешней и внутренней мотивацией, социальными нормами, традициями, стереотипами, поведенческим репертуаром, идентификацией.

Вероятно, степень проявления девиантного имиджа зависит не только от способностей личности, но также от внутренней и внешней мотивации, социальных норм, традиций, стереотипов, поведенческого репертуара, идентификации. Под внешней мотивацией понимается реакция социального окружения, как положительная (поощрение вниманием, признание, одобрение, а также материальное вознаграждение), так и отрицательная (резкая критика, наказание). Причем следует отметить, что значимость внешней мотивации проявляется наиболее полно лишь в случае, если она исходит от референтной группы. Существенность влияния внешней мотивации напрямую зависит от уровня внутренней мотивации, т.е. чем меньше уровень внутренней мотивации, тем существеннее сказывается мотивация внешняя.

С девиантологической точки зрения, поскольку в сознании современных людей существуют огромные мотивационные, когнитивные и ценностные нестыковки и разрывы, то под воздействием психологических провокаций, манипуляций у молодого человека, социальной группы, субкультуры, общества происходит трансформация их сознания со всеми вытекающими для них последствиями, принимая формы, описанные в свое время Лебоном, Фрейдом, Московичи, Каннети и другими исследователями воздействия манипулятивных методик применимо к массам. Однако следует помнить то, как сама личность интерпретирует негативное воздействие и определяет его реакцию на это воздействие, как она экстраполирует эти воздействия на свой имидж (в том числе и девиантологический) и имиджевое поведение. Однако в нашем случае важна идентификация как способ соотнесения себя с другими, она важна для эффективного формирования внутреннего и внешнего имиджа личности девиантного подростка.

Каждое экспрессивное действие (имидж таковым и является) девиантогенно по своей сути,

часто сопровождается агрессией, поскольку каждое действие предполагает движение «вперед». Не следует думать об агрессии лишь как о чем-то негативном, как мы привыкли это делать. Любить и получать любовь – тоже агрессивное действие. Сказать «Я тебя люблю» не менее агрессивно, чем «Я тебя ненавижу». Агрессия представлена в действии, в стремлении выразить себя или в акте высказывания, а не в содержании слов. С другой стороны, если человек имеет чувства, но не выражает их, он пассивен. Каждый акт самовыражения включает в себя определенную степень и агрессии, и насилия, и творчества (А. Лоуэн).

Считаем, что наиболее продуктивным и перспективным условием (фактором), влияющим на девиантогенную социализацию личности (как позитивную, так и деструктивную), является само-конструирование личности (self-construction personality), в основе которого находятся такие социально-психологические маркеры, как «собственная активность, самосознание и процессы самоосуществления личности» (И.С. Кон). Под конструированием, вслед за Г.М. Андреевой и Х. Абельсом, мы понимаем «приведение социальной информации в систему... с целью постижения ее смысла» (Г.М. Андреева, 2000), основным объяснительным принципом которой становится «интерпретативная парадигма» (Х. Абельс). Согласно этой парадигме, реальный внутренний мир личности предполагает непрекращающийся процесс само-со-творения, поскольку постоянно самопознается, осмысливается, оценивается, интерпретируется и проявляется.

Система ценностей и норм, ценностных ориентаций помогает личности в этом процессе самоактуализироваться, выбрать правильный вектор избегания аномии ценностей, негативной трансформации ценностных ориентаций. Почему это так важно для личности и для общества? Потому что система ценностей имеет двойное функциональное значение. Во-первых, ценности, как верно полагает Ю.А. Шерковин, являются основой формирования и сохранения в сознании людей установок, которые помогают индивиду занять определенную позицию, выразить свою точку зрения, дать оценку. Тем самым они становятся частью сознания.

Во-вторых, ценности выступают в преобразованном виде в качестве мотивов деятельности и поведения, поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносятся с ценностями, вошедшими в его личностную структуру.

Система же ценностных ориентаций – важный регулятор активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума.

Следует признать и тот факт, что трансформация ценностных ориентаций, особенно у подростков и молодежи, была во все исторические эпохи. Этот процесс неизбежен и, увы, болезнен. Можно назвать много причин, факторов, влияющих на трансформацию ценностных ориентаций и всей системы ценностей и норм, приводящих к разного рода кризисам – идентичности, интересов, ценностей и др. Один только психогормональный дисбаланс (пубертат) чего стоит для подростков! Перестройка организма и психики в этот период происходит по особому алгоритму, по индивидуальному «сценарию» с проявлением целого комплекса социальных, психологических и физиологических особенностей и признаков, которые мы наблюдаем как девиантогенные в поведении, поступках, взаимодействии. Одной из ярких моделей функционирования такого процесса, несомненно, является имидж вообще и девиантный имидж личности подростка, в частности.

Таким образом, девиантный имидж – это имидж и личности, и подростково-молодежной субкультуры в целом, совокупность таких его компонентов, как престиж, успех, репутация, стабильность, защищенность. В современных условиях девиантный имидж выполняет следующие функции: а) выражает идентичность как основу девиантной идентичности при восприятии и изменении в социальной среде ее свойств; б) расширяет популярность, известность, знания, понимание, интерес молодежной общественности к субкультуре; в) развивает ассоциации с характеристиками деятельности субкультуры, гарантирующими надежность и защищенность ее членов; г) объединяет членов, формирует «корпоративный» лидерский дух; д) привлекает в свои ряды новых членов.

Стремление к поиску новой идентичности, отчетливо проявившееся в последние десятилетия у большинства подростково-молодежных социальных групп, порождает острые социальные коллизии и приводит к возникновению сложных психологических ситуаций, в рамках которых становится почти невозможным утверждать, какой тип идеологии и культуры является в настоящее время оптимальным и эффективным для минимизации девиантогенных и криминогенных тенденций.

1. Квеско Р.Б., Квеско С.Б. *Имиджелогия: учеб. пособие. Томск, 2008.*

2. Клейберг Ю.А. *Девиантология: словарь: учеб. пособие. 2-е изд., доп. М., 2015.*

3. Клейберг Ю.А. *Основы психологии девиантного поведения. СПб., 2014.*

4. Клейберг Ю.А. *Ювенальная психология девиантного поведения. Нальчик, 2013.*

5. Клейберг Ю.А. *Ювенальная девиантология: учеб. пособие. Saarbrücken, Deutschland, 2012.*

1. Kvesko R.B., Kvesko S.B. *Imageology: study aid. Tomsk, 2008.*

2. Klayberg Yu.A. *Deviantology: dictionary: study aid. 2nd ed., add. Moscow, 2015.*

3. Klayberg Yu.A. *Fundamentals of psychology of deviant behavior. St. Petersburg, 2014.*

4. Klayberg Yu.A. *Juvenile psychology of deviant behavior. Nalchik, 2013.*

5. Klayberg Yu.A. *Juvenile deviantology: study aid. Saarbrücken, Deutschland, 2012.*

Самойлов Сергей Федоровичдоктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Ценностные ориентиры как фактор формирования мировоззрения сотрудников правоохранительных органов

В статье раскрывается процесс формирования мировоззрения сотрудников правоохранительных органов. Отмечается, что ценностные ориентиры профессиональной деятельности полицейских служат критериями отбора различных идей, входящих в состав их мировоззрения.

Ключевые слова: правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, правосознание, юридическое мировоззрение, правоохранительное мировоззрение, ценностно-коммуникативная природа правоохранительного мировоззрения.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Value orientation as a factor of formation of worldview of law enforcement officials

The article is devoted to the process of formation of worldview of law enforcement officials. The author notes that the value systems of professional activity of police officers are selection criteria of different ideas that are part of their worldview.

Key words: law enforcement agencies, law enforcement activity, legal consciousness, legal worldview, law enforcement worldview, value-communicative nature of the law enforcement worldview.

Мировоззрение сотрудников правоохранительных органов носит ярко выраженный ценностный характер. Конечно, любое мировоззрение является ценностным знанием, но правоохранительное мировоззрение является ценностным в силу следующих обстоятельств. Во-первых, демократическое устройство, предусмотренное Конституцией, предполагает отсутствие государственной идеологии и принципиальный плюрализм мировоззрений, религиозных убеждений, идеологических доктрин, политических убеждений. Это означает, что сотрудники правоохранительных органов не могут быть охвачены какой-либо одной идеологией или каким-либо одним мировоззрением. В этой ситуации единство их взглядов может быть достигнуто формальным образом, т.е. посредством следования общим ценностным ориентирам, задаваемым их профессиональной деятельностью. Во-вторых, правоохранительное мировоззрение является ценностным в силу специфики профессиональной деятельности сотрудников полиции, которая носит оценочный характер. Так, в задачу полицейского входит определение характера совершенного деяния: имеет оно противоправный характер или нет, вменяем ли обвиняемый или нет, причастен ли

подозреваемый к совершенному преступлению или нет и т.д. В-третьих, профессиональные интересы сотрудников полиции постоянно связаны с ценностными ориентирами людей. Например, в раскрытии преступления большую роль играет правильное установление мотивов совершенного преступления, в свою очередь, мотивы, как правило, обусловлены ценностными ориентирами преступника. Таким образом, ценностная природа мировоззрения сотрудников правоохранительных органов обусловлена социально-политическими, нравственными и коммуникационными причинами.

Прежде чем говорить о структуре ценностного мировоззрения сотрудников полиции, необходимо дать определение понятию «ценность» и разграничить его с понятием нормы. По мнению отечественного исследователя Н.С. Розова, в самом общем виде ценность можно определить как предельное основание актов сознания и поведения людей. Таким образом, ценность задает направление и идеал человеческой деятельности, ставит перед ним сверх задачи. В противоположность этому норма представляет собой не верхний, а нижний предел человеческой деятельности, выход за который означает вступление в противоречие с моралью и правом. В структуре мировоззрения

сотрудников правоохранительных органов ценностное основание представлено в виде ценностей общей и профессиональной морали. В свою очередь, нормативная база правоохранительного мировоззрения представлена правовыми нормами. В рамках ценностно-нормативного базиса выстраивается определенная картина мира и соответствующая им система знания, которые представляют собой содержательную сторону мировоззрения сотрудников правоохранительных органов. Рассмотрим ценностно-нормативный и содержательный аспекты правоохранительного мировоззрения более подробно.

Ценностно-нормативный аспект является для правоохранительного мировоззрения базисным, поскольку он, во-первых, обеспечивает выполнение основной функции правоохранительных органов: защиту действующей правовой системы и тем самым поддержание нормального развития социокультурного целого, а во-вторых, определяет выбор представлений и идей, входящих в состав картины мира и системы знания. Важнейшей проблемой, с которой приходится сталкиваться любой форме ценностного мировоззрения, является проблема абсолютности ценностных ориентиров. Так, большинство форм мировоззрения рассматривает свои ценностные ориентиры в качестве адекватного отражения объективно существующей системы ценностей. Негативным следствием данной точки зрения является так называемый теоретический или духовный фундаментализм, т.е. уверенность в исключительной истинности своей точки зрения и нетерпимое отношение к чужой точке зрения. Для сотрудника правоохранительных органов проблема абсолютности морально-правовых ценностей звучит следующим образом. Без признания абсолютности ценностей, т.е. вне уверенности в своей правоте, невозможно выполнение своего служебного долга, но выбор в пользу признания абсолютности своих ценностей может привести к духовному фундаментализму и, как следствие, либо к внутреннему ценностному конфликту, либо к предвзятому отношению к определенным группам граждан. Поэтому ценностное мировоззрение сотрудников правоохранительных органов имеет принципиально конструктивный характер.

Конструктивность ценностей означает, что они являются абсолютными для определенной социальной группы, но могут не приниматься представителями другой группы. Таким образом, конструктивность ценностей означает их внутреннюю абсолютность и внешнюю от-

носительность. Данное понимание природы ценностей делает необходимым поиск точек соприкосновения между представителями различных мировоззренческих позиций. В результате мировоззрение при ценностно-конструктивном понимании его природы превращается из набора идеологических догм в динамическую систему жизненных ориентиров, способствующую не изоляции индивидов и социальных групп, но их диалогу. Конструктивное понимание ценностей в полной мере соответствует профессиональной деятельности сотрудников полиции. Так, им в силу своих служебных обязанностей приходится вживаться в систему иных ценностных ориентиров, способствовать пониманию между представителями различных национальностей, конфессий и мировоззрений, преодолевать предрассудки, корректировать мыслительные и поведенческие установки граждан и сослуживцев. Решение всех этих задач представляется невозможным вне динамического понимания и использования природы ценностей.

Систему ценностных ориентиров сотрудников правоохранительных органов можно разделить на две основные сферы: общечеловеческих ценностей и профессиональных ценностей. При этом профессиональные ценности являются преломлением общечеловеческой деятельности в области правоохранительной деятельности. Данное преломление заключается, во-первых, в наполнении традиционных ценностей особым содержанием, а во-вторых, в акцентировании внимания на одних и меньшем уделении внимания другим ценностям. В результате данных операций формируется особая система ценностных ориентиров, отражающая специфику профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Нормативный уровень правоохранительного мировоззрения представлен нормами морали и права. Взаимосвязь правовых и моральных норм в правоохранительном мировоззрении обусловлена спецификой профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. В частности, нормативные правовые акты Министерства внутренних дел вменяют сотрудникам полиции в обязанность неукоснительное соблюдение этических норм. Несмотря на тесную взаимосвязь моральных и правовых норм, между ними существуют определенные различия. Так, некоторые процессуальные нормы могут вступать в противоречие с нормами общечеловеческой морали. Например, при проведении обыска может возникнуть

необходимость досмотра постели тяжелобольного человека. Выполнение данного действия с чисто этической точки зрения недопустимо, а с профессиональной точки зрения необходимо. В целом же, правовые и моральные нормы правоохранительного мировоззрения и практики находятся в тесной взаимосвязи, обусловленной выполнением ими общей функции – поддержанием определенного социального института или социального целого.

Выполнение данной функции в сочетании с конструктивным пониманием ценностей ставит перед правоохранительным мировоззрением проблему определения его смыслонадеждающей инстанции. И действительно, наличие любой ценности, тем более системы ценностей, предполагает наличие определенного субъекта. Таким субъектом для правоохранительного мировоззрения является действующая правовая система, которая обслуживает интересы определенного политического режима: либерального, демократического, авторитарного и тоталитарного. В настоящее время Россия стремится к формированию либерально-демократического режима, отстаивающего идеалы гуманизма, гражданского общества и естественных прав человека. Данный вид политического режима, предполагающий «федералистскую» картину социально-правовой реальности, исходит из необходимости существования в обществе социально-политического плюрализма и осуществления в нем диалога между государством и обществом. Естественно, такая модель развития российского общества невозможна вне конструктивной ценностно-нормативной системы, частным проявлением которой служит ценностно-коммуникативное мировоззрение сотрудников правоохранительных органов.

Профессиональные ценности представляют собой важнейший момент ценностно-коммуникативной системы мировоззрения сотрудников правоохранительной деятельности, поскольку именно они служат концептуальной призмой восприятия социальной реальности. Важнейшими профессиональными ценностями мировоззрения сотрудников правоохранительных органов следует признать ответственность, вменяемость, жертвенность. Рассмотрим данные понятия более подробно.

Ответственность должна сопровождать каждый поступок сотрудника правоохранительных органов. Более того, она присутствует как до, так и после него, что отличает ее от вины, которая возникает только после совершения поступка. Специфика правоохранительного ми-

ровоззрения заключается в том, что человек, стоящий на страже закона, постепенно отучается от безразличного отношения не только к поступкам, но и к идеям. Он постоянно оценивает их с точки зрения последствий как для самого субъекта, так и для общества.

Непосредственно связанным с понятием ответственности является понятие вменяемости. Немецкий философ Н. Гартман определил его следующим образом: «Акт вменения существует независимо от альтернативы одобрения или неодобрения, или даже при полном отказе от суждения, каковой бывает у нравственно непритязательного. Яснее всего это до того, как свершится действие, – там, где можно наблюдать нравственный риск, который кто-либо по своей инициативе берет на себя; быть может, еще не видно, во благо или во зло это будет, но уже известно, что на личность того, кто совершит поступок, будет падать заслуга или вина. В ней а priori – причем не рефлексивным образом – просматривается подлинный инициатор и чувствуется ответственность, которую она на себе берет» [1, с. 625–626]. Вменение представляет собой важный элемент нравственно-правового мышления и позволяет мировоззрению в целом и юридическому мировоззрению в частности очертить конкретные нормы поведения человека как индивида и как представителя определенной социальной или профессиональной группы.

Жертвенность представляет собой одну из важнейших мировоззренческих установок сотрудников правоохранительных органов. Без нее профессиональная деятельность полицейских была бы работой, а не службой. Отличие же службы от работы заключается в том, что последняя предполагает строгое соотношение труда и вознаграждения, тогда как первая неразрывно связана с максимальной отдачей сил ради реализации определенного идеала. При этом риск собственной жизнью представляет собой лишь крайнюю форму жертвенности, в некоторых случаях даже более легкую, чем постоянная трата сил. Непременным условием подлинной жертвенности является наличие нравственной цели. Для сотрудников внутренних дел такой целью является служение правопорядку, а следовательно, обществу в целом. Применение идеи жертвенности в мировоззрении сотрудников полиции проявляется в понимании социального мира как противостояния добра и зла. При этом добро понимается как различного рода силы, процессы и события социальной жизни, способствующие прогрессу общества и поддержанию в нем гуманистиче-

ских ценностей, тогда как зло предстает в виде крайних проявлений агрессии, нарушений законности, идей и сил, культивирующих в обществе насилие и ненависть.

Под самообладанием понимают способность человека сохранять спокойствие перед лицом внешних и внутренних угроз. Характеризуя самообладание, Н. Гартман писал: «Своеобразие добродетели самообладания заключается в том, что она в высокой мере приобретаема, образуема, даже воспитуема в других. Это заключено в ее сущности, как раз потому, что она состоит во внутреннем становлении в человеке господина природы, которая сама по себе не имеет над собой никаких господ. Быть может, она низшая среди ценностей добродетели (так считал уже Платон), минимальное требование, которое может поставить перед собой человек; только над ней возвышаются более высокие нравственные задачи... Однако достижение самообладания при этом вовсе не является легким и отнюдь не присуще каждому, кто по своему личностному складу удовлетворяет более высоким ценностям. В нравственном бытии такого человека тогда остается как бы разрыв, который делает этос не единым. Во всей этой связи самообладание сродни справедливости» [1, с. 416]. Для профессиональной деятельности сотрудников полиции самообладание имеет огромное значение, поскольку оно лежит в основе как мужества, так и психологической устойчивости, позволяющей переносить тяготы и лишения службы.

Справедливость означает способность человека возвыситься как над собственными, так и над чужими интересами и принять сбалансированное решение, учитывающее права всех заинтересованных в решении того или иного вопроса сторон. Главной предпосылкой формирования чувства справедливости следует признать наличие у индивида установки сознания. Осуществление справедливости становится возможным благодаря признанию существования инстанции, с позиции которой все люди, несмотря на все их различия, являются равными. Идея справедливости, имея этическое происхождение, находит свое применение в религиозном и правовом сознании. Благодаря этому апелляция к идее справедливости позволяет установить взаимопонимание между представителями различных форм общественного сознания, политических идеологий, конфессий и мировоззренческих позиций. Важность такого личного качества сотрудника правоохранительных органов, как справедли-

вость, объясняется тем, что его профессиональная деятельность предполагает не только формальное соблюдение законности, но и стремление к подлинному разрешению правовых и конфликтных ситуаций как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время.

В целом профессиональные ценности сотрудников правоохранительных органов представляют собой систему взаимосвязанных принципов, направленных на формирование личности защитника правопорядка, способного для решения служебных задач взаимодействовать с представителями различных социальных слоев и носителями различных мировоззрений. Главным условием такого взаимодействия служит обращение сотрудников полиции к общечеловеческим ценностям.

Вообще процесс формирования содержания мировоззрения сотрудников правоохранительных органов, если он осуществляется на базе правосознания, а не на базе иной формы общественного сознания, например религиозного сознания, выглядит следующим образом. Профессиональные ценности представляют собой средства отбора различных мировоззренческих идей. Так, важнейшие профессиональные ценности: ответственность, вменяемость, жертвенность, самообладание и справедливость – являются не только качествами, к формированию которых в себе и в других людях стремится сотрудник правоохранительных органов, но и чисто мировоззренческими принципами, позволяющими принять или отвергнуть ту или иную философскую, религиозную, социальную, политическую или иную идею. Рассмотрим воздействие важнейших профессиональных ценностей – ответственности, вменяемости, жертвенности, самообладания и справедливости – на формирование мировоззрения сотрудника правоохранительных органов. При этом отметим, что они из этических понятий превращаются в мировоззренческие принципы.

Соблюдение принципа ответственности должно приводить к отрицанию сотрудником идеологий, содержащих крайние формы гедонизма и аскетизма. Так, для сотрудника полиции является одинаково неприемлемой как этика грубого чувственного наслаждения, характерная для молодежных субкультур, так и проповедь крайнего аскетизма, свойственная радикальным религиозным течениям, призывающим к «умерщвлению плоти». В решении вопроса об образе жизни человеку, посвятившему себя делу защиты законности, следует

исходить из принципа ответственности, который признает недопустимой любую форму саморазрушения индивида. При этом совершенно неважно, что приводит к саморазрушению: абсолютизация духа или абсолютизация плоти. Отсюда следует, что принцип ответственности предполагает сбалансированное понимание природы человека как взаимосвязи духовного и телесного начал. При этом возникает вопрос о том, перед кем именно несет ответственность сотрудник полиции за свой образ жизни. Инстанциями, призывающими человека к ответственности, являются: совесть сотрудника, его социальное окружение, начиная с семьи и заканчивая правовыми институтами, а также Бог (в случае его религиозности). В зависимости от того, какая инстанция порождает в сотруднике полиции чувство ответственности, у него возникает предрасположенность к тому или иному виду мировоззрения. Так, доминирование в сознании сотрудника чувства ответственности перед Богом создает предпосылки для формирования у него религиозного или идеалистического мировоззрения. В свою очередь, рассмотрение социального окружения в качестве высшей ценности и субъекта, фактически или гипотетически выносящего суждения, служит основанием для создания реалистического мировоззрения. Наконец, признание семьи в качестве главного предмета забот говорит о принадлежности сознания сотрудника к обыденной форме мировоззрения. Все три формы мировоззрения: идеалистическое, реалистическое и обыденное – при условии отсутствия принятия ими крайних, радикальных форм можно признать приемлемыми для службы в полиции.

Принцип вменяемости в сфере мировоззрения раскрывается в виде особой формы отношения к действительности, которую можно определить как рассудительность. Помимо рассудительности, существуют другие способы принятия решения. В частности, можно руководствоваться в поступках интуитивными переживаниями, желаниями или утопическими представлениями. Но все эти средства мышления мало пригодны для правоохранительной деятельности. И действительно, сотрудник полиции, принимая решения, должен руководствоваться, прежде всего, рассудком и разумом. Интуиция, желания, идеалы, конечно, играют определенную роль в данном процессе, но они должны играть вспомогательную роль по отношению к рассудку. В противном случае сотруднику не удастся в полной мере продумывать положительные и негативные последствия своих действий.

В плане мировоззрения жертвенность профессиональной деятельности сотрудников правоохранительной деятельности представлена целым комплексом идей. Важнейшими из них являются идеи холизма и альтруизма. Под холизмом понимают принцип несводимости целого к совокупности частей, это означает, что единичное может существовать только в рамках определенного рода. По отношению к идее жертвенности принцип холизма имеет обосновывающее значение. И действительно, жертвовать собой становится возможным только при условии четкого сознания того, что, помимо индивидуального, частного, личного, существует универсальное, общеобязательное и коллективное. Только на основе такого понимания становится возможным преодоление индивидом себя в акте самопожертвования.

В свою очередь, альтруизм представляет собой этическое выражение холизма и жертвенности. Данное обстоятельство обусловлено тем, что признание приоритета части над целым должно иметь не только теоретический, но и практический характер. В практическом же измерении «другой» человек и его интересы, если они не противоречат нормам морали, выступают по отношению к индивиду в качестве общего начала. Важность альтруизма заключается в том, что он превращает жертвенность из подвига и одномоментного акта в повседневное служение другим людям. Альтруизм, если его не замыкать этическими рамками, позволяет рассмотреть весь окружающий природно-социальный мир как результат самопожертвования индивидов. Так, в природном мире можно встретить много примеров не только борьбы за выживание, но и самопожертвования животных ради сохранения рода. Социальный же мир в принципе невозможен без актов героического и повседневного самопожертвования индивидов. Из сказанного следует, что идея жертвенности, превращенная в мировоззренческий принцип, позволяет сотруднику полиции преодолеть эгоистическую установку мышления и поведения и осознать социальную значимость своей профессии, ее связь с мировым и даже природным порядком.

В мировоззренческом отношении принцип самообладания связан с пониманием идеальной природы человека, ее способности не только переносить внешние и внутренние, психологические трудности, но и служить организующим центром как социальной, так и духовной жизни. Способность к самообладанию имеет, помимо психологического основания, еще и мировоззренческий фундамент. И

действительно, индивид способен переносить внешние и внутренние невзгоды, опираясь на представление, позволяющее ему осознавать свою связь с сущностью мира и потому делающее его сильнее. Мировоззренческим источником самообладания сотрудника правоохранительных органов могут служить, в осознанном или неосознанном виде, различные способы философского мышления – от идеализма до натурализма. С этической точки зрения натуралистическое обоснование самообладания является наиболее проблематичным; поскольку оно исходит из чисто природного понимания сущности человека, то полагает, что уверенностью в себе индивид может обладать, только будучи физически сильным и здоровым. Данное обоснование самообладания хотя и играет определенную положительную роль, при своей абсолютизации может быть опасным, т.к. может породить чувство вседозволенности и пренебрежение к духовным ценностям. В свою очередь, идеалистическое обоснование самообладания исходит из преимущественно духовного понимания природы человека. В отличие от натурализма идеализм дает человеку уверенность и силу на основании понимания превосходства разумной воли над внешними обстоятельствами и психологическими затруднениями. Однако идеализм в случае радикализации своих выводов легко принимает форму социального утопизма, представляющего в силу своего догматизма угрозу как социальному порядку, так и целостному пониманию человека и толерантному отношению к людям с иными мировоззренческими установками. Реалистическое обоснование самообладания человека стремится избежать крайностей натурализма и идеализма. По этой причине, признавая идеальную природу человека, реализм предлагает ее преимущественно социальную интерпретацию. В связи с этим главным средством обретения индивидом чувства уверенности является его признание в обществе. Как и предшествующие формы обоснования, реалистическое понимание обладает некоторыми недостатками. Важнейшим из них является абсолютизация социального начала в человеке при одновременном пренебрежении нормами морали, а в некоторых случаях и законности. Примером такого пренебрежения может служить уверенность некоторых старых работников правоохранительных органов в том, что им узкие рамки законности мешают эффективно

бороться с преступностью, а соблюдение норм морали по отношению к правонарушителям является ненужным и вредным. Ограничение имеющегося у каждого обоснования самообладания, а также неоднозначная, внутренне противоречивая природа человека приводят к тому, что мировоззренческое основание чувства уверенности, как правило, не заимствуется индивидом из какого-либо философского учения, но формируется им на основе осознанного или неосознанного синтеза некоторых из них. Это означает, что самообладание не есть некое врожденное чувство, но способность, возникающая в результате сложной мыслительной деятельности.

Принцип справедливости, предполагающий установление правомерности притязаний различных субъектов в отношении одного и того же предмета, возможен только на основе представления об обществе как о равновесной системе, способной успешно действовать лишь благодаря нормальному функционированию своих элементов. Именно способность индивида «занять положение над схваткой», учитывать реальные права противоборствующих сторон, исходя из интересов общества в целом, называется справедливостью. По этой причине принцип справедливости в мировоззренческом отношении ориентирует сотрудника правоохранительных органов на представление о мире в целом и социальном мире в частности как о целостной системе. В связи с этим последовательное и детально продуманное правоохранительное мировоззрение всегда критично относится к учениям, исповедующим идеи крайнего индивидуализма, бунта, разрушения и насилия, поскольку за их реализацией, какую бы внешне привлекательную форму они не принимали, скрывается ущемление прав людей и деградация социальной жизни. И напротив, учения, исходящие из идей социального равновесия и уважительного отношения к индивиду, какую бы философскую интерпретацию они ни имели, рассматриваются правоохранительным мировоззрением как обладающие правом на существование.

Завершая краткий анализ процесса формирования правоохранительного мировоззрения, следует подчеркнуть, что оно по своему содержанию не является жестко зафиксированным и предоставляет сотруднику полиции широкий выбор идей как в плане понимания сущности природно-социального мира, так и в плане интерпретации закономерностей функционирования правовой реальности.

1. Гартман Н. *Этика СПб.*, 2002.

1. Hartmann N. *Ethics. St. Petersburg*, 2002.

Тагиров Филипп Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной философии
Российского университета дружбы народов
(тел.: +74954345088)

Шизосубъект и паралогическое постижение Другого в неинструментальной коммуникации

Автор обосновывает утверждение о том, что постижение структуры смыслов Другого, которое является принципиально важным в случае неинструментальной коммуникации, оказывается, по сути, затруднено, затемнено структурой смыслов постигающего субъекта, затмевающей всякую отличную логику. Ключом к преодолению семантического разрыва может стать принцип паралогии, разворачиваемый на основании допущения шизосубъектности участников коммуникации.

Ключевые слова: абсолют, гипертекст, дискурс, Другой, игра, инструментальность, интерпретация, истина, истинностные игры, коммуникация, метадискурс, модерн, паралогия, постмодерн, шизосубъект, эстетика.

Ph.V. Tagirov, Master of Philosophy, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Social Philosophy of the Peoples' Friendship University of Russia; tel.: +74954345088.

Schizo-subject and paralogical knowing of the Other in non-instrumental communication

The main thesis of the article proposes that non-instrumental communication requires perceiving the structure of meanings of the Other and that comprehension is blocked by the shadow of meanings of comprehending subject and his/her authoritative logic. Key principle for overcoming this semantic tear is paralogic based on presumptive schizo-subjectiveness of the communicants.

Key words: absolute, hypertext, discourse, the Other, game, instrumentality, interpretation, truth, games of truth, communication, metadiscourse, modernity, paralogic, postmodern, schizo-subject, aesthetics.

Инструментальная коммуникация, как правило, может довольствоваться более внешними уровнями согласия, солидарности или общности смыслов, чем неинструментальная, эстетическая коммуникация. Эффективное практическое взаимодействие возможно даже при почти радикальном несопадении внутренних смыслов, если только субъекты коммуникации сумели прийти к общему признанию определенных объектов в качестве ценностей, а какими смыслами они руководствовались, утверждая эти объекты в качестве ценностей, и как они вписаны в структуру (логику) смыслов субъектов – уже не оказывает принципиального воздействия на успешность инструментальной коммуникации. В некоторых случаях это знание внутренней логики Другого, напротив, затруднило бы саму возможность инструментального взаимодействия, что порой выступает как еще одно основание ограничиться при подобной коммуникации максимально поверхностным уровнем взаимопроникновения с Другим.

Неинструментальная коммуникация, которую мы будем также называть эстетической, в свою очередь, требует более глубокого ос-

воения смысловой структуры другого коммуниканта. На всякий случай уточним, что речь идет именно об эстетической коммуникации, а не просто об эстетическом отношении к Другому, для которого может быть достаточно и предельно поверхностного ознакомления с Другим, который из субъекта становится эстетическим объектом и пересоздается благодаря вписыванию в логику субъекта эстетического отношения, примером чего может являться, в частности, модель или даже муза для художника. Специфика эстетической коммуникации заключается именно в ее неинструментальности, т.е. придании Другому исключительной самостоятельной ценности, обусловленной самим фактом его бытия, притом бытия в качестве субъекта. Кроме того сама эстетическая коммуникация и строится как раз вокруг интереса к этому Другому бытию. Очевидно, что подобная неинструментальная коммуникация не является необходимым условием для существования большинства институционализированных форм сосуществования людей в социуме, но также представляется, что инструментальная коммуникация не является ни исчерпывающей формой коммуникации, ни даже достаточной

для относительно полноценной реализации коммуникативной потребности личности.

Как, вероятно, уже становится ясно, понятие коммуникации в настоящем контексте мы необходимо используем близко к его классическому пониманию, делая акцент на передаче определенного смысла между двумя субъектами в контексте конкретной логики, на обмене смыслами. Причем в качестве субъектов коммуникации в нашем вопросе уместно брать не социальные группы, а индивидов, которые их представляют, т.е. речь будет идти в первую очередь о межличностной коммуникации. В качестве механизмов передачи смыслов мы рассматриваем всю совокупность знаковых систем, как лингвистических (вербальных), так и паралингвистических (невербальных).

При этом мы исходим из позиции, что сообщаемое существует до сообщения, в то время как сообщение есть продукт коммуникации, когда сообщаемому придается форма исходя из представлений о Другом, имеющихся у субъекта коммуникации. Эти представления о Другом порождены логикой смыслов говорящего субъекта, конечно, они не статичны, периодически подвергаются ревизии, поправки в существующие представления вносятся как неизбежный ответ на вызов коммуникации, однако вызов этот в итоге осмысливается по-прежнему посредством логики говорящего. Истоки этой логики (внутренней структуры, организующей связи между смыслами и приоритеты в них), факторы, влияющие на ее формирование, в данный момент не будут рассматриваться особо, но, тем не менее, нетрудно заметить их комплексный характер: это смыслы и структуры, присущие «эпохе», а также данному конкретному обществу с его культурой, большим и малым социальным группам, к которым относит себя субъект, и, наконец, личный биографический опыт, специфически преломивший все выше обозначенные смыслы и структуры.

Равным образом и восприятие полученного сообщения возможно при значительной потере одних смыслов и искажении оставшихся, что поднимает проблему коммуникационных издержек или того, что К. Шеннон и У. Уивер называют семантическими шумами. В случае же неинструментальной коммуникации по уже обозначенным причинам проблема коммуникационных издержек и необходимость их максимального преодоления ставится на принципиально ином, более глубоком уровне, чем в случае коммуникации инструментальной, но и ее решение оказывается задачей значительно

более сложной, трудновыполнимой. Эти издержки неизбежны при коммуникации с любым Другим, но особенно они возрастают в случае, когда еще до непосредственной коммуникации есть некоторое исходное представление о существующем различии между субъектами будущей коммуникации: такое представление наличествует в образе мужчины для женщины, в образе женщины для мужчины, в образе белого для черного (и наоборот), подобная предустановка также существенна в случае межконфессиональной, межэтнической коммуникации и т.д.

Когда мы объединяем в одном вопросе проблему постижения Другого и неинструментальную коммуникацию, необходимо также прояснить, что в нашем понимании выступает средством, а что целью. Иными словами, стремимся ли мы к постижению Другого ради коммуникации с ним или наоборот – к коммуникации с Другим ради его постижения? Ответ представляется следующим: мы вступаем в неинструментальную коммуникацию ради точки постижения Другого, а данная точка необходима нам для построения новой (опять же неинструментальной) коммуникации. Однако, какова будет эта новая коммуникация, невозможно знать до того, как произошло постижение Другого. В любом случае мы можем признать в коммуникации, направленной на постижение Другого, приоритет смысла над прагматической эффективностью, а кроме того, что данный процесс оказывается целерациональным, осознанным, направленным. Как уже отмечалось, в силу достаточности инструментальной коммуникации для существования основных социальных структур, проблема коммуникативного постижения Другого сама по себе не универсальная, но требует постановки и решения в силу фактической универсализации коммуникации ради ее внешней (экономической, политической) эффективности, многочисленные примеры чего мы наблюдаем в окружающей нас социальной реальности.

Что мешает нам постичь Другого? Как ни странно, Истина. Мешает, казалось бы, несочетаемое сочетание софистического релятивистского принципа, утверждающего, что истина у каждого своя, с сократовской верой в необходимость универсальной Истины. Трудносочетаемое в теории на практике оказалось вполне жизнеспособным образованием. Что получаем мы, перемножая софистов на Сократа? У каждого своя истина, при этом каждый уверен в том, что его Истина на самом деле универсальна. Более того, бытие субъекта мыслится им в

той мере реальным, в какой реальна его Истина, т.е. в той мере, насколько она универсальна и, следовательно, в какой-то степени она онтологична. Универсальность Истины приближает ее к статусу Абсолюта, что делает неприемлемым наличие подобной, но отличной универсальной Истины, которой бы обладал другой человек. Любые попытки «признания» «права» Другого на свою Истину либо останавливаются на формальном уровне, либо в самом лучшем случае заканчиваются снисходительным отношением носителя Истины к тому, кто все еще блуждает в потемках, но имеет на то полное право. Подлинно толерантное отношение, которое бы включало не только терпимость, но и уважение к Истине Другого, оказывается крайне затруднено тем, что настоящее (а не просто формальное) уважение и снисхождение разнонаправлены по своей сути – тот, к кому мы снисходим, может быть объектом участия или заботы, но не уважения, поскольку не может стоять выше или даже на одном уровне с тем, кто нисходит.

Представление об Истине вырастает из определенной конкретной логики, присущей субъекту, и, в свою очередь, само воздействует на эту логику, легитимируя ее или требуя внесения некоторых уточнений или корректив. Для того чтобы мы могли приблизиться к постижению Другого, необходимо как минимум прорваться через структуры своей логики, чтобы свет нашей Истины больше не затемнял для нас бытие Другого. Средством для подобного прорыва, трансгрессивного по отношению к нашей собственной Истине, мог бы служить принцип паралогии.

Само понятие паралогии может быть переведено как «вопреки рассудку», что традиционно свидетельствует в лучшем случае о заблуждении, а в худшем – о психическом расстройстве, бреде. Отсюда – востребованность этого понятия в медицине. Также хорошо известно, что концепт паралогии получает новое осмысление в рамках постмодернистского дискурса, в частности в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [1, гл. 14]. Как же возможна паралогия, и каким образом она могла бы помочь в ситуации постижения Другого? Ответ на этот вопрос наметится, если мы попытаемся в нескольких штрихах обрисовать некоторые ключевые узлы данного дискурса в контексте сопоставления с дискурсами обществ модерна и домодерна.

Общим местом является тот факт, что понятия «модерн» и «постмодерн» пришли в социальную теорию из теории искусства. При этом

различие между модернизмом и постмодернизмом в искусстве показательно и для понимания того, что представляет постмодернизм как социокультурный феномен. Несмотря на широкое многообразие направлений модернистского искусства – начиная, к примеру, с импрессионизма, и заканчивая, скажем, сюрреализмом, дадаизмом, кубизмом, супрематизмом, – все их объединяет общее нежелание уместиться в художественные рамки классического искусства и поиск новых жанров, новых изобразительных средств, нового способа передать свое сообщение. И если модернисты, отрицая старые способы художественного выражения, старые жанровые и стилевые рамки, стремятся создать новые, то постмодернисты заявили об отказе от жанровых и стилевых ограничений как таковых. Если первым было тесно в границах старых форм и они искали свободу создания новых форм для своего эстетического действия, то вторые уже говорят о тесноте любых устойчивых форм и утверждают транзитивность между различными изобразительными формами путем размыкания их границ.

Как известно, своими корнями модерн как социокультурный феномен уходит в классическую античность, однако формирование его как общества определенного культурного типа начинается в эпоху Нового времени и в целом совпадает с переходом от традиционного общества к обществу посттрадиционному, от общинно-коллективистского к индивидуалистскому, от сословно-дифференцированного к эгалитарному (по крайней мере, формально, в вопросе распределения прав) и демократическому, от религиозного к секулярному, а в экономической перспективе – от аграрного, доиндустриального к промышленному, от феодалного к буржуазному, капиталистическому. «Ситуация постмодерна», в свою очередь, соответствует зрелому индустриальному (и в еще большей степени – постиндустриальному) обществу, постсекулярному (Ю. Хабермас) [2] по своему идейному содержанию, обществу позднего капитализма или, как его называют некоторые исследователи, неокapиталистическому. При этом постмодерн, в отличие от модерна и в еще большей мере от домодерна, не стремится к тотальному распространению в том или ином обществе, представляя собой сеть из множества тесно связанных островков в океане модерна или порой даже домодерна.

Два важных принципа ситуации постмодерна, постулируемые Лиотаром, – это гетерогенность и гетероморфность правил. Правила, которыми живут общества домодерна и модерна,

как правило, приписываются единому источнику. В обществах домодерна это, к примеру, десять заповедей, полученных Моисеем от Бога, или воля правителя, чья власть наделяется сакральным статусом. В обществах модерна примером гомогенности правил может служить основной закон – конституция, на который, в свою очередь, опираются все прочие законы и подзаконные акты. Также различные нормы, регулирующие социальные взаимодействия в самых разных областях общественной жизни, оказываются родственны и по форме. Структура правовой нормы (гипотеза – диспозиция – санкция), если вдуматься, реализует себя далеко не только в юридической сфере. Форма властного дискурса оказывается схожей и в семье, и в политических институтах, и в сфере производства – между работодателем и работником. Подобное положение делает логику Другого, которая, возможно, подразумевает правила, восходящие к отличному источнику и в чем-то иные по форме, не только непостижимой, но и всячески отрицаемой.

При переходе к ситуации постмодерна начинается постепенный дрейф значительной части регулирующих механизмов (неформальных и формальных) к большей гетерогенности и гетероморфности, что сопряжено с медленным вытеснением универсализующей логики принципом паралогии. Паралогия все чаще оказывается уже не заблуждением, а заблуждением с точки зрения конкретного видения, не бредом, а бредом по отношению к конкретному рассуждению, не чем-то, что есть «вопреки рассудку», а чем-то сущим «вопреки рассудку» конкретного субъекта. Из алогичного принципа паралогия становится иной логикой, логикой Другого.

Тем не менее как же все-таки субъект может принять истину Другого, не переосмыслив ее через свою логику, – ведь тогда он все равно будет иметь по-прежнему не более, чем свою истину об истине Другого, всякий раз вновь и вновь открывая лишь самого себя? Можно было бы предположить, что это возможно, если он сумеет отказаться от своей собственной истины и своей собственной логики, но тогда мы должны были бы допустить возможность пустого субъекта, что невозможно. Но даже если мы смогли вообразить, что истина другого может, не искажаясь, заменить твою истину, его логика – твою логику, то, поскольку мы все-таки говорим о коммуникации, что в таком случае остается от нас Другому? Лишь повторение его самого.

Следовательно, требуется изыскать возможность принятия истины Другого без ее фаталь-

ного столкновения с собственной истиной. И здесь уместно обратиться к одной из особенностей познавательной деятельности, как она представляется в контексте принципа паралогии. Обращаясь к ее историческим формам, мы можем наблюдать в эвристической практике два основных перехода: во-первых, это переход от поиска истины к поиску консенсуса по поводу истины, во-вторых, это переход от поиска консенсуса к поиску разногласий. Первый переход ознаменовывает размежевание модерна с метафизической претензией домодерна на возможность обладания Абсолютной универсальной истиной. Второй переход связан с тем, что в случае, когда мы ищем согласия, консенсуса, мы не открываем для себя ничего радикально нового, а лишь утверждаемся в том, что уже знаем. Поиск разногласий требует пристального взгляда не в точки соприкосновения (я в Другом), а, напротив, в точки разрыва, в точки, где мы не совпадаем, что единственно может потенциально дать нам опыт, отличный от уже имеющегося. Когда мы ищем соприкосновения, мы неизбежно обращены к познанию уже известного, когда мы обращаемся к пустотам, лакунам, зияниям, мы выходим на возможность познания неизвестного. Сообразно принципу паралогии, пустоты не мыслятся как пустоты, но как пустоты в нашем опыте, лакуны не мыслятся как лакуны, но как лакуны в нашем знании.

Когда есть только одна Истина, она заполняет всего субъекта. Для того чтобы на равных принять еще одну Истину, требуется чрезвычайно понизить статус исходной истины, ведь, если теперь их стало две там, где раньше была одна, это не только значит, что исходная истина стала в два раза меньше, это значит, прежде всего, что из тотальной, всеобъемлющей она стала частной, в чем-то даже полуистиной.

Если в случае познания как поиска консенсуса субъект познания утверждался в своем бытии, подтверждая статус своей Истины через обнаружение ее в Другом, то в ситуации познания как поиска разногласий мы ставим под вопрос свое бытие в качестве субъекта Истины. Принципиален вопрос: возможно ли это? Может ли субъект пойти на это без гибели для себя? Нет, если он пишет свою Истину с большой буквы, если его бытие для него тождественно его бытию в качестве субъекта его Истины. Да, если его истина – это как бы Истина с большой буквы, а он сам как бы тождественен своей Истине. «Как бы» – это принцип игры, в которой, как известно, мы необходимо допускаем определенное самоотождествле-

ние со своим персонажем, со своей ролью, с правилами, предписываемыми данной ролью, но при этом где-то на периферии сознания сохраняем представление о том, что это все-таки игра. Однако игра игре рознь, и необходимая степень самоотжествления со своей ролью варьируется в зависимости от тех условий, в которых протекает игра.

Игра домодерна велась настолько серьезно, что порой в силу ее серьезности на теле верующего стигматами могли проступить раны объекта его веры. Игра модерна, как правило, ограничивается рамками природной и социальной реальности, не претендуя на метафизические значения, но по-прежнему остается тотальной в своей серьезности. Когда кто-то начинает слишком переживать из-за игры, мы говорим ему: «Зачем ты расстраиваешься, ведь не корову проигрываешь!»; игра модерна – это именно такая игра, где, если ты проигрываешь, ты проигрываешь корову, причем последнюю. Игра модерна – это игра до последней возможной ставки, пан или пропал, игра, знакомая нам по русской классической литературе, когда игрок проигрывает последнюю рубашку, выходит нагой из игорного дома – лишь крест болтается на шее, он чувствует, что, проиграв последнее, он, наконец, обрел свободу и видит в этом высшую волю, и со слезами благодарности на глазах целует крест – а потом разворачивается, возвращается к другим игрокам и ставит свой крест на кон.

Неизбежная серьезность субъекта, играющего в условиях модерна, продиктована высотой ставок. Если не относиться всерьез к играм, роли в которых мы отыгрываем в таком социуме, можно потерять все. Картина принципиально меняется в обществе постмодерна, где, как показывает Р. Инглхарт [3], участие субъекта в тех или иных социальных процессах может принимать условный, игровой характер при безусловности базовых гарантий (игровая формула постмодерна «anything goes» – возможно все, – как неоднократно отмечал П.К. Гречко, не означает отсутствие принципов как таковых, беспринципность; однако, если приверженность человека модерна своим принципам, по определению П.К. Гречко, можно выразить в словах «на том стою и не могу иначе!», принципиальность человека постмодерна звучит следующим образом: «на том стою, но могу, как захочу»). Отсюда следует существенное замечание: игра постмодерна возможна только в том случае, когда общество достигло устойчивого благополучия и может гарантировать своим членам, субъектам социальных игр, что,

как бы они ни проигрались (если только ими не были нарушены некоторые правила, необходимые для обеспечения самой возможности игры, например закон, – да и тут возможны разные ситуации, поскольку и законы разные), они никогда не лишатся всего, сохранив минимум, необходимый для существования, которое в данном обществе считается достойным человеческого существа. В обществе, не достигшем данного состояния, игра на таких условиях невозможна. Также справедливо суждение, что даже то общество, которое знает указанное устойчивое благополучие, отказывает своим членам в подобной игре в случае возможной утраты данной устойчивости, дестабилизации в результате внешней угрозы (военной, демографической и пр.) или же по внутренним причинам (экономическим, политическим и т.д.). Когда обществу постмодерна угрожает опасность, оно ради выживания должно «регрессировать» до состояния модерна (примеры чего уже знает современная Европа), и если этот регресс не будет своевременно осуществлен, и «болезнь окажется запущенной», может наступить момент, когда спасение окажется достижимым единственно «регрессом» к состоянию домодерна.

Тем не менее, подобная игра, которая для реализации в масштабе социума в обязательном порядке требует определенных социально-экономических и политических условий (и без таковых обречена томиться лишь в области теории), в вопросе межличностной коммуникации, коммуникации неинструментальной, направленной на постижение Другого, остается не только актуальным, но и, очень может быть, едва ли не единственным способом этого постижения достичь. Истина, с которой отождествляет себя субъект в игре, остается истиной (иначе он и не смог бы отыгрывать роль), но, вместе с тем, он знает, что, возможно, с несколько большим или несколько меньшим успехом он мог бы примерить на себя какую-то другую роль из этой игры (или из какой-то другой игры), может быть, любую роль (в любой из возможных игр?). Способность субъекта к самоотжествлению в игре с самыми разными ролями свидетельствует об очень пластичном исходном «материале» этого субъекта (если хотите, о его чрезвычайно пластичной, динамичной исходной структуре) или о том, что субъект изначально содержит в себе возможность быть любой из этих ролей и обладать любой из возможных истин, т.е. в каком-то смысле изначально содержит в себе все возможные роли и истины. Собственно

говоря, между идеей исходной пластичности субъекта и мыслью о том, что субъект изначально содержит в себе множество возможных субъектов, не так уж и велик разрыв – это могут быть два ракурса одного явления, а именно явления, получившего в дискурсе постмодерна имя шизосубъектности (Р.Д. Лэйнг, Ж. Делёз и Ф. Гваттари [4], В.А. Подорога [5, гл. 1]).

Принцип паралолии оказывается весьма тесно связан с языковыми (Л. Витгенштейн) и истинностными (М. Фуко) играми [6, введение]. Истина не есть ни событие реальности, ни даже событие отражения реальности в нас, истина есть прежде всего событие нашего языка. О чем бы ни говорило социальное, оно при этом всегда говорит и о самом себе, и в рамках существующей (и непрестанно обновляющейся) речи, дискурса как раз и устанавливаются определенные истинностные отношения, которые могут быть сколь угодно значимыми внутри этого дискурса, но совсем не обязательно останутся таковыми за его пределами, в рамках другого дискурса или дискурса Другого. Однако драматизм ситуации заключается в том, что подобный статус истины невозможно увидеть, находясь внутри дискурса, утверждающего данную истинностную игру, и для открытия «истины об истине» требуется подняться на метадискурсивный уровень.

С уровня метадискурса нам очевидна интерпретационность наших суждений о реальности и о нас самих. При этом паралолия идет дальше и приводит нас к пониманию того, что «автор умер» (Р. Барт) [7] или не умер, но вступает с читателем в немоналогические отношения в рамках практически «открытого произведения» (У. Эко) [8], т.е. наше понимание реальности не просто соткано из различных интерпретаций, среди которых надо выделить верные или отбросить ошибочные, но даже сам критерий по которому мы осуществляем нашу верификацию или фальсификацию, есть та или иная интерпретация этого критерия, выбранная по правилам истинностной игры нашего дискурса, и даже позиция автора не обладает статусом привилегированной, а оказывается одним из возможных прочтений его собственного текста наряду со всеми прочими прочтениями.

Реальность уже очень давно мыслится как некий текст, который состоит из знаков, доступных к прочтению, если у нас есть ключ к этому коду. Этот-то текст и интерпретируется, а после реинтерпретируется познающим субъектом. Интерпретация текста – это новый текст, на этот раз мы во многих случаях можем установить и его авторство. Принцип паралолии об-

ращает реальность из текста в гипертекст, где множество текстов не просто следуют один за другим или один из другого, но сосуществуют в одновременности, параллельности и, кроме того, пересекаются множеством точек, прямых и плоскостей, благодаря чему оказывается возможным транзитивное движение между самыми различными текстами. Гипертекстуальность по отношению к текстуальности подобна тому, что есть Интернет по отношению к классической библиотеке. Да, в библиотеке все книги присутствуют одновременно, но мы движемся от книги к книге, от стеллажа к стеллажу, от рубрики к рубрике всегда последовательно; мы можем взять новую книгу, не дочитав предыдущую, но чтобы открыть новую книгу, нам необходимо сдать/поставить на место/отложить ту, которую читали до того. При этом мы начнем читать новую книгу либо с совершенно случайного места, либо с начала – в лучшем случае с начала главы, сверившись с оглавлением. Находясь в сети Интернет, мы, с одной стороны по-прежнему имеем дело с линейными текстами, но, вместе с тем, эти тексты связаны между собой множеством гиперссылок, дающих возможность «нуль-транспортировки» между различными точками, референтными общему смыслу, пусть даже через его опровержение, что позволяет читать реальность уже нелинейным образом. И если мы предполагаем, что классический субъект лишь движется по этому гипертексту нелинейным образом, выстраивая своей замысловатой траекторией новый линейный текст, то шизосубъект уже изначально видит реальность нелинейно, для него реальность всегда гипертекстуальна.

Раз уж речь зашла о психиатрических отклонениях, то уместно будет отметить, что классического субъекта модерна иногда сравнивают с параноиком, который одержим системой сверхценных идей, построенной в соответствии с вполне четкой логикой. Освобождение шизосубъекта хорошо иллюстрируется «Степным волком» Германа Гессе, в котором, как мы помним, Гарри Галлер разрывается между образованной, окультуренной, социализованной, но одновременно слабой, лживо-лицемерной человеческой сущностью и сущностью живущего в нем степного волка – дикой, грубой, животной, но также прямой, естественной, по-варварски благородной. Гарри не может решиться на выбор, видя, что каждый из живущих в нем обладает своей собственной неоспоримой истиной. Драматическое противоречие разрешается, когда Гарри обнаруживает, что,

помимо него самого и степного волка, в нем живет еще множество других Гарри: Гарри-ребенок, Гарри-юноша, Гарри-такой-то, Гарри-такой-то еще – все это составные его личности, и все они – личности. Своей внутренней мультиверсальностью, потенциальной возможностью субъекта содержать в себе все прочие возможности субъектности шизосубъект напоминает нам идею тождества нашего индивидуального «я» со вселенским Атманом, знакомую по индийской метафизической традиции эпохи домодерна, «я есть все». В каждый конкретный момент времени, в течение некоей временной длительности шизосубъект имеет в актуальной форме какую-то одну конкретную личность, но даже будучи этой личностью, он подспудно осведомлен о скрытом присутствии других.

Подводя итог, скажем, что мы не пытаемся навязать Другому себя, свою истину, свою логику, но способны принять в себя его истину и его логику, потому что на самом деле у нас уже есть опыт содержания множественности, опыт содержания множества личностей в рамках некоей металичности, с которой мы обычно себя отождествляем, говоря «я», т.е. паралогический опыт шизосубъектности. И наконец, рискнем предположить – пусть в виде простого гипотетического допущения, – что, возможно, в той множественности личностей, которую мы носим в себе, где-то – пока в «спящем», латентном, теневом состоянии – уже наличествует та актуальная личность из шизосубъектного множества личностей Другого, которую мы в нашей неинструментальной коммуникации и стремимся постичь.

1. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. СПб., 1998.

2. Хабермас Ю. *Постсекулярное общество – что это?* // *Рос. филос. газ.* 2008. № 4(18), № 5(19).

3. Инглхарт Р. *Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества* // *Полис (Политические исследования)*. 1997. № 4.

4. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, 2007.

5. Подорога В. *Феноменология тела*. М., 1995.

6. Фуко М. *Использование удовольствий. История сексуальности*. М., 2004. Т. 2.

7. Барт Р. *Смерть автора* // *Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика*. М., 1989.

8. Эко У. *Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике*. СПб., 2004.

1. Lyotard J.-F. *Postmodern condition*. St. Petersburg, 1998.

2. Habermas Ju. *Notes on a post-secular society* // *Russian philosophical newsp.* 2008. № 4(18), № 5(19).

3. Inglehard R. *Postmodernism: changing values and changing societies* // *Polis (Political researches)*. 1997. № 4.

4. Deleuze J., Guattari F. *Anti-Edip: capitalism and schizophrenia*. Ekaterinburg, 2007.

5. Podoroga V. *Phenomenology of body*. Moscow, 1995.

6. Foucault M. *The use of pleasures. the history of sexuality*. Moscow, 2004. Vol. 2.

7. Barthes R. *Death of an author* // *Barthes R. Sel. works: Semiotics. Poetics*. Moscow, 1989.

8. Eco U. *The open work*. St. Petersburg, 2004.

Тимченко Александр Андреевич

преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Негативные эффекты трансформации процесса преемственности и смены поколений в России

В статье проводится анализ различных подходов к изучению негативных эффектов трансформации процесса преемственности и смены поколений в современном российском обществе. Рассматриваются негативные социальные последствия дезорганизация процесса преемственности и смены поколений.

Ключевые слова: преемственность, смена поколений, трансформация социума, дезорганизация.

A.A. Timchenko, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia; tel.: +78612583516.

The negative effects of the transformation process of succession and generational change in Russia

The article analyzes different approaches to the study of the negative effects of the transformation process of continuity and change of generations in the modern Russian society. Discusses the negative social consequences of the disorganization of the process of succession and generational change.

Key words: succession, generational change, transformation of society, disorganization.

Процесс преемственности и смены поколений играет ключевую роль в любом обществе, в том числе в современном российском. В этой связи необходимо дать ответ на вопрос о том, какой содержательный смысл мы будем вкладывать в понятие «поколение». Как отмечают авторы «Краткого словаря по социологии», «поколение – социально-возрастная категория, номинальная группа. К одному поколению принадлежат люди, возраст которых помещается в некотором интервале, но последний не остается неизменным. Трудности определения границ поколения связаны с множественностью и противоречивостью его социально-биологических критериев: сроки физического созревания юношества; средний возраст вступления в брак; время начала трудовой жизни – это главный критерий социальной зрелости. Наконец, общность образа жизни, поведения, ценностей» [1, с. 234].

В современном обществе, по мнению исследователя, скорости социальных изменений оказались слишком высокими, в силу чего прежний опыт людей не просто недостаточен, а в ряде случаев даже вреден, препятствуя смелым и прогрессивным подходам к новым, небывалым обстоятельствам. В этой связи отнюдь не случаен тот факт, что префигуративная культура ориентируется главным образом на будущее. Поэтому не только молодежь учится у старших, как было всегда, но и старшие во все большей степени прислушиваются к молодежи [1].

Однако процессы взаимодействия старших и младших поколений и делегирования между ними ключевых общественных функций по определению не смогут стать симметричными. Невозможно предложить новшества, которые никак не опираются на опыт предшествующих поколений, поэтому определенная культурная традиция сохраняется всегда. Также ошибочным шагом стала бы абсолютизация процессов культурных инноваций, при этом разные сегменты системы культуры меняются неодинаково. Именно поэтому показатели и индикаторы межпоколенных различий в данных сферах окажутся разными.

По мнению исследователей, «в трактовке межпоколенных отношений в социологической литературе имеются два полюса. Одни авторы писали, что в современном обществе существует большая разница между поколениями и этот доходящий до противоположности разрыв увеличивается. Другие, напротив, считали представления о росте межпоколенных различий иллюзорными; по их мнению, ничего нового в этом отношении не произошло. Одни предполагали, что «конфликт поколений» имел место всегда, а другие – что он и сегодня «существует только в воображении» [2, р. 3].

Необходимо подчеркнуть, что в рамках различных концептуальных представлений о процессе преемственности и смены поколений разработано некое объединяющее смысловое «ядро», позволяющее очертить контур проблемы. Становится очевидным, что суще-

ствующие ныне подходы имеют существенные недостатки, прежде всего гносеологического плана. Одни подходы излишне упрощают, можно сказать, даже «механизируют» процесс преемственности и смены поколений по аналогии с производственным предприятием (одни основные фонды убывают, другие их восполняют – это непрерывный процесс). Другие подходы излишне драматизируют социокультурный, духовно-нравственный аспект процесса преемственности и смены поколений, фактически предельно осложняя принятие каких-либо взвешенных, обоснованных научно-управленческих решений.

«Эпицентр» дискуссий социологов молодежи касается особенностей социального развития молодежи как ключевого элемента процесса преемственности и смены поколений. Ученые акцентируют внимание на ряде дисфункционально-дезорганизационных аспектов применительно к социальному развитию молодого поколения.

Н.Л. Смакотина акцентирует внимание на том, что стремительные изменения российской действительности способствовали ее нестабильности (как в материальной, так и духовной сферах), в результате чего произошла потеря устойчивости и возникли дополнительные риски. Как полагает исследователь, «переживаемое российским обществом социальное время характеризуется не только разрушением привычного образа жизни всех слоев общества, сменой идеологии и общественной морали, но и кардинальным изменением статуса самой реальности – экономической, политической, социальной. Она уже не выглядит закономерно развивающейся, преемственной связью с прошлым опытом, традициями, привычками и становится приблизительной, необязательной, неопределенной, лишенной внутренних и внешних гарантов. За последние два десятилетия молодое поколение рождается, живет и действует в этих условиях» [3].

В этой связи Н.Л. Смакотина отстаивает точку зрения о необходимости исследования социального развития молодежи в качестве сложного социального процесса, представляющего собой фундаментальную проблему, общую для всех гуманитарных и социально-экономических наук. В самом первом и общем приближении эта проблема есть проблема исчерпанности ресурсов прошлого, прошлых подходов к освоению реальности и необходимости ответа на вызов будущего, вызов истории [3].

По мнению Ю.А. Зубок, в переходных условиях современного российского общества молодое поколение чаще отрицает опыт старших, чем его усваивает. Причем в семьях, где нарушены межпоколенные отношения и где семья утрачивает функцию спасательного круга на волнах неопределенности, обостряется

и риск отставания жизненного старта, и риск нереализованных возможностей молодых людей. Аналогичные риски возникают и в низкостатусных семьях, не способных обеспечить материальную поддержку своим детям. В широком социальном плане данные тенденции свидетельствуют о деформации воспроизводственного процесса уже в первом звене – на этапе преемственности. Самоутверждение и самореализация молодежи через отрицание может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Так, несомненно, позитивным моментом явилось отрицание большинством молодого поколения устаревших, отживших ценностей и отношений, характерных для эпохи авторитаризма (хотя, как показывает опыт, не преодолен до конца риск воспроизводства этих отношений и в новых условиях). С другой стороны, огульное отрицание прошлого разрушает историческое сознание молодого поколения, приводит к ценностно-нормативной неопределенности, релятивизму и нигилизму как его крайней форме. В конечном счете деформируются идентичности [1].

В последние годы ученые отмечают ряд тревожных тенденций, связанных непосредственно как с процессом социального развития российской молодежи, так и, шире, с общей дезорганизацией преемственности и смены поколений. Так, В.И. Чупров указывает, что в российских условиях преемственность поколений по большинству параметров прервана, и потому нынешние молодые люди поставлены перед необходимостью не столько усвоения, сколько отрицания опыта старших поколений [5, с. 94].

Ученые указывают на потерю общей системы координат в процессе социального развития молодежи, а также в процессе преемственности и смены поколений. Как справедливо отмечает Е.О. Кубякин, современной российской молодежи «не объясняют, какой она должна стать через несколько лет, не задают ориентиров социального развития. Несмотря на многочисленные публикации по данной проблематике (не только научные, но и журналистские материалы), в настоящее время не возникает ощущения, что проблема отсутствия ориентиров, целей социального развития российской молодежи успешно решена.

Недопустима ситуация, когда процесс социального развития выглядит спонтанным, никем не управляемым. Молодежи, как никакой другой группе, необходимо показывать, что государство заинтересовано в их социальном взрослении, в успешном включении во взрослую жизнь. Постепенно отошел на «второй план» ключевой тезис советских времен о том, что молодежь – ресурс развития государства и от того, какой станет нынешняя молодежь через

10–15 лет, зависит будущее страны. Нельзя допускать ситуации, когда критерии социального развития молодежи криминализируются, подвергаются аморальной, антинравственной правке» [6, с. 109–110].

Весьма сложным является вопрос о факторах, детерминирующих дезорганизационные тенденции в процессе преемственности и смены поколений. Ясно, что ситуацию риска создают условия быстрых и масштабных социальных преобразований, охвативших не только российское общество, но и, шире, современный постиндустриальный, глобальный миропорядок, в который включена и Россия.

В.Т. Лисовский, касаясь причин сложившейся дезорганизации, отмечал «резкий надлом в преемственности поколений, вызванный переходом из одного состояния (советского периода) в другое (российское) и социально-экономическим кризисом. В советское время старшее поколение владело комплексом знаний и технологий, культурой, накопленным опытом, и младшие осваивали все это, не сомневаясь в его важности и полезности. Молодые перенимали опыт старших без тени сомнения, так как прошлое гарантировало будущее. Ныне живущие поколения в значительной степени «вскормлены» на советских «витаминах», и в их ментальности такие свойства имеют достаточно реальный вес, хотя и в неодинаковых пропорциях. Однако в целом характер преемственности изменился. Если прежде молодое поколение внимательно вглядывалось в «зеркало предков», пытаясь предугадать свой жизненный путь, то теперь это отражение не дает чувства реальности. Жизнь строится по новым канонам, лишь отдаленно напоминая старшим об их молодости, а молодым уже не дает необходимых ориентиров» [7, с. 111].

Представители екатеринбургской социологической школы Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко, придерживаясь во многом взглядов, близких к экономическому детерминизму, констатировали, что «на молодежь оказывает влияние социальный, хозяйственный и политический кризис современного российского общества, находящегося в состоянии неустойчивого равновесия. Это общесистемное качество, которое порождает массу социальных противоречий и парадоксов. Сказывается и быстрый рост социального расслоения, дифференциации и маргинализации общества. Для молодежи особенно значимой выступает ломка традиционных форм социализации и межпоколенческой преемственности, социальной мобильности, путей и способов профессионального самоопределения и роста. «Разорванность» общественного бытия молодежи в конечном счете и порождает парадоксальность ее сознания и поведения» [8, с. 27].

Часть авторов, в частности В.И. Добрынина и Т.Н. Кухтевич, высказывали противоположную точку зрения, нежели представители функционалистских, марксистских и прочих подобных теоретических направлений. Авторы видят корни проблемы в сфере духовной культуры, дисбалансе и дезорганизации ее основных элементов. Авторы отмечают: «Для современного транзитивного российского общества характерно быстрое изменение традиционной системы ценностей и всего жизненного уклада населения, что привело к росту дезадаптивных слоев, в том числе в молодежной среде, а системный кризис российского общества способствовал существенному сужению возможностей самоопределения и самореализации подрастающих поколений, в том числе в получении качественного образования, приобщении к эталонам высокой духовной культуры. Эта ситуация дополняется аномией, принявшей сегодня глобальный характер. Что же касается средств массовой информации как значимого современного института социализации, то их деятельность по существу дисфункциональна, поскольку информационные потоки СМИ изобилуют актами агрессии и насилия, зачастую нравственно не осуждают экстремизм, разного рода девиантные формы поведения. В этих условиях создается простор для влияния на молодежь сил, заинтересованных в использовании молодежи в своекорыстных, политических целях» [9].

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам.

В начале XXI в. все отчетливее заметны тенденции, заключающиеся в трансформации процесса преемственности и смены поколений в России. Однако происходящие изменения в некоторых случаях принесли ряд негативных эффектов, проявляющихся более зримо, чем различного рода положительные аспекты (рост инновационной активности молодежи, освоение информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий и т.д.). Ученые обратили внимание на следующие негативные эффекты, приведшие к частичной дезорганизации процесса преемственности и смены поколений:

отсутствии концептуальной государственной молодежной политики, ее децентрализацию, вследствие чего в различных регионах ситуация порой оказывалась (и оказывается по сей день) диаметрально противоположной;

деидеологизацию, приведшую к более широкому кругу отрицательных эффектов в сфере духовной культуры (отсутствию идеалов, объединяющих ценностей, морально-нравственному кризису, криминализации сознания, деформации правовой культуры и правового сознания);

стремительное вхождение в социальную жизнь Интернета, информационно-компью-

терных и телекоммуникационных технологий, приведшее к дезорганизации коммуникационной системы общества, нарушившей стройное коммуникативное воздействие на молодежь;

последствия финансово-экономического кризиса 1990-х гг., принявшие инерционный характер, особенно в малых городах и сельских населенных пунктах;

экспансию массовой культуры и стремление к стандартам общества потребления, гедонизма и показного (мнимого) жизненного успеха, что привело к актуализации низменных инстинктов и потребностей молодежи, высвободило агрессивные установки и комплексы, в том числе ксенофобию, радикализм, экстремизм, и не способствовало в целом планомерной интеграции молодежи во взрослую жизнь.

Мы можем отметить, что дезорганизация процесса преемственности и смены поколений несет ряд негативных социальных последствий для российского общества. Часть этих последствий заметна уже сейчас, другие же проявятся через несколько лет. В частности, увеличивающийся разрыв поколений, прежде всего в социокультурном плане, несет в себе

угрозы радикализации общества в ближайшей перспективе, когда нынешняя молодежь займет свое полноценное место в социальной структуре взрослого общества и будет определять «ядро» репрезентативной культуры большинства. Ксенофобия, нетерпимость, агрессивность потенциально угрожают нашему обществу. Кроме того, нарушается преемственность социального опыта, вследствие чего теряются знание, информация, в том числе ключевая, социально значимая. Данный процесс дезорганизации способен принимать характер «спирали», когда новые подрастающие поколения окажутся втянутыми в систему «ускоренного» социального взросления, являющего аномичный характер. В этой связи возможен рост девиантного поведения, дальнейшая криминализация российского социума. Именно принимая во внимание изложенные негативные аспекты дезорганизации процесса преемственности и смены поколений, необходимо сосредоточить усилия науки и практики в решении данной системной социальной проблемы, угрожающей стабильности и целостности российского общества.

1. *Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М., 1988.*

2. Bengtson V.L., Furlong M.J., Laufer R. *Time, Aging, and the Continuity of Social Structure: Themes and Issues in Generational Analysis // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30. № 2.*

3. Смакотина Н.Л. *Социальное развитие молодежи в России: концептуальная модель анализа. М., 2006.*

4. Zubok Yu.A. *Problems of social development of young people in risk society // Socis. 2003. № 4. С. 44–46.*

5. Чупров В.И. *Молодежь в общественном воспроизводстве // Социс. 1998. № 3.*

6. Кубякин Е.О. *Молодежный экстремизм в условиях становления глобального информационного общества: социологический анализ российской действительности начала XXI в. Краснодар, 2011. С. 109–110.*

7. Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // *Социологические исследования. 2002. № 7.*

8. Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. *Парадоксальный молодой человек. // Социологические исследования. 2006. № 6.*

9. Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. *Современный российский молодежный экстремизм и тенденции его институализации // Сорokinские чтения – 2005». Будущее России: стратегии развития: II Всерос. науч. конф. 14–15 дек. 2005 г. М., 2005.*

1. *Concise dictionary of sociology / gen. ed. by D.M. Gvishiani, N.I. Lapin. Moscow, 1988.*

2. Bengtson V.L., Furlong M.J., Laufer R. *Time, Aging, and the Continuity of Social Structure: Themes and Issues in Generational Analysis // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30. № 2.*

3. Smakotina N.L. *Social development of the youth in Russia: the conceptual model analysis. Moscow, 2006.*

4. Zubok Yu.A. *Problems of social development of young people in risk society // Socis. 2003. № 4. P. 44–46.*

5. Chuprov V.I. *Youth in social reproduction // Socis. 1998. № 3.*

6. Kubyakin E.O. *Youth extremism in the formation of the global information society: a sociological analysis of Russian reality the beginning of the XXI century. Krasnodar, 2011. P. 109–110.*

7. Lisovsky V.T. «Fathers» and «children»: the dialogue in the relationship // *Case studies. 2002. № 7.*

8. Wishnewski Yu. R., Shapko V.T. *Paradoxical a young man // Case studies. 2002. № 7.*

9. Dobrynin V.I., Kuhtevich T.N. *Modern Russian youth extremism and tendencies of its institutionalization // Sorokin readings – 2005. The future of Russia: strategy of development: II All-Russian sci. conf., Dec.14–15, 2005. Moscow, 2005.*

Спирина Стелла Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической экономики
Кубанского государственного университета
(e-mail: stella_spirina@mail.ru)

Сценарный подход к финансовой устойчивости предприятий и корпораций

В статье исследуются методы оценки финансовой неустойчивости, формирующейся в процессе функционирования любого предприятия в различных сферах экономической деятельности.

Ключевые слова: финансовая неустойчивость, предприятия, корпорации, математическая модель банкротства, сценарии финансовой устойчивости.

S.G. Spirina, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Theoretical Economics of the Kuban State University; e-mail: stella_spirina@mail.ru

The scenario approach to financial sustainability of enterprises and corporations

The article deals with the study of methods of estimation of financial instability, which is formed during operation of any enterprise in various spheres of economic activity.

Key words: financial instability, enterprises, corporations, mathematical model of bankruptcy, scenarios for financial sustainability.

В настоящее время актуализируется проблема оценки финансовой деятельности предприятий в различных сферах экономической деятельности, в частности их финансовой устойчивости. Повышается роль финансового инструментария в анализе конкурентоспособности российского бизнеса [1; 2, с. 69].

В предыдущих исследованиях была предложена концепция представления влияния внешних и внутренних факторов воздействия на финансовую устойчивость экономических систем в виде четырехуровневого дерева иерархий: мировой финансовой системы; финансовых систем стран и государства; регионов и административно-территориальных делений; корпораций, фирм [3, с. 37].

Начиная со второго по четвертый уровень иерархии факторы, воздействующие на финансовую устойчивость экономических систем, разделены еще на два уровня – внутренние и внешние. Финансовая устойчивость предприятия (организации) – способность внутренним менеджментом предприятия возвращаться на определенную систему соотношений между заданными ранее финансовыми показателями в результате внешних и (или) внутренних воздействий на объект, вызывающих нелинейную реакцию систем [4, с. 89]. Рассмотрим сценарный подход к определению и математическому представлению моделей экономических си-

стем. Многоступенчатая иерархическая структура становится обобщающей характеристикой экономической системы, отдельные звенья которой (уровни иерархии) являются сложными, вероятностными и динамическими системами, обладающими определенной самостоятельностью и некоторыми возможностями к саморегулированию [5].

Модели финансовой устойчивости второго, третьего и четвертого уровней самоподобны, т.к. на них оказывают влияние экзогенные и эндогенные факторы. Поэтому в данном исследовании рассмотрим модель последней ступени иерархии – предприятия (выше частота появления исследуемого объекта).

Определим два класса как множества экономических систем, подверженных различным соотношениям внутренних и внешних факторов воздействия на исследуемые объекты. По признаку отношения к воздействию на финансовую устойчивость финансовой системы к внешним факторам классы делятся на замкнутые и открытые [6, с. 255].

Внутри каждой системы можно говорить о разных сценариях. К первому классу относятся замкнутые системы, в которых внешняя среда, влияя на финансовую систему объекта, вынуждает его реагировать, производя преобразования внутри системы [7, с. 104]. При этом отсутствует ярко выраженная обратная связь с внешней средой (влияние объекта на финан-

совую систему внешней среды), поскольку у внешней среды замкнутой экономической системы нет финансовой составляющей. К замкнутому классу в глобальном масштабе относятся мировая финансовая система, частично закрытые монополии [8].

К открытому классу отнесем системы, у которых влияние внешних факторов на финансовую систему порождает ответную реакцию системы в форме управляющих воздействий. К ним относятся финансовые системы государств, регионов, корпораций (фирм).

Представим несколько сценариев, которые могут быть реализованы в виде математических моделей как в первом, так и во втором классе.

Первый сценарий (финансовая устойчивость).

При хозяйствовании предприятия возможно в первом приближении считать совпадающим производственный цикл с циклом реализации товара. Пусть предприятие (корпорация) производит N_t изделий на момент времени t , цена реализации p_t для производителя, общая себестоимость вместе с содержанием постоянных затрат на единицу продукции составляет отношение указанных затрат (на реализацию продукции, содержание служб, необходимых для работы фирмы (предприятия) на количество изготовленных изделий).

При организации работы внутреннего менеджмента с финансовыми ресурсами таким образом, что прибыль положительна, дальнейшую работу финансовых служб надо направить на модернизацию производства, внедрение эффективных информационных технологий, противодействие негативным факторам, создание резервного фонда и др.

Второй сценарий (переход от финансовой устойчивости к неустойчивости).

Когда на протяжении многих производственных циклов чистая прибыль (Pr) равна 0, а влияние внешних факторов несущественно отражается на результатах работы фирмы, то можно говорить о финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта.

Если цена реализации к моменту, следующему за исследуемым периодом, падает в результате конкуренции, то прибыль тоже падает. Чтобы избежать этого отрицательного процесса, необходимо уменьшить себестоимость на единицу продукции. Однако уменьшение себестоимости невозможно осуществить за один цикл. Существует несколько способов такого уменьшения:

1) уменьшение себестоимости постоянных затрат путем применения политики штрафов,

снижения размеров премий при низких тарифных ставках и т.д.;

2) уменьшение себестоимости постоянных затрат за счет увеличения объема производства за один цикл.

Второй способ обычно приводит также и к уменьшению себестоимости переменных затрат на единицу изделия.

Чтобы избежать снижения прибыли, необходимо уменьшить себестоимость либо увеличить объем выпуска продукции за тот же производственный цикл. Увеличение объема продукции при оптимальном управлении [9, с. 18] требует введения новых производственных мощностей, т.е. увеличения постоянных затрат в себестоимости.

Учитывая, что себестоимость переменных затрат на единицу продукции представляет собой нелинейную функцию, уровень значений которой ниже функции прямой $y=x$, можно предположить представление себестоимости переменных затрат, например, в виде логарифмической функции.

По мнению автора, под нейтральной финансовой устойчивостью можно считать положение компании, когда разность между источником и стоком в каждом производственном цикле попадает в эпсилон-окрестность нуля [10, с. 30].

Относительная финансовая устойчивость – ситуация, когда обязательства по покрытию заемных средств меньше дополнительной прибыли, полученной за счет доходов, а не их приращения в течение нескольких циклов.

Если прибыль падает на протяжении нескольких производственных циклов, то появляется зона относительной финансовой устойчивости, однако данная ситуация не всегда стабильна и приводит к третьему сценарию.

Рассмотрим сценарий, складывающийся при негативном развитии первого либо второго сценария.

В результате воздействия конкурентной среды цена реализации продукции может уменьшиться настолько, что прибыль станет отрицательной. Отсутствие прибыли (после выплаты всех налогов, заработной платы, фиксированных дивидендов и др.) говорит о невозможности расширить производство либо образовать резервный фонд. Отрицательная прибыль приводит к необходимости привлечения заемных средств, т.е. обязанности увеличить объемы производства, чтобы за счет дополнительной прибыли покрыть нарастающую сумму взятого кредита.

Для организации работы хозяйствующего субъекта в третьем сценарии требуется проявление больших усилий, чем в первом либо втором.

Нехватка средств для оборота [11, с. 52] приводит к необходимости использования одной из финансово-кредитных форм поддержки предприятий:

- 1) бюджетное инвестирование [12, с. 456];
- 2) государственные и муниципальные гарантии [13, с. 215];
- 3) субсидирование процентных ставок по кредитам;
- 4) софинансирование затрат по созданию инфраструктуры развития;
- 5) снижение процентных ставок по кредитам.

Третий сценарий. Путь к финансовой неустойчивости.

По мнению автора, финансовая неустойчивость предприятия в динамике – это положение в структуре финансов предприятия (корпорации) когда в течение нескольких производственных циклов, обязательства по покрытию заемных средств в процентном выражении больше прибыли, полученной от капитализации на предыдущих циклах. При этом:

- 1) прибыль отрицательна;
- 2) приращение (изменение) прибыли тоже отрицательно;
- 3) размеры берущихся кредитов увеличиваются;
- 4) для погашения текущей задолженности размеров взятых кредитов не хватает;
- 5) собственный капитал больше суммы долгов.

Невозможность организовать производственный процесс, чтобы покрыть кредиты [14, с. 116] и вернуться на устойчивую линию, приводит к попаданию на новую кривую с меньшей финансовой устойчивостью. Анализ динамики чистой прибыли от отношения собственных средств к заемным, процентной ставки по кредитам и валовой прибыли предприятия показал наиболее оптимальное соотношение собственных и заемных средств при небольшой ставке валовой прибыли (10%) и положительной небольшой прибыли, позволяющей удержаться на плаву предприятиям в малом бизнесе в период финансового кризиса [15, с. 63].

Четвертый сценарий. Путь к банкротству.

- 1) прибыль и ее приращение (изменение) отрицательно;
- 2) дополнительных кредитов не дают;

3) собственный капитал < суммы долгов (текущих обязательств и пени за просроченные обязательства).

Когда реальная кривая колеблется вокруг идеальной кривой, имея небольшой разброс, можно говорить о зоне финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта. Если разброс колебания между идеальной кривой собственных оборотных средств и реальными данными увеличивается и реальная кривая уходит ниже идеальной линии, периодически увеличивая разрыв, то предприятие (корпорация) попадает в зону относительной финансовой устойчивости, переходящей в финансовую неустойчивость, что может привести к банкротству [16].

Налоговое стимулирование малого и среднего бизнеса является одним из внешних факторов воздействия на финансовую устойчивость предприятий всех секторов экономики, поэтому синергетический эффект [17, с. 37] от применения налогового стимулирования и оптимизации внутренних резервов предприятия может привести к увеличению его финансовой устойчивости.

Каждый из четырех рассмотренных сценариев требует внесения предложения по организации работы внутреннего менеджмента для непопадания в зону относительной и абсолютной финансовой неустойчивости.

По мнению автора, финансовым менеджерам предприятий и корпораций при выборе инвестиционных проектов необходимо опираться на теоретический базис финансового менеджмента корпораций, учитывая следующие аспекты:

- 1) чистая приведенная стоимость проекта зависит только от создаваемых проектом денежных притоков и от альтернативных издержек привлеченного капитала;
- 2) альтернативными издержками проекта будем считать доходность, которую могли бы получить акционеры, если бы инвестировали свои деньги по собственному усмотрению (в другие проекты, например на депозитный счет в банке).

В целях эффективного применения математических методов анализа финансовых потоков предприятий в различных секторах экономики, по мнению автора, следует сформировать методологию принятия объективно обоснованных финансовых решений, которая укрепит финансовые позиции предприятий (корпораций) и способствует повышению их конкурентоспособности.

1. Каменева Е.А., Федорова Е.А., Хотинская Г.И., Шальнева М.С., Шохин Е.И. Финансовая устойчивость организаций: теория и подходы к оценке (на примере ЖКХ России). М., 2013.
2. Хотинская Г.И., Шохин Е.И. Место и роль финансового инструментария в повышении конкурентоспособности российского бизнеса // Вестн. Финансового ун-та. 2014. № 3(81). С. 64–75.
3. Калайдин Е.Н., Спирина С.Г. Формирование факторов финансового риска и их оценка в деятельности экономических субъектов // Финансы и кредит. 2014. № 24(600). С. 36–44.
4. Спирина С.Г. Влияние автоматизации технологии применения формирования web-документов продукции организации на их финансовую устойчивость // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2012. № 3–1. С. 86–90.
5. Kalaïdin E.N., Vlaskin S.Yu., Demekhin E.A., Kalliadasis S. Dimensional solitons in a falling liquid film // Doklady Physics. 2006. T. 51. № 1. С. 37–39.
6. Давыдюк Н.А., Бутенко Д.Е. Концепция государственно-частного партнерства в аспекте двухсекторной модели экономики // Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2014. С. 251–260.
7. Богдасhev И.В., Геворкян С.М., Спирина С.Г. Оценка влияния глобальных экономических процессов на основные тренды мировой банковской сферы // Экономика и предпринимательство. 2014. № 11–3(52–3). С. 100–104.
8. Гончаренко Л.И. Налогообложение коммерческих банков: теория и методология. Йошкар-Ола, 2008.
9. Пантелеева О.Б. Моделирование торгово-экономических процессов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1990.
10. Спирина С.Г. Методология оценки финансовой устойчивости в региональном туристическом бизнесе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 18(393). С. 23–31.
11. Авдеева Е.А. Приоритеты инновационного развития России // Актуальные проблемы экономической теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Сидорова. Краснодар, 2013. С. 50–57.
12. Сидоров В.А., Ампар Л.Г. Категория производственных отношений как базис теории
1. Kameneva E.A., Fedorova E.A., Hotinskaya G.I., Shalneva M.S., Shokhin E.I. Financial stability of the organization theory and approaches to the evaluation (the example of housing and communal services in Russia). Moscow, 2013.
2. Hotinskaya G.I., Shokhin E.I. The place and role of financial instruments to improve the competitiveness of Russian business // Bull. of Finance university. 2014. № 3(81). P. 64–75.
3. Kalaydin E.N., Spirina S.G. Formation of financial risk factors and their evaluation in the activities of economic entities // Finances and credit. 2014. № 24(600). P. 36–44.
4. Spirina S.G. The impact of automation technology application form web-document production company in their financial stability // RISK: resources, information, procurement, competition. 2012. № 3–1. P. 86–90.
5. Kalaïdin E.N., Vlaskin S.Yu., Demekhin E.A., Kalliadasis S. Dimensional solitons in a falling liquid film // Doklady Physics. 2006. Vol. 51. № 1. P. 37–39.
6. Davydyuk N.A., Butenko D.E. The concept of public-private partnership aspect of the two-sector model of economy // The phenomenon of the market economy: from the beginnings to the present day: proc. of the II Intern. sci.-pract. conf. Krasnodar, 2014. P. 251–260.
7. Bogdashev I.V., Gevorkyan S.M., Spirina S.G. Assessing the impact of the global economic processes on the main trends of the global banking sector // Economy and entrepreneurship. 2014. № 11–3(52–3). P. 100–104.
8. Goncharenko L.I. Taxation of Commercial Banks: theory and methodology. Yoshkar-Ola, 2008.
9. Panteleyeva O.B. Modelling of trade and economic processes: auth. abstr. ... Master of Economics. Moscow, 1990.
10. Spirina S.G. Methodology for assessing financial stability in the regional travel industry // Regional economy: theory and practice. 2015. № 18. P. 23–31.
11. Avdeeva E.A. The priorities of innovative development of Russia // Actual problems of economic theory and practice: coll. of sci. papers / ed. by V.A. Sidorov. Krasnodar, 2013. P. 50–57.
12. Sidorov V.A., Ampar L.G. Category industrial relations as the basis of the theory of social production // Theory and practice of social development. 2013. № 11. P. 455–458.
13. Martseva T.G., Rzun I.G. Legal regulation of electronic money // 21st century: basic sci-

общественного производства // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 455–458.

13. Марцева Т.Г., Рзун И.Г. Правовое регулирование рынка электронных денег // 21 век: фундаментальная наука и технологии: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. North Charleston, USA, 2014. С. 211–221.

14. Тютюкина Е.Б., Рукшина Е.И. Корпорация, корпоративное управление и корпоративные финансы в российской экономике // Вестн. Финансового ун-та. 2013. № 3. С. 108–117.

15. Козырь Н.С., Лобов А.В. Конкурентоспособность кредитной поддержки малого и среднего бизнеса в Краснодарском крае // Финансы и кредит. 2015. № 23(647). С. 52–64.

16. Кирина Л.С. Использование имитационного моделирования в системе государственного налогового прогнозирования и планирования // Налоги и налогообложение. 2002. № 1. С. 4–7.

17. Лыкова Л. О возможности возврата к прогрессивному подоходному налогообложению физических лиц в России // Вестн. Ин-та экономики РАН. 2013. № 6. С. 32–51.

ence and technology: proc. of the V Intern. sci. and pract. conf. North Charleston, USA, 2014. P. 211–221.

14. Tutukina E.B., Rukshina E.I. Corporation, corporate governance and corporate finance in the Russian economy // Bull. of Finance university. 2013. № 3. P. 108–117.

15. Kozyr N.S., Lobov A.V. Competitiveness of credit support to small and medium enterprises in the Krasnodar Territory // Finances and credit. 2015. № 23(647). P. 52–64.

16. Kirina L.S. The use of simulation in the state of tax forecasting and planning // Tax. 2002. № 1. P. 4–7.

17. Lykova L. On the possibility of a return to progressive income taxation of individuals in Russia // Bull. of Institute of Economics. 2013. № 6. P. 32–51.

Костюченко Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях
 Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: nikiv1948@gmail.com)

Проблемы теории и практики управления социальными системами на современном этапе

В статье автор рассматривает проблемы теории и практики управления социальными системами, связанные с определением понятий «общих» функций управления. Данные функции имеют существенное значение для построения и реформирования структур системы (организации) как основы их эффективного функционирования и совершенствования процессов управленческой деятельности.

Ключевые слова: управление, социальная система, организация, система управления, структура организации, структура управления, функции системы, функции управления, общие функции управления.

N.I. Kostychenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Activity of Bodies of Internal Affairs in Special Conditions of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com

Problems of theory and practice of management of social systems at the present stage

In the article the author considers the problems theory and practice of management of social systems connected with the definition of notions of «general» management function. These functions have essential importance for create and reform of system (organization) structures as the base of their efficient functioning and improving of management activity processes.

Key words: management, social system, organization management system, organization structure, functions of system, management functions, general management functions.

Изменения, происшедшие в мировом обществе в 90-х гг. прошлого столетия, привели к появлению новых государств на постсоветском пространстве. Формирование государственности в бывших республиках выдвинуло на повестку дня необходимость решения комплекса управленческих задач, связанных с организацией управления государственными системами и их подсистемными образованиями. Иными словами, с точки зрения системы предполагалось создание новых и преобразование имеющихся государственных институтов, создание и реформирование их функциональной структуры, а также формирование устойчивых систем управления.

Такие преобразования предполагали опору практики управления на результаты научных исследований в области теории управления. Однако субъекты управления не находили необходимых ответов в теоретических исследованиях, а эмпирический путь решения возникших проблем не обеспечивал должной отдачи в управленческой деятельности.

По этой причине реорганизации в ряде случаев не устраняли ситуации параллелизма в

работе организаций (их подразделений) и дублирования реализации функций подразделениями и конкретными исполнителями.

Как следствие, возникали проблемы с обеспечением должного уровня управления, что приводило к многочисленным и многократным (повторным) реорганизациям государственных органов, их структуры и функциональности (министерств, ведомств, комитетов, организаций, в том числе МВД России).

При этом у субъектов государственного управления возникло много вопросов относительно оптимизации процессов управления вновь создаваемыми и реформируемыми органами.

Отсутствие достаточной теоретической базы в части организации управленческих процессов в новых условиях и взаимосвязи теории и практики управления сформировало потребности в новых научных исследованиях в этой области. Последнее обстоятельство предопределило активизацию научной деятельности в области теории управления, которая существенным образом пополнила уровень научных знаний в области социального и государственного управления, а также менеджмента. Вместе с тем,

полученные знания не позволили субъектам управления в полной мере преодолеть «разрыв» между результатами научных исследований и практическим применением полученных результатов в повседневной управленческой деятельности.

В связи с этим целесообразно проведение детального анализа ситуации «разрыва» теории и практики управления и на этой основе выделение причин, обусловивших его возникновение. Научное исследование этих причин позволит найти пути разрешения возникших проблем управления, преодоления «разрыва» теории и практики управления и придаст новый импульс развитию теоретических основ управления. Это особенно важно в современных условиях, поскольку «опыт зарубежных стран показывает, что вложения в систему управления приносят прибыли в 3–5 раз больше, чем в технику и технологии» [1, с. 24].

Поэтому в первую очередь необходимо очертить круг основных причин, которые обуславливают разрыв теории и практики управления, и наметить пути их преодоления с точки зрения теории управления.

Говоря о причинах разрыва теории и практики управления, прежде всего, необходимо рассмотреть проблемы неопределенности понятийного аппарата и неоднозначности терминологии, применяемой в научных исследованиях в области теории управления.

Так, рассматривая применение термина «управление», Г.В. Осовская отмечала, что «один дотошный аспирант насчитал около трехсот высоконаучных определений понятия управления. Все они приведены в серьезных книгах и все совсем разные» [2, с. 17]. Невольно возникает вопрос, какой вариант применения этого термина должен присутствовать в науке и практике социального управления для того, чтобы все ученые и практики понимали друг друга.

Как пример неоднозначного определения понятий, существующих в теории и практике управления, можно рассмотреть и ситуацию, связанную с определением таких элементов социальных систем, как функции. В научных работах применяются термины «функции социальных систем», «функции системы», «функции государства», «функции органов местного управления», «функции управления», «функции менеджмента», «функции организации», «функции органов». С точки зрения содержания этих элементов можно констатировать, что они имеют общую основу, но их взаимосвязь и взаимозависимость не исследовались в теории управления даже в «пределах» одной социальной системы, не говоря уже о особенностях их употребления применительно к разным системам.

Другим примером неоднозначности терминологии существующей в теории управления, может служить определение понятий видов функций.

Так, рассматривая понятия функций управления, ученые на основе общности признаков их целевой направленности выделяют два вида функций. Первые из них при реализации обеспечивают достижение целей системы, а вторые обеспечивают достижение целей управления функционированием системы. При этом для определения понятия функций первого вида применяются термины «основные», «главные», «конкретные» и «специальные». Для определения функций второго вида ученые употребляют термины «основные», «главные», «общие», «универсальные», «специальные», «познавательные».

Как видно, в определении понятий элементов социальных систем существует множество терминов, что затрудняет их восприятие, поскольку для определения разных видов функций термины применяются одни и те же.

Вследствие этого попытка практического использования результатов научных исследований, употребляющих различные термины относительно однородных элементов системы, может «поставить в тупик» любого практика управления и вряд ли будет способствовать ликвидации «разрыва» теории и практики управления.

Неоднозначность терминологии в теории управления отмечали Ю.П. Алексеев, А.М. Алисов, Б.М. Андрушквив, В.Г. Афанасьев, О.М. Бандурка, Ю.Н. Барышников, И.Л. Бачило, В.А. Василенко, Л.Ю. Гордиенко, В.И. Кнорринг, С.Н. Князев, В.М. Колпаков, Е.Б. Кубко, В.Я. Малиновский, О.А. Машков, Н.Р. Нижник, В.М. Плишкин, О.М. Рой, Ф.И. Семейкин, Б.В. Смирнов, и многие другие ученые. При этом подчеркивалась необходимость проведения более детальных исследований в сфере функций социальных систем.

В качестве иллюстрации общенаучного мнения относительно этой проблемы можно привести высказывания ряда авторов.

Так, В.М. Колпаков отмечал, что «в любой науке обоснованность теоретических выводов и ценность практических рекомендаций по решению той или иной частной проблемы непосредственно зависят от правильного понимания явлений и процессов, которые относительно данной проблемы являются более общими. Значение для теории и практики управления имеет также правильное и единое толкование применяемых терминов. Еще Р. Декарт советовал – Уточняйте значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений» [3, с. 17–18].

О.М. Рой, рассматривая проблемы управления, полагал, что в нынешних условиях крайне актуальна проблема обеспечения профессиональной подготовки лиц, реализующих управленческие функции: «Главной проблемой на пути её разрешения является смысловая размытость и неопределенность сферы управления, различной в восприятии разных профессиональных групп» [4, с. 7].

Таким образом, можно говорить, что неопределенность и многозначность научных понятий в теории управления является одной из основных причин разрыва теории и практики управления. Вместе с тем, следует отметить, что полифония научных понятий относительно элементов социальных систем не только создает проблемы при внедрении научных подходов в практику управления, но и порождает не менее серьезные проблемы теоретического плана в науке управления.

Так, анализируя неоднозначность и неопределенность научных понятий, существующих в теории управления и менеджмента, можно прийти к выводу, что они являются причиной возникновения ряда научных противоречий. Эти противоречия еще в большей степени, чем полифония терминологии, влияют на связь теории и практики, а также на эффективность процессов управления и эволюции систем.

В теории управления общепризнанным является мнение относительно понятия функции как основного элемента социальных систем, поскольку при их реализации обеспечивается устойчивость социальной системы, процесс эволюции и достижение ее целей.

Эту значимость функций для систем управления отмечали Ю.П. Алексеев, О.М. Алисов, Ю.М. Барышников: «Функции управления – это проявление его сущности в действии. Комбинация функций лежит в центре системы управления. Изучение процесса управления с точки зрения его функций – это ключ к раскрытию содержания управленческой деятельности» [5, с. 84].

В.И. Кнорринг полагал, что «Изучение процесса управления с точки зрения его функций позволяет установить объемы работ по каждой из функций, определить потребность в трудовых ресурсах и в итоге формировать структуру и организацию системы управления» [6, с. 45].

Такого же мнения придерживаются С.Д. Дубовенко, О.Д. Крупчан, В.И. Мельниченко, С.П. Мосов, Н.Р. Нижник, Н.Г. Плахотнюк, полагая, что в «механизме управления функции занимают ключевое место» [7, с. 82].

Аналогичные мнения относительно «центрального» места функций в социальных системах, их роли и значения для управления системами высказывают Б.М. Андрушкив [8], В.Г. Афанасьев [9], Л.Ю. Гордиенко, С.Н. Кня-

зев [10], В.Д. Перевалов [11], Л.Г. Шемаева [12], Ф.И. Шамхалов [13] и многие другие ученые.

Таким образом, определение понятия функций как основополагающих элементов социальных систем имеет «ключевое» значение как для теоретических исследований в области управления, так и для практики управления. Указанное обстоятельство с точки зрения методологии должно учитываться при проведении научных исследований. При этом необходимо использовать такие подходы и методы, как системный, функциональный и комплексный, предполагающие комплексное рассмотрение всех элементов системы с учётом их взаимосвязей и взаимозависимостей.

В то же время, анализируя научную литературу по теории управления, автор столкнулся с ситуацией, когда более чем в 50 работах даже не упоминалось понятие функций. В значительной части работ общие функции управления рассматривались только с точки зрения их взаимосвязи с историческими аспектами теории управления и менеджмента как понятия, применяемые административной школой управления.

Другими словами, проблемы управления, по сути, рассматривались вопреки системному, функциональному и комплексному подходам без рассмотрения «ключевых» элементов системы.

Опираясь на сказанное, можно констатировать существование научного противоречия между определением функций как «ключевого» элемента социальных систем и научным подходом, который исключает рассмотрение функций как основных элементов этих систем.

При этом возможность использования результатов теоретических исследований относительно «ключевых» элементов системы управления в практической деятельности вызывает серьезные сомнения.

Еще одно противоречие, существующее в теории управления, связано с определением количественного состава общих функций управления и подходом к формированию структуры системы (организации).

Относительно количественного состава общих функций управления единого научного мнения нет. Количество общих функций, определяемых учёными, варьируется от 4 до 11. При этом большая часть ученых ограничивает этот состав четырьмя (планирование, организация, контроль и мотивация).

Такое ограничение вступает в противоречие с общенаучным мнением относительно детерминации «целей – функций – структуры» социальных систем.

В этой связи обратимся к мнениям ряда авторов. Так, Н.И. Глазунова [14, с. 144] со ссылкой на В.А. Столярову [15, с. 34] отмечала, что

«цели (задачи) организации обуславливают функции, а функции определяют структуру органа: «Цели – функции – структуры». Обусловленность структуры функциями (а не наоборот, как это порой бывает: создаем структурную единицу – должность, а то и целое министерство, а потом «придумываем» виды занятий) определяет целесообразность названия изучаемой подсистемы госуправления именно как функционально-структурной. В данном случае перестановка мест слагаемых влияет на результат. Функция, вместе с тем, как научная категория, элемент понятийного аппарата – это исследовательский инструмент, средство для оценки результатов труда госаппарата, каждого госслужащего».

Таким образом, формирование структуры системы должно происходить на основе ее функций, однако в условиях ограничения количества общих функций (планирование, организация, контроль и мотивация) выполнить такое формирование структуры маловероятно.

С точки зрения теории невозможно создать некоторые структурные подразделения, например аналитические или информационные, ввиду «отсутствия» в числе общих функций аналитической и информационной функций: нет функции – нет структурного подразделения.

Вынужденные попытки эмпирического создания таких подразделений, как правило, приводят к многократному дублированию работы разными подразделениями и отвлечению сотрудников от основной работы. Последнее связано с подготовкой различных отчетных, статистических и аналитических документов для субъектов управления разного уровня.

Сложности формирования структур организаций связаны и с проблемой классификации функций. В настоящее время нет классификации функций, которая могла бы служить субъектам управления как основа для формирования структуры организаций, что отмечалось многими учеными.

Так, при рассмотрении проблемы классификации функций

В.А. Василенко отмечал следующее: «В настоящее время в литературе встречается свыше 50 классификаций функций менеджмента. Часто различный смысл придается самому понятию «функции управления», в силу чего избираются неоднородные основания (критерии) для их выделения. Классификации, перечни (даже при единстве критериев) расходятся по числу выделяемых функций и степени их укрупнения» [16, с. 244].

Трудности создания классификации функций обусловлены полифонией мнений относительно самих функций, их видов, а также ограничением их количественного состава.

Если обратиться к предлагаемым вариантам классификаций функций управления и менеджмента, можно увидеть, что возможность создания структуры организации на их основе вызывает серьезные сомнения в связи с отсутствием в классификациях некоторых функций и неоднозначностью существующей терминологии. Это наглядно иллюстрирует предложенная В.Я. Малиновским структура функций государственного управления, в которые он включил: 1) основные (политико-административные, социальные, экономические, гуманитарные); 2) общие (стратегическое планирование, принятие управленческих решений, организация деятельности, мотивация, контроль); 3) вспомогательные (управление людскими ресурсами, бюджетная функция, юридически-судебная функция, делопроизводство и документация, связь с общественностью) [17, с. 210].

При этом он отмечал: «В литературе по-разному понимается теоретическое понятие “функция государственного управления”, и сегодня не существует его общепринятого определения. Разный подход ученых к определению управленческой функции, различия в вопросах их систематизации – одна из главных причин существующего состояния осмысления этой научной категории» [17, с. 201].

Следует отметить, что отсутствие в социальной системе какой-либо функции и соответствующего ей структурного подразделения может привести к непредсказуемым последствиям. Так, В.Д. Перевалов отмечал: «Функции государства по своей сути объективны. Они, по общему правилу, обуславливаются жизненными потребностями общества, которые и задают основные направления внутренней и внешней деятельности государства. Поэтому у государства нет выбора, выполнять их или не выполнять. Невыполнение государством той или иной функции неизбежно вызывает цепную реакцию негативных (кризисных) последствий в общественной жизни. Если, например, государство перестанет выполнять функцию по обеспечению правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос, ведущие к его разрушению» [11, с. 70].

С учетом всего сказанного можно утверждать, что в настоящее время, несмотря на множество проведенных исследований в области управления, существует комплекс теоретических проблем:

неопределенность и неоднозначность применяемой терминологии относительно основных элементов социальных систем;

наличие теоретических противоречий, исключающих практическое использование теоретических результатов;

применение недостаточно выверенной методологии исследования указанных проблем.

В этой связи для разрешения указанных проблем и противоречий, повышения уровня и эффективности управленческой деятельности целесообразно провести исследования в части упорядочения терминологии, связанной с функциями социальных систем, преодоле-

ния научных противоречий, оптимизации методологии исследования, создания системы классификации функций и ликвидации на этой основе разрыва между теорией и практикой управления.

Отмеченным и ряду других проблем и противоречий будет посвящен цикл статей, который начат данной работой.

1. Варламов А.А., Приходько В.Ф., Шаповалов Д.А. Национальная система управления условиями среды обитания – современная парадигма развития России // *Власть*. 2010. № 7.

2. Осовская Г.В., Осовский О.А. Основы менеджмента: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Киев, 2006.

3. Колпаков В.М. Теория и практика принятия управленческих решений: учеб. пособие. Киев, 2000.

4. Рой О.М. Теория управления: учеб. пособие. СПб. Питер, 2008.

5. Алексеев Ю.П. Теория управления: учеб. / Ю.П. Алексеев, А.Н. Алисов, Ю.Н. Барышников и др. М., 2003.

6. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. М., 2001.

7. Нижник Н.Р. Дубенко С.Д., Мельниченко В.И. Государственное управление в Украине: организационно-правовые основы: учеб. пособие. Киев, 2002.

8. Андрушкив Б.М. Основы теории и практики управления. Львов, 1993.

9. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

10. Князев С.Н. Управление: искусство, наука, практика. Минск, 2002.

11. Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

12. Гордиенко Л.Ю., Шемаева Л.Г. Административный менеджмент: учеб. пособ. Харьков, 2006.

13. Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления: учеб. для вузов. М., 2003.

14. Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов. М., 2004.

15. Столярова В.А. Функции и оценка труда работников аппарата управления. М., 1995.

16. Василенко В.А. Менеджмент успешного развития предприятия. Киев, 2005.

17. Малиновский В.Я. Государственное управление: учеб. пособ. Киев, 2003.

1. Varlamov A.A., Prikhodko V.F., Shapovalov D.A. National management system of environment conditions – modern paradigm of Russia development // *Power*. 2010. № 7.

2. Osovskaya G.V., Osovsky O.A. Basics of management: study aid. 3d ed., rev. and add. Kiev, 2006.

3. Kolpakov V.M. Theory and practice of making management decisions: study aid. Kiev, 2000.

4. Roy O.M. Theory of management: study aid. St. Petersburg, 2008.

5. Alekseev Yu.P. Theory of management: study aid / Yu.P. Alekseev, A.N. Alisov, Yu.N. Baryshnikov et al. Moscow, 2003.

6. Knorring V.I. Theory, practice and art of management. Moscow, 2001.

7. Nizhnik N.R. Dubenko S.D., Melnichenko V.I. State management in Ukraine: organizational and legal background: study aid. Kiev, 2002.

8. Andrushkiv B.M. Basics of theory and practice of management. Lvov, 1993.

9. Afanasyev V.G. Social information and society management. Moscow, 1975.

10. Knyazev S.N. Management: art, science, practice. Minsk, 2002.

11. Theory of state and law: text book / resp. ed. V.D. Perevalov. 3d ed., rev. and add. Moscow, 2008.

12. Gordienko L.Yu., Shemaeva L.G. Administrative management: study aid. Kharkov, 2006.

13. Shamkhalov F.I. Basics of theory of state management textbook for high school. Moscow, 2003.

14. Glazunova N.I. State management : textbook for high school. Moscow, 2004.

15. Stolyarova V.A. Functions and assessment of labour of the management personnel. Moscow, 1995.

16. Vasilenko V.A. Management of successful enterprise development. Kiev, 2005.

17. Malinovsky V.Ya. State management: study aid. Kiev, 2003.

Белоусов Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
(e-mail: sbelousov@sgap.ru)

Дисбаланс в системе российского законодательства: необходимость и основные направления общетеоретического исследования

В статье привлекается внимание к проблеме состояния разбалансированности системы российского законодательства. Отмечается ряд обстоятельств актуализирующих данную проблематику в современных условиях развития отечественной правовой системы. Определяется авторский теоретико-методологический подход к рассмотрению общих вопросов понятия, структуры и форм проявления законодательного дисбаланса.

Ключевые слова: система законодательства, баланс и дисбаланс в системе законодательства, кризисные явления в праве.

S.A. Belousov, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of Saratov State Law Academy; e-mail: sbelousov@sgap.ru

The disbalance in the system of the Russian legislation: the necessity and basic directions of theoretical research

The article deals with the problem of disbalance in the system of the Russian legislation. There are a number of circumstances actualizing this problem under modern conditions of the domestic legal system development. The author's theoretical and methodological approach to consideration of general issues of the concept, structure and forms of manifestation of legislative disbalance is presented.

Key words: system of law, balance and disbalance in the legislative system, crisis in the law.

В современных условиях законодательство подвержено влиянию различного рода дестабилизирующих факторов как внутриправового, так и внешне-общесоциального характера. При этом, по видимому, преобладает значение экономических, политических, социально-культурных, геополитических и иных внешних по отношению к правовой системе России дестабилизирующих ее детерминант. Наличие многообразных социальных дисбалансов в Российской Федерации можно проиллюстрировать следующим утверждением: «Наиболее острой для России проблемой ("общество риска", по мнению западных аналитиков) являются дисбалансы, сформировавшиеся как в советское время, так и в результате перестройки (1985 г.) и последующего (с 1992 г.) реформирования методом проб и ошибок. Первый дисбаланс вытекает из особенностей самого реформирования евразийской державы, где проживает население с постсоветским менталитетом, строится американский капитализм, действуют французская

конституция, немецкая налоговая система и элементы социальной защиты, используемой в Швеции и Канаде. Именно этот дисбаланс делает российский социум крайне сложным и мозаичным, со всеми вытекающими отсюда минусами, которые определяют экономическое, политическое и социокультурное поведение населения, а значит, и его психологическую готовность к инновациям и нововведениям» [1, с. 25]. Еще одним масштабным социальным дисбалансом, присущим российскому обществу, является ярко выраженное противоречие между огромным природно-ресурсным, территориальным потенциалом и относительно низким в количественном выражении человеческим ресурсом. Указанные дисбалансы не позволяют эффективно и гармонично реализовать столь широкие стартовые возможности – колоссальные национальные богатства.

Важнейшими задачами развития российской правовой системы являются постоянная модернизация законодательства, формирование внутренне согласованной нормативно-право-

вой базы, создание условий для синхронной трансформации элементов государственно-правовой надстройки, а также поддержание баланса в структуре законодательства [2, с. 63].

Особое внимание в современных условиях необходимо обратить на дисбаланс в международных отношениях России и ряда государств, выступивших в поддержку введения против нее экономических санкций, что также является одним из факторов риска для дальнейшего устойчивого развития системы национального законодательства. В связи с этим необходимо предпринять все возможные меры по недопущению состояния разбалансированности внутригосударственного и международного права.

В последнее время анализ состояния российского законодательства достаточно часто сопровождается использованием терминов «несогласованность», «диспропорция», «противоречивость», «несистемность», «неполнота», «дефектность», «кризис» и т.п. Подобная терминологическая практика описания действующей нормативно-правовой базы свидетельствует о наличии наряду с позитивными тенденциями и негативных моментов в процессе развития системы российского законодательства, что актуализирует вопросы теоретического исследования состояния ее разбалансированности, различных форм и видов проявления дисбаланса в ней или в отдельных ее подсистемах и элементах.

Причин для роста негативных черт, отрицательных проявлений, разнообразных дефектов и изъянов у системы отечественного права достаточно много, включая как объективные, так и субъективные факторы, воздействующие на данный процесс. Весьма точно охарактеризовал в общих чертах обозначенную проблему Н.А. Власенко: «Кризис, охвативший мировую систему, несомненно, проявляется в России и ее правовой системе. Эффективность правового регулирования падает, роль законотворчества и закона снижается. К сожалению, проблема качества правовых механизмов пока не стала объектом комплексного исследования юридической науки. Между тем кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого цивилизованное общество существовать не может» [3, с. 41]. Не принижая всего позитивного потенциала, накопленного в последние два десятилетия российским законодательством, согласимся с авторитетным

мнением ученого о возрастании системных проблем в его структуре и содержании, что является прямой угрозой стабильности функционирования и развития правовой системы общества.

Кроме того, дестабилизация экономической ситуации совместно с разбалансированностью и невысокой эффективностью российского законодательства во многом способствуют установлению и развитию в обществе альтернативных официальному праву регуляторов общественных отношений, что существенно снижает его авторитет, создает дополнительные угрозы для правопорядка. Одним из таких альтернативных регуляторов в современной России выступает теневое право. В.М. Баранов, обстоятельно раскрывая проблему природы, форм проявления и средств нейтрализации функционирования теневого права, весьма точно указывает порождающие его детерминанты: «Теневое право возникло в силу многих причин, но доминирующим фактором выступает несбалансированность отраслей отечественной экономики, нарушение равновесия в экономической системе, фиктивность значительного числа норм официального права, его пробельность и несоответствие здравому смыслу» [4, с. 47–48].

Актуальность и особую научно-практическую значимость исследования кризисных феноменов и процессов в праве и законодательстве, продуцирует и тот факт, что применения общеупотребительных терминов «дефект», «дисбаланс», «несогласованность» для раскрытия сущности сложных системных явлений и процессов нарушения баланса в законодательстве явно недостаточно. Описательный подход в данном случае не способствует установлению действительных закономерностей детерминации феномена дисбаланса в системе нормативных правовых актов, поиску эффективных средств по его предупреждению и минимизации негативных последствий. В связи с этим следует признать очевидной необходимость более фундаментального и комплексного методологического подхода к познанию сущности и природы законодательного дисбаланса.

Сам дисбаланс не является системой, но системный подход важен в его исследовании, ибо он представляет собой часть сложной иерархически организованной системы законодательства. Дисбаланс может быть системным в силу того, что способен пронизывать

все важнейшие уровни и подсистемы законодательства. Такой тип дисбаланса наиболее опасен для функционирования правовой системы и самого общества. Системность объекта, подверженного разбалансированности его отдельных подсистем, нарушениям структурно-функциональных связей между его элементами, сопровождающимся неравномерностью и непропорциональностью в их развитии, ориентирует исследователя на поиск адекватных методологических ресурсов решения данной проблемы.

В методологическом плане в юриспруденции остается не раскрытым конструктивный момент феномена дисбаланса для развития системы законодательства. В рамках синергетической общенаучной парадигмы активно отстаивается тезис о развитии сложных систем через состояние ее неустойчивости. В теории законодательства необходим учет следующей закономерности: «Неустойчивость далеко не всегда есть зло, подлежащее устранению, или же некая досадная неприятность. Неустойчивость может выступать условием стабильного и динамического развития. ...Стало быть, без неустойчивости нет развития» [5, с. 28].

Однако при этом не следует преувеличивать положительное значение дисбаланса для дальнейшего развития нормативно-правовой материи. Далеко не всякий дисбаланс способствует поступательному движению вперед. Так, излишняя системная разбалансированность законодательства вызывает преимущественно деструктивные последствия не только для него самого, но и для функционирования всей правовой системы. Превышение допустимых пороговых значений дисбаланса в системе нормативно-правовых актов запускает механизм ее саморазрушения, что не соответствует желательной модели относительно устойчивого развития законодательства. Диалектика устойчивости и неустойчивости, баланса и дисбаланса в процессе формирования, функционирования и развития законодательства требует продолжения исследований в данной области. Юридическая наука в качестве одной из своих приоритетных задач должна решать и проблему теоретического моделирования количественных и качественных показателей определения допустимых пороговых значений дисбаланса как в системе законодательства, так и в правовой системе общества в целом.

Научно-практическое значение имеет и определение тех форм проявления законодатель-

ного баланса, которые не требуют немедленного вмешательства правотворческих органов. Отдельные разновидности дисбаланса должны определенное время объективно поддерживаться в системе нормативных правовых актов. Например, социально обусловленное отставание в развитии одной отрасли законодательства от другой в силу большего динамизма соответствующей сферы общественных отношений, подпадающей под действие права, не должно служить неким «сигналом» для искусственного выравнивания таких законодательных подсистем, что в итоге может привести к состоянию еще большей их разбалансированности и в первую очередь с системой регулируемых ими социальных связей.

В подобных случаях весьма полезно учитывать диалектику состояний баланса и дисбаланса в законодательстве. Стабильная фаза развития как самой системы законодательства, так и ее отдельных частей, должна с естественной необходимостью сменяться фазой изменчивости, неустойчивости и дисбаланса ее структур. В общенаучном плане подобная закономерность выражена следующим образом: «Неустойчивость диалектична. Устойчивость вырастает из неустойчивости, в результате неустойчивости, ибо начало, рождение нового структурного образования связано со случайностью, хаосом, неустойчивостью. А устойчивость, в конце концов, рано или поздно оборачивается неустойчивостью» [5, с. 32].

В общей теории законодательства для дальнейшего более углубленного изучения состояний и процессов устойчивого и неустойчивого, симметричного и ассиметричного, пропорционального и непропорционального, дефектного и нормального, равного и неравного в нормативно-правовой материи наиболее оптимальным представляется внедрение в познавательный процесс категорий «законодательный дисбаланс» и «законодательный баланс». Синтезирующий аспект в формировании понятия «законодательный дисбаланс» особо выделяет И.Н. Сенякин [6, с. 13, 17]. В настоящий момент для развития учения о законодательстве данная категориальная пара может выполнить весьма важную интегрирующую функцию, соединив в себе целый ряд диалектически связанных процессов, тенденций и явлений, в обязательном порядке характеризующих весь динамизм происходящих с ним трансформаций.

Исключительная актуальность, незначительная степень исследованности и особая на-

учно-практическая значимость обозначенной фундаментальной общетеоретической проблемы в юриспруденции свидетельствует о необходимости более пристального внимания со

стороны юридического научного сообщества к ее комплексному изучению и формированию целостной теоретической модели законодательного дисбаланса.

1. Слуцкий Е.Г. Наука и проблемы молодежи: Регион Россия: проблемы дисбалансов в «обществе риска» и ювенальная политика // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 1.

2. Рахманина Т.Н., Юртаева Е.А. Тенденции развития структуры законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

3. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. Ежегодник. Н. Новгород, 2014. № 8.

4. Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.

5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.

6. Сенякин И.Н., Фомин А.А., Никитин А.А. Введение // Законодательный дисбаланс / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2013.

1. Slutsky E.G. Science and youth problems: the Region of Russia: problems of imbalances in a "risk society" and juvenile policy // Questions of juvenile justice. 2007. № 1.

2. Rahmanina T.N., Yurtayeva E.A. Trends in the development of the legislation structure // Concept of development of the Russian legislation / ed. and preface by T.Ya. Habrieva, Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2010.

3. Vlasenko N.A. About the critical trends in law // Legal technique. Yearbook. Nizhniy Novgorod, 2014. № 8:

4. Baranov V.M. Shadow law. Nizhniy Novgorod, 2002.

5. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow, 1994.

6. Senyakin I.N., Fomin A.A., Nikitin A.A. Introduction // The legislative imbalance / ed. by I.N. Senyakin. Saratov, 2013.

Бондарев Сергей Петрович

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184661111)

Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства: признаки объективной стороны

В статье рассматриваются признаки объективной стороны состава фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322² УК РФ).

Ключевые слова: преступление, ответственность, общественная опасность, объективная сторона, состав преступления, гражданство, паспорт, регистрация.

S.P. Bondarev, Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184661111.

Fictitious registration of citizen of the Russian Federation at the place of stay or residence: the signs of the objective side

The article examines the signs of the objective side of corpus delicti of fictitious registration of citizen of the Russian Federation at the place of stay or residence in a residential area in the Russian Federation (art. 322² of the Criminal Code of the Russian Federation).

Key words: crime, responsibility, public danger, objective side, corpus delicti, citizenship, passport, registration.

Состав фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, являясь относительно новым в действующем отечественном уголовном законодательстве, порождает немало вопросов в правоприменительной деятельности. В силу своей новизны признаки состава данного преступления привлекают внимание и теоретиков.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 322² УК РФ, согласно тексту уголовного закона, представлена следующими альтернативными действиями:

1) фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации;

2) фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации;

3) фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации.

В рамках настоящей статьи к рассмотрению предлагаются первые два деяния, регламентированные ст. 322² УК РФ.

Стоит отметить, что анализ объективных признаков состава исследуемого преступления свидетельствует об их бланкетном характере [1, с. 173]. Дело в том, что понятие фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации раскрывается в Законе РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». В соответствии со ст. 2 этого Закона фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства – это регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации, либо его регистрация в жилом помещении без намерения проживать (проживать) в этом помещении, либо регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства без намерения нанимателя (собственника) жилого помещения предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) указанного лица [2]. Изучение данной формулировки позволяет выделить следующие возможные разновидности фиктивной регистрации:

1) регистрация по месту пребывания или по месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации;

2) регистрация в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении;

3) регистрация по месту пребывания или по месту жительства без намерения нанимателя (собственника) жилого помещения предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) указанного лица.

Следовательно, фиктивность регистрации определяется либо фактом представления для регистрации недостоверных сведений или документов, либо непредполагаемым пребыванием или проживанием лица в соответствующем жилом помещении.

Исходной предпосылкой для правильного понимания указанных признаков является, прежде всего, верное определение таких категорий, как регистрация по месту жительства и месту пребывания. Действующим российским законодательством установлено, что регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания – это постановление гражданина Российской Федерации на регистрационный учет по месту пребывания, т.е. фиксация в установленном порядке органом регистрационного учета сведений о месте пребывания гражданина Российской Федерации и о его нахождении в данном месте пребывания. В свою очередь, регистрация гражданина Российской Федерации по месту жительства – это постановление гражданина Российской Федерации на регистрационный учет по месту жительства, т.е. фиксация в установленном порядке органом регистрационного учета сведений о месте жительства гражданина Российской Федерации и о его нахождении в данном месте жительства [2].

Обязанность регистрироваться по месту пребывания возникает у граждан Российской Федерации, прибывших для временного проживания в жилых помещениях, не являющихся их местом жительства, на срок более чем 90 дней. Такие лица обязаны до истечения указанного срока обратиться к лицам, ответственным за прием и передачу в органы регистрационного учета необходимых для регистрации документов. Местом пребывания является место, где гражданин временно проживает: гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или иное подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы,

исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо жилое помещение, не являющееся местом жительства гражданина.

Гражданин, изменивший место жительства, обязан не позднее 7 дней со дня прибытия на новое место жительства обратиться к лицам, ответственным за прием и передачу в органы регистрационного учета необходимых для регистрации документов. Местом жительства является жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда (служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии, жилое помещение маневренного фонда, жилое помещение в доме системы социального обслуживания населения и др.) либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. Местом жительства гражданина, относящегося к коренному малочисленному народу Российской Федерации, ведущего кочевой и (или) полукочевой образ жизни и не имеющего места, где он постоянно или преимущественно проживает, в соответствии с законодательством Российской Федерации, может быть признано одно из поселений, находящихся в муниципальном районе, в границах которого проходят маршруты кочевий этого гражданина [4].

Документами, необходимыми для регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или месту жительства, выступают:

документ, удостоверяющий личность;

заявление установленной формы о регистрации по месту пребывания (месту жительства);

документ, являющийся основанием для временного проживания гражданина в указанном жилом помещении (договоры найма (поднайма), социального найма жилого помещения, свидетельство о государственной регистрации права на жилое помещение или заявление лица, предоставляющего гражданину жилое помещение), либо, соответственно, документ, являющийся основанием для вселения в жилое помещение.

При этом в случае регистрации по месту пребывания на основании договора социального найма жилого помещения, заключенного в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации, или свидетельства о

государственной регистрации права на жилое помещение гражданин вправе не предъявлять эти документы, а только указать в заявлении о регистрации по месту пребывания их реквизиты [3].

Представление заведомо недостоверных сведений или документов для регистрации, соответственно, предполагает включение ложных сведений в перечисленные выше документы. В контексте уголовной ответственности за фиктивную регистрацию юридическое значение имеет только представление недостоверных документов, поскольку все необходимые сведения содержатся в таких документах. Представление в орган регистрационного учета ложных сведений, не подтвержденных соответствующими документами, уголовно-правовым значением не обладает.

Таким образом, фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации может быть выражена в представлении лицом в орган регистрационного учета документа, удостоверяющего личность, заявления о регистрации по месту пребывания (месту жительства), документа, являющегося основанием для временного проживания гражданина в жилом помещении, либо документа, являющегося основанием для вселения в жилое помещение, содержащих заведомо ложные сведения.

Фиктивная регистрация в жилом помещении по признакам отсутствия намерения пребывать (проживать) в этом помещении либо предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) подразумевает установление отсутствия указанных намерений.

В современной уголовно-правовой литературе обращается внимание на то, что «изучаемые преступления имеют формальную конструкцию состава, они должны рассматриваться как оконченные с момента завершения оформления фиктивной регистрации (постановки на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации. То есть момент окончания преступления связан с документальным оформлением факта регистрации или постановки на учет. Фактический и юридический моменты окончания общественно опасного деяния в данном случае совпадают и связаны именно с фиктивной регистрацией (постановкой на учет), а не с последующим существованием документального подтверждения последней» [4, с. 68–69; 5, с. 138–142].

На наш взгляд, для определения момента окончания состава фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации требуется проанализировать предусмотренную российским законодательством процедуру регистрации.

Лица, ответственные за прием и передачу в органы регистрационного учета документов, а также граждане и юридические лица, предоставляющие для проживания принадлежащие им на праве собственности жилые помещения, в трехдневный срок со дня обращения граждан передают документы в органы регистрационного учета. Данные органы не позднее 3 рабочих дней со дня получения ими от гражданина или от лица, ответственного за прием и передачу в орган регистрационного учета необходимых документов, регистрируют граждан по месту пребывания (месту жительства) в жилых помещениях, не являющихся местом их жительства, в установленном порядке и выдают им свидетельство о регистрации по месту пребывания, делают отметку в паспорте гражданина либо выдают свидетельство о регистрации по месту жительства лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. При этом отметка в паспорте гражданина либо выдача свидетельства о регистрации по месту жительства лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, производятся в день поступления в орган регистрационного учета документа, удостоверяющего личность, и документа, являющегося основанием для вселения в жилое помещение [3].

Регистрация гражданина по месту пребывания в гостинице, санатории, доме отдыха, пансионате, кемпинге, медицинской организации, на туристской базе или в ином подобном учреждении, учреждении уголовно-исполнительной системы, исполняющем наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, производится по прибытии такого гражданина администрацией соответствующего учреждения на основании документов, удостоверяющих личность. Администрации указанных учреждений, за исключением учреждений уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, на безвозмездной основе в течение суток представляют в территориальные органы Федеральной миграционной службы непосредственно или направляют с использованием информационно-телекомму-

никационных сетей информацию о регистрации граждан по месту пребывания в порядке, установленном Федеральной миграционной службой [3].

Анализ данных положений позволяет выделить следующие моменты в процедуре регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства:

передача необходимых документов ответственным лицам;

передача необходимых документов в органы регистрационного учета;

регистрация;

выдача документов, свидетельствующих факт произведенной регистрации.

Исходя из того, что регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания

(месту жительства) – это постановка гражданина Российской Федерации на регистрационный учет, можно предположить, что состав фиктивной регистрации должен быть окончен именно с момента такой постановки на учет. Однако в этом случае момент окончания преступления является неоправданно отдаленным от момента выполнения всех зависящих от воли виновного действий. В связи с этим имеются основания утверждать, что состав фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации является оконченным с момента передачи необходимых документов ответственным за регистрацию лицам.

1. *Образиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М., 2015.*

2. *О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в посл. ред. федер. закона от 29 июня 2015 г. № 197-ФЗ) // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.*

3. *Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 (в посл. ред. постановления Правительства РФ от 5 марта 2015 г. № 194) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.*

4. *Борисов С.В. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию (постановку на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // Юридическая наука. 2015. № 2.*

5. *Петрова И.А. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9(59): в 2 ч. Ч. II.*

1. *Obrazhiev K.V. The system of formal (legal) sources of Russian criminal law. Moscow, 2015.*

2. *On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement and choice of place of residence within the Russian Federation: law of the Russian Federation of June 25, 1993. № 5242-1 (as amended of June 29, 2015. № 197-FL) // Bull. of Congress of people's deputies and the the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 32. Art. 1227.*

3. *On approval of the rules of registration and removal of citizens of the Russian Federation to register at the place of stay or residence within the Russian Federation and the list of persons responsible for reception and transmission in the registration authorities of documents for the registration and de-registration of citizens of the Russian Federation place of residence and place of residence within the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of July 17, 1995. № 713 (as amended of of March 5, 2015. № 194) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 30. Art. 2939.*

4. *Borisov S.V. Criminal liability for a fictitious registration at the place of stay or residence in a residential area in the Russian Federation // Jurisprudence. 2015. № 2.*

5. *Petrova I.A. Criminal liability for a fictitious registration of foreign citizen or stateless persons // The historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015. № 9 (59): in 2 pt. Pt. II.*

Ветер Никита Сергеевичаспирант кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: +78612215917)

Обход закона и злоупотребление правом при защите гражданских прав

В статье исследуются проблемы установления пределов защиты субъективных гражданских прав и их соотношение с злоупотреблением правом на защиту. При защите нарушенных гражданских прав соблюдение принципов добросовестности и разумности участниками гражданского оборота имеет существенное значение. Делается вывод о том, что существуют три самостоятельных феномена защиты гражданских прав: деятельности по защите субъективных прав; совокупности способов и форм защиты субъективных прав; наличие самостоятельного правового института.

Ключевые слова: обход закона, злоупотребление правом, защита гражданских прав, способы защиты гражданских прав, законность, разумность, добросовестность, принципы частного права.

N.S. Veter, Post-graduate of the Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University; tel.: +78612215917.

Circumvention of the law and abuse of rights in the protection of civil rights

This article investigates the problem of establishing the limits of the protection of the subjective civil rights and their relation to the abuse of the right of defense. In the protection of civil rights compliance with the principles of good faith and reasonableness participants of civil turnover is essential. It is concluded that there are three distinct phenomenon of civil rights: the protection of subjective rights; combined methods and forms of protection of subjective rights; the existence of the right of self-institution.

Key words: circumvention of the law, abuse of rights, protection of civil rights, how to protect civil rights, legality, reasonableness, good faith, the principles of private law.

При защите нарушенных прав принципы добросовестности и разумности имеют решающее значение. Недобросовестные и неразумные действия ведут к отказу в защите прав [1, с. 6]. В современной науке права термину «защита права» придается концептуальное значение. Понятие «защита права» представляет собой «не описание действительности, а ее концептуализацию посредством существующих теоретических представлений и их синтез в рамках некоторой теоретической идеи» [2, с. 161]. В этой связи прав А.В. Мильков, который отмечает, что на сегодняшний день понятие «защита права» обрело статус базового теоретического представления и может рассматриваться как теоретическая модель [3, с. 46–48].

Известно, что злоупотребления при защите нарушенного права могут осуществляться как при обращении к компетентным органам (юрисдикционная форма защиты), так и без такого обращения. В первом случае лицо реализует публичное право на защиту своего субъективного гражданского права. Поэтому защита производится в рамках двух правоотношений – гражданско-правового, в котором защитительные действия совершаются самим

управомоченным (заинтересованным) лицом, и публично-правового, в котором субъектом защиты выступает компетентный государственный орган. Когда же лицо, осуществляя соответствующие защитительные действия, совершает их без реализации публичного права на защиту, имеет место только гражданско-правовая защита.

Таким образом, злоупотребление правом при защите гражданских прав приобретает комплексный, межотраслевой характер, поскольку проявляется в трех различных направлениях, а именно: при защите как деятельности только управомоченного (заинтересованного) лица; при защите как деятельности и управомоченного (заинтересованного) лица, и правоприменительного органа; при защите как деятельности только правоприменительного органа.

Между тем для целей настоящего цивилистического исследования необходимо исключить из его предмета публично-правовые аспекты защиты и связанные с ними вопросы злоупотребления правом. Следует подчеркнуть, что в материально-правовом смысле гражданско-правовая защита должна пониматься как деятельность управомоченного (заинтересованного) лица. Следовательно, ста-

новится не важным дополнена ли в реальной действительности гражданско-правовая защита приобретает публично-правовой защитой или нет (неюрисдикционная форма). Однако в обоих случаях речь идет исключительно о деятельности управомоченного (заинтересованного) лица. Представляется, что меры защиты носят многофункциональный характер, а какую функцию реализует та или иная мера зависит от ее отраслевой принадлежности, оснований применения и других обстоятельств. Следовательно, особенности отдельных форм злоупотребления при защите гражданских прав в основном предопределяется содержанием принадлежащих управомоченному (заинтересованному) лицу защитительных возможностей.

Основная функциональная направленность мер гражданско-правовой защиты заключается в приведении в соответствие с требованиями закона (договора) поведения обязанного субъекта и удовлетворение имущественных потребностей потерпевшего. В процессе применения мер гражданско-правовой защиты защите подлежат преимущественно субъективные гражданские права, управомоченного субъекта. Поэтому для гражданского права весьма распространена ситуация выбора, каким интересам, в равной мере заслуживающих защиты, следует отдать приоритет. Затруднительность выбора приоритета задается противоположной направленностью некоторых потребностей гражданского оборота. Например, в конфликте пребывают потребность защиты нарушенного права и потребность стабилизации оборота в аспекте укрепления положения неосведомленного (или добросовестного) субъекта. Без внешних критериев определение приоритетов было бы невозможным или очень затруднительным определиться и со злоупотреблением правом при применении мер защиты.

Определение признаков злоупотребления при применении мер защиты нарушенного гражданского права часто сопровождается толкованием и конкретизацией оценочных понятий. В качестве таких критериев выступают, в частности, оценка добросовестности, осведомленности, убыточности, возможности влияния правообладателя на ситуацию.

Основная функциональная направленность мер гражданско-правовой защиты заключается в приведении в соответствие с требованиями закона (договора) поведения обязанного субъекта и удовлетворение имущественных потребностей потерпевшего. В процессе применения мер гражданско-правовой защиты защите подлежат преимущественно субъективные гражданские

права, управомоченного субъекта. Поэтому для гражданского права весьма распространена ситуация выбора, каким интересам, в равной мере заслуживающих защиты, следует отдать приоритет. Затруднительность выбора приоритета задается противоположной направленностью некоторых потребностей гражданского оборота. Например, в конфликте пребывают потребность защиты нарушенного права и потребность стабилизации оборота в аспекте укрепления положения неосведомленного (или добросовестного) субъекта. Без внешних критериев определение приоритетов было бы невозможным или очень затруднительным определиться и со злоупотреблением правом при применении мер защиты.

Определение признаков злоупотребления при применении мер защиты нарушенного гражданского права часто сопровождается толкованием и конкретизацией оценочных понятий. В качестве таких критериев выступают, в частности, оценка добросовестности, осведомленности, убыточности, возможности влияния правообладателя на ситуацию.

С защитой субъективного права тесно связан вопрос добросовестного и разумного выбора конкретных мер защиты. Так Е.Е. Богданова обосновывает вывод, что под недобросовестным применением участниками договорных отношений способа защиты следует понимать использование его для достижения целей, не связанных с защитой субъективных гражданских прав: уклонение от исполнения обязанности; воспрепятствование деятельности контрагента; доведение до банкротства и др. [4, с. 13–14].

Злоупотребление правом при защите гражданских прав приобретает комплексный, межотраслевой характер, поскольку проявляется в трех различных направлениях, а именно: при защите как деятельности только управомоченного (заинтересованного) лица; при защите как деятельности и управомоченного (заинтересованного) лица, и правоприменительного органа; при защите как деятельности только правоприменительного органа.

Злоупотребление правом при защите гражданских прав можно рассматривать как деятельность, основанную на частном усмотрении, выражающуюся в реализации управомоченным (заинтересованным) лицом защитительной возможности – либо охранительного правомочия, входящего в содержание нарушенного (оспоренного) регулятивного гражданского права, либо субъективного гражданского права, входящего в содержание охранительного обязательства как самостоятельно-

го правоотношения, связанную с превышением пределов добросовестности и разумности при выборе конкретных способов и мер защиты.

Следовательно, нельзя признавать злоупотреблениями при применении мер защиты такие действия лица, когда оно осуществляло свое право на защиту разумно и добросовестно, т.е. осознавало все обстоятельства и возможные последствия своих действий и учитывало интересы иных участников гражданского оборота и действовало исключительно с целью защиты своего нарушенного гражданского права.

Это позволило сформулировать вывод, что для злоупотребления в форме обхода закона при осуществлении участниками гражданских отношений права на защиту характерна умышленная неизвинительная недобросовестность. Неизвинительная недобросовестность предполагает, что лицо, действующее в обход закона, реализует свое субъективное право на защиту с осознанным намерением достигнуть противоправную цель. С этих позиций субъективная сторона действия, совершенного в обход закона, представляет собой психическое и волевое ощущение внутреннего дисбаланса между требованиями совести (добросовестностью) и достижениями сознания (разумностью) при осознании субъектов противоправности цели своего внешне легального деяния и возможности причинения вреда другим субъектам права. Последствием данного поведения является отказ в осуществлении охранительного права.

Существование института злоупотребления правом на защиту позволит обеспечивать эффективную гражданско-правовую защиту нарушенных охраняемых законом интересов. Соответственно, лицо, использующее меры гражданско-правовой защиты исходя из начал добросовестности, разумности и справедливости, должен координировать меру своего поведения, дозволенного ему на основе принципа диспозитивности. Наличие при возникновении охранительного правоотношения правовой инициативы, в выборе мер гражданско-правовой защиты, основанной на презумпции добросовестности и разумности участников отношений, а также наличие во всех случаях охранительного обязательства, позволяет, на наш взгляд, находить баланс различных разнонаправленных интересов.

Таким образом, с одной стороны, лицо, действующее с целью защиты своего нарушенного гражданского права, может претендовать на определенные юридически благоприятные последствия, а с другой стороны, он связан в своем осуществлении права на защиту определенными правовыми пределами. Следовательно, если при его осуществлении лицо превышает границы предоставленного ему субъективного права на защиту, нарушая тем самими интересы другого лица, одновременно не нарушая при этом правовых норм и субъективных граждански прав, то в данном случае есть все признаки злоупотребления правом на защиту.

1. Брагинский М.И., Ярошенко К.Б. Гражданский кодекс РФ с учетом изменений и новых законодательных актов // *Хозяйство и право*. 1998. № 2.

2. Тарасов Н.Н. *Методологические проблемы юридической науки*. Екатеринбург, 2001.

3. Мильков А.В. *К вопросу о понятии защиты права* // *Рос. юстиция*. 2011. № 5.

4. Богданова Е.Е. *Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.*

1. Braginsky M.I., Yaroshenko K.B. *Civil code of the Russian Federation as amended and new laws* // *Economy and law*. 1998. № 2.

2. Tarasov N.N. *Methodological problems of legal science*. Ekaterinburg, 2001.

3. Milkov A.V. *To the question about the concept of protection of the right* // *Russian justice*. 2011. № 5.

4. Bogdanova E.E. *Integrity participants of contractual relations and the problems of protection of their subjective civil rights: author. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2010.*

Гаджиев Магомед Османович
аспирант кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина
(тел.: +74992448646)

Причины и условия преступного поведения условно осужденных

В статье рассматривается комплекс причин и условий преступного поведения условно осужденных. Серьезное место в мотивации преступного поведения занимают потребности личности. Основным детерминирующим фактором потребностей индивидов, определяющим их содержание, является система социально-экономических и социально-психологических общественных отношений.

Ключевые слова: причины, мотивация, внутренние и внешние противоречия, меры профилактики, корыстная направленность, личность условно осужденного.

М.О. Hajiyev, Post-graduate of the Chair of Criminology and Penitentiary Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin; tel.: +74992448646.

The causes and conditions of criminal behavior conditionally sentenced

In this article examines the complex causes and conditions of criminal conduct on probation. A serious place in the motivation of criminal behavior is the need of the individual. The main determining factor the needs of individuals, determining the content, is the system of socio-economic and socio-psychological public relations.

Key words: causes, motivation, internal and external contradictions, prevention measures, mercenary orientation, conditionally convicted person.

В современных российских условиях мы наблюдаем в последнее десятилетие достаточно резкое антикриминогенное сопротивление общества, что, в свою очередь, отражается на криминогенной ситуации в стране в сторону ухудшения. Прогнозы на будущее тоже неутешительны. Так, по мнению ряда авторов, если даже допустить в будущем обеспечение некоей стабилизации криминальной ситуации, то эта стабилизация окажется не прочной, т.е. очень чувствительной в разного рода криминогенным воздействия [1, с. 100–101].

Прежде чем рассматривать причины совершения преступлений условно осужденными необходимо рассмотреть комплекс тех обстоятельств, которые способствуют совершению преступлений данной группой осужденных. Здесь надо сказать, что разработанные криминологией как наукой общие положения о причинном комплексе преступности как массового негативного социального явления распространяются и на причинный комплекс преступности условно осужденных.

Сам причинный комплекс преступности последних лет претерпел изменения, которые

связаны с теми противоречиями (внутренними и внешними), недостатками, которые мы наблюдаем в развитии российского общества и к числу которых можно отнести следующие:

- а) противоречия в социально-экономической сфере;
- б) противоречия в управленческой сфере;
- в) противоречия в деятельности правоохранительных органов, государственных и общественных организаций;
- с) высокий уровень чиновничьей коррупции.

Имеющиеся социально-экономические противоречия влияют на преступность на микро уровне, т.е. на уровне малого социума, в котором противоречия общественного развития (объективные и субъективные) трансформируются в противоречия нравственных ценностей, поведения людей, их интересов, в связи с чем возникают конфликты. Данные опроса показали, что, если раньше условно осужденных вовлекали в преступную группу посредством угроз, страха, то сегодня на смену пришли просьбы, мирные уговоры. Таким образом, руководители таких групп подбирают лиц с антиобщественной ориентацией, которая имеется и условно осужденных.

Поскольку условно осужденный является представителем разных микросоциумов, то и испытывает воздействие со стороны каждого. Восприятие воздействия зависит от психоустойчивых и нравственных установок личности такого осужденного, а также от социальной роли в этой группе, что позволяет ему выбирать различные правила поведения.

Причины преступности условно осужденных следует искать в нравственном состоянии российского общества, в первую очередь – в отсутствии тех или иных моральных установок и ценностей.

Неблагополучные условно осужденные в социальном плане сами стремятся попасть в группу, где действует «своя» мораль и сила. Особенно это касается условий изоляции, в которых находился условно осужденный, в качестве заключенного. Этот период пребывания в следственном изоляторе не проходит бесследно, он влияет на выбор стереотипа дальнейшего поведения, на криминальную установку поведения в дальнейшей жизни. Около 40% из числа условно осужденных находились в следственных изоляторах во время следствия. Так, В.М. Анисимков считал, что «случайно оступившийся человек или неверно осужденный, став «зэком», попадал в истинно рабскую зависимость от «воровских законов» и их «проповедников». Иных эта тряпина затягивала, порой навсегда. Поэтому исправительно-трудовые учреждения нередко не исправляли, а уничтожали личность. Им насильно вливалась «жюльническая кровь» [2, с. 4].

Сама криминальная субкультура влияет на возникновение отклоняющегося поведения условно осужденных, т.к. она весьма строго корректирует отношения между отдельными осужденными или между группами осужденных. Более того, криминальная субкультура может заставлять выбирать условно осужденным тот или иной вид отклоняющегося поведения в конкретной сложившейся ситуации.

Вся профилактическая работа с условно осужденными по недопущению совершения им нового преступления в период испытательного срока должна предполагать устранение причин и условий, которые влияют на формирование личности и которые «благоприятно» сказываются на достаточно нетрудное вступление в преступную группу, а именно:

отрицательные примеры, навязывание антиобщественных взглядов со стороны окружения, переход этих взглядов в установки и их влияние;

факторы, способствующие реализации преступления;

наличие благоприятной обстановки, в условиях которой стало возможным подготовить и совершить преступление или сформировать преступную группу;

мотивация преступного поведения.

Рассматривая объективные и субъективные причины преступности условно осужденных, необходимо отметить, что преступное поведение объяснить одними лишь объективными противоречиями развития российского общества или одной лишь психологической деформацией. Необходимо выяснить и объяснить мотивы преступного поведения условно осужденного, изучить особенности формирования личности, выделив какие то особенности, а также среду, в которой эта личность формировалась.

Говоря о личности условно осужденных, надо отметить, что в большинстве случаев она уже сформировалась и мы можем проанализировать те негативные свойства, которые стали ей присущи в силу продолжающегося криминального поведения. Прежде всего, речь идет о деформации нравственных представлений и выработкой своей оценки тем или иным нравственным ориентирам. Такая дезадаптация не дает возможности условно осужденному положительно социализироваться в той социальной среде, в которой он живет, трудится, общается. Поэтому такая личность приобретает антиобщественные установки, что, в свою очередь приводит к деформации всех социально-нравственных ориентиров и ценностей и как итог – совершение условно осужденным нового преступления.

В большинстве случаев условно осужденные совершают преступления против собственности, в частности, кражи (70%). Вообще кражи явно преобладают в структуре преступлений, совершаемых лицами, к которым применены меры уголовно-правового характера [3, с. 203]. Помимо этого, число корыстных преступлений, совершаемых условно осужденными, имеет тенденцию к росту, достигая «около половины всех совершаемых преступлений при исполнении наказаний без лишения и ограничения свободы» [4]. Для анализа обстоятельств, способствующих совершению краж, первостепенное значение имеют противоречия, встречающиеся в экономике [5, с. 83].

К числу противоречий относится и система оплаты труда, когда допускается в каких то ситуациях возможность неравной и несправедли-

вой оплаты равного по количеству и качеству труда, отсутствие возможности удовлетворения потребностей из-за очень низких доходов. Нельзя не указать и на противоречия, связанные с большим расслоением населения по доходам (1:10), когда для некоторых лиц наличие материально благополучных людей представляется возможностью получения доходов за счет краж их имущества.

Нельзя не отнести к противоречиям и безразличное отношение некоторых должностных лиц, граждан к охране имущества. Еще в советские времена ученые справедливо отмечали: «Воруют там, где процветает бесхозяйственность, ротозейство, где не налажен строгий учет, хранение материальных ценностей» [6, с. 134].

К числу обстоятельств, способствующих кражам имущества условно осужденными, важное значение представляют явления и процессы, происходящие на уровне отдельных групп, которые могут проявляться по-разному, в зависимости от характера той или иной группы. К примеру, в трудовом коллективе это зависит от характера работы и выпускающей продукции, от условий соблюдения охраны собственности собственными мерами.

Плохая охрана имущества сегодня представляет одно из основных условий, способствующих совершению кражи включает в себя: отсутствие и неработающая сигнализация (встречаются объекты, на которых сигнализация представлена в виде муляжа и не более); отсутствие технических средств охраны на окнах квартир, организаций, складских помещений, расположенных на первых этажах; слабое укрепление дверных проемов и т.д.

Что касается мотива совершения условно осужденным краж, то он прост и заключается в корысти. Но не только. Некоторые авторы считают, что мотивом является не каждое побуждение, а лишь побуждение, порожденное ценностью (значимостью) предмета (явления, лица, ситуации и т.д.), способного удовлетворять какую-либо потребность личности [7–13].

Мотив преступления – то внутреннее побуждение, вызывающее у условно осужденного активной установки совершить преступление. В мотиве преступления находит отражение также и личностный смысл совершенного человеком поступка [14, с. 49; 15, с. 112]. Мотив характеризует личность условно осужденного,

поскольку он формируется под воздействием различных внутренних и внешних факторов (потребности, нравственно-ценностные установки, интересы, сложные межличностные ситуации).

Важное место в мотивации преступного поведения условно осужденного занимают потребности личности. Они тесно связаны от сложных социально-экономических и социально-психологических процессов, происходящих в российском обществе. Так, например, потребности личности в материальном достатке вступают в противоречие с реальными возможностями их удовлетворения, что в свою очередь порождает преступное поведение.

Вместе с тем среди потребностей, выступающих в качестве мотивов, немало таких, которые носят «ложный» характер. К ним относится, например, злоупотребление спиртных напитков, употребление наркотических средств и психотропных веществ. Носители таких потребностей являются лицами с явно выраженными «ложными» потребностями, которые могут стать мотивом совершения преступления. Здесь потребность порождает преступное поведение через установки, убеждения, взгляды. В качестве психологической основы преступного поведения выступают не столько сами потребности (социальные, экономические, биологические), сколько возникшие на их основе иные побудительные факторы личности. Представляя собой осознание потребностей, многие из этих факторов выражают рациональную оценку избираемого субъектом поведения [16, с. 48]. При этом надо отметить, что условно осужденными преступлений под воздействием такого рода мотивов совершается значительно меньше, чем в целом преступлений в сфере экономики или против собственности.

Таким образом, причины и условия совершения преступлений условно осужденными находятся в зависимости от влияния и распространения криминальной субкультуры, достаточно низкого нравственного уровня, снижающейся социальной роли семьи, неэффективной работы сотрудников полиции и уголовно-исполнительных инспекций, недостаточным контролем за условно осужденными в период испытательного срока.

1. Бабаев М., Крутер М. Современная криминологическая ситуация в России и проблемы ее изучения и оценки // Уголовное право. 2000. № 2.

2. Анисимков В.М. Тюремная община: «Вехи истории». Уфа, 1993.

3. Старков О.В. Криминопенология. М., 2004.

4. Там же.

5. Сахаров А.Б. Социальная система предупреждения преступности // Советское государство и право. 1972. № 11.

6. Советское государство и право. 1982. № 11.

7. Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления. М., 1987.

8. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в уголовном праве. Харьков, 1986.

9. Зелинский А.Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990.

10. Наумов А.В. Мотивы убийства. Волгоград, 1969.

11. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.

12. Фельдштейн Г.С. Природа умысла. М., 1988.

13. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1997.

14. Леонтьев А. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

15. Волков Б. Мотивы преступлений. Казань, 1982.

16. Дубовик О. Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. М., 1977.

1. Babayev M., Kruter M. A modern criminological situation in Russia and problems of its studying and an assessment // Criminal law. 2000. № 2.

2. Anisimkov V.M. Prison community: «History milestones». Ufa, 1993.

3. Starkov O.V. Kriminopenology. Moscow, 2004.

4. Ibid.

5. Saharov A.B. Social system of the prevention of crime // Soviet state and right. 1972. № 11.

6. Soviet state and law. 1982. № 11.

7. Voroshilin E.V., Krieger G.A. Subjective party of a crime. Moscow, 1987.

8. Zelinsky A.F. Conscious and unconscious in criminal law. Kharkov, 1986.

9. Zelinsky A.F. Criminal motivation of plunders and other mercenary criminal activity. Kiev, 1990.

10. Naumov A.V. Motives of murder. Volgograd, 1969.

11. Sitkovskaya O.D. Psychology of criminal liability. Moscow, 1998.

12. Feldstein G.S. Nature of intention. Moscow, 1898.

13. Tararukhin S.A. Establishment of motive and qualification of a crime. Kiev, 1997.

14. Leontyev A. Activity, consciousness, personality. Moscow, 1975.

15. Volkov B. Motives of crimes. Kazan, 1982.

16. Dubovik O.L. Decision-making in the mechanism of criminal behavior and individual prevention of crimes. Moscow, 1977.

Горбачев Михаил Александрович
аспирант кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина
(тел.: +74992448646)

О месте сексуальных преступлений в системе законодательства современных зарубежных стран: сравнительный анализ

В статье рассматриваются различия в подходах к сексуальным преступлениям, имеющиеся в системе уголовного законодательства зарубежных стран. Отмечается, что криминализация разнообразных форм сексуального поведения за рубежом зависит от религиозных и культурных особенностей конкретной страны, находящих свое отражение в ее системе законодательства. Также показано, что различия в подходах к криминализации сексуальных преступлений могут быть связаны с имеющимися в государстве юридическими традициями.

Ключевые слова: изнасилование, гомосексуализм, насильственные действия, уголовная ответственность, сексуальные преступления.

M.A. Gorbachev, Post-graduate of the Chair of Criminology and Penitentiary Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin; tel.: +74992448646.

The place of sexual offenses in the laws of modern foreign countries: a comparative analysis

In the article differences between approaches to sexual crimes in criminal legislation system of foreign countries are considered. There is noted, that different forms of sexual behavior are interpreted as sexual crime in dependence with religious and culture specific of country and its legislation. There is shown, that differences in approach to sexual crimes criminalization could be connected with government legislation traditions.

Key words: rape, homosexuality, violent acts, criminal liability, sexual crimes.

Уголовная ответственность за сексуальные преступления в современных зарубежных государствах регламентируется по-разному и потому представляет несомненный интерес для совершенствования российского законодательства и его регулирования в этой сфере.

Анализ содержания диспозиций соответствующих норм, изучение признаков составов преступлений в сопоставлении со схожими нормами УК РФ позволяет выявить и перенять накопленный позитивный зарубежный опыт, а также определить направления совершенствования уголовно-правового противодействия сексуальным преступлениям в нашей стране.

С древнейших времен охранительная функция норм уголовного права была направлена на защиту людей от преступных посягательств и выражалась в ответственности за них (в том числе за сексуальные преступления).

В настоящий момент в зарубежных странах нет общего решения вопроса о месте сексуальных преступлений в системе уголовно-

го законодательства. Не существует также и единых подходов к законодательному обозначению данной группы преступлений [1, с. 45].

Что касается уровня соответствующего раздела в системе уголовного законодательства, то здесь также нет единства. В некоторых странах половые преступления в структуре Особенной части УК выделяют на первый уровень в качестве родового объекта: Австрия, Аргентина, Босния и Герцеговина, Германия и другие. Почти во всех странах СНГ сексуальные преступления отнесены ко второму уровню – видовому объекту. Наконец, во Франции половые преступления помещены на третий уровень структуры уголовного законодательства – групповой объект [1].

В мире существуют определенные различия в понимании основного объекта сексуальных преступлений, в некоторых странах занятие проституцией является сексуальным преступлением (Аргентина, Белоруссия, Германия), в других (Россия) – это не сексуальные преступления, а преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

Уголовные кодексы ряда стран (Австрии, Мавритании, Бельгии и др.) фактически отождествляют изнасилование (насильственные действия сексуального характера) с любым сексуальным актом, если он совершен без свободы согласия на половые отношения.

Другим деянием, которое в ряде стран отнесено к числу сексуальных преступлений (Великобритания, Германия, Дания, Доминиканская Республика, Португалия, Швейцария), а в других странах является преступлением против общественной нравственности, является публичное совершение непристойных действий. Во Франции наказуема любая сексуальная эксгибиция, совершаемая специально на глазах у других лиц в месте, доступном для обозрения публикой [2, 155–159].

Составы добровольного мужеложства и прелюбодеяния были характерны для многих государств мира в XIX и начале XX вв. В настоящее же время практически все страны, относящиеся к Западной цивилизации, данные деяния декриминализовали, хотя в странах с преобладанием мусульманской религии они все еще остаются преступными.

В Уголовном кодексе Республики Молдова (ст. 171) [3, с. 406] изнасилование определяется через физическое и психическое принуждение. При изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера преодоление воли жертвы осуществляется путем физического насилия, реальной угрозы немедленно причинить насилие любого объема, вплоть до угрозы убийства, а также использования беспомощного состояния потерпевшей/потерпевшего.

Вопрос о степени оказания жертвой сопротивления остро стоит и в международном законодательстве. Европейский Суд по правам человека в своем решении от 5 октября 2013 г. по делу об иске Т.Р. против Болгарии (заявление № 48383/89), в котором гражданка Болгарии Т.Р. жаловалась на то, что болгарское законодательство и практика его применения не предусматривают эффективной защиты от сексуального насилия, т.к. возбуждаются только те дела, когда жертва активно сопротивляется, указал на то, что степень сопротивления жертвы не может влиять на квалификацию изнасилования [4, с. 12].

Всеми учеными признается, что для состава изнасилования угроза должна быть наличествующей и не направлена в будущее. Этой же позиции придерживается и УК ФРГ, в котором объективная сторона изнасилования включает в себя применение насилия, угрозы примене-

ния наличной опасности для физической целостности или жизни... (§ 177) [5, с. 45].

Возможность потерпевшего устранить грозящую ему опасность путем принятия соответствующих мер (например, вызов полиции) может быть основанием для отклонения предположения наличности опасности. Если опасность все же является наличной, то вышеназванная возможность потерпевшего не имеет значения для наказуемости исполнителя [5]. Статья 130.00 УК штата Нью-Йорк «Сексуальные преступления; определение терминов» предусматривает для насильственного принуждения (*forcible compulsion*) наличие:

- а) использования физической силы;
- б) угроз явных или подразумеваемых, которые моментально вызывают у человека страх за свою жизнь или здоровье.

Предполагается, что мужчина в состоянии оказать женщине сопротивление. Это отражено в УК Японии. Статья 177 признает потерпевшей от изнасилования только женщину, в соответствии со ст. 178 «Преступные деяния, приравниваемые к развратным действиям с применением насилия и к изнасилованию», потерпевшим будет любое лицо, которое не способно оказать сопротивление [6, с. 5]. Не все страны разделяют сексуальные преступления в зависимости от пола потерпевшего или способа совершения полового акта.

Уголовный кодекс Сербии объединяет в одно преступление половое сношение (традиционное) и противоестественные действия сексуального характера, но разделяет их по гендерному признаку (ст. 107 и 110).

Уголовный кодекс Турции (ст. 416) не указывает способы совершения полового акта и не разделяет потерпевших по гендерному признаку: «Лицо, изнасиловавшее с применением силы или угрозы применения силы, достигшее пятнадцатилетнего возраста».

УК Бельгии определяет изнасилование как: «любой акт сексуального проникновения в какой бы форме и каким бы способом он не был произведен, совершенный в отношении лица, не давшего на это согласия» (ст. 375) [7]. Представляется, что разделение потерпевших по половому признаку не соответствует положению Конституции Российской Федерации о равных правах мужчины и женщины (ч. 3. ст. 19) [8]. А разделение по способу совершения полового акта приводит к сомнительной с точки зрения справедливости квалификации.

В соответствии с п. 8 и 9 постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132

Уголовного кодекса Российской Федерации» количество половых актов, совершенных с одной потерпевшей, на квалификацию не влияет [9]. В то же время совершение традиционного полового акта (ст. 131) и нетрадиционного (per anus, per os) повлечет за собой квалификацию по совокупности преступлений [10, с. 10], хотя, как отмечает Т.В. Кондрашова, фактически имеется единое продолжаемое преступление [11, с. 554].

По принципу свободы выбора и степени преодолемости любого вида насилия законодательство ряда зарубежных стран отграничивает изнасилование от сексуального принуждения. Так, например, в § 201 «Изнасилование» УК Австрии состав изнасилования определяется через «угрозу применения тяжкой наличной опасности», а сексуальное принуждение (§ 202) не предусматривает немедленного исполнения угроз [12].

УК Швеции [13] разграничивает изнасилование, принуждение и понуждение. Так, ст. 1 гл. 6 устанавливает ответственность за изнасилование при следующих обстоятельствах: «Лицо, которое путем насилия или угроз, являющихся или представляющихся пострадавшему лицу как непосредственная опасность, принуждает последнего к половому сношению или к занятию схожим с половым действием, которые, учитывая природу насильственных действий и обстоятельства в целом, сравнимы с принудительным вступлением в половую связь, должно быть приговорено за изнасилование» (Закон 1998: 393).

Однако не всегда возможно перечислить в законе все жизненные ситуации, поэтому в ст. 2 указываются иные обстоятельства: «Лицо, которое при иных обстоятельствах, чем перечисленные в ст. 1, путем незаконного принуждения добивается от кого-либо вступления в половую связь, должно быть приговорено за сексуальное принуждение к тюремному заключению» (Закон 1992:147). Как понуждение можно рассмотреть действия, указанные в ст. 3: «Лицо, которое склоняет другое лицо вступить в половую связь путем тяжкого злоупотребления его или ее зависимым положением, должно быть приговорено за сексуальную эксплуатацию к тюремному заключению».

Е.Г. Веселов совершенно справедливо замечает, что «при принуждении образуются своеобразные локальные властеотношения, когда принуждающее лицо получает возможность требовать от другого человека совершения определенных действий...» [14, с. 11].

УК Швейцарии [15] включает в себя состав «Сексуальные действия с зависимыми лицами» (ст. 188), предусматривающий ответственность за совершение сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, с использованием зависимости от воспитателя, от лица, которое заботится о нем, или зависит по работе или иным способом. В то же время потерпевшими по ст. 187 «Сексуальные действия с детьми» выступают дети моложе шестнадцатилетнего возраста, которые не находятся в зависимости от виновного. Потерпевшими по ст. 193 «Использование затруднительного положения» являются лица старше 16 лет и находящиеся в любой зависимости или в затруднительном положении.

Отдельный состав предусмотрен за «побуждение совершить сексуальные действия, используя зависимость лица, находящегося в учреждении, пациента в лечебнице, заключенного, арестованного или обвиняемого» (ст. 192). Законодатель совершенно справедливо обособил указанный контингент с учетом того, что возможность предпринять какие-либо действия для самозащиты у этих людей крайне ограничены.

На подходы к криминализации определенных сексуальных преступлений влияют и юридические традиции. Во большинстве стран мира инцест является преступлением. Однако в Латвии, Литве, Японии, Франции и странах СНГ, кроме Молдовы, было принято решение отказаться от криминализации инцеста.

Существуют два основных подхода, связанных с определением места сексуальных преступлений в системе. Первый, традиционалистский, исходит из того, что первичным является нарушение нравственных норм. Второй предполагает, что сексуальные преступления посягают в первую очередь на личность, ее права и свободы.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу – из-за разного понимания объекта, различного подхода к криминализации сексуальных преступлений, в разных странах мира существуют отличия в формулировках уголовного законодательства, относящихся к регламентации сексуальных преступлений. Тем не менее, общим для большинства государств является квалификация следующих деяний: изнасилование и (или) иные насильственные действия сексуального характера; половое сношение с лицом, не достигшим возраста согласия.

1. Байбарин А.А., Гребеньков А.А. *Половые преступления: учеб. пособие. Курск, 2013.*
 2. Николаев К.Д. *Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности по законодательству зарубежных стран // Современное право. М., 2012. № 9.*
 3. *Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003.*
 4. Каменева А.Н. *Дискуссионные вопросы ответственности за изнасилование по уголовному законодательству Российской Федерации и уголовным законодательствам зарубежных государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.*
 5. *Уголовное Уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практический комментарий. М., 2010.*
 6. *Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002.*
 7. *Уголовный кодекс Бельгии. СПб., 2004.*
 8. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральными Конституционными Законами от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газ. 2009. 21 янв.*
 9. *О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. 2004. 29 апр.*
 10. Андреева Л.А., Цэнгэл С.Д. *Квалификация изнасилований. СПб., 2004.*
 11. *Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.*
 12. *Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004.*
 13. *Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001.*
 14. Веселов Е.Г. *Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.*
 15. *Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002.*
1. Baybarin A.A., Grebenkov A.A. *Sexual crimes: study manual. Kursk, 2013.*
 2. Nikolaev K.D. *Criminal legal protection of sexual inviolability by the legislation of foreign countries // Modern law. Moscow, 2012. № 9.*
 3. *Criminal code of the Republic of Moldova. St. Petersburg, 2003.*
 4. Kameneva A.N. *Debatable questions of responsibility for rape by the criminal legislation of the Russian Federation and criminal legislations of the foreign states: autoref. abstr. Master of Law. Moscow, 2009.*
 5. *Criminal code (Criminal code) of the Federative Republic of Germany: text and sci. and pract. comment. Moscow, 2010.*
 6. *Criminal code of Japan. St. Petersburg, 2002.*
 7. *Criminal code of Belgium. St. Petersburg, 2004.*
 8. *The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote of Dec. 12, 1993) (taking into account the amendments made by Federal Constitutional Laws of Dec. 30, 2008 № 6-FCL, of Dec. 30, 2008. № 7-FCL) // Rus. newsp. 2009. Jan. 21.*
 9. *About jurisprudence on cases of the crimes provided by articles 131 and 132 of the Criminal code of the Russian Federation: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2004 № 11 // Rus. newsp. 2004. Apr. 29.*
 10. Andreyeva L.A., Tsengel S.D. *Qualification of rapes. St. Petersburg, 2004.*
 11. *Full course of criminal law: in 5 vol. / ed. by Al. Korobeev. St. Petersburg, 2008.*
 12. *Criminal code of Austria. St. Petersburg, 2004.*
 13. *Criminal code of Sweden. St. Petersburg, 2001.*
 14. Veselov E.G. *Physical or mental coercion as the circumstance excluding crime of act: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2002.*
 15. *Criminal code of Switzerland. St. Petersburg, 2002.*

Дудченко Анна Владимировна
аспирант кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: +78612215917)

Особенности гражданско-правовой ответственности по договору перевозки грузов и пассажиров

В статье рассмотрены особенности гражданско-правовой ответственности сторон по договору перевозки грузов и пассажиров. Отмечается, что перевозка грузов и пассажиров связана с деятельностью, сопряженной с большим количеством рисков. С этим связан пониженный по сравнению с другими обязательствами объем ответственности перевозчика. Особенностью ответственности перевозчика является то, что она в большей мере регулируется специализированным законодательством, а не нормами ГК РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, договор перевозки грузов, договор перевозки пассажиров, транспортный устав, предпринимательская деятельность, защита прав потребителей, ответственность перевозчика.

A.V. Dudchenko, Post-graduate of the Chair of Civil of the Kuban State Agrarian University; tel.: +78612215917.

Features of civil liability under the contract of carriage of goods and passengers

This article describes the features of civil liability of the parties to the contract of carriage of goods and passengers. It is noted that the carriage of goods and passengers is related to the activities involving a large number of risks. Related to this is reduced in comparison with the other obligations the extent of liability of the carrier. A feature of the carrier's liability is that it is increasingly governed by specialized legislation, and not the rules of the Civil code of the Russian Federation.

Key words: civil liability for the carriage of goods, the carriage of passengers, the transport regulations, entrepreneurship, consumer protection, liability of the carrier.

Перевозка пассажиров и багажа в настоящее время представляет собой договорное правоотношение. Договору перевозки посвящены нормы главы 40 ГК РФ. В отличие от других договорных обязательств, глава 40 ГК РФ носит общий характер, поскольку регулирование перевозки имеет специфику в зависимости от транспорта, которым она осуществляется. Так, согласно п. 2 ст. 784 ГК РФ, общие условия перевозки определяются транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами.

Условия перевозки грузов, пассажиров и багажа отдельными видами транспорта, а также ответственность сторон по этим перевозкам определяются соглашением сторон, если настоящим Кодексом, транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами не установлено иное.

Абзац 2 п. 2 ст. 784 ГК РФ специально упоминает об ответственности по договору перевозки. Специфика прослеживается уже отсюда

и состоит она в том, что нормы права об ответственности носят императивный характер.

Конечно, с точки зрения консолидации гражданско-правовых норм это не является логичным, однако всю доктринальную нелогичность отраслевой чистоты компенсирует удобство правоприменения и единая законодательная цель урегулировать не отдельные отношения перевозки гражданско-правовым институтом, а сферу деятельности в целом: перевозку железнодорожным транспортом, автомобильным транспортом, водным или воздушным транспортом. Специфичность регулирования договора перевозки ГК РФ отличается и тем, что к перевозке в настоящее время применен метод именно гражданско-правового регулирования.

Перевозка грузов и пассажиров всегда относилась законодательством к деятельности, сопряженной с большим количеством рисков. Характер деятельности предопределял прежде всего пониженный по сравнению с другими обязательствами объем ответственности перевозчика.

В развитие положений абз. 1 п. 2 ст. 784 ГК РФ, в РФ в настоящее время действуют следующие акты, имеющие статус федерального закона: Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [1]; Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации [2]; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [3]; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации [4]; Воздушный кодекс Российской Федерации [5].

Основным договором является договор перевозки грузов, который сконструирован как реальный договор. В связи с этим его заключение подтверждается транспортными накладными, коносаментом, товарно-транспортной накладной, актом взвешивания в зависимости от вида транспорта. Составление документов является подтверждением заключения договора перевозки груза. Это предопределяет специфику правового регулирования ответственности по договору перевозки. Ответственность, ее виды и меры регулируются императивными нормами законодательства.

Все остальные разновидности договоров перевозки грузов сконструированы как консенсуальные. Сюда относятся договоры фрахтования (ст. 787 ГК РФ), договор организации перевозок грузов (ст. 788 ГК РФ). Договор перевозки пассажира также сконструирован как консенсуальный (ст. 786 ГК РФ).

Ответственность по договорам перевозки соответственно регулируется нормами ГК РФ, а также нормами транспортных уставов и кодексов, которые носят специальный характер (п. 1 ст. 793 ГК РФ).

Несмотря на то, что в ГК РФ не указывается прямо на то, что перевозчиком может быть только предприниматель, п. 2 ст. 793 ГК РФ регулирует ответственность, предполагая, что перевозчик является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

Дело в том, что исторически сложилось на уровне закона или обычаев делового оборота повышенные требования к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Перевозчик, относясь к таким лицам, в силу п. 2 ст. 793 должен нести ответственность выше, чем это предусмотрено общими правилами ГК РФ. Однако в силу особого рискованного характера перевозки пониженная ответственность перевозчика может быть предусмотрена транспортными уставами и кодексами.

Особый экономический характер перевозки и в дореволюционном праве предполагал установление ответственности перевозчика в законе, которая не могла быть устранена соглашением сторон. Так при железнодорожной перевозке грузом предусматривался ограниченный перечень оснований освобождения от ответственности железной дороги [6, с. 178].

С другой стороны, особо опасный стихийный характер морских перевозок, а также постоянное столкновение с обстоятельствами непреодолимой силы и в настоящее время устанавливают некоторые возможности ограничения ответственности перевозчика. В настоящее время соглашение об ограничении ответственности перевозчика по договору морской перевозки пассажира ничтожно (ст. 195 КТМ РФ).

Ст. 175 КТМ допускает установление пониженной ответственности только в определенные периоды владения грузом перевозчиком. Пункты 1 и 2 ст. 175 КТМ РФ предполагают полное освобождение от ответственности перевозчика при разгрузке товара. Пункт 2 ст. 175 КТМ лишь в том случае допускают освобождение от ответственности, если характер груза оправдывает заключение такого рода соглашений и если заключение договора перевозки не требовало выдачи товарораспорядительной ценной бумаги – коносамента. Таким образом, само наличие коносамента уже подтверждает невозможность снижения или освобождения от ответственности морского перевозчика.

На железной дороге вообще не предусмотрено снижение ответственности перевозчика. Статья 114 УЖТ прямо указывает на ничтожность и отсутствие правовой силы за соглашениями, ограничивающими ответственность перевозчика. Такие же правила действуют и при перевозке внутренним водным транспортом (ст. 122 КВВТ). Ст. 123 Воздушного Кодекса РФ говорит лишь о возможности повышения ответственности перевозчика. Статьи, предусматривающей снижение ответственности соглашением не предусмотрено. Аналогичное правило о ничтожности соглашений содержится и в ст. 37 УАТ (Уставе автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта).

Основания ответственности по договору перевозки пассажира исчерпываются ст. 795 ГК РФ. Между тем услуга по перевозке пассажира должна обладать определенным уровнем качества. Из ГК РФ это прямо не следует. Между тем, на наш взгляд, услуга перевозки не может

исчерпываться только доставкой пассажира из точки «А» в точку «Б». К этому следует добавить обязанности по обеспечению безопасности перевозки, а также по предоставлению

дополнительных услуг и удобств пассажиру [7, с. 35–37]. Однако эти правила не сформулированы в ГК РФ как гражданско-правовые обязанности перед пассажиром.

1. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 259-ФЗ (в ред. от 3 февр. 2014 г., с изм. от 1 дек. 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.

2. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 10 янв. 2003 г. № 18-ФЗ (в ред. от 3 февр. 2014 г. с изм. от 1 дек. 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федер. закон от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2014 г.) // Рос. газ. 1999. № 85–86.

4. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: федер. закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в ред. от 4 нояб. 2014 г., с изм. от 1 дек. 2014 г.) // Парламентская газ. 2001. 12 марта.

5. Воздушный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 14 окт. 2014 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 19 янв. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

6. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права: 9-е изд., второе посмертное). М., 1919.

7. Стребкова О.С. К вопросу о правовом статусе перевозчика по договору перевозки пассажиров автомобильным транспортом // Юридический мир. 2011. № 8.

1. Statute of road transport and urban land-electric vehicles: feder. law of Nov. 8, 2007 № 259-FL (in ed. of Feb. 3, 2014, with changes of Dec. 1, 2014) // Coll. of legislation of Russian Federation. 2007. № 46. Art. 5555.

2. Charter of railway transport of the Russian Federation: fed. law of Jan. 10, 2003. № 18-FL (in ed. of Feb. 3, 2014. with changes of Dec. 1, 2014) // Coll. of legislation of Russian Federation. 2003. № 2. Art. 170.

3. Merchant shipping code of the Russian Federation: fed. law of Apr.30, 1999 № 81-FL (in ed. fn Dec. 31, 2014) // Rus. newsp. 1999. № 85–86.

4. Code of inland water transport of the Russian Federation: fed. law of March 7, 2001 № 24-FL (in ed. of Nov. 4, 2014, with changes of Dec.1, 2014) // Parliamentary newsp. 2001. March 12.

5. Air code of the Russian Federation: fed. law of March 19, 1997 № 60-FL (in ed. of Oct 14, 2014, with changes and ext., enter. into force of Jan. 19, 2015) // Coll. f legislation of Russian Federation. 1997. № 12. Art. 1383.

6. Shershenevich G.F. Business law textbook: 9th ed., the second post-mortem). Moscow, 1919.

7. Strebkova O.S. On the question of the legal status of the carrier under a contract of carriage of passengers by road // Legal world. 2011. № 8.

Брылев Виктор Иванович

доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: vibrilev@mail.ru)

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
Карновича Сергея Анатольевича на тему «Совершенствование методики
расследования незаконной перевозки наркотических средств
и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических
наук по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная
деятельность; оперативно-розыскная деятельность**

V.I. Brylev, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vibrilev@mail.ru

Response of the official opponent on the thesis of Karnovich Sergey Anatolyevich on the subject «Improvement of a technique of investigation of illegal transportation of drugs and psychotropic substances with railway and air transport» presented on competition of an academic degree of the Master of Law in the specialty 12.00.12 – criminalistics; judicial and expert activity; operational search activity

Актуальность темы диссертационного исследования сомнений не вызывает. Как показывает практика, в последние годы уровень незаконного оборота наркотиков продолжает оставаться высоким. Автор диссертации правильно подчеркивает, что незаконный оборот наркотиков является серьезным фактором ухудшения демографической ситуации и ударом по генофонду нации (с. 4). Доля наркотиков, поступающих из других государств, составляет значительную часть от их общего незаконного оборота на территории России. Контрабанда наркотических средств совершается организованными преступными группами либо преступными сообществами, что представляет повышенную общественную опасность. В ходе расследования преступники оказывают активное и упорное противодействие расследованию.

Одной из задач криминалистики и оперативно-розыскной деятельности является разработка рекомендаций по совершенствованию методики расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом. Поскольку в настоящее время мало работ, посвященных системному подходу в решении такого рода задач, считаем, что комплексная разработка конкретных рекомендаций по совершенствованию расследования исследуемых преступлений весьма своевременна.

Актуальность представленного диссертационного исследования неразрывно связана

с его новизной. Диссертация представляет собой монографическое исследование, имеющее теоретическое и прикладное значение.

Новизна и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций определяются тем, что автором рассмотрены существующие проблемы, определена эффективность применяемых криминалистических средств, методов и приемов раскрытия и расследования преступлений, а также выявлены неиспользуемые резервы, применение которых может положительно отразиться на эффективности противодействия рассматриваемой категории преступлений. Кроме того, автором подготовлены научно-методические рекомендации по тактическим возможностям решения отдельных задач расследования.

Не только новизной, но и определенной практической значимостью обладают разработанные автором алгоритм проведения проверки в стадии возбуждения уголовного дела по факту незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом и алгоритм действий по преодолению противодействия расследованию исследуемых преступлений.

Диссертантом использована современная методология исследования. Необходимая степень обоснованности обеспечивается избранной методологией и методикой исследования с комплексным применением общенаучных и частнонаучных методов. Автором верно определены объект и предмет исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сделанные в работе выводы и предложения могут использоваться в дальнейших научных исследованиях по проблемам, связанным с совершенствованием методики расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения положений и выводов, содержащихся в диссертации, в законодательном процессе при разработке норм, направленных на оптимизацию методического обеспечения расследования незаконного оборота наркотических средств; в системе повышения квалификации практических работников; в подготовке методических рекомендаций, в учебном процессе юридических вузов, в преподавании криминалистики и спецкурсов по методике расследования наркобизнеса.

Эмпирическая база диссертационного исследования в достаточной мере репрезентативна, т.к. основана на статистических данных, а также следственной и судебной практике 120 уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Особое значение для оценки сделанных выводов представляет использование в работе результатов анкетирования 150 сотрудников правоохранительных органов по специально разработанному анкетам.

Анализ диссертации дает основание сделать общий вывод о том, что положения, вынесенные на защиту, нашли полное обоснование в процессе исследования и адекватно отражают содержание работы.

Работа прошла должную апробацию. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в опубликованных соискателем 16 научных статьях. Они обсуждались на международных и региональных научных конференциях. Материалы диссертации используются в учебном процессе Восточно-Сибирского института МВД России, Казанского юридического института МВД России, Дальневосточного юридического института МВД России, Тюменского института повышения квалификации сотрудников ОВД, Иркутского государственного университета, Российского государственного университета правосудия.

Структура работы отражает цели и задачи диссертационного исследования. Результаты анализа работы подтверждают личный вклад соискателя в разработку диссертационной проблемы.

В первой главе «Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконной перевозкой наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и

воздушным транспортом» рассматриваются понятие, структурные элементы криминалистической характеристики, обстановка совершения преступлений (с. 14–28). Отдельный параграф посвящен исследованию способов совершения и сокрытия перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом (с. 28–38). Исследуются особенности и иных важных элементов криминалистической характеристики: личность преступников, время, место и т.п. (с. 38–56).

В работе прослеживается связь исследования с результатами других диссертаций последних лет по близким темам. Широкое использование автором метода сравнения как одного из основных общенаучных методов познания, особенно важно для развития науки криминалистики. Автор справедливо отмечает, что учет данных находящихся в системном соотношении элементов криминалистической характеристики позволяет более продуктивно разработать типичные следственные версии с целью повышения эффективности расследования преступления.

Во второй главе «Организационно-тактические особенности расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом» автор исследует особенности возбуждения уголовных дел (с. 57–81) и формирование исходных следственных ситуаций (с. 81–100). Рассматриваются проблемные вопросы взаимодействия следственных аппаратов и оперативных подразделений в раскрытии и расследовании исследуемых преступлений (с. 100–113). Автором предложен алгоритм проведения проверки в стадии возбуждения уголовного дела по факту незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом. Заслуживает внимания авторская позиция по поводу классификации следственных ситуаций при расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности, основанная на имеющихся источниках, из которых можно получить информацию о произошедшем событии и его участниках.

В третьей главе «Тактические особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом» диссертант исследует особенности проведения различных видов осмотров (с. 114–129), тактические особенности проведения допроса (с. 129–147), а также вопросы использования специальных знаний при расследовании указанных преступлений (с. 147–185). В рамках

данной главы делаются конкретные предложения по совершенствованию тактики проведения отдельных следственных действий.

В заключении автором сформулированы выводы и рекомендации по совершенствованию методики расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом.

Содержание автореферата соответствует основным идеям и выводам диссертации.

Наряду с отмеченными положительными моментами, в работе усматриваются спорные моменты, послужившие основой для следующих замечаний:

1. Автор справедливо соглашается с Р.С. Белкиным, что практическое значение комплексов элементов криминалистической характеристики приобретает лишь в тех случаях, когда между его составляющими установлены корреляционные связи (с. 18). В п. 3 положения, выносимого на защиту, сказано, что «раскрыты соотношение и взаимосвязи между указанными элементами» криминалистической характеристики (с. 10). Однако в работе не совсем ясно отмечено, между какими элементами криминалистической характеристики установлены взаимосвязи.

2. Автор пишет, что наиболее распространенным местом совершения преступлений анализируемой категории является пассажирский вагон – 76,7%, товарный вагон – 5,2%; самолет – 4,6%; иные – 1,3% (с. 22–23). Делается вывод, что типичные места совершения указанных преступлений оказались в неотъемлемой связи со средствами транспорта. Представляется, что вагон или самолет является способом перевозки наркотиков, а местом сокрытия перевозимого наркотика будет являться, например, конкретный тайник в купе проводника, знание о котором будет иметь практическое значение для его обнаружения. Кроме того, в работе приводятся типичные способы перевозки наркотиков с использованием тайников, в частности, в ручной клади пассажиров – 29%, в тайниках одежды – 10% (с. 38). Однако не раскрывается, на каком виде транспорта они используются – на железнодорожном или воздушном и в каком соотношении.

3. В отдельном параграфе диссертации следовало выделить структурно классические для криминалистики вопросы планирования расследования. Для разработки частной методики расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом это следовало бы сделать, чтобы показать особенности планирования по таким делам. А такие

особенности, несомненно, есть – это видно из самого текста работы.

4. Описывая типичные следственные ситуации, складывающиеся при расследовании незаконной перевозки наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ, а также растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в качестве одной из таковых автор выделяет ситуацию (с. 92), когда имеется информация о тайниках с наркотиками в вагоне, но лицо не задержано и канал поступления наркотиков не установлен. Не совсем понятно, что имеется в виду под информацией о тайнике в вагоне – сведения из какого-либо источника о том, что он (тайник с наркотиками) имеется, либо факт обнаружения и вскрытия тайника, содержащего контрабандно перевозимые наркотические средства и психотропные вещества.

5. Автор отмечает, что им изучено 120 уголовных дел и проанкетировано 150 сотрудников правоохранительных органов (с. 8–9). Возникает вопрос, как соотносятся результаты изучения уголовных дел с полученными сведениями при анкетировании такой категории практических работников, как следователи, дознаватели, оперативные сотрудники органов внутренних дел и ФСКН, осуществляющих раскрытие и расследований исследуемой категории преступлений.

Указанные замечания носят частный, дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что представленная С.А. Карновичем диссертация на тему «Совершенствование методики расследования незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом» представляет собой законченную научно-квалификационную работу, содержащую решение теоретических и практических проблем, имеющих существенное значение для развития науки криминалистики, носит самостоятельный творческий характер и соответствует требованиям, предъявляемым пп. 7, 8 Положения о порядке присуждения ученых степеней к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук.

Диссертация соответствует научной специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, а ее автор – Карнович Сергей Анатольевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт); публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Общество и право», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Общество и право» и вышеперечисленными условиями.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия, инициалы автора;
- 2) название источника;
- 3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) год издания;
- 6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);
- 7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

КНИГИ

Иванов И.И. Синтаксис. М., 1990.

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, СБОРНИКЕ, ГАЗЕТЕ

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 28.08.2015
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40
Тираж 1050 экз. Заказ 328
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249